И. Д. Ковальченко

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

«НАУКА»

К 80-летию
академика
И.Д. Ковальченко

И.Д. Ковальченко

УДК 930.2
ББК 63
К56

Рецензенты:
В.П. АЛЕКСЕЕВ, Л.В. МИЛОВ

Ковальченко И.Д.

Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко; Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. – 486 с.: ил. – ISBN 5-02-008893-5 (в пер.).

Выдающийся ученый академик И.Д. Ковальченко впервые в отечественной исторической литературе в систематизированном виде рассматривает основные методологические проблемы и методы исторического исследования, на высоком профессиональном уровне раскрывает проблемы методологии истории, характеризует особенности объекта исторического познания, проблемы исторического источника и исторического факта. В книге также освещены методологические вопросы применения количественных методов в исторических исследованиях.

Для историков, политологов, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

По сети “Академкнига”

ISBN 5-02-008893-5

© Российская академия наук, 2003
© Издательство “Наука”, художественное оформление, 2003

ОБ АВТОРЕ И КНИГЕ

Действительный член Российской академии наук, заслуженный профессор Московского государственного университета Иван Дмитриевич Ковальченко родился 26 ноября 1923 г. на хуторе Новенький, под Стародубом, на Брянщине. Вся его жизнь отмерялась вехами истории Родины. Доблестный воин, прошедший дорогами Второй мировой войны пол-Европы, он стал в послевоенное время крупным ученым, автором фундаментальных трудов по отечественной истории и методологии исторического познания, воспитателем целой плеяды молодых исследователей, незаурядным организатором исторической науки в нашей стране.

Окончив в 1940 г. московскую семилетку, И.Д. Ковальченко решил продолжить учебу в одной из только что созданных артиллерийских спецшкол. 22 июня 1941 г. его школьная жизнь закончилась. После кратковременной подготовки в Рязанском военном училище И.Д. Ковальченко с ноября 1941 г. и до конца войны находился на фронте: воевал под Москвой, Будапештом, Веной, окончил войну в Чехословакии. Был тяжело ранен. Родина оценила ратный подвиг гвардии сержанта, десантника-артиллериста И.Д. Ковальченко боевыми наградами: орденом Красного Знамени, медалями "За отвагу", "За боевые заслуги", "За взятие Вены", "За победу над Германией".

"Историком меня сделала война", – часто повторял Иван Дмитриевич. Его, совсем молодого человека, война заставила задуматься над смыслом жизни, смыслом истории человечества, над судьбами своего народа и страны. В 1947 г. И.Д. Ковальченко поступил на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Годы студенчества – это пять лет напряженной работы в аудиториях, библиотеках, архивах. После успешной защиты дипломного сочинения по теме "Основные направления общественно-научной мысли России в решении крестьянского вопроса в конце XVIII – начале XIX в." последовали еще три года учебы в аспирантуре, завершившиеся в 1955 г. защитой кандидатской диссертации "Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в.". Приобретенные в студенческие и аспирантские годы знания и опыт создали фундамент для успешной исследовательской и педагогической деятельности в дальнейшем.

С 1955 г. началась преподавательская деятельность И.Д. Ковальченко на историческом факультете МГУ, раскрывшая его как талантливого лектора и чуткого воспитателя, принесшая уважение и любовь к нему множества учеников. После защиты в 1966 г. докторской диссертации "Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в." он до своей кончины 13 ноября 1995 г. оставался профессором Московского университета.

Творческое наследие И.Д. Ковальченко представлено шестью монографиями, три из которых написаны в соавторстве с коллегами и учениками, несколькими сотнями статей, обзоров, рецензий, докладов на научных международных, всесоюзных, региональных конференциях, симпозиумах, коллоквиумах. Он являлся инициатором, руководителем и непосредственным участником написания многих коллективных трудов, вел большую редакторскую работу[1].

Проблематика трудов ученого, основные его научные интересы концентрировались на изучении экономической истории России XIX – начала XX в., истории общественной мысли, разработке проблем источниковедения, историографии, методов исторического исследования.

В процессе работы над темой докторской диссертации И.Д. Ковальченко одним из первых среди отечественных историков использовал ЭВМ для обработки собранного им огромного материала источников. Позднее, анализируя опыт применения математико-статистических методов в исторических исследованиях в СССР, он писал: "…не случаен тот факт, что первые попытки применения советскими историками математических методов и электронно-вычислительных машин имели место именно в исследованиях по аграрной истории. Он обусловлен тем, что историки-аграрники в силу особой сложности процессов социально-экономического развития деревни и большого разнообразия используемых источников наиболее остро почувствовали ограниченность традиционных методов, применяемых в исторических исследованиях. Это вынудило их несколько раньше, чем представителей других областей исторической науки, встать на путь поисков более совершенных приемов обработки и анализа конкретно-исторических данных"[2]. Исследование И.Д. Ковальченко, новаторское по замыслу, чрезвычайно трудоемкое, ювелирное по мастерству

---

[1] Многогранная научная и педагогическая деятельность И.Д. Ковальченко наиболее полно на сегодняшний день отражена в следующих изданиях: Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2–3 декабря 1996 г. / Отв. ред. С.П. Карпов. М., 1997; Иван Дмитриевич Ковальченко. К 75-летию со дня рождения / Под ред. А.Г. Голикова. М., 1998; Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 30 ноября – 1 декабря 1998 г. / Отв. ред. С.П. Карпов. М., 2000.

[2] *Ковальченко И.Д.* О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 116.

выполнения, внесло существенный вклад в осмысление учеными процесса перерождения крепостничества, приведшего в конечном итоге к отмене крепостного права в России. За монографию "Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в." (М., 1967) автор был удостоен премии имени академика Б.Д. Грекова.

Обращение к математическим методам потребовало осмысления методического инструментария историка-исследователя, его совершенствования и обогащения. А это, в свою очередь, вызвало необходимость разработки теоретических вопросов исторического познания. В 1966 г. И.Д. Ковальченко был избран заведующим кафедрой источниковедения истории СССР (с 1992 г. – кафедра источниковедения отечественной истории) и оставался на этом посту без малого три десятилетия. Под его руководством кафедра превратилась в экспериментальный научно-методический центр союзного масштаба, игравший ведущую роль в разработке проблем источниковедения, историографии и методов исторического исследования.

Со второй половины 1960-х годов начинают резко возрастать объемы научно-организаторской деятельности И.Д. Ковальченко. С 1969 по 1988 г. он возглавлял журнал "История СССР", активно участвовал в организации и деятельности Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Он основал Комиссию по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории Академии наук СССР и бессменно руководил ее работой, а после смерти академика М.В. Нечкиной сменил ее на посту председателя Научного совета по историографии и источниковедению при Отделении истории. В 1978–1990 гг. Иван Дмитриевич являлся членом Исполнительного комитета Международной ассоциации экономической истории, с 1982 г. – сопредседателем Международной комиссии по квантитативной истории. В 1972 г. его избрали членом-корреспондентом, а в 1987 г. действительным членом Академии наук СССР. С 1988 г. он – академик-секретарь Отделения истории и член Президиума Академии. Многие годы сотрудничавший с ним американский профессор Д. Филд подметил: "За рубежом историк не может мечтать о власти такого масштаба над судьбою учреждений, исследовательских направлений и отдельных историков. Только во Франции, быть может, имелась такая централизация науки, какая была в СССР. В 1960–1970 гг. Фернан Бродель обладал влиянием, подобным тому, что имел Иван Дмитриевич в 1970–1980-х годах… Иван Дмитриевич, думается, не пользовался властью, используя свои научные должности, а наоборот: он входил в эти должности благодаря своим личным качествам – и политическому, и житейскому такту, неутомимой работоспособности и целеустремленности"[3].

---

[3] Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко… С. 24–25.

Заботясь о становлении и развитии новых специальных исторических дисциплин, возникновение которых стало необходимо и возможно в результате научно-технической революции второй половины XX в., И.Д. Ковальченко подготовил – сначала для студентов кафедры источниковедения, а затем для всех студентов-историков МГУ – новый лекционный курс "Количественные методы в исторических исследованиях". Лекционный материал студенты закрепляли на практических занятиях. Он пригласил для работы на кафедре группу математиков, участие которых в учебной и научной работе позволило корректно применять комплекс методов математико-статистического анализа для решения определенных задач исторических исследований.

Наиболее фундаментальные научные конкретно-исторические результаты, полученные самим Иваном Дмитриевичем, изложены в трех монографиях, подготовленных им совместно с коллегами и учениками и опубликованных в 1970–1980-е годы: "Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX века. Опыт количественного анализа" (М., 1974. Совместно с Л.В. Миловым); "Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения" (М., 1982. Совместно с Н.Б. Селунской и Б.М. Литваковым); "Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы исследования" (М., 1988. Совместно с Т.Л. Моисеенко и Н.Б. Селунской). Итогом более чем десятилетней работы кафедры источниковедения стала осуществленная под редакцией И.Д. Ковальченко в 1979 г. публикация 2-томной коллективной монографии "Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма" (Т. 1) и "Массовые источники по социально-экономической истории советского общества" (Т. 2). В этом издании обобщены результаты двадцати кандидатских диссертаций, подготовленных в МГУ и Институте истории СССР Академии наук. Основную часть коллектива авторов составили сотрудники и выпускники кафедры.

Ядро источниковой базы указанных исследований образуют комплексы массовых исторических источников – особого класса носителей социальной информации о прошлом. Открытие его – заслуга И.Д. Ковальченко. К идее выделения класса массовых исторических источников он пришел, изучая проблемы аграрной истории России первой половины XIX в. Многочисленные сохранившиеся свидетельства прошлого, содержащие фрагментарные сведения о помещичьих и крестьянских хозяйствах, только в небольшой их части могли быть изучены традиционными для историков описательными методами. Результаты осуществленных по разным программам локальных исследований по этой актуальной для отечественной историографии проблеме оказывались мало сопоставимыми и, вследствие этого, в значительной степени обесценивались.

Иван Дмитриевич рассуждал следующим образом: "Поскольку сведения любых исторических источников являются отражением фактов исторической действительности, то очевидно, что выделять среди них категорию массовых исторических источников следует исходя из характера тех явлений действительности, которые они отражают". Если принять, что вся многообразная совокупность явлений общественной жизни может быть сведена к двум категориям таких явлений – массовым и индивидуальным, то первые могут быть определены как "совокупность исторических феноменов (объектов), с одной стороны, обладающих *одинаковыми* свойствами, а с другой – характеризующихся *различной мерой* этих свойств. Совокупности таких объектов составляют в большей или меньшей степени сложные *системы* с присущими им структурами, подверженными непрерывным колебаниям и изменениям. Поэтому совокупный результат функционирования подобных систем является *объективно закономерным*". Значит, "*массовыми* являются источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные *системы* с соответствующими *структурами*". Для извлечения, обработки и анализа информации таких исторических источников возможно, подчеркивал И.Д. Ковальченко, "применение разнообразных, в том числе и самых совершенных количественных и машинных методов"[4].

По своему происхождению массовыми являются статистические источники, так как их создание предполагает собирание по определенной программе систематических сведений и данных о массовых объектах. Другие категории исторических источников также фиксируют подобную информацию, но в скрытой, явно не выраженной форме. Однако качественно однотипные, массовые по сути, сведения и данные могут быть специально выявлены в них историком, который, исходя из своей исследовательской задачи, создает источниковую базу, обладающую свойствами массового источника.

Теоретическое обоснование понятия "массовый источник" И.Д. Ковальченко дал с позиций учения об информации. Он исходил из того, что информационные процессы являются неотъемлемой частью общественной жизни. При передаче социальной информации в любом сообщении содержится информация двух типов: потенциальная (скрытая) и актуальная (выраженная). Первая не используется субъектом, так как он не подозревает о существовании такой информации или не располагает достаточными научными и техническими средствами для того, чтобы ее извлечь. Вторая – очевидна субъекту, извлекается осознанно и поэтому может быть использована им. Для субъекта соотношение потенциальной и актуальной информации об

---

[4] *Ковальченко И.Д.* Задачи изучения массовых исторических источников // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 5, 6, 9.

объекте непостоянно. Но в целом в общем объеме информации, получаемой субъектом, всегда содержится намного больше скрытой информации, чем выраженной. Причина этого заключается в том, что скрытая информация опосредованно отражает объект через многообразные взаимосвязи присущих ему черт и свойств. Количество таких взаимосвязей заведомо превышает количество характеризующих объект признаков, очевидных субъекту. Хотя скрытую информацию, наряду с выраженной, содержат все исторические источники, наибольший ее объем зафиксирован в массовых источниках и аналогичных им по сути сформированных исследователями массивах количественно однотипных сведений и данных.

И.Д. Ковальченко было свойственно пристальное внимание к теоретико-методологическим проблемам исторической науки и инструментарию исторических исследований. Как свидетельствуют материалы личного архива ученого, эта особенность обнаруживается уже в сочинениях студента Ивана Ковальченко. Так, при написании дипломной работы он стремился оценить работы своих предшественников через призму их теоретических и методологических подходов к рассматриваемой проблеме. Эту же черту подчеркивали рецензенты его научных трудов. Как преподаватель Иван Дмитриевич стремился привить интерес к теоретико-методологическим проблемам и своим ученикам.

Поколения студентов-историков воспитывались на лекциях И.Д. Ковальченко по историографии отечественной истории. Созданный им курс не имел равных среди преподававшихся в МГУ курсов специальных исторических дисциплин – по масштабности постановки задач, последовательности их реализации, по насыщенности материалом и уровню его обобщения. “При изучении историографии, – говорил он на лекциях, – особенно важно выявить те изменения, которые имели место в методологии исторического исследования. Во-первых, потому, что методология определяет характер исторических воззрений и концепций, во-вторых, потому, что от нее зависит во многом успех и в накоплении фактического материала, и в совершенствовании методики его использования, и в расширении исторической проблематики”.

Понимая значимость овладения вопросами методологии для подготовки профессиональных историков, Иван Дмитриевич предложил, разработал и на протяжении двух десятилетий – с 1975 по 1994 г. – ежегодно читал курс “Методологические проблемы исторических исследований”. Он знакомил начинающих исследователей с тем, как историки, в том числе занимавшие различные теоретико-методологические позиции, ставили и решали ключевые вопросы научного познания прошлого: об объекте исторической науки и его специфике; о соотношении объективного и субъективного в историческом развитии и в историческом исследовании; об историческом источнике и историческом факте, о методах, структуре, уровнях получения нового знания о прошлом и о необходимости и путях

проверки истинности этого знания. Университетский профессор и крупный организатор науки, он чутко улавливал изменения места и значения определенных методологических проблем в исследовательской практике историков. Например, во второй половине 1980-х годов И.Д. Ковальченко значительное внимание уделил в курсе проблеме альтернативности в историческом развитии и историческом познании; в начале 1990-х годов на его лекциях студенты имели возможность познакомиться с размышлениями ученого о соотношении формационного и цивилизационного подходов при решении задач многомерной сущностной типологии и периодизации развития человечества. В настоящее время заложенные им традиции преподавания курса "Методологические проблемы исторических исследований" продолжают на историческом факультете МГУ его ученики.

Обладая даром перспективного мышления, И.Д. Ковальченко умел научные идеи доводить до стадии практического воплощения. Как руководитель кафедры он инициировал перестройку преподавания курса источниковедения в МГУ. В 1973 г. под его руководством был создан учебник, в котором впервые в одной книге дан обзор основных письменных источников по отечественной истории с древнейших времен до наших дней и охарактеризованы важнейшие методы их научной критики и анализа. В 1981 г. под его редакцией выпущено второе, существенно переработанное издание этого учебника. Во вводном его разделе Иван Дмитриевич изложил основные положения современного учения об информации применительно к проблемам источниковедения. За год до этого издательством Московского университета была опубликована под грифом Министерства высшего и среднего специального образования СССР подготовленная на кафедре источниковедения исторического факультета МГУ программа учебного курса "Источниковедение истории СССР" для государственных университетов. Программа предусматривала необходимость рассмотрения проблемы исторического источника "в свете учения об информации".

Итоги многолетней разработки теоретико-методологической и конкретно-исторической проблематики И.Д. Ковальченко подвел в монографии "Методы исторического исследования". Опубликованная в 1987 г. издательством "Наука" под грифом Отделения истории и отмеченная Государственной премией СССР за 1989 г., книга получила заслуженно высокую оценку в научной исторической перио-

---

[5] См. рецензии и статьи: *Барг М.А.* [Рец.] // Вопросы истории. 1987. № 4. С. 107–110; *Мальков В.Л.* [Рец.] // Новая и новейшая история. 1988. № 3. С. 193–195; *Кахк Ю.* О некоторых проблемах методологии исторических исследований и о поисках "основного двигателя" исторического процесса (размышления в связи с прочтением монографии акад. И.Д. Ковальченко) // Известия АН Эстонии. Общественные науки. 1990. Т. 39. № 3. С. 307–321; *Моисеенко Т.Л.* [Рец.] // История СССР. 1990. № 6. С. 169–171; *Смоленский Н.И.* [Рец.] // История СССР. 1990. № 6. С. 167–169; и др.

дике[5]. С ее выходом стало очевидным, как много сделал Иван Дмитриевич в этом направлении. В монографии систематизированы и обобщены результаты разработки методологических проблем научного познания применительно к исследовательской практике историков. В ней рассмотрены принципы, пути и методы, на которых основываются исторические исследования независимо от их конкретной проблематики. Автору удалось раскрыть богатейший арсенал приемов, позволяющих историку преодолевать трудности восхождения к научной истине. Книга востребована учеными и успешно выполняет функцию учебного пособия для студентов-историков.

Нет необходимости предварять текст монографии пересказом его содержания. Следует, однако, подчеркнуть научную актуальность переиздания книги И.Д. Ковальченко "Методы исторического исследования" сейчас, когда столь многое изменилось в стране и в мире по сравнению с временем ее выхода в свет. В этом смысле представляет интерес ретроспективная оценка монографии самим Иваном Дмитриевичем. В его архиве сохранилась рукопись работы начала 1990-х годов, оставшейся неопубликованной. Ученый считал, что "трактовка основных проблем методологии исторических исследований, данная в указанной монографии, сохраняет свое значение, ибо в ней последовательно проводится тезис о многообразии подходов, принципов и методов исторического исследования и необходимости комплексного их использования. Разумеется, в работе есть и очевидные сейчас пробелы и недостатки. Главное здесь состоит в том, что не удалось последовательно провести мысль о необходимости синтеза не только методологических, но и теоретических идей и построений, хотя автор никогда не разделял представлений о безраздельном превосходстве марксизма. Обилие в ряде разделов ссылок на классиков марксизма чаще всего носит формальный характер и является данью общепринятому стандарту".

Оставаясь убежденным сторонником марксистской философии истории и работая в рамках официальной историографии, И.Д. Ковальченко не был догматиком. В конце 1980-х – первой половине 1990-х годов он опубликовал серию статей, написанных с позиций творческого марксизма[6]. В них ученый стремился наметить новые подходы к исследованию методологических проблем исторического

---

[6] *Ковальченко И.Д.* "Исследование истины само должно быть истинно": Заметки о поиске исторической правды // Коммунист. 1989. № 2; *Он же*. Некоторые вопросы методологии истории // Новая и новейшая история. 1991. № 5; *Он же*. Историческое познание: Индивидуальное, социальное и общечеловеческое // Свободная мысль. 1995. № 2; *Он же*. Многомерность исторического развития // Там же. № 10; *Он же*. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1; *Он же*. Сущность и особенности общественно-исторического развития: (Заметки о необходимости обновленных подходов) // Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. Вып. 1(119). М., 1995.

познания, освобождающие классический марксизм от позднейшей примитивизации и от искусственной изоляции его от общего процесса развития философии и истории.

В последней опубликованной при жизни статье "Сущность и особенности общественно-исторического развития", которой он дал чрезвычайно характерный подзаголовок – "Заметки о необходимости обновленных подходов", Иван Дмитриевич как бы суммировал свои размышления о теоретико-методологических основах познавательной практики историков:

"Во-первых, следует напрочь исключить какие бы то ни было претензии на возможность создания неких универсальных и абсолютных теорий и методов исторического познания. Это обусловлено неисчерпаемостью черт и свойств общественно-исторического развития, что делает невозможным выработку каких бы то ни было всеохватывающих теорий.

Во-вторых, следует учитывать, что любая научная теория, основанная на анализе и обобщении исторической действительности, а не на априорных конструкциях и отрывочных фактах, содержит то или иное рациональное зерно и тем самым вносит определенный вклад в развитие общественно-научной мысли… Учет и использование в исследовательской практике всего того в теории и методологии обществознания, что позволяет расширить и углубить, т.е. более адекватно отразить суть явлений и процессов объективной исторической реальности, и выражает переход от догматического гносеологического монизма (в любых его проявлениях) к познавательному плюрализму. Именно в этом состоит суть научного плюрализма, а не в абсолютизации права ученого трактовать ход того же исторического развития по своему субъективному представлению, как нередко утверждалось и утверждается в настоящее время в связи с поисками новых подходов в познании прошлого.

В-третьих, любая философско-историческая теория позволяет выработать ту или иную концепцию исторического развития, которая всегда исторична, т.е. в большей или меньшей мере ограничена. Иначе говоря, характеристика сущности тех или иных общественных отношений на основе той или иной теории всегда справедлива лишь в определенных исторических границах…

Наконец, в-четвертых, любой социологической теории и конкретно-исторической концепции изначально присущи и определенные ошибки и просчеты.

…Нужен синтез идей и методов, а не механическое отбрасывание одних из них (что сейчас наиболее активно происходит по отношению к марксизму) и замена их другими (чаще всего субъективно-идеалистическими)"[7].

Монография И.Д. Ковальченко "Методы исторического исследования" является памятником исторической мысли определенной эпохи, представляя высшее достижение советской историографии. Написанная на основе применения принципов марксистской методологии к изучению прошлого, она занимает достойное место в ряду трудов историков, рассмотревших проблемы познания с иных тео-

---

[7] *Ковальченко И.Д.* Сущность и особенности общественно-исторического развития (Заметки о необходимости обновленных подходов) // Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. Вып. 1(119). С. 25–26.

ретико-методологических позиций: Н.И. Кареева, М. Блока, Р.Дж. Коллингвуда и других.

В Предисловии к изданию 1987 г. И.Д. Ковальченко выражает благодарность коллегам по кафедре источниковедения исторического факультета Московского университета за поддержку и помощь при создании книги. Вот уже полтора десятилетия монография "Методы исторического исследования" является учебным пособием для студентов, осваивающих инициированные Иваном Дмитриевичем обязательные курсы "Методологические проблемы исторических исследований" и "Количественные методы в исторических исследованиях". Несмотря на то что за последние годы в России опубликовано множество работ по философии и методологии истории, ни одна из них не смогла составить конкуренцию книге И.Д. Ковальченко.

К 80-летию ученого, которое отмечается в этом году, издательство "Наука" переиздает монографию "Методы исторических исследований" в авторской редакции. Вводная статья подготовлена сотрудниками кафедры источниковедения отечественной истории исторического факультета МГУ. В юбилейном томе публикуются фотографии из личного архива Ивана Дмитриевича, любезно предоставленные его вдовой Тамарой Васильевной Ковальченко. В приложении воспроизведена его последняя опубликованная при жизни научная статья, которая может рассматриваться как своего рода научное завещание ученого.

Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно.

К. Маркс

(*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 7)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хорошо известна та огромная и все возрастающая роль, которую играет наука в современном общественном прогрессе. В современную эпоху наука стала непосредственной производительной силой. Превращение науки в непосредственно производительную силу характерно для всей науки, а не только для естественных и технических наук, как иногда полагают. Это выражается не только в том, что без использования достижений общественно-гуманитарных наук невозможно эффективное развитие материальной сферы общественного производства, но и в том, что все области духовного производства могут успешно функционировать и прогрессировать лишь на основе науки.

Все усложняющееся переплетение материального и духовного в общественной практике, растущая потребность в комплексном решении все большего числа стоящих перед обществом задач породили и отчетливо проявляющиеся интегративные тенденции в науке, одним из показателей которых является и наметившееся сближение естественно-технических и общественно-гуманитарных наук. Современная эпоха подтверждает предвидение К. Маркса о том, что в процессе развития науки "естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание, это будет *одна* наука"[1]. Особенностью этой науки будет последовательный историзм. Учет указанного обстоятельства имеет существенное значение как для понимания общих перспектив развития науки, так и для решения задач, стоящих перед отдельными науками.

Видную роль в обществознании всегда играла историческая наука. Как наиболее широкая из других конкретных общественно-гуманитарных наук, она имеет важные социальные функции. Значимость исторического знания в социалистическом обществе быстро возрастает, это связано, в частности, с тем, что в развитии других общественно-гуманитарных наук все большее место занимает исторический подход. Многие проблемы современности, которыми занимаются экономисты, социологи, политологи, демографы и другие специалисты, могут быть успешно решены лишь на основе истори-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 124.

ческого анализа. Все это, естественно, повышает требования к исторической науке.

Способность той или иной науки углублять познание в соответствующей области и на этой основе решать задачи, выдвигаемые как потребностями общественной практики, так и ходом развития самой науки, определяется многими факторами. Важное значение имеет та, если можно так сказать, инфраструктура, в условиях которой развивается наука. С одной стороны, это – наличие, система подготовки и квалификация кадров, материальная база, возможности введения в научный оборот и внедрения в практику результатов научных исследований, организация науки и т.п., с другой – факторы, определяющие сам исследовательский процесс. Всем ходом развития науки доказано, что решающее значение здесь принадлежит теории и методологии научного познания. Но конкретным средством, которое, реализуя потенции теории и методологии, движет познание вперед и дает возможность получать новое знание, *являются методы* научного исследования.

Любой научно-познавательный процесс, как известно, состоит из трех компонентов: объекта познания, познающего субъекта и метода познания. Посредством метода субъект познает исследуемый объект. Очевидно, что объем и глубина новых знаний зависят от эффективности применяемых методов. Разумеется, каждый метод может быть применен верно и неверно, т.е. сам по себе метод не гарантирует получения нового знания, но без него невозможно никакое познание. Поэтому одним из важнейших показателей уровня развития той или иной науки выступают методы исследования – их разнообразие и познавательная эффективность.

Методы исследования являются тем наиболее динамичным компонентом науки, который движет ее вперед. Вместе с тем они имеют в науке непреходящее значение. Появление новых методов, как правило, приводит к изменению соотношения и роли старых и новых методов, а не к утрате первыми всякого значения. Поэтому в отличие от конкретно-фактического арсенала науки и содержательно-концептуальных представлений об объекте познания, подверженных, особенно в современную эпоху, быстрому обновлению, методы исследования отличаются наибольшей "живучестью".

Особая роль метода в научном познании обусловила то внимание, которое всегда уделялось его разработке во всех областях науки, и те оценки роли метода, которые даны выдающимися учеными. Можно привести много примеров таких оценок. Ограничимся двумя.

Так, Ф. Энгельс, характеризуя работу К. Маркса в области политической экономии, писал: "Выработку метода, который лежит в

основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению"[2]. Ф. Энгельс имел при этом в виду метод восхождения от абстрактного к конкретному.

К.А. Тимирязев отмечал: "Изучающему историю наук часто приходится убеждаться в том, что изобретение или правильное последовательное применение нового приема исследования, нового инструмента играет иногда не менее важную роль в развитии знаний, чем даже новая идея, новая теория"[3].

Все сказанное о значении методов научного исследования никоим образом не противоречит тому, что решающая роль в научном познании принадлежит теории и методологии, ибо теория – основа, а методология (в сочетании с логикой) – средство для выработки методов.

Выдающиеся успехи и постоянно возрастающие темпы развития науки второй половины XX в. в первую очередь обусловлены совершенствованием методов научных исследований. Отличительной чертой этого процесса является, как хорошо известно, все более широкое применение количественных и математических методов, электронных вычислительных машин (ЭВМ) и другой техники. Углубление и усложнение исследований требует дальнейшего совершенствования как самих методов, так и исследовательской "технологии", на каких бы методах она ни основывалась. Это один из важнейших путей повышения качества и эффективности научных исследований, в том числе и исторических.

Растущее значение и усложнение методов научных исследований потребовали специального внимания к их разработке. Эта задача становится самостоятельной сферой приложения исследовательских усилий. Другой важной задачей является овладение специалистами различных областей науки арсеналом применяемых в ней методов и искусством их эффективного использования. В этом плане вполне обоснованным представляется мнение, что "успешно проводить исследования в наше время может лишь хорошо обученный интеллект, культура которого ныне составляет величайшее национальное богатство"[4]. Понятно, что под обученностью здесь имеется в виду не просто вузовская подготовка, а прежде всего самообучение в процессе исследовательской работы. Следовательно, необходимы не только разработка новых методов и их внедрение в исследовательскую практику, но и повышение общей методологической и методически-технической квалификации исследователей. В решении этой важной задачи может иметь положительное значение

---

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 497.

[3] *Тимирязев К.А.* Соч. М., 1939. Т. VIII. С. 73.

[4] *Сачков Ю.В.* Научный метод: вопросы его структуры // Вопросы философии. 1983. № 2. С. 41.

обобщение в практически-прикладном аспекте того, что достигнуто в разработке как общих проблем теории и методологии научного познания, так и исследовательской технологии соответствующей области науки. Такое обобщение особенно необходимо применительно к исторической науке, ибо историки, к сожалению, значительно меньше, чем специалисты других наук (не только естественных и технических, но и гуманитарных), уделяют внимание этим важным сторонам своей науки и распространению накопленного здесь опыта.

В попытке рассмотреть некоторые общие проблемы, связанные с методами исторического исследования, и состоит задача настоящей работы.

Научное познание – наиболее сложный вид интеллектуальной деятельности, закономерности и механизмы которой еще далеко не изучены должным образом ни в плане установления логической последовательности и взаимосвязи тех многообразных процедур, из которых складывается конкретное научное исследование, ни в плане выявления всех тех факторов (индивидуальных и социальных), которые воздействуют на научно-познавательный процесс. Такое положение, естественно, осложняет характеристику этого процесса в той или иной области науки, даже если ограничить свою цель обобщением имеющегося опыта, как в данном случае.

Далее, исследовательская практика в определенной науке может анализироваться в разных аспектах (гносеологическом, методологическом, логически-методическом, социально-прикладном и т.д.) и на разных уровнях (от конкретно-проблемного до философского). Поскольку целью настоящей работы является рассмотрение методов исторического исследования, то, естественно, что ведущим здесь должен быть методологический подход. Так как методологические проблемы научного исследования тесно взаимосвязаны с теоретическими, в необходимой мере будут затрагиваться и последние.

Любая наука, в том числе и историческая, располагает большим и разнообразным арсеналом методов. Их характеристика в полном объеме затруднительна даже в специальном исследовании. Поэтому прежде всего необходимо остановиться на общих методах, которые применяются во всех областях исторических исследований. Такой подход важен не только сам по себе, но и как основа для углубленного анализа совокупностей методов, используемых при изучении отдельных сторон, явлений и процессов исторического развития. Подобный анализ должен проводиться специалистами в соответствующих областях исторической науки.

Общая характеристика методов исторического исследования должна, с одной стороны, учитывать особенности объекта исторического познания и присущие ему методы, с другой – раскрывать

специфику общенаучных подходов и методов познания и присущих этому познанию принципов, требований и норм.

Во второй части работы рассматриваются вопросы применения количественных методов в исторических исследованиях. Необходимость специального внимания к ним обусловлена прежде всего тем, что количественные и математические методы, а также электронные вычислительные машины являются теми наиболее эффективными методами и техническими средствами, которые революционизируют современную науку. Без все более широкого применения их невозможен ее дальнейший прогресс. Это справедливо не только по отношению к наукам естественным и техническим, но и к общественно-гуманитарным, в том числе и к исторической науке. Кроме того, количественные методы более сложны, чем традиционные, превалирующие в гуманитарных исследованиях. Успешное применение количественных методов связано с решением целого ряда конкретно-методологических проблем и строгим соблюдением определенных требований.

Характеристика проблем, рассматриваемых как в первой, так и во второй части работы, требовала конкретно-исторических иллюстраций. Приводя соответствующие примеры, автор не стремился к их пространственному и временному разнообразию. Главным являлась содержательная наглядность примеров. Поэтому почти все они взяты из отечественной истории, изучением которой занимается автор.

При характеристике и общих проблем теории и методологии научного познания, и методологических проблем исторического исследования, естественно, имелось в виду раскрыть марксистский подход к их решению, развернуто обоснованный в трудах советских ученых. Но все эти вопросы рассматриваются и учеными немарксистами. Они трактуют их не только с отличных от марксизма позиций, но чаще всего и с позиций, активно противостоящих марксистско-ленинскому учению. Не ставя задачу специально критически разбирать эти трактовки (такой разбор обстоятельно проведен в специальной литературе), автор обращал внимание на их несостоятельность или ограниченность.

Обращаясь к проблемам методологии и методов исторических исследований, автор задавался целью содействовать более осознанному овладению историками технологией своей науки. В условиях все возрастающих общественных требований, предъявляемых к исторической науке, и все усложняющегося характера исторических исследований это необходимо для повышения качества и эффективности последних. Очевидно, что задача овладения теоретико-методологическим арсеналом современной науки и умения использовать его в исторических исследованиях стоит прежде всего перед молодыми, начинающими научную работу историками, хотя учет ряда новых явлений и достижений в научном познании необходим и для

опытных исследователей. Разумеется, овладеть навыками исследовательской работы можно только в процессе самой этой работы. Здесь вполне справедлив афоризм: “Чтобы научиться плавать, надо лезть в воду”. Но верно и то, что научиться держаться на воде и както передвигаться можно и без знания свойств воды и техники плавания, а чтобы стать классным пловцом, надо знать и то и другое. Таким образом, задача состоит в необходимости добиться единства теории и практики в исторических исследованиях.

Автор выражает глубокую признательность и благодарность своим коллегам по кафедре источниковедения и историографии истории СССР исторического факультета Московского университета за ценные советы, дружескую поддержку и помощь, благодаря которым и стало возможным появление настоящей работы.

Часть первая

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Введение

В первой части настоящей работы предполагается охарактеризовать общие проблемы методологии исторического исследования и его основные методы. Речь будет идти именно об общих принципах, путях и методах, на которых основываются исторические исследования независимо от их конкретной проблематики. Круг рассматриваемых здесь проблем определялся необходимостью, во-первых, раскрытия основных особенностей объекта исторического познания и его методов и, во-вторых, показа места и специфики применения в историческом исследовании общенаучных подходов и методов.

В освещении рассматриваемых вопросов автор опирался как на результаты конкретных исторических исследований советских историков, так и на специальную литературу по проблемам научного познания. В этой литературе выделяются два типа работ. Один из них – это общие работы по тем или иным проблемам научного познания. Среди них имеются и работы по теории и методологии обществознания. Другой тип – это работы по теоретико-методологическим проблемам исторического познания и исторических исследований.

Круг общих работ по проблемам научного познания чрезвычайно обширен, и все они, естественно, работы философские. Понятно, что проблемы исторического познания в них (за исключением некоторых трудов по обществознанию) не затрагиваются. Однако без учета результатов этих исследований невозможно обойтись при характеристике исследовательских принципов, путей и методов любой области научного познания. В задачу автора настоящей работы не входит анализ и оценка этих исследований. Это – дело философов. Но поскольку, кроме работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, эти исследования являлись основой при освещении общих теоретико-методологических проблем и методов исторического исследования, следует отметить один существенный момент, выдвинувший перед автором трудную задачу.

Дело в там, что в трактовке очень многих (можно даже сказать, подавляющего большинства) теоретико-методологических проблем научного познания среди советских философов нет единого мнения

и высказываются разные точки зрения. Все они, естественно, основываются на диалектико-материалистическом подходе к рассматриваемым проблемам, и наличие расхождений свидетельствует, с одной стороны, о сложности этих проблем, а с другой – о творческой активности в их разработке. Трудности для неспециалиста в области философии возникают здесь в связи с необходимостью обоснованного выбора тех или иных из имеющихся мнений и их обобщения с тем, чтобы позиции самого автора были достаточно четко выражены и последовательно проведены. Критерием, которым руководствовался автор, отдавая предпочтение тем или иным из имеющихся мнений или подвергая их определенной корректировке, была *практика исторических исследований*. Разумеется, она не может быть полностью адекватным мерилом истинности выдвигаемых философских трактовок тех или иных проблем, но для историка именно эта практика, ибо она также базируется на диалектико-материалистическом понимании изучаемой реальности, является объективной основой для оценок.

Автор вполне осознает, что при указанной ситуации любой философ может оспорить те или иные из принятых им трактовок общих проблем методологии научного познания. Это в особенности относится к первой главе работы, которая является как бы ее теоретическим введением и в предельно сжатом виде резюмирует разработку советскими философами наиболее общих теоретико-методологических проблем научного познания. Может даже показаться, что такое резюме вообще излишне. Однако представляется, что для историков такая глава будет полезной, так как она вводит в круг основных проблем и в понятийный аппарат теории и методологии научного познания.

Работы, посвященные теоретико-методологическим проблемам исторической науки[1], ориентированы либо на характеристику исторического *познания*, как одну из форм познавательной деятельности, либо на раскрытие принципов и методов исторического *исследования*. Первые имеют теоретическую направленность, практика исторических исследований находится здесь на втором плане[2]. Но

---

[1] См.: *Баряз В.Н., Астапова Д.Д.* Философско-методологические вопросы исторической науки. Основная советская литература. М., 1981; *Уваров А.И.* Философские и методологические проблемы исторического познания. М., 1982 (обзор литературы за 1971–1981 гг.).

[2] См., например: Философские проблемы исторической науки. М., 1969; *Ирибаджаков Н.* Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972; *Уваров А.И.* Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973; *Дьяконов В.А.* Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974; *Скворцов Л.В.* История и антиистория. М., 1976; *Могильницкий Б.Г.* О природе исторического познания. Томск, 1978; *Лооне Э.* Современная философия истории. Таллин, 1980; *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981; *Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Теория и история. М., 1981; *Жуков Е.М.* Очерки методологии истории. М., 1981; *Ракитов А.И.* Историческое

эти работы представляют большой интерес в том отношении, что в них раскрываются специфика исторического познания, этапы и закономерности его развития, а также место исторического знания в общей системе научного знания, его социальные функции и т.д. Специальное изучение названных проблем, несомненно, содействует повышению уровня исторических исследований, их целенаправленности и эффективности, хотя непосредственно и не раскрывает конкретных путей этого.

Работы второго типа имеют целью освещение теоретико-методологических проблем, непосредственно связанных с историческими исследованиями[3]. Следует, правда, отметить, что эти работы чаще всего мало отличаются от работ первого типа, поскольку характеристика поставленных в них вопросов имеет больше гносеологическую, а не исследовательски-прикладную направленность. Но они все же "ближе" к историкам, чем работы первого рода. Их значимость для историков повышается в тех случаях, когда в них освещение общих проблем исторических исследований сочетается с анализом конкретных исторических явлений и процессов. Наиболее удачным примером такого сочетания является указанная работа М.А. Барга "Категории и методы исторической науки". В ней общая характеристика ряда важных категорий и методов исторической науки конкретизируется и углубляется на основе конкретно-исторического освещения природы феодальной собственности, процесса разложения феодализма, сравнительного изучения буржуазных революций XVI–XVIII вв.

Рост интереса к теоретико-методологическим проблемам исторических исследований обусловил необходимость их разработки применительно к определенным сферам исторических исследований[4]. Интегративные тенденции в развитии науки требуют все бо-

---

познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982; *Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф.* Творчество и отражение в историческом познании. М., 1984; *Иванов В.В.* Методология исторической науки. М., 1985, и др.

[3] См., например: *Грушин Б.А.* Очерки логики исторического исследования. М., 1961; *Ерофеев Н.А.* Что такое история. М, 1976; *Косолапов В.В.* Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977; *Жуков Е.М, Барг М.А, Черняк Е.Б., Павлов В.И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М, 1979; *Маслов Н.Н.* Марксистско-ленинские методы исторического исследования. М, 1983; *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984. Проблемы методологии исторических исследований широко освещаются в серии сборников "Методологические и историографические вопросы исторической науки", издаваемых Томским государственным университетом, и других подобных изданиях.

[4] См., например: Марксистско-ленинская методология военной истории: Сб. статей. М., 1973; 2-е изд. М., 1976; *Варшавчик М.А., Спирин Л.М.* О научных основах изучения истории КПСС. М., 1978; *Он же.* Теория, методология и методика исследований по истории КПСС. М., 1982; *Пронштейн А.П.* Методика исторического источниковедения. Ростов н/Д, 1976; *Фарсобин В.В.* Источниковедение и его метод. М., 1983, и др.

лее широкого развития сравнительно-исторических и комплексных исследований в общественных науках. Для таких исследований нужна специальная разработка соответствующих методологических подходов и принципов. Одним из первых исследований в этом направлении является монография Д.Ф. Маркова[5]. Основанная на анализе историко-культурных и литературных явлений в социалистических странах, она представляет большой интерес для историков прежде всего своими методологическими аспектами.

Наряду с исследовательскими работами в настоящее время стала появляться и специальная учебная литература по теории, методологии и методике исторических исследований[6].

Таким образом, не только по общим проблемам теории и методологии научного познания, но и по проблемам исторического познания и исторических исследований существует весьма обширная, прежде всего философская, литература. Многочисленность ее, а также философская направленность и предназначенность работ обуславливают трудности использования их результатов в исследовательской практике историков. Это диктует необходимость систематизации этих результатов с учетам потребностей исследовательской практики историков. Такая систематизация необходима еще и потому, что фактически ни одна из работ по методологическим проблемам исторических исследований (не говоря уже о работах по тем или иным общим проблемам научного познания), не охватывает в более или менее полном виде круг основных задач, решаемых в историческом исследовании. Это вполне естественно, коль скоро они имеют философскую, а не прикладную направленность.

Попытка систематизации и обобщения результатов специальной разработки методологических проблем научного познания, направленная на исследовательскую практику историков, предпринята в первой части настоящей работы. Надо отметить следующее. Прикладной характер указанной попытки никоим образом не означает того, что рассматриваемые вопросы будут освещаться в чисто прагматическом плане. Задача внедрения в историографическую практику философских разработок проблем научного познания не может быть решена лишь путем их "приземления", хотя их прикладная конкретизация, безусловно, необходима. Но в такой же (а в целом ряде аспектов еще в большей) мере необходимо и повышение теоретико-методологического уровня исторических исследований. Еще нередко встречающаяся ограниченность этого уровня – основ-

---

[5] См.: *Марков Д.Ф.* Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. М., 1983.

[6] См., например: *Петряев К.Д.* Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1976; *Дебров Л.А.* Введение в изучение истории. Саратов, 1978; *Котов В.Н.* Введение в изучение истории. Киев, 1982; *Санцевич А.В.* Методика исторического исследования. Киев, 1984, и др.

ная причина низкого "спроса" историков на философское знание. Поэтому, добиваясь ясности и доступности изложения теоретико-методологических проблем, автор стремился не упрощать их до такой степени, когда исчезает их общий научно-познавательный, т.е. философский, смысл.

Таковы основные задачи, которые ставятся в первой части работы.

Глава 1

ВЕДУЩАЯ РОЛЬ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

В настоящей главе предпринята попытка дать предельно сжатое изложение современных марксистских представлений о теории и методологии научного познания в целом. Подобное резюме необходимо для более широкого понимания рассматриваемых далее методологических проблем и методов исторического исследования.

Одной из важнейших сфер человеческой деятельности является деятельность познавательная. Во-первых, знания об объективной реальности необходимы для практической деятельности. Без них невозможно ни материальное, ни духовное производство. Во-вторых, стремление к познанию имманентно присуще человеку, как сознательному, целеустремленному существу. Поэтому на всех этапах развития общества существовала познавательная деятельность и общество всегда располагало определенными знаниями о естественном и общественном мире.

Все разнообразие познавательной деятельности сводится к трем видам: *практически-эмпирическому* (иногда его называют обыденным), *художественно-эстетическому* и *научно-теоретическому*.

В донаучный период практически-эмпирический (обыденный) путь познания действительности был единственным. Но и с появлением науки в течение длительного времени он оставался господствующим. Знание приобреталось здесь прежде всего в результате чувственного восприятия явлений объективного мира в процессе практической трудовой деятельности, накопления и передачи имеющегося опыта.

Формой же выражения знания были чувственно-наглядные образы явлений внешнего мира, которые характеризуют лишь внешние, видимые черты реальности и не раскрывают и не объясняют ее внутренней природы. Поэтому практически-эмпирическое, обыденное знание тесно переплеталось с мифологией и религиозными воззрениями, особенно в донаучный период.

Практически-эмпирический путь получения знаний был естественным этапом в процессе познания человеком объективного мира, и накопленные таким путем знания подготовили переход к научному познанию.

Художественное познание в его реалистических формах основано на раскрытии действительности в виде образов. В художественном образе подчеркивается путем авторского воображения (художественного вымысла) наиболее важное в сути рассматриваемых явлений[1].

Высшим уровнем познания и формой знания является наука. Наука отличается тем, что раскрывает и объясняет внутреннюю суть реальности. Если бы сущность была такой же конкретной и чувственно воспринимаемой как явление, то, как указывал К. Маркс, "всякая наука была бы излишня"[2]. Иначе говоря, задачей научного познания является адекватное отражение действительности путем раскрытия органически присущего ей сочетания формы и содержания, явления и сущности, количества и качества. Очевидно, что для такого отражения необходимы специальные способы, а научное знание будет иметь специфические формы выражения. В отличие от конкретности обыденного и образности художественного знания научное знание является теоретико-логическим по содержанию, способам получения и формам выражения[3].

Наука как система знания имеет сложную структуру, состоящую из целого ряда компонентов. Высшей формой научного знания выступает *теория*. Наука является не только средоточием имеющегося научного знания, но и основой для получения новых знаний для выработки *методов* научного познания. Это обусловлено тем, что для правильного отражения коренной сути изучаемой действительности в методах познания должен учитываться ее характер, а этот последний и отражен в имеющемся знании. Поэтому, рассматривая процесс научного познания, Ф. Энгельс подчеркивал: "С чего начинает история (т.е. действительность. – *И.К.*), с того же должен начинаться и ход мыслей (т.е. познание. – *И.К.*), и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс"[4].

Многообразие и сложность объективной реальности породили множество методов ее изучения. Это привело к возникновению специального учения о методах научного познания. Таким учением

---

[1] См.: *Родчанин Е.Г.* Научное и художественное познание истины. Киев, 1982.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. С. 384.

[3] См.: *Черняк В.А., Талипов К.Т.* Диалектика теоретического и обыденного сознания. Алма-Ата, 1985; *Наливайко Н.В.* Социальные основы и гносеологическая природа научной деятельности. Новосибирск, 1985; *Феофанов В.П.* Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск, 1986.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 497.

является *методология*. Наконец, важность и сложность познания обусловили то, что само познание стало объектом научного исследования и возникла общая теория познания – *гносеология*.

Рассмотрению роли в научном познании теории, методологии и методов исследования и посвящена настоящая глава.

1. ТЕОРИЯ КАК ФОРМА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Разработка общих мировоззренческих, теоретических, методологических, социальных и логических проблем научного познания привлекает пристальное внимание философов, науковедов и других специалистов. Большое внимание как в общих, так и специальных работах уделяется и вопросам теории[5].

Понятие "теория" употребляется в разных смыслах. Теориями часто называют совокупность идей и взглядов, так или иначе объясняющих явления материального и духовного мира (естественно-научные и социальные концепции и представления и т.п.), т.е. к ним относят результаты умственной деятельности и научных исследований. К теориям причисляют некоторые разделы наук, специализирующихся на решении тех или иных общих проблем (например, теоретическое источниковедение) или основанных на абстрактно-логических методах (теоретическая физика). Теориями считают в отличие от гипотез подтвержденные научными фактами или проверенные практикой определенные положения и заключения. Общим для всех этих определений является то, что в качестве теории выступает знание об объекте, т.е. о тех или иных явлениях действительности. Это – важная отличительная черта теории. Но она не исчерпывает сути теории как формы научного знания.

Теория – не просто знание, а высшая и наиболее сложная форма (и уровень) научного знания. Поэтому под теорией следует понимать форму научных знаний, "раскрывающую закономерности функционирования и развития определенной совокупности явлений материального и духовного мира, описывающую и объясняющую эти явления и направленную на прогрессивное преобразование природы, общественных отношений и самого человека"[6]. Говоря иначе,

---

[5] См.: *Копнин П.В.* Диалектика как логика и теория познания. М., 1973; *Он же.* Гносеологические и логические основы науки. М., 1974; *Рузавин Г.И.* Научная теория: логико-методологический анализ. М., 1978; *Андреев И.Д.* Теория как форма организации научного знания. М., 1979; *Марков В.А.* Современные проблемы теории познания. Рига, 1979; *Федосеев П.Н.* Философия и научное познание. М., 1983; *Козлов Д.Ф.* Структура и функции социологической теории. М., 1984; *Марков Б.В.* Проблемы обоснования и проверяемости теоретического знания. Л., 1984; *Швырев В.С., Карпович В.Н.* Системность теоретического знания (логический аспект). Новосибирск, 1984, и др.

[6] *Андреев И.Д.* Указ. соч. С. 9.

теория – это конкретное сущностно-содержательное знание об объекте познания, которое может быть использовано в предметно-практической и познавательной деятельности.

Теория тех или иных явлений объективной реальности является итогом их всестороннего и глубокого изучения, возникает на достаточно высоком уровне познания. Генезис теоретических знаний будет рассмотрен ниже при характеристике уровней научного познания. Сейчас отметим лишь основные черты, присущие теоретическому знанию, которые вместе с тем выступают в качестве необходимых требований при формулировании знания в форме научной теории.

Теория по своей сути является *обобщенным объясняющим* (номологическим) *знанием*. Явление не просто описывается, а объясняется путем раскрытия его внутренней сущности.

Теория должна объяснять факты на основе фундаментальных идей, принципов и законов и сводить всю их совокупность в единую систему. Вне *системности* нет теории. Наконец, научная теория должна быть внутренне замкнутой, непротиворечивой в логическом отношении системой суждений. Логическая стройность теории достигается в процессе ее *минимизации*. Суть ее состоит в том, что теория должна основываться на *минимальном* числе исходных фундаментальных идей и понятий.

Таким образом, любая научная теория имеет сложную внутреннюю структуру. Она включает и синтезирует целый ряд более простых компонентов научного знания[7].

Всякая научная теория имеет свою исходную *эмпирическую* основу, которая охватывает всю совокупность фактов, относящихся к соответствующей области действительности. Существенно, что для теоретического обобщения нужны не просто факты, а системы фактов, представительно характеризующих объект познания в свете поставленной задачи.

В теории факты фигурируют не сами по себе, а в виде совокупности основных *понятий*, отражающих существенные черты, свойства и связи явлений действительности. В понятиях аккумулируются знания о предмете. Поэтому понятия выступают в качестве основных элементов научно-мыслительного, познавательного процесса и выражают содержательную суть всякой теории. Особенно велика в этом отношении роль *категорий*, которые являются предельно широкими понятиями, концентрирующими знания о важнейших свойствах реальности.

Важнейшим компонентом теории являются законы. В законах выражается внутреннее содержание понятий, т.е. раскрываются существенные, устойчивые, повторяющиеся и необходимые свойства,

---

[7] См.: *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. С. 503 и сл.; *Андреев И.Ю.* Указ. соч. С. 9 и сл.

отношения и связи между явлениями, охватываемыми соответствующей теорией. "*Закон* и *сущность* – понятия однородные (однопорядковые) или, вернее, одностепенные"[8]. Теория может включать целый ряд законов, но содержательный смысл теории определяется ведущими для данного типа явлений законами. Такими являются законы, которые не выводятся из других законов, входящих в теорию[9]. Однако ни понятийно-категориальный аппарат, ни выражаемые им законы и тенденции функционирования и развития явлений объективного мира еще не создают знания об этих явлениях на теоретическом уровне. Для этого необходим более высокий уровень синтеза. Таким синтезирующим компонентом в теории выступает, по мнению одних философов, *идея*[10], а по мнению других, – *принцип*[11].

В этой связи следует отметить, что идея и принцип являются понятиями однотипными. И идея и принцип означают некий исходный момент, ведущее первоначало, лежащие в основе той или иной концепции, определенной системы знаний. Но в научном познании, в частности в формировании научной теории, они, как представляется, выполняют разные функции. Научная идея как таковая является основой объединения воедино других компонентов теории (понятий, законов и самих теорий). Интегративные, синтезирующие способности идеи обусловлены тем, что сравнительно с другими компонентами теории она наиболее широко отражает фундаментальные свойства исследуемой реальности.

Принцип – тоже ведущее начало, но оно выступает в научном познании не *как основа* объединения элементов теории воедино, а прежде всего как *средство* такого объединения. Принцип – тоже идея, но не в структуре самой теории, а в методе ее построения[12].

Таким образом, научная идея может выступать в роли собственно *теоретической и методологической*.

Логическим средством построения и раскрытия содержания теорий являются суждения, представляющие собой универсальную форму выражения человеческих мыслей, в том числе и научных знаний, в естественно-языковой форме. Поэтому едва ли правомерно включать их в структуру теории, как делают некоторые исследователи.

Как видим, теория представляет собой весьма сложную форму научного знания, включающую ряд тесно взаимосвязанных и синтезированных компонентов. Разумеется, это не означает, что в про-

---

[8] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 136.

[9] См.: *Голованов В.Н.* Закон в системе научного знания. М., 1970.

[10] *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. С. 506 и сл.

[11] *Андреев И.Д.* Указ. соч. С. 10 и сл.

[12] Об этом см.: *Зеленков А.И.* Принцип отрицания в философии и науке. Минск, 1981. С. 68. и сл.; *Иванова Р.И., Симанов А.Л.* Реализация методологической функции философии в научном познании и практике. Новосибирск, 1984. С. 36.

цессе познания тех или иных явлений реальности разработка составных компонентов теории идет как бы синхронно и одинаково успешно. Эти компоненты обладают и определенной автономностью, а их "готовность" для синтезирования в теорию возникает не сразу. Поэтому построение теории изучаемых явлений реальности требует значительных исследовательских усилий и достигается на достаточно высоком уровне познания.

Понятно, что знание в форме научной теории не остается неизменным. Выявление новых черт, связей и закономерностей, присущих изучаемым явлениям, приводит к углублению и уточнению теорий и даже к их замене. Но как форма научного знания теория всегда дает то или иное истинное знание. В противном случае она не будет научной теорией, несмотря ни на какие старания представить ее таковой. Это относится не только к тем случаям, когда "теория" является искусственной конструкцией, а не обобщением конкретно-научного анализа реальности, но и к тем, когда теорию строят на основе разрозненных, нетипичных фактов и необоснованных идей. Подобные теории несут *формально*-содержательное, а не *сущностно*-содержательное знание о явлении как истинно научные теории. Истории обществознания, в том числе истории исторической науки, известно много таких формальных, а потому и псевдонаучных теорий. Например, либерально-буржуазная концепция сущности народничества в России, выдвинутая П. Струве, исходила из того, что, поскольку народники выступают против развития капитализма, то это движение является реакционным. Это был формальный подход к народничеству, исходивший из учета лишь одной из черт его идеологии и игнорировавший объективно-историческое содержание народничества. А оно состояло, как блестяще показал В.И. Ленин, в том, что, несмотря на все присущие им заблуждения, народники вели борьбу за буржуазно-демократический, крестьянский путь развития капитализма в противовес буржуазно-консервативному, помещичьему пути, и эта борьба была прогрессивным историческим явлением.

Основополагающая роль идеи в формировании научной теории обуславливает то, что прежде всего характер идей, лежащих в основе теорий, определяет и научно-познавательную значимость теорий, и их общественно-практическую направленность. Поэтому развитие всякой науки – непрерывная борьба существенно различных в мировоззренческом плане идей и теорий, конкурирование и соревнование однотипных в этом отношении идей и теорий.

Объем знаний, выражаемых научной теорией, может быть различным. Это зависит от широты охвата теорией явлений действительности и от полноты и глубины раскрытия содержательной сущности этих явлений. Для более конкретного раскрытия вопроса о познавательной ценности научно-теоретического знания надо коснуться вопроса о классификации научных теорий.

Хорошо известно, что всякая типологизация и классификация тех или иных объектов и явлений может строиться с различной целью и на различных основаниях. Существуют и различные классификации научных теорий[13].

Рассмотрим некоторые из существующих и возможных классификаций, представляющих интерес и для исторической науки.

Одна из широко распространенных классификаций систематизирует научные теории по степени их *общности*. Последняя определяется характером тех основных законов, которые составляют фундамент теории. Поскольку законы по широте охватываемых ими явлений делятся на специфические, общие и всеобщие, то выделяются и *теории специфические, общие и всеобщие*. Эту классификацию можно конкретизировать применительно к общественно-гуманитарным наукам. По степени общности здесь можно выделить такие уровни теории: *общефилософский, философско-социологический, специально-научный* и *конкретно-проблемный*. Общефилософским уровнем марксистской теории является диалектический материализм, а философско-социологическим – исторический материализм. Специально-научные теории – это теории, которые фигурируют в той или иной науке в целом. Что представляет собой такая теория применительно к исторической науке, будет рассмотрено ниже. Конкретно-проблемные теории характеризуют суть отдельных явлений и процессов, рассматриваемых в той или иной науке. Круг конкретно-проблемных теорий в науке весьма обширен и разнообразен, и они имеют свои уровни общности.

Указанные типы, или уровни, теорий диалектически взаимосвязаны и соподчинены. Более низкие уровни теории опираются на более высокие. Последние являются источником тех идей, которые лежат в основе первых. С другой стороны, теории более низкого уровня входят как составные компоненты в теории более высоких порядков и интегрируются в них.

Классификация теорий по степени их общности, которая раскрывает диапазон знаний, заключенных в теории, может быть дополнена классификацией, отражающей глубину этих знаний. Понятно, что глубина знания зависит прежде всего от того, насколько идея адекватно отражает коренные законы реальности. С этой точки зрения все общественно-исторические теории и лежащие в их основе идеи делятся, как хорошо известно, на *материалистические* (вульгарно-материалистические и диалектико-материалистические) и *идеалистические* (субъективно-идеалистические и объективно-идеалистические). Широко распространенный в современную эпоху *плюрализм* фактически является замаскированной формой идеализма[14].

---

[13] См.: *Андреев И.Д.* Указ. соч. С. 55 и сл.

[14] См.: *Момджян А.В.* Плюрализм: Истоки и сущность. Критический анализ философских основ. М., 1983.

Давно доказано, что лишь идеи, лежащие в основе исторического материализма, позволяют в полной мере адекватно познать глубинную сущность общественной жизни во всем ее многообразии и историческом развитии. Марксизм, как подчеркивал Ф. Энгельс, исходит из того, что "все идеи (в том числе и научные. – *И.К.*) извлечены из опыта, они – отражения действительности, верные или искаженные"[15]. Лишь общественная практика, которая выступает как "определитель связи предмета с тем, что нужно человеку"[16], может гарантировать объективное и адекватное отражение в идеях реальности и тем самым обеспечить успех научного познания. Идеализм же выводит идеи из мышления, что неизбежно приводит к искажению ими объективной реальности.

Истинность исторического материализма как теории общественного познания подтверждается и тем, что он позволяет получать теоретическое знание об общественных явлениях на всех его уровнях – от конкретно-проблемного до общефилософского. Однако из этого не следует, как иногда полагают, что все другие теории о явлениях общественной жизни, т.е. теории, исходящие из вульгарно-материалистических и идеалистических идей, являются всецело ненаучными. В тех пределах, в которых эти теории оказываются рационалистическими, они обладают определенной способностью адекватного отражения явлений общественной жизни. Но возможности такого отражения крайне ограниченны из-за ограниченности или несостоятельности тех общих идей, которые порождают эти теории. Это признают и наиболее объективно настроенные буржуазные ученые. Отсюда – и непрекращающиеся попытки поиска и "выработки" новых социальных теорий. Но, оставаясь в кругу идеалистических и вульгарно-материалистических идей, эти теории не могут изменить положение и поэтому сравнительно быстро сменяют одна другую. Калейдоскопичность теорий буржуазного обществоведения служит для буржуазных ученых одним из оснований для обвинения марксизма в догматизме. Он усматривается в стабильности ведущих идей социологической теории марксизма. В действительности же устойчивость основных структурных компонентов той или иной материальной или духовной системы является свидетельством ее жизнеспособности и эффективности, а не слабости или ограниченности (что, разумеется, не исключает необходимость совершенствования и развития этих систем). А вот быстрая смена теоретических построений немарксистской социологии как раз и говорит об ее ограниченности и несостоятельности.

Классификация научных теорий по их общефилософским основаниям многое дает для выявления их познавательной ценности. Вместе с тем всякое знание всегда относительно, а процесс познания бесконечен при любых его научно-идейных основах. Поэтому тео-

---

[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 629.
[16] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

рии как формы научного знания могут рассматриваться, классифицироваться и оцениваться и с точки зрения глубины отражения в них внутренней сущности изучаемых явлений.

Качественная определенность предмета, т.е. то, что делает его тем, чем он является, и отличает от других предметов, выражается в его сущности, составляющей внутреннюю субстанцию предмета. Проявлением сущности выступает явление, указывал В.И. Ленин[17]. Оно (проявление) может быть многообразным и случайным. Поэтому явление относительно и непосредственно не выражает сущности. Сущность же представляет собой целостное качественное отношение. Но сложность действительности, многообразие ее свойств и связей обуславливают то, что она, сохраняя качественную определенность, представляет собой совокупность сущностей разного рода и разного порядка. Так, например, человек как объект действительности обладает совокупностью присущих ему физических, химических, биологических, социальных, духовных и других свойств, которые являются сущностями разного рода и порядка, составляющими в совокупности и взаимосвязи его качественную определенность[18]. Так же обстоит дело и со всеми другими явлениями действительности. Поэтому, «чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и "опосредствования"»[19]. Но это никогда не может быть достигнуто в силу безграничности свойств и связей явлений объективного мира. Поэтому процесс познания идет путем поэтапного постижения сущностей, перехода от сущности первого порядка к сущностям последующих порядков. "Мысль человека, – указывал В.И. Ленин, – бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т.д. *без конца*"[20].

Итак, для оценки познавательной глубины научных теорий (и вообще научного знания в той или иной области на определенной стадии его развития) необходимо установить, как далеко они продвинулись в раскрытии сущности изучаемой реальности. Это может быть достигнуто в результате изучения истории разработки отдельных проблем и развития соответствующей науки. В исторической науке этим занимается историография.

Наконец, для историка может представлять интерес еще одна классификация научных теорий, основанная на учете того, какой метод или логический способ был определяющим при формировании соответствующей теории[21]. По этому критерию теории делят на *сравнительные, аналитические* и *синтетические*.

---

[17] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 154.

[18] См.: *Авалиани С.Ш.* Абсолютное и относительное: (Отношение философии и специальных наук). Тбилиси, 1980. С. 14 и сл.

[19] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

[20] Там же. Т. 29. С. 227.

[21] См.: *Андреев И.Д.* Указ. соч. С. 63–64.

Сравнительные теории формируются путем сопоставления черт и свойств изучаемых явлений с аналогичными доступными наблюдению или уже изученными явлениями или другими стадиями развития рассматриваемых явлений. Сравнительные теории особенно широко применяются в изучении социальных и прежде всего исторических явлений. Они представляют собой как бы исходный уровень теоретического познания реальности. Основным при их построении является метод аналогии.

Аналитические теории чаще всего характеризуют относительно ограниченный круг явлений действительности. Основную роль в их построении играют методы анализа и индукции. Аналитические теории широко распространены во всех конкретных науках, в том числе и исторической. Аналитические теории выражают более высокий уровень познания, чем теории сравнительные.

Высшим уровнем теоретического знания в плане глубины отражения действительности *являются теории синтетические*. Они обобщают все знания данной области и поэтому наиболее глубоко характеризуют исследуемые явления и способны интегрировать на основе той или иной идеи ряд других менее широких теорий. При формировании синтетических теорий используются методы синтеза, дедукции, восхождения от абстрактного к конкретному.

Таким образом, классификация научных теорий в той или иной науке в целом или в отдельных ее аспектах и исследовательских сферах позволяет установить уровень заключенных в них знаний об исследуемой действительности, а также методы получения этих знаний и построения соответствующих теорий, что имеет важное значение не только для оценки состояния научных исследований, но и прежде всего для их последующего проведения.

* * *

Научная теория как высшая форма научных знаний имеет широкий диапазон функций. Основной из них является *онтологически-познавательная*, имеющая цель научного познания явлений объективного мира. Содержательная направленность этого познания сводится, как было показано, к *объяснению* событий, явлений и процессов объективного мира, состоящему в раскрытии основных черт, связей и законов их функционирования и развития. Это позволяет "осознать место объектов объяснения в некоторой системе природных или общественных взаимосвязей и законов и в силу этого эффективно действовать в познавательной и (или) практической сфере"[22]. Высшим уровнем научного объяснения и является формирование научной теории исследуемых явлений. В ней объяснение дается путем суждений, основанных на ее составных элементах (по-

[22] Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 125.

нятиях и категориях, законах и идеях), выраженных в форме логического вывода или системы взглядов. Этим научное объяснение отличается от обыденного, практически-эмпирического, даваемого на основе имеющегося практического опыта или эмпирических наблюдений[23].

Главной целью получения научного знания вообще (и научно-теоретического в особенности) является его использование в практической материальной и духовной деятельности (в том числе и научно-познавательной). Такое использование становится возможным лишь в результате объяснения, которое переводит выявленную и выраженную в научных понятиях и категориях, законах и идеях суть явлений объективного мира в систему логических выводов и заключений, могущих представлять практический интерес и использоваться в общественной практике.

Научные объяснения, как и научные теории, весьма разнообразны и могут иметь свою классификацию. В плане практического использования научно-теоретического знания наибольшее значение имеет классификация теорий по степени их познавательной общности. Применительно к познанию общественного развития, как указывалось, выделяются общефилософский, философско-социологический, специально-научный и конкретно-проблемный уровни научно-теоретического знания, а следовательно, и объяснения. Каждый из них играет важную роль как в научном познании, так и в практическом использовании полученного знания. Но особое значение имеет философская форма научного знания. В нем синтезируется специально-научное и конкретно-проблемное научное знание и в наиболее общей форме выражаются самые фундаментальные черты и закономерности функционирования и развития объективного мира, взятого в целом и рассматриваемого с целью выявления места в нем человека.

Но философия не просто обобщает научное знание более низких теоретических уровней. Она играет важную роль в получении знания на этих уровнях. Как было показано, никакая научная теория не может быть построена без основополагающей идеи (или совокупности идей). Источником же этих идей при формировании специально-научных и проблемно-конкретных теорий могут быть прежде всего категории и законы философского знания. Этим обусловлена важнейшая роль философии в научно-теоретическом познании. В этой связи совершенно очевидна несостоятельность призывов к деидеологизации науки, устранению из нее философии, призывов, с которыми выступают ученые-немарксисты и прежде всего буржуазные философы.

Таким образом, лишь в тесном контакте с философией и на ос-

---

[23] См.: *Никитин Е.П.* Объяснение – функция науки. М., 1970; Проблема объяснения и понимания в научном познании: Сб. статей. М., 1982; *Дубинин И.И., Гуслякова Л.Г.* Динамика обыденного сознания. Минск, 1985.

нове ее наука в целом и научно-теоретическое познание в особенности могут успешно осуществлять свою научно-познавательную, объяснительную функцию.

Особенностью современного научно-познавательного процесса является все более отчетливо проявляющаяся тенденция к интеграции, к сближению и взаимопроникновению наук. Эта тенденция вызывается не только потребностью обобщения результатов дифференцированных и специализированных исследований явлений объективного мира, но и необходимостью рассмотрения этих явлений в более широком контексте взаимосвязи и взаимодействия с другими явлениями и сторонами действительности. Такая необходимость подготовлена самим ходом развития научного познания. По мере углубления в сущность более высоких порядков, установление которых расширяет диапазон рассмотрения явлений, возникают пересекающиеся зоны, которые становятся предметом познания различных дисциплин и наук. Последние как бы накладываются некоторыми своими сторонами одна на другую. Это, естественно, приводит к возникновению комплексных исследований. Эффективность подобных исследований, особенно на стыках, точнее говоря, в зонах перекрещивания разных наук, доказана ходом современного развития всех наук. Наиболее ценные результаты при осуществлении научно-теоретическим знанием познавательно-объяснительных функций дают интегрально-комплексные исследования.

Другой социальной функцией научно-теоретического знания является *действенно-практическая*. Ценность научного знания, выраженного в теории, состоит в том, что оно может быть использовано в материальной и духовной деятельности, служит основой для осознанного овладения миром, его преобразования.

Сложность стоящих перед современным обществом задач все в большей мере требует опоры на науку, что, естественно, повышает общественные требования к ней.

Важнейшей отличительной особенностью теоретической формы научного знания является его пригодность для практического использования. В литературе справедливо подчеркивается, что в научной идее, как основе всякой научной теории, слиты воедино два момента. С одной стороны, это объективное отражение действительности, т.е. познавательно-созерцательный аспект знания, а с другой – преобразующие возможности идеи, т.е. действенно-практический аспект научного знания. Поэтому идея выступает как предел познания. "В ней теоретическое познание по существу развивается до порога самоотрицания"[24], ибо знание превращается в практику и в результате его использования действительность обогащается новыми объектами (материальными и духовными).

Наряду с науками естественно-техническими, обеспечивающи-

---

[24] *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. С. 507.

ми развитие материального производства, важную роль в решении задач общественной практики играют и науки общественно-гуманитарные. Одной из ведущих областей практического применения полученных ими научно-теоретических результатов является решение задач, связанных с *организацией* различных сфер общественной жизни и *управлением* ими. На современном этапе развития советского общества особое значение имеют проблемы организации экономики и управления ею. Задачи регулирования и управления занимают видное место и в других сферах общественной жизни (социальной, политической, культурной).

С проблемами организации и управления тесно связаны задачи *прогнозирования* и *перспективного планирования* последующего хода общественного развития. Они также могут успешно решаться лишь на основе широкого и глубокого научного подхода. Предвидение в полной мере может соответствовать действительности лишь в том случае, когда соответствующая научная теория находится на таком уровне, что дает возможность предсказывать новые факты и события. История науки знает немало таких теорий в области как естественных, так и общественных наук.

Наконец, важнейшей областью практических функций научного знания является *просветительско-воспитательная*. Основная цель всей воспитательной деятельности в советском обществе – *формирование у всех его членов научного марксистского мировоззрения*.

Мировоззрение представляет собой целостную, осмысленную и опосредованную общественными и индивидуальными потребностями "систему обобщенных представлений о мире в целом, о свершающихся в нем природных и социальных процессах, об отношении человека к окружающей действительности"[25]. Мировоззрение всегда является обобщенным итогом многостороннего духовного развития соответствующей эпохи. Оно выражает социальные представления, идеалы и устремления. Мировоззрение может быть научным, но может и не быть таким. Мировоззрение становится научным по мере того, как начинает верно отражать объективную действительность. Марксистское мировоззрение является высшим уровнем научного мировоззрения. Оно отличается тем, что наиболее адекватно отражает закономерности развития реального мира.

В формирование научного мировоззрения вносят свой вклад все науки. Но универсальную картину мира, его прошлого, настоящего и будущего вырабатывает философия. Она и играет доминирующую роль в формировании мировоззрения[26]. Поэтому важнейшей функцией марксизма как последовательно научной философской системы является функция мировоззренческая.

---

[25] *Федосеев П.Н.* Философия и научное познание. С. 17.
[26] Там же. С. 18–21.

Мировоззрение, имея в качестве основы науку, оказывает, в свою очередь, воздействие на ее развитие, ибо в центре научно-познавательного процесса стоит познающий субъект, ученый, которому присуще определенное мировоззрение.

Помимо формирования мировоззрения, научно-теоретическое знание является основой для практического решения других просветительско-образовательных и воспитательных задач. Видное место в решении общественно-практических задач занимает и историческая наука. О специфике ее функций в этом плане будет идти речь при рассмотрении места истории в системе наук.

Наконец, еще одной важной функцией научно-теоретического знания является функция *методологическая*, связанная с получением нового научного знания. Роль имеющегося научного знания проявляется здесь в ряде аспектов. Прежде всего оно выступает в качестве основы для изучения самого процесса познания во всех его выражениях. Сложность познавательного процесса, многообразие его форм, путей и методов обусловили возникновение специальной научной дисциплины о познании – *теории познания*, или *гносеологии*. Ее важнейшим разделом является *теория научного познания*, или *эпистемология*. Как теория познания в целом (гносеология), так и теория научного познания (эпистемология) занимаются изучением общих проблем познания. Они, естественно, для решения возникающих в этой области проблем должны опираться на наиболее широкое научное знание о природе, обществе и мышлении. Такие знания концентрирует философия. Поэтому и гносеология и эпистемология – философские дисциплины.

Далее, для получения нового знания об объективной реальности необходимы те или иные исследовательские методы. Они могут дать адекватное знание об объекте познания лишь в том случае, если будут учитывать его объективные свойства. Эти же последние отражаются в имеющемся научном знании, прежде всего научно-теоретическом. Поэтому научные теории выступают в качестве основы при разработке исследовательских методов.

Наконец, многообразие объективной реальности требует применения различных методов ее изучения. Это превращает их разработку в важный и самостоятельный раздел научно-познавательного процесса. Возникающие здесь проблемы относятся к сфере *методологии* и *логики* научного познания. Методология и логика тесно связаны с имеющимся научно-теоретическим знанием, с одной стороны, и являются гносеологической основой и средством разработки исследовательских методов – с другой.

Таким образом, существует тесная взаимосвязь научной теории, методологии и методов исследования. Характер этой взаимосвязи, содержание и роль методологии и методов в научном познании требуют особого рассмотрения.

2. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблемы методологии и методов научного познания, так же как и проблемы научно-теоретического знания, привлекают пристальное внимание советских исследователей[27]. Правда, многие из возникающих здесь вопросов трактуются по-разному.

Научной дисциплиной, занимающейся общим изучением познания как феномена общественной реальности, предстает *гносеология*. "Научная теория познания является особым видом рефлексии над знанием и имеет задачу выявить необходимые условия любого познания и выделить всеобщие познавательные нормы"[27a]. Теория научного познания (эпистемология) – ведущий раздел гносеологии.

Объектом познания гносеологии выступают все проявления взаимодействия субъекта с познаваемым объектом, т.е. гносеология имеет дело с реальными фактами познания и знания как донаучного, так и научного. Как всякая научная теория, гносеология ставит цель выявить сущность исследуемых явлений. Для этого выработан ряд гносеологических категорий: отражение, чувственное и рациональное, эмпирическое и теоретическое, абстрактное и конкретное, истинное и ложное, историческое и логическое и др.

Сложность и многообразие познавательных процессов определили то, что отдельные их аспекты изучаются различными науками, результаты которых обобщаются гносеологией. Большой материал для понимания познавательного процесса дает изучение истории развития отдельных наук – истории философии, языка, физиологии органов чувств, психико-мыслительных процессов и т.д. Опираясь на результаты конкретных наук о науке и процессе познания и дополняя их собственными исследованиями, гносеология дает общую картину познавательного процесса и научного познания в особенности. В этом плане она является философской наукой. Поскольку "диалектика, как указывал В.И. Ленин, *и е с т ь* теория познания

---

[27] См.: *Андреев И.Д.* О методах научного познания. М., 1964; *Он же*. Научная теория и методы познания. М., 1975; *Штофф В.А*. Введение в методологию научного познания. Л., 1972; *Быков В.В*. Методы науки. М., 1974; *Рузавин Г.И*. Методы научного исследования. М., 1974; *Копнин П.В*. Гносеологические и логические основы науки; *Солдатов В*. Методология научного познания. Киев, 1975; *Ильичев Л.Ф*. Философия и научный прогресс: Некоторые методологические проблемы естествознания и обществознания. М., 1977; *Пальчевский Б.А*. Научное исследование: Объект, направление, метод. Львов, 1979; Эвристическая и методологическая функции философии в научном познании: Коллективная монография / Под ред. В.А. Асеева и Г.А. Подкорытова. Л., 1980; *Лекторский В.А*. Субъект. Объект. Познание. М., 1980; Методология наук в системе вузовского преподавания: Коллективная монография. Воронеж, 1982; Гносеология в системе философского мировоззрения: Коллективная монография / Под ред. В.А. Лекторского. М., 1983; *Иванова Р.И., Симанов А.Л*. Реализация методологической функции философии в научном познании и практике. Новосибирск, 1984, и др.

[27a] *Лекторский В.А*. Указ. соч. С. 307.

(Гегеля и) марксизма"[28], некоторые философы полагают, что гносеологию вообще не следует выделять в самостоятельный раздел или дисциплину марксистской философии[29]. Материалистическая диалектика, несомненно, включает в себя в наиболее общей форме и теорию познания (как и логику), но это не исключает и самостоятельного развития последней, более конкретной разработки в ней на основе идей и принципов диалектики проблем познания вообще и научного познания в особенности.

Гносеология, занимаясь изучением познавательного процесса в целом, тем самым выступает "как теоретическая основа анализа научного познания в таких дисциплинах, как методология и логика науки, которые делают специальным предметом своего исследования механизмы, процессы и формы познания, как они осуществляются в науке"[30]. Но прежде чем рассматривать конкретную роль методологии и логики науки (в первую очередь, методологии) в исследовательском процессе, надо остановиться на характеристике метода научного познания, ибо именно он является конкретным средством оперирования имеющимися научными знаниями и приобретения новых знаний.

Несмотря на кажущуюся очевидность того, чтó представляет собой исследовательский метод, есть мнение, в соответствии с которым определить метод – "задача потруднее, чем задача общего определения закона и теории"[31]. Что же касается ученых-немарксистов, то даже среди наиболее выдающихся из них существует мнение вообще о невозможности такого определения. Так, например, Дж. Бернал утверждает, что "научный метод подобно самой науке не поддается определению"[32]. Трудности с определением сущности научного метода имеют реальные основания. Прежде всего они состоят в чрезвычайном многообразии и методов науки, и методов практической деятельности. Далее, любой научный метод имеет сложную и изменяющуюся структуру, применяется в совокупности с другими методами и может играть разную роль на разных стадиях исследования (при постановке проблемы, на эмпирической стадии выявления и систематизации фактов, при объяснении фактов и формировании теории). Среди научных методов существенно различаются методы, направленные на оперирование с *имеющимся* научным знанием, и методы, используемые для получения *нового* знания, ибо здесь решаются различные познавательные задачи. Главной из них в первом случае является установление того, насколько ранее полученное знание объективно *отражает* реальность. Во

---

[28] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 321.
[29] Об этом см.: *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. С. 43–45.
[30] Гносеология в системе философского мировоззрения. С. 127.
[31] *Петров Ю.А.* Логические функции категорий диалектики. М., 1972. С. 242.
[32] *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1956. С. 21.

втором же случае главной задачей выступает обеспечение возможности *получения* истинного знания. Очевидно, что решение этих задач требует разных подходов и методов.

Однако указанные сложности не исключают возможность определить сущность научного метода. И такие определения даны. Одним из них является следующее: "Метод представляет определенную последовательность действий, приемов, операций, выполнение которых необходимо для достижения заранее поставленной цели"[33]. В других аналогичных дефинициях подчеркиваются системность метода, согласованность и нормативный характер предусматриваемых им процедур[34].

Иначе говоря, научный метод представляет собой совокупность путей и принципов, требований и норм, правил и процедур, орудий и инструментов, обеспечивающих взаимодействие субъекта с познаваемым объектом с целью решения поставленной исследовательской задачи.

Таким образом, если научная теория как форма знания *отражает* объект, то метод как средство познавательной деятельности *направлен на познание объекта*.

Чтобы окончательно решить вопрос о месте метода в системе познавательной деятельности, надо рассмотреть его соотношение с другими элементами этой деятельности. Иногда метод научного познания отождествляют со *способом* познания. Эти понятия действительно однотипны, но не тождественны.

Способ – это познавательное средство, которое не имеет ни строгого обоснования, ни четко выраженного целевого назначения, ни определенной последовательности исследовательских процедур. В общем способ – стихийное, практически-эмпирическое средство познания. Метод – тоже средство познания, но по сравнению со способом его "отличает высокая специализированность, его функциональные возможности всегда четко определены, он является формой *теоретического освоения действительности*"[35]. Короче говоря, метод – это научно обоснованное познавательное средство.

Поскольку исследовательский процесс включает в себя определенные операции и процедуры, к совокупности их и сводят порой суть метода. Метод несомненно включает в себя соответствующие операции и процедуры, но не исчерпывается ими, как увидим далее. Сами же понятия "*операция*" и "*процедура*" также не однозначны. *Операция* – это некое простейшее действие (например, суммирование каких-либо количественных показателей). *Процедура* же пред-

---

[33] *Рузавин Г.И.* Методы научного исследования. С. 21.

[34] См.: Эвристическая и методологическая функции философии в научном познании. С. 33; Методология наук в системе вузовского преподавания. С. 11– 12 и др.

[35] Эвристическая и методологическая функции философии в научном познании. С. 32 (курсив мой. – *И.К.*).

ставляет собой совокупность определенных операций (например, измерение).

Наконец, о понятии "*средство* познания". Оно является наиболее широким и собирательным. И способ и метод – это средства познания. Но, кроме того, к последним относятся орудия и инструменты познания, различные знаковые системы (естественные и искусственные языки), логические операции и процедуры и т.д.

В общем можно сказать, *научный метод представляет собой теоретически обоснованное нормативное познавательное средство*.

Важное значение для понимания сути метода и его разработки имеет правильный учет соотношения в нем объективного и субъективного. Идеализм всегда представлял метод и по сути, и по происхождению как сугубо субъективное средство, как творение познающего субъекта. Метод – действительно творение исследователя, и его роль нельзя принижать или игнорировать. Но, как подчеркивает диалектический материализм, всякий метод познания имеет объективную основу. Это – независимая от субъекта познаваемая реальность; без учета ее характера не может быть выработан ни один правильный метод ее познания. Поэтому всякий метод научного познания есть единство объективного и субъективного.

Объективные знания о реальности содержит научная теория. Она и является основой для выработки методов, направленных на дальнейшее познание реальности. Однако теория – лишь основа для выработки метода, но не сам метод, как иногда считают[36]. Категории, законы, идеи той или иной теории отражают свойства и суть объекта, но не сам процесс его познания. Но знание свойств и сути объекта и то, что теория позволяет предвидеть какие-то новые свойства и в этой связи поставить новую познавательную задачу, и является основой для выработки метода познания. Тем самым обуславливается объективность метода.

Между теорией и методом существует диалектическая взаимосвязь, основанная на результатах предыдущих исследований. Теория является основой для выработки метода. Метод же, основываясь на результатах предыдущих исследований, можно считать средством получения нового знания, обогащающего и развивающего теорию. До тех пор, пока метод "работает" на подтверждение существующей теории, происходит ее (теории) постепенное углубление и совершенствование. Когда появляются такие факты, которые не укладываются в старую систему знаний, а это чаще всего связано с применением новых методов исследования, существующая система знаний рушится и на смену ей приходит новая система теоретического знания, которая раскрывает в изучаемых яв-

---

[36] Об этом см.: *Бухалов Ю.Ф.* Соотношение теории и метода в научном познании // Философские науки. 1981. № 4.

лениях действительности сущности более высокого порядка, чем прежняя теория.

Важен вопрос об *истинности* и *правильности* метода, о его способности приводить к объективным знаниям об изучаемой реальности. Напомним в этой связи одно принципиально важное мнение: "В силу того, что метод основывается на объективно-истинной теоретической системе (т.е. системе знаний о действительности. – *И.К.*), он по существу не может быть неправильным. Неправильным может быть практическое применение метода субъектом, в частности распространение сферы действия метода за пределы предмета, закономерности которого отражены в теоретической системе, лежащей в основе данного метода". Объективно-истинная основа метода в гносеологическом отношении означает "переход истинности в правильность". Неправильный метод возможен только как ошибка[37]. К этому, безусловно, справедливому положению надо добавить, что учет имеющегося истинного знания об объекте является важнейшим, но не единственным фактором, определяющим правильность метода. Помимо онтологической основы, есть еще и *гносеологическая* основа правильности метода. Кроме того, метод обладает и свойством *эффективности*, которая определяет, так сказать, его проникающие возможности.

Чтобы быть правильным и эффективным, метод должен опираться не только на истинное знание об объекте познания, но и на такое же знание о чертах, закономерностях и сущности научно-познавательного процесса, т.е. на общую теорию познания и теорию познания соответствующей науки. Для выяснения роли гносеологических оснований метода надо рассмотреть структуру метода и основные этапы его разработки.

Всякий научно-исследовательский процесс начинается с постановки проблемы, исследовательской задачи и определения целей ее решения. Бесконечное многообразие явлений объективной реальности обуславливает необходимость определения конкретного аспекта исследования и его задач. Без этого никакое исследование не может быть плодотворным[38]. Постановка той или иной проблемы определяется практическими потребностями, непосредственно-деятельностными и научно-познавательными, а ее сущностное содержание – имеющимся научным знанием.

Постановка проблемы является сложной исследовательской процедурой не только при оценке практической значимости проблемы, но и при выявлении того, что некая проблема вообще существует. Здесь требуется анализ имеющегося знания для выявления тех следствий, которые из него вытекают, а также того, в какой мере это знание вписывается в существующую общую научную картину

---

[37] *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. С. 512–513.

[38] Об этом см.: *Берков В.Ф.* Научная проблема. Минск, 1979.

соответствующей сферы объективной реальности и как данная система знания (теория) соотносится с другими теориями, характеризующими рассматриваемый круг явлений, и т.д. Выявление антиномий (логических противоречий) и парадоксов в существующем знании, противостоящих или конкурирующих теорий и гипотез ведет к постановке новых исследовательских проблем[39].

Для решения всех этих вопросов применяются различные методы изучения существующего знания. Сложности, связанные с постановкой научной проблемы, и породили мнение, выраженное А. Эйнштейном и Л. Инфельдом: "Формулировка проблемы часто более существенна, чем ее решение"[40].

Решение научной проблемы, даже если она связана с изучением какой-то ограниченной сферы явлений действительности, требует применения целой совокупности методов. Любой метод представляет собой систему определенных компонентов и имеет свою внутреннюю структуру.

Прежде всего метод включает в себя краеугольные посылки, которые образуют его основу и характеризуют суть. Такими посылками являются *подход* и *принцип*. Подход определяет основной путь решения поставленной исследовательской задачи. Он раскрывает стратегию этого решения. "Представляется логичным и целесообразным, – указывает группа авторов, – понятие подхода связывать в первую очередь с фиксацией определенной направленности, ориентации научного исследования"[41]. Правда, названные авторы выносят подход за пределы метода, ограничивая содержание последнего лишь "технологией" исследования. Но с этим нельзя согласиться, ибо не может быть технологии без ее определенной направленности.

Существует целая совокупность подходов к решению научно-исследовательских задач. Эти подходы сформировались в результате обобщения научно-исследовательской практики и поэтому имеют общенаучный характер, т.е. применяются во всех или многих науках. Давно известны в науке такие подходы, как абстрактный и конкретный, логический и исторический, индуктивный и дедуктивный, аналитический и синтетический, динамический и статический, описательный и количественный, генетический, типологический, сравнительный и др.

В современной науке выработан ряд новых общенаучных подходов – системный, структурный, функциональный, информационный, вероятностный, модельный и др.[42] Каждый указанный подход характеризует один из возможных путей проведения исследования.

---

[39] См.: *Зеленков А.И.* Принцип отрицания в философии и науке. Минск, 1981.
[40] Цит. по: *Зеленков А. И.* Указ. соч. С. 78.
[41] *Готт В.С., Семенюк Э.Л., Урсул А.Д.* Категории современной науки. 1984. С. 148.
[42] Общую характеристику новых научных подходов см.: Там же.

Все исследовательские подходы синтезируются в двух противоположных общефилософских подходах к познанию объективной реальности – диалектическом и метафизическом. Внутреннее содержание конкретных подходов определяется характером философского подхода.

Подход, намечая основной ракурс исследования объекта в свете поставленной задачи, определяет лишь самую общую особенность того или иного метода. Конкретное же содержание метода выражают *принципы*, присущие соответствующему подходу. В определении того, что такое принцип, среди философов существуют самые различные мнения. Принцип рассматривают как правило, средство, метод, существенное суждение, закон, основание, исходное положение и т.д. Отмечают двоякую природу и двоякую роль принципа, т.е. характеризуют его и как знание о действительности (онтологические принципы), и как средство ее познания (гносеологически-методологические принципы)[43].

Как показывает исследовательская практика, принцип является гносеологически-методологическим понятием. *Принцип* представляет собой основополагающее начало (в этом плане он выступает как идея) решения той или иной научной проблемы (а в более широком плане любой задачи); его содержание выражается в определенных требованиях, имеющих *нормативно-регулятивный* характер. Соблюдение этих требований – непременное условие успешного применения соответствующего метода.

По своему функциональному месту в методе принцип – гносеологически-методологическое средство реализации соответствующего подхода. Так, например, одним из принципов, на основе которых может быть реализован сравнительный подход, является принцип аналогии. Реализация этого принципа требует учета качественной однотипности сравниваемых явлений, т.е. их структурного и функционального родства и стадиальных различий в их развитии, для чего, в свою очередь, необходимы сопоставимые в содержательном отношении характеристики явлений. Другим принципом реализации сравнительного подхода может выступать принцип типологизации. Он требует, чтобы типы объектов в сравниваемых их совокупностях выделялись на основе единых общих критериев и конкретных показателей.

Исследовательский подход и принцип тесно взаимосвязаны и переплетены и могут как бы меняться местами. Так, генетический подход основан на принципе историзма. Исторический же подход, наоборот, требует генетического принципа рассмотрения явления. На первый взгляд, это одно и то же. Но в действительности – это не так, ибо история предмета или явления и их генезис не идентичны.

---

[43] См.: *Подкорытов Г.А.* Особенности принципа как формы научного познания // Роль принципов и понятий в социальном познании. Л., 1976. С. 3 и сл.

Тесная взаимосвязь подхода и принципа, в силу чего их часто и называют просто методом, обусловлена тем, что оба они основаны на учете, с одной стороны, знания о действительности, а с другой – о познавательном процессе, т.е. базируются на теории как высшей форме знаний о реальности и гносеологии. В подходе и принципе существующее онтологическое и гносеологическое знание приобретает практически-познавательный, исследовательский характер в форме абстрактного, теоретического знания. Последнее, представляя собой основу метода, является его *теорией*.

Таким образом, в теории метода обосновываются постановка проблемы, основной подход (или путь) ее решения и принципиальные нормативные условия и требования реализации подхода для адекватного реальной действительности раскрытия исследовательской задачи.

Вопрос о теории метода научного познания пока еще не привлек должного внимания специалистов по проблемам научного познания, хотя разработка этого вопроса имеет важное гносеологическое значение. Исследователи еще только приступают к его рассмотрению[44].

Теория метода при всей ее несомненно определяющей роли сама по себе еще не позволяет осуществить исследование. Принципы получения нового знания, обоснованные в теории метода, практически реализуются в "приемах и логических операциях, с помощью которых принципы... начинают работать"[45]. Совокупность правил и процедур, приемов и операций, позволяющих на практике реализовать идеи и требования принципа (или принципов), на которых основан метод, образуют *методику* соответствующего метода. Методика – такой же непременный структурный компонент метода, как и его теория.

Наконец, правила и процедуры, приемы и операции (т.е. сама методика) могут быть приведены в действие при наличии определенных орудий и инструментов. Их совокупность составляет третий структурный компонент научного метода – *технику исследования*.

Основные элементы структуры научного метода, его теория, методика и техника тесно и диалектически взаимосвязаны, причем несомненна ведущая роль теории. Именно она определяет содержание методики, а последняя – характер применяемой техники. Но такое положение имеет место в окончательно сложившейся структуре метода. В самой же исследовательской практике формирование нового метода может идти не только по линии: проблема, теория, методика, техника. Много примеров тому, что выработка метода определялась обращением к новым техническим средствам. Это требовало разработки иных методических и теоретических реше-

---

[44] См.: Методология наук в системе вузовского преподавания. С. 19–20.

[45] *Зеленков А.И.* Указ соч. С. 70.

ний научных проблем и в конечном счете приводило к постановке таких проблем, которые прежде даже не выдвигались.

Все это говорит о том, что в тех случаях, когда возникает потребность или стремление в получении принципиально новых знаний, имеющееся знание (как о самой изучаемой реальности, так и о познавательном процессе) может и не создавать достаточной основы для разработки эффективных методов получения такого знания. Необходимо радикальное переосмысливание существующей научной традиции (в онтологическом, гносеологическом и методологически-логическом отношении), что требует изменения способа и стиля научного мышления, поиска иных основ для разработки метода. Такие основы и метод могут быть привнесены из другой области науки, либо разработаны на основе оригинальной идеи, либо получены в результате серии экспериментов. Это никоим образом не превращает метод во всецело субъективное познавательное средство, ибо возможность для получения принципиально нового знания, перехода знания на качественно новый уровень подготавливается предшествующим развитием знания, т.е. имеет объективную предпосылку, а не совершается по наитию и вдруг, как порой полагают.

Таким образом, метод имеет совершенно определенную структуру, а его выработка представляет собой сложный процесс. Чрезвычайно разнообразна и совокупность методов, используемых в той или иной науке, не говоря уже о науке в целом. При условии же, что "искусство оперировать понятиями, как указывал Ф. Энгельс, не есть нечто врожденное и не дается вместе с обыденным, повседневным сознанием"[46], разработка научных методов, использование и изучение их должны опираться на какое-то теоретическое знание. Таким знанием и является *методология* научного познания.

Существуют различные определения научной методологии[47]. Резюмируя их, сущность методологии можно выразить следующим образом. *Методология* есть теория научно-познавательной деятельности, направленная на изучение и разработку методов научного познания. В этом плане методология, несомненно, должна рассматриваться как составная часть гносеологии, на что и указывается в ряде исследований[48]. В гносеологии методология выступает как *учение* о методах познания, т.е. как *теория* методов, ибо именно она, опираясь на онтологическое и гносеологическое знание, преобразуя и перенося его в исследовательскую сферу, определяет и характер постановки проблемы, и выбор адекватных путей (подходов) и

---

[46] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 14.

[47] См.: *Андреев И.Д.* О методах научного познания. С. 230–232; *Иванова Р.И., Симанов А.Л.* Указ. соч. С. 40 и сл.

[48] См.: *Штофф В.А.* Введение в методологию научного познания. Л., 1972. С. 14; *Рузавин Г.И.* Методы научного исследования. С. 24–25.

принципов ее решения, и перевод этих принципов в систему нормативных и регулятивных требований.

В философской литературе вызывает споры вопрос об уровнях методологии. Одни исследователи полагают, что существует "единая научная, диалектико-материалистическая методология как система общих принципов подхода к изучению окружающего мира и как учение об общих методах познания, которая своеобразно, специфически применяется и преломляется в каждой конкретной науке"[49]. Другая точка зрения сводится к тому, что наряду с диалектико-материалистической, философской методологией, выступающей в качестве общеметодологической основы познания и практической деятельности, существует и "методология конкретно-научная, т.е. система методологических принципов, исходящая из содержания самой конкретной теории"[50], т.е. знания, отражающего те или иные явления реальности. Поскольку методология основывается на знании о реальности, а это знание отражает разные ее (реальности) сферы и на разных уровнях, то очевидна справедливость второй точки зрения.

Надо лишь добавить, что основой выделения уровней методологии должен быть уровень теоретического знания о действительности. Применительно к общественным явлениям, как указывалось, существуют четыре таких уровня: общефилософский, философско-социологический, специально-научный и конкретно-проблемный. В методологии, как и вообще в теории, эти уровни тесно взаимосвязаны и ведущим из них, оказывающим определяющее воздействие на другие, является общефилософский. В свою очередь, он синтезирует результаты развития других уровней методологии. Философским уровнем методологии является материалистическая диалектика. Ее принципы (законы) требуют рассмотрения всех явлений в развитии, во взаимосвязи и внутренней закономерности, в единстве и борьбе противоположностей, в обусловленности изменений внутренними противоречиями[51].

При объяснении же явлений общественной жизни основополагающим принципом, выражающим методологическую функцию исторического материализма, является признание первичности бытия и вторичности общественного сознания[52]. Все эти принципы выступают определяющими при разработке требований и норм, имеющих как регулятивно-нормативный (т.е. обеспечивающий объективный ход исследовательского процесса), так и конструк-

---

[49] *Андреев И.Д.* О методах научного познания. С. 231.

[50] *Иванова Р.И., Симанов А.Л.* Указ. соч. С. 44.

[51] См.: Принципы материалистической диалектики как теории познания. М., 1984.

[52] О методологических функциях исторического материализма см.: Исторический материализм как социально-философская теория /Под ред. В.И. Разина. М., 1982. С. 27 и сл.; Категории исторического материализма и их методологическая функция. Киев, 1986.

тивный (т.е. позволяющий получить адекватное знание) характер научного метода[53].

Если говорить о регулятивных требованиях принципов материалистической диалектики, то к числу важнейших из них принадлежат следующие.

Объект познания должен рассматриваться во всем реальном многообразии, и постановка научной проблемы не должна иметь никаких ограничений.

Никакой метод научного познания не может быть абсолютным. Для успешного решения исследовательской задачи необходимо применение различных, адекватных ее сути методов.

При материалистической основе интерпретации конкретно-научных фактов и раскрытии сути исследуемых явлений должно учитываться воздействие на них других факторов, т.е. подход к объяснению должен быть самым широким.

Конструктивные требования принципов материалистической диалектики применительно к познанию общественных явлений предполагают раскрытие[54]: 1) материальной обусловленности возникновения и функционирования соответствующего явления; 2) его места в целостном социальном организме; 3) присущих ему закономерностей, особенностей и специфических черт; 4) его социальных функций и роли в развитии социального целого.

Очевидно, что указанные методологические подходы, принципы и требования философского уровня должны учитываться при разработке любых методов. Но эти подходы, принципы и требования не покрывают собой всей методологии, не исключают ее специального и конкретного научного уровня, ибо они играют роль лишь общей исследовательской стратегии, не определяя ни конкретного содержания, ни этапов исследования. Эти последние могут быть выработаны лишь при учете сути исследуемых явлений и специфики их познания, т.е. на основе теории и методологии познания соответствующего уровня.

Наконец, следует отметить, что методология, как и теория, играет важную роль в мировоззрении, особенно на общефилософском уровне. Это вполне закономерно, ибо основной задачей философской методологии выступает общетеоретический анализ общих подходов, принципов и методов познания, их возможностей и ограниченности, ведущих направлений и тенденций научного познания, выработки общей стратегии научно-исследовательской деятельности и т.д. Поэтому история науки – это борьба не только теорий, от-

---

[53] В литературе справедливо отмечается, что “работа по систематическому обоснованию и формулированию правил диалектического метода еще только начата” (*Иванова Р.А., Симанов А.Л.* Указ. соч. С. 36–37).

[54] См.: *Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Теория и история: (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981. С. 45.

ражающих знание о мире, но и теорий, направленных на получение этого знания. Рубежом всемирно-исторического значения здесь было возникновение марксизма, теории диалектического и исторического материализма, которая и является единственной последовательно научной, объективной теорией, методологией и логикой научного познания.

Таким образом, методология выступает как теория методов научного познания. Но в методе теория приводится в действие посредством методики, которая принципы и требования методологии переводит в логические правила и процедуры.

Логика (формальная и диалектическая) – наука о формах и законах мышления – изучает движение научного знания к истине. Логика является не только методом анализа и преобразования имеющегося знания, но и средством получения нового знания. "Даже формальная логика, – указывал Ф. Энгельс, – представляет собой прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному"[55]. Однако познавательные возможности формальной логики ограничены в силу того, что она рассматривает предметы как таковые вне их взаимосвязи и развития всех процессов. Этот основной недостаток формальной логики преодолевается в логике диалектической, которая ориентирована на всестороннее рассмотрение явлений реальности во всей их сложности, изменчивости, противоречивости и движении[56].

Логика формальная и логика диалектическая выполняют в познавательном процессе разные роли. Диалектическая логика является конструктом в методологии научного познания, в разработке теории исследовательских методов. Логика же формальная выступает средством разработки методики, поскольку последняя составляет совокупность правил и процедур, складывающихся из простых операций.

Логика является мощным средством научно-познавательной деятельности в силу того, что ее понятия и категории, законы и принципы представляют собой адекватное отражение объективного в субъективном сознании человека.

С одной стороны, это обусловлено практической деятельностью человека, которая **"МИЛЛИАРДЫ РАЗ ДОЛЖНА БЫЛА ПРИВОДИТЬ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ПОВТОРЕНИЮ РАЗНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ФИГУР, ДАБЫ ЭТИ ФИГУРЫ МОГЛИ ПОЛУЧИТЬ ЗНАЧЕНИЕ АКСИОМ"**[57].

С другой стороны, способность сознания объективно отразить реальный мир вытекает и из того, что "продукты человеческого

---

[55] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 138.

[56] См.: *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. М., 1974; Диалектика научного познания: Очерк диалектической логики. М., 1978; Проблемы материалистической диалектики как логики и теории познания. М., 1978, и др.

[57] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 172.

мозга, являющиеся в конечном счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей"[58]. Поэтому "диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира"[59].

Следовательно, существует объективная возможность и реальность построения правильного метода исследования и на уровне его теории, и на уровне его методики. Что касается техники научного метода, то ее базой являются материальные и духовные достижения общественной практики. Общественная практика либо непосредственно дает необходимые орудия и инструменты научного исследования, либо они специально конструируются на основе ее достижений.

И последний вопрос – *об уровнях методов* научного познания. Существует мнение, что "ни в одной науке нет каких-то абсолютно своих, неповторимых методов". То, что относится к частнонаучным методам, представляет собой различные сочетания "в процессе исследования небольшого количества широко известных исследовательских приемов". Специфика использования последних обусловливается "новизной условий, в которых они применяются, качеством объектов, на исследование которых они направлены"[60]. Такое положение действительно имеет место, но дело в том, что метод – это ведь не просто совокупность каких-то исследовательских приемов, которые могут быть стандартными, а сложное сочетание теории, методики и техники, определяемое особенностями объекта познания. Поэтому для уяснения "технологии" построения и функционирования методов исследования, предназначенных для познания той или иной конкретной реальности, нужна классификация методов, в которой, так сказать, была бы видна вертикальная структура компонентов, образующих метод, предназначенный для решения определенной исследовательской задачи (горизонтальная структура метода выражается во взаимосвязи его теории, методики и техники). Такая классификация может быть основана на учете степени общности методов, т.е. диапазоне реальности, которая может быть охвачена при их применении. В этом плане можно выделить следующие уровни (или категории) научно-исследовательских методов[61].

Философские методы научного познания, раскрывающие общие пути (подходы) и принципы познания реальности, являются всеобщими, характеризуют ход исследовательского процесса в целом и применимы при изучении всех проявлений действительности. Это – диалектико-материалистический и метафизический методы. Если в

---

[58] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е-изд. Т. 20. С. 35.

[59] Там же. Т. 21. С. 302.

[60] Эвристическая и методологическая функции философии в научном познании. С. 41.

[61] О классификации методов научного познания см.: *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. С. 514 и сл.

области теории основной линией борьбы была и остается борьба материализма с идеализмом, то в области методологии науки и исследовательских методов – борьба диалектики и метафизики. Метафизика, как известно, была закономерным этапом в развитии науки и сыграла конструктивную роль в этом развитии на той его стадии, когда в центре внимания исследователей находилось познание вещи как таковой вне ее взаимосвязи и развития[62].

Но в дальнейшем в силу своей статичности, односторонности и умозрительности метафизика стала преградой на пути научного прогресса. Действенным методом научного познания, как показывает вся история науки, является материалистическая диалектика.

Другую категорию научно-исследовательских методов образуют *общенаучные методы* познания. Они применяются во всех или многих науках и в отличие от общефилософских методов охватывают лишь определенные аспекты научно-познавательной деятельности, являются одним из средств решения исследовательских задач. Так, индукция и дедукция выражают разные подходы к раскрытию сути изучаемых явлений, а анализ и синтез – это разные методы проникновения в эту суть. Описательные и количественные методы – это средства и формы выражения информации об исследуемых явлениях, а моделирование – метод формализованного представления знаний, присущий более высоким ступеням научного познания.

Развитие науки ведет к появлению новых общенаучных методов, что обогащает ее исследовательский арсенал. Уже отмечалось, что успехи в развитии современной науки привели к возникновению ряда общенаучных подходов и методов (системно-структурный и функциональный анализ, моделирование, информационно-энтропийный анализ, алгоритмизация и др.).

В практике научных исследований обращение к тому или иному общенаучному методу определяется характером изучаемых явлений и поставленной исследовательской задачей.

То, что общенаучные методы выражают лишь отдельные аспекты познавательной деятельности, обусловливает необходимость применения при изучении тех или иных явлений ряда этих методов. Так, моделирование требует системно-структурного подхода и анализа, оно может быть индуктивным или дедуктивным и основываться на описательных или количественных методах.

Успех применения общенаучных методов зависит от общих теоретико-методологических основ исследования и от того, на каком общефилософском методе они базируются. В этом отношении лишь материалистическая диалектика открывает возможность для успешного использования всех общенаучных методов. Сами же эти методы позволяют на практике реализовать принципы диалектико-материалистического познания действительности. Лишь возникно-

---

[62] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 20–21.

вение марксизма, выработавшего и утвердившего диалектико-материалистический метод, позволяющий последовательно объективно, адекватно и наиболее результативно познавать реальность, привело к тому, что общенаучные методы познания сложились в единую и развивающуюся *систему* познавательных средств. С марксизмом связано и возникновение ряда из этих методов.

Таким образом, общефилософские и общенаучные методы представляют два уровня тесно взаимосвязанных методов научного познания.

На философских и общенаучных методах основываются методы *специально-научные*. Это – методы, которые применяются в той или иной науке *в целом*. Их теоретическим базисом являются теории специально-научного уровня. Роль этих онтологически направленных теорий в формировании специально-научных методов состоит в том, что они определяют характер тех методологических принципов и нормативно-регулятивных требований, которые составляют теорию метода. Специфика этих принципов и требований определяется особенностями объекта познания соответствующей науки. Скажем, историческую науку от других общественно-гуманитарных наук отличает то, что она изучает прошлое. Это, как будет показано далее, обусловило выработку методов, которые характерны именно для исторического исследования.

Наконец, низший уровень образуют методы *конкретно-проблемные*. Они направлены на изучение конкретных явлений, характеризующих те или иные стороны и явления действительности, составляющей объект познания соответствующей науки. Суть этих явлений выражается в теориях конкретно-проблемного уровня. Они и определяют специфику методологии (теории) конкретно-проблемных методов, т.е. тех принципов и требований, на которых основаны эти методы. Если, например, изучается ход экономического развития той или другой страны в тот или иной период времени, то непременными принципами и требованиями к такому изучению и его методам должен быть показ производственно-экономической (формационной) сущности этого развития, его стадиального уровня, обусловленности его темпов характером соотношения производительных сил и производственных отношений и т.д. Иначе говоря, это развитие должно быть представлено как объективный, закономерный и внутренне обусловленный исторический процесс. А если же исследуется какое-то идеологическое общественное явление, то здесь непременным принципом и требованием к анализу будет сведение индивидуального к социальному и раскрытие сущности идеального через материальное, т.е. показ сути субъективного на основе объективного. Ясно, что исследовательские методы в первом и втором случае будут различными.

Кроме теорий, отражающих суть рассматриваемых явлений, конкретно-проблемные методы основываются на специально-научных, общенаучных и философских методах.

Следовательно, при всем многообразии (прежде всего за счет многочисленности конкретно-проблемных методов) вся совокупность научных методов представляет собой иерархически упорядоченную и тесно взаимосвязанную систему, включающую методы разных уровней.

Таков основной круг вопросов, на которых необходимо было остановиться прежде, чем переходить к рассмотрению проблем, связанных с методологией и методами исторического исследования.

Глава 2

МЕСТО ИСТОРИИ В СИСТЕМЕ НАУК, ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТА И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Специфика методов научного познания, применяемых в той или иной области науки, как было показано, определяется характером тех явлений объективной реальности, которые подвергаются изучению, сутью поставленной исследовательской задачи, а также местом данной науки в общей системе наук, ибо от этого зависят возможности применения в данной науке методов других наук. Поэтому в настоящей главе прежде всего рассматривается вопрос об объекте познания общественно-гуманитарных наук и исторической науки, о месте последней в системе наук. Центральной здесь является задача определения соотношения исторического материализма и исторической науки, социологического и исторического познания и знания, поскольку объект познания этих наук один и тот же.

Вопрос о соотношении социологии как обобщающей, и истории как конкретной науки давно вызывает среди ученых споры. Среди советских философов и историков по этому вопросу также высказываются различные мнения.

Иной круг проблем связан со спецификой объекта общественно-гуманитарного, в том числе и исторического познания, которая состоит в органическом сочетании в общественной жизни объективного и субъективного. Одним из важнейших выражений этой специфики является альтернативность общественно-исторического развития. Выявление предпосылок возникновения исторических альтернатив, а также целей и путей изучения их требует специального рассмотрения, тем более, что проблемы альтернативности в историческом развитии и в исторической науке еще не привлекли должного внимания советских историков.

Далее, историческая наука сравнительно с другими общественно-гуманитарными науками характеризуется тем, что объектом ее познания является прежде всего общественное развитие в прошлом.

Это, естественно, определяет особенности исторического познания. Поскольку объект познания здесь, как правило, невозможно наблюдать или воспроизвести в эксперименте, постольку возникает вопрос о реальности прошлого как объекта познания и возможности отражательного его познания. В этом вопросе между представителями различных направлений в теории и методологии исторического познания также существуют принципиальные расхождения, отражающие диалектико-материалистический и субъективно-идеалистический подходы к пониманию прошлого и его изучению. Наконец, будучи обращено на прошлое, историческое познание имеет ретроспективный характер. Как это сказывается на методах и результатах исторических исследований – важный, но опять-таки слабо изученный вопрос.

Таким образом, задачей главы является рассмотрение вопросов о том, в какой мере историческое познание подчинено общим закономерностям научного познания и обладает его основными чертами и в чем специфика исторического познания.

1. МЕСТО ИСТОРИИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Диалектический материализм исходит из того, что всякое познание и полученное в результате него знание представляют собой отражение сознанием людей черт, свойств, связей, закономерностей и тенденций развития явлений и процессов объективного естественного и общественного мира. Все знания имеют отражательный характер. Поэтому основой марксистской теории познания является теория отражения.

Всякое научное познание представляет собой взаимодействие познающего общественного субъекта с познаваемым объектом. Разные науки отличаются прежде всего своими объектами познания.

Объект познания – это совокупность качественно определенных явлений и процессов реальности, существенно отличных по своей внутренней природе, основным чертам и законам функционирования и развития от других объектов этой реальности.

Среди некоторых советских философов существует мнение, что объект – это не просто вся реальность, существующая независимо от субъекта, а та ее часть, которая находится во взаимодействии с субъектом, т.е. вовлечена в познавательный процесс. Не включенная же в этот процесс действительность, оставаясь объективной реальностью, являет собой некую всеобщность, в которой слиты воедино все ее свойства и черты[1]. Указанное ограничение правомерно

---

[1] См., например: *Петров Ю.В.* Практика и историческая наука: Проблемы субъекта и объекта в исторической науке. Томск, 1981. С. 231–234.

лишь с позиций чисто гносеологического подхода к познавательному процессу. Но и в этом случае надо учитывать, что, во-первых, онтологический и гносеологический аспекты познания тесно взаимосвязаны и познание имеет практически-действенную направленность; во-вторых, и в гносеологическом плане, с точки зрения интересов практически-познавательной деятельности, целесообразно под объектом познания иметь в виду всю объективную реальность. Тем самым познание приобретет реальный ориентир для своего расширения и углубления.

Поскольку практически познание на любом историческом этапе своего развития охватывает лишь часть реальности, необходимо понятие, раскрывающее то содержание объекта познания, которое включено в познавательный процесс. Таким понятием является *предмет* познания. Приведенное выше ограниченное понимание объекта познания фактически и выступает как предмет познания. Поэтому сторонники указанного мнения и полагают, что надобность в использовании понятия "предмет" отпадает[2]. В последующем изложении мы будем исходить из традиционного подхода, а именно: рассматривать в качестве *объекта* познания определенную объективную реальность, а в качестве его *предмета* – те аспекты и черты объекта, которые охвачены изучением.

Наиболее существенные различия в объективной реальности имеют явления естественные и общественные. Характеризуя эти различия в работе "Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии", Ф. Энгельс писал: "...История развития общества в одном пункте существенно отличается от истории развития природы. В природе (поскольку мы оставляем в стороне обратное влияние на нее человека) действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, во взаимодействии которых и проявляются общие законы. Здесь нигде нет сознательной, желаемой цели... Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели"[3]. Соответственно с этими различиями возникли две группы наук, изучающих эти явления, – науки естественные и общественные (или общественно-гуманитарные). Но общественная жизнь (так же, как и естественная) представляет собой сложное сочетание разного рода явлений и процессов, которые имеют качественную определенность. Это – явления социально-экономические, политически-правовые, общественно-идеологические, художественно-культурные, нравственно-этические, социально-психологические и т.д. Процесс их познания привел к возникновению отдельных общественно-гуманитарных наук, объектом позна-

---

[2] *Петров Ю.В.* Указ. соч. С. 233.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 305–306.

ния которых и являются определенные целостные компоненты общественного развития.

Объект познания исторической науки – вся совокупность явлений общественной жизни на протяжении всей истории общества. Таким образом, историческая наука по сравнению с другими конкретными общественно-гуманитарными науками выступает как наука комплексная, интегральная. Она имеет дело со всеми общественными явлениями, которые изучаются этими науками. В любом историческом исследовании историк предстает в двух или даже нескольких ролях. Если, к примеру, изучаются процессы социально-экономические, то он – и историк и экономист. А если же освещается какой-либо исторический период в целом, то историк должен быть и историком, и экономистом, и юристом, и искусствоведом и т.д. Все это хорошо известно, но не всегда из этого делаются необходимые практические выводы. А они состоят в том, что историк должен профессионально владеть теорией, методологией и методами научного познания не только исторической науки, но и тех наук, которые специально изучают исследуемые им явления и процессы. В советской исторической науке есть немало примеров блестяще выполненных историками исследований, которые имеют комплексный характер и органически сочетают подходы, принципы и методы разных гуманитарных наук. К их числу относятся, например, исследования Н.М. Дружинина по аграрной истории России XVIII–XIX вв., Б.А. Рыбакова по истории Древней Руси, Е.А. Косминского по аграрной истории средневековой Англии и многие другие.

Таким образом, отдельные конкретные общественно-гуманитарные науки имеют разные объекты познания, и следовательно, различные специально-научные и конкретно-проблемные теоретико-методологические основы и методы познания. Поскольку эти науки ставят целью изучение прежде всего современности, то для исторической науки они могут не только давать соответствующие теоретико-методологические подходы и методы познания, но и быть ориентиром в выборе наиболее актуальных в содержательном отношении направлений исторических исследований и постановке конкретных исследовательских задач. Специалисты же отдельных обществоведческих наук могут применять исторический подход и исторические методы исследования при изучении явлений современных, а также, опираясь на исторические исследования, охватывающие все явления общественной жизни, более обоснованно и широко проводить специализированные исследования и интерпретировать их результаты. В общем, необходим тесный творческий контакт между всеми областями общественно-гуманитарных наук. К сожалению, глубокая дифференциация и специализация исследований и стремительно растущий объем накапливаемых научных знаний мешают превращению таких контактов в органический элемент обществоведческих исследований.

Безграничность свойств и взаимосвязей, присущих всем без исключения явлениям и процессам реальности, обусловливает невозможность "разового" познания любого объекта во всей полноте и глубине. Это познание в той или иной мере всегда относительно и ограниченно. Поэтому в познавательном процессе наряду с объектом фигурирует и *предмет познания*.

Предмет познания – это определенная целостная совокупность наиболее существенных свойств и признаков объекта познания, которая подвергается изучению. Очевидно, что если объект познания представляет собой независимую от познающего субъекта реальность, то предмет познания – это выделенная субъектом или привлекающая его внимание часть этой реальности. По мере углубления знания предмет познания расширяется. Это хорошо видно на примере развития исторической науки[4].

Превращение исторических знаний в науку было связано с переходом в объяснении явлений общественной жизни с провиденциалистских позиций на рационалистические. Суть этого перехода в том, что характер и ход общественного развития стали объяснять не воздействием потусторонних, божественных сил, а деятельностью самих людей, умственными и психологическими чертами тех из них, которые имели возможность оказывать наибольшее влияние на общественную жизнь. Понятно, что таковыми оказались царствующие особы и выдвигаемые ими крупнейшие государственные деятели и сановники. Им как бы было передано то, что раньше приписывалось потусторонним силам. Поэтому в течение длительного времени предметом исторической науки являлось описание политической истории, а говоря точнее, истории империй, династий, царствований и княжений. Лишь в эпоху крушения феодализма и утверждения капитализма усилиями представителей передовых направлений исторической мысли этот предмет был расширен в результате включения в сферу исторических исследований изучения хода социально-экономического развития, истории народных масс и их борьбы.

В домарксистский период истории исторической науки наиболее широкая и глубокая теоретическая постановка вопроса о предмете исторической науки была дана французскими просветителями XVIII в. и русскими революционерами-демократами 40–60-х годов XIX в. То основное, что отличало их понимание предмета исторической науки от других, можно свести прежде всего к признанию роли в историческом развитии материальных факторов, деятельности народных масс, их борьбы и революционных преобразований[5]. Пони-

---

[4] Наиболее широко вопрос о предмете исторической науки рассмотрен Б.Г. Могильницким (О природе исторического познания. Томск, 1978. Гл. I), хотя и вне прямого контекста "объект – предмет".

[5] См.: Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967; *Иллерицкий В.Е.* Революционная историческая мысль в России (домарксистский период). М., 1974, и др.

мание ими предмета и целей исторической науки можно выразить словами Вольтера. "Я вижу почти повсюду, – писал он, – только историю королей; я хочу написать историю людей"[6]. И хотя западноевропейские и российские просветители реализовали свои представления о предмете исторической науки лишь частично, им принадлежит несомненная заслуга в радикальном его расширении сравнительно с его пониманием в господствовавшей тогда дворянской исторической науке.

Предмет исследования либерально-буржуазной историографии XIX в. был более узким по сравнению с просветителями. И хотя наряду с политической историей стала изучаться и сфера социально-экономических явлений, эти последние рассматривались прежде всего со стороны их внешних форм (хозяйство натуральное, товарно-денежное и т.п.). Ведущая роль народных масс игнорировалась, ход социального прогресса трактовался в духе буржуазного реформизма и т.д.

В XX в. развитие буржуазной исторической науки характеризуется глубоким теоретико-методологическим кризисом. Основным выражением кризиса является неспособность буржуазной историографии объективно и адекватно познать прошлое, углублять это познание применительно к общему ходу исторического развития, основным его проявлениям и закономерностям с учетом прогрессивных потребностей современности и перспектив последующего исторического развития. Вместе с тем кризис не означает некой абсолютной стагнации и упадка буржуазной исторической науки. В исследовательской проблематике, накоплении конкретно-исторических данных, разработке методики и техники исторических исследований и освещении отдельных явлений и процессов прошлого имеет место и движение вперед. Но на основе ограниченных или вовсе ошибочных теоретико-методологических посылок это не дает результатов, имеющих существенное научно-познавательное или практически-прикладное значение. Одним из выражений этого является и то, что понимание предмета исторической науки остается крайне узким.

Лишь отдельные направления буржуазной исторической мысли XX в. исходят из сравнительно широкого понимания предмета исторической науки. Вершиной в этом отношении выступает французская историческая школа 20–60-х годов, связанная с журналом "Анналы" ("Annales") и возглавляемая его руководителями, известными историками М. Блоком, Л. Февром и Ф. Броделем[7].

Ф. Бродель обосновал представление о глобальном характере предмета исторической науки и считал, что историк должен в конеч-

---

[6] Цит. по: *Державин К.Н.* Вольтер. М., 1946. С. 207.

[7] См.: *Афанасьев Ю.Н.* Историзм против эклектики: Французская историческая школа "Анналов" в современной буржуазной историографии. М., 1980.

ном счете охватить всю совокупность социальных явлений. В этой связи он возражал против поисков однозначного определения предмета исторической науки. "Для меня, – писал Бродель, – история (историческая наука. – *И.К.*) – это сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрения – прошлых, настоящих и будущих"[8]. Несмотря на эклектический призыв к объединению всех пониманий предмета исторической науки, верно, что предмет исторической науки (как и любой другой) подвижен, а его расширение идет по линии все более полного охвата историческим исследованием проявлений общественного развития. Но поскольку прошлое никогда не может быть познано во всем его реальном многообразии, правомерно выделение в нем того наиболее существенного, что должно быть предметом познания на соответствующем этапе развития науки в интересах наиболее эффективного выполнения ею своих социальных функций. Однако у Ф. Броделя провозглашенная им тотальность предмета исторического познания осталась лишь теоретическим тезисом, а конкретные задачи исторического исследования значительно сужались. Достаточно сказать, что он призывал изъять из исторической науки понятие "*общественное развитие*" и заменить его понятием "*состояние исторической действительности на данном отрезке времени*"[9]. Так, в глобальной истории исчезало развитие, поскольку не оказалось методологических подходов, дающих возможность совместить анализ структуры общественных систем с их развитием.

Но тем не менее школа "Анналов" времени Блока, Февра и Броделя (в 70-х годах "Анналы" стали другими)[10] – это один из наиболее ярких примеров предпринимаемых время от времени буржуазными историками попыток преодоления кризиса, переживаемого буржуазной исторической наукой. Общая безуспешность этих попыток выражается уже в их исходном пункте, в определении предмета исторической науки. Господствующими же в современной буржуазной исторической науке, даже в тех случаях, когда признается возможность получения объективного исторического знания, являются подходы, ограничивающие предмет исторической науки изучением лишь отдельных проявлений исторического развития. В описательной событийной историографии – это индивидуальные неповторимые события, а в структурализме – изначальные, внутренне непротиворечивые и неизменные структуры.

Последовательно научное, т.е. наиболее полное, конкретное и цельное определение предмета исторической науки можно дать

---

[8] *Бродель Фернан.* История и общественные науки: Историческая длительность // Философия и методология истории: Сб. статей. М., 1977. С. 128.

[9] *Афанасьев Ю.Н.* Указ. соч. С. 123.

[10] Новые руководители журнала ведут курс на сближение с субъективно-идеалистической буржуазной историографией, в которой абсолютизируется индивидуальное и неповторимое в общественно-историческом развитии, а основы этого развития усматриваются в духовных факторах.

лишь с позиций марксистской теории и методологии общественного познания. Это обусловлено тем, что определение предмета науки в сущности есть определение диапазона и характера ее исследовательских задач. Последние же могут быть правильно выявлены при адекватном отражении теорией основной природы объекта исторического познания, а методологией – основных путей этого познания. Применительно к общественному историческому развитию этого достиг только марксизм. Марксизм показал, что суть исторического развития состоит не в деятельности отдельных, пусть даже выдающихся личностей, не в беспорядочном сочетании индивидуальных и неповторимых событий или структур и не в некоей нерасчлененности всего сущего. Историческое развитие представляет собой деятельность преследующего свои цели человека, которая является естественно-историческим, поступательно-прогрессивным, закономерным и внутренне обусловленным процессом. В конкретном ходе этого процесса органически сочетаются материальное и духовное, объективное и субъективное, общее и особенное, единичное, массовое и индивидуальное, закономерное и случайное, возможное и действительное, сознательное и стихийное, а само это сочетание выступает в единстве явлений и сущности, содержания и формы, количества и качества.

Указанная основная природа объекта исторического познания (она может быть раскрыта и более развернуто) и является содержанием предмета этого познания. Марксизм дал наиболее широкое и глубокое определение предмета исторической науки. Подчеркивая это, В.И. Ленин писал: «Домарксовская (и вся последующая немарксистская. – *И.К.*) “социология” и историография *в лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных “главенствующих” идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил»[11] и всех других проявлений человеческой деятельности. Возможности для такого раскрытия исторического прошлого созданы материалистическим пониманием хода исторического развития и диалектическим методом его познания. Они являются основой для непрерывного расширения предмета исторической науки.

О том, насколько значительно расширился предмет марксистских исторических исследований, свидетельствует история развития

---

[11] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 57–58.

советской исторической науки. От почти исключительного внимания к изучению социально-экономического развития и классовой и революционной борьбы на первых этапах своего развития (примерно до конца 50-х годов) в наше время она пришла к всестороннему освещению исторического процесса. Конечно, и здесь еще далеко не все сделано в проблемном, временно́м и пространственном охвате этого процесса. Например, отстает изучение историками массовых культурно-бытовых, социально-психологических и идеологических явлений и образа жизни в различные эпохи, включая современную. Настоятельно требует исследования исторический процесс взаимодействия природы и общества. Слабо разрабатываются проблемы естественного и общественного разделения труда, его специализации и производительности на разных этапах исторического развития, без чего не может быть полной картины развития производительных сил. Этот перечень может быть умножен и детализирован в пространственном и временно́м аспектах.

Таким образом, развитие советской исторической науки свидетельствует о непрерывном расширении фактического содержания ее предмета, а его теоретическое раскрытие показывает те направления, по которым должно идти это расширение.

Кроме исторической науки есть еще одна наука, объектом познания которой является вся совокупность явлений общественной жизни. Это – исторический материализм, марксистская социологическая теория. Наличие двух наук, объектом познания которых является вся совокупность явлений общественной жизни в ее развитии, поставило вопрос о соотношении социологии как обобщенно-философской науки и исторической науки как науки конкретной. Давались и разные решения этой проблемы. Так, позитивизм во всех разновидностях исходит из противопоставления этих наук. Задача исторической науки сводится к выявлению конкретного хода общественного развития и раскрытию присущих ему непосредственных причинных взаимосвязей и факторов. Выявление же основных черт общественного развития и его закономерностей, их обобщенное объяснение – задача социологии. Субъективный идеализм в своем неокантианском и других вариантах также противопоставляет социологию и историю. Но здесь вообще отрицается возможность получения объективного знания о прошлом[12].

Вопрос о соотношении исторического материализма и исторической науки, т.е. вопрос о предмете этих наук, активно обсуждается и советскими обществоведами, прежде всего философами. Исто-

---

[12] См.: *Кон И.С.* Позитивизм в социологии. Л., 1964; *Грзал Л., Попов С.* Критика современных буржуазных социологических теорий. М., 1976; *Вайнштейн О.Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX веках. Л., 1979; История и буржуазная социология XIX – начала XX века. М., 1979; Буржуазная социология на исходе XX века: Критика новейших тенденций. М., 1986, и др.

рики, за редкими исключениями, не проявляют особого интереса к проблемам предмета своей науки, что, естественно, говорит не в их пользу и является одним из выражений недооценки необходимости активной разработки теоретико-методологических проблем исторической науки.

В первой половине 60-х годов по вопросу о соотношении исторического материализма и исторической науки философами было высказано следующее мнение: историческая наука лишь изображает историческую действительность, а исторический материализм объясняет общественное развитие, раскрывая его законы[13]. Несостоятельность подобной трактовки очевидна. Если нет анализа сущности изучаемых явлений и процессов, то, следовательно, нет и науки, хотя такого вывода указанные авторы и другие сторонники изложенной точки зрения не делают.

Вполне можно согласиться, что причиной указанных несостоятельных определений предмета исторической науки является то, что здесь возводится в принцип "то, чем историки веками преимущественно занимались, но только не то, чем они должны заниматься в рамках современной системы наук вообще и на почве марксистского историзма в особенности"[14].

Естественно, предложенная трактовка разграничительных линий исторического материализма и исторической науки вызвала возражения и было выдвинуто иное, мы бы сказали компромиссное, мнение об их предмете. Его исходной основой была идея о том, что, коль скоро главной задачей всякой науки является раскрытие тех законов, которые определяют функционирование и развитие всякой объективной реальности, то различия в предмете исторического материализма и исторической наук и надо искать в характере тех законов, которые познаются этими науками. Исходя из этого к компетенции исторического материализма были отнесены *законы социологические,* а к компетенции исторической науки – *законы исторические*. Надо было найти критерии для разграничения тех и других законов.

---

[13] Так, В.И. Приписнов писал, что "исторический материализм, исследуя историческую действительность, раскрывает законы развития общества", а задачей исторической науки "является изображение исторической действительности" (О соотношении исторического материализма и исторической науки // Вопросы философии 1961. № 1. С. 12). Это же утверждал в своей монографии и В.П. Рожин (Введение в марксистскую социологию. Л., 1962. С. 36). Авторы труда "Марксистско-ленинская философия" (М., 1964) считают, что "историческая наука изучает историю общественных явлений во всей их конкретности, следуя по стопам событий", а марксистская социология "объясняет, что они собой представляют по существу (их общую и особенную природу), каковы закономерности их развития" (с. 294). Наконец, в учебнике "Марксистско-ленинская философия" (М., 1981) исторический материализм и историческая наука хотя и не противопоставляются, как в указанных работах, но в задачу последней входит, как можно понять, только "изучение истории стран и народов в их хронологической последовательности" (с. 184).

[14] *Барг М.А*. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 13.

К первым, социологическим, отнесли наиболее общие законы общественного развития, которые действуют на всех стадиях этого развития, т.е. присущи всем общественно-экономическим формациям (это законы типа соответствия производительных сил и производственных отношений, определяющей роли социально-экономического базиса по отношению к политико-идеологической надстройке, объективной детерминированности результатов субъективной человеческой деятельности и т.д.), либо законы, присущие ряду формаций (такие, как закон классового антагонизма и классовой борьбы). В этой связи к "историческим" законам естественно было отнести законы меньшей степени общности, характерные для определенных этапов и сторон исторического развития. Однако предпринятые попытки конкретного раскрытия сути "исторических" законов не дали определенных результатов. Полагают, что конкретные "исторические" законы возникают как пересечение ряда законов, действующих в обществе. Историческая закономерность "складывается на основе действия не одних лишь социальных законов, но также и закономерностей чисто хозяйственных, демографических, закономерностей биологической и психической жизни человека, духовной жизни общества, законов природы, во взаимодействие с которой вступают люди. Только совокупность действия всех этих закономерностей... порождает историческое движение. Конкретная историческая закономерность есть результат пересечения, сочетания закономерностей разных систем. Это пересечение происходит на основе ведущей закономерности, каковой для общества неизбежно является социологический закон"[15].

В общем "исторические" законы характеризуют то или иное общественное явление или состояние. Развитие тезиса о двух видах общественных законов привело к выводу, что специфические "исторические" законы являются законами "исторических ситуаций", "выражающие механизм действия общих законов и устанавливающие зависимость между типом ситуаций и возможностью следствий из этой ситуации"[16].

Итак, суть "исторических" законов сводится фактически к конкретно-историческому проявлению законов социологических. Это и было прямо признано в дальнейшем: "Исторические законы вскрывают механизм действия общесоциологических законов в определенных конкретно-исторических условиях. В этом отношении они подчинены общесоциологическим законам"[17]. Но это значит, что

---

[15] *Гуревич А.Я.* Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 63. См. также: *Уледов В.К.* Социологические законы М., 1975. С. 211–212.

[16] *Кертман Л.Е.* Законы исторических ситуаций // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 66.

[17] *Жуков Е.М.* О соотношении общесоциологических и исторических закономерностей // Вопросы философии. 1977. № 4. С. 51; См. также: *Он же.* Очерки методологии истории. С. 68.

“исторические” законы представляют собой лишь вариации законов социологических. Поэтому никто из сторонников деления законов на “социологические” и “исторические” не смог выявить и конкретно охарактеризовать ни одного специфически “исторического” закона, как справедливо заметили исследователи, не разделяющие рассматриваемое мнение[18].

Выдвигаются и другие возражения против выделения особой категории “исторических” законов[19]. Обращается внимание на то, что все общественные законы являются историческими, ибо имеют временну́ю протяженность. Это, впрочем, признают и сторонники выделения особых “исторических” законов. Указывается, что вычленение особых “исторических” законов подрывает правомерность применения исторического и логического методов анализа любого общественного явления, ибо специфически “исторические” законы познаются лишь историческим методом. И наиболее существенным аргументом против выделения особых “исторических” законов является тот, что в общественной реальности «объективно не существует какой-либо “специфической исторической деятельности”», которая порождала бы такие законы[20].

Более обоснован другой подход к проблеме “социологических” и “исторических” законов, т.е. предмета исторического материализма и исторической науки. “Единственная возможность, – отмечает М.А. Барг, – разграничения предметной области социологии и истории заключается в разграничении уровня сущности, на котором она изучается каждой из указанных дисциплин”[21]. Здесь дается ссылка на К. Маркса, который писал: “Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является *естественным процессом*, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени... Все остальное – вздор”[22].

Характеризуя уровни сущности, познаваемые социологией и исторической наукой, Барг пишет, что “уровень сущности, доступный историческому познанию социальной действительности... тяготеет, воплощен логически в особенном”. “Уровень сущности особенного (внутриформационные разновидности) представляет ту специфическую форму всеобщего (всемирно-исторического), которая раскры-

---

[18] См.: *Ирибаджаков И.* Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972. С. 202–203.

[19] См.: *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981. С. 243 и сл.; *Петров Ю.В.* Практика и историческая наука. С. 372 и сл.; Методология наук в системе вузовского образования: Коллективная монография. Воронеж, 1982. С. 223 и сл. и др.

[20] *Попов С.* Существуют ли “специфические исторические” законы? // Философские науки. 1971. № 6. С. 150, 151.

[21] *Барг М.А.* Указ. соч. С. 24–25.

[22] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 461.

вается в понятии *собственно историческая закономерность*. Естественно, что с точки зрения философии последняя – лишь форма проявления общесоциологических законов, но столь же правомерно с точки зрения историографии рассматривать ее как определенную модификацию, т.е. как собственно-историческую закономерность"[23].

Перед нами – несомненно более глубокая постановка проблемы, ибо сущность общественной реальности действительно имеет разные уровни выражения, если подразумевать под ними различную пространственно-временну́ю протяженность закономерностей, присущих функционированию и развитию этой реальности. Это обусловлено тем, что общественная жизнь есть сочетание общего, особенного (специфического) и единичного. Однако и указанный подход не решает вопроса о соотношении предметов познания исторического материализма и исторической науки. Представляется необоснованным ограничивать предмет познания исторической науки лишь сущностью особенного. И дело здесь не только в том и даже не столько в том, что исторической науке приписывается определенная "ущербность", поскольку она не может раскрывать объект своего познания во всей полноте и глубине, а должна довольствоваться сущностями более низкого порядка, чем социология. Дело в том, что такое ограничение, несмотря на наличие в общественной реальности общего, особенного и отдельного, не имеет объективной основы. "Отдельное, – отмечал В.И. Ленин, – не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного"[24]. Органическое переплетение общего, особенного и отдельного, во-первых, означает: не только особенное может быть познано на основе знания общего (т.е. историческое познание должно опираться на социологическое, что́ правильно отмечается), но и общее в полной мере может быть раскрыто лишь на основе глубокого знания особенного (т.е. социология должна учитывать результаты исторических и других конкретных обществоведческих исследований). Это очевидно и признается всеми. Во-вторых, и это главное, органическая слитность общего, особенного и отдельного означает, что никакая наука не может ограничиваться лишь изучением особенного, ибо углубление познания, переход к выявлению сущностей более высоких порядков, присущий всякому познавательному процессу, неизбежно требует обращения к общему, его раскрытия через особенное. В противном случае соответствующая наука не будет выполнять функций научного познания. Значит, историческая, как и всякая другая, наука не только может, но и долж-

---

[23] *Барг М.А.* Указ. соч. С. 23, 24.
[24] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

на познавать сущности и законы всех уровней как в пространственно-временно́м, так и в содержательном выражении.

Таким образом, и "компромиссные" варианты разграничения предметных областей исторического материализма и исторической науки не решают проблемы.

При разграничении предметов исторического материализма и исторической науки следует исходить, как правильно указывают многие исследователи, не из того, *что́* познается в общественной жизни этими науками, а из того, *как* и *для чего* познаются ее основные проявления, черты и закономерности.

Потребность обобщенного социологического познания общественной жизни обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, такое знание необходимо для познания человеком как социальной (т.е. коллективной) личностью основной сути окружающего мира и своего места в нем. При бесконечном многообразии мира такое познание возможно только на предельно обобщенном уровне. Здесь, как указывалось, философское знание имеет решающее значение в формировании мировоззрения. Во-вторых, обобщенное знание необходимо как теоретическая и методологическая основа для конкретного изучения общественного развития. В.И. Ленин указывал, что «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя "натыкаться" на эти общие вопросы»[25]. Следует отметить важную методологическую роль исторического материализма[26], что подчеркивали его основоположники и что не всегда учитывается и должным образом реализуется историками. Порой в положениях исторического материализма ищут ответы на конкретно-исторические вопросы. Между тем, "наше понимание истории, указывал Ф. Энгельс, есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования"[27]. Ф. Энгельс подчеркивал, что "миропонимание... Маркса – это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод *для* этого исследования"[28].

В общем практически действенная и научно-познавательная роль марксистской философско-социологической теории очевидна. Предметом ее познания выступает общественная жизнь как единая система с основными проявлениями и глубинными законами развития, которые выражают "структурную, функциональную и динамическую целостность социальной жизни". Эти законы характеризуют исторические универсальные черты, отношения и связи, кото-

---

[25] Там же. Т. 15. С. 368.

[26] См.: Категории исторического материализма и их методологическая функция. Киев, 1986.

[27] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 371.

[28] Там же. Т. 39. С. 352.

рые "с необходимостью воспроизводятся в любом обществе"[29]. Социологическое познание может оперировать и с менее общими, частными законами, но в связи с раскрытием законов общих. Методом социологического познания выступает метод *логический*.

Однако для использования знаний о прошлом для познания современности и в практически-предметной общественной деятельности недостаточно лишь общего знания об историческом развитии. Нужны конкретные знания как пространственно-временно́й специфики проявления общих законов, так и законов, присущих особенному и единичному. Такие знания дает историческая наука, выполняя тем самым важные социальные функции. Поэтому *предметом* познания исторической науки является раскрытие человеческой деятельности как естественно-исторического, поступательно-прогрессивного, внутренне обусловленного и закономерного процесса *во всем его многообразии, пространственной и временно́й конкретности*. Именно *в конкретности, а не в уровне познаваемой сущности* состоит основное отличие предмета познания исторической науки от предмета познания исторического материализма. Историческая наука может и должна познавать сущность общественного развития не только на уровне единичного и особенного, но также и на уровне общего, однако в его конкретном выражении. Этим ее познание общего отличается от социологического. Конкретность исторического познания требует последовательного освещения хода исторического развития, чего не делает социология, и не может обойтись без применения *исторического* метода, что, естественно, не исключает из ее исследовательского арсенала и метода логического. В целом предмет познания исторической науки содержательно является более богатым, чем предмет социологического познания.

В свете указанного понимания различий в предметах социологического и исторического познания представляется целесообразным внести уточнения в терминологию. Речь идет о делении законов общественного развития на социологические и исторические. Выше отмечалось, что все общественные законы являются историческими. Но вследствие того, что в исторической реальности отдельное, особенное и общее органически переплетены, неправомерно выделять и категорию законов собственно социологических. *В объективной действительности законы не распадаются на исторические и социологические. Они различаются лишь своей пространственной и временно́й протяженностью и степенью, силой воздействия на функционирование и развитие общественной жизни.* Поэтому в гносеологическом отношении правомерно деление их по степени общности (всеобщие, общие, особенные и частные общественные законы) и с учетом их содержательной сущности (законы

---

[29] Исторический материализм как социально-философская теория / Под ред. В.И. Разина. М., 1982. С. 9.

экономические, социальные, политические и т.д.). Многие исследователи и исходят из этого принципа при характеристике общественных законов[30].

Такое уточнение снимает искусственно сложившееся представление, будто бы законы социологические могут открывать только философы, а ученые других обществоведческих наук должны довольствоваться выявлением и анализом законов других уровней. Законы общественного развития всех уровней, включая и самые общие и фундаментальные, могут быть открыты любой из общественно-гуманитарных наук. Это подтверждает история обществознания. Так, хорошо известно, что несомненно "социологический" закон – закон классовой борьбы – был открыт не философами, а историками. Или, разве только выступая в роли социологов, К. Маркс и Ф. Энгельс открыли наиболее общие и фундаментальные законы общественного развития, составляющие суть исторического материализма? Объективная реальность, в том числе и общественная, характеризуется не только многообразием, но и единством. Поэтому сущности и законы общественной жизни всех уровней доступны познанию не только социологии, но и любой общественно-гуманитарной науке. Все зависит от глубины проникновения в объект познания.

Наконец, чтобы закончить с вопросом о месте исторической науки в системе общественно-гуманитарных наук, несколько замечаний о социальных функциях исторической науки. Они в целом обстоятельно освещены в исследованиях философов и историков[31]. Общественная потребность в историческом знании и в историческом самосознании, как известно, возникла еще в древности. Издавна накапливались и исторические знания. Первоначально они имели мифологический характер, а объяснение явлений общественной жизни основывалось на идеях провиденциализма. С превращением исторических знаний в науку возникла и потребность в специальном выяснении и обосновании социальных функций исторической науки. Разные общественно-классовые направления в исторической науке по-разному определяли и определяют ее общественную значимость и социальные функции. Но лишь марксизм, превративший историческое знание в последовательно научное и в полной мере объективное знание, раскрыл его истинное общест-

---

[30] О классификации общественных законов см.: *Попов С.* Общественные законы. Сущность и классификация. М., 1980.

[31] См.: *Персов М.С.* Обобщение и использование исторического опыта в работах В.И. Ленина. Саратов, 1970; *Иванов В.В.* В.И. Ленин о некоторых вопросах соотношения истории и современности. Томск, 1970; *Он же.* Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973; *Могильницкий Б.Г.* О природе исторического познания. Томск, 1978; *Петров Ю.В.* Практика и историческая наука; *Ракитов А.И.* Историческое познание. М., 1982, и др.

венное значение и социальные функции. Поэтому Ф. Энгельс имел полное основание утверждать: "История – это для нас все, и она ценится нами выше, чем каким-либо другим, более ранним философским учением"[32].

Марксизм показал органическую связь истории и современности, прошлого, настоящего и будущего. "История, – писали К. Маркс и Ф. Энгельс, – есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности"[33]. Следовательно, без знания прошлого не только нельзя познать настоящее, но и правильно, объективно и реально определить перспективы последующего развития, т.е. задачи практической деятельности и пути их достижения. Именно исходя из этого, В.И. Ленин, определяя задачи и пути революционной "борьбы российского пролетариата, подчеркивал: "Для того, чтобы победить, надо понять всю глубочайшую историю старого буржуазного мира"[34]. Он призывал "разработать подробнее марксистское понимание русской истории и действительности"[35]. Как известно, решающий вклад в эту разработку внес сам В.И. Ленин.

Основной социальной функцией исторической науки, как и всякой другой науки, является *научно-познавательная*. Конкретное научное изучение всего хода общественного развития с древности до современности во всей его внутренней обусловленности и закономерности, с одной стороны, дает фундаментальное, теоретическое научное знание. Накопление такого знания само по себе является важнейшей задачей науки. С другой стороны, это знание служит основой для успешного выполнения исторической наукой всех других ее социальных функций, имеющих непосредственное практически-действенное (прикладное) значение. Вся совокупность этих функций в целом правомерно сводится к выполнению задач *прогностических*, накопления и обобщения *социального опыта* (функция социальной памяти) и *воспитательных*. Поскольку содержание и значение этих функций, как указывалось, обстоятельно охарактеризовано в литературе[36], отметим лишь некоторые моменты, не всегда привлекающие должное внимание.

---

[32] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 592.

[33] Там же. Т. 3. С. 44–45.

[34] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 253.

[35] Там же. Т. 1. С. 333.

[36] Наиболее последовательно и развернуто социальные функции исторической науки анализируются Б.Г. Могильницким в его указанной выше работе "О природе исторического познания".

Прежде всего надо коснуться вопроса об *актуальности* исторических исследований. Безусловно, что актуальность исторического знания определяется его практической полезностью. Поэтому совершенно верно, что в целом можно "определить актуальность в истории как свойство прошлого быть полезным в решении насущных проблем, выдвигаемых настоящим"[37]. Однако это положение не должно пониматься так узко, только в том смысле, что в прошлом должно изучаться только то, что служит удовлетворению *уже выявившихся* потребностей современности. Наука должна *идти впереди* практики. Она должна быть готова к решению не только стоящих задач, но и тех, которые могут возникнуть и в ближайшем и даже в более отдаленном будущем. Чтобы такая готовность была, историческая наука, представляющая собой (как и всякая другая наука) определенную познавательную систему, должна в целом развиваться комплексно и гармонично. Разумеется, эту гармоничность надо понимать не как равномерное распределение усилий по всем сферам исторических исследований, хотя и в этом плане не должно быть зияющих пробелов. Речь идет о комплексном и сбалансированном развитии прежде всего теоретико-методологического, научно-методического и историографически-источниковедческого арсенала исторической науки. Если этот арсенал будет на должном уровне, то могут быть успешно решены и задачи, выдвигаемые перед исторической наукой текущими потребностями общественной практики.

Одним из показателей превосходства марксистской исторической науки над ее немарксистскими направлениями и течениями является то, что марксистская теория и методология исторического познания не просто допускают, а требуют развития исторической науки как целостной системы научного знания, которое должно охватывать все этапы и стороны исторического развития, естественно, выдвигая на первый план сферу производственной деятельности, поскольку она оказывает определяющее влияние на другие стороны общественной жизни, испытывая в то же время их обратное воздействие. Развитие же немарксистской исторической науки, как известно, характеризуется отсутствием такой цельности. Для нее характерно выдвижение на первый план и абсолютизация либо тех или иных отдельных элементов общественной жизни (события, структуры, развитие), либо тех или иных определяющих его факторов (политические, психологические, природно-географические).

Задача советских историков состоит в том, чтобы в полной мере использовать указанные преимущества марксизма. Здесь важно добиваться того, чтобы при изучении определенных исторических явлений и процессов не только были получены существенные конкретно-научные итоги, в том числе и такие, которые имеют практи-

---

[37] *Могильницкий Б.Г.* Указ. соч. С. 163.

чески-прикладное значение, но и достигнуты теоретико-методологические, научно-методические историографически-источниковедческие результаты, выходящие по своему значению за пределы поставленной исследовательской задачи. Тем самым будет расширяться задел для успешного решения новых исследовательских задач.

Следующий вопрос связан с пониманием *прогностических,* предсказательных функций исторической науки. Буржуазная социология и историография в целом отрицают наличие у исторической науки прогностических возможностей на том прежде всего основании, что якобы свободная воля исторических деятелей делает непредсказуемым будущее. Предвидение допускается лишь как субъективная конструкция различного рода в той или иной мере вероятных альтернатив. При этом, как правило, все выдвигаемые прогнозы носят пессимистический характер. Все это является следствием отрицания закономерности и поступательно-прогрессивного характера хода общественного развития.

Марксистское обществознание (и историография в том числе) исходит из признания возможности научного предвидения последующего хода общественного развития и поэтому прогностические функции относит к важным задачам науки. Всеми советскими обществоведами признается наличие прогностических функций и у исторической науки. Но ее возможности в этом отношении оцениваются по-разному. Оптимистическое мнение состоит в том, что "родовым признаком всякого научного познания является его способность к прогнозированию в своей области. Отрицание этой способности равнозначно отрицанию научности. С другой стороны, отрицание прогностической функции исторической науки объективно принижает ее социальную роль"[38].

Более умеренное мнение состоит в том, что историческая наука "в состоянии дать более объективную картину прошлого, понять и сформулировать действительные тенденции и закономерности его развития", чем могут сделать современники, которые находятся во власти различных иллюзий. "Этим вполне оправдывается существование исторической науки и актуальность ее проблем, и совершенно незачем вменять в круг ее обязанностей изучение будущего в качестве основной задачи"[39]. В этой связи выдвигается ряд возражений против первого мнения[40]. В итоге делается вывод о том, что социальное предсказание "дает вероятностное знание об устойчивых типах и последовательности социально значимой деятельности в определенных временны́х интервалах, а не о конкретных, точно фиксированных результатах-событиях"[41].

---

[38] *Могильницкий Б.Г.* Указ. соч. С. 202–203.
[39] *Ракитов А.И.* Указ. соч. С. 240.
[40] Там же. С. 283–284.
[41] Там же. С. 288.

В общем расхождения, если отвлечься от формальных соображений, сводятся к тому, в какой мере прогностическая функция является фундаментальной задачей исторической науки. Представляется, что здесь верен первый подход. Разумеется, предвидение будущего хода общественного развития не может выразиться в "точно фиксированных результатах-событиях". Это никто и не утверждает. Прогноз может раскрыть лишь основные тенденции, направления и этапы последующего развития и его самые общие результаты. Хотя могут быть предсказаны и отдельные крупные исторические события. Яркий и хорошо известный тому пример предсказание Ф. Энгельсом первой мировой войны. В 1887 г. он писал: "Для Пруссии–Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы"[42]. Но ведь и предсказания основных направлений и тенденций последующего развития имеют громадное значение. При этом такие предсказания будут тем более верными, чем в большей мере они будут "основываться на широком и глубоком историческом подходе и анализе. Это и делает прогностическую функцию исторической науки ее важнейшей задачей. Другое дело, как эта задача выполняется историками. Историки еще далеко не сделали всего, что они могут и должны сделать в этом отношении, действуя совместно с другими обществоведами. А сделать это необходимо. Как показывает современная практика прогнозирования тех или иных аспектов общественного развития (демографического, экономического, социального), многие из таких прогнозов, несмотря на привлечение обширного материала, математических методов и ЭВМ, оказываются неточными. Думается, что одной из причин этого является ограниченность исторического подхода как в пространственно-временно́м, так и особенно в сущностно-содержательном аспекте.

Здесь необходимо обратить внимание еще на один момент. Прогностические функции исторической науки рассматриваются обычно в связи с предвидением хода общественного развития в более или менее широкой перспективе. Но историческая наука может сыграть важную роль в предвидении еще в одном аспекте. Речь идет о выявлении объективных результатов тех или иных видов общественной деятельности, выполняемых в настоящем. Хорошо известно, что объективные результаты многих общественных действий оказываются иными, чем те, которые стремились достигнуть. Это обусловлено сложностью явлений общественной жизни, столкновением в ней различных интересов и сил. Ф. Энгельс писал: "История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных воль... Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконеч-

---

[42] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 361

ная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие... и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел"[43]. Поэтому предвидение объективных результатов текущей общественной деятельности имеет огромное значение. И здесь особенно велика может быть роль исторической науки, которая обладает наибольшим опытом и методами анализа движения в исторической реальности от поставленной цели к конечному объективному результату. Данный аспект прогнозирующей роли исторической науки еще предстоит осваивать.

Огромна роль исторической науки как *социальной памяти,* как накопителя и хранителя многообразного практического опыта предшествующих поколений, достижений человеческой цивилизации. Этот опыт широко используется в современности и представляет большую ценность для грядущих эпох. Важной задачей исторической науки являются целенаправленное, систематическое и конкретное изучение и обобщение исторического опыта с точки зрения интересов и потребностей современности, ибо, не будучи целенаправленным и конкретным, никакой опыт не принесет пользы. "Всякое общее историческое соображение, – указывал В.И. Ленин, – применяемое к отдельному случаю без особого разбора условий именно данного случая, становится фразой"[44]. Здесь у историков имеется обширное поле для исследовательской деятельности.

Другой важной задачей является борьба за использование и учет исторического опыта в современности. Исторический опыт социален, т.е. классово-субъективен (партиен) по своей природе. Классово-партийным является и использование этого опыта. Поэтому воспринимается и используется только тот исторический опыт, который соответствует определенным интересам. Лишь социальные силы, заинтересованные во всестороннем общественном прогрессе, способны широко и объективно учесть опыт истории. Силы же консервативные и реакционные противятся такому использованию и могут учесть этот опыт только под давлением сил прогрессивных. В той острой идеологической борьбе, которая характерна для современной эпохи, в вопросе о необходимости учета исторического опыта голос историков может быть более весомым, чем есть на самом деле. В общем для историка борьба за претворение в общественную практику и исторического опыта и всех других достижений исторической науки является такой же непременной обязанностью, как для специалистов естественных и технических наук внедрение их достижений в материальное производство.

Воспитательные функции исторической науки более всего подчеркиваются при характеристике ее общественной значимости,

---

[43] Там же. Т. 37. С. 395–396.

[44] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 373.

хотя порой ошибочно воспринимаются историками (да и не только ими) прежде всего как научно-популяризаторская задача. Нередко изучение историками патриотизма и интернационализма, боевых и трудовых подвигов, героического прошлого и революционных традиций ориентируется лишь на популяризаторский уровень. Между тем лишь глубокий научный анализ этих и других имеющих наибольшее воспитательное значение исторических аспектов может быть эффективной и фундаментальной основой для решения важнейших задач, связанных с воспитанием нового человека. Главной задачей является формирование глубокого, научного, марксистского мировоззрения. Оно может быть успешным лишь на базе последовательно научного показа всех проявлений общественной жизни в прошлом и настоящем. Здесь особенно велика роль исторической науки, ибо она является конкретной интегральной общественно-гуманитарной наукой. Историки должны в большей мере учитывать общие мировоззренческие возможности своей науки.

Таковы некоторые моменты, которые представлялось целесообразным отметить, рассматривая вопрос о социальных функциях исторической науки.

2. СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ, ВОЗМОЖНОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ И ПРОБЛЕМЫ АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Общественно-историческое развитие представляет собой естественно-исторический, внутренне обусловленный, закономерный, поступательно-прогрессивный процесс. Вместе с тем хорошо известно, что в отличие от природы "история, как указывал К. Маркс, *не что иное,* как деятельность преследующего свои цели человека"[45]. В общественно-историческом развитии, подчеркивал Ф. Энгельс, "действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели"[46]. Этим определяется то, что в историческом развитии органически переплетаются материальное и духовное, объективное и субъективное, массовое и индивидуальное, сознательное и стихийное, прогрессивное и реакционное, а также имеет свою специфику сочетание необходимого и случайного, возможного и действительного. В этой связи и возникает вопрос о том, в какой мере в общественно-историческом развитии существует возможность выбора, насколько распространены альтернативные, т.е. допускающие существенно различные исходы, исторические ситуации.

---

[45] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 102.
[46] Там же. Т. 21. С. 306.

Прежде, чем переходить к рассмотрению возникающих здесь проблем, отметим несостоятельность неоднократно предпринимавшихся в немарксистской социологии и историографии попыток свести многообразие общественно-исторического развития к одной из его форм. Так, разные течения субъективизма представляют это развитие как неупорядоченную совокупность индивидуальных и неповторимых событий. Структурализм стремится свести это развитие к столь же неупорядоченной совокупности разного рода структур. Релятивисты, акцентируя внимание на развитии и абсолютизируя его, видят во всем лишь относительность. В действительности же общественно-историческая жизнь одновременно представляет собой органическое сочетание и событий, и систем с присущими им структурами и функциями, и развитие.

Проблема исходной "клеточки", из которой складываются общественно-исторические явления и процессы, привлекает внимание и советских ученых, прежде всего философов. Но подход к решению этой проблемы здесь, естественно, принципиально иной. Основой его является материалистическое понимание истории и общественный характер всей человеческой деятельности. Поэтому все более широкое распространение получает мнение, что в качестве исходной "клеточки" общественной жизни следует рассматривать человеческую деятельность[47]. Субстанциональный характер деятельности в общественной жизни несомненен. Но, поскольку любая человеческая деятельность представляет собой вместе с тем и отношения людей и протекает при определенной системе этих отношений, то возникает и дебатируется вопрос о сравнительной роли деятельности и отношений. Можно присоединиться к мнению тех, кто полагает, что спор о первенствующей роли деятельности или отношений равнозначен решению вопроса о приоритете пространства или времени, т.е. для дискуссии нет оснований.

Чрезвычайная сложность общественно-исторического развития обуславливает трудности в его познании. В отличие от природы общество является не только объектом познания, но и его субъектом. Этим порождалось и порождается в немарксистской идеалистической социологии и историографии стремление свести все факторы, определяющие ход исторического развития, к субъективным устремлениям и действиям личности, что́ в силу их индивидуальности и неповторимости неизбежно ведет к отрицанию объективно-закономерного и внутренне обусловленного характера этого развития и ограничивает его познание лишь описанием событий в их последовательности и субъективной их оценкой историками (событийная, описательная историография). С другой стороны, подход к общественному развитию с позиций абсолютизации созна-

---

[47] См.: Философские проблемы деятельности: (Материалы "Круглого стола") // Вопросы философии. 1985. № 2–5.

тельно-личностного момента даже в том случае, когда признается наличие внутренней связи и обусловленности в историческом развитии, как, например, было у Гегеля, приводит к тому, что движущие силы этого развития усматриваются в сознании. Тот же Гегель привносил "их туда (в общественную жизнь. – *И.К.*) извне, из философской идеологии"[48].

Вульгарный материализм объясняет ход общественного развития воздействием на него всякого рода внеобщественных природно-естественных факторов. В тех же случаях, когда обращаются к экономическим факторам, что присуще различным течениям буржуазного экономизма в историографии, характеризуются не способы общественного производства с присущими им системами производительных сил и производственных отношений, а формы хозяйственной деятельности и обмена и их последовательная смена.

Лишь марксизм, исходя из материалистического понимания сущности общественно-исторического развития и опираясь на диалектический метод его познания, адекватно действительности решил вопрос о соотношении материального и духовного, массового и индивидуального, объективного и субъективного, закономерного и случайного, возможного и действительного в этом развитии.

В данном разделе рассматривается соотношение субъективного и объективного, возможного и действительного в историческом развитии, поскольку прежде всего с этими явлениями связано возникновение так называемых альтернативных исторических ситуаций, которые в последнее время привлекают все большее внимание историков.

Общественно-историческое развитие представляет собой сознательную и целенаправленную деятельность людей. Поэтому "все, что приводит людей в движение, указывал Ф. Энгельс, должно пройти через их голову"[49], оформиться в виде определенных идей и целей.

Однако источником этих идей и целей является не сознание, а объективный мир. В конечном счете "все идеи извлечены из опыта, они – отражения действительности, верные или искаженные"[50]. То обстоятельство, как нередко "*кажется* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы"[51], является иллюзией. Эта иллюзия проистекает из того, как указывал Ф. Энгельс, что "люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются)"[52].

---

[48] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 307.
[49] Там же. С. 308
[50] Там же. Т. 20. С. 629.
[51] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 171.
[52] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 493.

Потребности являются глубинным источником, коренной причиной общественно-исторического развития и лежат в основе его движущих сил[53]. В многообразной системе человеческих потребностей основную роль играют потребности материальные, ибо от их удовлетворения зависит сама возможность существования и развития общества. Поэтому производственная деятельность, указывал Ф. Энгельс, это – "самая существенная историческая деятельность людей, та деятельность, которая подняла их от животного состояния до человеческого, которая образует материальную основу всех прочих видов их деятельности"[54], а труд, как подчеркивал К. Маркс, представляет собой "вечное естественное условие человеческой жизни"[55] и является базисом всей человеческой деятельности. Этим обусловлено и то, что ведущей движущей силой общественно-исторического прогресса выступают народные массы.

Человеческие потребности не только требуют постоянного удовлетворения, но и непрерывно возрастают. "Сама удовлетворенная первая потребность, – отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, – действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям"[56]. Поэтому противоречие между опережающим ростом потребностей по сравнению с реальными возможностями их удовлетворения выступает коренной движущей силой общественного и исторического прогресса.

Производственная деятельность является необходимым и непрерывно повторяющимся, внутренне обусловленным и закономерным естественно-историческим процессом. Этот процесс в конечном счете детерминирует другие сферы человеческой деятельности. И не только потому, что материальные потребности первичны по отношению к другим потребностям, но и потому, что производственно-экономические отношения, складывающиеся в процессе производства, через определяемую ими классовую структуру общества воздействуют на формирование как самих потребностей, так и вытекающих из них интересов, мотивов и целей деятельности.

Объективный и закономерный характер производственной деятельности сочетается с ее осознанностью и целенаправленностью, т.е. с субъективной формой. К. Маркс подчеркивал, что в сфере материальной деятельности, которая состоит во взаимодействии человека с природой, "человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и

---

[53] Подробнее см.: Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981 (Разд. второй. Гл. IV); *Келле В., Ковальзон М.* Теория и история: (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981. С. 98 и сл.; Исторический материализм как социально-философская теория. С. 297 и сл.; *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.

[54] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 358.

[55] Там же. Т. 23. С. 195.

[56] Там же. Т. 3. С. 27.

свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой (цели. – *И.К.*) он должен подчинять свою волю"[57].

Таким образом, осознанность и целенаправленность человеческой деятельности, т.е. субъективный ее характер, пронизывает все явления общественно-исторического развития. И все упреки в адрес марксизма в игнорировании или принижении роли субъективного фактора в историческом развитии продиктованы либо незнанием, либо намеренным искажением марксизма.

Субъективная человеческая деятельность протекает в определенных независимых от людей условиях и приводит к объективным результатам. "Человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность"[58]. Эта зависимость диктуется прежде всего тем, что хотя "люди, как указывал К. Маркс, сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбирали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого"[59]. Каждое историческое поколение людей в каждый данный момент исторического развития располагает определенными материальными и духовными ресурсами, определенной системой производственных, политических, культурных и других отношений, на основе которых только и может строить свою деятельность. В результате целенаправленной деятельности эти ресурсы могут быть приумножены, отношения изменены, но действовать можно, только исходя из тех и других.

Кроме того, осознанная и целенаправленная деятельность людей подчинена объективным законам, которые действуют "с железной необходимостью"[60]. Незнание этих законов делает людей рабами "слепой необходимости". Но, и познав их, люди становятся "господами" положения лишь постольку, поскольку действуют в соответствии с этими законами[61].

Чрезвычайно сложный характер общественно-исторического развития обуславливает и то, что осознанная и целенаправленная деятельность людей может приводить к иным результатам, чем те, которых стремились достигнуть, т.е. деятельность имеет объективный, независимый от субъективных устремлений и целей характер. Это происходит потому, как указывал Ф. Энгельс, что, с одной стороны, в историческом развитии взаимодействует множество всяких факторов (экономических, социальных, политических, идеологических и др.), поэтому даже "экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множе-

---

[57] Там же. Т. 23. С. 189.
[58] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 169–170.
[59] *Маркс К.. Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 119.
[60] Там же. Т. 23. С. 6.
[61] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 198.

ство случайностей"; с другой стороны, "конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных воль", и может возникнуть "нечто такое, чего никто не хотел"[62]. Поэтому в целом общественно-историческое развитие, органически сочетающее объективное и субъективное, имеет необходимо закономерный характер, представляет собой естественно-исторический процесс.

Но "идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории"[63]. Во-первых, субъект выступает не как пассивный созерцатель объективной реальности, а как ее сознательный и активный преобразователь. Во-вторых, от субъекта зависит выбор объективно детерминированного направления и способа деятельности. При этом по мере прогресса роль субъективного фактора в общественно-историческом развитии возрастает, ибо более высокий уровень развития объективных факторов расширяет возможности выбора и созидательно-преобразующей деятельности людей, т.е. повышает степень их субъективной свободы. Реальные возможности такой свободы зависят прежде всего от социально-экономического строя, который непосредственно определяет степень участия в созидательно-преобразующей деятельности членов общества, их реальную субъективную свободу, а следовательно, и их возможности воздействия на ход поступательно-прогрессивного развития. В этом плане несомненно превосходство социалистического общественного строя над всеми видами антагонистических обществ. Особенно ярко это проявляется на современном этапе развития социализма в нашей и других странах, когда все большую роль играет человеческий фактор.

Из сказанного о соотношении в общественно-историческом развитии субъективного и объективного становится более ясной необходимость учета в конкретно-исторических исследованиях того, что в этом развитии нет неких абсолютных, чистых объективных или субъективных факторов и явлений. Между объективным и субъективным всегда имеют место тесные диалектическая взаимосвязь и взаимодействие, основой которых является объективное. Говорить об этом приходится потому, что порой объективное и субъективное разрываются и даже противопоставляются, субъективное лишь формально сводится к объективному, а в объективном не раскрывается конкретно роль субъективного, сознательно целенаправленного.

Впрочем, можно привести немало примеров и успешного, яркого и убедительного решения этой трудной исследовательской задачи, особенно в области раскрытия объективной детерминированности субъективной деятельности.

Наконец, заметим, что субъективное и объективное в общественно-историческом развитии не только диалектически взаимосвя-

---

[62] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 394–396.
[63] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 159.

зано, но и в каждом конкретном случае относительно. Иначе говоря, тот или иной вид человеческой деятельности в одном отношении может выступать как субъективный фактор, а в другом – как объективный. Так, классовая борьба с позиций представителей класса, который ведет эту борьбу, является субъективной деятельностью, хотя и обусловленной объективными факторами. С позиций же класса, против которого ведется борьба, она выступает как фактор объективный. Вообще субъективные устремления, цели и деятельность любого индивидуума или коллектива объективны по отношению к любому другому индивидууму и коллективу. Даже результаты деятельности отдельного субъекта обретают объективный, независимый от него характер по отношению к его последующей деятельности.

Сложная взаимосвязь в общественно-историческом развитии объективного и субъективного и относительность последних обусловлены тем, что человеческая деятельность представляет собой непрерывный процесс *субъективизации объекта,* т.е. овладения человеком в своих интересах объективной реальностью, и *объективизации субъекта*, т.е. превращения всех проявлений деятельности последнего в противостоящую ему реальность. Поэтому иногда объективным считают все совершившееся, т.е. историю, а субъективным все происходящее, т.е. современность[64]. В этом есть свой смысл. В общем надо постоянно иметь в виду, что "различие субъективного от объективного, как подчеркивал В.И. Ленин, есть, **НО И ОНО ИМЕЕТ СВОИ ГРАНИЦЫ**"[65], которые должны определяться конкретно.

Таким образом, перед историками стоит задача более глубокого проникновения в объективную диалектику субъективного и объективного в общественно-историческом развитии[66]. Такое углубление, направленное на проникновение в сущность общественно-исторического развития, требует также учета соотношения в этом развитии возможности и действительности.

Объективная реальность, действительность противостоят субъекту, стремящемуся осознанно овладеть этой реальностью в познавательных или практически-прикладных целях. Эта действительность, с одной стороны, обладает многообразными сторонами, чертами, свойствами и связями, которые выражают ее внутреннюю

---

[64] См.: *Яцукевич А.Ф.* Диалектика объективного и субъективного в проявлении законов общества. Минск, 1982. С. 171.

[65] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 90.

[66] Об объективном и субъективном и их отношении в действительности и познании см.: *Кузьмин В.Ф.* Объективное и субъективное: (Анализ процесса познания). М., 1976; *Лекторский В.А.* Субъект. Объект. Познание. М., 1980; *Воронович Б.А.* Объективное и субъективное в социальных процессах // Философские науки. 1984. № 3, и др.

сущность и способы функционирования. С другой стороны, этой действительности, как всякой материи, присуще развитие на основе внутренних противоречий, потенций и тенденций, что приводит к переходу от одних состояний к более высоким по уровню развития и формам другим состояниям. В.И. Ленин подчеркивал, что "действительная жизнь, действительная история *включает* в себя ...различные тенденции"[67]. Наличие в действительности различных свойств и потенций, которые при определенных условиях могут привести к новой реальности, и образует возможности, заключенные в действительности. Следовательно, *возможности* – это свойства, определенные черты или тенденции текущей действительности, которые создают предпосылки будущей действительности, являются ее потенциями. *Возможность не существует вне действительности.* Возможность и действительность органически взаимосвязаны. *Возможность* – это потенциальная, грядущая действительность, *а реальная действительность* – это реализованная, осуществленная возможность.

Действительность может содержать одну либо несколько возможностей перехода в иное состояние. В первом случае такой переход будет иметь *однозначно закономерный* характер. Во втором превращение той или иной из возможностей в новую реальность имеет *случайно-закономерный, вероятностный* характер. Таким образом, реализация возможностей связана с необходимостью, случайностью и вероятностью[68]. Так, например, капитализму на стадии его развития в условиях свободной конкуренции присуща тенденция к концентрации производства. Это порождало возможность превращения "свободного" капитализма в монополистический капитализм и империализм. Превращение этой возможности в действительность применительно к развитой капиталистической стране в целом имело однозначно необходимый и закономерный характер. Превращение же в реальность возможности возникновения монополистических объединении в той или иной отрасли промышленности или в том или ином регионе определенной страны могло реализоваться лишь как случайно-закономерный процесс, ибо эта реализация зависела от множества причин, равнодействующая которых может быть оценена лишь с определенной вероятностью.

Для превращения возможности в действительность необходимы определенные условия. В общественно-историческом развитии эти условия складываются в результате действия субъективных факторов, поскольку возникшая возможность сама по себе составляет лишь объективную предпосылку для перехода к новой реальности. Так, например, складывание революционной ситуации создает возможность, объективную предпосылку для возникновения револю-

---

[67] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 66.

[68] См.: *Пилипенко Н.В.* Диалектика необходимости и случайности. М., 1980. С. 110.

ции. Поэтому революции всегда должна предшествовать революционная ситуация. Но для превращения этой возможности в действительность необходимо еще наличие субъективного фактора. "Переворот, – указывал В.И. Ленин, – может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения"[69].

Роль субъективно-исторических факторов в превращении возможности в действительность состоит, во-первых, в выборе той или иной из имеющихся возможностей, и во-вторых, в создании условий, необходимых для превращения ее в новую реальность. Понятно, что при этом выборе те или иные общественные силы исходят из своих интересов и преследуемых целей, которые всегда осознанно или стихийно являются в конечном счете классовыми. Поэтому ориентация на реализацию возможностей, которые в наибольшей мере соответствуют поступательно-прогрессивному ходу общественно-исторического развития, возможна лишь в той мере, в какой интересы определенных общественных сил соответствуют объективному ходу этого развития.

Для выбора той или иной из возможностей современники должны иметь определенное представление о действительности, видеть наличие тех или иных возможностей. Всесторонне обоснованный, объективный выбор возможностей и деятельность по их реализации могут иметь место лишь на основе научного анализа действительности. В полной мере такой выбор стал доступен лишь с возникновением марксистского обществоведения. Собственно и сама проблема действительного и возможного, играющая столь важную роль в общественно-историческом развитии, была последовательно научно поставлена лишь марксизмом. Другие научные подходы в лучшем случае позволяют ограниченно верно оценить и выбрать ту или иную из возможностей. Еще в большей мере такой выбор ограничен на основе практически-эмпирического подхода к действительности.

Впрочем, следует заметить, что и научный подход к оценке и выбору возможностей сам по себе еще не гарантирует правильности этого выбора. Принципы и методы любого подхода могут быть применены верно и неверно. Возможны ошибки и заблуждения в этом выборе. Основной гарантией от таких ошибок и обоснованности выбора, так же как и успеха в реализации соответствующих возможностей, являются широта и активность участия в этом выборе и его реализации исторически действующих субъектов на всех уровнях общественной деятельности, включая деятельность широких народных масс. Это возможно там, где степень субъективной свободы в обществе не формально, а реально, т.е. не в плане прав, а в сфере практической, прежде всего производственной деятельности является наиболее высокой. Такой она является в социалистическом

---

[69] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 367.

обществе, развитие которого в нашей стране на современном этапе и характеризуется стремлением всемерно активизировать эту ведущую движущую силу общественного прогресса.

Таким образом, диалектическая взаимосвязь действительного и возможного является важнейшей стороной общественно-исторического развития. Этим диктуется необходимость для историка учитывать при анализе и реальную действительность и заключенные в ней возможности.

Обществоведам, занимающимся изучением современной им эпохи, анализ заключенных в ней возможностей служит объективной основой для прогнозирования последующего хода общественного развития как в целом, так и в отдельных его аспектах. Блестящие образцы такого анализа как в смысле предвидения общего хода исторического развития в его глобальной и широкой перспективе, так и применительно к непосредственному будущему дали классики марксизма. Глубокий анализ сути капиталистического способа производства и коренящихся в нем возможностей позволили К. Марксу и Ф. Энгельсу доказать неизбежность перехода от капитализма к коммунизму. В.И. Ленин, рассматривая историческое развитие России на рубеже XIX–XX вв., показал не только неизбежность буржуазно-демократической революции, но и возможность ее перерастания в революцию социалистическую. Анализируя же характер общественно-исторического развития в условиях империализма и первой мировой войны, В.И. Ленин раскрыл возможность победы социализма в отдельно взятой стране. Все эти прогнозы, основанные на глубоком понимании закономерностей исторического развития и учете объективных возможностей реальной действительности, подтвердились последующим ходом этого развития.

Изучение историком возможностей той или иной действительности прошлого имеет, разумеется, свои особенности. Эта общественная действительность в том виде, как она совершилась, была *инвариантной*, т.е. *однозначной.* В познании прошлого в его инвариантности и состоит главная задача историка. Но эта инвариантность часто была результатом реализации одной из *поливариантных, многозначных возможностей,* заключенных в предшествующей этой действительности исторической реальности. Поэтому историк, характеризуя сущность рассматриваемой им действительности, должен показать, во-первых, результатом реализации каких возможностей прошлого она была, и, во-вторых, какие объективные возможности, потенции для будущего она содержала. Очевидно, что такой подход позволяет, с одной стороны, более глубоко раскрыть изучаемую действительность, и с другой – конкретно показать органическую взаимосвязь прошедшего, настоящего и будущего, т.е. раскрыть ход исторического развития как осознанно-целенаправленный и одновременно объективно-закономерный процесс. Пока еще такой подход не стал характерной чертой всех исторических исследований.

Непременным условием при изучении возможностей в историческом развитии является выделение *реальных, существенных* возможностей. Историческая действительность чрезвычайно многообразна по присущим ей чертам, связям и тенденциям, и в ней заключено множество всякого рода возможностей, в том числе и формальных. Поэтому В.И. Ленин подчеркивал необходимость отличать возможность от действительности и возможности реальные от формальных. В этой связи он, например, писал: «Возможны *всякие* превращения, даже дурака в умного, но *действительным* такое превращение является редко. И по одной "возможности" превращения этого рода дурака я не перестану считать дураком»[70].

При выделении и оценке реальных возможностей важным и сложным, но необходимым является определение их временных и пространственных границ. В ходе общественного развития всякая возможность возникает в определенный момент. При наличии соответствующих условий, создаваемых общественными силами, она может превратиться в действительность. Но этого может и не произойти, если предпринимаемых усилий оказывается недостаточно. Некоторые возможности вообще могут оставаться потенциями, не замеченными современниками. Но в любом варианте возможность имеет пределы реального существования. Игнорирование этих пределов при анализе исторических возможностей может привести историка к ошибочным заключениям. Этим грешат многие исследования буржуазных историков.

Так, например, видное место в буржуазной историографии занимают вопросы социально-экономического развития России в начале XX в., предпосылок социалистической революции в нашей стране. Одно из распространенных мнений о якобы исторически случайном характере революции основывается на утверждении, что если бы первая мировая война не помешала реализации столыпинской аграрной реформы, то в России укрепился бы капитализм западноевропейского типа и Октябрьская революция не произошла бы. Несостоятельность этого мнения состоит в игнорировании того несомненного факта, что все возможности укрепления существовавшего в России буржуазного социально-экономического строя и самодержавного государства на базе преобразований, предусмотренных столыпинской аграрной реформой, были исчерпаны уже к началу первой мировой войны. На это впервые обратил внимание В.И. Ленин. В январе 1912 г. он писал, что даже некоторые защитники реформы «начинают чувствовать, что над этой "великой реформой" веет дыханием смерти»[71]. В апреле же 1913 г. В.И. Ленин подчеркивал, что аграрная политика Столыпина "*исчерпала себя,* исчерпала свои социальные силы. Обстоятельства сложились так, что никакая

---

[70] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 320.
[71] Там же. Т. 21. С. 119.

реформа в современной России невозможна... *Реформистских возможностей в современной России нет*"[72].

Эти выводы нашли полное конкретно-историческое подтверждение в исследованиях советских историков[73].

Таким образом, необоснованное расширительно-временно́е толкование возможностей укрепления буржуазного строя в России, допускавшееся столыпинской реформой, служит основой для искажения реального хода исторического развития.

Анализируя возможности той или иной исторической действительности, историк не должен становиться и на позицию сожаления по поводу того, что какие-то из существовавших возможностей не были замечены современниками или неправильно реализованы, в результате чего исторические события или даже историческое развитие якобы совершились не так, как могли бы совершиться. Имея в виду подобные подходы, В.И. Ленин подчеркивал, что надо, как это делал К. Маркс, смотреть на «историю с точки зрения тех, кто ее *творит*, не имея возможности наперед *непогрешимо* учесть шансы, а не с точки зрения интеллигента-мещанина, который морализирует "легко было предвидеть... не надо было браться..."»[74]. Сам К. Маркс указывал, что "творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов"[75]. Поэтому задача историка состоит прежде всего в выяснении и объяснении того, почему были учтены и реализованы именно данные возможности. Только при таком подходе изучение прошлого может быть основой для накопления исторического опыта, который будет содействовать прогрессивному решению современных задач.

Что же касается анализа самих возможностей, заключенных в изучаемой действительности, то надо искать пути и методы для измерения той вероятности (определяемой всей совокупностью факторов общественно-исторического развития), с которой та или иная из этих возможностей могла превратиться в действительность. Тем самым откроется путь к наиболее точной и объективной оценке тех потенций будущего, которые были присущи определенной исторической реальности. Поиск путей и методов указанного измерения – задача, которую еще предстоит решать историкам совместно с другими специалистами. На первый взгляд, постановка такой задачи может показаться не только мало реальной, но и даже необоснованной. Но это не так. Обоснованность постановки такой задачи определяется тем, что в самом общественно-историческом развитии претворение в действительность многих (можно сказать, боль-

---

[72] Там же. Т. 23. С. 57.
[73] См.: *Дубровский С.М.* Столыпинская земельная реформа. М., 1963, и др.
[74] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 379.
[75] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 33. С. 175.

шинства) возможностей имеет, как указывалось, вероятностный характер. Значит, надо искать способы измерения этой вероятности. Далее, историки уже давно пытаются оценивать вероятность реализации тех или иных возможностей, но делают это, не прибегая к измерению.

Естественное стремление к оценке потенций исторического развития является одним из факторов, определяющим растущий интерес историков к изучению так называемых альтернативных ситуаций в историческом развитии. Анализ этих ситуаций дает возможность не только конкретно представить эти потенции, но и наглядно раскрыть соотношение и взаимосвязь в этом развитии объективного и субъективного, действительного и возможного, необходимого и случайного. В этой связи следует подробней остановиться на вопросах альтернативности в историческом развитии и их изучении в исторической науке.

Проблемы альтернативности в общественном, в том числе и историческом развитии в той или иной мере затрагиваются во многих работах. Однако специальных исследований, посвященных анализу теоретико-методологических проблем альтернативности или развернутой характеристики конкретных общественно-исторических альтернативных ситуаций, крайне мало[76].

Проблема альтернативности в историческом развитии может рассматриваться, как и всякая другая проблема, в двух аспектах – онтологическом и гносеологическом, т.е. как явление исторической реальности и как задача исторического познания.

Рассматривая альтернативу как историческую реальность, надо начать с ее определения. *Альтернативной* является такая историческая ситуация, которая характеризуется борьбой общественных сил за реализацию существенно отличных возможностей общественного развития. Следовательно, историческая альтернатива может иметь место тогда, когда в действительности, во-первых, содержатся существенно отличные возможности (потенции, тенденции) последующего развития и, во-вторых, имеются общественные силы, ведущие борьбу за реализацию этих возможностей. Значит, альтернативность в общественно-историческом развитии органически связана с возможностью и действительностью, с объективным и субъективным. Учитывая то, что органическое сочетание объективного и субъективного выступает главным выражением особенностей явлений общественных по сравнению с естественными, можно рассматривать альтернативность как наиболее

---

[76] Из этих работ обращают на себя внимание следующие: *Могильницкий Б.Г.* Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1974. Вып. 9; *Херманн Иштван.* В.И. Ленин об исторической альтернативе // Вопросы философии. 1980. № 12.

яркое выражение этой особенности. В природе альтернатив нет, хотя и там реальность содержит разные возможности для последующего развития. Но эти возможности в зависимости от множества факторов реализуются как стихийно проявляющаяся однозначная необходимость.

Далее, историческая альтернатива – это феномен, связанный с массовыми явлениями общественной жизни, ибо только различия в массовых явлениях и процессах могут приводить к существенно отличным вариантам общественного развития. "Существенность" здесь определяется тем, насколько фундаментальны в плане хода общественного развития различия в интересах и целях, за реализацию которых ведется борьба, и в объективных результатах этой борьбы. Фундаментальность целей и результатов и массовость общественных сил, стремящихся достигнуть их, определяют историческую масштабность и значимость альтернатив, являются критериями для выявления исторических альтернатив. Это важно подчеркнуть потому, что выбор тех или иных из возможностей и альтернативность результатов той или иной деятельности имеют место в историческом развитии не только на уровне массовом и общественно значимом, но и на уровне узкогрупповом и индивидуальном. В сущности всякое решение о том или ином направлении и способе деятельности есть выбор из совокупности разных возможностей, что обуславливает и различные, в том числе и альтернативные результаты этой деятельности. Точно так же всякая индивидуальная и групповая борьба связана с альтернативностью ее исхода для борющихся сторон. Подобные обыденные (повседневные) альтернативы не следует смешивать с историческими альтернативами, ибо обыденные альтернативы не влияют на содержание и формы, на направление, темпы и результаты функционирования и развития общественных систем, на интересы и положение различных классов и социальных слоев. Поэтому в дальнейшем речь будет идти об исторических альтернативах.

В исторической реальности возникновение альтернативной ситуации имеет объективные и субъективные предпосылки. Очевидно, что объективной основой альтернатив является наличие в исторической действительности существенно различных возможностей, потенций и тенденций последующего развития. Что же порождает такие возможности? Говоря кратко, возникновение таких возможностей обусловлено тем, что в историческом развитии в силу многообразия условий его протекания нет однозначной обусловленности формы содержанием. Содержание этого развития может иметь определенный диапазон форм, в которых оно выражается. "Материалистическое понимание истории, – совершенно справедливо подчеркивает Х.Н. Момджан, – исходит из того что одна и та же закономерность – одна и та же по своей сущности – проявляется в многообразных формах... Существенные, решающие признаки данной

исторической закономерности проявляются в поливариантных формах в различных социальных средах"[77].

Можно привести много примеров неоднозначной детерминированности формы содержанием как в сфере базисных, так и в сфере надстроечных явлений. К. Маркс указывал, что один и тот же базис "благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т.д. – может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации"[78]. Эти вариации могут иметь и существенные различия, т.е. представлять альтернативные варианты развития. Так, например, феодальной системе производственных отношений как качественной определенности повсюду было присуще наличие личной зависимости крестьянина от феодала и связанной с этим системы внеэкономического принуждения. Но их формы варьировали от простого оброчного обязательства до личного закрепощения и прямого насилия над крестьянами.

Однозначно и то, что основой капиталистического способа производства являются частная собственность на орудия и средства производства и эксплуатация свободного наемного труда. Но формы этой собственности могут быть разными – индивидуальными, корпоративными и государственными.

Безусловно, что капиталистический базис (как и всякий другой) однозначно определяет политическую надстройку в том плане, что политическая власть всегда принадлежит господствующему классу буржуазии, а государство выступает выразителем и защитником интересов этого класса. Но эта однозначность допускает варьирование форм политической надстройки от сравнительно развитых форм буржуазной демократии до фашистской диктатуры.

Понятно, что многообразие форм, в которых выражается одно и то же содержание, приводит к возникновению разных возможностей, что создает объективные предпосылки для возникновения альтернатив. Но есть и обратная сторона этого явления. Не только одно содержание может выражаться в разных формах, но и одна и та же форма может наполняться разным содержанием. Это происходит при переходе одного содержания в другое. Пока новая содержательная сущность не достигла зрелости и не породила адекватную форму, она может развиваться в старых формах. Если становление новой сущности идет в уже наличных, но разных формах, то будут иметь место разные, конкурирующие и в определенных условиях альтернативные возможности развития.

Таким образом, сложная диалектическая взаимосвязь содержания и формы в общественно-историческом развитии обуславливает

---

[77] *Момджан Х.Н.* Единая сущность и многообразие форм проявления исторической закономерности // Диалектика общего и особенного в историческом процессе. М., 1978. С. 8.

[78] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 354.

возникновение существенно отличных возможностей, а следовательно, и альтернативных потенций этого развития.

Другой объективной предпосылкой возникновения альтернативных возможностей является специфика взаимосвязи в общественно-историческом развитии цели и средства ее достижения. Здесь также нет однозначно обусловленной зависимости средства от цели. Одна и та же цель в зависимости от конкретно-исторических условий может достигаться разными средствами. Реформистские и революционные, легальные и нелегальные, мирные и вооруженные методы деятельности – все эти разные средства могут использоваться для достижения одних и тех же целей. Сам характер этих, как и многих других, средств является альтернативным. Очевидно, что хотя разные средства и позволяют достигнуть одного и того же результата, но этот результат может иметь разные формы выражения, разный уровень развитости и зрелости и т.д., что будет оказывать существенное воздействие на многие стороны общественного развития, на положение, потребности и интересы различных классов и социальных слоев[79]. Так, например, тот факт, что в России и Японии переход от феодализма к капитализму совершался не революционным, а реформистским путем, оказал, как известно, существенное воздействие на их социальный и политический строй. Соотношение цели и средства в сущности представляет разновидность соотношения содержания и формы. Таким образом, объективные предпосылки возникновения альтернативных ситуаций связаны с наличием в текущей действительности существенно отличных возможностей ее последующего развития. В этой связи надо внести ясность в один существенный вопрос – о том, представляет ли историческая альтернатива антитезу, существенно отличный вариант развития, реально противостоящий существующей исторической действительности, или же альтернатива – это разные варианты *последующего* развития, заключенные в этой действительности, но еще не проявившиеся реально. Часто в исторических работах, когда говорят об альтернативах, имеют в виду иное направление развития в будущем по сравнению с существующей действительностью. С этим нельзя согласиться. *Существующая действительность* может представлять собой либо *уже реализованную возможность* прошлого, *либо борьбу,* которая ведется за *реализацию существенно отличных, альтернативных возможностей* последующего развития. Будущее является естественным и неизбежным продолжением настоящего. Оно вырастает из настоящего. Но оно не может быть альтернативой настоящему, ибо как может быть альтернативой реальному то, чего еще нет? Значит *альтернативы как реальность – это действительность, а как будущее – это лишь потенции этой действи-*

---

[79] О соотношении цели, средства и результата см.: *Трубников Н.Н.* О категориях "цель", "средство", "результат". М., 1967.

тельности, заключенные в ней различные возможности. Правильно понять место альтернатив в общественно-историческом развитии можно, только учитывая тесную и диалектическую связь прошлого, настоящего и будущего. Следовательно, *альтернативность в общественно-историческом развитии – это реальная борьба, ведущаяся в действительности за существенно отличные варианты будущего*. Ее пределы (в плане объективных возможностей) занимают промежуток социального времени от возникновения существенно отличных возможностей дальнейшего развития и начала борьбы за реализацию разных возможностей и до воплощения в действительность одной из альтернативных возможностей либо до снятия их ходом развития в результате возникновения новых возможностей.

Неправомерность трактовки альтернатив как антитезы настоящему иногда сочетается с попытками представлять как альтернативный такой ход последующего развития, который имеет однозначно закономерный характер. Так, часто говорят о социализме как альтернативе капитализму в будущем. Но с точки зрения общего хода исторического развития социализм не альтернатива капитализму, поскольку альтернатива, как и всякая возможность, может быть реализована, а может остаться и не реализованной, а переход от капитализма к социализму – исторически и однозначно обусловленная неизбежность. В зависимости от конкретно-исторических условий отдельных стран альтернативными могут быть пути и формы перехода к социализму, но не сам этот переход, когда для этого сложатся необходимые предпосылки.

В общем еще раз подчеркнем, что объективной основой для возникновения исторических альтернатив является наличие в действительности существенно отличных возможностей для последующего развития, которые могут быть реализованы лишь с определенной вероятностью. Естественно, здесь возникает вопрос о том, чем же определяется то, какая из существенно отличных возможностей может восторжествовать. Чтобы ответить на этот вопрос, надо рассмотреть роль субъективно-исторических факторов в возникновении и разрешении альтернатив.

Прежде всего отметим, что одни объективные предпосылки еще не создают альтернативы. Для возникновения альтернативы необходимо наличие субъективного фактора, т.е. определенных общественных сил, которые деятельно стремятся претворить существенно отличные возможности в реальность. Это неизбежно приводит к столкновению разных общественных сил, к их борьбе. Но борьбе за реализацию той или иной возможности должен предшествовать ее выбор. Возможности такого выбора на основе научно-теоретического анализа исторической действительности ограничены до сих пор, ибо анализ может быть осуществлен лишь на основе

теорий и методов, адекватно отражающих эту действительность. Такими теорией и методом является только марксизм. Поэтому в историческом развитии выбор той или иной из возможностей осуществляется в процессе практически-эмпирического, обыденного познания действительности[80]. Такой путь выбора обуславливался еще и тем, что его осуществляли не отдельные личности или узкий их круг, а широкие круги исторических субъектов, целые классы и социальные слои.

Тем реальным индикатором, которым руководствовались в своем выборе эти классы и слои, были их *интересы*. Надо коснуться механизма, который вовлекал людей в активную общественно-историческую деятельность. Уже отмечалось, что исходным двигателем здесь были *потребности*. Возможности удовлетворения потребностей, как и сама их суть, определялись соответствующим способом производства, т.е. имели объективный характер. Потребности порождают стремление к чему-то, что находит непосредственное выражение в *интересе*. *Интерес* выступает как побудительная причина деятельности субъекта, служит непосредственным источником его активности. Потребности и интересы имеют объективный характер и поэтому первоначально могут и не осознаваться. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что "там, где индивиды имеют потребности, они уже в силу этого имеют некоторое *призвание* и некоторую *задачу*, причем вначале еще безразлично, делают ли они это своим призванием также и в представлении"[81].

Интересы осознаются и проявляются в форме *мотивов* и *стимулов* деятельности людей, на основе которых формируются *цели* этой деятельности и складываются *идеалы*, к которым люди стремятся.

Таким образом, в объективно-субъективном процессе восприятия историческими субъектами современной им действительности имеется цепь: *способ производства – потребности и интересы – мотивы и стимулы – цели и идеалы*[82]. В данном случае не столь важно, насколько эта цепь восприятия действительности полна. Существенно то, что ее звенья могут складываться на основе как теоретического, так и обыденного восприятия действительности, и то, что в отношении к этой действительности и к тем возможностям, которые в ней заключены, у ее современников есть совершенно определенный критерий – прежде всего их интересы.

Единство объективных и субъективных факторов в складывании исторических альтернатив означает, что наличие общественных сил и их борьба за такой путь развития, для которого нет объ-

---

[80] См.: *Черняк В.А.* Диалектика теоретического и обыденного сознания: (Мировоззренческий аспект). Алма-Ата, 1985.

[81] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 279.

[82] Подробнее см.: *Черненко Л.К.* Причинность в истории. М., 1983; *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.

ективных возможностей в действительности, не создают альтернативы. В качестве примера можно привести борьбу революционного народничества в России. Народники исходили из того, что капитализм в силу присущих ему противоречий является упадком и регрессом в историческом развитии. Они отстаивали идею о возможности для России благодаря наличию общины перехода к социализму, минуя капитализм. Исходя из этой идеи, они вели борьбу за революционный социальный переворот, который, по их мнению, приведет к установлению социализма. Идея эта была утопией, ибо в России того времени еще не существовало объективных исторических возможностей для перехода к социализму. Героическая борьба народников не создавала альтернативы: капитализм или социализм. Шло неуклонное становление и утверждение капитализма. Поэтому никак нельзя согласиться с мнением, что борьба народников якобы представляла альтернативный вариант социального развития[83].

Народники, руководствуясь ошибочной социологической теорией, не могли правильно понять современную им историческую действительность и те объективные возможности последующего развития, которые ей присущи. Ошибочными были и их представления об интересах и устремлениях крестьянства. "Нет ничего более нелепого, – указывал В.И. Ленин, – как выводить из противоречий капитализма его невозможность, непрогрессивность и т.д. – это значит спасаться в заоблачные выси романтических мечтаний от неприятной, но несомненной действительности"[84].

Борьба народников никак не может быть представлена альтернативой – капитализм или социализм – еще и потому, что объективно она была не борьбой против капитализма, а борьбой за один из вариантов его развития. "*Реальное* историческое значение народнической идеологии (и борьбы. – *И.К.*) состояло в противоположении *двух* путей *капиталистического* развития: одного пути, приспособляющего новую, капиталистическую Россию к старой... и другого пути, заменяющего старое новым, устраняющего полностью отжившие помехи новому, ускоряющего ход развития"[85]. Объективно народники-таки боролись за альтернативу, но не ту, которую им приписывают.

Субъективный фактор в исторических альтернативах представлял собой компонент, который определял исход борьбы за реализацию той или иной из существенно отличных возможностей развития. Этот исход зависел от соотношения борющихся сил, их целеустремленности, сплоченности и организованности. Можно привести немало примеров, когда альтернативные ситуации разрешались победой одной из сторон и утверждением одной из объективно допустимых возможностей.

---

[83] См.: *Сухов А.Д.* Прогресс и история. М., 1983. С. 146.
[84] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 48.
[85] Там же. Т. 20. С. 168–169.

Примером утверждения консервативной возможности и перевеса реакционных сил над демократическими может служить установление фашизма в Германии. Социально-политическая ситуация в стране в начале 30-х годов, несомненно, имела альтернативный характер. Дальнейшее развитие могло идти как в форме буржуазной демократии, так и в форме фашистской диктатуры. Соотношение борющихся социальных сил оказалось таково, что победил фашизм.

Примером победы прогрессивных тенденций и сил в историческом развитии могут служить те из развивающихся стран, которые стали на путь построения социализма. Разумеется, это пока не исключает попыток со стороны внешней и внутренней контрреволюции к утверждению капиталистического пути развития. Исход борьбы альтернативных тенденций здесь окончательно еще не решен.

Победа одной из альтернативных возможностей снимает противостоящую ей возможность, и альтернативная ситуация исчерпывает себя. В какой мере снятие является окончательным, зависит от того, насколько победившим силам удалось подавить противостоящие силы и устранить возможности альтернативного развития. Это определяется тем, насколько глубоки объективные исторические корни этой возможности и как велики силы, борющиеся за нее.

Но возможны и такие альтернативные ситуации, когда ни одна из противоборствующих тенденций развития и стоящие за ними общественные силы не могут взять верх. Если такое противостояние длительно, то ход исторического развития может снять эти альтернативы в результате возникновения новых возможностей. Так было в России с борьбой двух путей буржуазной аграрной эволюции, о чем подробней будет сказано ниже.

И еще один вопрос, связанный с рассмотрением альтернатив как явлений исторической реальности. Это вопрос о соотношении *альтернативности* и *закономерности*, о том, не нарушает ли наличие альтернативных ситуаций и ведущая роль в их разрешении субъективных факторов закономерности общественно-исторического развития. Несомненно, что ход исторического развития и в его однозначно-необходимом и альтернативном вариантах закономерен. Альтернативный характер развития многих исторических явлений не нарушает закономерности этого развития потому, что при ведущей роли субъективного фактора в складывании и разрешении альтернатив действие этого фактора ограничено объективными условиями. Альтернатива – это выбор из существующих возможностей и борьба за реализацию выбора. Но ведь возникновение разных возможностей – объективный процесс. Поэтому при однозначно-необходимом и альтернативном ходе развития различаются лишь формы проявления обществен-

ных законов[86]. Одни из них являются законами жесткой, однозначной детерминации. Это прежде всего наиболее общие законы общественно-исторического развития, законы об определяющей роли способа производства в общественном развитии, о соответствии производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, о первичности общественного бытия по отношению к общественному сознанию, об определяющей роли социально-экономического базиса по отношению к политически-правовой и культурно-идеологической надстройке и др. Действие законов однозначной детерминации распространяется на каждый элемент общественно-исторической системы. Эти законы прежде всего определяют динамику, развитие общественных систем.

К другому типу относятся законы с вероятностной детерминацией, законы, присущие стохастическим, случайным процессам. Они проявляются как безусловная необходимость лишь по отношению к той или иной общественной системе в целом. Поведение же отдельных элементов системы детерминируется лишь вероятностным образом[87].

Вероятностные законы, как и всякие другие, характеризуются необходимостью, всеобщностью, повторяемостью. Эти законы присущи функционированию и развитию массовых случайных явлений. Они проявляются как законы-тенденции, как определенные закономерности, присущие общественно-историческому развитию. К. Маркс подчеркивал, что общественные "законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господ-

---

[86] Для характеристики внутренне обусловленных и неизбежных связей и тенденций в функционировании и развитии объективной реальности в науке применяются понятия "закономерность" и "закон". Но соотношение между ними трактуется по-разному. Одно из них состоит в том, что закономерность – это объективные свойства и связи реального мира, а закон – отражение закономерностей в научном познании этой реальности, т.е. понятие гносеологическое (см.: *Карпович В.Н.* Проблема. Гипотеза. Закон. Новосибирск, 1980. С. 140–141). Думается, что более обоснованным является понимание и закономерности и закона как свойств реальности, которые отражаются сознанием в процессе ее познания. "Закон есть прочное (остающееся) в явлении" (*В.И. Ленин.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 136), закон – это "господствующая тенденция" (*К. Маркс, Ф. Энгельс.* Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 176). В конечном счете *закон* – это сущность, которая в своем функционировании и развитии выражается в *закономерности*, т.е. в устойчивости и повторяемости присущих ей коренных свойств.

[87] Подробнее см.: *Виноградов В.Г., Гончарук С.Н.* Законы общества и научное предвидение. М., 1972; *Сирин А.Д.* Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. Томск, 1979; *Пилипенко Н.Я.* Диалектика необходимости и случайности. М., 1980; *Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Б.Б., Павлов В.М.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979; *Попов С.* Общественные законы. М., 1980; *Панибратов В.Н.* Категория закон. Л., 1980; *Яцукевич А.Ф.* Диалектика объективного и субъективного в проявлении законов общества. Минск, 1982, и др.

ствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний"[88].

Ход общественно-исторического развития в его альтернативных вариантах и регулируется вероятностными законами. Законы однозначной детерминации как наиболее общие законы общественного развития определяют пределы действия законов вероятностных как законов, присущих особенному в этом развитии. Первые определяют (характеризуют) сущность высшего порядка, а вторые – сущности более низких порядков, которые конкретизируют первую. Эта конкретизация может быть весьма многообразна, но лишь в пределах общей сущности. Это значит, что альтернативные варианты общественно-исторического развития не только подчинены законам, но и имеют объективно ограниченный возможностями, присущими действительности, и законами, определяющими ее функционирование и развитие, диапазон проявления. Поскольку в общественно-историческом развитии преобладают массовые случайные явления и процессы, постольку "для законов общества в основном характерна вероятностная детерминация"[89]. Таково мнение большинства советских исследователей. Но есть и иные взгляды. Так, высказывается соображение, что в "области общественных явлений нет места стохастическому процессу"[90]. А это значит, что нет места и для альтернативности общественно-исторического развития. Противоположное мнение состоит в следующем. В любой исторической ситуации есть возможность выбора, и историческое развитие ставит перед человеком альтернативу поведения. Это обусловлено тем, что "абсолютной неизбежности именно данного хода событий, исключающей какие бы то ни было иные возможности развития, не существует: всегда имеется множество тенденций", которые все возможны и при определенных условиях могут осуществиться. Многозначность (случайность) общественных явлений порождает вероятностный характер их осуществления[91]. Следовательно, основная суть сводится к тому, что в общественно-историческом развитии имеют место лишь случайно-вероятностная детерминированность и закономерность[92]. Поскольку всегда есть выбор, в сущности все развитие оказывается якобы альтернативным. В свете сказанного очевидна необоснованность столь расширительной трактовки пределов исторических альтернатив.

Таким образом, альтернативность общественно-исторического развития никоим образом не устраняет объективного и закономерного характера этого развития.

---

[88] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 176.

[89] Исторический материализм как социально-философская теория. М., 1982. С. 41.

[90] *Маслов П.П.* Статистика в социологии. М., 1971. С. 4.

[91] *Гуревич А.Я.* Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 69, 72.

[92] Такой же позиции придерживается и А.В. Гулыга (Эстетика истории. М., 1974. С. 16–17).

Важное место, которое занимают альтернативы в историческом развитии, обуславливает необходимость их изучения историками. Возникающие порой сомнения в такой необходимости неосновательны. Игнорирование альтернативных ситуаций обедняет представления об исторической реальности. Изучение этих ситуаций позволяет более широко и глубоко охарактеризовать ход исторического развития. Однако сложность альтернативных ситуаций как явлений исторической действительности и неразработанность принципов, путей и методов их изучения делают его трудным. Отметим наиболее существенные моменты, которые следует иметь в виду при изучении исторических альтернативных ситуаций.

Прежде всего необходимо установить *реальность* такой ситуации, ее действительное наличие в историческом развитии. Это приходится подчеркивать потому, что существует опасность увидеть такую ситуацию там, где ее в самой исторической реальности не было. В данном случае мы не имеем в виду преднамеренное конструирование альтернативных исторических ситуаций, которые присущи многим представителям современной буржуазной историографии. Такие подходы порождены совершенно определенными социально-политическими целями и основаны на субъективистских принципах методологии исторического познания. Речь идет о том, что сложность исторических альтернатив и трудности их анализа могут привести и к непреднамеренной ошибке.

При выявлении альтернатив надо учитывать два момента. Во-первых, альтернатива, как было показано, – это не антитеза существующей реальности. Альтернативы возникают в тот момент в историческом развитии, когда происходит переход от данной реальности к новой реальности, от данной качественной сущности к новой и эта новая сущность может иметь разные формы или достигаться разными путями. Во-вторых, альтернативы складываются только тогда, когда в действительности содержатся существенно отличные возможности перехода к новому и когда имеются общественные силы, ведущие борьбу за реализацию отличных возможностей.

Первый момент методологически важен в том отношении, что он предохраняет от необоснованного расширения круга исторических альтернатив. Между тем это важное обстоятельство нередко предается забвению при выявлении и анализе альтернатив. Указывают, например, на то, что в России в 1917 г. (после февральской революции) якобы имела место альтернатива: либо победа пролетарской социалистической революции, либо диктатура буржуазии[93]. В.И. Ленин действительно писал, что "*нельзя* выскочить из империалистической войны, *нельзя* добиться демократического, не насильнического, мира без свержения власти капитала, без перехода госу-

[93] См., например: *Херманн Иштван*. Указ. соч. С. 101.

дарственной власти к *другому* классу, к пролетариату"[94]. Без такого перехода, как известно, нельзя было решить и другие важнейшие вопросы (например, аграрный и национальный). Но альтернативы – либо победа пролетариата либо диктатура буржуазии – не было, ибо, во-первых, после июльских событий власть безраздельно принадлежала буржуазии, во-вторых, переход власти к пролетариату был после февральской революции не альтернативой, а безусловной исторической необходимостью, диктовавшейся всем ходом исторического развития[95]. Эта необходимость к осени 1917 г. была осознана не только рабочим классом, но и его союзниками, что и определило время революции и относительную легкость победы революционного переворота и перехода власти к пролетариату. Навязанная же пролетариату гражданская война, которая была бы невозможна без поддержки международного империализма и иностранной военной интервенции, – это уже иная историческая ситуация. Приведенный пример хорошо показывает, какое важное значение имеет в понимании хода исторических событий определение реальности исторической альтернативы.

В целом очевидно, что представление как альтернативного однозначно детерминированного хода последующего развития и изображение альтернативы как некой антитезы, которая бы могла прийти на смену существующей реальности, запутывают понимание истинного хода исторического развития и даже чревато его искажением.

Столь же важно и рассмотрение исторической альтернативы в единстве образующих ее объективных и субъективных факторов. Возможные здесь просчеты связаны с тем, что наличие альтернативы констатируется лишь по наличию одного из этих факторов. Чаще всего в силу его ведущей роли в альтернативе и большей очевидности, таким является субъективный фактор. Уже приводился пример с народничеством. Можно привести и другие примеры.

В связи с анализом роли субъективного фактора в альтернативных ситуациях следует обратить внимание и на такой момент. Всякая общественная борьба, вообще говоря, может иметь в исходе либо победу либо поражение, т.е. ее исход альтернативен. Но на этом основании относить всякую борьбу к альтернативной ситуации неправомерно. На это обращал внимание В.И. Ленин. В работе "Что делать?", возражая противникам создания централизованной революционной организации, утверждавшим, что такая организация может легко броситься в преждевременную атаку, он писал: "...Абстрактно говоря, нельзя, конечно, отрицать, что боевая организация

---

[94] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 161.

[95] Отметим, что Херманн, говоря об указанной альтернативе, признает, что существовали объективные и субъективные условия для социалистической революции (*Херманн Иштван.* Указ соч. С. 103–104).

может повести на необдуманный бой, который *может* кончиться вовсе не необходимым при других условиях поражением. Но ограничиваться абстрактными соображениями в таком вопросе невозможно, ибо всякое сражение включает в себя абстрактную возможность поражения, и нет другого средства *уменьшить* эту возможность, как организованная подготовка сражения"[96].

Значит, к таким ситуациям надо подходить конкретно-исторически. Объективно-абстрактная возможность победы или поражения в той или иной общественной борьбе может представлять и реальную историческую альтернативу. Это имеет место тогда, когда борющиеся осознают возможные исходы и, руководствуясь определенными целями, делают выбор. Такая ситуация, например, сложилась в период Парижской Коммуны. Как указывал К. Маркс, рабочий класс оказался перед выбором: «Либо принять вызов к борьбе либо сдаться без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо бóльшим несчастьем, чем гибель какого угодно числа "вожаков"»[97]. Как известно, вызов был принят, хотя шансов на победу не было. Альтернатива состояла не в абстрактной возможности победить или потерпеть поражение, а в том, что в этой борьбе рабочий класс должен был выбирать между возможностью продолжать борьбу и потерпеть поражение и возможностью отказаться от борьбы и заплатить за это собственной деморализацией.

Для более ясного представления о тех просчетах, которые могут быть допущены при выявлении исторических альтернатив, приведем еще два примера, когда наличие альтернатив констатируется при отсутствии и объективных и субъективных предпосылок для их возникновения, т.е. когда альтернативы в сущности лишь декларируются.

Так, некоторые историки полагают, что в России XVI в. имела место альтернатива, шла "борьба за два пути развития России – феодально-крепостический и буржуазный"[98]. Выражение этой альтернативы усматривается в борьбе поднимающегося третьего сословия за освобождение городов от засилья феодалов и против централизаторской политики правительства, стягивавшего в Москву крупнейших представителей местного купечества, а ее объективной основой выступает значительное расслоение среди посадских людей и крестьян черносошных волостей, якобы свидетельствовавшее о зарождении раннебуржуазных связей. Не будем касаться вопроса о

---

[96] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 137.

[97] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 175.

[98] См.: *Носов Н.Е.* Русский город и русское купечество в XVI столетии // Исследования по социально-экономической истории России. Л., 1971. С. 168. См. также: *Он же.* О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV–XVI в.: (К постановке вопроса) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 70.

том, в какой мере указанные явления имели буржуазный характер. Здесь есть и другие мнения. Допустим, что все было именно так, как полагают сторонники наличия указанной альтернативы. Но каким образом раннебуржуазные связи и классовая борьба посадских людей могли быть альтернативой развитию по пути крепостничества? Ведь переход от феодализма к капитализму – это не альтернативный процесс дальнейшему развитию феодализма, а историческая неизбежность, когда для этого сложились необходимые предпосылки. Коль скоро утвердилось и длительное время существовало крепостничество, то значит, объективных возможностей развития по буржуазному пути в XVI в. не было. Ростки нового, если они и имели место, были слишком слабы, чтобы создать такую возможность. Не было поэтому и общественных сил, которые могли выбирать между разными путями. Трактовка борьбы посадских людей и черносошных крестьян как борьбы за буржуазный путь развития необоснованна. Ни субъективно, ни объективно эта борьба не выходила за пределы феодального строя. Наконец, признание указанной альтернативы, которая разрешилась победой крепостничества в результате насаждения поместного землевладения, опричнины и т.п., означает, что почти трехсотлетний ход исторического развития страны был определен субъективными факторами, что не соответствует исторической реальности и несостоятельно теоретически.

Более привлекательным, на первый взгляд, является мнение о наличии другой альтернативы в историческом развитии средневековой России. Она якобы состояла в следующем. "В конце XV в. явственно определились два пути развития феодального сельского хозяйства. Первый путь – путь без помещика (или частного вотчинника), без крепостного права". "Другой путь означал укрепление и расширение поместного и вотчинного землевладения... увеличение уровня эксплуатации и связанного с ним закрепощения"[99]. Иначе говоря, существовала альтернатива: государственный или поместно-вотчинный феодализм. Сторонники первого – крестьяне, второго – господствующий класс феодалов. Все вроде бы логично. Однако объективные возможности первого пути остаются нераскрытыми. Тот факт, что основой сельскохозяйственного производства в период феодализма является крестьянское хозяйство и что крестьянин мог обойтись без помещика, – это лишь абстрактная, формальная возможность развития феодализма без помещиков и вотчинников. Такая возможность могла бы быть реальной при наличии четко определившейся объективной тенденции к упразднению вотчинной формы феодальных отношений и определенных сил, которые были способны претворить ее в жизнь. Но ни такой тенденции, ни таких сил не было в действительности. Наоборот, имела место тенденция

---

[99] Аграрная история Северо-Западной России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. С. 372.

к расширению и укреплению частных форм феодальных отношений. Поэтому в конечном счете указанная альтернатива, хотя и представляется привлекательной, является необоснованной. В исторической действительности такой альтернативы не было.

Все указанные просчеты в выявлении исторических альтернатив свидетельствуют о сложности их выявления и анализа и необходимости придерживаться четких методологических принципов, которые надо разрабатывать. Но можно привести примеры и иного рода, которые показывают, как анализ реальных исторических альтернатив углубляет познание прошлого. Остановимся на двух примерах такого анализа, который был проделан В.И. Лениным.

Много интересного в плане выявления и анализа реальных исторических альтернатив дает историку ход борьбы за переход от буржуазно-демократической революции в России к социалистической в 1917 г. Об исторической неизбежности такого перехода и обусловленности победы пролетариата мы уже говорили. Проблема альтернативности связана здесь с конкретными путями этого перехода.

Первый вопрос, который возникает в этой связи, – вопрос о том, существовали ли возможности и альтернатива такого перехода мирным или революционным путем. При обсуждении этого вопроса часто два этих пути представляют как альтернативные. В действительности такой альтернативы не было. В.И. Ленин подчеркивал: "Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: *пока* нет насилия над массами, нет иного пути к власти"[100]. Положение же было таково, что до осени 1917 г. "объективных условий для победы восстания... *не* было", ибо пролетариат не имел указанного большинства[100а]. Следовательно, альтернативы – мирный путь или вооруженное восстание – как явления, характерного для периода между двумя революциями, не существовало. После февральской революции в стране сложилось двоевластие, две диктатуры: диктатура буржуазии во главе с Временным правительством и революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства во главе с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Ни одна власть не была полной. Временное правительство обладало силой чиновничьего государственного аппарата. Силой Советов был вооруженный народ. И хотя Временное правительство проводило антинародную империалистическую политику, оно не могло применить насилие к вооруженному народу. Это и "открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции"[101]. Иного пути не было, так как возможности для вооруженного взятия власти пролетариатом не существовало.

---

[100] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 147.
[100а] Там же. Т. 34. С. 243.
[101] Там же. С. 11.

Мирный путь развития революции мог быть реализован переходом власти к Советам. Чтобы стать органом диктатуры пролетариата и орудием подготовки и проведения социалистических преобразований, Советы должны были стать пролетарскими. Сознательные слои рабочего класса во главе со своей партией могли добиться этого путем революционной работы среди пролетариата и его союзников и в самих Советах. Отсюда и большевистский лозунг "Вся власть Советам". Но в Советах большинство принадлежало представителям мелкобуржуазных слоев населения. Мелкобуржуазная волна, подавив все, отдала большинство в Советах мелкобуржуазным партиям, меньшевикам и эсерам[102]. Поэтому мирный путь развития революции зависел от того, возьмут ли мелкобуржуазные Советы власть. Объективная возможность для этого существовала. Ее же практическая реализация зависела от субъективного фактора – поведения политических партий, господствовавших в Советах.

Поскольку двоевластие не могло продолжаться долго, судьба Советов представляла собой альтернативу – "либо дальнейшее развитие этих Советов, либо они умрут бесславной смертью"[103]. Соотношение сил сложилось таким образом, что, несмотря на все усилия революционного пролетариата во главе с большевистской партией, мелкобуржуазные партии и их вожди, которые с самого начала пошли на сотрудничество с буржуазией, во время июльских событий окончательно предали дело революции[104]. Двоевластие завершилось установлением полной диктатуры буржуазии. Возможность мирного перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической исчерпала себя. Единственным путем такого перехода становилось вооруженное восстание, к подготовке которого и перешла большевистская партия.

Что же дает историку учет того, что развитие Советов в период двоевластия имело альтернативный характер, и того, в чем историческое развитие от февраля к октябрю было альтернативным, а в чем – нет. Такой подход прежде всего требует при изучении столь важного этапа в историческом развитии более глубокого и конкретного выявления соотношения в этом развитии объективного и субъективного, возможного и действительного, закономерного и случайного, стихийного и сознательного, массового и индивидуального в органическом единстве и противоречии. Из-за богатства и яркости событий эпохи эти важные исследовательские задачи порой оказываются потесненными фактической стороной. Анализ же рассмотренной альтернативы, действий мелкобуржуазных партий, если можно так сказать, в экстремальных исторических условиях, позволяет наиболее глубоко раскрыть их истинную социально-политиче-

---

[102] См.: Там же. Т. 31. С. 156.
[103] Там же. С. 358.
[104] См.: Там же. Т. 34. С. 2.

скую суть, их соглашательскую природу и в конечном счете буржуазную ориентацию, которые в обычных условиях не столь очевидны, да еще к тому же прикрываются изрядной дозой революционно-демократической фразеологии и демагогии. Все это необходимо учитывать при изучении деятельности мелкобуржуазных партий в предшествующий 1917 г. и последующий периоды.

Другим примером изучения альтернативной исторической ситуации, которое обогащает и углубляет понимание хода исторического развития, является анализ двух путей буржуазной аграрной эволюции в пореформенной России, данный В.И. Лениным в ряде его работ[105]. В.И. Ленин прежде всего раскрыл суть имевшей место альтернативы. Она состояла в том, что буржуазная аграрная эволюция шла как на основе крестьянского хозяйства, по буржуазно-демократическому ("американскому") пути, так и на основе помещичьего хозяйства, по буржуазно-консервативному ("прусскому") пути. Хорошо известно, что это были два существенно различных пути.

Объективно-исторической предпосылкой двух путей являлось то, что аграрный капитализм мог утвердиться и на основе помещичьего и на основе крестьянского хозяйств. Так как именно эти формы организации сельскохозяйственного производства и были присущи феодализму, все конкретные формы перехода от феодализма к капитализму сводились в конечном счете, как указывал В.И. Ленин, к "прусскому" и "американскому" путям. Общественными силами, ведущими борьбу за указанные пути, были крестьянство и выражавшие его интересы общественно-политические группировки, которым противостоял помещичье-буржуазный лагерь.

Победа одного из путей буржуазной аграрной эволюции определялась соотношением этих сил. Там, где помещичье землевладение отсутствовало (как, например, в США) или его позиции были радикально подорваны в результате революционного перехода от феодализма к капитализму (как, например, во Франции), сравнительно быстро торжествовал в чистом виде либо становился явно преобладающим американский тип буржуазной аграрной эволюции. Там же, где ведущую роль в сельскохозяйственном производстве при переходе к капитализму играло помещичье хозяйство (как, например, в Пруссии), побеждал прусский путь.

Особенность России состояла в том, что здесь при в целом преобладающей роли буржуазно-помещичьей тенденции (хотя в ряде регионов – Юг и Север Европейской части страны, а также Сибирь и Дальний Восток – господствовало развитие по буржуазно-крестьянскому пути) ни один из двух путей буржуазной аграрной эволюции вплоть до 1917 г. так и не победил. На стороне крестьянства была его господствующая роль в сельскохозяйственном производстве. К концу эпохи капитализма крестьяне давали более 90% валового

---

[105] Там же. Т. 16. С. 215–220; Т. 17. С. 77, 125 и др.

производства продукции земледелия и скотоводства и значительно более половины ее товарной массы[106]. Помещики же владели лучшими землями и пользовались мощной экономической и политической поддержкой самодержавного государства, т.е. располагали широкими возможностями давления на крестьянское хозяйство. В итоге ход исторического развития был таков, что в результате провала столыпинской аграрной реформы к кануну первой мировой войны, как отмечалось, все возможности победы аграрного капитализма в его "прусском" варианте были исчерпаны. В результате буржуазно-демократической революции, которая должна была устранить помещичье землевладение, мог восторжествовать буржуазно-крестьянский тип аграрных отношений. Но и здесь ход истории внес коррективы. "Война, – указывал В.И. Ленин, – причинила такие неслыханные бедствия воюющим странам, а в то же время она так гигантски ускорила развитие капитализма, превращая монополистический капитализм в государственно-монополистический, что ни пролетариат, ни революционная мелкобуржуазная демократия *не могут* ограничиваться рамками капитализма"[107]. В этих условиях приобрела иное значение и такая буржуазно-демократическая мера, как национализация земли. «Национализация земли, – подчеркивал В.И. Ленин, – есть не только "последнее слово" буржуазной революции, но и *шаг к социализму*»[108].

Таким образом, в России вскоре после того, как определилась невозможность победы буржуазно-помещичьего пути аграрной эволюции, обнаружилась невозможность победы и буржуазно-демократического, крестьянского пути этой эволюции. Буржуазно-демократические по своей сущности аграрные преобразования могли быть теперь лишь частными задачами социалистической революции, оказывались отправным моментом на пути к социалистическим аграрным преобразованиям.

Блестящий ленинский анализ альтернативного характера буржуазного аграрного развития России в пореформенный период позволяет более глубоко понять целый ряд явлений как данного периода, так и предшествующих ему этапов исторического развития. Начать с того, что при учете этой альтернативы становится более очевидным: аграрно-крестьянский вопрос в России был в течение всей эпохи капитализма основным вопросом общественной жизни, главной социально-экономической задачей, которую должна была решить буржуазно-демократическая революция. Более существенно, что наличие объективных предпосылок для победы буржуазно-кре-

---

[106] См.: *Ковальченко И.Д.* Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально экономической истории России. М., 1971.

[107] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 412.

[108] Там же. С. 413.

стьянского пути и практическая невозможность такой победы в результате совместного противостояния этому пути дворянско-буржуазного лагеря и самодержавия фактически создавали ситуацию, когда буржуазные по своей сути преобразования (ликвидация помещичьего землевладения и других феодально-крепостнических пережитков) не могли стать реальностью в буржуазных условиях. Это, несомненно, было одним из важных факторов, ускорявших перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Анализ рассматриваемой альтернативы позволяет историкам более глубоко понять историческое значение и некоторых черт в аграрной истории феодальной эпохи. Это прежде всего относится к пониманию роли такой формы феодальных отношений, как система государственного феодализма. Широкое распространение в России государственного феодализма (перед отменой крепостного права государственные крестьяне составляли более 40% их общей численности) было одним из важнейших факторов, обусловивших господствующую роль крестьянского хозяйства в сельскохозяйственном производстве.

В свете указанной альтернативы необходимы коррективы и во взглядах на крестьянскую общину. Она тоже сыграла роль в том, что крестьянское хозяйство объективно оказалось более подготовленным к буржуазной аграрной эволюции, чем помещичье. В общине, разумеется, отсутствовало равенство входивших в нее хозяйств. Но при общинном землепользовании каждый крестьянин имел право на надел и, как правило, получал его. Принцип круговой поруки побуждал общину добиваться, чтобы все дворы вели хозяйство и были тяглоспособны. Более того, существовала целая система мер по оказанию помощи нетяглоспособным крестьянам. Все это давало определенные результаты. В районах с общинным землепользованием слой крестьян, не ведущих собственного хозяйства, был в целом невелик. Во всяком случае он был в несколько раз меньше, чем в районах с подворным землепользованием (западные районы страны). Такое положение позволяло помещикам, ведущим собственное хозяйство и эксплуатирующим крестьян на барщине, почти всецело базировать производство на крестьянском хозяйстве, используя не только рабочую силу крестьян, но и их инвентарь и тягловый скот. В результате большинство помещиков не имели собственной производственно-технической базы и не обрели опыта ведения хозяйства на основе этой базы путем эксплуатации лишенных средств производства крепостных крестьян. Этим была обусловлена неподготовленность помещичьего хозяйства к перестройке на капиталистический лад после падения крепостного права. Поэтому не только из-за своего низкого удельного веса в сельскохозяйственном производстве, но и по уровню производственно-технической базы и организации производства помещичье хозяйство не могло доминировать в процессе буржуазной аграрной эволюции.

Иллюстрацию того, как анализ альтернативного характера буржуазной аграрной эволюции в пореформенной России позволяет углубить изучение целого ряда других явлений исторического развития, можно было бы и продолжить. Очевидна необходимость тщательного изучения исторических альтернатив с целью более глубокого понимания реального хода исторического развития. Главное состоит в том, чтобы выявлялись и конкретно исследовались реальные исторические альтернативы. Успех здесь определяется как обобщением опыта конкретно-исторического изучения альтернатив, так и прежде всего разработкой теоретических и методологических основ такого изучения.

В целом же альтернативность в общественно-историческом развитии наиболее ярко выражает его основную специфику, состоящую в органическом сочетании в нем объективного и субъективного. Это сочетание историк всегда должен иметь в виду, изучая ход общественно-исторического развития.

3. СПЕЦИФИКА ПРОШЛОГО КАК ОБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

В предыдущем разделе были рассмотрены общие особенности общественно-исторического развития, которые присущи прошлому, настоящему и будущему. С этими особенностями общественной жизни так или иначе имеют дело все обществоведы, а не только историки, хотя при их освещении, естественно, внимание акцентировалось на историческом аспекте. Но общественная жизнь имеет еще и специфику, которая обнаруживается лишь при изучении ее истории и с которой приходится иметь дело лишь в историческом исследовании. Эта специфика объекта исторического познания состоит в том, что историк изучает *прошлое*. Даже когда историк занимается изучением настоящего, в отличие от других обществоведов он подходит (во всяком случае должен подходить) к настоящему с позиций прошлого, показывает и анализирует его как результат предшествующего развития. Разумеется, в данном случае имеются в виду исследования не только собственно историков, а всех обществоведов, занимающихся прошлым.

Указанная специфика объекта исторического познания обуславливает то, что историк в целом лишен возможности изучения объекта познания путем его непосредственного наблюдения или воспроизведения присущих ему черт и свойств в эксперименте. Это ставит ряд проблем, связанных с историческим познанием. Во-первых, насколько объект исторического познания, прошлое человечества являются *реальным* и в какой мере в этой связи историческое познание подчинено *общим* принципам научного познания и обладает чертами, присущими этому познанию, или же оно является особым видом знания. Во-вторых, какие особенно-

сти получения исторического знания порождаются спецификой его объекта.

Все эти вопросы поставлены давно, и на них давались и даются различными направлениями философской, социологической и исторической мысли принципиально различные ответы. В данном случае нет возможности, да и необходимости характеризовать историю их решения в общественно-научной мысли. Наиболее существенные различия в подходах к этим вопросам будут отмечены далее при их конкретном рассмотрении. Главной задачей является показ сути их диалектико-материалистического, марксистского решения. Разумеется, и этот подход не исключает разных мнений и трактовок, но в пределах единых диалектико-материалистических принципов научного познания.

Диалектический материализм рассматривает процесс научного познания как одну из форм социального отражения, которое является высшей формой присущего материи свойства к отражению[109]. "Вся материя, – указывал В.И. Ленин, – обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения"[110]. Отражение представляет собой "способность материальных объектов изменяться в соответствии с внешним воздействием, т.е. путем преобразования собственных свойств и структуры воспроизводить особенности воздействующего, или отражаемого, материального объекта"[111]. Иначе говоря, отражение – это способность объектов реального мира воспроизводить, запечатлевать в процессе их непосредственного и опосредованного взаимодействия присущие им черты и свойства.

Всякое взаимодействие порождает причинно-следственную связь. Поэтому отражение является причинно-следственной связью. В качестве причины выступает отражаемый объект, а следствия – отражающий. В процессе отражения свойства причины воспроизводятся в следствии. Всеобщность взаимодействия как способа функционирования и развития всех видов материи обуславливает и всеобщность отражения, что подчеркивает большинство советских философов, хотя высказываются и иные мнения. "*Взаимодействие* – вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю... Только исходя из этого универсального взаимодействия, мы приходим к действительному каузальному отношению"[112].

---

[109] См.: *Урсул А.Д.* Отражение и информация. М., 1973; Ленинская теория отражения. Свердловск, 1974; *Коршунов А.М.* Отражение, деятельность, познание. М., 1979; *Лекторский В.А.* Субъект. Объект. Познание; Материалистическая диалектика. Т. 2. Субъективная диалектика. М., 1982; Ленинская теория отражения как методология научного познания. Минск, 1985; *Губанов Н.М.* Чувственное отражение: Анализ проблемы в свете современной науки. М., 1986; *Фофанов В.П.* Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск, 1986, и др.

[110] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 91.

[111] Материалистическая диалектика. Т. 2. С. 11.

[112] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 546.

Отражение в социальной жизни является высшей и наиболее сложной формой отражения, в особенности в области познания. Диалектический материализм, как хорошо известно, исходит из того, что источником всякого знания является объективная реальность, окружающий человека естественный и общественный мир, а само знание не может быть ничем иным, как отражением в сознании людей черт и свойств, взаимосвязей и законов, присущих этому миру. Такое отражение при всей его относительности и неполноте может быть вполне адекватным, поскольку, как уже указывалось, "разум не может противоречить природе"[113]. Естественно, что отражение сознанием объектов реального мира не тождественно самим этим объектам, во-первых, и всегда оказывается приближенным, относительно верным, во-вторых. Познание – "это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. ...и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы"[114] и общественной жизни. Поэтому процесс познания представляет собой бесконечное, вечное приближение к полному охвату объективной реальности и раскрытию присущих ей форм и содержания, явления и сущности, количества и качества, к познанию абсолютной истины. Основой такого приближения при относительности, неполноте всякого знания является то, что во всякой относительной истине заключены крупицы истины абсолютной.

Отражательно-познавательный процесс складывается из ряда тесно взаимосвязанных этапов. "От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* – таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности"[115], – подчеркивал В.И. Ленин, развивая марксистское учение об отражении и познании. В этом процессе решающая роль принадлежит практике. Во-первых, "**практика выше (теоретического) познания**, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности"[116]. Это и делает ее критерием истины. Во-вторых, всякое научное познание служит интересам практической деятельности, удовлетворяет определенные потребности, т.е. служит средством овладения и преобразования объективного мира. Поэтому всякий познавательный процесс не только представляет собой взаимодействие познающего субъекта с объектом познания, но и непременно предполагает, требует *активности* субъекта. Вне такой активности, целевой заданности и осмысленности вообще не может быть получено какое-либо знание. Активность субъекта

---

[113] Там же. С. 537.
[114] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 163–164.
[115] Там же. С. 152–153.
[116] Там же. С. 195.

имеет место на всех этапах познания. Применительно к абстрактному мышлению и практике это очевидно. Но активность столь же необходима и имеет место и на стадии чувственного восприятия, созерцания действительности. Пассивное чувственное созерцание окружающего мира может дать лишь определенный эстетический результат, который сам по себе еще не дает знаний об этом мире. Говоря о *живом* созерцании, В.И. Ленин тем самым подчеркивал его активный характер.

Исходным этапом познания выступает чувственное восприятие, живое созерцание. "Все знания, – указывал В.И. Ленин, – из опыта, из ощущений, из восприятий"[117]. В этой связи и возникают указанные вопросы о *реальности* прошлого и о применимости общих принципов научного познания к его изучению. Чувственно воспринимать, живо созерцать и ощущать можно только то, что является реальным. Отсюда – первая проблема: о прошлом как объективной реальности.

Вопрос о прошлом как объективной реальности и о соотношении его с настоящим связан с кардинальной проблемой философии о сущности бытия и небытия и их соотношении, которая занимала и занимает до сих пор важное место в борьбе материализма и идеализма, марксизма и немарксистских направлений в философии и социологии[118].

В немарксистской социологической и исторической мысли нового и новейшего времени в трактовке прошлого и его соотношения с настоящим высказывались различные точки зрения, начиная с разрыва и полного противопоставления до отождествления. Представители классического позитивизма, подходя к вопросу с наивно-реалистических позиций, признавали объективную реальность прошлого и считали, что оно непосредственно дано историку в виде остатков – исторических документов и вещественных памятников. В соответствии с требованиями точного положительного (позитивного) знания историк не может знать больше того, что заключено в документах. Поэтому его задача сводится к возможно более точному воспроизведению прошлого по этим документам. При этом якобы в интересах объективности необходимо всемерно избегать толкования и объяснения исторических фактов, ибо они говорят сами за себя.

---

[117] Там же Т. 18. С. 129.

[118] Из советских исследований по теоретико-методологическим проблемам исторической науки наиболее развернуто вопрос об объективной реальности прошлого рассмотрен в работах: *Кон И.С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959; *Иванов Г.М.* Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973; *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981; *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984, и др.

Метафизический субъективный идеализм (неокантианство и его разновидности) исходит из разрыва и противопоставления бытия и небытия, прошлого и настоящего. Прошлое – абсолютное небытие и не имеет связи с настоящим. Оно не существует как объективная реальность, и единственным источником знаний о нем является сознание познающего субъекта, историка.

Представители презентизма полагают, что бытие и небытие, прошлое и настоящее совпадают. Реально только настоящее. Прошлое целиком сводится к настоящему, между ними нет различий. Поэтому единственный источник познания прошлого – современность, т.е. опять-таки субъективное сознание историка. Отсюда – модернизация прошлого, с одной стороны, и метафизическое объяснение современных событий их прошлой историей, с другой.

Марксистская трактовка соотношения прошлого, настоящего и будущего исходит из диалектико-материалистического понимания материи и ее развития. Материя – объективная реальность – во всех видах существует и развивается во времени и пространстве. Как целое материя является вечной и бесконечной объективной реальностью. Но каждое конкретное состояние материи преходяще, имеет свои начало и конец. Но ничто не исчезает бесследно. В бесконечном и вечном развитии материя лишь переходит из одних состояний и форм в другие. Поэтому между бытием и небытием, прошлым, настоящим и будущим существуют взаимосвязь и преемственность. Непосредственное бытие, не́что, существовавшее в процессе развития, становится бытием опосредованным, аккумулируется в существующем, присутствует в нем в так называемом снятом виде.

Общественная жизнь – высшая форма материи, ее развитие подчинено общим законам развития материи. В процессе общественного развития существует непрерывная преемственность от прошлого к настоящему, от настоящего – к будущему. Основой такой преемственности и ее непрерывности является человеческая жизнь, во-первых, и каждый раз разворачивается на базе результатов, достигнутых в предшествующей деятельности, во-вторых. В этом плане прошлое не только "живет в настоящем как аккумулированный исторический опыт предшествующих поколений"[119], но и выступает как непременное условие поступательного развития общества.

Общественному развитию как целостности присущи общие законы, которые связывают не только прошлое с настоящим, но и настоящее с будущим на протяжении всей истории человечества. Менее общие законы (например, закон классовой борьбы) соединяют прошлое, настоящее и будущее на определенных этапах исторического развития.

Важнейшим моментом в единстве и связи прошлого, настоящего и будущего выступает и то, что настоящее представляет собой

---

[119] *Иванов Г.М.* Исторический источник и историческое познание. С. 123.

реализованные возможности прошлого, с одной стороны, и содержит определенные возможности, потенции и тенденции, которые становятся реальностью в будущем, с другой. Поэтому настоящее, будучи связано с прошлым, само становится прошлым, а будущее превращается в настоящее.

Наконец, прошлое присутствует в настоящем и в виде его различных остатков (вещественно-материальных, изобразительных, письменных и устных).

Таким образом, несомненна тесная связь прошлого с настоящим, объективная реальность прошлого по отношению к настоящему. Справедливо указывают, прибегая к образному сравнению, что прошлое общества также реально и объективно для настоящего, как реальна и объективна для отдельного человека его предшествующая жизнь. Вместе с тем, констатируя объективную реальность прошлого и его органическую связь с настоящим, следует подчеркнуть и то, что прошлое отлично от настоящего. *Настоящее* представляет собой *непосредственное бытие*, а *прошлое* – лишь *бытие опосредованное*. Во временно́м ряду: прошлое – настоящее – будущее – центральным звеном является настоящее. С одной стороны оно связано с прошлым, а с другой – с будущим. Поэтому настоящее выступает основой и для познания прошлого, и для прогнозирования будущего. Разумеется, основой не в том смысле, что из настоящего выводится прошлое, а в том, что потребности и интересы настоящего определяют круг тех явлений и процессов прошлого, изучение которых необходимо, актуально для решения задач настоящего. Точно так же предвидение и прогнозирование будущего необходимы не только для уяснения того, насколько близки к претворению в жизнь те идеалы и цели, к достижению которых стремится общество, но и для правильного, реального понимания настоящего и решения текущих задач его развития в интересах успешного достижения этих идеалов и целей. Но здесь возникает вопрос о временно́й протяженности настоящего, о границах между прошлым и настоящим.

В решении сложного вопроса о пределах настоящего среди советских ученых нет единого мнения. Одно из мнений сводится к тому, что к историческому прошлому "можно отнести события и процессы, не оказывающие непосредственного влияния на социальную деятельность в современном обществе, на цели, характер и содержание принимаемых политических и социально-экономических решений", а к настоящему, современности "следует отнести события и процессы, которые такое влияние оказывают"[120]. В качестве примера указывается на то, что ни один современный генеральный штаб не будет серьезно учитывать маршруты походов крестоносцев, и поэтому маршруты походов крестоносцев – прошлое, а, напротив, договор о границах, заключенный даже 100 лет назад современными

[120] *Ракитов А.И.* Историческое познание. С. 285.

государствами, но не утративший силы, – настоящее. Подобное разграничение прошлого и настоящего не убедительно. Все дело в том, что практически невозможно указать те события и процессы прошлого, которые исчерпали свои возможности непосредственного воздействия на настоящее, да и на будущее тоже. Истории известно много примеров того, как достаточно далекие и не привлекавшие внимание современников события прошлого вдруг настойчиво вторгались в современность и не будучи зафиксированными ни в каких договорах. Трудно сказать, какой интерес для современных генеральных штабов имеют маршруты крестовых походов; но то, что история оросительных систем в древней Средней Азии, выявленная в результате археологических раскопок, была с пользой учтена в решении проблем ирригации в современной Средней Азии, – это факт[121].

Другой подход состоит в следующем. "Длительность настоящего, наличие у него подчас сравнительно значительного интервала связано с сохранением в известных границах качественной определенности объекта, характеризующейся как его устойчивость. И лишь превращение явления в новое качество или определенная степень изменения в пределах данного качества выражают отрицание настоящего"[122]. При всей общности это разграничение настоящего и прошлого представляется убедительным, ибо связывает границы настоящего с тем главным, что отличает общественные явления и процессы в самой общественной жизни, а именно – с их качественной определенностью. Более конкретный критерий отграничения настоящего от прошлого, наверное, нельзя и выдвинуть. Это связано со сложностью протекания общественной жизни во времени и пространстве.

Общественная жизнь протекает во *времени и пространстве*[123], но это – социальное, а применительно к истории, социально-историческое, т.е. специфическое, пространство и время. В плане соотношения прошлого, настоящего и будущего, а также периодизации хода исторического развития прежде всего важно учитывать специфику социально-исторического времени[124]. Как и время физическое, точнее говоря, календарное, социально-историческое время асимметрично, необратимо и всегда направлено от прошлого к будущему. Но в отличие от одномерности и равномерности ритма кален-

---

[121] См.: Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного освоения. М., 1969; *Андрианов Б.В.* Земледелие наших предков. М., 1978.

[122] *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторического познания. С. 30.

[123] Об общих проблемах пространства и времени см.: *Ахундов М.А.* Концепции пространства и времени: Истоки, эволюция, перспективы. М., 1982.

[124] В историко-методологических исследованиях этот вопрос наиболее конкретно рассмотрен в работе: *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки (гл. II).

дарного времени *социально-историческое время* как предметно-содержательное многомерно и протекает в разных ритмах, т.е. имеет разную событийную насыщенность или плотность и в качественном и в количественном отношении. Хорошо известно, что в историческом развитии месяцы и даже дни могут иметь большее значение для общественного прогресса, чем многие годы и десятилетия. Именно поэтому такие концентрированные во времени, революционные по своей сущности (независимо от сферы проявления) события, приводящие к возникновению нового качества, и являются объективно обоснованными рубежами для периодизации тех или иных аспектов или общего хода исторического развития. Например, "весь XIX в. только то и делал, что дорабатывал, развивал и углублял дело Французской революции конца XVIII в. Точно так же нельзя даже приблизиться к пониманию истории XX в., если не избрать в качестве ее исторического и логического узла Великую Октябрьскую революцию"[125].

Каждое историческое явление, система и процесс протекают по собственным временны́м ритмам и имеют разную продолжительность существования в определенном качественном состоянии. Поэтому, с одной стороны, не существует единых временны́х рубежей, отделяющих прошлое от настоящего и настоящее от будущего, а с другой, – один и тот же календарно-исторический период включает существенно различные по характеру и уровню развития пространственно-социальные общности, системы и процессы. В одно и то же календарное время для разных пространственно-локальных социально-исторических общностей одни и те же общественные системы и процессы могут быть и прошлым, и настоящим, и будущим, т.е. календарное время может не совпадать (и, как правило, не совпадает) с социально-историческим. Так, в современную эпоху социализм как общественная система для одних стран является настоящим, а для других – лишь будущим. Капитализм для социалистических стран – прошлое, а для капиталистических – настоящее. Есть страны и народности, для которых и социализм и капитализм – лишь возможное будущее. Поэтому возникают сложности с определением качественной сущности как всемирно-исторического процесса в целом, так и его локально-пространственных подразделений (регионов) на том или ином календарно-временно́м срезе. Ориентиром здесь должна служить та общественная система, которая воплощает возможности и тенденции будущего.

Внутреннее время той или иной системы связано со временем более широкой временно́й системы и потому содержательно-исторически может быть раскрыто через время более широкой системы и т.д. Так, понять смысл периода перехода от мануфактуры к

---

[125] *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. С. 90.

фабрике можно только при учете того, что этот период был лишь завершающим этапом более длительной эпохи генезиса капитализма.

В историческом развитии не совпадает не только календарное и социальное время, но и физическое (географическое) и социальное пространство. Если для географического пространства характерны местоположение, непрерывность и связанность, то *социальное пространство* представляет собой совокупность однотипных, качественно определенных объектов и систем независимо от их местоположения и связанности. Так, например, страны с определенным социально-экономическим строем, морские порты мира или отдельных стран, города с наличием тех или других отраслей промышленности и т.д. и т.п. образуют определенное социальное пространство, не совпадающее с пространством физическим.

Общий ход исторического развития идет в целом со все нарастающим, особенно в XX в., ритмом. Это ускоряет превращение настоящего в прошлое, переход от настоящего к будущему и существенно влияет на временну́ю ориентацию исторических поколений. Можно в целом сказать, что почти до XX в. современники жили, ориентируясь в основном на прошлое, представляя себе будущее как нечто весьма и весьма отдаленное. В нашем столетии они все больше обращаются к будущему. Естественно, эти изменения должны учитываться историками.

Опосредованный характер прошлого как объективной реальности и вытекающая из этого временна́я отдаленность историка от объекта познания служат основой для постановки вопроса о том, в какой мере при познании объекта возможно чувственное восприятие, выступающее в свете диалектико-материалистической теории познания основой всякого знания. В этой связи выдвигаются утверждения о том, что историк "не связан совсем с прошлым"[126], что "у него нет непосредственного контакта с фактами прошлого, он имеет дело с источником"[127]. Логическим завершением такого подхода является утверждение, что "в исторической науке *исторический источник* может рассматриваться как *объект* и *средство познания* ("объект – оперирования"), а исторический факт – как объект исследования, создаваемый в ходе изучения конкретных источников"[128]. Подобное представление фактически равнозначно отказу от рассмотрения прошлого как реального объекта познания. Другим следствием отрицания связи историка с прошлым мо-

---

[126] *Пушкарев Л.Н.* Исторический источник в свете ленинской теории отражения // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 81.

[127] *Гулыга А.В.* Эстетика истории. М., 1974. С. 11.

[128] *Петров Ю.В.* Практика и историческая наука. Проблема субъекта и объекта в исторической науке. Томск, 1981. С. 342 (курсив мой. – *И.К.*).

жет быть вывод о том, что чувственное восприятие прошлого вообще невозможно[129].

Все указанные заблуждения проистекают оттого, что возможность чувственного восприятия допускается только при наличии *непосредственного* контакта познающего субъекта (в данном случае историка) с объектом познания. Такое ограничение возможностей чувственного восприятия неправомерно.

Начать с того, что не только прошлое, но и многие другие явления объективной реальности не могут восприниматься путем непосредственного чувственного контакта с ними. Более того, "непосредственно человек может получить информацию при взаимодействии с весьма ограниченной частью объективной реальности. Неограниченная возможность ее познания открывается только благодаря включению опосредствующих звеньев в это взаимодействие"[130].

В процессе чувственного восприятия (живого созерцания) формируются предметные содержательные образы объективной реальности. Для этого необходимы, с одной стороны, информация об этой реальности, а с другой – осмысленное отношение к этой информации. Поэтому "субъект может воспринимать и такие стороны объекта, которые не воздействуют на его органы чувств"[131], а "предметный смысл может быть включен в систему знания и в том случае, когда он непосредственно не вписан в чувственный опыт". С подобными объектами имеют "дело, с одной стороны, современная микрофизика, а с другой – космология"[132] и, добавили бы мы, историческая наука.

В физике информация, необходимая для чувственного восприятия не наблюдаемых непосредственно объектов, добывается в процессе экспериментов. Полученные в результате их следы – коды, зафиксированные приборами, "важны не сами по себе, а лишь постольку, поскольку они служат носителями информации о микрообъектах"[133]. Поэтому советский академик В.А. Фок в полемике с Н. Бором и подчеркивал, что "предметом нашего познания является не расположение пятен на фотографической пластинке и т.п., а им являются свойства атомов"[134]. Информацию, которую физик черпает из экспериментов, историк извлекает из источников. Источники для него – также лишь носители информации о прошлом, а не некий самостоятельный объект познания, хотя, рассматриваемый как феномен определенной исторической реальности, источ-

---

[129] Такой вывод в свое время сделал А.И. Ракитов. См.: *Ракитов А.И.* К вопросу о структуре исторического исследования // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 184.

[130] Материалистическая диалектика. Т. 2. С. 11.

[131] *Лекторский В.А.* Субъект. Объект. Познание. С. 145.

[132] Там же. С. 147.

[133] *Славин А.В.* Проблема возникновения нового знания. М., 1976. С. 206.

[134] Там же.

ник может подвергаться и специальному изучению как всякое историческое явление.

Для получения достоверной информации о микрообъектах физик должен устранить искажающее воздействие самих приборов на результаты эксперимента. Точно так же и историк должен вычленить из источников достоверные сведения о прошлом. И в том и в другом случае требуются специальный конкретно-научный и теоретический критический анализ и соответствующие методы его проведения. В итоге формируются "*чувственные образы*, вызываемые в человеческом сознании исследуемыми микрообъектами *через показания приборов*"[135], т.е. без всякого непосредственного чувственного контакта ученого с объектом познания. Такие же образы складываются и у историка на основе информации, извлеченной из источников.

Таким образом, отсутствие у историка непосредственного контакта с прошлым не лишает его связи с этим прошлым и не препятствует чувственному восприятию его. Тем самым и историческое познание, как и все его другие виды, имеет отражательный характер и подчинено общим принципам и закономерностям научного познания. Вместе с тем специфика чувственного восприятия в исторической науке, порождаемая тем, что объектом познания является прошлое, а также сама направленность познания в прошлое накладывают на историческое познание определенные особенности.

Направленность исторического познания из настоящего в прошлое, от следствия к причине обуславливает его *ретроспективный* характер. Это придает историческому познанию свои плюсы, но чревато и возможными минусами. Плюсы ретроспективного подхода состоят в том, что изучаемое прошлое представляет собой "прошедшее настоящее", имевшее свое прошлое и будущее, которые также известны (или могут быть известны) историку. Это позволяет рассматривать изучаемые явления и процессы в их исторической ретроспективе и перспективе, т.е. учитывая их предшествующее и последующее состояние, и тем самым изучать все их стороны, все связи и опосредствования[136] не только в синхронно-пространственном, но и диахронном аспекте, что, несомненно, содействует более углубленному их познанию. Такой подход особенно важен при анализе динамических процессов на том или ином отрезке или в тот или иной момент.

К сожалению, историки еще не всегда используют указанные преимущества ретроспективного характера исторических исследований. Более того, иногда даже при непременной необходимости вписывания рассматриваемых явлений и процессов в общий вре-

---

[135] Там же (курсив мой. – *И.К.*).

[136] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

менно́й диапазон их истории (а такая необходимость возникает прежде всего при неоднозначных трактовках их сути) ограничиваются их анализом лишь в тот или иной период. В качестве примера можно указать на попытки оценить факты развития товарно-денежных отношений и применения наемного труда в России XVII в. как свидетельства начала генезиса капитализма и разложения феодализма. При этом либо уходят от сопоставления XVII в. с предшествующим и последующим периодами, либо совершенно необоснованно пытаются представить как качественное единый в плане социально-экономического развития весь период XVII – середины XIX в.

Особенно следует подчеркнуть упоминавшуюся возможность использования исторических исследований для отработки принципов и методов прогнозирования хода исторического развития и построения прогностических моделей этого развития. Изучая тот или иной исторический процесс, можно построить модель, имитирующую его последующее развитие. Результаты этой имитации могут соотноситься с реальным итогом развития, поскольку он известен историку. Имеющиеся расхождения могут стать основой для совершенствования моделей. Тем самым разработка теоретико-методологических и конкретно-научных принципов и методов прогнозирования "прошлого будущего", исходя из "прошлого настоящего", будет содействовать разработке методов прогнозирования последующего хода современного развития, а тем самым и повышать роль исторической науки в решении задач современности. Но пока это – только потенциальная, не использованная историками возможность.

Как видим, ретроспективный характер исторических исследований таит в себе ряд положительных, можно даже сказать сильных, сторон. Уметь их использовать – вот задача историков.

Наряду с этим ретроспективный характер исторического познания сопряжен с определенными сложностями и допускает возможность определенных просчетов.

Главная сложность ретроспективного анализа состоит в том, что историк, исходя из современной ему действительности с присущими ей чертами, закономерностями и тенденциями функционирования и развития, а также с определенными потребностями и интересами, задачами и идеалами, представлениями и установками и т.д., должен познать ту или иную прошлую действительность, которая во всех указанных отношениях так или иначе, а чаще всего радикально отличалась от современной историку эпохи. Значит, историк должен в понятиях и представлениях и на языке своей эпохи адекватно отразить не только внешние выражения изучаемого прошлого, но и его внутренний объективный смысл и значение. Этого нельзя сделать, не понимая изучаемой эпохи изнутри, исходя из нее самой. Историк должен вникнуть во внутреннюю жизнь исследуемой эпохи со всеми ее проявлениями и представлениями. Это – сложная

задача, ибо на историка все время воздействует его собственная эпоха. С другой стороны, историк познает изучаемую прошедшую действительность на основе источников, творцами которых были субъекты, люди этой действительности. Но хорошо известно, что современники далеко не всегда могут адекватно понять свою эпоху (субъективность ее отражения – это другой вопрос). Нередко помыслы эпохи выдаются современниками за ее реальность, не говоря уже о том, что внутренний смысл событий и их объективное значение часто оказываются скрытыми от них.

Для преодоления иллюзий современников надо последовательно соблюдать тот хорошо известный принцип, что о реалиях эпохи надо судить не по ее словам, а по ее делам, хотя при этом не надо забывать, что слово – тоже есть дело, когда речь идет о духовной жизни общества. «По каким признакам, – спрашивал В.И. Ленин, – судить нам о *реальных* "помыслах и чувствах" *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей»[137]. В целом же адекватное понимание рассматриваемых явлений и процессов соответствующей исторической эпохи требует, помимо общего конкретного знания этой эпохи, их широкого пространственного и временно́го рассмотрения. Особенно важное значение имеет раскрытие исторической перспективы в развитии явлений прошлого. Это необходимо для выявления общих закономерностей исторического развития, а следовательно, и для увеличения вклада историков в изучение современности и последующего хода общественного прогресса. В этой связи можно лишь присоединиться к мнению, что "истинно современным является лишь тот историк, который в изучении прошлого не теряет из виду а) историческую перспективу своего времени и б) историческую перспективу изучаемой им (прошлой. – *И.К.*) действительности"[138].

Слабой стороной ретроспективного характера исторического познания является то, что не исключается возможность *архаизации* или *модернизации* в истолковании сути изучаемых явлений прошлого. Это проистекает из того, что существует опасность раскрытия сути явлений на данной стадии, исходя из предшествующего или последующего их состояния. В первом случае будет иметь место архаизация, во втором – модернизация изучаемых явлений. При изучении сложных явлений и процессов, особенно на начальных или переходных стадиях их развития, а также в тех случаях, когда одна и та же форма явления в разных условиях может иметь неодинаковое сущностно-содержательное наполнение, вероятность непреднамеренной архаизации или модернизации особенно возрастает и они могут иметь место без всякого умысла со стороны историка. Разумеется, от этого их негативное научное значение не становится

---

[137] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 423–424.

[138] *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. С. 97.

меньшим. Но бывают случаи и сознательного игнорирования неправомерности перенесения сущностей с одних явлений на другие.

Одним из ярких примеров может служить опять-таки изучение социально-экономического развития России в XVII в. Уже отмечавшаяся попытка истолковать развитие в это время мелкого товарного производства как свидетельство зарождения капитализма основывается на том, что это производство в России второй половины XIX в., т.е. в эпоху капитализма, обладало буржуазными чертами, представляло мелкобуржуазный уклад в системе капиталистической экономики страны. Товарно-капиталистическая, мелкобуржуазная природа мелкого товарного производства в эпоху капитализма – факт несомненный. Он был обусловлен господством крупного капиталистического производства, игравшего роль системообразующего, формационного капиталистического уклада. Этот уклад оказывал определяющее воздействие на все другие формы организации общественного производства (в том числе и производство мелкотоварное), наполняя их буржуазным содержанием. Иное дело XVII век – время господства феодально-крепостнического способа производства. Переносить на мелкое товарное производство этой эпохи черты, присущие ему в период капитализма, значит модернизировать его природу.

Очевидно, что гарантией от опасности архаизации и модернизации сути исторических явлений может быть лишь последовательный историзм в их изучении, требующий выявления стадиальности исторических процессов и типологии общественных систем.

Другая особенность исторического познания (наряду с его ретроспективностью) состоит в его *реконструктивном* характере. Он вытекает из невозможности *непосредственного* чувственного восприятия прошлого. Отсюда – необходимость его реконструкции, восстановление в сознании историка по данным исторических источников. Это свойственно далеко не только историческому познанию, как утверждается во многих работах по теории и методологии исторического познания. Такая реконструкция имеет место везде, где информация, необходимая для чувственного восприятия объекта познания и формирования его образа, поступает не в результате непосредственного восприятия черт и свойств объекта органами чувств познающего субъекта, а иными путями. В этом смысле вся информация об объектах познания, полученная в экспериментах посредством всякого рода приборов и приспособлений и зафиксированная тем или иным способом, является реконструированной.

И вообще всякое познание, коль скоро оно состоит в отражении сознанием черт и свойств объективной реальности, является реконструктивным. “Предметы наших представлений, – указывал В.И. Ленин, – отличаются от наших представлений, вещь в себе отличается от вещи для нас”[139]. Знание о мире, необходимое человеку

---

[139] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 119.

для овладения им, получается в результате реконструкции этого мира в сознании людей.

Столь настойчивое подчеркивание реконструктивного характера научного знания обусловлено тем, что неправомерное приписывание этой черты почти исключительно исторической науке объективно ставит ее в особое, существенно отличное от других наук положение, что не соответствует действительности.

Но реконструктивный характер исторического познания имеет и свои особенности. Всякое научное познание представляет собой субъективное отражение объективной реальности. Историческое же знание является *дважды субъективизированным* отражением. Первый уровень субъективизации имеет место при фиксировании исторической действительности той или иной эпохи творцами исторических источников, второй уровень связан с восприятием этой действительности историком на основе исторических источников. Естественно, что это делает историческое познание значительно более сложным по сравнению с теми областями науки, где такой двойной субъективизации нет.

Использование историком в качестве исходной базы субъективированной картины прошлого, оставленной его современниками, требует тщательного предварительного критического анализа этой картины для выявления степени адекватности и полноты отражения ею исторической действительности. Важность и самостоятельность этой задачи привели к возникновению специальной исторической дисциплины, занимающейся ее решением, – источниковедения.

Таким образом, особенности исторического познания заключаются не в том, что именно оно обладает реконструктивным характером, а в том, что реконструкция прошлого в научном исследовании имеет ряд существенных специфических черт. Таковы основная специфика прошлого как объекта познания и ее проявления в историческом исследовании.

Глава 3

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ

Исторические источники являются носителями информации, на основе которой историк реконструирует изучаемую им общественно-историческую реальность. Этим обусловлено то внимание, которое уделяется изучению связанных с ними теоретико-методологических и конкретно-научных проблем как историками, так и специалистами по теории и методологии исторического познания. Не меньший интерес вызывают и проблемы исторического факта. И в

том, и в другом случае проблемы эти весьма многообразны, сложны и их анализу посвящена огромная литература. Поэтому в настоящей главе будут затронуты лишь некоторые методологические вопросы исторического источника и исторического факта, которые имеют существенное значение в практике исторических исследований.

1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В СВЕТЕ УЧЕНИЯ ОБ ИНФОРМАЦИИ

Источниковедческие исследования ведутся как в теоретико-методологическом, так и в конкретно-прикладном аспекте. В свою очередь, теоретико-методологический аспект имеет два направления. Одно связано с разработкой общих теоретико-методологических проблем источниковедения. В центре внимания здесь находятся вопросы о сущности источников как носителей сведений о прошлом, об их социальной природе, о соотношении в них объективного и субъективного, об адекватности и полноте отражения ими исторической действительности, о типах и видах источников, об информативных возможностях источников, об основных принципах, путях и методах научной критики источников и обработки и анализа содержащихся в них сведений и др. Короче говоря, исследования по общим теоретико-методологическим проблемам источниковедения касаются широкого круга гносеологических вопросов, связанных с характеристикой источников как в аспекте "действительность – источник", так и в аспекте "источник – историк".

В последние 10–15 лет достигнуты значительные успехи в изучении общих теоретико-методологических проблем источниковедения[1].

---

[1] См.: *Варшавчик М.А.* Вопросы логики исторического исследования и исторический источник // Вопросы истории. 1968. № 10; *Он же.* Историко-партийное источниковедение. Теория. Методология. Методика. Киев, 1984; *Шмидт С.О.* Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы М., 1969; *Стрельский В.И.* Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1969; *Иванов Г.М.* Исторический источник и историческое познание: (Методологические аспекты). Томск, 1973; *Тартаковский А.Г.* Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении // История СССР. 1973. № 6; *Он же.* Социальные функции источников как методологическая проблема // История СССР. 1983. № 3; *Черепнин Л.В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1; *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975; *Проншейн А.П.* Методика исторического источниковедения. 2-е изд. Ростов н/Д., 1976; *Курносов А.А.* К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977; *Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977; *Она же.* Современное зарубежное источниковедение. М., 1983; *Ковальченко И.Д.* Исторический источник в свете учения об информации: (К постановке проблемы) // История СССР. 1982 № 3; *Григорьева И.В.* Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1984; *Воронкова С.В.* Проблемы источниковедения истории России периода капитализма. М., 1985, и др.

Другое направление теоретико-методологических источниковедческих исследований можно определить как исторически-типологическое. Оно связано с изучением или совокупности или отдельных видов источников той или иной эпохи как явлений исторической действительности, т.е. с рассмотрением источников в онтологическом аспекте. В центре внимания здесь оказываются вопросы о закономерностях возникновения и эволюции видов источников, о той роли, которую они играли для их творцов и современников, о влиянии на адекватность, методы и формы отражения действительности субъективной (социально и индивидуально) природы источников, их целевого назначения, достижений научно-познавательного и вообще культурного творчества эпохи и т.д. В исследовании источников феодальной эпохи такое направление существует давно. В последнее время такому изучению стали подвергаться и источники нового и новейшего времени[2].

Главная из прикладных задач источниковедения состоит во все более явственно обнаруживающейся потребности повышения информативной отдачи источников. Такая потребность существовала всегда. Она обусловлена тем, что всегда имеет место определенное несоответствие между информацией, которая необходима историку для изучения тех или иных явлений или процессов, и тем, что непосредственно отражено в источниках. Это несоответствие порождается различиями между целями, которые преследовали "творцы" источников, и теми задачами, которые ставят историки, обращаясь к источникам. Развитие исторической науки ведет к углублению этих различий (поскольку расширяется и усложняется круг исследуемых проблем), а следовательно, растет потребность в сведениях, непосредственно не выраженных в источнике. Эта потребность может удовлетворяться, во-первых, путем вовлечения в научный оборот новых, ранее не использовавшихся источников, и, во-вторых, посредством повышения информативной отдачи уже известных источников. Первый путь, как и всякий экстенсивный подход, в конечном счете ограничен. Поэтому разработка принципов, путей и методов повышения информативной отдачи источников становится все более актуальной задачей источниковедения. В этой связи приобретает принципиальное значение выяснение общих возможностей повышения информативной отдачи источников и основных путей ее реализации. Решению этих вопросов может содействовать обращение к

---

[2] Из новейших работ наиболее интересны в этом отношении монографии Б.Г. Литвака "Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в." (М., 1979) и А.Г. Тартаковского "1812-й год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения" (М., 1980), а также статьи С.С. Дмитриева "Источниковедение русской исторической журналистики. Постановка темы и проблематика" (Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976) и Л.В. Милова "Методологические проблемы источниковедения писцовых книг" (История СССР. 1978. № 2).

современному учению об информации. Необходимость такого обращения вытекает из того, что все исторические источники являются носителями социальной информации и использование ряда итогов учения об информации, выработанных здесь понятий и категорий может быть полезным и при решении целого ряда проблем источниковедения.

Для выяснения того, в какой мере существующие представления об историческом источнике могут быть подтверждены и углублены с позиций учения об информации, необходимо остановиться на основных положениях этого учения. Задача эта весьма непростая, ибо, несмотря на наличие огромной отечественной и зарубежной литературы об информации[3], учение о ней находится лишь в процессе становления и многие вопросы еще остаются нерешенными. Вместе с тем многие закономерности информационных процессов, коренные черты и свойства информации достаточно прояснены.

Существует ряд подходов в определении общей сущности информации как явления. Наиболее широкое диалектико-материалистическое определение информации сводится к следующему. *Информация* – это отраженное разнообразие явлений объективного мира. Следовательно, информация представляет собой итог реализации свойства материи к отражению, т.е. воспроизведению черт одних объектов в других в измененной форме в результате их взаимодействия.

Информационные процессы являются неотъемлемой органической частью общественной жизни. "Постоянный обмен информацией, сведениями о различных явлениях и процессах действительности с тем, чтобы успешно выполнять свою социальную роль, управлять многочисленными объектами окружающего мира, управлять самим собой, коллективами людей – непременное условие функционирования и развития общества, жизни и развития каждого человека"[4]. Информация необходима для общения, регулирования и управления, научно-познавательной деятельности, образования и воспитания. Поэтому справедливо утверждают, что "прогресс общества в

---

[3] См., например: *Урсул А.Д.* Информация: Методологические аспекты. М., 1971; *Он же.* Отражение и информация. М., 1973; *Он же.* Проблемы информации в современной науке: Философские очерки. М., 1975; *Шерковкин Ю.А.* Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973; *Дмитриев Е.В.* Диалектика содержания и формы в информационных процессах. Минск, 1973; *Бирюков Б.В.* Понятие информации. М., 1974; *Афанасьев В.Г.* Социальная информация и управление обществом. М., 1975; *Цыдря Ф.Н.* Социальная информация. Кишинев, 1978; *Виноградов В.А.* Общественные науки и информация. М., 1978; *Коган В.З.* Человек в потоке информации. Новосибирск, 1981; *Щербицкий Г.И.* Информация и познавательные потребности. Минск, 1983, и др.

[4] *Афанасьев В.Г.* Указ. соч. С. 50.

самой общей форме зависит от его вещественно-энергетической и информационной оснащенности"[5].

В определении сущности социальной информации советскими учеными можно выделить два основных подхода, исходящих из более узкого и более широкого взгляда на информацию. Первый подход связывает социальную информацию со знанием. При этом "информацию составляет та часть знания, которая используется для ориентировки, для активного действия, для управления, т.е. в целях сохранения качественной специфики, совершенствования и развития системы"[6]. Значит, социальная информация – активная, действующая часть знания. Неиспользованная часть знаний – потенциальная информация. В более широкой трактовке "социальная информация представляет собой аспект и результат отражения обществом как самой социальной формы движения материи, так и всех других ее форм в той мере, в какой они используются обществом, включены в орбиту общественной жизни"[7]. В этом определении информация выступает как совокупный результат отражения людьми объективной действительности, т.е. она не ограничивается только знанием, тем более действующим.

Чтобы решить, насколько правомерны указанные определения, необходимо рассмотреть суть информационного процесса и порождаемые им особенности информации. Информационный процесс в сфере социальной жизни – сложное сочетание объекта, субъекта и информации. Объект, т.е. любое проявление независимой от субъекта действительности, является основой, источником информации для субъекта. Эта информация не может быть ничем иным, как отражением в сознании субъекта черт и свойств действительности. Как сознательное, действующее и целеустремленное существо субъект, взаимодействуя с окружающей действительностью, всегда стремится получить информацию для достижения определенных целей. Поэтому в информационном процессе всегда имеет место *прагматический* аспект, а сама информация (и вновь приобретенная, и полученная ранее) может рассматриваться в *аксиологическом*, ценностном плане, и в этом отношении вполне правомерно выделять информацию потенциальную и актуальную, т.е. используемую для достижения поставленных целей. Рассмотрение информации в прагматическом аспекте и является основой для характеристики информации как действующего знания.

Однако объем и характер информации, возникающей в информационном процессе, отнюдь не определяются только той целью, для которой она выявляется. Органическое свойство информацион-

---

[5] Там же. С. 5.

[6] Там же. С. 33.

[7] *Урсул А.Д.* Проблемы информации в советской науке: Философские очерки. С. 194.

ного процесса состоит в том, что всегда наряду с той информацией, которую субъект стремится получить преднамеренно, извлекается еще и информация избыточная. Это происходит потому, что многообразие и безграничность свойств и взаимосвязей явлений объективного мира приводят к тому, что при их отражении в сознании субъекта наряду с чертами, которые фиксируются целенаправленно, неизбежно отражаются и такие, которые могут и не интересовать субъекта. Поэтому кроме прагматического информация имеет еще и *семантический*, содержательный аспект.

В семантическом плане чрезвычайно важен вопрос о соотношении в информации, с одной стороны, той информации, которая извлекалась осознанно, очевидна субъекту и может быть использована им и, с другой стороны, той, которая извлечена и зафиксирована непроизвольно и поэтому неочевидна, непосредственно не выражена для субъекта. Указанные два вида информации принято называть *информацией выраженной*, воспринимаемой, и *информацией скрытой*, или, как иначе ее называют, связанной или структурной[8].

Скрытая информация отражает через выраженные черты и свойства явлений присущие им взаимосвязи. Поскольку взаимосвязи характеризуют прежде всего структуру объектов реального мира, постольку эту информацию и называют структурной. Многообразие и сложность взаимосвязей, их скрытый, не выраженный явно характер и опосредованное отражение через другие черты и свойства объектов и делают информацию о них чаще всего скрытой, непосредственно не выраженной для субъекта.

В общем объеме информации, получаемой субъектом в любом информационном процессе, информация скрытая превышает информацию выраженную. Это обусловлено тем, что взаимосвязей, присущих тем или иным объектам, явлениям и процессам, всегда намного больше, чем непосредственно характеризующих их признаков. При этом с увеличением объема извлекаемой информации объем скрытой информации растет значительно быстрее, чем выраженной.

Возникновение в информационном процессе выраженной и скрытой информации означает, что в семантическом, содержательном плане информация представляет собой сложный результат отражения субъектом объективной реальности, который включает в себя как видимый компонент, являющийся знанием, так и ту часть отражения реальности, которая зафиксирована, но остается неизвестной субъекту или не осознанной им. Именно в таком широком плане и следует понимать произведенное выше определение социальной информации как результата отражения субъектом действительности.

---

[8] См.: *Афанасьев В.Г.* Указ. соч. С. 56–57; *Урсул А.Д.* Отражение и информация. С. 213.

Наконец, информационный процесс и информация имеют еще один – *синтаксический* – аспект. Он связан с формами выражения социальной информации в определенных знаковых системах. В этом аспекте учение об информации тесно связано с семиотикой – наукой о знаках и знаковых системах. Коль скоро социальная информация представляет результат отражения объективной реальности сознанием людей, этот результат должен иметь вполне определенное выражение. Знаковые системы и являются таким выражением. Они как бы материализуют результат отражения, а следовательно, делают его воспринимаемым и передаваемым.

Информация может быть выражена, как явствует из общественной практики, описательно, измерительно, изобразительно (графически, художественно и фотографически) и фоно- и светосигнально. Социальная информация теми или иными техническими средствами фиксируется на определенных материальных носителях в виде тех или иных знаковых систем или натурального (фото- и кино-) и художественного воспроизведения действительности. Это позволяет хранить и передавать информацию. Для содержательного восприятия и целевого использования социальной информации наиболее удобна информация, выраженная в знаковых, прежде всего языковых (естественных и искусственных) системах. Очевидно, что синтактический аспект информации имеет и самостоятельное значение и информация может рассматриваться в этом плане вне связи с ее семантическим и прагматическим аспектами.

При общей характеристике социальной информации дебатируется вопрос о том, представляет собой информация явление идеальное или наряду с идеальной есть и информация материальная. Безусловно, правы те, кто рассматривает социальную информацию как явление идеальное. В самом деле, каким бы ни был источник информации, в каких бы формах она ни выражалась и для каких бы целей ни использовалась, социальная информация всегда есть результат отражения субъектом объективного мира. Отражение же идеально по своему характеру. Материальны носители информации, но не сама информация. Характер той практической деятельности, для которой общество использует информацию, также не меняет ее идеальной природы.

Таков один круг проблем, рассматриваемый в учении о социальной информации. Он связан с раскрытием сущности информационных процессов и информации.

Другой комплекс вопросов этого учения относится к раскрытию соотношения в информации объективного и субъективного. Социальная информация как результат отражения людьми черт и свойств реальной действительности объективна. “Свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении”[9]. Вместе с тем социальная инфор-

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 67.

мация возникает в результате взаимодействия объекта и субъекта. Поэтому необходимо выяснить, в какой мере субъективная форма информационного процесса допускает возможность получения объективной, адекватной, т.е. достоверно, полно и точно характеризующей объект информации.

Одним из основных выражений субъективного момента в информационном процессе является наличие в нем прагматического, целевого аспекта. Однако целевое извлечение информации само по себе не исключает возможности получения объективной информации. Более того, для достижения цели субъекту (будь то класс, социальный слой или отдельное лицо) необходима объективная информация. Без такой информации невозможно решение задач регулирования и управления, общения, научно-познавательной и просветительско-воспитательной деятельности. Поэтому субъект в меру понимания этих задач стремится получить объективную информацию о реальной действительности.

Степень объективности информации определяется мерой соответствия поставленной цели объективному функционированию и развитию действительности. Это, в свою очередь, зависит от социально-партийной природы поставленной цели. При соответствии цели реальному состоянию и ходу развития общественных и других явлений получение объективной информации лимитируется лишь существующими познавательными возможностями. Если же цель в силу классово-партийной сущности или по другим причинам ограничивает подход к объекту и взгляд на него, то будет ограничен и объем объективной информации. В тех же случаях, когда субъект стремится к достижению целей, идущих вразрез с реальностью, субъективные искажения информации могут быть весьма существенными и доходить до прямой дезинформации, до полного искажения сути объекта информации. Но и в этом случае в информационном процессе возникает определенная объективная информация – информация о субъекте. Происходит это в силу того, что важной особенностью информационного процесса является возникновение двух видов информации – об объекте и о субъекте. Применительно к субъекту прежде всего появляется информация о той цели, которую преследует субъект, и о принципах и методах получения информации.

Принципы и методы получения информации субъектом являются наряду с целью весьма существенными компонентами в информационном процессе, влияющими на степень объективности информации. Если субъект при получении информации исходит из принципов и использует методы, которые не позволяют (в результате ограниченности познавательной возможности или в силу допущенной при выборе этих принципов и методов ошибки) адекватно отразить черты и свойства объекта, то степень объективности такого отражения будет низкой либо оно вовсе будет необъективным.

Возникновение в информационном процессе сведений о субъекте, о цели, принципах и методах получения им информации открывает путь к установлению степени ее объективности.

Таким образом, социальный информационный процесс, несмотря на субъективную форму, дает объективную информацию. Объем объективной информации и степень ее адекватности могут быть различными. Но в самом информационном процессе рождается и информация, которая позволяет установить и то и другое.

Наряду с изучением природы и сущности информации, процесса возникновения социальной информации и степени ее объективности в учении об информации разрабатывается и широкий круг вопросов, связанных с передачей и использованием информации. Отметим некоторые из них, представляющие интерес для историков и особенно источниковедов.

Важен вопрос о *фиксированной* и *нефиксированной* социальной информации. Из всей циркулирующей в обществе в тот или иной момент информации часть оказывается зафиксированной на различных материальных носителях, а часть – незафиксированной (устной). Соотношение той и другой изменялось по мере общественного прогресса. Доля специально фиксированной информации возрастала.

Далее, при передаче информации от ее получателя к потребителю, особенно в тех случаях, когда такая передача проходит через ряд звеньев, как правило, происходят потери исходной информации в результате проведения ее сводок, обобщений, выборки и т.д. В процессе перекодировки, повторного фиксирования и передачи информации могут появиться и ошибки. Особенно значительны потери, ошибки и искажения при передаче нефиксированной, устной информации, так как возникает больше возможностей для таких потерь и ошибок и в передаче нефиксированной информации сильнее проявляется субъективное воздействие на нее передающего.

При практическом использовании информации весьма актуален вопрос о ее ценности и достаточности. Одна и та же информация может иметь различную ценность в зависимости от той цели, для которой она используется. Поскольку невозможно определить все цели, для которых та или иная информация может оказаться необходимой, постольку всякая информация обладает определенной ценностью и *нет* – в семантическом отношении – *информации полезной и бесполезной*. При практическом использовании информации ее ценность определяется тем, насколько она позволяет достигнуть поставленной цели. Предпринимаются попытки измерения ценности информации. Один из принципов такого измерения следующий. Сначала определяется вероятность достижения цели на основе имеющейся информации. Затем оценивается вероятность этого достижения в результате привлечения новой информации. Соответствующее увеличение вероятности и рассматривается как количест-

венный показатель ценности новой информации[10]. Однако проблема количественного выражения ценности социальной информации чрезвычайно сложна и пока трудноразрешима.

Прагматическое использование информации всегда связано с избирательным, селективным отношением к ней. Наряду с ценностью такой отбор должен учитывать и достаточность информации, ее качественную и количественную репрезентативность. Критерием достаточности информации служит возможность достижения поставленной цели. В тех случаях, когда целью является конкретный материализованный результат, достаточность информации может быть установлена вполне определенно. Когда же, как чаще всего бывает в познавательной деятельности, достижение цели является процессом, определение достаточности информации значительно более сложно. Проблема достаточности информации не может быть решена путем привлечения как можно большего объема информации. Всякого рода малоценная, излишняя информация, создавая информационные "шумы" и "помехи", может не столько содействовать решению поставленной задачи, сколько затруднять его.

Наконец, в учении о социальной информации уделяется внимание вопросу о классификации этой информации. Имеют место различные подходы и используются различные критерии: учитываются источники информации, сферы ее применения и присущие ей функции и т.д.

Таковы те основные положения учения о социальной информации, которые имеют отношение к источниковедению.

Переходя к рассмотрению в свете учения об информации проблем исторического источника[11], следует отметить, что понятие "информация" употребляется в исторической науке и источниковедении в разных смыслах. В самом широком плане под информацией понимают всю совокупность сведений, которые содержатся в исторических источниках, или, говоря иначе, информация – результат отражения современниками объективной действительности. Такое понимание совпадает с приведенным выше философским определением социальной информации как результата отражения обществом всех форм движения материи. Вместе с тем под информацией в исторической науке нередко понимается та совокупность сведений и данных источников, которая вовлечена в научный оборот и исполь-

---

[10] См.: *Харкевич А.А.* О ценности информации // Проблемы кибернетики. М., 1960. Вып. 4.

[11] Из работ, затрагивающих связанные с этим проблемы, см.: *Устьянцев В.Б.* Исторический источник как специфическая форма отражения действительности // Ленинская теория познания и современная наука. М., 1970; *Сидамонидзе У.* Историческая наука и вопросы научной информации. Тбилиси, 1978; *Уйбо А.С.* Информационный подход к типологии исторических источников // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1982. Вып. 599.

зуется для изучения тех или иных конкретных явлений и процессов, т.е. информация выступает как действующее знание. В связи с разными подходами к определению исторической информации существует и деление источников на актуальные, т.е. такие, сведения которых используются и вовлечены в научный оборот, и потенциальные, т.е. такие, информация которых еще не использована. Подобное деление вполне правомерно и практически полезно в том отношении, что позволяет очертить круг неиспользованных источников и привлечь к ним внимание и источниковедов и историков.

Как показано, более широкий и более узкий подход в раскрытии понятия "социальная информация" связан с рассмотрением ее в прагматическом и семантическом аспектах. Эти подходы, так же как синтактический, правомерны и по отношению к историческому источнику, ибо учет как сложности информационного процесса, так и различных аспектов информации дает возможность более широкого и глубокого взгляда на ряд проблем исторического источника.

Возникновение большинства исторических источников представляет собой информационный процесс, в котором фигурируют объект – отражаемая реальность, субъект – творец источника и информация – результат отражения объекта субъектом. Этот процесс, как и всякий информационный, всегда имеет прагматический аспект, т.е. творец источника всегда преследует определенную цель, выявляя сведения об объективной действительности. Эти сведения требуются для решения тех или иных общественных или личных задач. То, что потом стало исторической информацией, зафиксированной в исторических источниках, первоначально являлось информацией, необходимой для удовлетворения практических нужд. Это в одинаковой мере относится и к законодательству, и к правовым актам, фиксировавшим и регулировавшим те или иные отношения, и к личной переписке, и к мемуарам, которые преследовали цель самовыражения, самоосознания и самоутверждения личности.

Целевая заданность исторических источников в момент их возникновения обуславливает то, что всякий исторический источник не только отражает реальность, но и сам является неотъемлемым компонентом ее. В этой связи совершенно очевидна неправомерность противопоставления так называемых *остатков* – источников, которые являются элементами действительности – и *преданий* – источников, которые якобы лишь отражают эту действительность через сознание субъекта. Все виды источников и представляют собой результат отражения действительности субъектом, и являются компонентами действительности, продуктом деятельности субъекта; следовательно, одновременно выступают и как "остатки" и как "предания". К примеру, сошник – не только элемент пахотного орудия, т.е. "остаток", но и носитель информации об уровне знаний и умения его создателей, т.е. "предание". Мемуары же, помимо отра-

жения действительности их автором, являются результатом и его практической деятельности, его самовыражения.

Целевая направленность информации, содержащейся в исторических источниках, как и всякой социальной информации, не исключает ее объективности, степень которой зависит прежде всего от классово-партийной позиции творцов источника и методов отражения реальности[12]. Но всякий источник содержит ту или иную объективную информацию, и поэтому в семантическом отношении нет источников, непригодных для использования. Неправомерно поэтому деление источников на "хорошие" и "плохие" в зависимости от классово-партийной позиции их творцов. Это, к сожалению, нередко имеет место по отношению ко многим источникам, особенно источникам личного происхождения. Классово-партийные позиции авторов, несомненно, влияют на степень объективности любого источники. Но в пределах цели, преследуемой творцом источника, даже в са́мом "консервативном" источнике содержится определенная объективная информация.

Принципиально важным для источниковедения является тот факт, что субъект, создатель источника, не просто отражает реальность, но и сам выступает как отражающийся объект. В итоге источник несет в себе двойную информацию. Источник, с одной стороны, опосредованно, через сознание субъекта отражает объект, а с другой – непосредственно характеризует субъект, прежде всего отражает его цели и методы восприятия объективной реальности. Например, мемуары содержат опосредованную информацию о действительности и непосредственную – о мемуаристе. Поэтому, если даже источник не содержит никакой объективной информации об объекте, в нем будет какая-то объективная информация о его творце, т.е. о субъекте.

Наличие в источнике информации о его творце является объективной основой для выявления степени адекватности отражения в нем исторической действительности. Путь к этому, как хорошо известно, – раскрытие социальных функций источника, выявление того, как его субъективно-социальная, партийно-классовая и субъективно-индивидуальная природа соотносилась с отражаемой им действительностью, или, переводя на информационный язык, насколько его прагматическое, целевое назначение требовало объективных сведений об этой действительности и каковы были познавательные возможности получения таких сведений.

Говоря об объективности отражения источниками исторической действительности и путях установления степени этой объек-

---

[12] Речь идет об информации, возникшей в информационном процессе, т.е. представляющей результат отражения действительности творцами источников. Кроме того, информация о прошлом содержится и в источниках, которые являются реликтами, остатками прошлого. Это – разного рода материальные памятники. Содержащаяся в них информация непосредственно объективна.

тивности, следует обратить внимание на давно выявленный источниковедами факт большей субъективности данных, которые являются результатом всякого рода извлечений, сводок и переработок первоначальных сведений. Все извлечения и сводки не только ведут к той или иной потере первичной информации, но и являются дважды субъективизированным отражением действительности. К субъективному фиксированию первоначальной информации здесь еще прибавляется субъективность извлечения, сводки или иной переработки исходной информации. Историкам хорошо известны многочисленные факты того, как в высокой степени объективные первичные сведения во многом теряли ценность в результате обобщений и сводок. Наиболее яркий пример по отечественной истории – сводные данные земских подворно-статистических описаний крестьянского хозяйства. Если при составлении земских переписей фиксировались сведения о каждом крестьянском дворе и учитывалось несколько десятков показателей, характеризующих его состояние, то сводки включают сведения по селениям в целом и учитывают не все из этих показателей. Здесь мы имеем дело не с простой потерей первоначальной информации, а с иным подходом к объекту отражения. В центре последнего оказывается уже не крестьянский двор, а сельская община, т.е. уже иная сторона действительности.

Дважды субъективизированное отражение действительности в исторических источниках отнюдь не представляет собой, как известно, чего-то исключительного. Есть немало источников, в которых такая субъективизация повторяется многократно. Это, во-первых, всякого рода последовательные многоступенчатые выборки и сводки данных, и, во-вторых, редакции и списки различных памятников. Даже в тех случаях, когда последовательный отбор и обобщение исходных сведений проводились одним и тем же лицом, каждый уровень сводки представлял собой очередную субъективизацию, ибо каждый раз ставилась новая цель и применялись соответствующие методы отбора и обработки данных. Это относится и к различным редакциям исторических памятников.

Дважды или многократно субъективизированное отражение действительности в исторических источниках само по себе не ведет к снижению степени объективности этого отражения. Но поскольку оно увеличивает сферу проявления субъективных воздействий на информацию, постольку усложняется выявление этой объективности, т.е. критический анализ источников. Этот анализ будет включать, кроме этапа, связанного с установлением степени адекватности отражения действительности в момент фиксирования первоначальной информации, еще и этапы выявления потерь информации и объективности последующих ее сводок и переработок. В этой связи очевидна и особая ценность для историков тех источников, в которых зафиксирована первоначальная информация и которые поэтому являются *первоисточниками*.

Таким образом, исторические источники, несмотря на целевое происхождение и субъективное отражение действительности, не только объективно отражают историческое прошлое и поэтому делают возможным его научное изучение, но и сами содержат информацию, необходимую для их критической оценки, для выявления соотношения в них объективного и субъективного. Тем самым обнаруживается полная несостоятельность всякого рода субъективистских и идеалистических концепций исторического источника, основывающихся на том, что степень объективности отражения действительности в источниках якобы не может быть установлена из-за отсутствия необходимой для этого объективной информации[13].

В связи с органическим переплетением в источниках информации об исторической реальности и о творцах источников очевидна неправомерность обособления в научной критике источников критики внешней и внутренней, обособления, которое последовательно проводилось и проводится в буржуазном источниковедении. Только при анализе содержания источников могут быть раскрыты как внешняя сторона возникновения источника (цели, место, время его возникновения, автор и его приемы отражения действительности и т.д.), так и достоверность и ценность содержащейся в нем информации. Советские источниковеды рассматривают внешнюю и внутреннюю критику источников как последовательность источниковедческих процедур, а не как независимые стадии этой критики[14].

Целевое происхождение исторических источников обуславливает то, что в содержательном отношении они характеризуют историческую действительность селективно, избирательно. Выявление этой избирательности применительно к отдельным историческим эпохам и периодам, а также выделение тех закономерностей и особенностей, которые ей присущи, – важная задача источниковедения. Однако ее решению пока еще не уделяется должного внимания, хотя это имеет существенное значение как само по себе, так и для конкретно-исследовательской практики, ибо без анализа пробелов в источниках нельзя выработать принципы и методы их восполнения и вести целеустремленную работу в этом направлении. Актуальность этой проблемы источниковедения связана еще и с тем, что имели место последующие утраты источников.

Селективное отражение действительности в исторических источниках не исключает возможности всестороннего познания прошлого, как утверждают многие буржуазные историки, которые

---

[13] Из новейших работ развернутая критика буржуазных концепций исторического источника дана в следующих работах: *Иванов Г.М.* Исторический источник и историческое познание; *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторического познания (М., 1981. Гл. II); *Медушевская О.М.* Современное зарубежное источниковедение, и др.

[14] См.: *Стрельский В.И.* Теория и методика источниковедения. С. 74 и сл.; *Пронштейн А.П.* Методика исторического источниковедения. С. 7 и сл.; и др.

абсолютизируют эту особенность источников, подчеркивая, в частности, что важнейшая сторона общественной жизни, так называемая мыслительная история, якобы вообще никак не зафиксирована и потому не может быть познана. Во-первых, сохранилось множество источников, в которых отображена духовная деятельность людей. Во-вторых, эта последняя нашла свое отражение в их практической деятельности и поэтому вполне может быть познана. В-третьих, при всей селективности исторические источники содержат информацию и о тех сторонах и явлениях общественной жизни и деятельности людей, которые в них непосредственно не отражены.

В плане семантическом, т.е. с точки зрения содержания исторических источников, наиболее существенным итогом учения о социальной информации, относящимся к источниковедению, является вывод о том, что в результате отражения субъектом объективной реальности и в процессе его практической деятельности возникает информация выраженная и скрытая. Тот факт, что исторические источники содержат информацию, непосредственно выраженную и скрытую, давно известен в источниковедении[15]. Диалектико-материалистическое, марксистское понимание исторических источников включает также признание информационной неисчерпаемости исторических источников. Учение об информации дает теоретическое обоснование и раскрывает объективную основу содержательной неисчерпаемости источников.

Многообразие и безграничность взаимосвязей, присущих явлениям объективного мира, обуславливают то, что в исторических источниках, несмотря на избирательное отражение ими действительности, содержится в сущности неисчерпаемый объем скрытой информации, характеризующей взаимосвязи явлений действительности. Анализ этих взаимосвязей на основе информации, непосредственно выраженной, позволяет выявлять информацию скрытую. Это создает возможность для неограниченного повышения информационной отдачи источников и преодоления избирательности непосредственно выраженного отражения источниками действительности.

Очевидно, что информационная неисчерпаемость присуща всем историческим источникам. Однако можно выделить типы и виды источников, в которых заключен особенно большой объем скрытой информации. Такими являются массовые источники, т.е. источники, которые содержат массовые данные (первичные или сводные) о различного рода общественных системах с присущими им структурами и функциями. Следовательно, все расширяющееся вовлечение в научный оборот массовых исторических источников, характерное

---

[15] О наличии в источниках "намеренной" и "непроизвольной" информации, о "непосредственном" и "опосредованном" отражении ими действительности идет речь в указанных выше работах О.М. Медушевской, А.П. Пронштейна, А.Г. Тартаковского и др.

для современного развития исторической науки, имеет объективную основу. Возможности извлечения скрытой информации из индивидуальных источников также неограниченны. Говоря о скрытой информации исторических источников, следует подчеркнуть то ее важное свойство, что эта информация в наименьшей степени подвержена субъективным искажениям в момент отражения творцом источника объективной реальности.

Существенным для решения ряда проблем источниковедения является разрабатываемый в учении об информации и в семиотике синтактический аспект информации. Он касается прежде всего способов и форм отражения в источниках объективной реальности. Поскольку язык – действительное выражение сознания, материальная форма мысли и средство человеческого общения[16], универсальной формой выражения информации оказываются естественные языки. В силу этого именно письменные источники – основная категория исторических источников. В письменных источниках наряду с естественными языками социальная информация часто выражается и в других знаковых системах.

Особой формой выражения социальной информации отличаются источники изобразительные, т.е. графически-изобразительные и художественно-изобразительные. В содержательном плане зафиксированная в них информация об исторической действительности имеет специфические методы и формы выражения и в этом смысле в значительной мере является как бы закодированной, а поэтому и скрытой. Для ее "прочтения" и использования в историческом исследовании необходима дешифровка, своеобразное "снятие" прикрывающей ее системы изобразительных принципов и методов, присущих эпохе создания этих источников. Задача эта особенно важна применительно ко всякого рода нереалистическим отражениям действительности.

Это же относится и к письменным литературно-художественным источникам. Известный советский психолог Л.С. Выготский справедливо подчеркивал: "До тех пор, пока мы не научились отделять добавочные приемы искусства, при помощи которых поэт (писатель, художник. – *И.К.*) перерабатывает взятый им из жизни материал, остается методологически ложной всякая попытка познать что-либо через произведение искусства"[17], т.е. получить содержащуюся в нем информацию об объективной действительности.

Таким образом, для любых изобразительных и художественно-литературных источников важнейшей проблемой является выделе-

---

[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 29.

[17] *Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1966. С. 71. Специфика отражения действительности в художественно-литературных произведениях и методологические проблемы их анализа обстоятельно рассматриваются в работах Ю.М. Лотмана "Лекции по структурной поэтике" (Труды по знаковым системам. Тарту, 1964. Вып. 1) и "Структура художественного текста" (М., 1970).

ние выраженной в изображенном и литературном образе информации, адекватно воспроизводящей действительность. В силу этого источниковедческий анализ этих источников оказывается значительно более сложным, чем обычных письменных источников. К тому же этот анализ, как правило, требует привлечения дополнительной информации из других источников, а содержание информации, извлеченной из изобразительных источников, должно получить естественно-языковое выражение. К сожалению, историческое источниковедение изобразительных источников, несмотря на то, что комплекс этих источников огромен, еще не привлекло должного внимания и не получило надлежащей разработки.

Особую, с точки зрения фиксирования информации, категорию исторических источников составляют и вещественные памятники. Будучи остатками, реликтами действительности, они, несомненно, содержат обширную и разнообразную информацию о ней. Однако эта информация выражена как результат практической деятельности людей и в этом отношении выступает в объективно-синтактическом смысле, т.е. как следы практической деятельности, которые должны быть переведены в синтактически-субъективную форму, или, говоря иначе, выражены в той или иной знаковой системе. Она может быть естественно-описательной, графически-изобразительной или иной. Информация, содержащаяся в том же сошнике, может быть представлена в виде описания, чертежей, химических формул. Процесс выявления объективно-синтактической информации, заключенной в вещественных источниках (информации, возникшей независимо от обращающегося к ней субъекта), и перевода ее в синтактически-субъективную форму, т.е. форму, пригодную для использования в познавательных целях, весьма сложен. Сложна и технология розыска, реконструкции и датирования этих источников, чем обусловлено раннее выделение археологии, а также в значительной мере и этнографии как самостоятельных исторических дисциплин, а затем и наук.

Таков один круг теоретико-методологических проблем источниковедения, решению которых помогает учет результатов, достигнутых в учении об информации. Он преимущественно связан со звеном “действительность – источник”.

Другой круг проблем источниковедения относится к аспекту “источник – историк”. Здесь прежде всего надо сказать о том, что учение об информации подтверждает необходимость разработки проблем источниковедения в теоретико-методологическом, исторически-типологическом и конкретно-прикладном аспектах. В свете того, что основным путем в выявлении степени адекватности отражения источниками исторической действительности является учет их социальной природы и целевого назначения для современников, становится очевидным важное значение изучения исторических источников как яв-

лений действительности. Без этого не может быть должным образом раскрыто соотношение в них субъективного и объективного.

Из общих теоретико-методологических проблем источниковедения нуждается в разработке не привлекающий до сих пор внимания источниковедов синтактический аспект анализа исторических источников, имеющий, как было отмечено, существенное значение для решения ряда вопросов.

В плане источниковедчески-прикладном наряду с традиционными проблемами анализа достоверности и точности источников центральными являются вопросы о конкретных принципах, путях и методах извлечения и использования скрытой информации источников для решения как собственно источниковедческих, так и особенно историко-исследовательских задач. Эти вопросы пока еще также не привлекли надлежащего внимания источниковедов. На некоторых из указанных моментов необходимо остановиться подробнее.

Хорошо известно, какое большое место в источниковедении занимает проблема классификации источников. Так или иначе, ее решают все исследователи при использовании различных источников для изучения тех или иных явлений и процессов. Источниковеды занимаются специальной разработкой вопросов, связанных с классификацией источников[18]. Однако многое здесь еще остается неясным и, главное, не определены четко те принципы, исходя из которых, может проводиться классификация источников. Уточнить эти принципы помогает учет трех рассмотренных аспектов информации, который разрабатывается в учении об информации, хотя сами специалисты по информации также еще не выдвинули четких критериев ее классификации. Опыт историков здесь богаче и может быть использован в учении об информации.

К классификации источников можно подходить с позиций трех аспектов информации – прагматического, семантического и синтактического. Наиболее общим из них является синтактический. Исходя из него, можно выделить первый, наиболее общий уровень классификации исторических источников. По методам и формам отражения действительности вся совокупность исторических источников четко делится на четыре категории (или типа): *вещественные, письменные, изобразительные* (изобразительно-графические, изобразительно-художественные и изобразительно-натуральные) и *фонические*[19]. Широко распространенное до последнего времени в

---

[18] Наиболее обстоятельной работой в этой области является специальное исследование Л.Н. Пушкарева "Классификация русских письменных источников по отечественной истории" (М., 1975). В работе дан развернутый обзор литературы о классификации источников.

[19] Подобный принцип классификации источников применял М.Н. Черноморский (Источниковедение истории СССР. Советский период. М., 1976), но, так как при этом не учитывались результаты учения об информации, этот подход не был реализован в полной мере.

советском источниковедении[20] деление всей совокупности исторических источников на вещественные, письменные, устные, этнографические, лингвистические (фольклорные), фотокинодокументы и фотодокументы представляется непоследовательным в силу неоднозначности принципов и критериев их выделения. Одни группы выделены по форме отражения действительности, другие – по способу фиксирования информации, третьи – по объекту отражения. Следует заметить, что если информация, возникшая в ту или иную эпоху, может функционировать будучи как зафиксированной на тех или иных материальных носителях, так и незафиксированной (устной), то в исторических источниках она выступает в зафиксированном виде. Например, данные фольклора, несомненно, содержат ценную информацию о прошлом, но она, чтобы стать источником и быть использованной историком, должна быть материально зафиксирована. Чаще всего это – письменная запись, а позднее, с появлением соответствующих технических средств, и фонозапись. Сказанное относится и к другим видам нефиксированной социальной информации. Следовательно, исторический источник как носитель социальной информации содержит информацию фиксированную.

Выделение указанных четырех категорий исторических источников по методам и формам отражения действительности позволяет определить тот круг проблем, которые возникают в связи с источниковедческим анализом и использованием каждой из них, и разработать соответствующие методы их решения.

Выделение категорий исторических источников является, хотя и важным, но лишь первым этапом в их классификации. Еще большее значение имеет классификация источников каждой из этих категорий. В источниковедении широко распространена видовая классификация, в основе которой лежит единство происхождения, общность содержания и назначения определенного круга источников той или иной категории. С информационной точки зрения видовая классификация основывается на прагматическом аспекте информации, а именно: на единстве целевого назначения информации для ее получателя, субъекта. Единство цели, для которой выявлялась информация, естественно, обуславливало сходство принципов и методов отражения действительности, форм выражения и использования информации, что, в свою очередь, создает возможность применения единых принципов и методов ее источниковедческого и конкретно-исторического анализа. Видовая классификация, как и всякая другая, относительна. Но это не умаляет ее значение как важного эвристического средства и в источниковедении и в конкретно-историческом анализе.

Выделение типов и видов исторических источников, кроме разработки единых принципов и методов источниковедческого изуче-

---

[20] См.: Источниковедение // СИЭ. Т. 6. С. 593 и сл.

ния, обработки и анализа информации, открывает возможности и для выявления эволюции источников. Как методы и формы отражения сознанием людей объективной действительности, которые лежат в основе выявления типов источников, так и цели, для достижения которых собирается информация и которые обуславливают выделение видов источников, историчны по своей сути и поэтому изменяются с ходом общественного развития. Это ведет и к изменению типов и видов исторических источников. Причем эволюция методов и форм отражения действительности и изменение целей выявления информации зависели прежде всего от социально-экономической и социально-политической структуры общества, а также от его культурно-познавательных возможностей. Например, очевидно, что вещественные источники оказываются основными при изучении древних эпох потому, что для той поры была характерна нефиксированная социальная информация, и ее передача от поколения к поколению осуществлялась в процессе непосредственного общения и деятельности людей, а для далеких потомков она могла сохраниться, прежде всего будучи зафиксированной в вещественных памятниках и отчасти в изображениях. Появление письменности, книгопечатания, распространение грамотности открывали принципиально новые возможности для фиксирования и передачи информации. Развитие науки и техники в новое время породило такие формы отражения действительности и передачи информации, как кино-, фото-, фонометоды, а в современную эпоху – методы, основанные на разного рода искусственных машинных языках. Источники последнего рода (а объем их уже достаточно велик) пока еще не стали, к сожалению, объектом пристального внимания источниковедов. Здесь пока имеют место лишь отдельные попытки их источниковедческого рассмотрения[21].

Характерной чертой эволюции источников является не столько исчезновение тех или иных видов источников, сколько появление новых их видов и разновидностей, что обусловлено усложнением по мере исторического прогресса общественной жизни, появлением все новых и новых общественных функций.

Поскольку наиболее существенные сдвиги в общественном развитии, влияющие на прагматический аспект информационных процессов, связаны с переходом от одной общественно-экономической формации к другой, постольку типологическая и видовая классификация источников должна сочетаться с их формационной классификацией. Такой подход и лежит в основе классификации источников советскими источниковедами.

Кроме синтактического и прагматического аспектов, информация имеет еще и семантический, содержательный аспект, и возника-

---

[21] См., например: *Гельман-Виноградов К.Б.* Машиночитаемые документы в СССР. М., 1980.

ет вопрос о правомерности классификации источников на основе учета их содержания. Попытки такой классификации предпринимались многократно. С точки зрения учения об информации, о возможности такой классификации можно сказать следующее. Поскольку содержание источников в плане отражения ими объективной действительности чрезвычайно многообразно и одни и те же виды источников и даже отдельные источники содержат информацию о самых разнообразных сторонах этой действительности, постольку дать классификацию источников по содержанию, идя от самих источников, не представляется возможным. Но такая классификация может быть проведена на основе выделения исследователем тех или иных сторон и черт исторической действительности. Подобная классификация будет представлять группировку типов и видов источников по степени их ценности для изучения интересующих исследователя явлений исторической действительности. Такие классификации являются основным видом классификации источников в конкретно-исторических работах. Однако далеко не всегда выдерживается типовой и видовой подход к классификации источников, характеризующих изучаемые явления и процессы.

Как видим, учет трех аспектов информации помогает яснее представить основные принципы, исходя из которых может проводиться классификация исторических источников.

Центральной проблемой источниковедения в исследовательско-прикладном аспекте является, как отмечалось, повышение информационной отдачи источников путем извлечения скрытой информации. Задача источниковедов состоит в разработке конкретных путей и методов ее выявления в зависимости от особенностей разных видов источников и в соответствии с решаемыми исследовательскими задачами. Структурный характер этой информации указывает тот основной путь, которым следует здесь идти. Это анализ взаимосвязей, присущих исследуемым явлениям и процессам на основе непосредственно выраженных в источниках данных. Собственно, анализ взаимосвязей всегда был в центре и источниковедческих и конкретно-исторических исследований. Применительно к современному этапу развития исторической науки стоит задача совершенствования методов анализа взаимосвязей, выявления и использования скрытой информации. Особенно эффективным здесь может быть применение системного подхода и анализа, математических методов и ЭВМ.

Прежде всего следует подчеркнуть эффективность системного подхода и анализа при решении собственно источниковедческих проблем. Центральной из этих проблем, как хорошо известно, является установление адекватности, т.е. достоверности отражения источниками действительности. Наряду с учетом целевого назначения информации, содержащейся в источниках, и методов ее получения, что позволяет раскрыть степень ее объективности, при установлении достоверности данных источников часто прибегают к сопостав-

лению их с аналогичными сведениями других источников. Такой прием, безусловно, эффективен. Однако, кроме того, что он не всегда возможен, с позиций методологически-информационных он ограничен, ибо основан на использовании лишь непосредственно выраженной информации источников. Между тем существует широкая возможность проверки достоверности данных источников и на основе использования скрытой информации. Любая общественная система имеет свою структуру, характеризующуюся определенным строением и взаимосвязью ее элементов и присущих им черт и свойств. Поэтому на основе того, в какой мере данные, отражающие эти черты и представляющие интерес для исследователя, вписываются в указанную структуру, можно судить об их достоверности. Реализация такого принципа и составляет суть системного подхода и анализа исторических источников. Один пример.

Хорошо известны давние споры, которые ведутся вокруг так называемых татищевских известий, т.е. тех сведений по истории Древней Руси, которые содержатся в первой редакции "Истории Российской" В.Н. Татищева и которые не имеют прямых подтверждений в древнерусских летописях. На этом основании многие историки считали "известия" недостоверными и приписывали их авторство самому Татищеву. До недавнего времени вопрос этот оставался спорным, поскольку обычными методами источниковедческого анализа не удавалось убедительно доказать достоверность "татищевских известий". Потребность такого доказательства привела к необходимости поиска более совершенных методов анализа. И они были найдены на пути системного подхода и структурного анализа, которые выполнены Б.А. Рыбаковым[22].

Суть этого анализа состояла в следующем. За XII в. "татищевские известия" были распределены по годам, и для каждого года установлен их объем в строках. Параллельно установлен объем годовой статьи в строках по Ипатьевской летописи. По этим данным были построены графики, которые показали в целом высоко сопряженное движение двух линий. Следовательно, "татищевские известия" органически вписываются, согласуются с вполне достоверными сведениями, что подтверждает их собственную достоверность. Заметим, что в данном случае сходство двух рядов показателей может быть не только установлено графически-изобразительно, но и выражено в определенных количественных коэффициентах.

Исследование вопроса было продолжено Л.В. Миловым[23]. Он также опирался на системный подход и структурный анализ, но без привлечения количественных показателей. Милов параллельно рас-

---

[22] *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". М., 1972. С. 188–191.

[23] *Милов Л.В.* Татищевские портреты-характеристики и "Симонова летопись" // История СССР. 1978. № 6.

сматривал портретные характеристики деятелей XII в. в описании Татищева и Ипатьевской летописи. Было установлено большое сходство этих характеристик. В Ипатьевской летописи они даны лишь более сокращенно. Причем характер сокращений по всем "портретам" оказался однотипным. Следовательно, и здесь была выявлена сопряженность сведений двух источников.

Итоги обоих исследований приводят к убедительному выводу: Татищев действительно располагал летописью, которая не сохранилась и которая имела один протограф с Ипатьевской летописью[24].

Таким образом, в источниковедческом анализе исторических источников системный подход, структурный анализ и выявление на основе их скрытой информации значительно расширяют возможности установления достоверности заложенной в них информации. Широкое внедрение этих методов в практику источниковедческого анализа существенно расширит возможности этого анализа и повысит его уровень.

Значительные успехи в применении системного подхода и структурно-функционального анализа достигнуты и конкретно-историческими исследованиями, основанными на применении количественных методов, что будет показано далее.

Таков круг основных вопросов, на которые представлялось целесообразным обратить внимание и которые возникают в связи с рассмотрением исторического источника в свете современного учения об информации.

2. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Факты составляют содержательную основу всякой науки. Они определяют ее субстанциональную природу. Этим обусловлено то пристальное внимание, которое уделяется проблемам факта в теории и методологии научного познания. Особенно велик интерес к историческому факту как в силу особенностей объекта исторического познания, так и в силу сложности историко-познавательного процесса[25].

---

[24] Милову удалось найти и свидетельство современника В.Н. Татищева, которое подтверждает наличие у последнего такой летописи (см.: Там же.).

[25] В новейших работах наиболее обстоятельно проблемы исторического факта освещаются М.А. Баргом (Категории и методы исторической науки. Гл. IV). См. также: *Ракитов А.И.* Статистическая интерпретация факта и роль статистических методов в построении исторического знания // Проблемы логики научного знания. М., 1964; *Дорошенко Н.М.* Проблема факта в историческом познании. Л., 1968; *Гуревич А.Я.* Что такое исторический факт? // Источниковедение: Теоретические и методологические проблемы. М., 1969; *Иванов Г.М.* К вопросу о понятии "факт" в исторической науке // Вопросы истории. 1969. № 2; *Уваров А.И.* Исторический факт как элемент теории // Учен. зап. Казан. пед. ин-та. 1979. Т. 91;

Понятие "факт" (от латинского factum – "действие", "событие", "сделанное") применяется в разных смыслах. Прежде всего факт – конкретные проявления действительности в ее прошедшем или текущем состоянии, т.е. объективная реальностью. В этом виде факты обладают рядом присущих им свойств. Другой смысл понятия "факт" связан с процессом научного познания. В нем также фигурируют факты, но уже не факты действительности как таковой, а отражение в сознании ученого изучаемой реальности. Очевидно принципиальное отличие этих двух видов фактов, и возникает естественный вопрос об их соотношении. В гносеологическом плане данный вопрос связан с кардинальной проблемой философии – о соотношении бытия и сознания. Указанная проблема относится и к историческому факту. В решении ее выделяются существенно различные подходы[26].

Представители классического позитивизма решали вопрос об историческом факте в наивно реалистическом плане[27]. Признавая реальность фактов исторической действительности, они по существу отождествляли их с фактами исторической науки, полагая, что первые непосредственно даны историку в исторических источниках. Процесс же исторического познания сводился к тщательному воспроизведению историком фактов, зафиксированных в источниках. Но тем самым реальность фактов исторической действительности усматривалась в их "документированности". Сами факты представлялись элементарными, неделимыми, неизмененными и изолированными друг от друга выражениями действительности. Факты считались исчерпываемыми по своему содержанию "кирпичиками" реальности, а их совокупность в исторических источниках была строго определенной. Никаких сложных исторических фактов сама действительность не содержит. То, что историк квалифицирует как сложное историческое явление, в действительности есть то или иное сочетание простейших и элементарных фактов, природа которых может быть объяснена разного рода естественными явлениями (демографическими, биологическими, физическими и т.п.). Поэтому между фактами естественными и общественными не существует принципиальных различий, а наиболее эффективными средствами познания общественно-исторической реальности являются естест-

---

Салов В.И. Исторический факт и современная буржуазная историография // Новая и новейшая история. 1973. № 6; *Петров Ю.В.* Проблема факта в современной буржуазной философии истории // Философские науки. 1976. № 3; *Вайнштейн О.Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX вв. Л., 1979. Гл. X; *Лисовина А.П.* Категория "исторический факт" в марксистской и буржуазной методологии истории. Кишинев, 1981; *Шаповалов В.Ф.* Факт и понимание в историческом исследовании // Творчество и социальное познание. М., 1982; *Ракитов А.И.* Историческое познание. М., 1982. Гл. 6.

[26] См. об этом указанные работы М.А. Барга, О.Л. Вайнштейна, А.П. Лисовиной, Ю.В. Петрова, В.И. Салова.

[27] См.: *Ланглуа Ш., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. СПб. 1889.

веннонаучные методы. Само же знание может быть лишь чувственно-опытным и должно ограничиваться выявлением фактов об изучаемой реальности, т.е. оставаться эмпирическим.

Таким образом, сильной стороной позитивистского понимания сути исторического факта было признание его объективной реальностью, а его ошибочность состояла в примитивном представлении природы этих фактов и в отождествлении фактов действительности с научными фактами, что вело к упрощенному пониманию сути историко-познавательного процесса.

Другое направление в понимании проблем исторического факта, возникшее в конце XIX в., является *субъективно-идеалистическое*. Основоположником его был В. Дальтей, а дальнейшее развитие оно получило в неокантианстве (прежде всего в работах Г. Риккерта)[28]. Суть подхода здесь состояла в следующем. Прежде всего исторический факт был противопоставлен факту естественнонаучному. Естественнонаучные факты рассматривались как непосредственное чувственное воспроизведение внешней по отношению к субъекту действительности. Факты же истории лишены чувственной непосредственности, ибо это прежде всего факты духовной жизни, которые либо вообще не зафиксированы в источниках, либо фигурируют в них как субъективно и косвенно воспроизведенные и неподдающиеся проверке "традиции" или "предания", внутренний смысл которых историку или трудно уловить, или он вовсе скрыт от него. Поэтому наделить определенным смыслом факты прошлого может лишь историк. Для этого необходимы соответствующие критерии. Ими могут быть разного рода ценностные и идеальные представления, присущие эпохе историка и разделяемые им. Руководствуясь подобными критериями и исходя из представления об единстве человеческой психики, историк посредством чувственного "сопереживания" или логического конструирования формирует исторические факты. Тем самым объективная природа исторических фактов как выражений реальности отвергается, возможность объективного познания прошлого исключается, а источником знаний о нем становится сознание субъекта, историка. Историческое познание как поступательный процесс устраняется. Предшествующие знания о прошлом не имеют никакого значения. Каждый историк пишет свою историю, и историй столько, сколько историков.

Неокантианская трактовка исторического факта с теми или иными вариациями остается в основе всех последующих субъективно-идеалистических подходов к нему (презентизм, экзистенциализм и др.). Следовательно, субъективный идеализм, отвергая объективную природу исторических фактов, отрицает и возможность истин-

---

[28] См.: *Кон И.С.* Вильгельм Дальтей и его "критика исторического разума" // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967; *Риккерт Г.* Философия истории. СПб., 1908; *Он же*. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911.

ного познания прошлого. Знания о прошлом превращаются во всецело субъективные конструкции. Вместе с тем неокантианство, дав совершенно несостоятельное решение вопроса об историческом факте, поставило ряд важных вопросов методологии исторического исследования: о путях и методах выявления исторических фактов, о специфике познания прошлого и о возможности получения истинного исторического знания. Обоснованные ответы на все эти вопросы дают марксистская теория и методология исторического познания.

Диалектико-материалистический подход к историческому факту прежде всего позволяет выделить три существенно отличные категории (типа) этих фактов[29]: 1) *факты исторической действительности*, 2) *факты исторического источника* ("сообщение источника") и 3) *научно-исторические факты* ("факты – знание"). Существенность различий этих категорий очевидна.

Факты исторической действительности объективны и по отношению к творцам исторических источников, и по отношению к историку. В них проявляется все многообразие человеческой деятельности и тех отношений, в которых она осуществлялась. Поскольку это факты о прошлом, об уже совершившейся материальной и духовной деятельности, постольку они являются *инвариантными*, однозначными и неизменными по своей пространственно-временно́й и сущностной завершенности при всей их содержательно-онтологической неисчерпаемости. Свойства исторической реальности безграничны; но в том виде, в каком она совершилась, эта реальность инвариантна.

Факты исторического источника представляют собой *отражение* фактов действительности творцом источника. Оно, как и всякое отражение, субъективно. Но в том виде, как оно совершилось, это отражение также является инвариантным, т.е. неизменным в том смысле, что каждое конкретное воспроизведение творцом источника факта действительности однозначно, хотя содержательно это воспроизведение также безгранично, как безграничны и свойства объективной реальности.

Научно-исторический факт – это отражение историком фактов исторической действительности на основе фактов источника. Следовательно, научно-исторический факт – в целом дважды субъективизированное отражение прошлого. Исключение составляют те случаи, когда источник является непосредственным остатком прошлого, реликтом, дающим возможность непосредственно-чувственно воспринять это прошлое. Такие реликты могут быть как материальными, так и духовными. Они, как указывалось, наряду с опосредованной информацией несут и непосредственную информацию. Существенным отличием научно-исторического факта от факта

---

[29] См.: *Барг М.А.* Указ. соч. С. 150 и сл.

действительности и факта источника являются его содержательная незавершенность и изменчивость, способность к обогащению в процессе исторического познания.

Различение указанных категорий исторических фактов – непременное условие корректного оперирования ими в историческом исследовании и успешного, объективного познания исторической реальности. Между тем понятие "исторический факт" нередко фигурирует в работах советских исследователей (историков и философов) в недифференцированном выражении, что, естественно, порождает неясности и недоразумения. Очевидно, что применительно к каждой из указанных категорий исторических фактов историку приходится решать целый ряд конкретно-научных и методологических проблем, порождаемых особенностями этих фактов. Рассмотрим кратко основные из них.

Применительно к *фактам исторической действительности* существен вопрос о "простых" и "сложных" фактах. Позитивистское понимание факта основано на том, что в исторической действительности реальны лишь простейшие и единичные факты. Субъективный идеализм также допускает факт лишь как нечто сугубо индивидуальное. В действительности же в исторической реальности существует огромное многообразие фактов – от простейших до сложнейших, в которых проявляются функционирование и развитие исторических ситуаций, систем и процессов. «Сама объективная историческая действительность отливается в факты – "узлы" различной сложности, протяженности, эшелонированности в глубину, "объема" выкристаллизовавшихся в них пластов социальности»[30]. Реальность сложных фактов исторической действительности обусловлена наличием в этой действительности единичного, особенного и общего, органической переплетенностью индивидуальных и неповторимых событий и общественных систем, отдельных количественных изменений и качественно отличных стадиальных этапов в развитии общественных процессов.

Наличие сложных исторических фактов ставит перед историками задачу их обоснованного выделения в исследовательской практике. Критерий здесь один – учет той качественной определенности, которая присуща всем фактам исторической действительности. Это требует установления тех пространственных и временны́х границ, в которых заключена качественная определенность того или иного сложного исторического факта. В тех случаях, когда эти факты выражают дискретные (прерывные) явления общественной жизни, такие границы определить сравнительно несложно. Так, например, во временно́м интервале от 9 января 1905 г. и до 3 июня 1907 г. заключена огромная совокупность социально-политических событий, которые в своей целостности образовывали качественную определен-

[30] *Барг М.А.* Указ. соч. С. 155.

ность, присущую такому сложному историческому факту, каким была российская буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг.

Труднее выделять сложные исторические факты, которые выражают ход непрерывных, динамических исторических процессов. Так, эпоха промышленного переворота несомненно представляет собой сложный исторический факт, суть которого состоит в том, что внедрение машин знаменовало утверждение капиталистического способа производства и завершение длительного процесса генезиса капитализма. Но установить даже примерные временны́е границы этого сложного исторического факта весьма не просто. Применительно к России начальный рубеж этого процесса датируется разными исследователями от 90-х годов XVIII в., когда появились первые машины, до конца 50-х годов XIX в., когда их применение обрело уже сравнительно широкий размах. Разные мнения высказываются и по вопросу о времени завершения промышленного переворота (одни его относят к кануну отмены крепостного права, а другие – к концу XIX в.). Причины подобных расхождений чаще всего обуславливаются не ограниченностью конкретно-исторических данных, а разным пониманием либо сущностно-содержательной сути сложного исторического факта в целом, либо тех конкретных признаков, в которых она выражается. Здесь мы подошли к вопросу о многообразии исторических фактов.

Исторические факты чрезвычайно многообразны по пространственно-временно́й протяженности (факты простые и сложные), по предметной содержательности (факты экономической, социальной, политической, культурно-идеологической жизни и т.д.) и по системе присущих им взаимосвязей. Любой исторический факт всегда находится в системе других фактов и взаимодействует с ними. Поэтому при инвариантности каждого отдельного выражения исторического факта система этих выражений является поливариантной, т.е. многозначной. Это служит объективной основой для разного "видения" исторических фактов познающим субъектом-историком. Но от историка зависит лишь выбор угла зрения на факт, но не его реальное содержание, которое объективно.

Многообразие и сложность даже простых исторических фактов состоит в том, что они выражают историческую реальность и со стороны ее объективного содержания, т.е. ее коренной сущности, и со стороны ее субъективных восприятий современниками, т.е. со стороны ее кажимости (видимости). Но "при суждении о событиях и цепи событий текущей истории, указывал Ф. Энгельс, никогда не удается дойти до *конечных* экономических причин"[31]. Поэтому многие стороны реальности изображаются современниками иллюзорно, в результате чего дело доходит до того, как отмечал К. Маркс,

[31] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 529.

что сопоставляются явления, которые "относятся друг к другу примерно так же, как нотариальные пошлины, свекла и музыка"[32].

Таким образом, истинный смысл исторических фактов и их понимание и оценка современниками очень часто не совпадают. Но какими бы ни были иллюзии современников о своей эпохе, они являются реальными историческими фактами, с которыми приходится иметь дело историку. В.И. Ленин подчеркивал, что "объективна и кажимость, ибо в ней есть *одна из сторон о б ъ е к т и в н о г о мира*"[33]. Поэтому возникает важная задача выявления и преодоления заблуждений современников. Диалектико-материалистический путь решения этой сложной задачи – сведение индивидуального к социальному, единичного – к массовому, а идеального – к материальному.

Наконец, еще об одной стороне фактов исторической действительности – об их сходстве с фактами естественного мира и о различиях между ними. Как указывалось, позитивизм обе эти категории объективных фактов отождествлял, а субъективный идеализм их противопоставляет. При этом основой для отождествления служило сведение общественного к естественному, а для противопоставления – утверждение, что факты общественной жизни в силу своей индивидуальности и духовной природы якобы неповторимы. Оба подхода неверны. Факты общественные и факты естественные нельзя ни отождествлять, ни противопоставлять. Они имеют и различия, и сходство. Факты общественные есть выражение хотя и объективной по своим законам и результатам, но сознательной и целенаправленной человеческой (следовательно, субъективной) деятельности, с присущими ей интересами, идеалами и страстями. Субъекты общественного мира своей деятельностью не только творят факты, но и выносят им оценку. Мир естественный в этом отношении бесстрастен. Но оба мира сходны, ибо их развитие представляет собой естественноисторический, внутренне обусловленный и закономерный процесс, в котором имеет место повторяемость. Она – такая же органическая черта мира общественного, как и естественного. Исторические факты неповторимы лишь на единично событийном уровне, но на уровне функционирования и развития общественных систем им имманентно присуща повторяемость. Выявление такой повторяемости и было выдающейся заслугой К. Маркса и Ф. Энгельса. В.И. Ленин подчеркивал, что марксизм применил к социальной науке "объективный, общенаучный критерий повторяемости", который и позволил раскрыть естественноисторический характер общественного развития[34]. Тем самым историческое познание в своей коренной сути – раскрытии закономерностей объективного хода

---

[32] Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 380.
[33] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 89–90.
[34] Там же. Т. 1. С. 429.

общественно-исторического процесса – сходно с научно-естественным познанием.

Таковы основные черты фактов исторической действительности и те методологические проблемы, которые возникают в связи с их рассмотрением.

Большой круг важных методологических проблем связан и с *фактами исторических источников* ("сообщениями источников"). Это прежде всего вопросы об адекватности отражения творцами источников объективной исторической реальности и о возможностях и путях проверки этой объективности, об информационных потенциях источников и о наличии в них непосредственно выраженной и скрытой информации, о повышении информативной отдачи источников как средства преодоления селективности отражения в источниках исторической реальности и т.д. В общем плане эти вопросы были рассмотрены в предыдущем разделе, а конкретное их решение применительно к отдельным комплексам и видам источников является предметом специальных источниковедческих изысканий, которые в данном случае не представляется возможным характеризовать. Следует лишь подчеркнуть, что на стадии оперирования с фактами исторических источников важное значение имеет *герменевтика*, т.е. правильное истолкование, объяснение истинного смысла этих фактов, ибо отражение в источнике фактов исторической действительности не только субъективно, но может быть и иллюзорным. В общем преодоление субъективности и иллюзорности сообщений источников, выявление степени адекватности отражения ими фактов исторической действительности и раскрытие информативных возможностей источников открывают путь к использованию содержащихся в них фактов как основы для научного познания исторической реальности, ибо, как указывал Ф. Энгельс, "в любой научной области – как в области природы, так и в области истории – надо исходить из данных нам *фактов*"[35].

Переходя к рассмотрению проблем, связанных с *научно-историческими фактами*, прежде всего надо подчеркнуть, что это факты, которые формируются самим историком. Они представляют собой отражение его сознанием фактов исторической действительности на основе фактов исторических источников. Поэтому здесь, с одной стороны, возникает проблема ответственности историка за объективность процесса формирования фактов. Эта ответственность, как субъективное явление, касается прежде всего историков-марксистов, ибо их партийно-классовые позиции таковы, что они не просто допускают, но и требуют соблюдения объективности в любом, в том числе и историческом, исследовании. Следовательно, в марксистской историографии отступления от объективности в отличие от немарксистской, где они обуславливаются прежде всего

---

[35] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 370.

партийно-классовой ограниченностью исторического познания, могут порождаться лишь субъективно-индивидуальными факторами. Совокупность этих факторов многообразна (см. гл. 6), но они сводятся в конечном счете к профессиональному мастерству историка. Оно, разумеется, включает и степень овладения марксистской теорией и методологией исторического познания в плане не только усвоения этой теории и методологии, но и умения их практического применения.

С другой стороны, субъективность процесса формирования научно-исторических фактов требует разработки конкретных принципов и методов, обеспечивающих адекватность отражения научно-историческими фактами фактов исторической действительности. Ряд из этих принципов уже был отмечен при характеристике фактов исторической действительности и методологических проблем исторического источника. Обратим внимание еще на некоторые из них, непосредственно связанные с выявлением и отбором фактов, необходимых для решения поставленной исследовательской задачи.

Любое историческое исследование направлено на раскрытие основной сути, общих закономерностей и конкретно-исторических особенностей функционирования и развития изучаемой реальности. Поэтому необходимые для этого научно-исторические факты не могут быть простым воспроизведением фактов, содержащихся в исторических источниках. «Научно-историческим фактом надо считать не свидетельство, почерпнутое из источника и "переписанное", перенесенное в исторический труд, а только факт, поставленный в надлежащую связь. Иными словами, научно-исторический факт – это концептуализированный факт, т.е. факт, высвеченный изнутри исторической теорией»[36]. Теоретический, т.е. сущностно-содержательный, подход к решению поставленной исследовательской задачи позволяет определить те стороны, свойства и связи, а следовательно, и те конкретные признаки исторической реальности, которые должны быть подвергнуты конкретному изучению. Тем самым теоретический анализ дает возможность установить содержательный круг необходимых научно-исторических фактов. На этой основе происходит выявление источников, заключающих необходимые факты, и устанавливаются их достоверность и точность. Лишь после этого можно приступить к формированию самой совокупности научно-исторических фактов. Эта совокупность должна быть представительной, т.е. должна создавать возможность для решения поставленной задачи.

Основным методологическим принципом, соблюдение которого обеспечивает представительность необходимых научно-исторических фактов, является *системность* этих фактов. Для проникновения в суть изучаемой исторической (как и всякой другой) реаль-

---

[36] *Барг М.А.* Указ. соч. С. 162.

ности нужна не просто совокупность фактов, а именно *система фактов*. Система научно-исторических фактов отличается от простой их совокупности (какой бы обширной она ни была) тем, что в системе факты взаимосвязаны и образуют некую содержательную целостность, отражающую основные черты и взаимосвязи объекта познания. Именно поэтому основоположники марксизма настоятельно подчеркивали необходимость оперирования с системой фактов. К. Маркс, критикуя работу Гизо об английской революции, писал: "И так как г-н Гизо повсюду опускает важнейшие моменты, то он ничего не может дать, кроме крайне неудовлетворительного и банального повествования о чисто политической стороне событий"[37].

Всестороннее обоснование методологических принципов формирования представительной системы научно-исторических фактов было дано В.И. Лениным в работе "Статистика и социология". В.И. Ленин подчеркивал: «Факты, если взять их в *целом*, в их *связи*, не только "упрямая", но и безусловно доказательная вещь». Поэтому "надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться". «Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится "субъективная" стряпня для оправдания, может быть, грязного дела». Ленин решительно возражал против игры в примеры и подчеркивал, что "подобрать примеры вообще – не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого". "Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже"[38].

Представительная система научно-исторических фактов позволяет не просто характеризовать отдельные стороны и черты исторической реальности, а познать ее "саму в себе"[39], т.е. как сущность в конкретном ее выражении. При этом в выявлении и изложении фактов должна соблюдаться последовательная объективность. В докладе о партийной программе на VIII съезде РКП(б) В.И. Ленин подчеркивал, что "в программе надо писать с абсолютной точностью то, что есть"[40]. "Не признавать того, что есть – нельзя: оно само заставит себя признать"[41].

---

[37] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 222.
[38] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350, 351.
[39] Там же Т. 29. С. 202.
[40] Там же. Т. 38. С. 159.
[41] Там же. С. 161.

При практической реализации указанных принципов формирования системы научно-исторических фактов историк сталкивается с рядом трудностей. Основная из них состоит в том, что источники могут не содержать фактов, необходимых для решения поставленной задачи. О возникающих в этой связи проблемах и возможных путях их решения речь будет идти особо. Отметим лишь один принципиальный методологический момент, связанный с преодолением селективного характера фактов, содержащихся в исторических источниках. В тех случаях, когда пробелы в источниках не могут быть восполнены ни путем привлечения новых источников, ни в результате извлечения скрытой информации из имеющегося их комплекса, историк должен быть весьма осторожным в восполнении этих пробелов всякого рода позднейшими, расчетными, косвенными и вообще *привносимыми историком* фактами. Подобные факты нарушают отражательный характер процесса исторического познания (от факта действительности – к факту источника, а от него – к научно-историческому факту). Мы уже не говорим о том, что при таких восполнениях пробелов очень легко впасть в субъективизм.

Как же можно преодолевать указанное затруднение, оставаясь на вполне объективных позициях? Диалектико-материалистическая теория и методология общественно-исторического познания дала убедительный ответ на этот вопрос. "...При анализе экономических форм, – подчеркивал К. Маркс, – нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции"[42]. Это в полной мере относится и ко всем другим явлениям общественной жизни. Понятно, что всякая абстракция сопряжена с той или иной утратой конкретности, но вместе с тем, отвлекаясь от конкретного, она проникает в сущность. Разумеется, возможности абстракции не беспредельны. Она может быть эффективной только тогда, когда основывается на конкретных фактах. В противном случае научное абстрагирование может превратиться в бездоказательный априоризм.

Таким образом, именно абстрактный, содержательно-теоретический анализ имеющихся фактов позволяет объективно восполнить пробелы в источниках и избежать необоснованного конструирования недостающих фактов. Очевидно, что историческое знание будет при этом иметь более общий характер. Хорошо известно, что по мере углубления в древность историческое знание во все большей мере теряет конкретно-исторический и обретает теоретико-социологический характер. Однако в научно-познавательном отношении бесспорны преимущества более общего, но объективного знания по сравнению со знанием, хотя и конкретным, но сомнительным.

Другие проблемы возникают в тех случаях, когда в распоряжении историков много источников, содержащих обширные массовые

---

[42] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 6.

данные, сплошная обработка которых затруднительна. Тогда возникает необходимость формирования выборочных систем научно-исторических фактов. Такой путь вполне правомерен, и его эффективность доказана во многих исторических исследованиях. Одно время в советской источниковедческой литературе дебатировался вопрос о правомерности применения выборочного метода при извлечении, обработке и анализе массовых данных исторических источников. Возражения против выборочного метода основывались на указанном требовании В.И. Ленина о необходимости использования при изучении того или иного явления всех фактов "без единого исключения". Поэтому применение выборочного метода допускалось лишь как вынужденная мера, обусловленная невозможностью использования всех фактов из-за большого их объема. Указанные сомнения в принципиальной допустимости применения выборочного метода в исторических исследованиях необоснованны. Во-первых, правомерность, высокая эффективность и объективность применения выборочного метода при изучении любых массовых явлений доказаны теоретически и проверены практически. Во-вторых, ленинское требование об использовании всех фактов "без единого исключения" не отвергает возможности применения выборочного метода. Выдвигая это требование, В.И. Ленин имел в виду, как очевидно из приведенных высказываний, неправомерность исключения из системы научно-исторических фактов любых фактов, которые необходимы для того, чтобы эта система характеризовала изучаемую реальность целостно, с учетом присущих ей существенных черт и связей. Выборочный метод не исключает возможности формирования доказательной системы научно-исторических фактов. Необходимо лишь, чтобы эта выборка была репрезентативной. Поэтому применение выборочного метода в исторических исследованиях допустимо не "из нужды", а принципиально.

Мы затронули лишь наиболее общие методологические вопросы, связанные с историческим источником и историческим фактом. Более конкретно эти вопросы будут характеризоваться при рассмотрении в дальнейшем методов исторического исследования, его этапов и уровней.

Глава 4

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Всякое научное познание основывается на применении совокупности познавательно-исследовательских методов. В конкретном виде научное познание представляет собой изучение определенных явлений и процессов объективной реальности и направлено на решение тех или иных исследовательских задач, т.е. научных проблем.

Поэтому основой любого исследования являются конкретно-научные, или, говоря точнее, конкретно-проблемные методы. Специфика каждого из этих методов определяется особенностями объекта познания и сутью исследовательской задачи. Многообразие изучаемых объектов реальности и присущих им свойств и связей, закономерностей их функционирования и развития, а также множественность возможных исследовательских углов зрения на них, а следовательно, и решаемых научных проблем, обуславливают наличие в каждой науке огромного числа конкретно-проблемных методов. Понятно, что их систематизация и характеристика могут быть даны лишь в специальном анализе применительно к тем или иным областям той или иной науки и поэтому не входят в задачу настоящей работы.

Но конкретно-проблемные методы, как было показано (глава 1), основываются на методах специально научных (т.е. методах, применяемых в той или иной науке), а также общенаучных и философских. Например, изучение освободительного движения в России XIX – начала XX в. на предмет выявления его социально-классовой природы и объективно-исторической направленности требует применения определенного конкретного (конкретно-проблемного) метода или их совокупности. В свою очередь, эти методы будут основываться на том или ином специально-научном методе. Допустим, что таким методом является историко-сравнительный метод. Основой же этого метода будут тот или иной общенаучный метод или их совокупность. В рассматриваемом примере историко-сравнительный метод может основываться, скажем, на аналитически-индуктивном восхождении от конкретного к абстрактному, т.е. будут использованы такие общенаучные методы, как анализ, индукция и восхождение от конкретного к абстрактному. Наконец, в качестве философской теоретико-методологической основы вся указанная совокупность методов будет исходить из принципов материалистической диалектики, базироваться на диалектико-материалистическом философском методе. В конечном счете любой конкретно-проблемный метод складывается из совокупности специально-научных, общенаучных и философских методов, использованных с учетом конкретного объекта познания и исследовательской задачи.

Если низший уровень научных методов – методы конкретно-проблемные – характеризуется их конкретностью, то методам высшего уровня – методам философским – присуща наибольшая обобщенность. Последние раскрывают не конкретные пути и способы исследования тех или иных явлений и процессов объективной реальности, а лишь общие подходы и принципы ее познания, обеспечивающие получение истинного знания. Философской методологией и методом научного познания, обеспечивающими возможность получения истинного и всестороннего знания об объективной реальности, является, как известно, материалистическая диалектика, противостоящая в этом плане метафизике. Законы материалистической диалектики

требуют рассмотрения всех проявлений природы, общественной жизни и человеческого мышления во всем их многообразии, разносторонности и взаимосвязи, в непрерывном изменении и развитии и переходе количественных изменений в качественные, в единстве и борьбе противоположностей как источнике развития, а также с учетом органически присущего им единства формы и содержания, явления и сущности, количества и качества. Эти законы свойственны самой объективной реальности (объективная диалектика) и поэтому являются законами и принципами научного познания (субъективная диалектика) и составляют основу всех других уровней методологии и методов научного познания. Здесь материалистическая диалектика выступает как общая теория, методология и логика научного познания.

Вместе с тем очевидно, что для реализации в исследовательской практике законы и принципы материалистической диалектики требуют более определенных конкретных подходов и методов. Такая конкретизация выражается в общенаучных подходах, принципах и методах, которые позволяют решать отдельные задачи в познавательном процессе. Понятно, что в историческом развитии научного познания разработка подобных подходов и методов шла отнюдь не всегда как вполне осознанная реализация требований диалектики, а в очень большой мере стихийно. Это оказывается возможным потому, что мышление развивается вместе с объективной естественной и общественной реальностью. Поскольку же последняя диалектична по своей природе, постольку и мышление при стремлении получить истинные знания должно было при выработке методов научно-познавательной деятельности стихийно отражать диалектику реальности. Сознательная разработка проблем диалектики придала процессу выработки методов познания научный характер. Но лишь марксизм, соединивший в научно-познавательной деятельности диалектику с материализмом, привел к последовательно научному объединению законов материалистической диалектики с общенаучными подходами и методами[1].

---

[1] В советской философской литературе нет единого мнения о соотношении диалектико-материалистических подходов и методов с общенаучными. Наряду с мнением о необходимости их четкого разграничения высказываются и иные соображения. Так, например, авторы работы "Диалектика научного познания. Очерк диалектической логики" (М., 1978) полагают, что наряду с указанными общими законами диалектики, присущими природе, обществу и мышлению, существуют и специфические законы, характерные лишь для познающего мышления (с. 3–5). К ним относятся законы о соотношении абсолютной и относительной истины, о процессах восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, об "оборачивании" метода, об отождествлении нетождественного, о соотношении исторического и логического (с. 18–19) и некоторые другие. Несомненно, что все эти принципы и методы присущи лишь мышлению и по своей природе диалектичны. Поэтому, может быть, и правомерно ставить вопрос об общих и специфических законах диалектики. Но, выделяя специфические законы, надо показать, что́ это дает для практики научных исследований.

Впрочем утверждение марксизмом указанного единства в познавательной деятельности не исключает стихийно-эмпирического овладения исследовательскими методами и современными исследователями, если они не уделяют должного и целенаправленного внимания технологии познавательной деятельности в своей области науки. Это нередко имеет место и в исторических исследованиях. Понятно, что такая стихийность чревата ошибками, снижением эффективности научных исследований и уж, безусловно, замедляет овладение диалектическим методом научного познания.

Круг общенаучных подходов и методов обширен. Каждый из этих методов характеризует один из аспектов исследовательской деятельности, рассчитан на решение той или иной исследовательской процедуры, а вся их совокупность охватывает исследовательский процесс, начиная с постановки задачи и завершая формулированием полученного нового знания в его высшей форме, какой являются научные теории. К числу наиболее распространенных общенаучных методов относятся: наблюдение и эксперимент, реконструкция и имитация, описание и измерение, абстрагирование и абсолютизация, формализация и идеализация, анализ и синтез, индукция и дедукция, восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, классификация и типологизация, а также методы исторический и логический, статический и динамический, аналогии, моделирования, алгоритмизации, методы структурного и функционального анализа и др. Диалектический характер общенаучных методов обнаруживается и в парности большинства из них, которая отражает единство и противоположность диалектического подхода к изучению объективной реальности. Та или иная совокупность общенаучных подходов и методов используется в любом специально-научном и конкретно-проблемном методе.

Важная роль общенаучных методов в научном исследовании обуславливает необходимость специального анализа основных из них. Этому и посвящен первый раздел настоящей главы. Далее будут рассмотрены общие методы исторического исследования, т.е. методы, присущие исторической науке в целом.

1. ОБЩЕНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ И ИХ МЕСТО В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Общенаучные методы, применимые во всех науках, рассчитаны на решение тех или иных задач, возникающих в познавательно-исследовательской деятельности. Все они касаются существенных моментов этой деятельности, но “масштабность” их неодинакова. Одни из них выступают в качестве конкретных познавательных средств на эмпирическом и теоретическом уровнях познания (наблюдение и эксперимент, описание и измерение, анализ и синтез, индукция и дедукция и т.д.), а другие связаны с решением более широких познавательно-

ных задач (например, соотношение исторического и логического, конкретного и абстрактного, моделирование и др.)[2].

Краткая характеристика основных из числа наиболее широких общенаучных подходов и методов и дается в настоящем разделе.

Исторический и логический методы[3]. Хорошо известно, что эти методы выступают в познавательной деятельности в своем диалектическом единстве и противоположности. Объективной онтологической основой исторического и логического методов в научном познании является то, что функционирование и развитие объектов реальности протекает в пространстве и времени, осуществляется "в форме расположения одного подле другого" и "в форме последовательности одного после другого"[4]. Иначе говоря, всякая реальность на любом этапе существования обнаруживает себя как определенная данность, с одной стороны, и имеет собственную историю возникновения, развития и исчезновения – с другой. Поэтому объективная реальность должна изучаться и синхронно и диахронно, т.е. в пространственном и временно́м выражении. В этом плане «логический метод раскрывает движение объекта преимущественно в пространстве, "по горизонтали"... Исторический метод показывает движение объекта в интервалах времени "по вертикали"»[5]. В аспекте содержательном исторический метод раскрывает конкретный мир явлений, а логический – их внутреннюю суть[6].

Однако современное состояние науки не позволяет все проявления объективной реальности познавать в единстве исторического и логического методов. Так, многие явления естественного мира (физические, химические и другие) либо в силу громадной временно́й протяженности или, наоборот, мгновенности присущих им изменений, либо ввиду того, что эти изменения имеют характер круговорота, не могут быть изучены в развитии, т.е. исторически. Поэтому такие явления изучаются лишь логическим методом.

---

[2] Наиболее развернутая характеристика общенаучных подходов и методов дана в работах: *Добриянов В.С.* Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М., 1968; *Андреев И.Д.* Методологические основы познания социальных явлений. М., 1977; Диалектика научного познания: Очерк диалектической логики. М., 1978; *Пальчевский Б.А.* Научное исследование: Объект, направление, метод. Львов, 1979; Материалистическая диалектика. Т. 2. Субъективная диалектика. М., 1982; Т. 4. Диалектика общественных отношений. М., 1985; Принципы материалистической диалектики как теории познания. М., 1984; *Готт В.С., Семенюк Э.П., Урсул А.Д.* Категории современной науки. М., 1984; Логические методы и формы научного познания. Киев, 1984; Проблемы методологии социального познания. Л., 1985, и др.

[3] См.: *Лысманкин Е.Н.* Историческое и логическое в учении об общественно-экономических формациях // Проблемы социального познания. М., 1982; *Мареев С.Н.* Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса. М., 1984; Логические методы и формы научного познания. Киев, 1984, и др.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 351.

[5] Диалектика научного познания: Очерк диалектической логики. С. 208.

[6] *Лысманкин Е.Н.* Указ. соч. С. 39.

В отличие от многих естественных сфер развитие общественной жизни вполне может улавливаться в процессе ее познания. Поэтому здесь используются и логический и исторический методы. При этом могут решаться два типа исследовательских проблем. Во-первых, – это синхронное изучение различных объектов, прежде всего представляющих определенные общественные системы. В данном случае исследовательские задачи могут сводиться либо к анализу структуры и функций этих систем безотносительно к историческому развитию, либо к объяснению их через историю систем. Во-вторых, – это исследование изменений объектов во времени, т.е. изучение их развития. Здесь задача может состоять либо в анализе истории объекта безотносительно к его структуре и функциям, либо в объяснении истории объекта через его структуру и функции. Тем самым логический и исторический методы могут выступать как в "чистом виде", так и в единстве, при котором ведущую роль будет играть один из них.

Однако указанные возможные комбинации логического и исторического методов и тесная связь этих методов не снимают вопроса о том, какой из них с точки зрения диалектико-материалистического познания наиболее эффективен, а поэтому требует и наибольшего внимания к его разработке – как общей, так и конкретной применительно к отдельным наукам, в том числе и исторической. Справедливо указывается, что ответ на поставленный вопрос надо искать, исходя из того, "что же определяет существование объекта таким, каков он есть, – его история или же теперешнее его бытие"[7]. Такая постановка вопроса правомерна потому, что главной задачей научного познания является раскрытие сущности объекта познания в его пространственно-временно́й данности, т.е. в настоящем его бытии.

В целом в науке и в силу того, что история многих явлений реальности пока не может быть познана, и из-за того, что знание настоящего состояния объектов реальности является ключом к более глубокому пониманию их истории[8], в качестве основной формы познания предстает не исторический, а логический метод. Естественно, что везде, где необходимо и возможно, логический метод сочетается с историческим.

В указанном плане особо стоит вопрос об исторической науке, поскольку она изучает развитие общества на протяжении всей его истории. Тем самым определяется необходимость исторического подхода и метода в познании прошлого, а принцип историзма выступает в качестве важнейшего в этом познании, как и в науке вообще[9].

---

[7] Диалектика научного познания... С. 224.

[8] "Анатомия человека, – указывал К. Маркс, – ключ к анатомии обезьяны" (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 42).

[9] См.: *Подкорытов Г.А.* Историзм как метод научного познания. Л., 1967; *Французова Н.П.* Исторический метод в научном познании. М., 1972, и др.

Этот принцип требует "не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь"[10].

Безусловная необходимость применения исторического метода в изучении прошлого как бы сама собой определяет выраженное или молчаливое признание подавляющим большинством историков и специалистов по методологии исторического познания ведущей роли этого метода по сравнению с методом логическим. Разумеется, при этом учитывается и важная роль последнего не только в плане получения теоретического исторического знания, но и как метода историко-синхронного анализа. Это отражено новейшей советской историографией в росте интереса к системному подходу и структурно-функциональному анализу явлений прошлого. Однако господствующее представление о том, что в соотношении исторического и логического методов определяющая роль принадлежит первому, необоснованно. В конкретной практике исторических исследований историка также интересует прежде всего сущностное состояние и функционирование объектов познания в определенные временны́е моменты и на определенном социальном пространстве, т.е. он, как правило, изучает некое "прошедшее настоящее". Процесс же развития раскрывается чаще всего через анализ состояния объекта в различных временных срезах. Поэтому и здесь, как и при изучении других сфер реальности, "фактическое знание истории предмета... недостаточно для раскрытия сущностных закономерностей данного предмета, находящегося на определенном" этапе развития[11]. Напомним еще раз положение диалектико-материалистического познания: "с чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей"[12], т.е. логический анализ реальности. Следовательно, логико-теоретический метод, будучи, как указывал Ф. Энгельс, "не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей"[13], позволяет глубже понять не только сущность изучаемой реальности в определенный момент, но и принципиальные черты ее истории. Применительно к практике исторических исследований это означает, что наиболее глубокое познание истории тех или иных объектов может быть достигнуто лишь на основе предварительного анализа их структуры и функций "в прошедшем настоящем", т.е. в определенные синхронные срезы. Поэтому изучение исторического развития, особенно когда оно касается сложных явлений и процессов, лишь на

---

[10] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.
[11] Диалектика научного познания... С. 215.
[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 497.
[13] Там же.

основе исторического подхода и метода может оказаться неэффективным и даже привести к ошибочным результатам.

Один пример. Речь идет об уже упоминавшемся изучении аграрной истории России в эпоху капитализма. Архаизация в оценке уровня аграрно-капиталистического развития в начале XX в. не только была обусловлена неумелым учетом ретроспективного характера исторической науки, но и имела более глубокую методологическую основу. К утверждению о господстве в аграрном строе полукрепостнических отношений прежде всего привел чисто исторический метод анализа аграрного развития в пореформенной России. Конкретно он состоял в том, что показывалось ухудшение состояния крестьянского хозяйства в результате сокращения наделов и аграрного перенаселения, роста платежей и задолженности по различным повинностям, сохранения полукрепостнической по форме отработочной системы, сословной неполноправности крестьян и других явлений, обусловленных наличием полукрепостнических пережитков, и прежде всего помещичьего землевладения Все это действительно имело место. И подход к определению характера аграрного строя в начале XX в. с этих позиций вроде бы убедительно приводил к выводу о господстве в этом строе полукрепостнических отношений. Но все дело в том, что социально-экономический характер аграрного строя в начале XX в. определялся не его предшествующей историей и принесенными ею указанными его чертами, а прежде всего общей системой социально-экономических отношений, господствовавших в это время в экономике страны. А это была система товарно-денежных, буржуазно-капиталистических отношений, достигших благодаря интенсивному процессу промышленного производства весьма высокого общего уровня развития. В итоге и в аграрном строе, несмотря на сохранение полукрепостнических пережитков, господствовали буржуазно-капиталистические, а не полукрепостнические отношения. Но установить господство новых отношений оказалось возможным, используя не исторический, а логический – системно-структурный – анализ. Он показал господство этих отношений и в крестьянском и в помещичьем хозяйствах. Разумеется, это никоим образом не означает ненужности в данном случае исторического анализа. Он также необходим, ибо только путем такого анализа и можно показать, почему буржуазно-капиталистический аграрный строй был опутан сетью полукрепостнических пережитков.

Необходимость логического подхода и метода изучения общественных явлений как важнейшего, можно даже сказать непременного условия адекватного и эффективного раскрытия их истории подтверждается и другими фактами. Так, анализ динамики исторических процессов на основе применения математических методов и ЭВМ и построения их моделей показал, что этот анализ не может быть достаточно эффективным без предварительного изучения

структуры и функций соответствующих систем в пространственно-синхронном аспекте. Подробней об этом будет идти речь во второй части работы.

Важнейшая, можно даже сказать определяющая, роль в научно-исследовательской деятельности принадлежит таким общенаучным методам, как **восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному**. Чем же это обусловлено? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим, что такое конкретное и абстрактное.

Диалектико-материалистическое понимание категорий "конкретного" и "абстрактного"[14] сводится к следующему. "*Конкретное*" прежде всего – познаваемая объективная реальность во всем многообразии присущих ей черт и свойств, взаимосвязей и закономерностей ее функционирования и развития. В этом виде "конкретное" выступает как объект познания, "исходный пункт созерцания"[15], ибо всякое познание начинается с чувственного восприятия и эмпирического отражения объекта. "Конкретное" – это также отражение объекта познания сознанием субъекта в такой форме и на таком уровне, как многообразие его выражений в виде явлений предстает в единстве с его внутренней сущностью. Единство достигается на высшей стадии познания, когда знание об объекте выражается в форме конкретно-теоретического знания. Следовательно, "конкретное" имеет онтологическое, т.е. предметно-конкретное, и гносеологическое, т.е. мыслительно-конкретное, выражение. В первом своем проявлении оно выступает как исходный пункт познания, а во втором – как его конечный результат.

Абстрагирование в самом общем плане представляет собой всякое мысленное отвлечение от каких-то черт и свойств конкретного, как от объективно-конкретного, так и от теоретико-конкретного. "Абстрактное" является непременным атрибутом и формой всякого научного познания. Это обусловлено тем, что в силу безграничного многообразия свойств объективной реальности «человек не может охватить = отразить = отобразить природы (и общественной жизни. – *И.К.*) *всей*, полностью, ее "непосредственной цельности", он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т.д. и т.п.»[16]. Следовательно, "абстрактное" в научном познании – это относительно одностороннее, точнее говоря, неполное в плане конкретности знание о познаваемой реальности. В этом аспекте абстрактны не только научные понятия и законы и идеализированные образы и объекты реальности, но и чувственно-конкретные и эмпирические представления о ней, поскольку они отражают ее лишь со стороны явления,

---

[14] Подробнее см.: Диалектика научного познания... С. 186 и сл.
[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 37.
[16] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 164.

т.е. также односторонне. В этой связи конкретно-теоретическое знание потому и является конкретным, что характеризует объект в единстве явления и сущности, т.е. в сочетании многообразных форм его выражения с единством его внутреннего содержания.

Таким образом, в процессе научного познания фигурируют и "конкретное" и "абстрактное". Объективная конкретность реальности является основой для получения и конкретно-теоретического знания о ней. Абстрактность в познании также не просто порождается невозможностью отражения реальности во всем ее многообразии, но имеет и свою объективную основу, состоящую в том, что в реальности отдельное и общее тесно взаимосвязаны. "Отдельное, – указывал В.И. Ленин, – не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного"[17]. Это принципиально важное обстоятельство не только обуславливает правомерность применения абстрагирования как метода научного познания, но и налагает определенные требования на его применение. Главное из них состоит в том, что всякая *абстракция должна быть объективно-допустимой*, т.е. при всех отвлечениях от того или иного объективно-конкретного она непременно должна отражать те или иные существенные свойства рассматриваемой реальности. В противном случае будет утрачена содержательная определенность реальности. Это требование игнорируется субъективизмом, что ведет к отрыву абстрагирования от объективной реальности и превращает его в произвольную мыслительную процедуру.

В объективной реальности явление и сущность при всей их органической связи не совпадают. Поэтому для выявления сущности необходимы особые теоретико-логические методы. Наиболее общим из них является *восхождение от конкретного к абстрактному*. С другой стороны, конечная цель научного познания состоит в раскрытии органического и конкретного единства явления и сущности, единства, имеющего место в реальности. Для этого тоже требуются специальные методы. Таким методом является *восхождение от абстрактного к конкретному, к теоретически конкретному*. Характеризуя процесс познания с точки зрения его движения к конечному результату, К. Маркс писал: "Конкретное (теоретически. – *И.К.*) потому конкретно, что оно есть синтез многих определений (т.е. абстракций. – *И.К.*), следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно (реально-конкретное. – *И.К.*) представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути (т.е. движении от реально-конкретного к абстрактно-

[17] Там же. С. 318.

му. – *И.К.*) полное представление испаряется до степени абстрактного определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления"[18].

Такова общая суть методов восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному и их соотношение[19]. Теперь посмотрим, что представляет собой в общих чертах внутренний механизм этих методов.

Процесс абстрагирования при *восхождении от реально-конкретного к абстрактному* может осуществляться различными способами. В исследовательски-прикладном отношении все эти способы можно свести к абстрагированию посредством *отвлечения, отождествления и идеализации. Абстрагирование посредством отвлечения* имеет свои варианты. Один из них состоит в том, что рассматриваются те или иные свойства объекта познания как таковые, вне связи с другими его свойствами и объектом как целым. Связанную с этим методом абстракцию называют *изолирующей или аналитической*. Такого рода абстракции широко применяются во всех науках, в том числе и в исторической. Например, историка, занимающегося изучением советского рабочего класса в тот или иной период его истории, может интересовать вопрос об отдельных присущих ему признаках или их связях: скажем, об уровне образования рабочих и размере заработной платы и их взаимосвязи или стаже работы и жилищных условиях и т.д. Полученное в результате отвлечения знание может служить на его теоретическом уровне основой для формирования общих понятий, имеющих важное познавательное значение. Так, в приведенном примере анализ стажа работы позволяет выделить слой *кадровых рабочих и слой новых пополнений,* т.е. сформулировать существенные понятия. Ясно, что далеко не всякий изолированно рассматриваемый признак объекта может быть основой для формулирования общих понятий. Такой признак (или их сочетание) должен отражать существенные черты изучаемой реальности. Поэтому отбор признаков для их обособленного анализа должен быть обоснованным, и в этом случае нельзя просто идти за источником, как порой бывает.

Другим вариантом абстрагирования посредством отвлечения является раскрытие сущности объекта как *целого*, но на основе лишь определенной совокупности характеризующих объект признаков при отвлечении от других известных его черт. Отличие этого варианта от первого состоит в том, что здесь анализируются не сами по себе признаки, а объект как некая сущностно-содержательная,

---

[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 727.

[19] См.: *Ильенков Э.Ф.* Диалектика абстрактного и конкретного в "Капитале" Маркса. М., 1960; *Розов М.А.* Научная абстракция и ее виды. Новосибирск, 1965; Диалектика научного познания... и др.

качественная целостность. В итоге абстрагирования здесь происходит не просто формирование абстрактных понятий, отражающих отдельные свойства объекта, как в первом случае, а выявляются существенные черты, законы и тенденции функционирования и развития объекта как целого.

Указанный вариант восхождения от конкретного к абстрактному является одним из наиболее широко распространенных методов анализа явлений и процессов как определенных целостностей. Основная сложность в реализации этого метода состоит в выявлении той совокупности признаков, на основе которых может быть раскрыта сущность объекта как целого. Трудности отбора вводимых в анализ признаков особенно велики в тех случаях, когда используемые историком источники содержат большое количество показателей. Тогда отбор необходимых из них требует большой и тщательной предварительной работы, связанной с формированием и оценкой всевозможных наборов таких показателей. Этот отбор должен строиться на глубоком содержательном анализе изучаемых явлений и процессов. При этом следует учитывать, что количество отбираемых признаков само по себе не определяет их представительности, и поэтому надо воздерживаться от чисто механического увеличения их числа.

При оперировании с большими объемами массовых данных для выявления необходимых признаков может быть эффективным их предварительный экспериментальный отбор на основе репрезентативной выборки, включающей небольшое число объектов.

При отборе показателей из массовых исторических источников могут с успехом применяться математические методы и ЭВМ.

Другая проблема возникает в тех случаях, когда источники содержат крайне ограниченный набор показателей. Тогда для характеристики объекта как определенной целостности необходима всесторонняя оценка репрезентативности имеющегося комплекса данных.

В целом анализ исторических явлений и процессов как целостностей посредством восхождения от конкретного к абстрактному на основе отвлечения от определенных признаков и идентификации целого по совокупности его отдельных признаков в конечном результате позволяет довести познание сущности изучаемой реальности до построения ее сущностно-содержательных и формально-количественных моделей. Это будут аналитические, индуктивно-эмпирические модели.

Иной характер имеет *абстрагирование посредством отождествления нетождественного*. Суть абстрагирования путем отвлечения сводится к тому, что анализ осуществляется на основе так или иначе ограниченного набора показателей, которые отражают *реально* присущие объекту свойства, т.е. являются конкретными и в

онтологическом и в гносеологическом отношении. Абстрагирование же посредством отождествления нетождественного состоит в том, что в процессе познания объект упрощается и огрубляется в результате приписывания ему таких состояний и характеристик, которыми в действительности он обладает в весьма приближенной мере либо даже вовсе не обладает. Необходимость подобных упрощений и огрублений обусловлена тем, что действительности, особенно ее общественным формам, присущи сложная взаимосвязь, непрерывное движение и изменение, т.е. ее функционирование и развитие объективно глубоко диалектично. В силу этого при несомненной качественной определенности объектов реального мира им свойственна и неопределенность, выражающаяся в неустойчивости количественных пределов этой определенности и "замаскированности" границ перехода одного качества в другое. В.И. Ленин в этой связи подчеркивал, что «все грани в природе и обществе условны и подвижны, что было бы нелепо спорить, например, о том, к какому году или десятилетию относится "окончательное" установление империализма»[20]. Ф. Энгельс, критикуя метафизические представления об объективном мире, указывал, что они не учитывают присущего объективному миру универсального взаимодействия, в котором "причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот"[21]. Поэтому в процессе научного познания объективного мира невозможно "представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, – и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и **всякого** понятия"[22], т.е. всякой реальности, отражаемой познанием.

Указанный диалектико-материалистический подход к пониманию объективной реальности и основанное на нем признание относительности и приближенности знаний об этой реальности принципиально противостоят релятивизму, который абсолютизирует относительность знания и отрицает возможность объективного познания мира.

Необходимость упрощения и огрубления в процессе познания и приводит к тому, что восхождение от конкретного к абстрактному выступает в форме отождествления нетождественного, отождествления, состоящего в том, что неточное отождествляется с точным, неустойчивое и неопределенное – с устойчивым и определенным, непрерывное с дискретным и т.д., т.е. приблизительные реконструкции действительности отождествляются в сознании с объективным

---

[20] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 387.
[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 22.
[22] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 233.

и сложным многообразием этой действительности. В практике научных исследований такое отождествление прежде всего имеет место, во-первых, при раскрытии сути явлений на основе количественных показателей, полученных в результате измерения соответствующих признаков реальности, во-вторых, при анализе развития, в-третьих, при всякого рода классификациях и типологизации объектов реальности.

Измерение наряду с описанием является одним из методов выражения в познании свойств изучаемых объектов. Всякое измерение в силу исторически-познавательной ограниченности способов его проведения всегда относительно, т.е. приблизительно с точки зрения отражения истинных количественных характеристик объектов. И в этом отношении оно всегда представляет и будет представлять отождествление нетождественного с тождественным. Поэтому в исследовательской практике важно не только стремиться к наиболее точным измерениям, но и представлять степень этой точности, а следовательно, и правомерность отождествления нетождественного. Это особенно важно при работе со всякого рода экспертными оценками, которые используются для измерения качественных признаков объектов реальности.

Другой важной проблемой при измерении и оперировании с количественными показателями является агрегирование (усреднение) данных. Его пределы должны быть такими, чтобы средняя при всей неточности всегда отражала реальные свойства (признаки) действительности. Это зависит от специфики объекта познания и решаемой исследовательской задачи. Так, например, вполне правомерен расчет каких-либо данных на душу населения всей страны, т.е. на предельном уровне агрегирования, если имеется в виду выявление общего уровня развития какой-то стороны реальности (скажем, сбора хлебов) в тот или иной временной момент, или в ее динамике, или сравнительно с другими сторонами реальности и т.п. Но ничего не дадут сами по себе средние показатели того же сбора хлебов на душу в отдельных крестьянских селениях, т.е. на значительно более низком уровне агрегирования, если будет изучаться характер буржуазного разложения крестьянства в этих селениях.

В общем широко распространенный анализ исторических явлений и процессов посредством восхождения от конкретного к абстрактному путем отождествления нетождественного в результате измерений и агрегирования количественных показателей требует внимательного учета ряда важных методологических моментов.

С целым рядом абстракций при восхождении от конкретного к абстрактному в форме отождествления нетождественного связано изучение общественно-исторического *развития*. Прежде всего отождествление нетождественного выражается в том, что непрерывное в реальности движение при его изучении изображается как дискретное. Это происходит в равной мере и когда характер (т.е. направлен-

ность) развития и его интенсивность раскрываются на основе сопоставления состояний процесса в отдельные временные моменты с тем или иным интервалом между ними (скажем, равным пяти или десяти и т.д. годам), и когда это развитие характеризуется как динамический процесс той или иной продолжительности, т.е. по данным, охватывающим весь рассматриваемый период.

Приближенность и огрубленность первого подхода выражается в том, что остается неизвестным характер изменений в пределах выделенных интервалов. Помочь преодолению возникающих трудностей может, как указывалось, сочетание исторического анализа с логическим, т.е. изучение развития соответствующих явлений и процессов по разрозненным временны́м моментам должно быть дополнено рассмотрением их структуры и функций на выделенных временны́х рубежах.

С иными проблемами отождествления нетождественного при изучении того или иного процесса историк сталкивается в тех случаях, когда его развитие может анализироваться по данным динамических рядов показателей. Хотя динамические ряды характеризуют объекты на всем протяжении определенного периода, они также представляют собой совокупность дискретных данных, т.е. значений признака, относящихся к одной и той же временно́й единице (день, месяц, год и т.д.). Обоснованное выделение таких единиц, если историк определяет их сам, или оценка их пригодности, если они выделены в источнике, – первая задача, которая возникает при оперировании с динамическими данными. Она должна решаться с учетом исследовательской задачи и сложной внутренней структуры динамических показателей. Другая задача состоит в разработке адекватных сути изучаемого процесса методов обработки и анализа динамических показателей. Сложная структура последних приводит к тому, что обработка и анализ динамических данных даже с применением математических методов дают так или иначе приближенное представление о реальном ходе процесса. Тем более приближенным и даже в большой мере условным оказывается установление границ, отделяющих одно качественное состояние объекта от другого, когда границы определяются на основе количественной оценки *качественных* признаков. Этим обуславливается необходимость разработки обоснованной шкалы измерения и количественной оценки качественных признаков, характеризующих объекты реальности.

Широкое распространение отождествления нетождественного при восхождении от конкретного к абстрактному имеет место при всякого рода *классификациях* и *типологизации*. Они широко применяются в науке, ибо позволяют выделять не только классы и группы сходных в тех или иных отношениях объектов, но и существенно отличные их типы. Происходящее при этом упрощение реальности выражается в двух моментах. Во-первых, – это условность границ, отделяющих соответствующие группы и типы объектов.

Будучи весьма подвижными и относительными в действительности, они выступают "жесткими" и абсолютными в познании. Во-вторых, существенно отличные типы социальных объектов, с одной стороны, выделяются одномерно или в лучшем случае на основе всего нескольких признаков, а с другой – все объекты, отнесенные к определенному типу, рассматриваются как одинаково отличные от объектов другого типа.

Восхождение от конкретного к абстрактному в форме отождествления нетождественного занимает важнейшее место в исторических исследованиях и для своего корректного и эффективного применения, как видим, требует учета и решения целого ряда методологических моментов.

Еще одним путем восхождения от конкретного к абстрактному является *идеализация*. Суть ее состоит в том, что в процессе познания мысленно формируются объекты с определенными идеальными свойствами. Эти свойства присущи объекту, но в действительности не обладают предельностью выражения. Идеализация осуществляется посредством абстрагирования, суть которого – в том, что действие на свойства объекта каких-то условий (факторов) сводится к нулю или становится инвариантным (неизменным). Тем самым проявление этих свойств доводится до предела, становится идеальным и абсолютным. Эта абсолютность свойств идеального объекта и приписывается действительности. Тем самым идеализация сочетается с абстрагированием от одних свойств и условий и с абсолютизацией других.

Поясним суть идеализации на простейшем примере. Допустим, мы изучаем соотношение в промышленном производстве технической вооруженности труда, его производительности и заработной платы рабочих. Соотношение (характер взаимосвязи) между этими признаками – важнейший показатель производственно-экономического уровня и общественной эффективности промышленного производства. Очевидно, что в зависимости от многообразных конкретных условий характер взаимосвязи между указанными признаками и ее теснота могут быть различными. Отвлекаясь от этого многообразия, можно допустить, что взаимосвязь между признаками проявляется в чистом виде и достигла своего возможного предела, т.е. стала линейно-функциональной. Это означает, что всякое изменение технической вооруженности труда, как основополагающего фактора в данной системе, всегда приводит к строго определенным изменениям производительности труда, а изменения последней строго определенно влияют на заработную плату. Тем самым рассматриваемый объект будет представлен в идеальном выражении. В действительности рассматриваемые черты объекта могут и не иметь и, как правило, не будут иметь указанного предельного идеального соотношения, и в этом плане нарисованный объект абстрактен. Но, во-

первых, его черты являются выражением признаков, присущих реальному объекту, и, во-вторых, не лишена оснований и предельность этих черт, ибо она отражает присущую всякой системе на восходящем этапе развития тенденцию к усилению сбалансированности ее структуры. Поэтому идеализация при всей абстрактности связана с реальностью и основана на ней.

В научно-познавательной деятельности восхождение от конкретного к абстрактному посредством идеализации позволяет раскрыть сущность изучаемой реальности в ее предельном, очищенном от конкретности виде. Идеальные объекты и образы действительности – основа не только для выявления присущих ей закономерностей функционирования и развития, но и для построения сущностно-содержательных, а на этой базе и формально-количественных ее моделей. В отличие от моделей индуктивно-аналитических, связанных с абстрагированием посредством простого отвлечения, моделирование на основе идеализации является дедуктивно-интегральным, т.е. отражает реальность на более высоком уровне.

Абстрагирование на уровне, приводящем к построению идеальных объектов, как бы исчерпывает себя. Оно достигает предела, когда должно начаться движение от теоретически-абстрактного к теоретически-конкретному, т.е. восхождение от абстрактного к конкретному.

Таковы различные способы восхождения от конкретного к абстрактному. Следует отметить, что разграничение этих способов в большой мере является условным, ибо тоже представляет собой абстракцию. В практическом исследовании указанные способы абстрагирования тесно переплетены. Любое абстрагирование одновременно представляет и отвлечение от чего-то, и отождествление чего-то, и тем самым определенную идеализацию реальности. В зависимости от исследовательских задач одна из указанных форм может быть доминирующей, что и является основанием для их раздельного рассмотрения.

В целом же восхождение от конкретного к абстрактному выступает важнейшим общенаучным методом познания объективной реальности. “Мышление, – указывал В.И. Ленин, – восходя от конкретного к абстрактному, не отходит – если оно *правильное... от* истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т.д., одним словом, *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *п о л н е е*”[23], чем живое созерцание. Абстрагирование позволяет проникнуть в сущность явлений.

Вместе с тем восхождение от конкретного к абстрактному не доводит процесс научного познания до завершенной стадии – до по-

[23] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 152.

лучения конкретно-теоретического знания об объективной реальности. Такое знание может быть достигнуто в результате восхождения от абстрактного к конкретному.

Восхождение от абстрактного к конкретному[24]. В самом общем плане восхождение от абстрактного к конкретному является таким методом познания, который позволяет перейти от ограниченного знания, полученного посредством восхождения от конкретного к абстрактному, к более полному и глубокому содержательно-конкретному теоретическому знанию. "Метод восхождения от абстрактного к конкретному, – указывал К. Маркс, – есть... способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное"[25]. Поэтому этот метод и рассматривается как основной в научном познании. Заслуга его разработки принадлежит К. Марксу. Подчеркивая эту заслугу и оценивая научную эффективность метода, Ф. Энгельс, как было отмечено выше, считал выработку этого метода "результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению"[26]. Конкретное теоретическое знание, полученное в итоге восхождения от абстрактного к конкретному, выступает в форме научных понятий, законов и теорий, характеризующих сущность исследуемой реальности в единстве с выражающими ее явлениями.

Восхождение от абстрактного к конкретному, естественно, предполагает наличие абстракций, позволяющих переходить к конкретному в процессе познания определенной реальности. Очевидно, что основой для перехода к теоретическому отражению конкретного могут быть далеко не всякие абстракции, а лишь такие, в которых реальность сводится к простейшему ее элементу, аккумулирующему важнейшие свойства этой реальности. Следовательно, в процессе абстрагирования должна быть выявлена исходная "клеточка" реальности, способная стать основой для восхождения от абстрактного к конкретному. Подобная "клеточка" должна, хотя и обобщенно, но реально воспроизводить как наиболее массовидные характерные черты функционирования и развития объекта, так и присущие ему основные противоречия. В этой связи прежде всего очевидно, что из рассмотренных способов восхождения от конкретного к абстрактному лишь абстрагирование в форме идеализации может привести к указанному результату (ибо именно в идеальном абстрактном объекте отражаются и доводятся до предела основные черты реальности в их единстве и противоположности). Исходная "клеточка" может быть получена также в результате аналитического сведéния многообразия реальности к ее исходному и всеобщему компо-

---

[24] Подробнее см.: Диалектика научного познания... Гл. 4.
[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 727.
[26] Там же. Т. 13. С. 497.

ненту. Так, К. Маркс при анализе капиталистического способа производства в качестве исходного его компонента ("клеточки") выделял товар. Характеризуя этот подход, В.И. Ленин писал: «У Маркса в "Капитале" сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой "клеточке" буржуазного общества) *в с е* противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение (т.е. восхождение от абстрактного к конкретному. – *И.К.*) показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ его отдельных частей, от его начала до его конца»[27].

Ясно, что выделение наиболее существенных свойств той или иной массовидной объективной реальности (и в виде исходной "клеточки", и в форме идеального объекта) возможно далеко не всегда и в плане онтологическом и в аспекте гносеологическом. С одной стороны, необходим определенный уровень развития, зрелости соответствующей объективной реальности, когда в ней складываются всеобщие структурообразующие элементы и признаки, а с другой – требуется относительно высокая степень знаний об этой реальности. К. Маркс указывал: «Наиболее всеобщие абстракции (а ими и являются выделяемые исходные "клеточки" и идеальные объекты реальности. – *И.К.*) возникают вообще только в условиях наиболее богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех. Тогда оно перестает быть мыслимым только в особенной форме»[28].

Следовательно, восхождение от абстрактного к конкретному – это метод изучения внутренней сущности и законов функционирования и развития сложных систем на наиболее высоком уровне их теоретического познания, т.е. когда существует возможность доведения его до получения конкретно-теоретического знания. Далеко не все области современных наук, в том числе и исторической науки, достигли того уровня, когда становится возможным восхождение от абстрактного к конкретному. Но достижение такого уровня – важнейшая цель научного познания, ибо только конкретно-теоретическое знание, как известно, создает наиболее фундаментальные основы для практической (прикладной) и научно-познавательной деятельности.

Восхождение от абстрактного к конкретному имеет два варианта.

Первый из них состоит в том, что последовательное разворачивание основных свойств и противоречий реальности, абстрактно выраженных в исходной ее "клеточке", приводит к конкретному

---

[27] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 41.

раскрытию присущих этой реальности противоречий и законов функционирования и развития. Таким путем шел К. Маркс при изучении капиталистического способа производства. Восхождение от абстрактного к конкретному состояло в последовательном выявлении тех отношений и противоречий, которые присущи капиталистическому способу производства и которые в обобщенном, абстрагированном виде заключены в товаре. Отправляясь от категории "товар" и раскрывая свойственные товарному производству отношения и противоречия, К. Маркс сначала приходит к раскрытию сути капитала как самовозрастающей стоимости. Затем, рассматривая отношения труда и капитала (ибо всякая стоимость создается трудом), К. Маркс выявляет антагонистический, эксплуататорский характер экономических отношений при капитализме. Неизбежным общественным проявлением этого антагонизма была борьба между трудом и капиталом, классовая борьба пролетариата против буржуазии. Так, отталкиваясь от простейшей "клеточки", К. Маркс приходит к конкретному раскрытию законов функционирования и развития буржуазного способа производства и вообще капиталистической общественно-экономической формации. В.И. Ленин подчеркивал, что в "Капитале" К. Маркс показал "всю капиталистическую общественную формацию как живую"[29].

Таким образом, в рассматриваемом варианте восхождение от абстрактного к конкретному представляет собой движение познания от исходной "клеточки" – абстракции – к конкретно-теоретическому раскрытию объекта познания во всем его многообразии. Конкретизация абстрактного осуществляется путем выявления тех противоположностей и противоречий, которые присущи исследуемой реальности, и показа их объективной сути и путей практического разрешения. В познании это осуществляется раздельным анализом противоположностей, т.е. переходом к рассмотрению более конкретных сторон реальности. Анализ каждой из противоположностей опять-таки приводит к выявлению свойственных им противоречий и раскрытию этих противоречий посредством новой их характеристики как самостоятельных сторон реальности и т.д. В итоге абстрактная сущность получает конкретные выражение и объяснение. Показывая механизм восхождения от абстрактного к конкретному, Ф. Энгельс писал: "При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами (т.е. из товара. – *И.К.*), следовательно, в данном случае из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть отношение, означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их

[29] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 138–139.

взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т.д."[30]

В основе другого варианта восхождения от абстрактного к конкретному лежит не всеобщая и элементарная "клеточка" реальности, а ее абстрактно-теоретический идеальный образ. Восхождение к конкретному здесь состоит в том, что с *идеальным* состоянием объекта сопоставляются его *реальные* состояния и тем самым раскрываются специфика и степень проявления в конкретном всеобщих и оптимально выраженных черт и закономерностей этого объекта. Поэтому данный вариант восхождения иногда называют "*нисхождением*" от абстрактного к конкретному[31]. Думается, что в особом обозначении этого варианта нет необходимости, ибо в обоих случаях познание движется от простого и очевидного к глубокому и скрытому, поднимая уровень знания о реальности на более высокую ступень. Кроме того, и второй вариант восхождения от абстрактного к конкретному позволяет вскрыть не только специфику проявления всеобщего в пространственных и временны́х выражениях сущности объекта, т.е. в определенных мини-системах, но и конкретику его функционирования и развития как целого, как макросистемы.

Процесс восхождения к конкретному и в этом случае основан на анализе соотношения различных сторон (свойств) объекта и присущих этому соотношению противоречий, с одной стороны, и раскрытии (снятии) этих противоречий посредством их отдельного рассмотрения, – с другой. Выше указывалось на возможность идеально-абстрактного выражения объекта познания при изучении производственно-экономической структуры промышленного производства. Сопоставление реальной картины с возможным идеалом позволяет раскрыть конкретную специфику проявления общей тенденции в функционировании системы в тех или иных условиях. Так, например, может оказаться, что в какой-либо отрасли промышленности рост заработной платы не сопряжен с изменениями производительности труда. Это значит, что в функционировании данной отрасли имеет место сбой по сравнению с ее оптимальным, экономически оправданным развитием, при котором рост заработной платы должен соответствовать повышению производительности труда. Подобный анализ может охватывать и все другие соотношения рассматривае-

---

[30] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 497–498.

[31] См., например: Диалектика научного познания... С. 189.

мых признаков (техническая вооруженность труда, его производительность и заработная плата). Тем самым восхождение от абстрактно-идеального к пространственному и временно́му реальному позволит получить конкретно-теоретическое знание об исследуемом объекте.

Как видим, восхождение от абстрактного к конкретному – весьма эффективный метод научного познания. В целом восхождение от абстрактного к конкретному – *диалектико-материалистический, интегрально-аналитический, дедуктивный метод научного познания*. В этом плане он существенно отличается от эмпирического, индуктивно-аналитического восхождения от конкретного к абстрактному. При всей научно-познавательной важности последнего как средства раскрытия сущности изучаемой реальности ему присуща определенная ограниченность.

Во-первых, индуктивный анализ не позволяет установить всеобщности раскрываемых им закономерностей. Проявление соответствующей закономерности всегда ограничивается эмпирически установленными ее пределами, и распространение ее на более широкую сферу требует конкретного подтверждения. Дедуктивный анализ в этом смысле отличается синтетическим характером, и открываемые с его помощью закономерности имеют интегральный, всеобщий характер и не требуют конкретного пространственного или временно́го подтверждения.

Во-вторых, индуктивно-аналитическое абстрагирование как таковое не раскрывает внутренних противоречий функционирования и развития объекта познания. Тем самым остается скрытым источник развития. Абстракции же, лежащие в основе восхождения от абстрактного к конкретному, включают в себя такие противоречия. Они последовательно диалектически рисуют объект и в единстве и в борьбе противоположностей. Следовательно, основой для восхождения от абстрактного к конкретному может быть лишь такая абстракция, которая отражает противоположности и противоречия изучаемого объекта. Анализ свойственных объекту противоречий и путей их разрешения (как в реальности, так и в познании) – главная задача восхождения от абстрактного к конкретному. Поэтому этот метод и позволяет познавать действительность «не “мертво”, не “абстрактно”, *н е б е з д в и ж е н и я*, **не без противоречий**, а в вечном **процессе** движения, возникновения противоречий и разрешения их»[32].

Вместе с тем очевидно, что высокая научно-познавательная эффективность метода восхождения от абстрактного к конкретному сочетается со значительными трудностями в его практическом применении. Главная из них состоит в том, что к этому методу нельзя обратиться, руководствуясь лишь субъективными устремлениями. Предварительно должен быть достигнут такой уровень знаний об

[32] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 177.

изучаемой реальности, который обеспечивает возможность применения принципов познания, характерных для данного метода. К сожалению, многие области исторических знаний еще не доведены до соответствующего уровня. Этим в большой мере объясняется то, что этот метод пока еще не получил широкого распространения в исторических исследованиях. Но есть немало и таких областей исторического знания, где он вполне может быть применен. В следующем разделе работы будут приведены примеры его эффективного использования в исторических исследованиях. Поэтому в связи с необходимостью совершенствования методов исторических исследований важной задачей является овладение историками методом восхождения от абстрактного к конкретному.

Широко применяются в современной науке **системный подход** и **системный анализ**. Последний также является одним из общенаучных методов. Все более важное место занимает он и в исторической науке. Специфика его применения в исторических исследованиях будет рассмотрена в следующем разделе настоящей главы. Здесь же отметим лишь основные черты системного подхода и системного анализа[33].

Объективной основой широкого распространения системного подхода и системного анализа является то, что естественная и общественная реальность не состоит из отдельных и изолированных предметов, явлений и процессов, а представляет собой совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих объектов, *определенные целостные, системные образования*. Поэтому исходным в системном подходе и анализе является понятие *системы*. Сложность и многообразие систем объективной реальности обуславливают множественность существующих определений ее. В наиболее общем плане суть этих определений сводится к следующему. *Система* представляет собой такую целостную совокупность элементов реальности, взаимодействие которых обуславливает возникновение у

---

[33] Системному подходу и системным исследованиям, структурному и функциональному анализу посвящена громадная как философская, так и специальная научная литература. Из наиболее общих работ советских исследователей см., например: *Тюхтин В.С.* Отражение, системы, кибернетика. М., 1972; *Блауберг И.В., Юдин Б.Г.* Понятие целостности и его роль в науке. М., 1972; *Садовский З.Н.* Основания общей теории систем. М., 1974; *Уемов А.И.* Системный подход и общая теория систем. М., 1978; *Кузьмин В.П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980; *Афанасьев В.Г.* Системность и общество. М., 1980; *Марков Ю.Г.* Функциональный подход в современном научном познании. Новосибирск, 1982; Философско-методологические основания системных исследований. М., 1983; *Аверьянов А.Н.* Системное познание мира: Методологические проблемы. М., 1985; *Калошин П.Н.* Материалистическая диалектика и системный подход. Ташкент, 1985; и др. Общие и конкретные проблемы системных исследований и структурного и функционального анализа рассматриваются также в ежегоднике "Системные исследования", издаваемом Всесоюзным научно-исследовательским институтом системных исследований.

этой совокупности новых интегративных качеств, не присущих образующим ее элементам[34]. Этим целостная система отличается от такого сочетания элементов, которое образует лишь простую их сумму и не создает новых свойств (как, например, куча камней или поток движущихся по улице в разных направлениях и с разными целями людей).

Имея в виду общественные системы как носителей новых интегративных качеств, К. Маркс писал: "Подобно тому как сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно так же и механическая сумма сил отдельных рабочих отлична от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвует одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции"[35]. Целостность систем отражает объективное свойство явлений реальности, состоящее в том, что в процессе их взаимодействия возникают новые качества, присущие совокупности объектов как целому и не свойственные отдельным исходным объектам взаимодействия.

Все системы имеют свое *строение, структуру* и *функции*[36].

Строение системы определяется составляющими ее компонентами, т.е. взаимосвязанными между собой ее частями. Компонентами системы являются подсистемы и элементы. *Подсистема* – это такая часть системы, которая сама образована из компонентов, т.е. подсистема сама представляет собой систему в системе более высокого порядка. *Элемент* – это нерасчленимый далее, элементарный (атомарный) носитель содержательных свойств системы, предел членения системы в границах присущего ей данного качества. Если, скажем, рассматривается социальная структура рабочего класса, то в качестве системы самого высокого порядка будет выступать рабочий класс страны. Подсистемами в этой системе могут быть производственно-профессиональные отряды рабочего класса – промышленные, строительные, сельскохозяйственные и т.д. рабочие. Каждая из этих подсистем сама является системой и состоит из определенных компонентов-подсистем (например, рабочих отдельных отраслей промышленного производства – станкостроение, судостроение, текстильное производство и т.д.). Указанное членение можно продолжить. Нечленимым, атомарным элементом во всех этих системах будет отдельный рабочий. Таким образом, строение сложных

---

[34] См.: *Тюхтин В.С.* Указ. соч. С. 11; *Садовский В.Н.* Указ. соч. С. 83–84; *Афанасьев В.Г.* Указ. соч. С. 24.

[35] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 337. В другой работе К. Маркс писал по этому поводу: "...Само *существование* города как такового отличается от простой множественности независимых домов. Здесь целое не просто сумма своих частей. Это своего рода самостоятельный организм" (Там же. Т. 46. Ч. I. С. 470).

[36] Подробнее см.: *Афанасьев В.Г.* Указ. соч.

общественных систем чаще всего представляет собой определенную иерархию взаимосвязанных систем разного пространственно-временно́го уровня. При этом системы более высокого уровня складываются из более крупных компонентов.

В сложном строении общественных систем, многообразном сочетании их компонентов проявляется тесная переплетенность в объективной реальности общего, особенного и единичного. Система как целостность наиболее высокого уровня – это общее. Ее же компоненты, т.е. подсистемы и элементы, – особенное и единичное.

Компоненты (части) системы находятся в единстве. Нет целого без части и части без целого. Во взаимодействии частей и целого ведущая роль принадлежит целому. "Часть, – указывал В.И. Ленин, – должна сообразоваться с целым, а не наоборот"[37]. Целое выражает то всеобщее, существенное, что присуще его частям. Оно определяет законы функционирования и развития частей. Но части целого, подсистемы и элементы системы обладают и собственными относительно самостоятельными свойствами, которые выражают то специфическое, что присуще им как таковым. Самостоятельность компонентов системы проявляется в их пространственно-временно́й локализации, т.е. своеобразии. Следовательно, наряду с единством частей и целого имеют место и противоречия между ними.

Структура – внутренняя организация системы, характеризующаяся способом взаимодействия ее компонентов и присущих им свойств. Структура системы определяет содержательную суть системы как целого. В структуре выражаются интегральные свойства системы. Степень развитости системы, стабильность ее функционирования определяются устойчивостью ее структуры. Поэтому в процессе восходящего развития системы ей присуща тенденция к росту сбалансированности, к внутренней сопряженности ее компонентов. Разного рода нарушения устойчивости и сбалансированности структуры отрицательно сказываются на ее функционировании.

Функция – форма, способ жизнедеятельности общественно́й системы и ее компонентов. "Различные общественные функции, – указывал К. Маркс, – суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности"[38]. В функциях системы реализуется ее объективная предназначенность, выражается поведение системы, определяемое присущими ей законами. Функции имеет не только система в целом, но и составляющие ее компоненты. Функции последних направлены на сохранение системы, ее совершенствование и развитие, на достижение единого системного результата. Функционирование системы – основа ее развития. Функции и системы в целом, и составляющих ее компонентов определяются одними законами.

---

[37] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 362.

[38] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 499.

Структура и функции системы тесно взаимосвязаны. Функции системы реализуются через ее структуру. Только при соответствующей структуре система может успешно выполнять свои функции.

Всякая общественная система функционирует в определенной среде. *Среда системы* – ее окружение. Это – объекты, которые непосредственно или через компоненты системы воздействуют на формирование, функционирование и развитие системы. Для общественных систем средой являются другие системы. Функционирование той или иной общественной системы представляет собой сложное взаимодействие с другими системами. В этом взаимодействии проявляется суть тех функций, которые присущи системе.

Связи и отношения систем (т.е. их взаимодействие) характеризуются сложным сочетанием *координации* и *субординации* их структур и функций, которые порождают различные уровни *иерархии систем*.

Координация – горизонтальная, пространственная упорядоченность, согласованность структур и функций систем. *Субординация* – вертикальная, временна́я соподчиненность структур и функций систем. Тем самым определяется наличие структурной и функциональной иерархии систем. Структурные (пространственные) уровни систем отличаются степенью агрегированности (обобщенности) компонентов систем и согласованностью их структур. Функциональные (временны́е) уровни систем характеризуются причинной последовательностью воздействия функций одних систем на другие. В обоих случаях структуры и функции систем более низкого уровня детерминируются структурами и функциями систем более высокого уровня. При этом функции системы высшего уровня выступают как структурные, системные свойства всей иерархии систем определенного рода[39].

Иллюстрацией указанного взаимодействия иерархии систем может быть следующий простой пример. Допустим, что рассматривается такая иерархическая совокупность систем, как промышленное производство той или иной страны в определенный временно́й момент.

В пространственном (социальном смысле) аспекте здесь можно выделить такие уровни иерархии: промышленное производство в целом – отрасль промышленности – промышленное предприятие – цех – участок – рабочая бригада. По отношению к промышленному производству в целом все остальные уровни выступают как компоненты, подсистемы общей системы. Но каждый из этих компонентов представляет собой и особую систему, включающую в качестве своих компонентов системы следующего, более низкого уровня (наиболее крупными компонентами системы в целом выступают отрасли промышленности, компонентами отрасли будут предприятия

---

[39] См.: *Марков Ю.Г.* Указ. соч. С. 50.

и т.д.). Для нормального функционирования этой иерархии систем взаимодействие всех входящих в нее систем (подсистем) должно быть скоординированным, упорядоченным, т.е. взаимосвязь всех основных их признаков должна быть сопряженной, сбалансированной. Эта сбалансированность структуры на высшем уровне иерархии (в промышленном производстве в целом) будет наиболее четко выражать основные свойства данной иерархии систем, законы ее функционирования, проявляющегося в том, что функции систем (подсистем) более низкого уровня соподчинены, детерминируются функциями систем более высокого уровня. Очевидно, что, скажем, функции бригады определяются функциями участка, в состав которого она входит; функции участка обуславливаются функциями цеха и т.д. Высшим уровнем детерминации будут функции системы в целом. Следовательно, те свойства, которыми отличаются компоненты иерархической системы, складываются не только из черт, выражающих содержательную природу элементов системы как таковой, но и из признаков, которые присущи системе в целом.

Таким образом, взаимодействие компонентов, структур и функций в иерархически взаимосвязанной совокупности систем (или, можно сказать, в иерархической системе) характеризуется одновременно и координацией и субординацией.

Коснемся вопроса об источниках развития общественных систем, ибо все общественные системы непрерывно изменяются и развиваются. Динамизм – их органическое и наиболее существенное свойство. Изменяются и развиваются и структуры систем. Это никоим образом не противоречит сбалансированности и тенденции к росту устойчивости систем до определенного момента, до пика в их развитии. Чтобы понять внутренний механизм развития системы и его динамическую природу, надо вернуться к исходным элементам системы, образующим ее содержательную субстанциональную сущность. Эти элементы являются носителями тех свойств, которые и определяют сущность системы и соответствующей ей структуры. При многообразии свойств, присущих всем объектам реальности, ведущая роль в их совокупности принадлежит тем из них, которые выступают как *системообразующие*, т.е. как определяющие сущностно-содержательную природу системы.

Та или иная система с присущими ей целостностью и структурой возникает как объективная данность тогда, когда образуется определенная совокупность элементов (объектов), обладающих признаками, существенно отличающими эту совокупность от других, придающими ей качественную определенность. Но всякая качественная определенность имеет диапазон своего количественного выражения от минимального до максимального. Понятно, что в момент возникновения системы количественная определенность нового качества будет находиться на нижнем уровне. В структуре системы это проявится в том, что сбалансированность и взаимосвязи признаков

структуры будут еще далеки от их предела. Развитие системы и ее структуры на восходящем этапе выражается в укреплении целостных свойств системы, повышении сбалансированности и устойчивости ее структуры, во все более эффективном выполнении системой ее функций. Источником этого развития выступает разрешение тех противоречий, которые имеют место между системой как целым и ее компонентами как частями целого. Это выражается в том, что одни свойства элементов системы ведут к усилению сбалансированности и устойчивости структуры системы, а другие тормозят эту тенденцию. Разрешение указанного противоречия выражается в "очищении" элементов системы от старого и во все более полном проявлении нового, что, естественно, приводит к укреплению целостности системы, повышению сбалансированности и устойчивости ее структуры и эффективности ее функционирования. Система может достигнуть расцвета. Количественная мера соответствующего качества будет находиться на высшем пределе.

Но по мере развития системы ее элементы, обладая относительной самостоятельностью, и в силу внутренних тенденций и под воздействием внешней среды, могут приобретать новые черты, которые будут приходить в противоречие с их системообразующими свойствами. Это начнет отрицательно сказываться на целостности системы, сбалансированности и устойчивости ее структуры. На смену их росту придет падение. Восходящее развитие системы сменится нисходящим. Развитие новых свойств элементов системы достигает в известный момент размаха и уровня, которые приводят к такому изменению внутренней природы этих элементов, когда возникает новое их качество. Процесс завершается тем, что старая система либо рушится и на смену ей приходит новая, либо старая система трансформируется в новую. Следует иметь в виду, что внутренние противоречия системы могут иметь разный характер. Существуют противоречия антагонистические и неантагонистические, управляемые и неуправляемые, что связано с формационной природой общественных систем.

В общем любой общественной системе присущ непрерывный внутренний динамизм, и в ней самой заключены непосредственные факторы, которые ведут и к ее укреплению и к ее крушению.

Такова общая картина объективной природы возникновения, функционирования и развития общественных систем. При всей абстрактности этой картины она помогает понять и ту важную роль, которую играют системный подход и системный анализ в научных исследованиях, и те основные принципы, которые присущи этому подходу и анализу. Конкретная суть системного анализа как общенаучного и общеисторического исследовательского метода будет рассмотрена далее. Здесь же отметим некоторые наиболее общие моменты.

Обычно прежде всего подчеркивают целостность системного подхода и системного анализа. Это верно. Следует заметить, как от-

мечают некоторые исследователи, что системный метод, синтетический по сути, правильнее было бы называть *интегрально-аналитическим*. Наиболее комплексный из общенаучных методов, он требует применения таких методов, как логический, дедуктивный, восхождения от абстрактного к конкретному. Поскольку всякая система есть совокупность некоего числа объектов определенного рода, открывается возможность для измерения и применения количественных методов обработки и анализа конкретно-исторических данных. Но все же основной отличительной чертой системного анализа является не его целостность, а именно *системность*, направленность на изучение системной стороны и природы объективной реальности. Ведь эта реальность имеет и другие стороны (событийная, ситуационная, динамическая), а ее исследование как целостности возможно не только на основе системного подхода.

Другим наиболее широко применяемым методом целостного изучения общественной реальности является причинно-следственный анализ. Этой же цели может служить и анализ ситуационный и динамический. Каждый из указанных методов целостного анализа имеет свой диапазон эффективности. Целесообразность применения того или иного метода определяется характером исследовательской задачи. Поэтому неправомерно представлять системный анализ едва ли не единственным методом целостного анализа.

Но вместе с тем метод системного анализа, несомненно, имеет ряд сильных сторон. Главная из них – системный анализ приводит к непосредственному раскрытию законов функционирования и развития общественных систем. Законы выражают глубинную сущностную природу объективной реальности, а системный анализ и направлен на выявление этой природы. В этом – высокая эффективность и перспективность системного анализа как общенаучного познавательного метода. Другая его сильная сторона заключается в том, что системный анализ допускает и требует применения количественных методов, а это доводит анализ до раскрытия количественной меры соответствующей качественной определенности.

Ведущими конкретными методами системных исследований являются *структурный* и *функциональный анализы*. Первый направлен на раскрытие структуры систем, второй – на выявление их функций. Такое разграничение правомерно в узкоспециальном смысле. Всестороннее же познание любой системы требует рассмотрения ее структуры и функций в органическом единстве. Поэтому адекватным методом системных исследований является *структурно-функциональный анализ*, призванный раскрывать строение, структуры, функции и развитие систем[40]. Структурно-функциональ-

---

[40] См.: *Иванов О.И.* Принципы комплексного подхода в социально-экономических исследованиях. Л., 1981; Философско-методологические основания системных исследований; *Афанасьев В.Г.* Указ. соч.; *Марков Ю.Г.* Указ. соч., и др.

ный анализ для своей завершенности требует моделирования изучаемых систем.

Системные исследования и присущий им структурно-функциональный анализ относятся к разряду наиболее сложных, но высоко эффективных методов научного познания. Их практическое осуществление связано с выполнением множества исследовательских процедур и требует применения многих менее общих научных методов. В процессе системных исследований возникают определенные противоречия (которые называют парадоксами системного мышления), требующие преодоления. Главными из них являются парадокс *иерархичности* и *парадокс целостности*[41]. Парадокс иерархичности состоит в том, что адекватно понять данную систему можно только в том случае, если она исследована как подсистема более широкой системы. Но, с другой стороны, чтобы понять данную систему как подсистему более широкой системы, надо знать, что представляет собой данная система как таковая. Парадокс целостности заключается в том, что для адекватного познания системы как целого необходимо знание о составляющих ее элементах. А чтобы эффективно изучать элементы системы, надо знать свойства системы как целого. Указанные противоречия системного анализа не разрешимы логически, и путь их преодоления – в бесконечном углублении знаний о системе.

В заключение следует отметить существенно отличное понимание системного подхода и структурно-функционального анализа в немарксистской социологической и исторической мысли[42]. Хотя структурализм в исторических исследованиях формировался как антисубъективистское направление и, несомненно, внес вклад в буржуазную историческую науку, в силу своей идеалистической природы он выдвинул весьма узкую и в целом ошибочную концепцию методологии исторического познания. Крайне ограниченными предстают общественные структуры. Исходя из того, что структура определяет сущность системы как целостности, абсолютизируется ее роль, структура фактически отрывается от субстанции системы, от образующих систему элементов. С другой стороны, игнорируется взаимодействие системы со средой. В итоге исключается возможность познания процесса формирования и развития системы, а структура предстает как нечто обособленное и само себя определяющее, в конечном счете как трансцендентное.

---

[41] См.: *Садовский В.Н.* Указ. соч. Гл. VI.

[42] Из источников см.: Структурализм "за" и "против": Сб. материалов. М., 1975; *Малиновский А.А.* Механизмы формирования целостности систем // Системные исследования. М., 1973; *Леви-Строс К.* Структурная антропология / Пер. с фр. М., 1984. Критическая литература: *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Указ. соч. Гл. 4; *Сахарова Т.А.* От философии существования к структурализму. М., 1974; *Автономова Н.С.* Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М., 1977; Критика современной буржуазной теоретической социологии. М., 1977; *Афанасьев В.Г.* Указ. соч. С. 124 и сл.; *Марков Ю.Г.* Указ. соч. С. 47 и сл.; и др.

Далее, ошибочное стремление к устранению субъективного из объекта исторического познания приводит к тому, что основой всех общественных структур оказываются структуры подсознательно-ментальные, слабо подверженные изменениям в течение длительных эпох и потому обладающие высокой устойчивостью (это прежде всего представления о пространстве, времени, мере). Поэтому структура наряду с обособленностью оказывается наделенной и неизменностью.

Наконец, отрыв систем от окружающей среды, изолированность и неизменность их структур приводят к отрицанию их иерархичности. В итоге общественное развитие предстает в виде неупорядоченной совокупности самодовлеющих, в самих себе замкнутых и неизменных структур. Каждая историческая эпоха характеризуется своим набором структур, мало связанных или вовсе не связанных с предшествующей эпохой. Так, на смену субъективистскому представлению об общественно-историческом развитии как хаосе индивидуальных и неповторимых событий, против которого выступали основоположники структурализма в исторической науке, приходит представление о хаосе структур. Указанное понимание структурализмом сути объекта исторического познания определило и методы этого познания. Разрабатывая их, представители структурализма стремились исключить субъективизм из процесса исторического познания. Они полагают, что этого можно добиться посредством *моделирования*. Поэтому построение моделей структур (в том числе и математических) и считают главной задачей историко-структурных исследований. Следовательно, абсолютизируется лишь один из методов научного познания. При этом и само моделирование страдает весьма существенным изъяном. Раз построенная на основе конкретно-исторических данных модель структуры в дальнейшем целиком заменяла объект познания и использовалась без обращения к фактическим данным. Это следовало из представления, что структура неизменна.

Другой особенностью структуралистских методов познания являются тяготение к синхронному, статическому рассмотрению общественно-исторического развития и отход (или даже отказ) от диахронного, динамического анализа. Это обуславливается тем, что каждая историческая эпоха представляется настолько специфической и самодовлеющей, что затрудняются или оказываются вообще невозможными сопоставление разных эпох и изучение общественно-исторического развития как поступательно-восходящего процесса.

Таковы основные представления структурализма о сути общественных систем и путях их изучения. В свете рассмотренного диалектико-материалистического понимания сущности общественных систем вполне очевидна несостоятельность общих методологических представлений структурализма. Вместе с тем это никоим образом не

означает его научной бесплодности. В расширении проблематики исторических исследований (а здесь особенно важным является обращение к изучению различного рода массовых исторических явлений), в накоплении конкретно-исторических данных (в том числе и путем создания машинных банков исторической информации), в разработке методики и техники исторических исследований (включая применение математических методов и ЭВМ), а также во многих конкретных выводах и наблюдениях историки, приверженные к структурализму, добились немалых успехов. Полученные ими результаты заслуживают внимания советских историков и могут быть с успехом использованы на основе марксистской теории и методологии исторического познания.

Другие общенаучные методы по сравнению с историческим и логическим методами и восхождением от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному являются менее фундаментальными и в этом отношении могут рассматриваться как конкретные средства практической реализации последних. К таким методам относятся *индукция и дедукция, анализ и синтез*, *описание и измерение, статический и динамический* и другие. Следует отметить неправомерность противопоставления в немарксистских течениях методологии научного познания перечисленных и других общенаучных методов. В действительности в познавательной деятельности все эти методы находятся в диалектической взаимосвязи, дополняют друг друга, что и позволяет обеспечить объективность и истинность познавательного процесса. В этой связи Ф. Энгельс указывал: "Индукция и дедукция связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ. Вместо того чтобы превозносить одну из них до небес за счет другой, надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг друга"[43].

Применение как общенаучных, так и других методов научного познания на основе учета характера познаваемой реальности и в соответствии с поставленной исследовательской задачей – непременный методологический принцип их правильного и эффективного использования.

2. ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Переходя к характеристике основных методов исторического исследования, необходимо уточнить содержание понятия "историческое исследование".

---

[43] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 542–543. См. также: *Лебедев С.А.* Индукция как метод научного познания. М., 1980.

В обыденном сознании “историческое” чаще всего противопоставляется повседневному как нечто выдающееся, имеющее широкое общественное значение. Под “историческим”, “историей” в онтологическом значении в научном познании в широком смысле понимается все то, что в многообразии объективной общественной и естественной реальности находится в состоянии *изменения и развития*. Поскольку все в объективном мире пребывает в процессе непрерывного изменения и развития, постольку принцип историзма и исторический метод имеют общее научное значение. Этот метод, как указывалось, позволяет познавать реальность посредством изучения ее истории, что отличает указанный метод от логического, когда суть явления раскрывается путем анализа данного его состояния. Под *методами исторического исследования* мы понимаем все общие методы изучения исторической реальности, т.е. методы, относящиеся к исторической науке *в целом*, применяемые во всех областях исторических исследований. По принятой в первой главе классификации методов научного познания, это – *специально-научные методы*. Они, с одной стороны, основываются на методе общефилософском, т.е. на принципах и законах материалистической диалектики и на той или иной совокупности методов общенаучных, а с другой – служат основой методов конкретно-проблемных, т.е. методов, используемых в изучении тех или иных конкретных исторических явлений в свете тех или иных исследовательских задач.

Специально-исторические, или общеисторические, методы исследования представляют собой то или иное сочетание общенаучных методов, направленных на изучение объекта исторического познания, т.е. учитывающих особенности этого объекта, выраженные в общей теории исторического познания.

Историческая реальность характеризуется рядом общих черт, и поэтому можно выделить и основные методы исторического исследования[44].

К числу основных общеисторических методов научного исследования относятся: *историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический* и *историко-системный*. При использовании того или иного общеисторического метода применяются и другие общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, описание и измерение, объяснение и т.д.), которые выступают в качестве конкретных познавательных средств, необходимых для реализации подходов и принципов, лежащих в основе ведущего метода. Вырабатываются также необходимые для проведения исследования правила и процедуры (исследовательская методика) и применяются определенные орудия и инструменты (техника исследования).

---

[44] Попытку выделения таких методов с широким гносеологическим обоснованием см.: *Уваров А.И.* Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973. Гл. V.

Историко-генетический метод относится к числу наиболее распространенных в исторических исследованиях. Суть его состоит в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей мере приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта. Этот объект отражается в наиболее конкретной форме. Познание идет (должно идти) последовательно от единичного к особенному, а затем – к общему и всеобщему. По логической природе историко-генетический метод является аналитически-индуктивным, а по форме выражения информации об исследуемой реальности – описательным. Разумеется, это не исключает использования (иногда даже и широкого) и количественных показателей. Но последние выступают как элемент описания свойств объекта, а не как основа для выявления его качественной природы и построения его сущностно-содержательной и формально-количественной модели. Если, например, приводятся данные о размерах земельного надела крестьян, который они должны были получить в соответствии с аграрными проектами декабристов Никиты Муравьева и Пестеля, или какие-то другие количественные сведения о движении декабристов, то эти данные фиксируют лишь какие-то черты движения, а не его внутреннюю суть.

Историко-генетический метод позволяет показать причинно-следственные связи и закономерности исторического развития в их непосредственности, а исторические события и личности охарактеризовать в их индивидуальности и образности. При использовании этого метода в наибольшей мере проявляются индивидуальные особенности исследователя. В той мере, в какой последние отражают общественную потребность, они положительно воздействуют на исследовательский процесс. В.И. Ленин указывал, что «без "человеческих эмоций" никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины»[45].

Таким образом, историко-генетический метод представляет собой наиболее универсальный, гибкий и доступный метод исторического исследования. Вместе с тем ему присуща и ограниченность, что может приводить к определенным издержкам при его абсолютизации.

Историко-генетический метод направлен прежде всего на анализ развития. Поэтому при недостаточном внимании к статике, т.е. к фиксированию некоей временной данности исторических явлений и процессов, может возникать опасность релятивизма. Последний, как известно, абсолютизируя динамическую природу объективной реальности (в том числе и исторической), отрицает возможность получения истинного знания о ней[46]. Релятивизм, как указывал

---

[45] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 112.

[46] См.: *Парамонов Н.З.* Критика догматизма, скептицизма и релятивизма. М., 1973.

В.И. Ленин, обрекает научное познание “либо на абсолютный скептицизм, агностицизм и софистику, либо на субъективизм”[47]. Несостоятельность релятивизма обусловлена тем, что объективная реальность рассматривается односторонне. В ней учитываются одни изменения и игнорируется тот факт, что наряду с ними объективной реальности свойственна и известная устойчивость, проистекающая из того, что всякой качественной определенности соответствует тот или иной диапазон ее количественного выражения. Поэтому пока непрерывно происходящие изменения имеют лишь количественный характер и не приводят к возникновению нового качества, все объекты, явления и процессы реальности обладают устойчивостью. В этой связи важнейшее значение приобретает выявление меры количественной определенности соответствующих качеств.

Все это означает, что при использовании историко-генетического метода необходимо сочетать показ изменений и движения с фиксированием пределов качественной устойчивости изучаемой реальности.

Далее, историко-генетический метод при чрезмерном внимании к конкретности и детальности может приводить к выпячиванию индивидуального и неповторимого и затушевыванию общего и закономерного. В исследовании, как говорится, за деревьями может исчезнуть лес. Поэтому в завершенном виде историко-генетический метод должен органически включать характеристику единичного, особенного и общего. К примеру, тот же анализ аграрных проектов декабристов должен сочетать характеристику отдельных проектов с раскрытием их места и роли в аграрной программе декабристов в целом (т.е. связь с особенным) и их общими представлениями о необходимости общественных преобразований (т.е. связь с общим), а также с системой существующих в данную историческую эпоху представлений об условиях общественного прогресса (т.е. связь со всеобщим). Разумеется, это не означает, что анализ отдельного должен всегда содержать развернутую и конкретную характеристику особенного, общего и всеобщего. Речь идет о том, что суть единичного может быть адекватно выявлена лишь при его рассмотрении в связи с особенным, общим и всеобщим.

Историко-генетический метод тяготеет к описательности, фактографизму и эмпиризму. Это в большей мере обуславливается тем, что в исторических исследованиях очень часто требуются большие усилия и затраты времени на выявление, сбор и первоначальную систематизацию и обработку конкретно-фактических данных. В результате либо возникает иллюзия, что в этом и состоит главная задача исследования, либо не остается достаточного времени на тщательный теоретический анализ выявленных фактов. Чтобы предотвратить фактографизм и эмпиризм, следует исходить из того, что,

---

[47] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 139.

сколько бы ни было фактов и какими бы яркими они ни были, "эмпирическое наблюдение само по себе никогда не может доказать достаточным образом необходимость"[48], т.е. закономерность данного состояния или развития. Это можно сделать лишь на основе теоретического анализа фактов. Такой анализ в принципе отвергается позитивизмом, который ограничивает познание его эмпирической стадией [49].

Наконец, историко-генетический метод при всей давности и широте применения не имеет разработанной и четкой логики и понятийного аппарата. Поэтому его методика, а следовательно и техника, расплывчаты и неопределенны, что затрудняет сопоставление и сведение воедино результатов отдельных исследований.

Перечисленные слабые стороны историко-генетического метода особенно ярко проявляются при изучении на его основе массовых исторических явлений и процессов.

Для успешного применения историко-генетического метода следует, когда возможно, сочетать его с другими общеисторическими методами.

Историко-сравнительный метод также давно применяется в исторических исследованиях. Вообще сравнение – важный и, пожалуй, самый широко распространенный метод научного познания[50]. В сущности без сравнения не обходится ни одно научное исследование. Вслед за выявлением и систематизацией эмпирических данных становится, как отмечал Ф. Энгельс, "возможным – и в то же время необходимым – применение сравнительного метода"[51]. Объективной основой для сравнений является то, что общественно-историческое развитие представляет собой повторяющийся, внутренне обусловленный, закономерный процесс. Многие его явления тождественны или сходны внутренней сутью и отличаются лишь пространственной или временно́й вариацией форм, а одни и те же или сходные формы могут выражать разное содержание. Поэтому в процессе сравнения и открывается возможность для объяснения рассматриваемых фактов, раскрытия сущности изучаемых явлений. В этом состоит основ-

---

[48] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 544.

[49] В субъективно-идеалистических течениях буржуазной историографии, которая сводит суть общественной жизни к простой совокупности индивидуальных и неповторимых событий, идеографизм, описательность выступают как единственный метод исторического познания (событийная, идеографическая историография), а цель исторического познания сводится к воспроизведению внешних выражений исторического развития на основе субъективного чувственного сопереживания прошлого историком и их оценке на основе субъективных идеалов и категорий.

[50] См.: *Подкорытов Г.А.* Историзм как метод научного познания. Л., 1967. Гл. III; *Мелконян Э.Л.* Проблемы сравнительного метода в историческом знании. Ереван, 1981, и др.

[51] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 353.

ное познавательное значение сравнения как метода научного познания.

Так, например, сравнение дворянской революционности декабристов и разработанной ими программы общественных преобразований с идеями западноевропейского просветительства XVIII – начала XIX в. позволяет раскрыть раннебуржуазную сущность этой революционности, выражавшуюся в надежде на то, что устранение крепостничества (феодализма) и деспотизма и при сохранении частной собственности и эксплуатации якобы приведут к установлению всеобщего благоденствия. Здесь сущность явления раскрывается на основе сходства ряда черт в представлениях и требованиях декабристов и просветителей. Смысл сопоставления состоит в том, что раннебуржуазный характер идеологии просветительства очевиден, а буржуазность взглядов декабристов не выражается сама по себе столь очевидно и трактуется, как указывалось, по-разному.

Другой пример. Сопоставление отработочной системы помещичьего хозяйства в пореформенной России с барщинной крепостной эпохи показывает, что при внешнем сходстве этих форм хозяйства (и там и тут крестьянин находился в зависимости от помещика и работал в его хозяйстве со своим рабочим скотом и инвентарем) отработочная система в отличие от барщинной представляла собой зачаточную, неразвитую, но все же буржуазную систему хозяйства: зависимость крестьянина от помещика имела не внеэкономический, как при феодализме, а экономический характер[52]. В данном случае сравнение позволяет за сходными формами увидеть разное содержание.

Таким образом, историко-сравнительный метод дает возможность вскрывать сущность изучаемых явлений и по сходству и по различию присущих им свойств, а также проводить сравнение в пространстве и времени, т.е. по горизонтали и вертикали.

Логической основой историко-сравнительного метода в том случае, когда устанавливается сходство сущностей, является *аналогия*. *Аналогия* – это общенаучный метод познания, который состоит в том, что на основе сходства одних признаков сравниваемых объектов делается заключение о сходстве других признаков[53]. Понятно, что при этом круг *известных* признаков объекта (явления), с которым производится сопоставление, должен быть *шире*, чем у исследуемого объекта. Так, в рассмотренном сравнении объективной сути воззрений декабристов и западноевропейских просветителей заключение о раннебуржуазном характере воззрений декабристов выносится на том основании, что подобный характер идеологии западноевропейского просветительства уже установлен.

В целом историко-сравнительный метод обладает широкими познавательными возможностями. Во-первых, он позволяет рас-

---

[52] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 517–518.

[53] См.: *Батароев К.Б.* Аналогии и модели в познании. Новосибирск, 1981.

крывать сущность исследуемых явлений в тех случаях, когда она неочевидна, на основе имеющихся фактов; выявлять общее и повторяющееся, необходимое и закономерное, с одной стороны, и качественно отличное – с другой. Тем самым заполняются пробелы и исследование доводится до завершенного вида. Во-вторых, историко-сравнительный метод дает возможность выходить за пределы изучаемых явлений и на основе аналогий приходить к широким историческим обобщениям и параллелям. В-третьих, он допускает применение всех других общеисторических методов и менее описателен, чем историко-генетический метод.

Успешное применение историко-сравнительного метода, как всякого другого, требует соблюдения ряда методологических требований. Прежде всего сравнение должно основываться на конкретных фактах, которые отражают существенные признаки явлений, а не их формальное сходство. "Если брать историческую параллель, – указывал В.И. Ленин, – то надо выделить и точно указать то, что сходно в различных событиях, ибо иначе вместо исторического сравнения получится бросание слов на ветер"[54]. При этом необходимо учитывать и общий характер исторических эпох, в которых протекали сравниваемые исторические события, стадийность развития и типологическую суть сравниваемых явлений и процессов. Так, В.И. Ленин, характеризуя буржуазно-демократическую революцию 1905–1907 гг. в России и сравнивая ее с другими буржуазными революциями, исходил из того, что революция в России происходила в существенно иных исторических условиях, чем буржуазные революции в Западной Европе. Этим было обусловлено, что гегемоном революции явился рабочий класс, а не буржуазия. Меньшевики же, сравнивая то же самое, игнорировали различие исторических условий, полагая, что во всякой буржуазной революции гегемоном революции непременно должна быть буржуазия. Сравнение, проводимое меньшевиками, носило формальный характер: не учитывалось различие эпох, что и приводило к ошибочному заключению, которое обусловило и ошибочность стратегии и тактики их революционной борьбы.

Сравнивать можно объекты и явления и однотипные и разнотипные, находящиеся на одних и тех же и на разных стадиях развития. Но в одном случае сущность будет раскрываться на основе выявления сходств, а в другом – различий. Соблюдение указанных условий исторических сравнений в сущности означает последовательное проведение принципа историзма.

Отступление от указанных принципов сравнения исторических явлений чревато ошибочными заключениями. Когда, например, сравнивают социально-экономические и общественно-политические взгляды А.Н. Радищева с воззрениями революционеров-демо-

---

[54] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 126.

кратов середины XIX в. и на основании сходства ряда черт во взглядах А.Н. Радищева и революционеров-демократов характеризуют воззрения первого как революционно-демократические, то игнорируют различия в общих стадиях исторического развития России в конце XVIII в. и середине XIX в. В первом случае это развитие находилось лишь на начальном этапе разложения феодально-крепостнической системы и становления капиталистического уклада, а во втором – на стадии кризиса феодально-крепостнической системы, который был заключительным этапом в процессе ее разложения, и на той ступени становления капитализма, когда уже начался промышленный переворот. Понятно, что эти базисные различия не могли не сказываться на характере общественной мысли, даже если ее представители и не осознавали в полной мере глубину этих различий (что имело место по отношению к развитию в России капиталистических отношений). Ведущей чертой общественной мысли на начальном этапе разложения феодально-крепостнической системы были идеи просветительства, а в период кризиса этой системы – идеи революционного демократизма и утопического социализма. Поэтому при исторических сравнениях, как подчеркивал В.И. Ленин, необходимо не только исходить из конкретных фактов, но и исследовать "весь ряд известных состояний, последовательность их и связь между различными ступенями развития" [55].

Выявление существенности признаков, на основе которых должен проводиться историко-сравнительный анализ, а также типологии и стадиальности сравниваемых явлений чаще всего требует специальных исследовательских усилий и применения других общеисторических методов, прежде всего историко-типологического и историко-системного. В сочетании с этими методами историко-сравнительный метод является мощным средством в исторических исследованиях. Но и этот метод, естественно, имеет определенный диапазон наиболее эффективного действия. Это – прежде всего изучение общественно-исторического развития в широком пространственном и временно́м аспектах, а также тех менее широких явлений и процессов, суть которых не может быть раскрыта путем непосредственного анализа ввиду их сложности, противоречивости и незавершенности, а также пробелов в конкретно-исторических данных.

Историко-сравнительному методу присуща определенная ограниченность, следует иметь в виду и трудности его применения. Этот метод в целом не направлен на раскрытие рассматриваемой реальности. Посредством его познается прежде всего коренная сущность реальности во всем ее многообразии, а не ее конкретная специфика. Сложно применение историко-сравнительного метода при изучении динамики общественных процессов. Формальное применение историко-сравнительного метода чревато ошибочными выводами и на-

---

[55] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 167.

блюдениями, чем грешат исследования буржуазных историков, которые, основываясь на чисто внешних и формальных сравнениях и аналогиях, искажают многие явления в историческом развитии нашей страны. Так, игнорируя существенно различный общий характер этого развития в досоветский и советский периоды, буржуазные историки строят необоснованные аналогии и переносят на советский период черты предшествующей эпохи, которые к тому же нередко искажаются.

Такова основная суть историко-сравнительного метода.

При широком распространении сравнения в исторических исследованиях историко-сравнительный метод как один из основных общеисторических методов еще редко применяется в этих исследованиях для анализа важных явлений и процессов исторического развития. Одним из примеров успешного применения этого метода в советских исследованиях последнего времени является опыт изучения культуры социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы [56].

Историко-типологический метод[57], как и все другие методы, имеет свою объективную основу. Она состоит в том, что в общественно-историческом развитии, с одной стороны, различаются, а с другой, тесно взаимосвязаны единичное, особенное, общее и всеобщее. Поэтому важной задачей в познании общественно-исторических явлений, раскрытии их сущности становится выявление того единого, которое было присуще многообразию тех или иных сочетаний индивидуального (единичного).

Общественная жизнь во всех ее проявлениях – непрерывный динамический процесс. Он представляет собой не простое последовательное течение событий, а смену одних качественных состояний другими, имеет свои существенно отличные стадии. Выделение этих стадий также является важной задачей в познании общественно-исторического развития.

И выявление общего в пространственно-единичном, и выделение стадиально-однородного в непрерывно-временно́м требуют особых познавательных средств. Таким средством является метод историко-типологического анализа. *Типологизация* как метод научного

---

[56] См.: *Марков Д.Ф.* Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках: Из опыта изучения истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1983.

[57] Новейшие исследования по общим проблемам классификации и типологии общественных и исторических явлений рассматриваются в работах: *Сиверцев М.А.* Проблемы типологии в международной статистике занятости. М., 1975; Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982; *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984; *Миркин Б.Г.* Группировки в социально-экономических исследованиях: Методы построения и анализа. М., 1985; *Розова С.С.* Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986, и др.

познания имеет своей целью разбиение (упорядочение) совокупности объектов или явлений на качественно определенные типы (классы) на основе присущих им общих существенных признаков. Направленность на выявление сущностно-однородных в пространственном или временно́м аспектах совокупностей объектов и явлений отличает типологизацию (или типизацию) от классификации и группировки в широком смысле, при которых может и не ставиться задача выявления принадлежности объекта как целостности к той или иной качественной определенности. Разбиение здесь может ограничиваться группировками объектов по тем или иным признакам и в этом плане выступать как средство упорядочивания и систематизации конкретных данных об исторических объектах, явлениях и процессах[58]. Типологизация же, будучи по форме разновидностью классификации, является методом *сущностного* анализа.

Покажем различия между простой классификацией и типологизацией на следующем простом примере. Допустим, что изучается крестьянское хозяйство в эпоху капитализма в некоем регионе. Исследователя может интересовать вопрос о соотношении крестьянских дворов, занимающихся земледелием и не занимающихся им. Тогда по данным о наличии или отсутствии посевов эти дворы могут быть разбиты на две группы. Дворы каждой группы будут сходны только по одному признаку – наличию или отсутствию посевов. По другим признакам они могут существенно различаться. Так, в беспосевной группе окажутся и беднейший крестьянин, занятый работой по найму, и крестьянин-фабрикант. Это простая классификация. Если же будет стоять задача выявления в среде крестьянства существенно различных социально-экономических слоев, то при отнесении крестьянских хозяйств к тому или иному из этих слоев (например, сельских пролетариев, мелких буржуа, крестьян-капиталистов) должна быть установлена целостная качественная определенность каждого двора. Соответствующая группировка крестьянских хозяйств будет типической, а процедура ее проведения – типологизацией.

Типологизация объектов и явлений общественной жизни – сложный познавательный процесс, который требует соблюдения ряда методологических принципов. Центральным является вопрос о тех основах, исходя из которых выделяют типы качественно определенных объектов и явлений. Диалектико-материалистическое решение этого вопроса предполагает в основе выделения типов учет *сущностных свойств* изучаемой *объективной реальности*.

---

[58] Среди специалистов имеются расхождения в определении таких исследовательских процедур, как типологизация, классификация, группировка, систематика, таксономия и т.п. Однако чаще всего под ними имеется в виду выделение групп объектов, обладающих теми или иными общими свойствами. См.: Типология и классификация в социологических исследованиях. С. 12–13.

Это важно подчеркнуть потому, что в немарксистской социологии и историографии имели и имеют место иные подходы к пониманию основ типологизации[59]. Так, классический позитивизм и его последователи в историографии исходили из того, что типы общественных явлений представляют собой обособленные совокупности объектов, сходных в тех или иных отношениях. При отрицании возможности познания сущности явлений это сводило типологизацию к формальной описательной классификации объектов и явлений на основе чисто внешних признаков. Это – наивно реалистический по исходным теоретическим основам и метафизический по методологии подход.

"Критика" позитивизма с позиций субъективного идеализма (наиболее ярко выраженного в неокантианстве) привела к замене примитивного и механистического, но объективного подхода к *выделению* типов субъективно-идеалистическим *конструированием* исследователем исторических типов. Основой типологизации и вообще познания исторической реальности становилось всецело мышление историка. Такой подход получил наиболее развернутое выражение в "идеальных типах" М. Вебера. Такой подход противопоставляется объективно-историческому, диалектико-материалистическому подходу марксистов.

Выделение типов на основе учета существенных черт изучаемой исторической реальности прежде всего требует определения качественной природы как всей совокупности объектов, содержащей определенные их типы, так и самих этих типов. Вся совокупность объектов выступает при этом как *родовое* явление, а входящие в нее типы – как *виды* этого рода. Очевидно, что без понимания природы целого нельзя выделить и качественно определенные его части. Причем связь рода и видов может иметь как вертикальное, так и горизонтальное выражение. В первом случае существенно отличные виды характеризуют разные стадии развития единого в родовом отношении явления или процессы. Так, рассматривая развитие капитализма в России конца XIX в., В.И. Ленин писал: «"Раскрестьянивание" в деревне показывает нам начало этого процесса, зарождение его, его ранние стадии; крупный капитализм в городах показывает нам конец этого процесса, его тенденции. Попробуйте разорвать эти явления, попробуйте рассматривать их отдельно и независимо друг от друга, – и вы не сможете в своем рассуждении свести концов с концами, не сможете объяснить ни того, ни другого явления»[60]. Здесь существенно отличные типы явления выражают стадии его развития как целостности в пространственно-синхронном аспекте. Но стадиальность в становлении капитализма имела и диахронное выражение. Так, генезис капитализма, завершившийся

---

[59] Об этом см.: *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. С. 206 и сл.
[60] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 121–122.

его утверждением, проходил через такие типические по своей сущности стадии: простая капиталистическая кооперация – мануфактура – фабрика.

Горизонтальная связь различных типов, образующих родовую целостность, выражается и в их пространственном соседстве и взаимодействии. Так, социально-экономическая структура крестьянского хозяйства в период капитализма включала в себя как целостность хозяйства таких типов: пролетарские, собственно крестьянские (мелкобуржуазные) и буржуазно-фермерские (предпринимательско-капиталистические).

Таким образом, выявление качественной определенности рассматриваемой совокупности объектов и явлений необходимо для выделения образующих эту совокупность типов, а знание сущностно-содержательной природы типов – непременное условие определения тех основных признаков, которые присущи этим типам и которые могут быть основой для конкретного типологического анализа, т.е. для раскрытия типологической структуры исследуемой реальности.

Таковы основные принципы и этапы историко-типологического исследования. Наиболее эффективно эти принципы могут быть реализованы только на основе *дедуктивного* подхода. Он состоит в том, что соответствующие типы выделяются на основе теоретического сущностно-содержательного анализа рассматриваемой совокупности объектов. Итогом анализа должно быть не только определение качественно отличных типов, но и выявление тех конкретных признаков, которые характеризуют их качественную определенность. Это создает возможность для отнесения каждого отдельного объекта к тому или иному типу.

Примером такого подхода может быть анализ В.И. Лениным социально-экономического строя крестьянского хозяйства в эпоху капитализма. Сущностно-содержательный анализ показывает, что может быть выделено три типа крестьянских хозяйств, качественно отличных по своей социально-экономической природе: хозяйства пролетарские, собственно крестьянские (мелкобуржуазные) и буржуазно-фермерские, капиталистические. К первым принадлежали дворы, в которых большинство населения "является наемными рабочими", ко вторым – хозяйства, в которых "число семейных рабочих больше числа наемных", к третьим – хозяйства, в которых "число наемных рабочих больше числа семейных"[61]. Исходя из этих критериев и при наличии конкретно-фактических данных о соотношении семейного труда и купли-продажи рабочей силы в крестьянском хозяйстве, можно выделить указанные существенно отличные по социально-экономическому строю типы крестьянских хозяйств. При отсутствии такого рода конкретных данных задача может быть решена путем замены прямых показателей социально-экономиче-

---

[61] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 329.

ского строя крестьянского хозяйства другой совокупностью адекватных им показателей. В.И. Ленин в работе "Развитие капитализма в России" это осуществил на основе данных, характеризующих размеры и уровень крестьянских хозяйств (землевладение и землепользование крестьян, покупка, аренда и сдача земли, размеры посевов, количество скота и орудий и т.д.). Разумеется, при выделении типов замена прямых показателей, характеризующих эти типы, косвенными должна быть обоснованной и представительной. По логической сути указанный подход к типологизации является дедуктивным, а потому и наиболее эффективным, так как раскрывается всеобщность типической структуры рассматриваемой совокупности объектов (в приведенном примере крестьянского хозяйства).

Однако дедуктивный подход к выявлению типов рассматриваемых объектов и явлений не всегда возможен, ибо он требует уже сравнительно высокого уровня знаний об исследуемой реальности, который позволяет на основе сущностно-содержательного теоретического анализа выделить эти типы. Другая сложность состоит в нахождении тех признаков, которые определяют сущностно-содержательную природу теоретически выделенных типов. Например, в том же аграрном развитии в эпоху капитализма четко представлены, как показал В.И. Ленин, два типа буржуазной аграрной эволюции: буржуазно-помещичий и буржуазно-крестьянский. Но выявить конкретные признаки, на основе которых можно, например, четко классифицировать отдельные местности по типу их буржуазной аграрной эволюции, достаточно сложно, ибо здесь не может быть такого однозначного и четкого критерия, как при указанном различении типов крестьянских хозяйств, и необходим учет целой совокупности показателей аграрного развития. Отбор же этих показателей может быть многовариантным.

Все это диктует необходимость применения при типологизации как совмещенного *дедуктивно-индуктивного,* так и собственно *индуктивного* подхода.

Суть *дедуктивно-индуктивного* подхода состоит в том, что типы объектов определяются на основе сущностно-содержательного анализа рассматриваемых явлений, а те существенные признаки, которые им присущи, – путем анализа эмпирических данных об этих объектах. Так, например, при изучении социальной структуры советского рабочего класса наличие в нем слоя кадровых рабочих и слоя, образующего новые пополнения рабочего класса, устанавливается теоретически. Те же наиболее существенные признаки, которые характерны для облика этих слоев, выявляются путем сопоставления совокупности показателей и выделения среди них наиболее различающихся[62]. Дедуктивно-индуктивный подход к типизации

---

[62] См.: *Дробижев В.З.*, *Соколов А.К.*, *Устинов В.А.* Рабочий класс советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975.

явлений общественно-исторического развития наиболее широко распространен в марксистских исторических исследованиях. На его основе выделяются пространственные и временны́е типы и стадии исторических явлений и процессов. Таким путем раскрываются классово различные направления и этапы развития общественной мысли и общественного движения, массовой революционной борьбы, внутренней и внешней политики и т.д.

Индуктивный подход отличается тем, что здесь и выделение типов и выявление их наиболее характерных признаков основываются на анализе эмпирических данных. Таким путем приходится идти в тех случаях, когда проявления единичного в особенном и особенного в общем многообразны и неустойчивы. Так, например, если ставится задача типической классификации городов той или иной страны в тот или иной период не по каким-то их отдельным чертам, а как социальных целостностей, то на основе предварительного содержательно-теоретического анализа весьма затруднительно выделять и какие-то их типы и характеризующие признаки. Множество подобных задач, возникающих в исторических исследованиях, могут быть решены лишь путем индуктивного анализа эмпирических данных. Методы же многомерной типизации социальных объектов еще только начинают разрабатываться[63].

Типизация общественно-исторических объектов, явлений и процессов на основе индуктивного подхода отличается от типизации на основе дедуктивного подхода (как всякая индукция от дедукции) тем, что выявленные типы не могут рассматриваться как непременно присущие всему роду исследуемых явлений. Они отражают типологию данной эмпирически представленной совокупности объектов этого рода. Но познавательная ценность результатов индуктивной типологизации, и не обладающей свойством всеобщности, огромна, так как подобная типологизация раскрывает качественное строение той или иной эмпирической совокупности объектов и явлений. Кроме того, в познавательном процессе именно на основе индуктивной типизации может быть достигнут уровень знания, допускающий дедуктивную типизацию.

Большие трудности в типологизации исторических объектов и явлений возникают из-за того, что сущностная природа типов, как правило, характеризуется совокупностью признаков. Помимо сложностей, связанных с выявлением состава этих признаков, возникают и проблемы в практическом проведении многомерной классификации. Традиционные способы комбинированной группировки здесь оказываются малоэффективными, ибо образуется большое число

---

[63] См.: Развитие сельских поселений: (Лингвистический метод типологического анализа социальных объектов): Коллективная монография / Под ред. Т.И. Заславской и И.Б. Мучника. М., 1977; Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ: Коллективная монография / Под ред. Т.И. Заславской и И.Б. Мучника. М., 1980.

групп, которые затем надо сводить в определенные типы. Допустим, что требуется разбить крестьянские хозяйства на социально-экономические типы по размерам их посевов и данным о купле-продаже рабочей силы и наличию усовершенствованных орудий и машин. Решая эту задачу, можно выделить, например, четыре посевные группы (скажем, до 5 дес., 5–10, 10–20 и более 20 дес. на двор). Затем в каждой из четырех групп следует учесть дворы, имевшие наемных работников и не имевшие их. Далее в каждой из вновь полученных восьми групп можно вычленить дворы, отпускавшие и не отпускавшие своих членов для работы по найму. Наконец, каждую из 16 групп можно разделить на две группы – с наличием усовершенствованных орудий и машин и без них. В итоге получится 32 группы дворов. Чтобы решить поставленную задачу, т.е. выделить существенно отличные социально-экономические типы крестьянских хозяйств, эти группы надо сводить. При такой сводке могут быть выявлены две полярные группы дворов: 1) дворы с наименьшими размерами посевов без сельскохозяйственных машин, продающие свою рабочую силу и не использующие найм, и 2) дворы с наибольшими размерами посевов, с наемными рабочими и машинами, не продающие свою рабочую силу. Можно полагать, что первая группа объединяет пролетарские и полупролетарские, а вторая – обуржуазившиеся слои деревни, но нельзя утверждать, что только вошедшие в эти полярные группы дворы и относятся к указанным двум слоям. Так, некоторые дворы с наибольшими посевами, с наймом и машинами, но с уходом членов семьи на заработки вполне могут принадлежать и к высшему слою, а беднейшие дворы с наличием наемных работников – к низшему слою деревни. Будут возникать и другие трудности при сведе́нии выделенных групп в социально-экономические типы. Избежать эти трудности можно, только применяя многомерную интегральную группировку, основанную на одновременном учете всех выделенных признаков. Для этого необходимо применение специальных методов, разработанных в многомерном статистическом анализе. Речь о них будет идти во второй части нашей работы.

Еще одна трудность типологизации социальных объектов и явлений связана с тем, что объекты, принадлежащие к одному типу, в разной мере обладают основными чертами, присущими этому типу, т.е. одни из этих объектов могут быть более характерны для него, а другие – менее. Первые образуют как бы ядро типа, а вторые составляют его окружение. Кроме того, объекты, входящие в один из типов, могут иметь черты сходства с другими типами. Это также необходимо учитывать при типологизации.

В познавательном плане наиболее эффективна такая типизация, которая позволяет не просто выделить соответствующие типы, но и установить как степень принадлежности объектов к этим типам, так и меру их сходства с другими типами. Для этого необходи-

мы специальные методы многомерной типологизации. Такие методы разработаны, и уже есть попытки их применения в исторических исследованиях.

Важной задачей при типологизации исторических объектов и явлений, особенно на основе индуктивного подхода, оказывается определение числа выделяемых типов, а при их количественных характеристиках – и тех интервалов, в пределах которых заключена их качественная определенность. В тех случаях, когда на основе сущностно-содержательного анализа удается выявить число типов, заключенных в совокупности исследуемых объектов, а характеризуемые их признаки выражены количественно, на основе математических методов и с использованием ЭВМ может быть проведена автоматическая одномерная или многомерная группировка, которую можно осуществлять и при произвольном выделении числа типов. Но тогда надо выяснить, насколько выделенные группы представляют собой существенно отличные типы. Такие методы типологизации также уже применяются историками.

Наконец, особую сложность представляет выявление кардинально отличных стадий в исторических процессах. Ввиду особой важности диахронного исторического анализа связанные с ним вопросы будут специально рассмотрены в конце настоящего раздела. Сейчас лишь подчеркнем, что исходной основой для выделения стадий в историческом развитии должен быть учет их формационной принадлежности. Именно он определяет сущностную природу этих стадий.

Таков основной круг вопросов, возникающих при использовании в исторических исследованиях историко-типологического метода.

В современных исторических исследованиях все более широко распространяется **историко-системный метод**. Это обусловлено углублением исторических исследований как с точки зрения целостного охвата познаваемой исторической реальности, так и с точки зрения раскрытия внутренних механизмов функционирования и развития разного рода общественно-исторических систем. Уже рассматривались объективная природа общественных систем и общая суть системного подхода и системного анализа. Поэтому отметим лишь некоторые дополнительные моменты, связанные с применением системного подхода и системного анализа в исторических исследованиях[64]. Эти моменты относятся и к онтологическим, и к гносеологическим аспектам историко-системного метода.

Объективной основой системного подхода и метода научного познания, как указывалось, является единство в общественно-исто-

---

[64] В работах по теории и методологии исторического познания эти вопросы наиболее развернуто рассматриваются в монографии: *Ракитов А.И.* Историческое познание (гл. 2).

рическом развитии (и вообще в объективной реальности) единичного (индивидуального), особенного и общего. Реально и конкретно это единство и выступает в общественно-исторических системах *разного* уровня. Функционирование и развитие исторических систем включает и синтезирует те основные составные компоненты, из которых складывается общественно-историческая реальность. К этим компонентам принадлежат индивидуальные и неповторимые события, исторические ситуации и процессы. По внутреннему содержанию они (компоненты) представляют собой ту или иную конкретную и целенаправленную деятельность людей и неразрывно связанные с ней отношения.

Индивидуальные события обладают теми или иными только им свойственными чертами, которые не повторяются в других событиях. Но эти события образуют определенные виды и роды человеческой деятельности и отношений, а следовательно, наряду с индивидуальными они имеют и общие черты и тем самым создают определенные совокупности со свойствами, выходящими за пределы индивидуального, т.е. определенные системы.

Отдельные события включаются в общественные системы и через исторические ситуации. *Историческая ситуация* – это пространственно-временна́я совокупность событий, образующих качественно определенное состояние деятельности и отношений, т.е. это та же общественная система.

Наконец, *исторический процесс* в своей временно́й протяженности имеет качественно отличные этапы или стадии, которые включают определенную совокупность событий и ситуаций, составляющих подсистемы в общей динамической системе общественного развития. Так, ясно, что простая капиталистическая кооперация, мануфактура и фабрика или капитализм свободной конкуренции, монополистический капитализм и государственно-монополистический капитализм – системные стадии и этапы в генезисе и развитии капитализма. Такой же системный характер имели, скажем, и три этапа в развитии революционного движения в России в XIX – начале XX в.: дворянский, разночинский и пролетарский.

Системный характер общественно-исторического развития означает, что все события, ситуации и процессы этого развития не только каузально обусловлены и имеют причинно-следственную связь, но также и функционально связаны. При этом, как бы ни была примитивна структура системы, "функции ее могут быть исключительно сложны"[65], ибо определяются не только самой структурой, но и местом данной системы в сложной иерархии других систем. Функциональные связи в этом плане как бы перекрывают связи причинно-следственные, с одной стороны, и имеют комплексный характер, – с другой. На этом основании полагают, что в научном

[65] *Марков Ю.Г.* Функциональный подход в современном научном познании. С. 20.

познании определяющее значение должно иметь не причинное, а структурное, если говорить точнее, структурно-функциональное объяснение[66].

Взаимодействие той или иной совокупности систем или подсистем более широкой системы может иметь разный характер детерминации. *Однозначно детерминированными* являются отношения, когда состояния подсистем полностью определяют друг друга. *Вероятностно-детерминированными* оказываются такие взаимодействия, когда состояние отдельных подсистем обуславливается другими подсистемами лишь в той или иной мере, имеющей вероятностный характер. *Случайно-вероятностными* будут отношения между подсистемами, которые не имеют закономерного характера, т.е. не обладают свойствами устойчивости и повторяемости, присущими первым двум видам взаимосвязей[67].

Системный подход и системные методы анализа, к которым относятся структурный и функциональный анализы, характеризуются целостностью и комплексностью. Изучаемая система рассматривается не со стороны ее отдельных аспектов и свойств, а как целостная качественная определенность с комплексным учетом как ее собственных основных черт, так и ее места и роли в иерархии систем. Однако для практической реализации этого анализа первоначально требуется вычленение исследуемой системы из органически единой иерархии систем. Эту процедуру называют *декомпозицией систем*. Она представляет сложный познавательный процесс, ибо нередко весьма сложно выделить определенную систему из единства систем.

Вычленение системы должно проводиться на основе выявления совокупности объектов (элементов), обладающих качественной определенностью, выраженной не просто в тех или иных свойствах этих элементов, но и прежде всего в присущих им отношениях, в характерной для них системе взаимосвязей. При этом могут возникнуть трудности уже в определении содержательных границ выделяемой совокупности. Так, скажем, когда речь идет об изучении как системы крестьянского или помещичьего хозяйства, промышленности и торговли и т.п. явлений, соответствующие признаки могут быть установлены достаточно определенно (хотя и не всегда). Если же требуется, например, выделить как систему совокупность взглядов, выражающих либерально-буржуазную, мелкобуржуазную или иную идеологию, то признаки для этого не будут столь очевидными, как в первом случае. Поэтому вычленение исследуемой системы из иерархии систем должно быть обоснованным. При этом могут быть широко использованы методы историко-типологического анализа.

С точки зрения конкретно-содержательной, решение указанной задачи сводится к выявлению *системообразующих* (*систем-*

---

[66] См.: *Марков Ю.Г.* Указ. соч. С. 8.

[67] См.: *Дружинин В.В., Канторов Д.С.* Проблемы системологии М., 1976.

ных) *признаков*, присущих компонентам выделяемой системы. К ним относятся признаки, взаимосвязь между которыми прежде всего и определяет суть структуры данной системы, т.е. выражает сущностную определенность, целостность и устойчивость структуры. Очевидно, что эта задача не может быть решена путем учета возможно большего числа признаков. Необходим содержательный отбор наиболее существенных из них. Он требует глубокого знания изучаемых явлений и процессов, большой предварительной работы.

После выделения соответствующей системы следует ее анализ как таковой. Центральным здесь является *структурный анализ*, т.е. выявление характера взаимосвязи компонентов системы и их свойств. Структурный анализ может проводиться различными методами, позволяющими устанавливать взаимосвязи – от простейших логических методов выявления причинно-следственных связей до математических методов их анализа.

Итогом структурно-системного анализа будут знания о системе как таковой. Эти знания, как правильно указывают некоторые исследователи, имеют *эмпирический* характер, ибо они сами по себе не раскрывают сущностной природы выявленной структуры. Перевод полученных знаний на теоретический уровень требует выявления функций данной системы в иерархии систем, где она фигурирует в качестве подсистемы. Эта задача решается *функциональным анализом*, раскрывающим взаимодействие исследуемой системы с системами более высокого уровня.

Только сочетание структурного и функционального анализов позволяет познать сущностно-содержательную природу системы во всей ее глубине. Это обусловлено тем, что "собственные характеристики объекта (системы. – *И.К.*) обнаруживают гораздо более сложную природу, выступая как синтетический результат отношения между объектом (системой. – *И.К.*) и средой, как структурные свойства этого отношения". Поэтому "автономность, целостность, поведенческие характеристики какого-либо уровня в иерархической системе невозможно понять, изучая структуру только данного уровня, как невозможно понять, что такое стоимость, изучая физико-химические свойства товара"[68].

Таким образом, системно-функциональный анализ дает возможность выявить, какие свойства окружающей среды, т.е. систем более высокого уровня, включающих в себя исследуемую систему как одну из подсистем, определяют сущностно-содержательную природу данной системы. В этом плане системно-функциональный анализ, основанный на диалектико-материалистическом понимании общественно-исторического развития, является мощным средством познания этого развития.

---

[68] *Марков Ю.Г.* Указ. соч. С. 50.

Функциональный анализ тоже является анализом структурным, ибо функции системы реализуются, как указывалось, через структуру. Но эта структура отличается от структуры непосредственно исследуемой системы: в функциональном анализе исследуется структура системы более высокого уровня, в которую включена и данная система. Так, если рассматривается производственно-экономический строй крестьянского хозяйства эпохи капитализма, то его структурный анализ будет направлен на выявление взаимосвязей между его основными компонентами (обеспеченность орудиями и средствами производства, рабочей силой, доходы и расходы и т.д.). Допустим, что эти связи были прямыми и тесными. Но раскрыть сущностно-содержательный смысл такой структуры, исходя лишь из нее самой, невозможно. Для этого надо рассмотреть крестьянское хозяйство как составную часть более широкой системы производственно-экономических отношений – как одну из подсистем общей системы капиталистического производства. Структура же последнего показывает, что на сравнительно высоком уровне развития капитализма характерна тесная сбалансированность основных компонентов этой структуры, обусловленная законами товарно-капиталистического производства (законы стоимости, средней нормы прибыли, конкуренции).

Соотнесение двух структур, осуществляемое функциональным анализом, дает возможность вскрыть причины тесной сбалансированности структуры крестьянского хозяйства. Она была обусловлена товарно-капиталистической природой этого хозяйства, его подчиненностью законам капиталистического производства. Таким образом, функциональный анализ позволяет раскрыть сущностную природу структуры анализируемой системы через сущность структуры системы более высокого уровня, а тем самым и выявить законы функционирования и развития изучаемой реальности. Таковы основные методологические принципы системного анализа. Суть их очевидна и, можно даже сказать, проста. Однако их практическая реализация при изучении общественно-исторических явлений намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

Возникающие при системном анализе трудности обусловлены многоуровневым характером общественных систем, а потому и разномасштабностью компонентов этих систем. Следовательно, изучаемая реальность может рассматриваться на разных системных уровнях и при разных масштабах, составляющих систему компонентов. В этих условиях идеальным вариантом был бы такой подход, при котором исследуемая реальность анализируется на всех ее системных уровнях и при учете всех масштабов компонентов системы. Но такой подход можно реализовать далеко не всегда. Поэтому необходим обоснованный отбор вариантов анализа в соответствии с поставленной исследовательской задачей.

Но возникает вопрос о том, что́ конкретно в строении системы свидетельствует об ее уровне? Учитывая, что взаимодействие ком-

понентов системы имеет характер субординации, т.е. при относительной самостоятельности частей они подчинены целому, можно считать показателем уровня иерархической системы масштаб составляющих ее компонентов.

Допустим, что изучается общий социально-экономический строй крестьянского хозяйства в эпоху капитализма. Это хозяйство может исследоваться как в целом, так и по отдельным социально-экономическим типам (пролетарский и полупролетарский, собственно крестьянский – мелкобуржуазный и буржуазно-капиталистический слои деревни) или производственно специализированным группам (крестьянские хозяйства, преимущественно занятые земледелием, животноводством, промыслами и т.д.). Но во всех вариантах крестьянское хозяйство может рассматриваться на разных системных уровнях. Низшим из этих уровней является тот, где элементами системы будут выступать отдельные крестьянские хозяйства (дворы). Более высоким будет уровень, в котором исходными элементами системы являются крестьянские общины (селения). На других уровнях в качестве таких элементов могут фигурировать более крупные территориальные единицы (волости, уезды и губернии). В данном случае система с исходными элементами в масштабе губерний будет системой наиболее высокого уровня, ибо укрупнение исходных элементов здесь достигает фактически своего предела. Именно на этом уровне будут наиболее отчетливо проявляться основные черты и закономерности, присущие социально-экономическому строю крестьянского хозяйства. Знание их и необходимо для раскрытия сути структур, взятых на более низком системном уровне. Характер структуры на низшем (подворном) уровне, будучи соотнесенным с ее сутью на высшем уровне, покажет, в какой мере общие тенденции функционирования крестьянского хозяйства проявлялись в единичном. Иначе говоря, исследуемая реальность будет познана в единстве явления и сущности. Такое соотнесение на других системных уровнях раскроет соотношение общего и особенного.

Данный пример хорошо показывает, что переход от низшего к более высоким системным уровням связан с агрегированием (укрупнением и усреднением) исходных, нечленимых элементов иерархической системы. Необходимые агрегированные данные могут быть извлечены из источников непосредственно либо получены путем усреднения показателей исходных элементов системы. Ясно, что абстрагирование от единичного при декомпозиции систем должно быть обоснованным. Агрегированные элементы систем более высокого уровня должны отражать реальность, а не представлять собой искусственные конструкции. В рассматриваемом примере правомерность выделения указанных агрегированных элементов систем разного уровня очевидна. Ведь не только крестьянский двор, но и община, волость, уезд и губерния – реальные компоненты исторической дей-

ствительности, оказывавшие воздействие на функционирование и развитие крестьянского хозяйства.

Пространственное агрегирование исходных (атомарных) элементов общественных систем широко применяется при изучении многих сторон исторической реальности. Но существуют и другие подходы к такому агрегированию. Например, при изучении многих общественных систем, исходные элементы которых фигурируют в той или иной производственно-экономической или другой общественной сфере, основой выделения системных уровней могут быть разные по масштабам организационные и иные подразделения этих сфер. Так, при изучении социального облика советского рабочего класса, когда исходным элементом иерархической системы выступает отдельный рабочий, компонентами разных системных уровней могут быть бригады, цехи, предприятия, отрасли промышленности.

Анализ общественно-исторических систем на разных уровнях обусловлен их объективной иерархической природой и субординацией в их взаимодействии. Его познавательные плюсы состоят в том, что переход к системам более высокого уровня позволяет расширить состав тех признаков, на основе которых ведется системный анализ. Так, изучение того же социально-экономического строя крестьянского хозяйства на уровне, когда исходными элементами системы выступают отдельные дворы, вынуждает ограничиваться показателями, характеризующими только состояние этих дворов. Переход к анализу системы на более высоких уровнях дает возможность учесть ряд других показателей. Уже при переходе на уровень общин (селений) можно выявить воздействие на структуру крестьянского хозяйства таких факторов, как расстояние до рынков сбыта, природные условия, производственная специализация, уровень грамотности крестьян и т.д. На уровне же губернском крестьянское хозяйство как система может быть рассмотрено в тесном взаимодействии со многими другими общественными системами, что наиболее полно раскрывает закономерности его функционирования и развития.

Таким образом, необходимо обоснованное выделение структурного уровня изучаемой системы, а результаты проведенного анализа должны оцениваться с учетом того, насколько полно на избранном уровне может быть познана сущность рассматриваемой реальности. В силу еще недостаточного освоения историками (да и не только историками) методов системного анализа это не всегда делается. В этой связи следует обратить внимание на один момент.

В последнее время возрастает интерес к обработке и анализу разного рода первичных массовых данных (сведений различных переписей, обследований и других материалов). Несомненным плюсом таких материалов является то, что они, характеризуя объекты изучаемых явлений и процессов на их атомарном уровне, вместе с тем

позволяют получать те или иные агрегированные показатели в соответствии с исследовательской задачей и на основе диалектико-материалистических представлений о соответствующей объективной реальности. Тем самым историк может преодолеть нередко встречающуюся ограниченность в агрегировании первичных данных, проведенном современниками.

Тот факт, что в большинстве случаев в имеющихся источниках массовые данные фигурируют в агрегированном виде, естественно порождает стремление при наличии исходных данных вести системный анализ на основе неагрегированных показателей. Это значит, что соответствующая система рассматривается на низшем уровне, когда ее компоненты представляют собой нерасчленимые далее элементы. Подобный анализ правомерен. Но при этом надо учитывать, что его результаты сами по себе, особенно в тех случаях, когда используемые данные замыкаются сведениями лишь о самих исходных объектах, имеют ограниченный характер и их нельзя трактовать в том духе, что они раскрывают всю глубинную сущность изучаемых явлений. В противном случае исследователь может оказаться в положении человека, который на основе физических и химических свойств какого-либо товара должен судить о его стоимости. Поэтому еще раз надо подчеркнуть необходимость при системном анализе рассматривать изучаемую реальность на разных системных уровнях. В этой связи очевидна и безосновательность попыток противопоставления первичных данных как якобы более ценных данным агрегированным как будто менее ценным. Таковы основные методологические моменты, которые необходимо иметь в виду при применении в исторических исследованиях системного анализа.

Структурно-функциональный анализ имеет несомненные преимущества по сравнению с другими методами исторического исследования и является наиболее эффективным. Главное из них состоит в том, что именно на основе структурно-функционального анализа становится возможным восхождение от абстрактного к конкретному, т.е. применение метода, который приводит к конкретно-теоретическому знанию, высшему уровню научных знаний.

Далее, структурно-функциональный анализ создает предпосылки и ведет к моделированию изучаемых систем. Идеальная структура в общем уже и есть сущностно-содержательная модель исследуемой системы. При наличии количественных показателей или возможности формализации и измерения признаков, характеризующих эту систему, открывается путь к построению количественной модели. Тем самым может быть установлена количественная мера соответствующих качественных определенностей и доведено до логического завершения раскрытие единства в системе формы и содержания, явления и сущности, количества и качества.

Указанные преимущества историко-системного метода могут быть использованы при применении историко-типологического, историко-сравнительного и даже историко-генетического методов. В последнем случае результаты структурно-функционального анализа могут включаться в генетическую характеристику исследуемой реальности.

Вместе с тем историко-системный анализ имеет и слабые стороны. Во-первых, наиболее широко он может применяться для синхронного анализа общественно-исторических систем, когда они рассматриваются на определенных горизонтальных временны́х срезах. Это обусловлено тем, что структурно-функциональный анализ направлен прежде всего на выявление целостности, зрелости и устойчивости общественно-исторических систем. А это наиболее успешно решается при синхронном анализе. Тем самым может остаться нераскрытым процесс развития. Во-вторых, системно-структурный и функциональный анализ чреват при недостаточном внимании к его сущностно-содержательной стороне опасностью чрезмерного абстрагирования – формализации изучаемой реальности, а также субъективным конструированием исторических систем. Этими недостатками грешат многие исследования буржуазных историков.

Такова суть основных методов исторического исследования. Понятно, что ни один из них не является универсальным и абсолютным. Наибольший эффект может быть достигнут при их комплексном использовании. При этом применение любых методов должно быть правильным, для чего необходимо строго соблюдать методологические принципы и требования, ибо неумелое обращение с методами исторического исследования может привести к ошибкам и историка-марксиста. Поэтому задача овладения искусством диалектико-материалистического использования методов исторической науки и совершенствования этого искусства стоит и перед историками-марксистами.

В заключение следует отметить некоторые моменты, связанные с проблемами изучения **развития** общественно-исторической реальности. История – не только пространственная, но и непрерывная временна́я деятельность людей, проходящая при определенных и изменяющихся их общественных отношениях. Очевидно, эта деятельность должна изучаться не только в пространственно-синхронном, но и в диахронном выражении. Именно в диахронном изучении общественно-исторического развития многие и видят главную задачу исторической науки. Думается, что абсолютизация диахронного подхода неправомерна, ибо общественно-историческая реальность при непрерывном изменении и развитии в то же время обладает и качественно-временно́й устойчивостью. Поэтому необходимы и синхронный и диахронный подходы к ее изучению.

Диахронный (т.е. разновременный, разномоментный) анализ[69] направлен на изучение исторических *процессов*, т.е. сущностно-*временны́х* изменений исторической реальности в отличие от синхронного (т.е. одновременного) анализа, который имеет цель раскрыть сущностно-*пространственную* природу этой реальности[70]. Выделяются четыре типа исторических процессов[71].

1. Процесс может представлять последовательность этапов или моментов в возникновении, развитии и завершении определенного события в рамках данной исторической ситуации.

2. Процесс может выступать как последовательность смены разных событий внутри данной ситуации.

3. Процесс может складываться как смена ситуаций внутри той или иной исторической системы в фиксированном интервале времени.

4. Процесс может быть сменой исторических систем в определенном историческом интервале. В этом выражении он представляет собой последовательность качественно отличных этапов, стадий или фаз в ходе исторического развития.

Очевидно, что последний тип исторических процессов наиболее сложен как в силу того, что выражает развитие наиболее сложного, интегрального компонента исторической реальности, каким и выступают исторические системы, так и потому, что в этот тип могут входить (и, как правило, входят) все другие типы процессов. Поэтому в анализе исторического развития как смены общественных систем разных уровней и состоит главная задача диахронного анализа, который и получил название *структурно-диахронного*, а еще правильнее его называть *системно-диахронным*.

Практически структурно-диахронный анализ сводится к трем основным вариантам[72]. *Первый* из них выявляет такие характеристики процессов, как продолжительность, частота разных событий, длительность пауз между событиями и т.п. Это простейший вариант анализа, дающий представление об исходном содержании процесса и его внешних характеристиках как системы.

Второй вариант структурно-диахронного анализа направлен на раскрытие внутреннего временно́го строения процесса. Выделяются качественно определенные стадии, или фазы, в его развитии, а также однотипные события, образующие функционирующие в нем

---

[69] О диахронном анализе в научных исследованиях см.: *Столяров В.И.* Процесс изменения и его познание. М., 1966; *Серов Н.К.* Процессы и мера времени: (Проблемы методологии структурно-диахронного исследования в современной науке). Л., 1974.

[70] О синхронном анализе см.: *Галактианов И.В., Энштейн А.Д.* О синхронизации как методе исторического познания // Исторический сборник. Саратов, 1977. Вып. 6.

[71] См.: *Ракитов А.И.* Историческое познание. С. 83.

[72] См.: *Серов Н.К.* Указ. соч. С. 20–22.

подсистемы. Так, генезис капитализма, как указывалось, имел такие внутренние стадии, как простая капиталистическая кооперация, мануфактура и фабрика, а структура капитализма складывалась из взаимодействия промышленности, сельского хозяйства, торговли и рынка, города и деревни и т.д. Это – наиболее широко распространенный вариант диахронного анализа исторических процессов.

Третий вариант структурно-диахронного анализа состоит в выявлении динамики отдельных систем или их совокупности на фоне развития более широкой системы, по отношению к которой исследуемая система выступает как подсистема. Таким будет, например, анализ развития рынка в связи с развитием простого товарного или капиталистического производства или анализ развития общественной мысли в зависимости от хода классовой борьбы или социально-экономического развития. Это наиболее сложный вид структурно-диахронного анализа в его динамическом варианте. Вершиной такого анализа является построение динамических моделей исторических систем. Осуществление этого анализа опирается на два первых варианта и требует *динамических* данных об изучаемых системах. Трудности, обусловленные формированием таких данных, и сложности анализа динамических рядов показателей ограничивают возможности практического применения этого анализа в исторических исследованиях. Историки преодолевают эти трудности путем синхронного анализа исследуемой реальности, проводя его в различные временны́е срезы. При обоснованном выборе последовательных временны́х срезов удается выявить как изменения в развитии систем (прежде всего их структур), так и приблизительные временны́е моменты качественной трансформации систем. Успех во многом зависит от того, насколько уже определены общие этапы и стадии в развитии процесса как целого. Знание временны́х границ этих стадий может служить основой при выборе рубежей для синхронного структурно-функционального, да и иного анализа.

В связи с указанным вариантом анализа исторического развития возникает общий методологический вопрос о том, насколько данные статики могут быть использованы для выявления динамики. В целом на этот вопрос может быть дан положительный ответ не только с практической, но и с методологической точки зрения. Положительный ответ следует из рассмотренного выше соотношения действительности и возможности. Действительность, как было показано, есть реализованная возможность прошлого, а возможность является чертой действительности, представляющей объективную основу для будущего, ибо потенции и тенденции будущего всегда заключены в действительности, в текущем настоящем. Следовательно, если анализ того или иного процесса в той или иной временно́й момент будет не только характеризовать его состояние в данный момент, но и *раскрывать возможности его последующего развития*, заключенные в данном состоянии, то показатели статики мо-

гут быть основой для суждения о последующей динамике. Понятно, что при анализе отдельного временно́го состояния реальности такие суждения могут быть лишь гипотетическими, так как объективная возможность может реализоваться, но может остаться и нереализованной. Но если рассматривается определенная последовательность статических состояний объекта, то каждый последующий рубеж позволяет выявить, какие возможности предшествующего состояния оказались реализованными, а следовательно, и установить истинность той или иной гипотезы. В принципе существует реальная возможность для разработки конкретных путей и методов использования результатов логического анализа объекта для более глубокого познания его истории.

Таким образом, историческая наука располагает богатым арсеналом общеисторических методов исследования. В сочетании с общенаучными методами и на основе диалектико-материалистического метода это позволяет разрабатывать и применять разнообразные конкретно-научные методы для анализа различных исторических явлений и процессов.

3. РОЛЬ ПОНЯТИЙ И КАТЕГОРИЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Понятие представляет собой форму мышления, которая целостно и обобщенно раскрывает существенные отличительные признаки исследуемых объектов и явлений реального мира[73]. Ф. Энгельс указывал, что такие понятия, как материя, движение, "суть не более, как *сокращения*, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей"[74]. Диалектический материализм исходит из того, что основой формирования понятий является объективная реальность, отражаемая сознанием в процессе ее практически-направленного познания. Понятия – это "результаты, в которых обобщаются данные ... опыта", накопленные в процессе этого познания, подчеркивал Ф. Энгельс[75]. Идеализм источник понятий усматривает лишь в мышлении, представляя их как всецело субъективные конструкции.

---

[73] Анализу понятийно-категориального аппарата науки посвящена большая литература. См., например: *Войшвилло Е.К.* Понятие. М., 1967; *Горский Д.П.* Определение: (Логико-методологические проблемы). М., 1974; *Карпович В.Н.* Термины в структуре теории. Новосибирск, 1978; *Смоленский Н.И.* Историческая действительность и историческое понятие // Вопросы истории. 1979. № 2; *Петров В.В.* Семантика научных терминов. Новосибирск, 1982; *Готт В.С., Семенюк Э.П., Урсул А.Д.* Категории современной науки. М., 1984; *Карабанов Н.В.* Проблемы развития социальных понятий. М., 1985, и др.

[74] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 550.

[75] Там же. С. 14. Объективность понятий в своем источнике подчеркивал и В.И. Ленин (См.: Полн. собр. соч. Т. 29. С. 190).

Понятия формируются в процессе как практически-эмпирической, так и научно-познавательной деятельности людей. В первом случае выделяются и закрепляются в определениях (дефинициях) видимые признаки объектов реального мира. Научные понятия отражают существенные признаки объектов, раскрывают их внутреннюю качественную определенность и выражаются в научных *терминах*.

Термины – это словесное, естественно-языковое выражение понятий. Они представляют собой либо отдельные слова, либо определенные словосочетания. При еще не установившейся терминологии содержание понятий может вообще раскрываться описательно.

Формирование научных понятий представляет собой сложный процесс, в котором тесно взаимодействуют чувственность и мышление познающего субъекта. Внутренний механизм этого процесса будет рассмотрен ниже. Сейчас отметим лишь, что понятия отличаются от тех чувственных представлений и образов, которые формируются на стадии чувственного восприятия (живого созерцания) действительности. Это отличие состоит в том, что "посредством форм чувственности предмет воспринимается субъектом как единичное; посредством форм мышления... возникает отражение общего в предмете, понятие, знание"[76]. Следовательно, понятия являются не чувственно-образным, а рациональным синтезированным отражением объективной реальности. Понятия – форма научного знания, в них аккумулируются результаты научного познания. В этой связи надо отметить и различия между *понятиями* и *суждениями*, которые также представляют собой определенную форму знаний. В отличие от суждений, которые могут отражать в объекте и существенное и несущественное, понятия дают целостное представление об объекте, отражая его наиболее существенные отличительные черты, и тем самым являются более высокой, научной формой мышления.

Каждое понятие имеет содержание и объем. *Содержание понятия* – это совокупность существенных отличительных признаков объекта, раскрывающих его качественную определенность. *Объем понятия* – это совокупность объектов, охватываемых данным понятием, т.е. обладающих чертами, составляющими содержание понятия. Содержание и объем понятий находятся в обратном соотношении. Чем более широким является содержание понятия, тем меньше его объем, и наоборот. Так, к примеру, применительно к эпохе капитализма содержание понятия "*фабрикант*" характеризуется такими чертами: частный владелец промышленного предприятия, производство в котором основано на применении системы машин и эксплуатации постоянных наемных рабочих. При данном содержании объем понятия определяется общей численностью промышлен-

---

[76] *Вахтомин Н.К.* Генезис научного знания. М., 1973. С. 107.

ников, ведущих производство на основе применения системы машин и эксплуатации постоянных наемных рабочих. Понятие же "*текстильный фабрикант*" имеет более широкое содержание. К указанным чертам надо добавить, что это – "владелец *текстильного* промышленного предприятия". Но численность "фабрикантов-текстильщиков" меньше, чем "фабрикантов" вообще, т.е. объем второго понятия меньше, чем первого. Поскольку объем понятий в конечном счете определяется их содержанием, важнейшее значение в научном познании имеет адекватное отражение в содержании понятия тех существенных отличительных черт, которые присущи явлениям и процессам изучаемой действительности.

Каждая наука обладает определенной системой выработанных в ней взаимосвязанных понятий. Понятийный аппарат всякой науки непрерывно развивается и обогащается вместе с развитием науки. Расширяется содержание старых понятий, возникают новые понятия и раскрывающие их содержание термины. "Человеческие понятия, – указывал В.И. Ленин, – не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни"[77].

Совокупность понятий той или иной науки можно классифицировать, исходя из их содержания, объема, формы отражения действительности и т.д. Такая классификация необходима для оперирования понятиями, раскрытия соотношения между ними. Так, понятия могут быть *единичными и общими* в зависимости от количества отображаемых объектов. Например, понятия, характеризующие общественно-политические или другие взгляды того или иного представителя общественной мысли, будут единичными, а понятия, раскрывающие черты этих взглядов у целого направления этой мысли, – общими.

Важное значение имеют выделение и различение понятий *видовых и родовых*. Первым присущи все признаки (содержание) вторых; но, кроме того, они имеют и дополнительное содержание, отражающее особенности объектов данного вида. Поэтому при характеристике тех или иных видов объектов нельзя ограничиться лишь признаками, которые присущи всему роду этих объектов. Надо еще раскрыть и признаки, присущие каждому из этих видов.

При оперировании с понятиями необходимо учитывать особенность *противоположных* (*контрарных*) понятий. Она состоит в их несовместимости. Из этого вытекают такие логические выводы. Противоположные понятия об одном и том же классе объектов или явлений, взятом в одном и том же отношении и в одно и то же время, не могут быть оба истинными. В этих же условиях истинность одного из противоположных понятий означает ложность другого. Поэтому нельзя, например, полагать, что какое-либо историческое

---

[77] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 226–227.

явление в одном и том же отношении могло быть одновременно и прогрессивным и реакционным, и содействовало прогрессу и тормозило его. Или не может быть, скажем, такого положения, чтобы в одно и то же время развитие одной и той же системы хозяйства было прогрессирующим и на основе феодальных и на основе буржуазных отношений.

Среди понятий существенно отличными являются понятия *конкретные* и *абстрактные*. Первые характеризуют реальные объекты в их естественной данности, вторые же отражают свойства объектов в отвлеченном от самих объектов виде. Абстрактные понятия прежде всего широко применяются в научных теориях.

Сложности оперирования научными понятиями обусловлены полифункциональностью и размытостью многих терминов, порождаемых не только недостаточной разработанностью и строгостью понятийного и терминологического аппарата той или иной науки, но и особенностями естественного языка, которому присуща семантическая поливариантность словарного состава. Эти сложности прежде всего проявляются в общественно-гуманитарных науках, в которых, как правильно отмечается, научная "терминология не отделена в семантическом отношении столь резкой чертой от обыденного языка, как это происходит с большей частью современной естественнонаучной терминологии"[78].

Таким образом, перед каждой наукой стоит важная задача по совершенствованию и развитию ее понятийного аппарата с тем, чтобы научные понятия, как указывал В.И. Ленин, были "обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир"[79].

Наряду с понятиями формой выражения научного знания и одним из важнейших средств их получения являются *категории*. *Категории* – это широкие, предельно обобщенные понятия, которые отражают наиболее существенные свойства, признаки и связи определенной совокупности объектов реального мира. "Категории, как известно, – писал К. Маркс, – это существенное, типическое во всем многообразии содержания"[80] объективной реальности. Они представляют собой родовые понятия и в этом отношении выступают как наиболее обобщенная форма знания. Если понятия характеризуют отдельные объекты или виды родственных объектов, то категории отражают наиболее существенные свойства всех объектов данного рода. Предельность категорий как понятий выражается в том, что содержание категорий не может быть воспроизведено в каких-то еще более широких определениях. Содержание, выражаемое категориями как родовыми понятиями, входит в видовое понятие,

---

[78] *Петров В.В.* Указ. соч. С. 114.
[79] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 131.
[80] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 55.

но содержание последних не исчерпывается, как уже указывалось, родовым категориальным содержанием.

Существуют различные типы и уровни категорий, которые отличаются степенью общности их содержания и объема. Высший уровень образуют категории *философские*[81]. Это такие предельно общие понятия, как: материя, движение, пространство, время, отражение, качество, количество, мера, скачок, отрицание, противоположность, противоречие, часть, целое, содержание, форма, сущность, явление, причина, следствие, возможность, действительность, необходимость, случайность, единичное, особенное, общее и др. Они отражают наиболее существенные черты объективной реальности и связи бытия и мышления, субъекта и объекта.

Среди философских категорий можно особо выделить *категории диалектики*, играющие ведущую роль в методологии научного познания. Это – общеизвестные диалектические пары: содержание и форма, сущность и явление, качество и количество, целое и часть, необходимость и случайность, возможность и действительность, причина и следствие, единство и противоположность и др.

Особую группу составляют *социально-философские категории*, т.е. категории исторического материализма: общественно-экономическая формация, производительные силы, производственные отношения, базис, надстройка, классовый антагонизм и др.

Наряду с философскими категориями каждая наука обладает своей системой категорий, которые в наиболее обобщенном виде отражают свойства действительности, являющейся объектом познания соответствующих наук. Такие категории получили название *частнонаучных*. Категориями, общими для исторической науки в целом, являются категории исторического материализма, который, наряду с философско-социологическими функциями выступает и как общеисторическая теория.

Особую разновидность категорий составляют *категории общенаучные*[82]. Это такие категории, как: система, элемент, структура, функция, информация, энтропия, вероятность, модель, алгоритм и другие. Формирование большинства из них связано с прогрессом современной науки, появлением и интенсивным развитием новых ее областей (кибернетика, теория информации, семиотика, теория управления, прогностика, квалиметрия и др.), имеющих интегральный характер. Поэтому общенаучные категории занимают как бы промежуточное положение между частнонаучными и философскими категориями. Вырастая нередко из частнонаучных, общенаучные категории отражают такие стороны объективной реальности и процесса ее познания, с которыми имеют дело все науки, и поэтому приобретают статут специально научной всеобщности. Но эта всеобщ-

---

[81] Подробнее см.: *Готт В.С., Семенюк Э.П., Урсул А.Д.* Указ. соч. С. 74 и сл.
[82] См.: Там же. Гл. III.

ность отлична от всеобщности философских категорий. Абсолютная, глобальная универсальность философских категорий выражается в том, что они являются непременными компонентами всякого научного познания и вообще человеческого мышления. Общенаучные категории на данной стадии развития таковыми не являются. Но вполне можно согласиться с тем мнением, что развитие общенаучных категорий будет идти по линии их сближения и интеграции с категориями философскими, прежде всего с категориями материалистической диалектики, которая представляет собой общую теорию, методологию и логику познания объективного мира[83].

Важная роль, которую играют общенаучные категории в современном научном познании, и неизбежное возрастание ее в последующем развитии науки и обуславливает необходимость более активного их включения в понятийно-категориальный аппарат исторической науки.

Значение категорий в научном познании состоит в том, что они, с одной стороны, обобщают знание о мире, а с другой – служат основой для его дальнейшего познания. "Категории,– указывал В.И. Ленин, – суть ступеньки выделения, т.е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее (объективную реальность. – *И.К.*) и овладевать ею"[84].

Возникновение нового знания представляет собой сложный процесс взаимодействия познающего субъекта с объектом познания, органическое сочетание объективного и субъективного, чувственного и рационального. Центральным звеном в возникновении нового знания является *синтез* объективного и субъективного. Он имеет место как на стадии чувственного восприятия, так и на стадии абстрактного мышления. На стадии чувственного восприятия он основывается на уже существующих *представлениях* об объективной реальности, а на этапе абстрактного, рационального мышления – на *категориях*, т.е. на уже имеющемся знании[85].

Таким образом, уже на стадии чувственного познания в познавательном процессе фигурирует не только чувственность субъекта как таковая, но и опыт его познавательной и практической деятельности, выраженный в системе представлений[86].

Однако чувственное восприятие объективной реальности еще не дает научных знаний об этой реальности, ибо многообразие чувственных образов объекта скрывает его внутреннее сущностное единство. Но чувственное восприятие служит основой для получения этих знаний. Путь к их получению – *синтез чувственных данных на основе категорий*. Он осуществляется путем подведения чув-

---

[83] См.: Там же.
[84] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 85.
[85] Подробнее см.: *Вахтомин Н.К.* Указ. соч. Гл. III.
[86] См.: *Колеватов В.А.* Социальная память и познание М., 1984.

ственных данных под категории. В результате этого в объекте улавливается недоступное для чувственного восприятия – его внутреннее сущностное единство. Поэтому "категориальный синтез есть тот конкретный механизм мышления, посредством которого чувственно данное превращается в знание"[87]. Итогом категориального синтеза является формирование *понятий*, научной формы знания, отражающей внутреннюю сущность объекта познания.

Вновь полученные знания включаются в существующую систему знаний, обогащая ее, что ведет к уточнению и углублению имеющихся категорий и к возникновению новых категорий, когда появляются понятия, не укладывающиеся в существующие категории.

Таким образом, проблема понятийно-категориального аппарата науки и ее отдельных областей – не просто вопросы о форме выражения научного знания и научной терминологии, как иногда полагают, а коренные проблемы, связанные с внутренним механизмом получения нового научного знания.

В исторической науке пока не уделяется должного внимания вопросам понятийно-категориального аппарата. Одним из выражений этого является почти полное отсутствие специальных исследований по этим вопросам, а также словарей и справочников понятий и терминов, в которых бы обобщался опыт, накопленный в данной области, и разрабатывались соответствующие проблемы.

Историки овладевают искусством умелого оперирования с понятийно-категориальным аппаратом своей науки в основном в процессе практической исследовательской работы. Но часто это осуществляется интуитивно и даже стихийно, что, естественно, нередко приводит к разным трактовкам понятий и просчетам в оперировании с ними.

Так, зачастую содержание и объем используемых понятий четко не раскрываются или в них вкладывается разное содержание. Возьмем, к примеру, такое понятие, как "*стихийность*" классовой борьбы крестьянства в эпоху феодализма. Одни специалисты по отечественной истории понимают под стихийностью локальность и раздробленность борьбы крестьянства, отсутствие в ней организованности. Исходя из такого понимания стихийности и учитывая рост организованности борьбы крестьянства, что отчетливо прослеживается на примере крестьянских войн под предводительством Болотникова, Разина и Пугачева, делается вывод о том, что уже в эпоху феодализма отмечалось заметное изживание стихийности.

Другие исследователи понимают под "стихийностью" бессознательность борьбы крестьянства и прежде всего ее аполитизм, выражавшийся и в царистских иллюзиях крестьян. Исходя из этого, ут-

---

[87] *Вахтомин Н.К.* Указ. соч. С. 108–109.

верждается, что не только в эпоху феодализма, но вплоть до начала XX в. борьба крестьянства оставалась стихийной.

Вокруг проблемы стихийности борьбы крестьянства идет многолетняя и бесплодная дискуссия, ибо спорящие стороны исходят из разного понимания содержания понятия, а "надо, указывал В.И. Ленин, выяснить точно понятия, если хотеть вести дискуссию"[88], которая может дать конструктивные результаты.

Заметим, что спор идет и без учета того, как указанные проблемы решаются в науке в широком философском плане. А они между тем решены и вполне убедительно[89]. Доказано, что антитезой стихийности является сознательность, а не организованность, которая, хотя и в разной степени, присуща и стихийности и сознательности. Далее, стихийность и сознательность присущи всякой массовой борьбе и выступают в единстве и противоположности. Противоположность их очевидна. Она и фигурирует у исследователей при изучении характера классовой борьбы крестьянства (да и рабочего класса тоже), а вот их единство учитывается не всегда. А оно состоит в том, что по мере развития классовой борьбы стихийность перерастает в сознательность, и сознательность всегда сочетается с определенными проявлениями стихийности. В конкретно-историческом раскрытии соотношения сознательного и стихийного в классовой борьбе и состоит задача историков, а не в абсолютизации одной или другой стороны этой борьбы.

Наряду с правильным, адекватным действительности раскрытием содержания исторических понятий, важное значение имеет полное определение их содержания. В противном случае, особенно при изучении сложных и противоречивых исторических явлений, это также может приводить к односторонности в трактовке последних и вызывать необоснованные споры.

Примером подобной некорректности служит оценка историками сущности идеологии и борьбы революционного народничества в России. В истории его изучения в советской историографии имели место две крайности. Одна состояла в том, что, исходя из ошибочности субъективно-идеалистических социологических взглядов народников, выражавшихся, в частности, в признании капитализма упадком и регрессом и возможности для общественных сил направить развитие России на путь социализма, минуя капитализм, идеология и борьба революционного, как и всего народничества, признавались всецело ошибочными и даже реакционными. Для другого подхода, наоборот, было характерно подчеркивание лишь революционно-демократической стороны взглядов и деятельности революционных народников, что приводило к односторонней оценке и даже к определенной идеализации народничества.

---

[88] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 93.

[89] См., например: *Бугреев А.Н.* Диалектика стихийности и сознательности в общественном развитии. М., 1982.

Действительная же сущность и идеологии и революционной борьбы народников состояла в органическом сочетании и верного и ошибочного, и прогрессивного и отсталого, что и было показано вслед за В.И. Лениным исследователями последнего времени.

Важным условием корректного оперирования с понятиями являются четкое разграничение понятий видовых и родовых и учет различий в их содержании. Но историки не всегда соблюдают указанные требования. Это приводит к тому, что порой сложные явления и процессы, суть которых может быть раскрыта совокупностью видовых и родовых понятий, пытаются охарактеризовать неким единым понятием.

Так, хорошо известно, что в процессе роста общественного разделения труда возникает товарное производство и формируется рынок как арена купли-продажи товаров, а главное, как арена проявления законов, воздействующих на производство и регулирующих отношения продавцов и покупателей. Рынок – это родовое понятие, поскольку в действительности рынок мог быть либо простым товарным, либо капиталистическим в зависимости от того, законами какого производства (простого товарного или капиталистического) регулировалось его функционирование. Следовательно, простой товарный рынок и капиталистический рынок – видовые понятия. Между тем высказывается мнение, что "имеется лишь один рынок – единый, национальный, капиталистический"[90]. Тем самым безосновательно сущность сложного процесса, который может быть адекватно отражен лишь в системе понятий, сводится к одному из видовых понятий.

Другим вариантом некорректного обращения с понятиями может быть необоснованное изменение их содержания. Так, давно введенным в историческую науку родовым понятием является "мануфактура". Суть мануфактуры как родового понятия состоит в том, что она представляет собой крупное промышленное производство, основанное на ручном труде и разделении труда в процессе производства. Это – отличительные черты всех мануфактур. Существует целый ряд видов мануфактур, суть которых раскрывается видовыми понятиями. По способу организации производства выделяются мануфактуры централизованные и рассеянные, по сословной принадлежности – купеческие, дворянские, крестьянские и т.д., по системе производственных отношений (по социальной природе) – основанные на принудительном труде лично зависимых от мануфактуриста производителей и на вольнонаемном труде. Последний вид мануфактур обычно относится к разряду капиталистических. Однако высказывается мнение, что социальный тип мануфактуры должен определяться не характером эксплуатации (принудительный труд и

---

[90] *Буганов В. И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Эволюция феодализма в России. М., 1981. С. 223.

вольнонаемный труд), а тем, создается ли на ней потребительная или меновая стоимость, т.е. работает ли мануфактура на рынок или нет. Исходя из последнего, и полагают, что в России мануфактура во всех ее видах "являла собой уклад капиталистического общества в недрах феодализма"[91]. Так неправомерная подмена содержания родового понятия одним из видовых понятий используется для обоснования того, что якобы все мануфактуры были капиталистическими.

Количество приведенных примеров некорректного оперирования историков с понятиями своей науки можно увеличить. Но и отмеченные достаточно отчетливо иллюстрируют круг возможных просчетов при таком подходе и показывают необходимость строгого отношения к понятийному аппарату.

Наряду с корректным обращением с понятийным аппаратом важнейшее значение в исторических исследованиях имеет обоснованное проведение категориального синтеза конкретных данных. Этот вопрос будет рассмотрен специально. Сейчас же лишь отметим, что от содержания категории, на основе которой осуществляется синтез данных, в конечном счете зависит раскрытие сущности изучаемых явлений и процессов. Поэтому первостепенное значение и имеет обоснованность выбора категорий. Он обусловлен рядом факторов.

Основную роль играет характер той теории и методологии исторического познания, из которых исходит историк. Допустим, что был установлен факт неповиновения феодально зависимых крестьян помещику. Чтобы раскрыть внутреннюю природу этого явления, буржуазный историк может подвести его под категорию феодального правопорядка. И тогда, исходя из того, что этот правопорядок всецело стоял на защите интересов господствующего класса, неповиновение крестьян будет рассматриваться как нарушение установленных норм и может быть истолковано как преступление и уж во всяком случае как явление, общественно негативное.

Историк-марксист для раскрытия сути этого факта подведет его под категорию классового антагонизма. И тогда неповиновение крестьян предстанет как акт классовой борьбы, как прогрессивное историческое явление.

Очевидно, что в данном случае столь радикальные различия в раскрытии сути явления будут обусловлены различными теоретико-методологическими позициями историков. В исторической науке подобного рода принципиальные теоретико-методологические расхождения прежде всего и проявляют себя в категориальном синтезе, в процессе подведения конкретных данных под существенно различные по содержанию категории.

---

[91] Там же. С. 214–215.

Однако подведение конкретных данных под разные категории может иметь место и при единых теоретико-методологических позициях историков. В результате независимо от того, чем продиктован выбор разных категорий, суть рассматриваемых явлений будет раскрываться неодинаково. Правда, различия не будут столь радикальны, как в первом случае, но могут приобретать и существенный характер. Один пример. При выявлении сути общественно-политических взглядов А.Н. Радищева одни советские исследователи (их большинство) подводят эти взгляды под категорию "дворянская революционность". На основании этого взгляды Радищева характеризуются как антикрепостнические и революционные, но не исключающие и возможности при определенных условиях реформистских преобразований. Призыв к народной революции оценивается как теоретическая идея, а не как план ее практической подготовки.

Но имеют место и попытки раскрытия сути общественно-политических взглядов Радищева исходя из категории "революционный демократизм". Здесь Радищев предстает как последовательный демократ и революционер, поднявшийся до осознания классовых интересов крестьянства. Как видим, в главном – в показе революционной сущности взглядов – эти подходы едины. Но им присущи и немаловажные различия. Представляется, что обоснованным является первый подход. Дворянская революционность – это категория, характеризующая наиболее существенные черты революционности, присущей условиям, имевшим место в ту эпоху в России и ряде других государств. Основная специфика этой революционности, как известно, состояла в том, что в то время, когда класс буржуазии еще только зарождался, задачу обоснования необходимости революционных преобразований существующего общественного строя решали наиболее передовые представители дворянства. Это порождало определенную ограниченность дворянской революционности. Что касается революционного демократизма, идеологии, выражавшей классовые интересы крестьянства, то она – явление более поздней эпохи. Поэтому оценка сущности взглядов Радищева посредством этой категории необоснованна.

В целом же следует подчеркнуть, что расхождения между историками (имеются в виду историки-марксисты) в определении сути одних и тех же фактов, возникающие в процессе категориального синтеза, вполне естественны и даже закономерны. В конечном счете подобные расхождения – проявление активности субъекта в процессе познания. Эта активность – несомненно положительная сторона познания и даже гарантия его успешного развития, несмотря на то, что порождает разные мнения и возникающие на этой основе споры и дискуссии. Именно наличие разных мнений и дискуссий и побуждает ученых, в том числе и историков, к активной разработке спорных проблем, что в конечном счете и приводит к их решению. "Без прений, споров и борьбы мнений никакое движение... невоз-

можно", – подчеркивал В.И. Ленин[92]. Поэтому споры и дискуссии – важное и необходимое средство успешного развития научных исследований[93].

Разумеется, споры и дискуссии, чтобы приносить пользу науке, должны вестись при соблюдении определенных условий.

Прежде всего все дискуссии и споры должны быть направлены на поиск истины, на углубление знаний, на выработку принципов, путей и методов достижения этих целей, а не сводиться к простому отстаиванию высказанных ранее мнений и трактовок. Это требует углубления теоретико-методологических подходов к старым проблемам и привлечения комплекса новых конкретно-исторических данных, а не многократного повторения уже высказанных соображений и приведения отдельных примеров, как еще бывает.

В центре внимания дискуссии должно находиться выяснение расхождений по наиболее существенным аспектам, а не споры по частностям и деталям. "Полемика, – указывал В.И. Ленин, – только в том случае принесет пользу, если она выяснит, в чем собственно состоят разногласия, *насколько они глубоки*, есть ли это разногласия по существу или разногласия в частных вопросах"[94]. В этой связи имеет важное значение, как указывалось, и четкое раскрытие содержания употребляемых понятий.

Кроме того, требуются корректное представление сути взглядов и основных аргументов оппонентов и развернутая контраргументация. Поэтому совершенно неправомерны еще порой встречающиеся попытки отклонения иной точки зрения лишь с аргументацией типа "представляется неубедительной", "является предположительной" и т.п. В.И. Ленин придерживался того мнения, что "нельзя критиковать... автора, нельзя *ответить* ему, если не приводить целиком хотя бы главнейших положений его статьи"[95]. Точно так же неправомерно призывать себе в союзники ученого, отстаивающего в целом иные позиции по спорной проблеме, приводя отдельные факты из его работ.

Дискуссия наиболее плодотворна тогда, когда полемика сочетается с конструктивным подходом, с раскрытием и обоснованием иного решения проблемы. Именно в полемике могут быть наиболее убедительно показаны преимущества нового подхода. В этой связи В.И. Ленин отмечал: "...нельзя развивать новых взглядов иначе как полемически"[96]. Ф. Энгельс указывал, что критика Дюринга "дала мне возможность в положительной форме развить в весьма различ-

---

[92] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 166.

[93] См.: *Соколов А.Н.* Проблемы научной дискуссии: Логико-гносеологический анализ. М., 1980; *Прошунин Н.* Что такое полемика? М., 1985.

[94] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 215.

[95] Там же. Т. 30. С. 113.

[96] Там же. Т. 22. С. 66.

ных ...областях знания мое понимание вопросов, имеющих в настоящее время общий научный или практический интерес"[97].

Наконец, всякие дискуссии и споры должны быть корректными по форме.

Говоря о месте в науке дискуссий и споров, следует напомнить о той важной роли, которую играет в прогрессе исторической науки критика историками-марксистами буржуазных, мелкобуржуазных и ревизионистских направлений в современной науке. Главным здесь является не просто показ ошибочности тех или иных конкретно-исторических построений и выводов, а прежде всего раскрытие несостоятельности теоретико-методологических основ немарксистской историографии. Разумеется, это не означает, что с этой историографией надо вести только полемику. Следует учитывать и творчески использовать и те успехи, которые достигнуты ею в выявлении, накоплении и оценке достоверности конкретно-исторических, прежде всего массовых данных, а также в разработке методики и техники исторических исследований.

Как видим, понятийно-категориальный аппарат играет в науке важную роль не только как форма выражения и способ накопления научных знаний, но и как необходимое средство получения новых знаний.

Глава 5

СТРУКТУРА И УРОВНИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Всякое научное исследование представляет собой системный процесс. Совокупность выполняемых в историческом исследовании процедур распадается на следующие основные этапы: *выбор объекта и постановка исследовательской задачи; выявление источниково-информационной основы ее решения и разработка методов исследования; реконструкция исследуемой исторической реальности и эмпирическое ее познание; объяснение и теоретическое познание; определение истинности и ценности полученного знания и его оценка*. Все эти этапы, во-первых, последовательно и тесно взаимосвязаны и, во-вторых, складываются из целой совокупности исследовательских процедур, требующих соответствующих методов. Поэтому при более детальном раскрытии логической структуры исторического исследования можно выделить и значительно большее число его внутренних этапов[1]. В данном случае мы ограничиваемся

---

[97] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 6.

[1] См.: *Грушин Б.*А. Логика исторического исследования. М., 1961; *Герасимов И.Г.* Научное исследование. М., 1972; *Он же*. Структура научного исследования: (Философский анализ познавательной деятельности). М., 1985.

лишь указанными основными, ибо имеется в виду не раскрытие всей последовательности процедур, из которых складывается историческое исследование, а лишь постановка наиболее существенных методологических проблем, решаемых в нем.

1. ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

Каждое историческое научное исследование (как и любое другое) имеет свой объект познания. Им является какая-то часть объективной исторической реальности, взятая в том или ином ее пространственно-временно́м проявлении. Масштабы этой реальности могут быть самыми различными, начиная с отдельных событий и кончая сложными общественными системами и процессами.

Объективная историческая реальность, обладающая множеством присущих ей свойств и связей, не может быть отражена во всем ее многообразии не только отдельным исследованием, но даже серией их. В силу этого в любом исследовании не только выбирается объект познания, но и ставится осознанно или подразумевается исследовательская задача, направленная на решение определенной научной проблемы. *Научная проблема*[2] – это возникшие в процессе научного познания вопрос или комплекс вопросов, решение которых имеет практическое или научно-познавательное значение. От подлинно научных, объективно возникших и представляющих существенный интерес проблем следует отличать лжепроблемы, т.е. искусственно поставленные, не имеющие ни научной, ни практической значимости вопросы. Проблема выделяет неизвестное в объекте познания в форме вопросов, которые и составляют основу для постановки конкретных исследовательских задач. *Исследовательская задача* не просто раскрывает круг подлежащих исследованию явлений реальности, но и определяет конкретные аспекты и цели их изучения, ибо эти аспекты и цели могут быть многообразными. Разумеется, все это не исключает и "свободного" исследовательского поиска, который может привести к весьма существенным результатам и даже неожиданным открытиям.

При выборе изучаемого объекта и постановке исследовательской задачи историк должен исходить, во-первых, из учета практических потребностей современности и, во-вторых, из состояния познания исследуемой реальности, степени ее научной изученности. В этом плане и объект познания и решаемая проблема должны быть актуальными, т.е. представлять практический и научно-познавательный интерес.

Для активного удовлетворения общественных потребностей историки должны хорошо знать современность и предъявляемый ею

---

[2] См.: *Берков В.Ф.* Научная проблема. Минск, 1979; *Карпович В.Н.* Проблема. Гипотеза. Закон. Новосибирск, 1980.

спрос на историческое знание в различных временны́х и содержательных аспектах. Причем историк должен не просто удовлетворять ту или иную уже определившуюся потребность в историческом знании, но и проявлять, как указывалось при характеристике социальных функций исторической науки, активность и настойчивость в воплощении в общественную практику результатов исторических исследований.

Что касается современной эпохи в развитии советского общества, то среди множества проблем, в решение которых могут внести свой вклад историки, следует обратить внимание на две. Прежде всего это роль человеческого фактора во всех проявлениях и на всех уровнях в ускорении общественного прогресса. Поэтому наряду с раскрытием внутренней обусловленности и закономерностей общественно-исторического развития необходимо усилить внимание к выявлению субъективно-исторических факторов этого развития, к показу их взаимодействия с факторами объективными, к анализу механизмов этого взаимодействия. Кроме того, изучение прошлого должно служить совершенствованию путей и методов прогнозирования последующего хода современного развития. История открывает здесь большие возможности, которые не только не используются, но даже еще и не осознаются должным образом. Они состоят в том, как указывалось, что, изучая "прошедшее настоящее" и прогнозируя следующее за ним "прошедшее будущее", историк имеет возможность сопоставить эти прогнозы с реальным ходом развития и на этой основе вырабатывать эффективные принципы, пути и методы построения прогнозов. Эту задачу историки должны решать вместе со специалистами по прогнозированию – экономистами, социологами, математиками и т.д.

В свете указанного очевидно также, что практическая актуальность исторических исследований не определяется одной их временно́й близостью к современности, хотя, естественно, недавнее прошлое во многих аспектах содержит больше практически значимого для решения задач текущего развития, чем отдаленные эпохи. Но это – только в целом. Вообще же лишь при широком всестороннем и глубоком познании прошлого историческая наука в полной мере может отвечать потребностям современности.

Обоснованный выбор объекта исторического исследования и особенно постановка исследовательской задачи и выбор путей и методов ее решения требуют непременного учета степени изученности рассматриваемых явлений и процессов исторической реальности. Историческое познание, как и всякое другое научное познание, основанное на марксистской теории и методологии, представляет собой непрерывный и поступательный процесс, продолжение которого может быть успешным лишь на основе учета его предшествующего хода и достигнутых результатов. В исторической науке решением этой задачи, как известно, занимается специальная истори-

ческая дисциплина – *историография*. Важностью знания предшествующего развития исторической науки для практики текущих исторических исследований и было обусловлено ее возникновение.

Понятие "*историография*" употребляется в разных смыслах. Чаще всего под историографией имеют в виду ту или иную совокупность научных трудов об общественно-историческом развитии. В этом смысле говорят об историографии по истории средних веков, новой истории, отечественной истории или историографии движения декабристов, крестьянской реформы 1861 г. и т.д., подразумевая всю историческую литературу по этим сюжетам, возникшую на протяжении всей истории их изучения. В другом варианте указанного подхода под историографией имеют в виду совокупность исторических трудов, созданных в ту или иную историческую эпоху, т.е. на том или ином этапе развития исторической науки безотносительно к их тематическому содержанию (например, французская историография эпохи реставрации, русская историография периода империализма, советская историография периода Великой Отечественной войны и т.д.).

Далее, в связи с широким распространением исторических исследований, объектом изучения которых является сама историческая наука, под историографией стали понимать работы по истории исторической науки.

Изучение истории исторической науки имеет два аспекта. Первый – это общее состояние и развитие исторической науки в той или иной стране (или ряде стран) на протяжении всей ее истории или в отдельные исторические периоды. Оно направлено на выявление закономерностей и особенностей развития исторической науки, основных его этапов и направлений, присущих им теоретико-методологических основ и конкретно-исторических концепций, а также общественных условий функционирования исторической науки и ее влияния на общественную жизнь и т.д. Второй аспект сводится к изучению истории разработки отдельных проблем, т.е. историографический анализ охватывает всю совокупность исторических исследований, посвященных изучению тех или иных явлений общественно-исторического развития. В условиях острой идейной борьбы марксистской и буржуазной идеологий и в сфере исторической науки особым разделом марксистских проблемных историографических исследований стали работы по критике немарксистских исследований по тем или иным сюжетам прошлого, прежде всего по истории нашей страны.

Наконец, сами работы по истории исторической науки (в указанных их вариантах) становятся объектом специального изучения, и возник тип работ, которые называют *историографией историографии*.

Таким образом, в практике исторических исследований термин "историография" приобрел характер родового понятия, включаю-

щего ряд его видов. Во избежание путаницы в употреблении понятий было бы целесообразно, чтобы каждое из них обозначалось определенным термином. Со временем, наверное, так и будет. В данный же момент наметилась тенденция *иметь в виду под историографией исследования по истории исторической науки* как в целом, так и применительно к истории разработки отдельных ее проблем. В этой связи совокупность исторических трудов, созданных в ту или иную эпоху или посвященных изучению тех или иных эпох либо отдельных явлений прошлого, лучше называть не историографией, а *историческими трудами такой-то эпохи или трудами о таких-то исторических эпохах и исторических явлениях*.

Целью историографического обоснования исследовательской задачи является раскрытие основных этапов и направлений, имевших место в изучении соответствующих явлений или процессов, теоретико-методологических подходов, из которых исходили представители разных направлений, источнико-информационной базы и методов изучения, полученных результатов и их научной значимости в истории исследования рассматриваемой исторической реальности. На этой основе могут быть выявлены те аспекты этой реальности, которые либо не получили должного освещения, либо вообще оказались вне исследовательского поля зрения. На их изучение и должна быть направлена постановка исследовательской задачи. Ее реализация имеет цель получение нового знания об изучаемых явлениях и процессах.

Историографическое обоснование исследовательской задачи – важнейший этап в любом историческом исследовании. Успешное решение возникающих здесь вопросов требует соблюдения общих для исторической науки принципов – историзма, партийности и объективности. Понятно, что в историографическом исследовании эти принципы имеют свою специфику проявления и связаны с решением ряда конкретных методологических проблем.

Одной из них является определение тех критериев, исходя из которых должны выделяться существенно отличные направления исторической науки, занимавшиеся изучением рассматриваемой исторической реальности (да и исторического прошлого вообще). Основой здесь должно быть выявление социальных, классовых позиций историков, ибо именно эти позиции прежде всего и определяют степень объективности исследований, а также их целевую заданность. Вместе с тем в пределах единых социально-классовых направлений исторической науки могут существовать внутренние течения, различающиеся как степенью научной объективности, так и содержанием конкретно-исторических концепций. Эти различия определяются теоретико-методологическими посылками, лежащими в основе этих концепций. Так, исторические концепции буржуазной исторической науки в области теории базируются и на идеализме, и на вульгарном материализме, и на плюрализме, а в методологии – на

субъективизме, объективизме и релятивизме. Но разные теоретико-методологические подходы не выводят внутренние течения буржуазной исторической науки за пределы их единой буржуазно-классовой сущности.

Таким образом, направления исторической науки должны выделяться по партийно-классовой сущности, а их внутренние течения – по различиям в теории и методологии исторического познания. Основные же этапы в развитии как исторической науки в целом, так и в изучении отдельных явлений и процессов прошлого характеризуются определенным сочетанием направлений, присущих тому или иному периоду истории. Существенные изменения в соотношении этих направлений (например, переход ведущей роли от одного направления к другому) означают переход от одного этапа к другому.

Разные этапы в изучении прошлого и тех или иных его явлений и процессов имеют место и в советской исторической науке. Но эти этапы после утверждения в середине 30-х годов в советской исторической науке марксистской теории и методологии исторического познания различаются не идейно-классовой направленностью и теоретико-методологической вооруженностью, как порой пытаются изобразить буржуазные историографы, а соотношением дифференциации и интеграции в развитии исторической науки, характером ее источниковой основы и методов исторических исследований, а тем самым и теоретико-методологическим и конкретно-научным уровнем этих исследований и их общественно-научной значимостью.

Важное место в историографическом обосновании исследовательской задачи имеет оценка научных результатов, полученных отдельными исследователями, школами, течениями и направлениями исторической науки. Очевидно, эта оценка должна быть объективной и историчной. Объективность требует исключения какой-либо заданности, свободы и от нигилизма, и от консерватизма, т.е. и от недооценки и от переоценки полученных результатов. Историзм обязывает судить о научных заслугах историков, как, впрочем, и всех ученых, не по тому, чего они не дали по сравнению с современным состоянием науки, а по тому, что они дали нового по сравнению со своими предшественниками[3]. При выявлении этого нового необходимо учитывать характер подхода к объекту познания, конкретно-фактическую основу его изучения, теоретико-методологические принципы и методы этого изучения, полученные конкретно-научные результаты, их новизну и вклад в освещение проблемы и в общее развитие исторической науки, практически-прикладную направленность и значимость исследования и его роль в общественной практике.

В целом историографический анализ позволяет выявить степень предшествующей изученности объекта исследования, опреде-

---

[3] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 178.

лить имеющиеся пробелы, нерешенные и спорные проблемы, обоснованность имевших место подходов и использованных методов и т.д. и на этой основе выдвинуть исследовательскую задачу.

При постановке исследовательской задачи не должно быть заданности на подтверждение или опровержение каких-то ранее полученных результатов. Это может повести по неправильному и, уж во всяком случае, ограниченному пути. Объективно опровергнуть или подтвердить что-то можно только, основываясь на результатах проводимого исследования.

Чтобы исследовательская задача не просто позволяла восполнить существующие пробелы или продолжить намеченные линии исследования на основе уже выработанных подходов и методов, но и допускала возможность получения существенно новых результатов, она должна ориентироваться на привлечение новых источников или извлечение из известных источников новой информации и использование иных подходов и методов изучения рассматриваемой реальности. Разумеется, это никоим образом не означает неправомерности исследований, проводимых на основе уже опробированных и оправдавших себя источников, подходов и методов, используемых для анализа тех же или аналогичных явлений, рассматриваемых в ином пространственном или временно́м выражении. Более того, такие исследования, охватывающие массовые исторические явления и процессы, изучение которых требует коллективных усилий, непременно должны проводиться на базе единых подходов и методов, ибо только таким путем можно получить сопоставимые и сводимые результаты. Но подобные исследования развивают науку *вширь*, что чрезвычайно важно, но не снимают задачи ее развития *вглубь*, для чего и необходимы новые подходы.

Естественно, что нестандартная постановка исследовательской задачи требует не простого подведения итогов предшествующего изучения рассматриваемого объекта, но и глубокого теоретико-методологического анализа и этих итогов и возможных иных направлений и подходов дальнейшего его исследования.

Таков основной круг конкретно-методологических проблем, решаемых при выборе объекта и постановке исследовательской задачи.

Исследовательская задача в исторической науке может быть решена лишь при наличии источников, содержащих необходимые сведения об объекте познания. Поэтому важнейшим этапом в структуре исторического исследования выступает формирование его *источнико-информационной основы*. Здесь историк может использовать как уже известные, так и привлекать новые источники, поиск которых, особенно в архивах, требует определенных знаний и навыков. В частности, необходимо знать как систему накопления и хранения социальной информации в изучаемую историческую эпоху, так и структуру современного архивного и библиотечного фондов.

Изучением связанных с этим вопросов занимаются такие вспомогательные по отношению к исторической науке дисциплины, как археография, архивоведение, документалистика и др.

Проблемы отбора, установления подлинности, достоверности и точности исторических источников, а также методы обработки и анализа содержащихся в них сведений разрабатываются *источниковедением*, которое, как и историография, является специальной исторической дисциплиной. Историками накоплен большой опыт работы с источниками, и существует огромная как общая, так и специальная литература по источниковедению. Отметим лишь некоторые наиболее существенные конкретно-методологические моменты, связанные с обеспечением источнико-информационной основы исторического исследования.

Выявление, отбор и критический анализ источников должны ориентироваться на обеспечение качественной и количественной представительности конкретно-исторических данных, необходимых для решения поставленной задачи. Это зависит не только, а часто даже и не столько от количества привлекаемых источников, но и прежде всего от их информативной ценности. Поэтому нередко проявляющееся стремление использовать как можно больше источников само по себе не только не дает результатов, но и может привести к загромождению исследования малосущественными либо вовсе ненужными для решения поставленной задачи фактами. Вместе с тем определение оптимального объема необходимой для исследования информации нередко весьма сложно, и, как правило, в исторических исследованиях содержится та или иная избыточная информация. Само по себе это не является минусом, ибо эта информация может в дальнейшем послужить основой для новых подходов к объекту познания и для постановки новых исследовательских задач. Важно лишь, чтобы она не осложняла достижения искомой цели. Всем этим и обуславливается необходимость отбора из источников таких конкретно-исторических данных, которые обладают качественной представительностью.

Качественная представительность включаемых в анализ сведений об объекте познания определяется тем, насколько они раскрывают существенные в плане поставленной задачи черты, свойства и связи, присущие этому объекту. Практическое обеспечение этой представительности может затрудняться целым рядом обстоятельств.

Во-первых, может оказаться непростым, как уже отмечалось, определение самого состава даже прямых признаков, выражающих существенные свойства объекта. Такое положение возникает в тех случаях, когда речь идет о сложных исторических явлениях и процессах, особенно в стадии становления или перехода из одного состояния в другое. Здесь установить необходимые признаки можно лишь тогда, когда достигнут уже сравнительно высокий уровень

предшествующего изучения исследуемых явлений, т.е. когда имеющееся знание является конкретно-теоретическим и раскрывает основные закономерности функционирования и развития соответствующей исторической реальности.

Во-вторых, еще более трудным оказывается предварительное определение тех существенных взаимосвязей, которые могут быть присущи элементам и свойствам той или иной общественной системы. Тем самым затрудняется и отбор признаков, включаемых в анализ.

В-третьих, источники могут и не содержать непосредственно выраженных существенных признаков объекта, необходимых для решения поставленной задачи.

В первых двух ситуациях возникающие затруднения могут преодолеваться увеличением числа признаков, вводимых в анализ. При большом числе показателей, содержащихся в источниках, здесь может потребоваться отбор и анализ нескольких их вариантов. В тех случаях, когда используются данные о массовых явлениях и процессах, характеризуемых большим числом признаков, может оказаться целесообразной предварительная экспериментальная обработка выборочной совокупности этих данных.

Когда же источники не содержат необходимых прямых данных, эти данные могут быть получены путем извлечения информации скрытой, т.е. повышением информативной отдачи источников. Однако, несмотря на то, что в принципе источники содержат неограниченный объем скрытой информации, это не значит, что в каждом конкретном исследовании она может быть получена. Если в силу содержательной бедности имеющихся источников или неясности путей и методов извлечения из них скрытой информации не удается сформировать качественно представительный набор признаков, следует внести коррективы в постановку исследовательской задачи, ибо ее решение на основе непредставительной системы показателей может привести к ошибочным результатам.

Что касается *количественной представительности* привлекаемых данных, то она связана с изучением массовых исторических явлений и процессов на основе выборочных данных, охватывающих лишь часть объектов из изучаемой их совокупности. О формировании репрезентативных в количественном отношении выборочных данных будет идти речь во второй части настоящей работы. Очевидно, что, если имеющиеся в источниках данные количественно непредставительны для исследования поставленной задачи, эта задача, как и при непредставительности качественных признаков, должна подвергнуться соответствующей корректировке либо ее решение должно быть отложено до выявления необходимых для этого данных.

В целом, как видим, решение той или иной исследовательской задачи не просто требует представительной источнико-информаци-

онной основы: сама постановка задачи должна увязываться с этими основами. Это – один из важнейших конкретно-методологических принципов и нормативное требование, которое должно соблюдаться в любом историческом исследовании.

Следующим звеном в логической структуре исторического исследования является выбор или разработка *системы методов* исследования. В любом историческом исследовании применяется именно комплекс методов. Уже сама постановка исследовательской задачи требует, как указывалось, определенных подходов и методов и в установлении потребностей в данном историческом знании, и в оценке состояния изученности проблемы. Особый круг методов используется при решении источниковедческих проблем. Это методы и выявления необходимых источников, и критической проверки достоверности и точности используемых данных, и определения их качественной и количественной представительности и др. Своя совокупность методов необходима для систематизации, обработки и анализа конкретных данных на стадии реконструкции изучаемой реальности и эмпирическом уровне ее познания, а также на стадии объяснения фактов, их категориально-сущностного синтеза и итогового обобщения, т.е. на теоретическом уровне познания.

Очевидно, что применяемая совокупность методов всегда будет иметь свою специфику, определяемую содержательным и целевым характером исследовательской задачи, т.е. свойствами изучаемой реальности и целями ее изучения, а также источнико-информационными возможностями ее решения. Поэтому и существует огромное множество конкретно-проблемных (или, говоря иначе, конкретно-научных) методов.

Несмотря на то, что конкретно-проблемные методы представляют собой различные сочетания общенаучных методов и основываются на том или ином специально-научном (в данном случае общеисторическом) методе или совокупности этих методов, каждый из них обладает качественной определенностью и целостностью, а не есть лишь простое сочетание общенаучных методов, прилагаемых к изучению той или иной конкретной реальности, как иногда полагают. Действенность и эффективность общенаучных методов проявляется лишь в конкретно-научных методах, посредством которых только и может осуществляться взаимодействие познающего субъекта с познаваемым объектом, т.е. происходит познавательный процесс. В этом плане правомерно считать, что общенаучные, да и специально-научные методы, образно говоря, представляют собой выработанные в процессе длительного познавательного опыта унифицированные интеллектуальные средства, некие “детали” и “узлы”, из которых могут конструироваться различные конкретные и специализированные методы, выступающие в роли “машины”, производящей научное знание.

Из сказанного очевидно, что всякая общая характеристика процесса выработки методов решения конкретных исследовательских задач может состоять лишь в раскрытии тех методологических подходов и принципов, которыми следует руководствоваться при этом. Прежде всего необходимо обратить внимание на следующие моменты.

Исходным при выработке методов решения поставленной исследовательской задачи должен быть учет (в рамках этой задачи) объективной содержательной природы исследуемого объекта, выражаемой присущими ему чертами и свойствами, а также его пространственной и временно́й протяженности. Очевидно, что изучение, скажем, явлений экономических и идеологических требует разных подходов и методов, ибо основная суть первых зависела прежде всего от тех общих закономерностей, которые определяли функционирование и развитие тех или иных конкретных экономических явлений, а суть вторых определялась их социально-классовой природой. Поэтому применяемые методы должны давать возможность в первом случае раскрыть проявление в особенном общего, а во втором случае – свести идеальное к социальному. Понятно, что различными будут и методы изучения явлений индивидуальных (единичных) и массовых, а также явлений, рассматриваемых в статике и динамике и т.д.

Природа изучаемой реальности, рассматриваемая в свете поставленной задачи, прежде всего позволяет определить те общеисторические методы, которые могут быть применены для решения этой задачи. Если, например, задача состоит в раскрытии сущности общественно-политических и иных взглядов отдельных представителей того или иного направления общественной мысли, то в данном случае наиболее эффективными будут либо историко-генетический либо историко-сравнительный метод, либо и тот и другой одновременно. При изучении же разложения крестьянства или при изучении социальной структуры рабочего класса адекватным методом будет историко-типологический в сочетании с историко-системным.

Далее, природа изучаемой реальности и достигнутый уровень ее познания позволяют определить те основные общенаучные методы, посредством которых будет реализовываться избранный общеисторический метод. В этом случае прежде всего необходимо установить возможность применения наиболее эффективного из этих методов – метода восхождения от абстрактного к конкретному, который позволяет познать сущность изучаемой реальности в органическом единстве с многообразием выражающих ее явлений. Для применения этого метода требуется, чтобы имеющееся знание об этой реальности допускало либо выделение ее исходной клеточки, либо построение выражающего ее идеального объекта. Если такой подход окажется возможным, то тем самым будет предопределяться и возможность применения методов дедукции, синтеза и моделирования. В противном

случае придется первоначально ограничиться методами восхождения от конкретного к абстрактному и индуктивного анализа.

Наряду с природой изучаемой реальности и достигнутым уровнем ее познания конструирование метода во многом определяется состоянием источнико-информационной базы решаемой задачи. От нее зависит выбор и общеисторических и общенаучных методов. Ясно, например, что массовые явления общественно-исторического развития могут быть наиболее глубоко изучены при применении количественных методов. Но может оказаться так, что источники не содержат количественных показателей об этих явлениях и дают им лишь обобщенную описательную характеристику. Тогда при всей целесообразности применения количественных методов придется ограничиться методами описательными.

Характер источнико-информационной основы исследования обуславливает, в частности, и возможность применения собственно исторического подхода и метода, т.е. раскрытия сущности изучаемой реальности посредством выявления ее истории. Если источники содержат сведения об этой реальности только применительно к какому-либо одному временно́му моменту, то ее история не может быть раскрыта непосредственно. О ней можно будет судить лишь по результатам, полученным логическим методом.

Таким образом, адекватные и эффективные методы исследования могут быть выработаны только при тщательном учете, во-первых, природы изучаемой реальности, раскрываемой на основе имеющегося, прежде всего теоретического, знания о ней, и, во-вторых, источнико-информационной базы для ее решения. Это позволяет выявить основные общеисторические и общенаучные исследовательские методы, которые в своей совокупности и образуют основу конкретно-научного (конкретно-проблемного) метода.

Однако разработка конкретно-научного метода не сводится лишь к определению совокупности необходимых общеисторических и общенаучных методов. Собственно их отбор исчерпывает лишь одну сторону разработки конкретно-научного метода – выявляются пути и принципы, а также связанные с ними нормативные требования успешного проведения исследования, т.е. вырабатываются теоретико-методологические основы конкретно-научного метода. Но метод включает в себя также определенные правила и процедуры (методика) и требует необходимых орудий и инструментов (техника исследования).

Конкретно-научные методы, с одной стороны, определяются принципами и нормативными требованиями метода, а с другой – зависят и от характера данных используемых источников. Здесь особенно существенны форма, в которой зафиксирована информация (описательная, количественная, изобразительная), и ее тип (первичная или агрегированно-сводная, сплошная или выборочная). В конечном счете всякий конкретно-научный метод представляет собой органиче-

ское и только ему присущее единство теоретико-методологических посылок, методики и техники исследования. Именно в конкретно-научных методах и выступает в *конкретно* выраженном виде единство материалистической диалектики как теории, методологии и логики научного (в данном случае научно-исторического) познания.

Все немарксистские подходы к выработке конкретных методов исторического исследования не обеспечивают такого единства, а потому и не обеспечивают последовательной объективности познавательного процесса.

Очевидно, что для решения исследовательской задачи должен избираться наиболее эффективный метод. Таковым является метод, позволяющий адекватно раскрыть сущность изучаемой реальности при использовании простейших из имеющихся познавательных средств. Неоправданное усложнение метода приводит к ненужной затрате средств и исследовательских усилий. Но, с другой стороны, нельзя и упрощать методы, ибо это может привести к ошибочным результатам. Мощность метода должна соответствовать исследовательской задаче. Таким образом, уже на начальном этапе любого исследования историк должен решать целый ряд важных конкретно-методологических проблем, связанных с постановкой исследовательской задачи, обеспечением источнико-информационной основы и разработкой методов ее решения.

2. РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЕЕ ПОЗНАНИЯ

Постановка исследовательской задачи, выявление источнико-информационных возможностей ее решения и разработка методов этого решения открывают путь к проведению собственного исследования. Оно имеет этапы, которые различаются по уровню получаемых знаний. Эти этапы и уровни выражаются в эмпирическом и теоретическом знании.

Необходимо отметить, что сходство и различия эмпирического и теоретического знаний, внутренний механизм и методы их получения, соотношение эмпирического знания с чувственно-образным и другие вопросы не только дискутировались и дискутируются представителями разных философских направлений, но и неодинаково трактуются советскими специалистами по философским проблемам научного познания[4]. Разумеется, в данном случае нет необходимости

---

[4] См.: *Швырев В.С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978; Материалистическая диалектика. Т. 2. Гл. III; Теоретическое и эмпирическое в современном научном познании: Сб. статей. М., 1984; а также указанные выше работы Н.К. Вахтомина, П.В. Копнина, В.А. Лекторского, А.В. Славина и др. Проблемы эмпирического и теоретического в историческом познании рассматриваются в работах Г.М. Иванова, А.М. Коршунова, В.В. Косолапова, А.И. Ракитова, Ю.В. Петрова и др.

рассматривать имеющиеся расхождения. Остановимся лишь на том из подходов к этим проблемам, который представляется наиболее убедительным с позиций исторического исследования. Основная его суть в следующем[5].

Многообразные черты и свойства, взаимосвязи и противоречия объективной реальности приводят к тому, что в ней явление и сущность не совпадают. Конкретным выражением сущности выступает явление. При этом явление многообразно, а сущность едина[6]. В процессе чувственного восприятия реальности формируются ее образы. Содержание чувственных образов, базируясь на человеческом опыте восприятия реальности, не зависит от "методологических и иных установок субъекта, от категориальной структуры его мышления... наоборот, последняя вынуждена приспосабливаться к этому содержанию"[7], т.е. это содержание рисует объективную картину реальности.

Разумеется, индивидуальные ощущения людей могут быть и различными, но превращение ощущений в цельный чувственный образ происходит на основе представлений, выработанных длительной общественной практикой восприятия мира. Индивидуальные вариации ощущений как бы взаимопогашаются[8].

Далее, объективный характер чувственных образов, их независимость от мышления не означает разрыва между чувственным и рациональным. Чувственное и рациональное тесно взаимосвязаны. Уже выбор объекта для восприятия и его цель определяются мышлением, не говоря о том, что процесс познания представляет органическое единство чувственного и рационального подхода к реальности. Очевидно и то, что объективность чувственного образа не гарантирует истинности конечного результата познания, полученного на стадии анализа чувственных образов мышлением. В познании могут быть и ошибки, но они возникают не на стадии чувственного восприятия (в его естественно-нормальных условиях), а на этапе рационального познания, т.е. порождаются мышлением.

Другой важной особенностью чувственного восприятия является то, что в чувственном образе "всегда заключено больше информации о действительности, чем мы осознаем"[9]. Это и делает возможным "переход за *пределы* чувственных восприятий к *существованию* вещей вне нас"[10], т.е. к познанию реальности как единства

---

[5] Наиболее четко этот подход изложен в указанной работе Н.К. Вахтомина (гл. IV) и во втором томе работы "Материалистическая диалектика" (гл. III).

[6] См.: *Звигляныч В.А.* Логико-гносеологические и социальные аспекты категорий видимости и сущности. Киев, 1980; *Белик А.П.* Социальная форма движения: Явление и сущность. М., 1982.

[7] Материалистическая диалектика. Т. 2. С. 107.

[8] См.: *Дубинин И.И., Гуслякова Л.Г.* Динамика обыденного сознания. Минск, 1985; *Губанов Н.И.* Чувственное отражение: Анализ проблемы в свете современной науки. М., 1986.

[9] Материалистическая диалектика. Т. 2. С. 103.

[10] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 121.

явления и сущности. Но, поскольку явление и сущность не совпадают и сущность не может быть воспринята непосредственно, "задача науки, указывал К. Маркс, заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению"[11]. Познание идет, подчеркивал В.И. Ленин, "от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т.д. *без конца*"[12]. Поэтому в процессе возникновения знания выделяются два этапа, или уровня. На *первом* из них *познается явление* и *возникает эмпирическое знание,* а на втором – *раскрывается сущность и формируется теоретическое знание*.

В свете указанного подхода очевидна неправомерность имеющего место отождествления эмпирического знания с чувственным компонентом в познании, а теоретического – с рациональным. Научное знание является знанием объясняющим, и поэтому и в эмпирической и теоретической формах оно основывается на мышлении. Чувственное же восприятие характеризует реальность в виде образов, представляющих собой совокупность определенных данных о внешних чертах и свойствах этой реальности. Эти данные и находят объяснение в эмпирическом знании.

Существуют разные мнения о том, какое знание является эмпирическим, а какое – теоретическим. Широко распространено представление: так как явление якобы отражает лишь внешнее в объекте, то и эмпирическое знание как знание о явлении тоже отражает лишь внешние черты и свойства объекта. Теоретическое же знание – отражение внутренних свойств объекта. Исходя из этого, к эмпирическому относят прежде всего знание, полученное в опытных науках. Такого мнения придерживаются и некоторые специалисты по теоретическим и методологическим проблемам исторической науки. Так, в одной из работ утверждается, что "эмпирическое познание имеет целью получение *непосредственного* опытного знания. Субъект прямо взаимодействует с объектом познания (источником), результатом чего оказываются научные факты". Теоретическое же знание "возникает как результат дальнейшего преобразования эмпирических данных с помощью логических средств"[13]. Необоснованное превращение источника в объект познания, о чем уже шла речь, собственно, и обусловлено стремлением доказать возможность непосредственного контакта историка с объектом и получения опытного знания, которое характеризует внешние черты явлений.

Иное и, как представляется, вполне обоснованное понимание содержания и соотношения эмпирического и теоретического знания

---

[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 343.
[12] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 227.
[13] *Петров Ю.В.* Практика и историческая наука. С. 313, 317.

сводится к следующему. Под явлением понимаются прежде всего *отдельные* черты и отношения объекта, которые могут быть как внешними, так и внутренними. Поэтому эмпирическое знание есть знание не только о внешнем в предмете, но и о внутреннем. Специфика этого знания "состоит в том, что оно есть знание об отдельном отношении или отдельных отношениях, порознь взятых, а теоретическое знание – о сущности, о таком отношении, которое составляет основание отдельных отношений"[14], отражает изучаемую реальность как целостность, обладающую сущностно-содержательной, качественной определенностью. Такое понимание сущности эмпирического знания исключает широко распространенный среди исследователей, в том числе и историков, взгляд, что эмпирическое знание дает лишь факты, которые находят объяснение только в теоретическом знании[15].

В исторической науке, где эмпирическое связывают прежде всего с описательностью, традиционная трактовка характера этого знания наводит на мысль о его родстве с чистым идеографизмом. Это неверно. *Эмпирическое знание – также знание объясняющее.* Другое дело, что это объяснение охватывает реальность лишь в форме явления. Поэтому эмпирическое знание – лишь начальная стадия, один из этапов и уровней познания действительности.

Эмпирическое знание объясняет данные, полученные чувственным *восприятием*. Это объяснение приводит к познанию реальности *как явления*. Теоретическое знание объясняет *явление*, т.е. происходит переход к пониманию реальности *как сущности.* Переход от чувственного восприятия к эмпирическому знанию, а от него – к теоретическому представляет собой обобщение, сведение к определенному единству в первом случае чувственных данных, а во втором – эмпирических фактов. Средством такого обобщения и на стадии получения эмпирического знания и на стадии формирования теоретического знания является *категориальный синтез*. Поэтому вполне обосновано утверждение, что неправомерно сводить методы получения эмпирического знания лишь к экспериментам, наблюдениям, описаниям, измерениям, т.е. к совокупности того, что рассматривается как опыт, а теоретического знания – лишь к формально-логическим процедурам. Во-первых, и в опыте фигурирует мышление с присущими ему содержательным подходом и формально-логическими процедурами. Как, например, можно провести измерение, не определив предварительно его цели, не выделив признаки, подлежащие измерению, не установив единицы и методы измерения и т.д.? Во-вторых, и в теоретическом анализе невозможно обойтись только теми данными, характеризующими объект, которые получены в опыте. Необходимы и другие данные, лежащие за пределами опыта.

---

[14] *Вахтомин Н.К.* Указ. соч. С. 167.

[15] См.: *Ракитов А.И.* Историческое познание. М., 1982. С. 270.

В исторической науке такие данные получили наименование "внеисточникового знания". Оно представляет собой совокупность всех тех знаний, которыми обладает историк помимо того, что он извлекает из источника.

Главное же состоит в том, что сами по себе ни данные опыта, ни формально-логические процедуры не могут дать знания ни о явлении, ни о сущности. Эти знания, как правильно подчеркивается рядом исследователей, могут быть получены только в результате *категориального синтеза*. Понятно, что категориальный синтез на уровне эмпирического и теоретического знания имеет существенные отличия. Во-первых, различны его содержательные основы. На эмпирическом уровне синтезируются данные чувственного восприятия, а на теоретическом – эмпирические факты. Во-вторых, синтез осуществляется посредством подведения данных под разные по характеру общности и содержанию категории.

Таковы основные наиболее общие моменты, связанные с эмпирическим и теоретическим уровнями научного познания, которые необходимо учитывать в любом исследовании.

Посмотрим конкретней, что представляет собой внутренний механизм получения **эмпирического знания**[16].

Исходной основой для получения эмпирического знания являются чувственные данные. Они отражают отдельные видимые многообразные черты и отношения реальности. Эти черты и отношения объективно представляют собой факты, выступающие как проявление скрытой истинной сущности предмета. В этом смысле явление – это факт действительности. Но в таком значении явление чувственно не воспринимается. Для чувственности реальны лишь отдельные черты объекта. Раскрыть же явления, как объективные факты, характеризующие объект, можно только в мышлении, что и происходит при эмпирическом познании. Суть эмпирического познания, следовательно, состоит в том, что *факты действительности* отражаются сознанием и *выступают как факты знания* о явлениях. Говоря о факте-действительности и факте-знании, следует напомнить, что среди философов широко распространено мнение, что факт – гносеологически-познавательная категория, фигурирующая в познании. Применительно же к объективной реальности надо говорить не о фактах, а о явлениях, которые отражает факт. Однако отказ от факта как феномена реальности неправомерен, особенно в свете широко распространенных субъективно-идеалистических представлений о научных фактах как чисто мыслительных конструкциях. Авторы обобщающего труда "Материалистическая диале-

---

[16] См.: *Сайко С.П.* Диалектика эмпирического и теоретического в историческом познании. Алма-Ата, 1975; *Звиглянич В.А.* Логико-гносеологические и социальные аспекты категории видимости и сущности. Киев, 1980; *Елсуков А.Н.* Эмпирическое познание и факты науки. Минск, 1981; *Абдуллаева М.Н.* Проблемы адекватности отражения на эмпирическом уровне научного познания. Ташкент, 1982.

ктика" исходят из того, что факт выступает и как реальность, и как знание о ней[17]. Совокупность этих фактов и составляет содержание эмпирического знания, они отражают отдельные явления, т.е. черты, отношения и зависимости реальности. Они не дают целостного понимания предмета и характеризуют его, как говорится, "с одной стороны" и "с другой стороны". Поэтому эмпирическому знанию, несмотря на всю конкретность, присуща односторонность и оно абстрактно. Оно вырывает из изучаемой реальности некое многообразие фактов-явлений, не раскрывая их взаимосвязи и не представляя это многообразие как определенную целостность.

Факты-знания о фактах-действительности, т.е. о явлениях, создаются в опыте, который надо рассматривать, как отмечалось, широко (эксперименты, наблюдения, описания, измерения и т.д.). Опыт может быть результатом целенаправленного исследовательского подхода к изучаемой реальности. Тогда, исходя из поставленной цели, определяются круг явлений, подлежащих изучению, пути и конкретные методы выявления и систематизации данных. Но эмпирическое знание может быть получено и в процессе обыденной практической деятельности. Оно отличается от научно-эмпирического тем, что его возникновение, как правило, не связано с определенной познавательной целью и приобретается оно для решения тех или иных практических задач. Поэтому и не вырабатываются специальные методы получения знания[18].

Эмпирическое научное знание может использоваться в практической деятельности. Из него могут быть выведены определенные следствия, имеющие эмпирический характер. Оно может быть основой для выявления отдельных закономерностей. Короче говоря, эмпирическое знание само по себе имеет значительную познавательную ценность[19], которая особенно велика в общественно-гуманитарных науках. Это обусловлено спецификой их объекта познания. Сочетание в нем объективного и субъективного, естественно-закономерного и осознанно-целенаправленного приводит к тому, что общественно-исторические факты несут в себе непосредственно обнаруживающуюся социально-политическую и эмоциональную нагрузку. Они могут "говорить сами за себя", т.е. быть основой для практических заключений и действий.

Теперь о главном – о том, каким образом на стадии эмпирического познания осуществляется категориальный синтез, который и делает это знание объясняющим.

Категориальный синтез чувственных данных, который приводит к обнаружению фактов-явлений, осуществляется в опыте. В опыте эти данные подводятся под категории. Поскольку эмпирическое зна-

---

[17] Материалистическая диалектика. Т. 2. С. 115–116.

[18] См.: *Дубинин И.И., Гуслякова Л. Г.* Указ. соч.

[19] См.: *Ойзерман Т.Н.* Эмпирическое и теоретическое: Различие, противоположность, единство //Вопросы философии. 1985. № 12; 1986. № 1.

ние отражает отдельное отношение (под отношением понимается отдельная сторона, черта, связь и т.д., присущая реальности), то чувственные данные и подводятся под категории, которые отражают подобные отношения. В общем такими категориями выступают: "явление", "сходство", "различие", "единичное", "общее", "пространство", "время", "качество", "количество", "мера" и т.д., ибо объективно всякое отношение выступает как явление, может быть единичным и общим, протекает в пространстве и времени, обладает качеством, количеством и мерой и т.п. Применительно к конкретным областям реальности в категориальном синтезе на стадии эмпирического познания используются категории, отражающие свойства соответствующей реальности. В итоге устанавливаются факты, характеризующие явления. Эти факты и составляют содержание эмпирического знания. Эмпирические факты могут систематизироваться, классифицироваться, обобщаться, сравниваться и подвергаться другим видам обработки. Для разностороннего охвата объекта познания нужны не отдельные факты, а система или даже системы фактов, когда этот объект является сложным. Очень важное значение вообще и на современном этапе развития науки в особенности имеет выявление количественных характеристик соответствующих явлений, для чего необходимо их измерение. Только знание количественной меры явлений позволяет установить пределы их качественной определенности. Тем самым достигается наиболее полное познание реальности.

Такова основная суть эмпирического познания. Оно имеет свою специфику в историческом исследовании. Специфика эта состоит в том, что факты-знания о фактах изучаемой исторической действительности выявляются на основе фактов исторического источника, т.е. в процессе познания происходит дважды субъективизированная отражательная реконструкция исследуемого объекта. Уже отмечалось, что, поскольку исторические источники, несмотря на всю безграничность содержащейся в них явно выраженной и скрытой информации, характеризуют историческую реальность селективно (избирательно), возникает проблема возможности адекватной *однозначной* реконструкции объекта познания в свете поставленной исследовательской задачи. Все, что было в прошлом, *уже совершилось* и поэтому является *инвариантным*. В познании прошлого в его инвариантности и состоит задача исторической науки. Отстаивая в полемике с П. Струве объективный марксистский подход к изучению общественной реальности, В.И. Ленин считал обязательным для марксиста "свести все дело к выяснению того, что́ есть и почему есть именно так, а не иначе"[20].

Прежде, чем переходить к рассмотрению того, в какой мере возможна инвариантная реконструкция исторического прошлого, на-

[20] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 457.

помним, что диалектико-материалистическая реконструкция исторической реальности принципиально отлична и от *субъективистского* воспроизведения прошлого. Субъективный идеализм, как известно, отрицает возможность объективного познания прошлого, считая источником знания о прошлом сознание историка и что само это "познание" осуществляется путем конструирования (построения) историком изучаемой реальности. Так, например, А.С. Лаппо-Данилевский, виднейший представитель субъективно-идеалистического направления в русской буржуазной историографии, указывал, что историк, опираясь на чувственное сопереживание событий прошлого, «занимается прежде всего научным *построением* конкретной действительности, а не ее "изображением", т.е. отражением»[21]. Не имея необходимых для этого научных понятий, он "сам вырабатывает их применительно к изучаемым им объектам и в зависимости от тех именно познавательных целей, которые он преследует"[22]. Такова позиция всех представителей субъективистской методологии исторического познания.

Субъективизм присущ и тем представителям современной немарксистской исторической науки, которые, хотя и не отрицают реальность прошлого как объекта познания, но считают возможным при его изучении конструировать разного рода контрфактические исторические ситуации. Такие ситуации представляют собой произвольные конструкции историка и изображают прошлое не таким, каким оно было в действительности, а таким, каким хотел бы его видеть историк.

Как правило, далеки от реальной реконструкции прошлого и представители *буржуазного объективизма*. Для них характерно акцентирование внимания на тех явлениях и сторонах исторического прошлого, освещение которых соответствует классовым интересам буржуазии, и умалчивание и затушевывание тех явлений, которые противоречат им. Несостоятельность буржуазного объективизма как методологии исторического познания глубоко раскрыта В.И. Лениным в полемике с П. Струве. Характеризуя развитие капитализма в пореформенной России, Струве всячески выпячивал его прогрессивные стороны и умалчивал о присущих ему антагонистических противоречиях[23].

Марксистская методология исторического познания требует всесторонней реконструкции и познания исторической реальности в ее объективной инвариантности. Но такая реконструкция не вызывает затруднений только в том случае, если исторические источники содержат в непосредственно выраженном виде информацию, не-

---

[21] *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1910. Вып. I. С. 287 (курсив мой. – *И. К.*).

[22] Там же. С. 290.

[23] См.: *Ленин В.И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 455–457, 492–493 и др.

обходимую для решения поставленной исследовательской задачи. Требуется лишь обеспечение представительности формируемой системы фактов. Однако при решении очень многих, можно даже сказать абсолютного большинства исследовательских задач источники не дают нужной непосредственно выраженной информации, и необходимо извлечение из них информации скрытой, структурной. Путь ее извлечения известен давно. Это – выявление взаимосвязей. Историками разработано и множество конкретных методов такого извлечения. Важную роль играют не только логические методы, но и другие факторы: чувственный опыт, интуиция, научное воображение[24]. При реконструкции прошлого на основе извлечения из источников скрытой информации историк использует не только накопленные им образы прошлого, но и образы, хранящиеся в общественной памяти человечества, будучи зафиксированными в языковых и знаковых системах[25].

Так же, как интуиция и воображение, эти образы помогают устанавливать связи и тем самым выявлять скрытую информацию источников. Понятно, что и "запас" исторических образов у историка, и его склонности к интуиции и воображению во многом зависят от его научной эрудиции, т.е. от объема знаний, которыми он владеет.

В целом историки добились значительных успехов в реконструкции исторической реальности путем широкого выявления скрытой информации источников (накопленный к сегодняшнему дню опыт требует специального изучения и обобщения). Более активны в этом плане археологи, хотя задача реконструкции для них особенно сложна из-за ее многоаспектности. Прежде всего необходимо по фрагментам предметов реконструировать их как целое. Затем по выборочным наборам этих предметов реконструировать их как цельный комплекс, а на основе этих комплексов реконструировать уже проявления самой исторической реальности. Первостепенное значение в этом деле имеет пространственная и временна́я локализация обнаруженных памятников. При реконструкции исторической реальности археологи наряду с вещественными источниками широко используют письменные источники, материалы сфрагистики и т.д., а также естественнонаучные методы[26].

Особенно большие объемы скрытой информации историки извлекают из письменных источников, характеризующих массовые исторические явления и процессы и содержащие большое число различных показателей. Все более широко распространяющееся при работе с этими источниками применение математических мето-

---

[24] См.: *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981. С. 65 и сл.; *Петров Ю.В.* Практика и историческая наука. С. 283 и сл.

[25] *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Указ. соч. С. 69.

[26] См.: *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977; Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1985.

дов и ЭВМ открывает перед историками фактически безграничную возможность извлечения скрытой информации и реконструкции на ее основе массовых явлений и процессов. Наиболее существенных результатов в этом плане советские историки добились в изучении социально-экономического развития.

Можно привести немало ярких примеров успешной реконструкции и важных индивидуальных исторических явлений. Укажем, например, на реконструкцию советским историком В.И. Корецким указа 1592/1593 гг. о введении заповедных лет, что имеет существенное значение в раскрытии хода закрепощения крестьян в России[27].

Вместе с тем извлечение скрытой информации в тех случаях, когда источников мало или они бедны по содержанию или их информация противоречива, может и не позволить получить представительную систему фактов, однозначно реконструирующих изучаемую реальность. Практически это чаще всего выражается в том, что в системе фактов, отражающих эту реальность, имеются существенные пробелы. Выше указывалось, что в подобных случаях следует или скорректировать исследовательскую задачу или вообще воздержаться от ее решения до выявления необходимых фактов. Но это, естественно, не исключает правомерности поиска путей либо решения задачи при наличии пробелов в конкретно-фактических сведениях либо восполнения этих пробелов на основе косвенных или расчетных данных. С подобным положением историки сталкиваются весьма часто, и необходима методологическая разработка возникающих здесь проблем. В этой связи отметим следующее.

Прежде всего во многих случаях вполне можно решить исследовательскую задачу и при наличии пробелов в эмпирических фактах, ибо их неполнота, как хорошо известно, может быть компенсирована в процессе абстрактно-логического анализа на теоретическом уровне познания в результате категориального синтеза. Следовательно, окончательная оценка того, в какой мере эмпирическая система фактов, реконструирующая изучаемую реальность, представительна для решения поставленной задачи, может быть дана лишь в результате их анализа и синтеза на теоретическом уровне познания. Оценка же представительности сведений источников в процессе реконструкции изучаемой реальности путем ее описания, т.е. на эмпирическом уровне познания, в целом может быть лишь предварительной. Это, разумеется, не исключает того, что проверка представительности должна проводиться и на данном (эмпирическом) уровне, и вполне может быть обнаружена недостаточность имеющихся сведений.

Далее, в исторической науке, как и в других науках, применяются различные методы *восполнения пробелов* в используемых дан-

---

[27] См.: *Корецкий В.И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.

ных. Само по себе такое восполнение вполне допустимо. Практически оно осуществляется путем временно́й или пространственной экстраполяции известных свойств и состояний аналогичных явлений на явления исследуемые[28]. Но поскольку пространственная и временна́я вариации свойств даже однотипных явлений и объектов могут быть весьма существенными, восполнение пробелов по аналогии в лучшем случае является приблизительным либо вообще может быть необоснованным. Такого рода опасность особенно велика, когда для характеристики тех или иных явлений определенной эпохи используют свойства и значения, присущие этим явлениям в значительно более поздний период вплоть до современности. Поэтому требуется некий общий принцип, на основе которого можно оценивать корректность восполнения пробелов в имеющихся сведениях.

Обычно исходят из того, чтобы восполненные данные не противоречили имеющимся фактам об изучаемом событии или процессе. Это важное требование действительно может быть во многих случаях существенным критерием корректности проводимого восполнения пробелов или вообще его допустимости. Но такой подход возможен только в тех случаях, когда известен характер связи восполняемого признака с другими признаками, присущими изучаемой реальности как определенной системы. А это требует определенных знаний о структуре данной системы, что достигается на уже сравнительно высоком уровне познания рассматриваемой реальности. Следует иметь в виду и то, что любой системе наряду с определенной устойчивостью и гармоничностью присущи и внутренние противоречия. Поэтому согласованность восполняемых данных с имеющимися может иметь как прямую, так и обратную взаимосвязь либо такой взаимосвязи вообще может не быть.

Поэтому если нет ясного представления о характере взаимосвязи признаков системы, то восполнение пробелов, а следовательно, и вся реконструкция, основанные на принципе согласованности данных, не могут быть однозначными. Они неизбежно должны иметь ряд вариантов и будут по своему характеру *гипотетическими*. Правда, практически и в этих случаях исследователи останавливаются лишь на одном наиболее вероятном с их точки зрения варианте реконструкции, хотя, строго говоря, здесь должны рассматриваться ряд возможных вариантов или уж во всяком случае полярные из них. Разумеется, и в таком виде реконструкция должна основываться на объективных фактических данных и вытекающих из них следствий, а не на произвольных конструкциях историка. Он лишь выявляет допускаемые этими данными варианты реконструкции и проводит их сравнительную оценку.

---

[28] Об экстраполяции как средстве научного познания см.: *Попова Н.Л.* Экстраполяция как средство научного познания и интегративный фактор в науке. Киев, 1985.

Еще более сложное положение возникает в тех случаях, когда данные источников, которые можно использовать для реконструкции, оказываются разрозненными, неоднозначными и противоречивыми. Здесь целесообразнее всего воздерживаться от детальной реконструкции изучаемых явлений и процессов путем восполнения пробелов в источниках и ограничиться общей характеристикой их сути на основе теоретического обобщения имеющихся фактов, ибо попытка конкретизации при ограниченности и неоднозначности исходных данных может дать столько вариантов, что выбор одного из них будет всецело субъективным. Подчеркивать же данный момент приходится потому, что применение в исторических исследованиях математических методов и ЭВМ породило у некоторых математиков ошибочное представление о возможности посредством имитационного моделирования конкретизации исторических явлений и процессов на основе крайне ограниченных и разрозненных исходных данных вплоть до детальной "реконструкции" динамики исторических явлений, опирающейся на отрывочные статические сведения. Практическая цель имитации усматривается здесь в том, чтобы, создав целый набор "состояний" объекта изучения, дать возможность историку выбрать один из вариантов[29].

Однако как метод реконструкции прошлого имитация может применяться с большой осторожностью и в весьма ограниченных пределах. На основе учета объективных возможностей, содержащихся в изучаемой реальности, имитация должна не просто давать набор вариантов, а раскрывать те объективные пределы, в которых был заключен инвариант, в котором было реализовано то или иное историческое событие или процесс. При использовании математических методов эти пределы могут быть выражены количественно.

Таким образом, реконструкция изучаемой исторической реальности, формирование представительной системы научных фактов, отражающих факты действительности, являются чрезвычайно ответственным и сложным процессом на эмпирической стадии исторического исследования.

Система (или системы) научных фактов, выявленная на эмпирической стадии исторического исследования, представляет собой научное *описание* изучаемой реальности в пределах поставленной исследовательской задачи. Историческое научное описание не равнозначно простой описательности (идеографизму), как нередко полагают[30]. Оно представляет собой зафиксированное в определенной знаковой системе отражение свойств, отношений и взаимодействий, присущих объективной исторической реальности и необходимых для конкретного раскрытия на теоретической стадии познания об-

---

[29] См.: *Гусейнова А.С., Павловский Ю.Н., Устинов В.А.* Опыт имитационного моделирования исторического процесса. М., 1984.

[30] Об исторических описаниях см.: *Ракитов А.И.* Указ. соч. Гл. 5.

щих закономерностей и пространственно-временны́х особенностей ее функционирования и развития.

Исторические описания могут фиксироваться в естественно-языковой форме, что бывает чаще всего, а также в виде систем количественных показателей, в графически-изобразительной форме или как закодированные машиночитаемые данные. Описания могут представлять собой либо первичную информацию, либо разного рода ее обобщенные сводки. Как указывалось, на эмпирическом уровне познания научные факты, реконструирующие изучаемую реальность, могут подвергаться различным видам обработки (систематизация, классификация, математическая обработка количественных показателей и т.д.). В этой связи следует отметить неправомерность имеющих место попыток рассматривать первичную информацию о массовых явлениях и процессах как более ценную по сравнению с информацией агрегированной (сводной). Историческая действительность представляет собой органическое сочетание единичного, особенного, общего и всеобщего и именно в этом единстве и должна познаваться. Поэтому для историка в одинаковой мере необходимы и ценны и данные первичные, характеризующие историческую реальность на уровне единичного, и разного уровня агрегированные сведения, без которых нельзя познать особенное, общее и всеобщее. Для историка практическая ценность первичных и сводных данных всегда конкретна. Она зависит от содержания исследовательской задачи.

Таков основной круг общих и конкретных методологических проблем, решаемых на эмпирическом уровне исторического исследования.

3. ОБЪЯСНЕНИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

На эмпирическом уровне познания складываются предпосылки для перехода к знанию теоретическому. Итогом эмпирического познания оказывается знание явлений, но, так как “явление есть... проявление сущности”[31], создаются предпосылки для перехода к теоретическому познанию. В теоретическом знании постигается глубинная сущностная природа объективной реальности, и потому переход от эмпирического знания к теоретическому является необходимым[32].

Теоретическое знание отличается от эмпирического по своим исходным основам, целевой направленности, характеру применяе-

---

[31] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 154.

[32] Об общих проблемах теоретического познания см.: *Фофанов В.П.* Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск, 1986; *Петров Ю.А.* Методологические проблемы теоретического познания. М, 1986.

мых в нем категорий, форме выражения знания и методам его изучения.

Основа эмпирического знания – данные чувственного восприятия, теоретического – эмпирические факты. Цель эмпирического знания – раскрытие явления, теоретического – раскрытие сущности. В эмпирическом знании фигурируют категории, характеризующие отдельные черты объекта, поскольку явления как таковые выступают сами по себе. Категории теоретического знания отражают прежде всего отношения, ибо сущность проявляется в отношениях, связях. Основные общие категории теоретического познания – это такие философские категории, как "сущность", "связь", "взаимосвязь", "взаимодействие", "противоположность", "единство", "противоречие", "развитие" и др. В сочетании с общенаучными и специально-научными категориями они в процессе категориального синтеза позволяют раскрыть сущность исследуемых объектов реальности. Основной формой выражения знаний на эмпирической стадии являются научные факты, на теоретической – гипотезы, понятия и теории.

На эмпирической стадии исследуемая реальность познается посредством ее описания (в историческом исследовании на основе информации источников), а на теоретической – путем ее *объяснения*. Если описание, как указывалось, представляет собой отражение отдельных свойств, отношений и взаимосвязей, т.е. раскрывает реальность как совокупность выражающих ее явлений, то *научное объяснение* – это "раскрытие сущности объясняемого объекта"[33]. Оно осуществляется посредством выявления наиболее существенных черт и связей, тенденций и закономерностей генезиса, функционирования и развития объекта. Объяснение дает синтезированное представление о познаваемой реальности, в нем раскрывается понимание познающим субъектом этой реальности, которое состоит в уяснении внутренней природы изучаемой реальности, причин и тенденций развития и т.д. Чтобы понять и научно объяснить эту реальность, и необходимо движение познания от явления к сущности. "Чтобы понять, – указывал В.И. Ленин, – нужно эмпирически начать понимание, изучение, от эмпирии подниматься к общему. Чтобы научиться плавать, надо лезть в воду"[34].

Проблемам понимания и объяснения в науке вообще и в исторической науке, в частности, посвящена большая литература[35]. Цент-

---

[33] *Никитин Е.П.* Объяснение – функция науки. М., 1970. С. 14.

[34] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 187.

[35] См.: *Кон И.С.* К спорам о логике исторического объяснения // Философские проблемы исторической науки. М., 1969; *Дорошенко М.Н.* "Понимание" и его роль в историческом познании // Роль научных принципов и понятий в социальном исследовании. Л., 1976; *Порк А.А.* Историческое объяснение. Таллин, 1981; *Юдин Б.Г.* Объяснение и понимание в историческом исследовании // Вопросы философии. 1981. № 9; *Никитин Е.П.* Природа обоснования. М., 1981; Проблемы

ральными являются вопросы о принципах и видах исторического объяснения. Как научная процедура, направленная на раскрытие внутренней сущностной природы изучаемой исторической реальности, объяснение подчиняется общим диалектико-материалистическим принципам научного познания. Ими, как известно, являются объективность, партийность и историзм. Кроме того, важным принципом исторического объяснения выступает конкретность.

Во всяком объяснении как логической процедуре сочетаются два компонента: *экспландум* – совокупность положений, описывающих объясняемое явление, и *эксплансум* – совокупность объясняющих предложений. Исторические объяснения обычно излагаются в естественно-языковой форме и могут включать в себя как *эксплицитную* (явно выраженную), так и *имплицитную* (неявно выраженную) части. Для ясного и однозначного восприятия и понимания исторического объяснения читателем исторического труда оно должно быть эксплицитным. К сожалению, историки не всегда учитывают это.

В любом научном объяснении используются знания двух видов. Во-первых, это знание об объективной реальности, которое получено на эмпирической стадии ее изучения и выражается в ее описании. В историческом исследовании – это так называемое источниковое знание. Во-вторых, это – все другие знания как об этой реальности, так и вообще о научной картине мира. В исторической науке эти знания называют "внеисточниковыми". Без знаний второго рода невозможно научно объяснить и понять объект познания. От "запаса" внеисточниковых знаний во многом зависит возможность глубокого проникновения во внутреннюю суть изучаемых явлений.

Предложен ряд вариантов классификации исторических объяснений. Выделяются такие их виды: *объяснение через закон,* объяснения *причинные* (каузальные), *генетические, структурные* и *функциональные*. Деление это условное, ибо чаще всего объяснение имеет комплексный характер, т.е. в нем применяются различные его виды.

Наиболее фундаментальным видом исторических объяснений является *объяснение через закон*. Именно законы генезиса, функционирования и развития общественно-исторической реальности наиболее глубоко выражают ее сущностную природу. Подчеркивая это, В.И. Ленин, как указывалось, отмечал, что "закон есть прочное (остающееся) в явлении", "*закон* и *сущность* понятия однородные (однопорядковые) или вернее, одностепенные" [36], "закон есть отра-

---

объяснения и понимания в научном познании. М., 1982; *Егорова В.С.* Проблема объяснения в исследованиях по гражданской истории // Философские науки. 1983. № 1; *Горский Д.П.* Обобщение и познание. М., 1985; *Быстрицкий Е.К.* Научное познание и проблема понимания. Киев, 1986, а также указанные работы Г.М. Иванова, А.М. Коршунова, Ю.В. Петрова (гл. IV), А.И. Ракитова (гл. 8), А.И. Уварова (гл. II) и др.

[36] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 136.

жение существенного в движении универсума"[37]. Через законы объясняют прежде всего объективные и по своему характеру массовые явления и процессы.

Широкое распространение в исторической науке имеют *причинно-следственные объяснения,* вытекающие из всеобщности взаимосвязей, объективно присущих исторической реальности. Они прежде всего применяются при раскрытии тех или иных результатов человеческой деятельности, исторических событий и ситуаций, в которых ярко выражается активная роль человеческого, т.е. субъективного, фактора. Разумеется, за этим фактором лежат и определенные объективные обстоятельства, но они проявляются в характере субъективных действий. Так, например, когда мы говорим, что одной из важнейших причин краха наполеоновского вторжения в Россию в 1812 г. был высокий моральный дух русской армии, мы объясняем поражение Наполеона одним из субъективно-исторических факторов. Этот фактор мы выделяем явно (эксплицитно). Но неявно (имплицитно) в этом объяснении имеется в виду и то, что высокий моральный дух русской армии был обусловлен справедливым для России характером войны, тем, что борьба велась за сохранение независимости страны. А это уже обстоятельство объективное и выражающее определенную историческую закономерность – борьба народов за свою независимость порождает моральный и духовный подъем. В конечном счете приведенное объяснение является не только причинным, но и объяснением через закон.

Генетические объяснения необходимы в тех случаях, когда стоит задача объяснения сути исторических явлений или процессов в их определенном временно́м выражении. Допустим, мы хотим понять сущностное содержание разночинского этапа в освободительном движении в России, который, как известно, наступил после падения крепостничества. В полной мере понять эту суть, в частности то, что во главе освободительного движения стояли разночинцы и объективно борьба велась за буржуазно-демократические преобразования, осуществляемые путем народной, крестьянской революции, можно только с учетом того, что разночинскому этапу предшествовал этап дворянский, когда во главе освободительного, революционного движения стояли передовые представители дворянства, которые были страшно далеки от народа, боялись народа и потому боролись за интересы народа без народа. Но и здесь генетическое объяснение, т.е. раскрытие сути разночинского этапа освободительного движения как этапа, пришедшего на смену дворянскому, сочетается с причинным объяснением (изменение социального состава участников революционного движения обусловило радикализацию его программы, стратегии и тактики) и объяснением через закон (радикальные изменения в социально-экономическом строе, выра-

[37] Там же. С. 137.

жавшиеся в ликвидации крепостничества и переходе к капитализму, закономерно и неизбежно вели к изменениям в социальной структуре общества и в расстановке классовых и общественно-политических сил). Таким образом, и в этом случае объяснение является комплексным и его генетическая разновидность выступает лишь как ведущий подход и метод.

Структурное объяснение, т.е. раскрытие сущности через анализ структуры соответствующих общественно-исторических систем, может применяться при изучении любых из этих систем. Основная задача объяснения здесь состоит в выявлении основных, системообразующих признаков, присущих элементам системы, и в установлении характера их взаимосвязи. Выявление системообразующих признаков связано с анализом содержательной, субстанциональной природы системы.

Анализ структурных взаимосвязей системообразующих признаков раскрывает те основные закономерности, которые свойственны изучаемой системе, ибо "закон есть *о т н о ш е н и е* "[38] и "если тот или иной вид связи элементов существен и необходим для данной системы, то он имеет характер закона ее структуры"[39]. Тем самым структурное объяснение, выявление сущности через структурный анализ систем наиболее эффективны, ибо приводят к непосредственному раскрытию законов, присущих исторической реальности.

Функциональное объяснение представляет собой разновидность объяснения структурного. Как указывалось, при функциональном анализе характеризуемая система рассматривается как подсистема или даже элемент общественной системы более высокого уровня. Анализ структуры последней позволяет выявить взаимосвязи изучаемой системы с той средой, в которой она находится, и тем самым раскрыть закономерности ее функционирования. Функциональное объяснение является эффективным средством выявления сущности различных общественных систем на различных уровнях их функционирования.

До сих пор речь шла об объяснении генезиса, функционирования и развития различных массовых или коллективных явлений и процессов. Но в историческом развитии важную роль играют и индивидуальные, единичные события, хотя эта роль и не столь значительна, как представляют сторонники субъективистской методологии исторического познания. Но этим событиям тоже присуща определенная суть, которая требует выяснения и объяснения.

Существует несколько видов *объяснения единичных актов деятельности*[40]. Основным является *мотивационное объяснение*. Оно состоит в том, что суть действия объясняется побудительным моти-

---

[38] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 138.
[39] *Ганчарук С.И.* Законы развития и функционирования общества. М., 1977. С. 103.
[40] См.: *Порк А.А.* Историческое объяснение. С. 189 и сл.

вом, который обычно выражает определенный интерес и преследует соответствующую цель. Другим видом выступает *объяснение через нормативность*. Характер действий субъекта здесь обусловлен общепринятыми в соответствующей социальной среде нормами и традициями поведения. Еще один вид составляет *психологически-эмоциональное объяснение*. Характер действия здесь зависит от психологически-эмоциональных черт исторической личности (твердость, мягкость, боязливость, сострадание, уважение, любовь, ненависть и т.д.).

Таким образом, существует целая совокупность исторических объяснений. Все они имеют цель раскрыть сущность исследуемой исторической реальности. Однако сами по себе виды исторических объяснений не раскрывают всего сложного механизма познания внутренней сущности изучаемой исторической реальности, который является прерогативой теоретического уровня познания. Раскрытие этого механизма тем более важно, что он представляет собой сложный творческий процесс, в котором применяются различные научные методы, а не простое логическое преобразование знания, полученного на эмпирическом этапе.

Процесс получения теоретического знания значительно более сложен, чем процесс получения знания эмпирического. Процесс получения теоретического знания имеет свои внутренние этапы. В объективной действительности сущность представляет собой единое внутреннее основание объектов, систему свойственных им внутренних связей, которые реально выражаются в явлениях, раскрывающих отдельные черты, связи, тенденции функционирования и развития этих объектов. Значит, в действительности сущность выступает в органическом единстве с явлением. Однако для своего познания сущность первоначально должна быть абстрагирована от явления, понята как таковая. В этом плане теоретическое знание, как и эмпирическое, на определенном своем этапе абстрактно. Но характер этой абстрактности разный. Эмпирическое знание абстрактно в том смысле, что в нем отдельные черты объекта выступают сами по себе, вне связи с другими его свойствами. В теоретическом знании сущность первоначально предстает как нечто общее вне связи с конкретным.

Поскольку основой для познания сущности выступают явления, выраженные в эмпирическом знании как конкретные научные факты, постольку в теоретическом знании необходимо восхождение от *конкретного к абстрактному*. Ф. Энгельс писал по этому поводу: “Мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность ... мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное – в преходящем”[41]. Переход от конкретного к абстрактному представляет собой один из этапов в теоретическом познании.

---

[41] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 548.

Движение от эмпирического знания к теоретическому начинается с вопроса о том, как можно объяснить эмпирические факты, выявленные для решения поставленной в начале исследования научной проблемы. Поиск ответа на возникший вопрос состоит в выдвижении определенной *идеи*, исходя из которой можно раскрыть единый внутренний смысл фактов. Раскрытие это осуществляется путем категориального синтеза. Он состоит в том, что факты подводятся под соответствующие исходной идее философские, общенаучные и специально научные категории. Результатом такого синтеза будет формирование научного понятия, раскрывающего общий внутренний смысл эмпирических фактов. Такой синтез может иметь несколько уровней, или этапов, приводящих к конечному итогу.

Идея – основное ядро теоретического знания, его ведущее начало, которое характеризует объект как целое, а тем самым раскрывает и его сущность в отличие от эмпирических понятий – фактов, отражающих лишь явления. В.И. Ленин подчеркивал мысль Гегеля о том, что "Begriff (понятие. – *И.К.*) еще не высшее понятие: еще выше *и д е я* =единство Begriff'а с реальностью"[42].

Выдвижение идеи, сводящееся в общем к выявлению или формированию тех категорий, на основе которых может быть осуществлен синтез фактов, представляет собой сложный творческий поиск, а отнюдь не только формально-логический процесс, хотя в этом поиске присутствуют и такие логические процедуры, как сравнение, обобщение, абстрагирование. Важнейшую роль здесь играют интуиция и воображение и другие субъективные моменты в познании, о которых пойдет речь в следующей главе.

Объяснение сущности явлений на основе выдвинутой идеи и категориального синтеза эмпирических фактов имеет первоначально *гипотетический*, т.е. вероятностный, характер. Объяснение сущности фактов посредством гипотез, имеющих ту или иную вероятность истинности, – вполне естественный путь в процессе теоретического познания действительности, и гипотеза является одной из важных форм научно-теоретического знания и методом его получения[43]. Такой формой она и выступает на начальном этапе сущностного познания явлений. В тех областях знания, где доказательство истинности научных гипотез затрудняется сложностью получения необходимых для этого фактов, научное знание в течение длительного времени может оставаться в гипотетической форме. Много таких областей и в исторической науке. Это – прежде всего древнейшие периоды истории, да и явления других эпох, плохо отраженные в исторических источниках. Именно в их трактовке наиболее широко распространены различные точки зрения о сути исторических явлений и процессов.

---

[42] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 151.

[43] См.: *Карпович В.Н.* Указ. соч. *Меркулов И.П.* Метод гипотез в истории научного познания. М., 1984.

Но в целом в процессе исторического познания действительности гипотетический подход к раскрытию сущности изучаемых явлений представляет собой лишь один из этапов. Истинность гипотезы должна быть проверена новыми эмпирически наблюдаемыми фактами. Если новые факты подтверждают выдвинутое объяснение сущности явлений, гипотетическое теоретическое знание становится истинным теоретическим знанием. Если же новые факты опровергают выдвинутое объяснение сущности явлений, то гипотеза должна быть отклонена и анализ должен вернуться к исходной основе. Нужны поиск новой идеи, синтез фактов на основе других категорий и выдвижение новой гипотезы, которая снова должна быть проверена, и так до тех пор, пока не будет доказана ее истинность.

Однако достижение истинного теоретического знания о сущности изучаемых явлений не завершает процесса их познания. Будучи результатом отвлечения от конкретного, это знание характеризует сущность как таковую, абстрактно. Но, как указывал В.И. Ленин, "понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности"[44]. Вместе с тем первоначальное отвлечение от конкретности явления необходимо для того, чтобы, выяснив общее, затем вернуться к конкретному и тем самым познать реальность как единство явления и сущности. "Движение познания *к* объекту, – подчеркивал В.И. Ленин, – всегда может идти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть"[45]. "*Бесконечная* сумма общих понятий, законов etc. дает *конкретное* в его полноте"[46]. Поэтому *заключительной стадией теоретического познания является обратное восхождение от абстрактного к конкретному*. Суть этого восхождения состоит в том, что оно снимает абстрактность, с одной стороны, с явления, которое на эмпирической стадии предстает как единично изолированное, а с другой – с сущности, которая на теоретической стадии рассматривается первоначально в изоляции от явления. Теперь они выступают как единство, в котором явление, не теряя своей единичности, приобретает черты определенной всеобщности, т.е. из формальной единичности превращается в содержательную конкретность, а сущность, оставаясь всеобщностью, приобретает определенный диапазон единичной конкретности. Тем самым реальность предстает в сознании в единстве и противоположности, как синтез единичного и общего, случайного и закономерного, формы и содержания, а если будут произведены измерения, то и количества и качества.

---

[44] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 241.
[45] Там же. Т. 29. С. 252.
[46] Там же.

В процессе обратного восхождения от абстрактного к конкретному и возникает конкретное теоретическое знание, достигается высший уровень в научном познании. Поэтому восхождение от абстрактного к конкретному и принадлежит к самым основным и эффективным методам научного исследования. Завершенной формой конкретно-теоретического знания являются *научные теории*. Применительно к изучению тех или иных конкретных явлений и процессов – это конкретно-научные теории.

"Историческая теория есть наиболее полное и концентрированное выражение знания в исторической науке, она обобщает и синтезирует факты, полученные историком на эмпирическом уровне исследования; с ее помощью осуществляются функции объяснения и предсказания явлений исторической действительности, открываются закономерные отношения внутри целостной социальной организации"[47]. Целостная социальная организация применительно к конкретно-научному (или конкретно-проблемному) уровню исторической теории – это разного рода общественные системы и процессы. В таком виде историческое знание "характеризуется абстрактной природой, а представленная в нем действительность дана в концептуальной модели", которая представляет собой "идеализированную схему действительности, полученную с помощью абстрагирования"[48]. Такие сущностно-содержательные модели служат основой для дедуктивного познания исторической реальности путем восхождения от абстрактного к конкретному, в том числе и с помощью математического моделирования. Объединяющим началом компонентов теории (входящих в нее понятий, категорий, законов) выступает, как указывалось, лежащая в ее основе идея. Конкретно-научная теория, как и всякая научная теория, обладает свойствами системности, всеобщности и логической непротиворечивости[49].

В литературе по теории и методологии исторического познания высказывается мнение о том, что историческая наука наряду с *конкретно-научными* теориями, отражающими познание отдельных явлений, сторон и процессов общественно-исторического развития, "должна обладать собственным уровнем теории, т.е. уровнем категориального знания, соответствующим ее познавательной функции"[50]. Иначе говоря, должен быть уровень теории, присущий исторической науке в целом. Высказывают и то соображение, что вообще должна быть разработана *теоретическая история* как отрасль исторической науки[51].

---

[47] *Иванов Г.М., Коршунов Н.М., Петров Ю.В.* Указ. соч. С. 215.

[48] Там же. С. 216.

[49] См.: *Карпович В.Н.* Системность теоретического знания: (Логический аспект). Новосибирск, 1984.

[50] *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. С. 15.

[51] *Уваров А.Н.* Гносеологический аспект теории в исторической науке. С. 12–13.

Мнение о необходимости уровня теории, присущего для исторической науки в целом, не вызывает сомнений. Следует только отметить, что такая *теория у марксистской исторической науки есть*. Это – *исторический материализм*. Он является теорией о наиболее общих законах общественно-исторического развития как целостной динамической системы. В этой связи представляется вполне обоснованным мнение тех философов, которые выделяют в историческом материализме три аспекта – *философский, социологический и исторический* [52].

В историческом аспекте исторический материализм представляет собой то общее теоретическое историческое знание, ту "теоретическую историю", о необходимости которых и говорят философы и историки. Выполнение историческим материализмом функций общей теории исторической науки никоим образом не умаляет его роли как составной части марксистской философии и как общей социологической теории.

Неосознанность многими философами и историками того несомненного факта, что исторический материализм, являясь социологической теорией и методом познания, вместе с тем представляет собой и общую историческую теорию, приводит к определенным издержкам и в исторических, и в философских исследованиях. У историков это нередко ведет к превращению исторических исследований в иллюстрацию положений исторического материализма, с одной стороны, и к поиску ответов на конкретные вопросы в этих положениях, – с другой. Тем самым недооценивается методологическая роль исторического материализма. Философы же, исходя из того, что исторический материализм – наука о наиболее общих законах общественного развития, не обращаются к историческому материалу, не обобщают должным образом даже фундаментальные результаты исторических исследований. В результате многие их работы по историческому материализму оказываются слишком абстрактными и потому мало пригодными для практики исторических исследований.

Устранение указанных недостатков – важная задача исторических и философских исследований и один из путей повышения их научного уровня.

---

[52] См., например: *Багатурия Г.А.* Первое великое открытие Маркса: Формирование и развитие материалистического понимания истории // Маркс – историк. М., 1968; *Желенина И.А.* О трех аспектах марксистской теории исторического познания // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 1985. № 2.

Глава 6

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Цель всякого, в том числе и исторического, научного познания состоит в получении *истинных* знаний, т.е. знаний, которые адекватно отражают изучаемую реальность. Форма же научного познания является *субъективной*. В познавательном процессе с объектом познания активно взаимодействует познающий субъект, имеющий определенные интересы, стремящийся достигнуть поставленных целей, исходящий из соответствующих идеологических воззрений, руководствующийся теми или иными теоретико-методологическими подходами и принципами, использующий различные методы и обладающий многими другими индивидуальными чертами. Поэтому возникает проблема возможности получения объективных знаний при субъективном характере познавательной деятельности. Это одна из наиболее активно дебатирующихся проблем научного познания, которой уделяется большое внимание как в общих работах по вопросам научного познания, так и в работах по теории и методологии отдельных областей науки.

Особенно сложным является соотношение объективного и субъективного в общественно-гуманитарных науках, что обусловлено спецификой объекта их познания, в котором органически переплетены объективное и субъективное. Объект познания естественных наук бесстрастен и не имеет никаких внутренне ему присущих интересов. Следовательно, не может быть и "столкновения" интереса познающего субъекта со свойствами познаваемого объекта. В противном случае даже "если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы"[1].

Иначе обстоит дело при изучении общественно-исторического развития. Здесь в самом объекте заключены людские интересы и устремления, борьба и страсти в их достижении, которые влияли на ход этого развития и сказывались в результатах человеческой деятельности. В результате интересы и цели, выражаемые исследователем, могут сталкиваться, вступать в противоречие с тем, что было в действительности. Этим создается дополнительная по сравнению с естественными и техническими науками возможность отступления от объективности. Здесь может возникать стремление не только не к вполне объективному (чаще всего одностороннему) познанию действительности, но даже и к прямому ее искажению, что усложняет задачу обеспечения объективности познавательно-

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 17.

го процесса в общественно-гуманитарных исследованиях. Эта задача может быть в полной мере успешно решена только на основе материалистически-диалектического познания общественной реальности.

Материалистически-диалектическое познание объективной реальности требует *исходить в научном познании из принципов объективности, партийности и историзма, а также из единства познавательной и предметно-содержательной деятельности*. Объективность обеспечивает получение истинного знания. *Партийность* определяет социальную направленность познания, а следовательно, и общественную значимость полученного знания. *Историзм* создает возможность получения истинного, объективного знания в его онтологическом аспекте (т.е. со стороны познаваемой реальности). В единстве же познавательной и предметно-содержательной деятельности выражается активная, определяющая роль субъекта в познании, диктуемая потребностями и интересами его эпохи и являющаяся непременным условием получения объективного знания[2].

Все эти компоненты синтезируются в объективности, которая и выступает как обобщенное выражение соотношения в познавательном процессе объективного и субъективного[3]. Сложность этого соотношения порождает и проблему истинности исторического знания и путей и методов ее проверки.

---

[2] Освещению указанных принципов научного познания, в том числе и в исторической науке, посвящена большая литература. См., например: *Носов А.П., Намазов Д.Н.* Борьба В.И. Ленина за партийность исторической науки. Ташкент, 1967; *Чагин Б.А.* Марксистско-ленинский принцип партийности в философии. Л., 1974; *Сычев Н.И.* Объективное и субъективное в научном познании. Ростов, 1974; *Кузьмин В.Ф.* Объективное и субъективное: (Анализ процесса познания). М., 1976; Принцип партийности в исследовании социальных явлений: Сб. статей. Л., 1977; *Бурмистров Н.А.* Партийность исторической науки. Казань, 1979; *Коршунов А.М.* Отражение, деятельность, познание. М., 1979; *Донской Д.Е.* Партийность как эстетическая категория. Новосибирск, 1980; *Иванов В.В.* Историзм в ленинской методологии научного исследования. М., 1982; Творчество и социальное познание: Сб. статей. М., 1982; Принципы материалистической диалектики как теории познания: Коллективная монография. М., 1984; *Чагин Б.А.* В.И. Ленин о диалектике объективного и субъективного в историческом процессе. Л., 1985, и др. См. также названные выше работы по методологическим проблемам исторической науки.

[3] Поэтому некоторые исследователи не без оснований полагают, что партийность – это не самостоятельный принцип научного познания, а органическая часть принципа объективности (см.: *Желенина И.А.* Объективность как принцип социально-исторического исследования // Творчество и социальное познание. С. 85, 96). Это же можно сказать и о принципе историзма. Но в силу большой практической значимости этих принципов в конкретно-научных исследованиях, видимо, их все же следует рассматривать как принципы самостоятельные, но меньшей степени общности и потому интегрируемые наиболее общим принципом, которым и является объективность.

1. СУБЪЕКТИВНО-СОЦИАЛЬНОЕ: ПАРТИЙНОСТЬ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ

Объективность как принцип научного познания означает "*о б ъ е к т и в н о с т ь* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе)"[4], сосредоточение внимания на внутренней природе изучаемой реальности. Объективность познавательного процесса обеспечивает получение истинного знания об этой реальности, адекватное ее отражение в сознании. Несмотря на субъективную форму познания, оно может давать объективное по содержанию знание. Возможность для этого создается рядом факторов.

Во-первых, объективны источник познания, реальность во всех ее выражениях. Знание, как указывалось, может быть лишь отражением этой реальности. "Человеческие понятия, – писал В.И. Ленин, – субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике"[5].

Во-вторых, познающий субъект заинтересован в получении объективных, истинных знаний об изучаемой реальности. Знания нужны для использования их в практической деятельности, для удовлетворения определенных потребностей и интересов, для решения тех или иных задач и достижения поставленных целей. Именно в силу этого, как указывал В.И. Ленин, "точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания"[6]. Практическая потребность в знаниях побуждает познающего субъекта к активности в процессе познания, что не только приводит к накоплению знаний, но и обеспечивает получение объективных знаний, разумеется, как будет показано далее, в пределах той конструктивной цели, для достижения которой приобретаются знания.

В-третьих, достижение объективных знаний обеспечивается возможностью такого построения исследовательского процесса, который позволяет получить истинные знания. Ф. Энгельс указывал, что, "если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности"[7].

Остановимся на этом моменте несколько подробней, поскольку он не раскрывается должным образом в исследованиях по теории и методологии исторического познания.

Все многообразие факторов, определяющих возможность истинного пути познания реальности, можно свести к следующим принципам и требованиям.

Во-первых, должна быть обеспечена возможность всестороннего подхода к объекту познания. Только при таком подходе может

---

[4] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 202.
[5] Там же. С. 190.
[6] Там же. Т. 18. С. 145.
[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 629.

быть учтено все многообразие явлений, отражающих внутреннюю сущность объекта познания.

Во-вторых, исследование должно базироваться на применении самых различных методов. Ни один общенаучный, специально-научный и конкретно-проблемный метод не должен абсолютизироваться или игнорироваться. Наибольший эффект может быть достигнут применением совокупности методов, что обеспечивает получение системы многообразных фактов на стадии эмпирического познания и их объяснение и синтез на стадии теоретического познания.

В-третьих, необходим широкий и глубокий подход к объяснению фактов, к раскрытию содержания и формы, явления и сущности, количества и качества, внутренних противоречий и движущих сил исследуемой реальности.

И, в-четвертых, исследовательский процесс должен опираться на существующее знание, с одной стороны, и быть активно творческим, с другой. Всякое научное знание относительно, и познание истины представляет собой бесконечный процесс, в котором каждый этап есть необходимое звено, несущее зерна абсолютной истины, так же как и элементы ограниченности и даже заблуждения. Поэтому без знания истории познания объекта и данного состояния знаний о нем невозможно определить истинный путь дальнейшего его изучения и объяснить вновь полученные о нем факты. Вместе с тем исследователь должен действовать активно и творчески. Опираясь на достигнутые знания и относясь к ним без нигилизма и консерватизма (т.е. не игнорируя и не довольствуясь ими), он должен искать пути и методы движения вперед, исходя из задач, выдвигаемых общественной практикой. Имея в виду все это, В.И. Ленин писал: "Процесс (переходящего, конечного, ограниченного) познания и *действия* превращает абстрактные понятия в *законченную объективность*"[8].

Таким образом, и объективность источника знания, и заинтересованность субъекта в получении истинного знания, и возможность истинного пути познания обеспечивают получение объективного знания. Но все это – только *возможность* приобретения истинных знаний, превращение которой в реальность определяется субъективными факторами процесса познания, а именно – позицией исследователя. Она может быть такой, когда будут последовательно использоваться возможности для получения объективного знания и соблюдаться необходимые для этого принципы и требования. Но эти последние могут учитываться неполностью либо вовсе игнорироваться. Кроме того, в познавательном процессе могут быть допущены ошибки. Следовательно, диапазон объективности получаемых научных знаний в их завершенной, т.е. теоретической, форме может колебаться от 1 до 0.

---

[8] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 177.

К субъективному в научно-познавательном процессе относится все, что связано с осознанной и целенаправленной деятельностью познающего субъекта. Проявления субъективного в познавательном процессе весьма многообразны и обусловлены множеством всякого рода факторов. Но при всем этом многообразии проявления субъективного можно свести к двум видам: *субъективно-социальному* и *субъективно-индивидуальному*. "Индивид, – писал К. Маркс, – есть *общественное существо*. Поэтому всякое проявление его жизни – даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного,* совершаемого совместно с другими, проявлениями жизни, – *является* проявлением и утверждением *общественной жизни*"[9]. Иначе говоря, вся деятельность индивида социальна по своей природе независимо от того, осознает и признает он это или нет. Поэтому и можно выделять субъективно-социальный компонент в познавательной деятельности.

Социальная классовая позиция исследователя определяет его *партийность*. Соответствующий общественный интерес выражается в партийности через мировоззрение и прежде всего через идеологию, как его наиболее теоретизированный компонент. Партийность может осознаваться или не осознаваться, признаваться или не признаваться исследователем, но она всегда есть и всегда проявляется в познавательной деятельности. Утверждения о возможности деидеологизации и надпартийности науки и призывы к этому несостоятельны, ибо равнозначны признанию независимости личности от общества. Само отрицание партийности в науке является одной из форм партийности. "Беспартийность, – указывал В. И. Ленин, – есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая"[10]. Вообще проповедь беспартийности, отвечающая интересам буржуазии, имеет цель замаскировать буржуазную партийность.

Переходя к рассмотрению партийности и объективности в научно-познавательном процессе, прежде всего следует подчеркнуть, что сама по себе партийность не исключает объективности. Все дело в характере партийности. А она может быть весьма различной, ибо различны те общественные интересы, которые ею выражаются. Основной разграничительной линией здесь выступают различия интересов отдельных классов. Особенно велики различия, как хорошо известно, в интересах антагонистических классов, прежде всего буржуазии и пролетариата в капиталистическом обществе. С другой стороны, интересы дружеских классов и слоев социалистического общества (рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция), социальная природа которых определяется социалистическим способом производства, различаются по характеру их отношения к прошлому несущественно и по своей сути являются едиными.

---

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 119.
[10] *Ленин В.Я.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 138.

В указанном диапазоне существует большое разнообразие в интересах отдельных классов и социальных слоев. Так, интересы мелкой буржуазии, с одной стороны, сходны с интересами буржуазии крупной. Мелкий буржуа, как собственник и самостоятельный производитель, стремится "выбиться на дорогу, пробиться в крупные хозяева"[11]. С другой стороны, его интересы противоречат интересам крупной буржуазии, поскольку в капиталистическом обществе действует закон вытеснения мелкого производства крупным. Как труженик, угнетаемый крупным капиталом, мелкий буржуа имеет интересы, сходные с интересами рабочего класса. Но в то же время их интересы различны, ибо мелкий буржуа "продает свой продукт, пролетарий продает свою рабочую силу"[12].

В общем раскрытие характера партийности познающего субъекта требует тщательного выявления тех общественных интересов, из которых этот субъект исходит.

Общественный интерес определяет социальную суть партийности, содержание которой выражается в мировоззрении и идеологии. В конкретно-научном исследовании тем опосредствующим звеном, через которое партийность влияет на объективность, выступают теория и методология научного познания, на которых основывается исследование[13]. Ими непосредственно и обуславливается то, в какой мере историк будет использовать возможности и соблюдать принципы, обеспечивающие объективность исследования. Если теория и методология таковы, что требуют использования возможностей и соблюдения необходимых принципов, то будет иметь место последовательная объективность и в итоге будет получено искомое истинное знание. Если же теория и методология позволяют реализовать эти возможности и принципы лишь в той или иной мере, то объективность исследования будет неполной, а следовательно, будет ограниченным и адекватное отражение реальности, полученное в итоге исследования. Разумеется, важную роль здесь играют и факторы субъективно-индивидуальные, о которых пойдет речь ниже.

Конкретное соотношение объективности и партийности в процессе научного познания определяется тем, в какой мере интересы классов и социальных слоев, выражаемые партийностью, совпадают с объективным ходом общественно-исторического развития. Класс, интересы которого в полной мере соответствуют объективному ходу этого развития, заинтересован во всестороннем и объективном познании этого развития, ибо истинное знание реальности будет содействовать удовлетворению его интересов, претворению в жизнь вытекающих из них задач и идеалов. Таким классом является

---

[11] Там же. Т. 1. С. 402.

[12] Там же. Т. 27. С. 220.

[13] См.: *Ворожцов В.П., Москаленко А.Т.* Методологические установки ученого: Природа и функции. Новосибирск, 1986.

рабочий класс. Совпадение интересов рабочего класса с объективным ходом общественно-исторического развития обусловливает то, что рабочий класс, как указывал Ф. Энгельс, "более восприимчив к действительности, чем буржуа, и не смотрит на все сквозь призму личных интересов"[14], и поддерживает все, содействующее общественному прогрессу. Поэтому пролетарская партийность в научном познании органически сочетается с полной объективностью. Марксизм не только не маскирует свои пролетарскую социальную сущность и боевую партийность, но и прямо признает, что "материализм включает в себя... партийность"[15]. Марксизм, с одной стороны, требует, "чтобы взгляды на социальные явления опирались на неумолимо объективный анализ *действительности* и действительного развития"[16], а с другой стороны, призывает "при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы"[17]. Подчеркивая имманентно присущую научному познанию партийность, В.И. Ленин указывал, что нельзя изучать действительное положение, "*не квалифицируя,* не оценивая его по-марксистски, или по-либеральному, или по-реакционному и т. п.!" [18].

Органическое единство объективности и партийности в марксизме, обусловленное соответствием интересов рабочего класса объективному ходу общественно-исторического развития, выражается в единстве познавательной и практически-предметной деятельности рабочего класса, в единстве марксистско-ленинской теории и практики революционной борьбы, в материалистическом монизме марксистской теории и ее диалектическом методе. Именно поэтому возникновение марксизма и явилось революционным переворотом в развитии науки вообще и в обществознании в особенности. Лишь с появлением марксизма был найден путь для адекватного, истинного познания общественно-исторического развития. Марксизм обосновал возможность получения такого знания и определил указанные выше принципы исследовательской деятельности, которые позволяют добиться того, чтобы познание истины само было истинным. Возникновение и распространение марксизма, последовательно объективной естественноисторической теории, и вызывает "самую бешеную борьбу" со стороны буржуазии. Марксистское учение "должно было с боя брать (и до сих пор берет. – *И.К.*) каждый свой шаг на жизненном пути"[19].

Однако революционное значение марксизма в развитии науки не означает, как иногда полагают, что только с появлением марк-

---

[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 357.
[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 419.
[16] Там же. Т. 2. С. 547.
[17] Там же. Т. 1. С. 419.
[18] Там же. Т. 23. С. 240.
[19] Там же. Т. 17. С. 17.

сизма, научной идеологии рабочего класса, и возникла общественная наука и что только на основе марксизма могут быть получены научные знания об общественно-историческом развитии.

Кроме рабочего класса, были в историческом развитии и другие классы, интересы которых в определенной мере совпадали с объективным ходом общественно-исторического развития. Так, в эпоху перехода от феодализма к капитализму и на начальных этапах развития последнего объективные потребности общественного прогресса в большой мере совпадали с интересами формирующегося класса буржуазии. Именно поэтому ее идеологи и выдвигали передовые для своего времени философские концепции, использовавшиеся и в исторической науке, вершиной которых явились концепции и теории революционного просветительства. Их буржуазная по объективному содержанию партийность в значительной мере сочеталась с объективностью общественно-исторического познания.

Наибольшим соответствием объективности и партийности в общественно-историческом познании отличались в немарксистской общественно-научной мысли взгляды российских революционеров-демократов 40–60-х годов XIX в. (прежде всего Белинского, Герцена, Добролюбова и Чернышевского), которые исходили из классовых интересов крестьянства, боровшегося за низвержение крепостничества. В этой борьбе интересы крестьянства соответствовали объективному ходу исторического развития и выражали наиболее прогрессивные тенденции этого развития. Поэтому революционеры-демократы в области общественно-научной мысли вообще и в социологии в частности, как указывал В.И. Ленин, характеризуя взгляды А.И. Герцена, "вплотную подошли к диалектическому материализму и остановились перед историческим материализмом"[20]. В их исторических взглядах при в целом идеалистической их сущности это отразилось в признании важной роли в общественном развитии экономического фактора, народных масс, классовой и революционной борьбы, а также в диалектическом подходе к изучению общественного развития[21].

Либерально-буржуазная общественно-научная и историческая мысль наибольших результатов в познании общественно-исторического развития достигла в эпоху утверждения капиталистического способа производства, т.е. в первой половине – середине XIX в. Тем новым, что было внесено в это время в развитие исторической науки буржуазными учеными, был диалектический подход. Даже на основе идеалистической теории он значительно повышал объективность исторических исследований. Стало возможным рассмотрение хода исторического развития как внутренне обусловленного, зако-

---

[20] См.: Там же. Т. 21. С. 256.

[21] См.: *Иллерицкий В.Е.* Революционная историческая мысль в России: (Домарксистский период). М., 1974.

номерного процесса. Вершиной в развитии буржуазной историографии на этом этапе стала либерально-буржуазная школа французских историков периода Реставрации (О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье и др.), а в России – работы таких крупных либерально-буржуазных историков, как Т.Н. Грановский и С.М. Соловьев.

Дальнейшее развитие либерально-буржуазной по социальной сущности исторической науки не только не продвинуло ее вперед, но даже отбросило назад. В условиях все нарастающей борьбы между пролетариатом и буржуазией интересам последней не соответствовал не только материализм, но и диалектика. "В своем рациональном виде, – писал К. Маркс, – диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна"[22].

Эпоха, когда буржуазия в борьбе с феодализмом и абсолютизмом могла "представить свой интерес как общий интерес всех членов общества"[23], ушла в прошлое, и основной заботой идеологов буржуазии стало отстаивание узкоклассовых интересов буржуазии. Поэтому объективность в научном познании допускается лишь постольку, поскольку соответствует этим интересам и обосновывает их. Все остальное должно быть отвергнуто. На решении этих задач и сосредоточиваются усилия обществоведов, стоящих на позициях буржуазной партийности. Выражением указанных изменений в соотношении партийности и объективности явилось широкое распространение субъективизма.

Субъективист подходит к исторической реальности с узкоклассовых и групповых интересов и представляет общественно-историческое развитие не таким, каким оно было в действительности, а таким, каким его выгодно подать в рамках отстаиваемого социального интереса. Основой субъективизма является метафизика с ее однозначно-упрощенным, механистическим подходом к действительности. Субъективизм неизбежно ведет к идеализму в понимании сути общественно-исторического развития и, в частности, к широко распространенному психологизму в объяснении этого развития. Основой же для оценки исторических событий выступают субъективные и абстрактные представления о справедливости, праве, морали и т.д. Понятно, что теория и методология общественно-исторического познания, основанные на принципах субъективизма, определяют такое соотношение объективности и партийности в исследовательском процессе, в котором субъективное не только явно преоб-

---

[22] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 22.
[23] Там же. Т. 3. С. 47.

ладает над объективным, но и вообще может устранить всякую объективность. Поэтому прежде всего с распространением субъективизма (в форме неокантианства, презентизма, экзистенциализма и т.п.) и связан тот глубокий идейно-теоретический и научно-методологический кризис, который переживает буржуазная историческая наука с конца XIX в.

Субъективизм – методология общественно-исторического познания, в социальном плане отвечающая прежде всего интересам консервативной и реакционной буржуазии. Но из истории исторической науки и общественно-научной мысли известно, что субъективизм в познании исторического прошлого пытались использовать и для обоснования необходимости демократических и даже революционных преобразований. Как пример можно привести российское народничество. Выдвигаемые ими программы общественных преобразований соответствовали интересам широких слоев мелких производителей, прежде всего крестьян, и объективно, как указывалось, их революционное претворение в жизнь означало расчистку пути для буржуазно-демократического развития. Однако в данном случае социальной основой социологического субъективизма народников являлись не крестьянские интересы. Социологический субъективизм народничества был порожден ошибочными представлениями о возможности для интеллигенции повернуть историческое развитие России на иной, некапиталистический путь. Иначе говоря, субъективизм отражал групповые интересы народничества как направления общественной мысли и общественного движения. Этот пример показывает сложную связь объективности и партийности с интересами определенных классов, социальных слоев и общественных групп.

Разумеется, благие намерения народников не меняли природы субъективизма. Он, как и во всех других случаях, исключал объективность в познании прошлого. В работе «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» и других В.И. Ленин подверг критике народнический субъективизм и показал его несостоятельность.

Если субъективизм отрывает познание от объективной реальности и абсолютизирует роль познающего субъекта, то *объективизм* принижает эту роль и, наоборот, апологетизирует явления действительности.

Объективизм – это также методология научного познания, которая исходит из буржуазных интересов. Но в отличие от субъективизма, в конечном счете отрицающего внутреннюю закономерность общественного развития и перекраивающего историческую реальность в угоду субъективным представлениям, объективизм, исходя из этой реальности, стремится исторически обосновать неизбежность утверждения и господства капитализма. Отсюда – необходимость обращения к историческим фактам, призыв к беспристраст-

ному их изложению и отказу от их критического анализа и истолкования, что якобы и гарантирует истинность исторического познания. В смысле выявления фактической стороны общественно-исторического развития объективизму действительно присуща определенная степень объективности. Но она весьма ограниченна. Во-первых, несмотря на все призывы к беспристрастности и претензии на объективность, в самом отборе фактов объективизм избегает всего, что раскрывает антагонизм и борьбу, присущие буржуазно-капиталистическому развитию, и свидетельствует об исторически-преходящем характере этого развития. Во-вторых, при "отказе" от анализа фактов объективистская методология ведет к ограничению познания общественно-исторического развития его эмпирическим уровнем. В-третьих, будучи не в состоянии ограничиться лишь показом того, "как это было", объективизм в области теории исторического познания исходит прежде всего из разного рода идеалистических и плюралистических представлений. Последнее, как указывалось, особенно характерно для современной эпохи.

Ограниченность объективизма как методологии общественно-исторического познания и его мнимая беспристрастность, прикрывающая буржуазную партийность, были раскрыты В.И. Лениным в полемике с П. Струве. Ленинская критика объективизма в полной мере относится и к современному объективизму. В.И. Ленин писал: «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист (марксист. – *И.К.*) констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о "непреодолимых исторических тенденциях"; материалист говорит о том классе, который "заведует" данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист ... последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость»[24]. Следовательно, объективизм противостоит марксизму, но объективистская разновидность буржуазной партийности в исторической науке, допуская определенную объективность в общественно-историческом познании, отлична от субъективизма, ведущего фактически к упразднению исторической науки.

Таким образом, в целом партийность не исключает как таковая объективности познания общественно-исторического развития, но

---

[24] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 418.

оказывает на нее существенное воздействие. В марксизме это воздействие идет по линии всемерного утверждения объективности. Пролетарская партийность требует безусловной объективности. Они органически слиты. Другие по своей социальной природе виды партийности ограничивают объективность исторического исследования в тем большей мере, чем больше выражаемые ею социальные интересы не совпадают с объективным ходом общественно-исторического развития. Поэтому при использовании соответствующей исторической литературы важной задачей историка является конкретное раскрытие и партийных позиций авторов и соотношения партийности и объективности в проведенном исследовании.

2. СУБЪЕКТИВНО-ИНДИВИДУАЛЬНОЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Наряду с субъективно-социальным компонентом, выражающим партийность позиции исследователя, важную роль в научно-познавательной деятельности играют и факторы субъективно-индивидуальные, отражающие специфические черты познающего субъекта как конкретной личности. В.И. Ленин указывал, что, "если рассматривать отношение субъекта к объекту в логике, то надо взять во внимание и общие посылки бытия *конкретного* субъекта (= *жизнь человека*) в объективной обстановке"[25]. В научно-познавательной деятельности сказываются многие черты, присущие интеллекту, характеру и другим сторонам определенной личности.

Среди множества индивидуальных человеческих качеств, влияющих на познавательную деятельность, наибольший интерес у специалистов по научному познанию, да и у самих ученых вызывает *интуиция*[26]. Вопрос о роли интуиции в научном познании принадлежит к числу проблем, вызывающих острые споры. Идеализм трактует интуицию как таинственный, сверхъестественный способ постижения истины, не поддающийся рациональному осмыслению.

Диалектико-материалистический анализ процесса научного творчества и вместе с тем интуиции при всей его незавершенности на достигнутой стадии познания позволил выявить основные истоки и природу интуитивного постижения внутренней сути объективной реальности. Интуиция представляет собой сложное явление, выступая, с одной стороны, в качестве специфической формы познавательной деятельности, а с другой – особой формой психического отражения. Интуиция тесно связана с другими формами познания (чувственным восприятием и рациональным мышлением). Интуи-

---

[25] Там же. Т. 29. С. 184.

[26] См.: *Бунге М.* Интуиция в науке. М., 1967; *Налчаджан А.А.* Интуиция в процессе научного творчества. Ереван, 1976; *Ирина В.Р., Новиков А.А.* В мире научной интуиции. Интуиция и разум. М., 1978, и др.

ция – *не бессознательный* (как утверждает идеализм), а лишь субъективно *неосознанный процесс*.

Реальной основой интуиции является та информация об объективной реальности, которая зафиксирована памятью человека, но остается вне поля его непосредственного видения и осознания. "Из всей суммы имеющихся знаний в каждый данный момент в фокусе сознания светится лишь небольшая их доля. О некоторых (мы бы сказали о многих. – *И.К.*) хранящихся в мозгу сведениях люди даже не подозревают"[27]. Эта скрытая информация при необходимости может включаться в познавательный процесс. Она и представляет собой реальную основу для интуитивных построений и заключений. Таким образом, "источник интуитивного познания выступает в форме скрытого от самого субъекта, но уже имеющегося у него знания"[28]. Это знание называют *криптогнозой* (от греч. kryptos – скрытый и gnosis – знание). Понятно, что интуиция – не простое воспроизведение криптогнозы, а сложный процесс переработки активного (выраженного) и скрытого знания, направленный на решение стоящей исследовательской задачи. Психологические и логические механизмы этого процесса пока до конца не раскрыты; но совершенно очевидно, что интуиция не есть некое беспочвенное озарение, она основывается на вполне реальных предпосылках. Важнейшей из них является объем знаний (выраженных и скрытых), которым обладает исследователь. Далее должна быть задача (проблема), решить которую он настоятельно стремится, ибо без этого не возникает потребности вторжения мышления в скрытую информацию и не будет побудительного мотива для проявления интуиции. Необходимы и другие творческие компоненты. В частности представляется весьма существенной способность к ассоциативному и синтетическому восприятию и мышлению, ибо они выступают средством подсознательного поиска необходимых образов, сопоставлений, синтеза разрозненных явлений, иного взгляда на объект познания и т.д. В общем совершенно правы те исследователи, которые утверждают, что обязательным условием научного открытия любого масштаба являются терпеливый, настойчивый и вдохновенный труд и поиск. Поэтому и интуиция, как правило, озаряет тех, кто этого заслужил.

Интуиция занимает важное место в научно-познавательном процессе, выступая как средство взаимодействия данных чувственного и логического познания. Интуитивное и логическое составляют две стороны или два тесно связанных способа единого творческого процесса научного познания. Интуиция проявляет себя в конкретном исследовании прежде всего на стадии перехода от эмпирического к теоретическому знанию, а именно – в поиске идеи и выдвижении ги-

---

[27] *Спиркин А.Г.* Сознание и самосознание. М., 1972. С. 188.
[28] *Ирина В.Р., Новиков А.А.* Указ. соч. С. 123.

потезы, раскрывающей сущность исследуемой реальности. При чисто логическом выявлении этой сути основой для поиска идеи и выдвижения гипотезы являются, с одной стороны, эмпирические данные, а с другой – активная, видимая и осознаваемая исследователем иная информация. Интуиция же вводит в этот процесс и известную исследователю, но не осознаваемую им явно, т.е. скрытую, информацию. Таким образом, имеет место двуединый процесс, или два пути движения к одному итогу: раскрытию сути исследуемых явлений. Думается, что неясность психологического механизма этого процесса и служит основой представлений о чудодейственной природе интуиции.

Результаты познания, полученные интуитивным путем, несмотря на кажущуюся "очевидность", имеют гипотетический характер и, чтобы "войти в общую систему научного знания ... должны быть подвергнуты практической проверке"[29], как и всякое другое гипотетическое научное знание.

Другим субъективно-индивидуальным фактором, играющим важную роль в научном познании, является человеческая способность к *воображению*[30]. Суть воображения состоит в преобразовании имеющихся впечатлений и данных об объективной реальности в новые образы и идеи. "В воображении раскрывается та сторона активности субъекта, которая дает возможность отражать диалектику развития объектов от прошлого к настоящему и будущему, связывая их воедино"[31]. В процессе познавательной и созидательно-предметной деятельности человек ставит перед собой определенные цели. Они могут представляться неким идеалом, который должен быть достигнут. В познавательной деятельности в процессе воображения на основе имеющегося знания и создаются новые образы реальности. Здесь воображение как бы отрывается от реальности, забегая несколько вперед для того, чтобы более глубоко познать ее.

Существует несколько путей формирования в процессе воображения новых образов[32]: 1) *акцентирование*, т.е. создание нового образа путем выделения, подчеркивания определенных черт реального объекта; 2) *реконструкция,* т.е. формирование цельного образа объекта по имеющимся данным о нем; 3) *аглютинация*, т.е. создание нового образа путем синтеза разнородных свойств реальности;

---

[29] Там же. С. 183.

[30] См.: *Дудецкий А.Я.* Теоретические вопросы воображения и творчества. Смоленск, 1974; *Коршунова Л.С.* Воображение и его роль в познании. М., 1979; *Она же.* Диалектика чувственного и рационального в воображении // Творчество и социальное познание. М., 1982; *Корнева Л.С.* Воображение и историческое познание. М., 1983, и др.

[31] *Коршунова Л.С.* Диалектика чувственного и рационального в воображении. С. 170.

[32] *Коршунова Л.С.* Воображение и его роль в познании. С. 14 и сл.

4) типизация, т.е. создание сложного синтетического образа в результате своеобразного обобщения образов реальности.

В процессе воображения могут создаваться образы реальности, недоступные непосредственному чувственному восприятию. Историк как раз и имеет дело с реальностью, недоступной непосредственному живому созерцанию. Поэтому воображение играет важную роль в исторических исследованиях. Оно, в частности, является незаменимым средством при вероятностной гипотетической реконструкции черт и свойств познаваемого объекта в тех случаях, когда имеющихся данных недостаточно для инвариантной реконструкции этих черт и свойств.

Важна роль воображения и в процессе раскрытия сущности исследуемых явлений. Воображение здесь выступает одним из средств поиска идеи и выдвижения гипотезы, объясняющих суть конкретно-научных данных. Кроме того, воображение позволяет мысленно сконструировать идеальные модели исследуемых объектов и даже сами эти объекты. Такие модели обладают высокой познавательной ценностью. На подобных идеальных образах (моделях), предельно обобщающих реальность, основан один из наиболее эффективных методов научного познания – метод восхождения от абстрактного к конкретному. В общем, воображение – это один из способов использования имеющегося знания для получения знания нового.

С воображением связана *фантазия*, которая также является важным познавательным средством[33]. Подчеркивая способность человека к воображению и фантазии, В.И. Ленин писал, что "эта способность чрезвычайно ценна. Напрасно думают, что она нужна только поэту... Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчислений невозможно было бы без фантазии"[34].

Сходство воображения и фантазии состоит в том, что они, образно преобразуя реальность, служат средством ее познания. Но между ними имеет место и существенное различие. Воображение формирует новые образы на основе реальности, лишь видоизменяя ее и сохраняя в целом ее структуру (т.е. способ связи ее компонентов). Воображение и в реконструированном виде отражает основные свойства объекта. Фантазия также исходит из действительности, но рисуемые ею образы могут и не иметь аналогов (прототипов) в реальности. Фантазия прежде всего ориентирована на создание нового. В общем в фантазии "отлет" от действительности больший, чем в простом воображении. Этим обуславливается, что фантазия может быть *рациональной*, когда рисуемые ею образы отражают те или иные существенные черты реальности, или *иллюзорной*, когда

---

[33] См.: *Пармон Э.А.* Роль фантазии в научном познании. Минск, 1984.
[34] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 125.

в ней видимость реальности предстает как ее сущность, либо вовсе *мистификацией*, когда некий образ формируется при игнорировании действительности[35].

В целом, видимо, можно согласиться с тем, что фантазия представляет собой как бы предельную форму воображения.

В научном исследовании фантазия, как и воображение, играет роль поискового средства на пути от эмпирического знания к теоретическому. Интуиция, воображение, фантазия – человеческие качества, которые свойственны разным людям в разной степени, т.е. все они принадлежат к субъективно-индивидуальным компонентам, влияющим на исследовательскую деятельность. Понятно, что общая степень их развитости в том или ином "познающем" обществе или на разных исторических этапах процесса научного познания зависит от общественных условий. Все эти субъективно-индивидуальные компоненты несут в себе определенную социальную нагрузку. Но в данном случае представляет интерес именно их индивидуальная сторона.

Кроме способностей к интуитивному мышлению, воображению и фантазии на ход и результаты исследовательского процесса оказывают воздействие и многие другие субъективно-индивидуальные факторы. Это – и способность к творческому нестандартному подходу к решаемой проблеме, и эрудиция, и любознательность, и добросовестность, и настойчивость и неутомимость в поиске, и трудолюбие, и многое другое, что характеризует каждого исследователя как человеческую индивидуальность.

Очевидно, что не только социальная позиция исследователя, его партийность, но и его индивидуальные черты оказывают воздействие на объективность проводимого исследования и истинность полученных результатов. При несомненно определяющем значении партийности нельзя недооценивать и роль субъективно-индивидуальных факторов. Более того, само формирование партийной позиции отдельной личности в очень большой мере происходит под воздействием субъективно-индивидуальных факторов. Разумеется, любой класс, любой социальный слой в процессе своего развития воспроизводят материальные и духовные основы своего существования. Поэтому социальное происхождение и, главное, социальное положение, формирующие образ жизни и влияющие на мировоззрение, прежде всего и определяют интересы и социально-партийные позиции отдельной личности.

Вместе с тем хорошо известны многочисленные в истории факты перехода выходцев одного класса на позиции другого класса. Очевидно, что такое расхождение в социальном происхождении и положении и партийно-классовой позиции обуславливаются совокупностью субъективно-индивидуальных черт личности и специфи-

---

[35] См.: *Пармон Э.А.* Указ. соч. С. 24 и сл.

кой ее жизненных условий. Без учета такого рода обстоятельств невозможно, например, объяснить то, что в середине XIX в. сын бывшего крепостного крестьянина, известный историк М.П. Погодин был консерватором и одним из активных защитников самодержавия, а аристократ А.И. Герцен стал демократом и революционером.

Субъективно-индивидуальные факторы не только во многом обуславливают переход выходцев одних классов и слоев на позиции представителей других классов и слоев, но и определяют расхождения в понимании интересов определенного класса или слоя, путей претворения их в жизнь и методов их научного обоснования отдельными идеологами класса или слоя.

Таким образом, при ведущей роли социально-партийных позиций имеет место тесное переплетение в научном познании субъективно-социальных и субъективно-индивидуальных факторов. Воздействие этих факторов на объективность исследования неодинаково на эмпирическом и теоретическом уровнях познания. На эмпирическом уровне оно меньше, чем на теоретическом. Но это влияние ни в коей мере нельзя недооценивать, как иногда бывает. И на эмпирическом уровне теоретико-методологические позиции исследователя проявляют себя вполне определенно. Всякое исследование начинается с выбора объекта познания и постановки исследовательской задачи. И то и другое самым непосредственным образом связано с теорией и методологией научного познания. А тем, как поставлена исследовательская задача, определяется и круг конкретно-исторических фактов, необходимых для ее решения. Следовательно, хотя фиксирование самих фактов может быть и вполне объективным, сам же их круг может быть непредставительным для адекватного раскрытия сути изучаемой реальности. Точно так же могут оказаться необъективными систематизация и сводки данных, которые проводятся на эмпирическом уровне. Историкам известно немало фактов, когда ценные и адекватные первичные фактические данные во многом теряли свою ценность после разного рода эмпирических сводок.

На теоретическом уровне познания субъективные компоненты исследовательского процесса обнаруживаются более явственно, чем на эмпирическом. Это вполне естественно, ибо здесь подвергаются абстрактно-теоретическому анализу конкретно-научные факты, выявленные на эмпирическом этапе. И в выдвижении идей и в построении гипотез, и в их проверке и формулировании конкретно-научных концепций и теорий определяющая роль принадлежит теории и методологии научного познания, из которых исходит исследователь, т.е. его социальной позиции. Но здесь чрезвычайно велико и значение факторов субъективно-индивидуальных. Эрудиция, интуиция и воображение и т.д. и т.п., во-первых, определяют вариации в выборе идей и гипотез на базе одной и той же теории и методологии; во-вторых, отражая познавательные возможности и активность

субъекта, эти факторы содействуют повышению объективности процесса познания и истинности получаемого знания. Именно субъективные устремления ведут ко все более глубокому познанию объективной реальности. "Субъективность, – указывал В.И. Ленин, – **есть стремление уничтожить** это отделение (идеи от объекта)"[36], т.е. неполное отражение идеей сути объекта.

В общем и партийность и другие субъективные факторы так или иначе проявляют себя и на эмпирическом и на теоретическом уровнях познания. Общее их соотношение с объективностью зависит от тех целей, которые преследуются, от заинтересованности в получении истинного знания. Субъективно-индивидуальные факторы могут либо усугублять, либо смягчать негативное воздействие буржуазной партийности на объективность. Например, любознательный и добросовестный историк и при том, что принятые им теория и методология, и поставленная задача могут и не требовать выявления доказательной системы фактов об изучаемых явлениях или процессах, может выявить такую систему. И, наоборот, небрежность, невнимательность к работе и т.п. и при методологии, которая требует всестороннего подхода к объекту, могут привести к тому, что выявленные факты окажутся непредставительными.

Таким образом, в той мере, в какой познающий субъект (и как общественный класс и как индивидуальная личность) заинтересован в получении истинного знания об изучаемой реальности, и субъективно-социальные (партийность), и субъективно-индивидуальные факторы содействуют получению истинного знания.

В связи с ролью в историческом исследовании субъективно-индивидуальных факторов необходимо отметить еще один момент. Речь идет о месте в этом исследовании эстетического восприятия исторической реальности[37]. Эстетическое восприятие – это чувственно-конкретное, эмоциональное, а потому и личностное отношение к действительности. Верно подчеркивается, что "вызывать эмоции способна не только чувственная, но и интеллектуальная деятельность"[38]. Поэтому эмоциональный компонент "присутствует в любой науке, в том числе и в исторической. Бесстрастное историческое (как и всякое другое. – *И.К.*) повествование – свидетельство духовной бедности автора"[39]. Подобная бедность, естественно, отрицательно сказывается на результатах любого научного исследования.

Однако представляется необоснованным выделять эстетический компонент в механизме научного познания в особое средство, равнозначное теоретическому мышлению. "Историческое обобще-

---

[36] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 176.

[37] См.: *Гулыга А.В.* Эстетика истории. М, 1974; *Иванов Г.М.*, *Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Указ. соч. С. 47; *Уваров А.И.* Указ. соч. С. 102, и др.

[38] *Гулыга А.В.* Указ. соч. С. 46.

[39] Там же. С. 63.

ние, – указывает А.В. Гулыга, – представляет собой своеобразный синтез теоретического и эстетического освоения мира"[40]. Верно, что "красота интеллекта столь же естественна, как и интеллектуальность красоты". Но никак нельзя согласиться с тем, что эмоциональное в историческом познании постепенно с интеллектуальным и даже выше его, как следует из следующего вывода: "Исторический образ долговечнее понятия, конструкции строгой, но хрупкой. Образ аморфнее, но зато четче и устойчивее"[41]. Полагать так, значит косвенно признавать, что историческое познание представляет собой либо разновидность литературы и искусства, либо сочетание их с наукой, против чего вроде бы возражает автор указанных утверждений.

Кроме того, неправомерно выдавать "вживание" и "сопереживание" за специфический, чувственно-эмоциональный, познавательный способ (или прием), который присущ только искусству и исторической науке, ибо они имеют дело с жизнью и деятельностью людей. "Сущность вживания заключается в том, что автор (историк) стремится понять и пережить те же чувства, что и его герой"[42].

При изучении прошлого историк глубоко вживается не только в чувства исторических персонажей, но и во всю изучаемую им реальность, в историческую эпоху в целом в сочетании ее объективных и субъективных сторон, в единстве единичного, особенного и общего. Без "вживания" в изучаемое целое нельзя "сопережить" и понять индивидуальное. Этим диалектико-материалистическое познание прошлого отличается от субъективно-идеалистического, где основой "сопереживания" выступает не историческая реальность, а якобы единство человеческой психики во все времена. "Вживание" же как диалектическая целостность не может быть только чувственно-индивидуальным. Оно является и объективно-рациональным. Мы, например, никогда не поймем причин, побудивших Кутузова после Бородинского сражения уйти из Москвы, сколько бы мы ни вникали в его чувства, без учета общей стратегической обстановки, сложившейся в ходе войны. Поэтому представляется, что "вживание" и "сопереживание" выступают как компоненты и приемы научного воображения, которое, как указывалось, основывается на объективной реальности. Следовательно, и "вживание" и "сопереживание" важны для познания не только субъективного, но и объективного в историческом развитии. "Вживание" в историческую реальность при изучении объективного и закономерного не менее необходимо и, безусловно, более сложно, чем "сопереживание" субъективно-индивидуального. А поэтому "вживание" имеет место не только в искусстве и исторической науке, но и во всех других науках.

---

[40] Там же.
[41] Там же. С. 85.
[42] *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Указ. соч. С. 48.

3. ПРОБЛЕМЫ ИСТИННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Проблемы истинности научного знания и пути и методы ее проверки относятся к числу наиболее сложных в методологии научного познания. К ним давно привлечено пристальное внимание и философов и специалистов в конкретных областях научного знания и в их решении существуют принципиально различные подходы и ведутся острые дискуссии. Поэтому автор далек от мысли пытаться систематически характеризовать эти проблемы. Задача его в том, чтобы, исходя из учета общих методологических проблем истинности научного знания, выявить основные особенности установления истинности исторического знания и конкретные пути проверки этой истинности, которые могут быть использованы историком в его исследовательской практике[43].

Истинно такое научное знание, которое дает адекватное отражение объекта познания познающим субъектом. Истинное знание воспроизводит действительность в системе научных фактов, понятий, теорий и идей такой, какой она является сама по себе, т.е. объективно. По содержанию объективное знание "не зависит ни от человека, ни от человечества"[44].

В силу многообразия и неисчерпаемости объективной реальности истинность научного знания относительна. Но также относительно и заблуждение. Истина и заблуждение – диалектические противоположности научного знания. "...То, что ныне признается истиной, – указывал Ф. Энгельс, – имеет свою ошибочную сторону, которая теперь скрыта, но со временем выступит наружу; и совершенно так же то, что признано теперь заблуждением, имеет истинную сторону, в силу которой оно прежде могло считаться истиной"[45].

---

[43] См.: *Коган Л.Н.* О специфике применения критерия практики к исторической науке // Практика – критерий истины. М., 1960; *Логин В.Т.* Истина и ее критерий в исторической науке // Вопросы методологии науки. Томск, 1971. Вып. 1; *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. М., 1974. Ч. I. Гл. V. *Гуглин А.М.* Истина и ее критерий в истории // Вопросы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1975. Вып. 2. *Уемов А.И.* Истина и пути ее познания. М., 1975; *Кузьмин В.Ф.* Объективное и субъективное. М., 1976. Гл. V; *Чудинов Э.М.* Природа научной истины. М., 1977; *Курсанов Г.А.* Ленинская теория истины и кризис буржуазных воззрений. М., 1977; *Хачатрян Л.Б.* Проблема объективности научного знания. Ереван, 1979; *Заботин П.С.* Преодоление заблуждения в научном познании. М., 1979; *Старостин Б.А.* Параметры развития науки. М., 1980; *Нагдимунов И.М.* К проблеме объективности в исторической науке // Проблемы методологии познания. М., 1981; Идеалы и нормы научного исследования: Сб. статей. Минск, 1981; *Манасян А.С.* Методологические принципы объективности научного знания и единство науки. Ереван, 1984; *Марков Б.В.* Проблемы обоснования и проверяемости теоретического знания. Л., 1984; *Кезин А.В.* Научность: Эталоны, идеалы, критерии. М., 1985; *Пружинин Б.И.* Рациональность и историческое единство научного знания: (Гносеологический аспект). М., 1986, и др.

[44] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 123.

[45] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 303.

Каждая конкретная ступень научного познания так или иначе ограниченна. Но всякая относительная истина в силу ее объективности содержит "частицу" истины абсолютной, и в непрерывном процессе познания реальности постигается истина абсолютная. *Абсолютная истина* представляет собой такое знание, которое исчерпывает объект познания и не может быть опровергнуто при дальнейшем развитии познания. "Человеческое мышление, – отмечал В.И. Ленин, – по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин"[46]. Качественная сущностно-содержательная определенность реальности обуславливает то, что объективная истина всегда едина (одна) и всегда конкретна. Поэтому, с одной стороны, несостоятельны всякие попытки поиска и конструирования неких абстрактных и всеобщих истин, а с другой неправомерно необоснованное расширительное толкование конкретных истин, ибо таким образом истину "можно довести до абсурда"[47].

Субъективный характер познавательной деятельности не исключает возможности получения объективного истинного знания.

Вся история науки, в том числе и исторической, показывает, что ее развитие идет по пути все более глубокого познания объективной реальности и ускоряющего возрастания объема истинных знаний о ней. Но эта же история показывает и то, что в процессе научного познания могут возникать ошибки, заблуждения и даже преднамеренные искажения. Последние прежде всего присущи изучению общественно-исторического развития, где социально-классовые интересы могут противоречить объективности научного познания и вести к отступлению от нее. Основным фактором, ведущим к отступлению от объективной истины, является ограниченность или несостоятельность теории и методологии исторического познания, обуславливаемая социальными, партийными позициями исследователя. Отступление от объективной истины может также вызываться неадекватностью применяемых методов исследования и разного рода субъективно-индивидуальными просчетами.

Все это и ставит проблему истинности научного знания в центр философских проблем научного познания. В немарксистской теории и методологии научного познания существовало и существует много направлений и течений в решении вопроса об истинности научного знания. В данном случае нет возможности да и необходимости их конкретного рассмотрения. Их критическому анализу посвящена обширная литература[48]. Отметим лишь, что все многообразие

---

[46] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 137.

[47] Там же. Т. 41. С. 46.

[48] См.: *Нарский И.С.* Современный позитивизм: Критический очерк. М., 1961; Концепции науки в буржуазной философии и социологии. Вторая половина XIX–XX в.: Сб. статей. М., 1973; Буржуазная философия XX в.: Сб. статей. М., 1974; *Уткина Н.Ф.* Позитивизм, антропологический материализм и наука в

подходов в плане теоретическом сводится к разновидностям субъективного и объективного идеализма или в меньшей мере вульгарного материализма и все более широко распространяющегося плюрализма. В методологическом отношении они характеризуются отрывом процесса познания либо от объекта либо от субъекта, т.е. являются метафизическими, ибо в действительности научное знание есть результат диалектического взаимодействия познающего субъекта с познаваемым объектом.

В *субъективистском* выражении метафизический подход к пониманию процесса научного познания и истинности знания, несмотря на разнообразные вариации, характеризуется отрывом знания от объекта. Источником знания так или иначе выступает сознание субъекта, которое конструирует реальность на основе присущих субъекту общих и индивидуальных представлений. При этом объективность знания (т.е. знание как отражение реальности) отрицается, а его истинность усматривается либо в согласованности выдвигаемых мыслительных конструкций с внешним выражением реальности, либо в априорном признании правильности общих теоретических посылок, лежащих в основе выдвигаемых конкретных конструкций. Очевидно, что ни то, ни другое не может служить критерием истинности знания, ибо таких произвольных конструкций и априорных посылок может быть выдвинуто множество, во-первых, а правомерность общих положений должна быть доказана, во-вторых.

В исторической науке все эти субъективные конструкции и посылки служат основой для наполнения определенным смыслом зафиксированных в источниках упоминаний фактов и событий прошлого. Понятно, что все указанные подходы к пониманию прошлого детерминируются прежде всего субъективно-социальными, классово-партийными позициями историка. Поскольку же субъективизм, как правило, выражает интересы консервативных социальных и общественно-политических сил, интересы которых в крайне малой степени совпадают, а чаще всего вообще расходятся с объективным ходом общественно-исторического развития, постольку объем истинного объективного знания в этом случае может быть предельно

России (вторая половина XIX в.). М., 1975; *Грзал Л., Попов С.* Критика современных буржуазных социологических теорий. М., 1976; *Юлина Н.С.* Проблема метафизики в американской философии XX в.: Критический очерк эмпирико-позитивистских течений. М., 1978; Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX в. М., 1978; *Вайнштейн О.Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX – XX вв. Л., 1979; История буржуазной социологии XIX – начала XX в. М., 1979; *Лооне Ээро.* Современная философия истории. Таллин, 1980; *Шкуринов П.С.* Позитивизм в России XIX в. М., 1980; *Венцковский Л.Э.* Философские проблемы развития науки: Современные исследования. 70-е годы. М., 1982; *Никифоров А.Л.* От формальной логики к истории науки. М., 1983. См. также указанные работы по теории и методологии исторического познания.

минимальным и будет относиться лишь к фактам, отражающим явления реальности, а не к ее сущности.

В *объективистском* варианте метафизический подход к познанию характеризуется стремлением оторвать знания от субъекта, от его активной и целенаправленной деятельности. Объективным и истинным здесь признается только знание, основанное на чувственном опыте, который воспроизводит объект в его непосредственной данности, как явление (феномен). Внутренняя же субстанциональная сущность реальности (ноумен) остается непознаваемой, т.е. чувственный опыт сочетается с агностицизмом. Тем самым познание ограничивается лишь эмпирической стадией. Гарантия истинности такого знания усматривается либо в морально-этических нормах, которых должен придерживаться исследователь, либо в методах исследования. Первые обычно сводятся к призывам к деидеологизации науки, к отказу от философии, к воздержанию от толкования фактов, т.е. в конечном счете к отказу от теоретического познания действительности, к абсолютизации эмпиризма. Поиск же методов, якобы гарантирующих истинность научного знания, выражается в абсолютизации роли естественнонаучных (в том числе и математических) методов. Утверждается, что именно они прежде всего и должны применяться в общественно-гуманитарных науках.

Очевидность невозможности гарантировать указанными способами истинность научного знания привела к тому, что в неопозитивизме было выдвинуто требование специальной проверки истинности полученного научного знания путем его верификации (от verificato – доказательство, подтверждение), подтверждения чувственно-опытным, эмпирическим путем. В постпозитивизме критерием истинности научного знания выступает его *фальсификация* (от falsifico – подделываю) – проверка истинности знания через доказательство его ложности, через опровержение знания путем установления его несоответствия данным эмпирического опыта или фундаментальным научным теориям.

Верификация и фальсификация действительно могут быть средством определения истинности научного знания в тех случаях, когда возможна его непосредственная опытно-эмпирическая проверка. Но такая возможность существует далеко не всегда. Подобной проверке, как правило, не поддаются абстрактные системы теоретического знания. Собственно та или иная гипотеза или теория может быть опровергнута только тогда, когда доказана истинность альтернативной гипотезы, либо когда выработана теория, которая существенно продвигает вперед познание реальности сравнительно с существующей теорией.

Таким образом, верификация и фальсификация отнюдь не представляют собой неких универсальных средств проверки истинности научного знания, что утверждается их сторонниками. Как и всякий метод, они имеют свой диапазон эффективного действия. Диапазон

этот ограничен прежде всего сферой эмпирического знания. Причем и здесь возможности верификации не безграничны. Так, в исторической науке в силу избирательного характера информации исторических источников, а также ограниченности источнико-информационной основы для изучения многих явлений и целых периодов в историческом развитии знание о многих явлениях и процессах не поддается эмпирической проверке и, как известно, длительное время остается на гипотетическом уровне. Кроме того, сам процесс верификации или фальсификации полученного знания практически может оказаться далеко не простым и в силу того, что опытно-эмпирическая проверка этого знания может и не дать определенного результата, а значит итоги подтверждения или опровержения сами могут потребовать проверки. Таким образом, проверка истинности того или иного знания может оказаться бесконечной. Этот изъян указанных методов обусловлен тем, что проверка истинности знания заключена в самом знании. Следовательно, метафизический подход к проблеме истинности научного знания во всех его вариантах не позволяет решить эту проблему.

Проблема истинности научного знания может быть успешно решена лишь с позиций диалектического материализма. Марксизм доказал, что критерием истинности знания является *практика*, ибо она, с одной стороны, связана со знанием и определяет его развитие и опирается на него, а с другой – не является им. "Посредством практики предмет не просто познается, но изменяется, становится другим. Познание не обладает достоинствами практического преобразования явлений"[49]. Рассматривая вопрос о предметной истинности мышления, т.е. об истинности знания, К. Маркс писал: "В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос"[50].

Противники марксизма возражают против практики как критерия истины на том основании, что практика якобы субъективна. В действительности же практика представляет собой органическое сочетание объективного и субъективного. Объективность практики выражается в следующем. Во-первых, каждое поколение людей исходит в своей действительности из того уровня материального и духовного развития общества, который унаследовало от предшествующих поколений. Поэтому "человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже

---

[49] *Копнин П.В.* Указ. соч. С. 162.
[50] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 1–2.

имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления"[51]. Во-вторых, практическая деятельность людей подчинена объективным законам. В-третьих, результаты практической деятельности имеют в целом объективный характер.

Субъективное содержание практики выражается прежде всего в творческой и активной роли субъекта и в его практически-предметной и в его познавательной деятельности. Эта активность представляет собой не простое выражение устремлений субъекта, она концентрирует предшествующий опыт человечества, т.е. включает в себя и объективный компонент. Поэтому В.И. Ленин и говорил: "Различие субъективного от объективного есть, **НО И ОНО ИМЕЕТ СВОИ ГРАНИЦЫ**"[52].

Активность субъекта направлена, с одной стороны, на преобразование и овладение окружающим миром, а с другой – на познание этого мира. Тем самым деятельность субъекта является предметно-практической и познавательно-теоретической. Практическая и теоретическая деятельность выступают как тесно взаимосвязанные «две стороны, два метода, два средства уничтожения "односторонности" и субъективности и объективности»[53]. Поэтому практика, "результат действия есть проверка субъективного познания и критерий **ИСТИННОСУЩЕЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ**"[54].

Сила практики как критерия истинности знания состоит в ее *всеобщности* и *непосредственной достоверности*. Человеческое же познание дает непосредственно достоверные данные и факты лишь на стадии чувственного восприятия и эмпирического познания объективной реальности. Но факты, сколько бы их ни было, сами по себе не раскрывают внутреннюю сущность и закономерность функционирования и развития этой реальности. "Это до такой степени верно, – подчеркивал Ф. Энгельс, – что из постоянного восхождения солнца утром вовсе не следует, что оно взойдет и завтра, и действительно, мы теперь знаем, что настанет момент, когда однажды утром солнце *не взойдет*"[55].

Познание сущности и закономерности достигается на теоретической стадии познания. Но теоретическое знание, как знание о всеобщем (сущность есть выражение всеобщности, свойственной некоей совокупности качественно однородных объектов), не обладает свойством непосредственно выраженной достоверности. Такую выраженность теоретическому знанию и придает практика с ее всеобщностью и непосредственной конкретностью. «Теоретическое познание должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении... Но человече-

---

[51] Там же. Т. 13. С. 7.
[52] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 90.
[53] Там же. С. 190.
[54] Там же. С. 200.
[55] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 544.

ское понятие эту объективную истину познания "окончательно" ухватывает, уловляет, овладевает ею, лишь когда понятие становится "для себя бытием" в смысле практики. Т.е. практика человека и человечества есть проверка, критерий объективности познания»[56].

Разумеется, практика выступает в качестве абсолютного критерия истинности знания только как исторический процесс. Как отдельный акт практика тоже относительна. Далее, критерий практики нельзя понимать таким образом, что каждый результат научного исследования должен непосредственно проверяться практикой. "Реально процесс доказательства происходит в форме логической цепи рассуждений, некоторые звенья которой (отдельные суждения) проверяются путем выхода в практическое действие, обладающее достоинством непосредственной достоверности"[57]. Такой путь установления истинности знания возможен потому, что логический аппарат, будучи независимым по отношению к отдельным актам практики, возник на основе многовековой практической деятельности человека. "...**ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА,** – подчеркивал В.И. Ленин, – **МИЛЛИАРДЫ РАЗ ДОЛЖНА БЫЛА ПРИВОДИТЬ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ПОВТОРЕНИЮ РАЗНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ФИГУР, ДАБЫ ЭТИ ФИГУРЫ МОГЛИ ПОЛУЧИТЬ ЗНАЧЕНИЕ АКСИОМ**"[58].

Таким образом, реально проверка истинности научного знания сводится к доказательству достоверности (адекватности) этого знания путем его содержательно-логического анализа как элемента (или подсистемы) в системе имеющихся истинных знаний и подтверждения данными практики и эмпирическими фактами. При этом следует подчеркнуть особо важную роль содержательно-логического анализа в доказательстве истинности нового знания, поскольку многое в этом знании не может быть сразу подтверждено ни практикой, ни чувственно-познавательным опытом.

Посмотрим теперь, как указанные пути установления истинности полученного научного знания применяются или могут быть применены в исторической науке. Начнем с практики как непосредственно действенного критерия истинности научного знания. Практика как критерий истинности знания имеет свою специфику в исторической науке. Эта специфика обусловлена тем, что здесь объект познания – *прошлое*. Поэтому возможности проверки истинности знания текущим, т.е. современным историку, и последующим ходом общественно-исторического развития ограничены. Развитие может показать, насколько актуально для практики изучение тех или иных явлений прошлого, но объективность полученного знания здесь может быть

---

[56] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 193.
[57] См.: *Копнин П.В.* Указ. соч. С. 167.
[58] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 172.

подтверждена только применительно к итогам, имеющим прогностический характер. К. Маркс и Ф. Энгельс на основе анализа общего хода исторического развития и раскрытия сущности и уровня развития капитализма обосновали неизбежность перехода к социализму. История подтвердила правильность этого вывода. В.И. Ленин, анализируя закономерности и особенности исторического развития в условиях империализма, сделал вывод о возможности перехода к социализму первоначально в отдельно взятой стране. Очень скоро история доказала истинность этого вывода. Г.В. Плеханов и некоторые другие русские марксисты, рассматривая историческое развитие пореформенной России, приходили к выводу, что в предстоящей буржуазно-демократической революции пролетариат будет выступать в союзе не с крестьянством, а с либеральной буржуазией, которая будет гегемоном этой революции. История опровергла этот вывод. Таким образом, очевидно, что общественно-историческая практика выступает критерием истинности прогностических выводов, вытекающих из исторического анализа. Однако прогностические выводы указанного типа, пусть даже менее существенные по значимости, в этом анализе могут быть сделаны лишь применительно к продолжающимся явлениям и процессам. Истинность же итогов изучения некогда совершившихся и завершившихся событий и процессов не может быть проверена текущей и последующей общественной практикой. Но критерий практики может быть в своеобразном варианте применен и здесь.

События и процессы прошлого, как указывалось, можно рассматривать как "прошедшее настоящее" и как "прошедшее будущее". Изучая это "настоящее", можно прогнозировать "будущее". Правильность этого прогноза, а следовательно, и истинность знаний, полученных историком при изучении того или иного "прошедшего настоящего", может быть проверена путем сопоставления сделанного прогноза с реальным состоянием прогнозируемого "прошедшего будущего". Так, например, изучая международные отношения в начале XIX в. ("прошедшее настоящее"), историки приходят к тому выводу, что вторжение Наполеона в Россию становилось неизбежным. Факт вторжения ("прошедшее будущее") подтверждает не только правильность этого прогноза, но и объективность и достоверность анализа международных отношений того времени, ибо без этого нельзя сделать верный прогноз.

Или другой пример. Изучая историю русского крепостного крестьянства в первой половине XIX в., автор настоящей работы пришел к тому выводу, что основной формой сельскохозяйственного производства в крепостной деревне и ведущей общественной силой в аграрных отношениях были крестьянское хозяйство и крестьянство. Значимость этого вывода состоит в том, что в предшествующей историографии такая основа усматривалась в помещичьем хозяйстве, а помещики-крепостники назывались ведущей силой в аграрных

отношениях. Из вывода, сделанного автором настоящей работы, вытекало и то следствие (которое представляло собой определенный прогноз), что в неизбежно предстоящей отмене крепостного права при любых вариантах реформ самодержавие не могло пойти не только на упразднение, но и даже на радикальный подрыв крестьянского хозяйства как самостоятельной формы общественного производства. Конкретно это означало невозможность безземельного освобождения крестьян, чего добивалось большинство помещиков[59]. Правильность сделанного прогноза подтверждается не только тем, что крестьяне были освобождены в 1861 г. с землей и с правом ее выкупа в собственность, но и тем, что самодержавие не пошло на безземельное освобождение не из-за одной только боязни крестьянского протеста, как утверждалось в литературе, но и по экономическим соображениям. Правительственная бюрократия в лице ее наиболее дальновидных деятелей понимала невозможность упразднения ведущей формы общественного производства и отстаивала путь освобождения крестьян с землей[60]. И здесь правильность прогноза, т.е. содержательно-логических следствий, вытекающих из основных выводов, подтверждает истинность этих выводов.

Очевидно, что указанный способ применения критерия практики для установления истинности выводов, полученных историком, может найти широкое применение в исторических исследованиях. Но для этого требуется доведение исследований до конкретно-теоретического уровня, ибо только тогда может быть получено достоверное выводное знание. Другим условием применения указанного метода является очевидная несомненность, истинность прошлой практики, с которой соотносится проверяемое знание. Если же эти данные о ней сами требуют проверки, то они, естественно, не могут быть критерием истинности полученных историком результатов.

В исторической науке широко применяется и проверка истинности полученных знаний путем их *верификации*, подтверждения новыми чувственно воспринимаемыми данными, т.е. эмпирическими фактами. Это в сущности основной путь проверки истинности различных гипотез, а следовательно, и получения достоверного научного теоретического знания, ибо выдвижение гипотетических идей является, как было показано, исходным пунктом познания на его теоретическом уровне. Доказательство истинности гипотез нередко требует сложного и длительного поиска необходимых данных. Так, к примеру, давно высказывались разные мнения об уровне грамотности в Древней Руси. Эти мнения оставались гипотезами. Открытие же новгородских берестяных грамот бесспорно доказывает, что

---

[59] См.: *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М, 1967.

[60] См.: *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984.

уровень грамотности был высоким. На основе новых эмпирических данных подтверждены и многие другие гипотезы. Поскольку применительно к древней и средневековой, а в значительной мере и к новой истории возможности выявления новых письменных источников оказываются все более ограниченными, основным путем извлечения информации, необходимой и для верификации имеющегося знания, и для получения новых знаний, становится извлечение информации скрытой. На основе такой информации и системных методов анализа сейчас начинают успешно решаться проблемы, длительное время остававшиеся спорными, т.е. имеющееся знание было гипотетическим.

Важнейшую роль при выявлении истинности исторического знания играют методы *содержательно-логического* анализа этого знания. Одним из направлений такого анализа является верификация научных гипотез методом исключения. Суть его состоит в том, что из совокупности гипотетических идей, раскрывающих сущность рассматриваемых эмпирических фактов, выявляется та, которая дает непротиворечивое в содержательно-логическом отношении объяснение этих фактов. Остальные гипотезы отклоняются в силу того, что порождаются противоречия в истолковании этих фактов. Например, в советской историографии высказываются две существенно отличные оценки объективной социально-классовой сущности воззрений славянофилов. Одна из них характеризует эти воззрения как консервативные, сходные по своей сущности с теорией официальной народности, выражавшей интересы помещиков-крепостников. Другая рассматривает эти воззрения как одну из разновидностей либерально-буржуазной идеологии, выражавшей интересы обуржуазивавшегося слоя помещиков. Приводится совокупность фактов, подтверждающих правомерность обоих подходов. При этом в первом случае внимание акцентируется на консервативных сторонах славянофильских взглядов (идеализация крестьянской общины, преувеличение религиозности крестьянства, его приверженности к самодержавному строю и патриархальности и т.д.), а во втором – на их антикрепостнической направленности (критика крепостнических отношений и обоснование необходимости отмены крепостного права и т.д.). Рассматривая указанные трактовки в плане целостного подхода к оценке сущности воззрений славянофилов, не трудно заметить, что первый из подходов противоречив в содержательно-логическом отношении. В самом деле, как совместить якобы приверженность славянофилов к канонам теории официальной народности с их бесспорными требованиями отмены крепостного права или с хотя и ограниченным по своей внутренней сути, но последовательно проводимым разделением двух начал в историческом развитии – народа и государства?

Второй подход позволяет представить идеалистические по теоретической основе и классово-примиренческие по идейной направ-

ленности, но буржуазно-либеральные по объективной сущности воззрения славянофилов, как в определенной мере цельную систему. Тем самым первая гипотеза должна быть отклонена, а вторая – принята.

Рассматривая содержательно-логическую непротиворечивость полученной системы знаний как свидетельство ее истинности, необходимо учитывать следующее важное обстоятельство. Непротиворечивость системы знаний ни в коем случае нельзя понимать так, что в ней всегда имеет место положительная согласованность всех компонентов. Всякой системе не только присуща определенная положительная сбалансированность и устойчивость структуры, но и те или иные противоречия, порождающие в ней и обратные взаимосвязи. В том же примере со славянофилами очевидно, что их стремление к отмене крепостного права и расчистке пути для буржуазного развития явно противоречит стремлению сохранить патриархальные отношения в деревне. Но поскольку сохранение патриархальных отношений рассматривалось как условие бесконфликтного развития капитализма (идеалом славянофилов был буржуазный строй без западноевропейской "язвы пролетариатства"), постольку взгляды славянофилов представляли цельную систему в единстве присущих ей как согласованных (для успешного развития капитализма необходима ликвидация крепостничества), так и противоречивых черт. Оценка воззрений славянофилов как либерально-буржуазных и позволяет представить их как целостную систему, что нельзя сделать, относя славянофилов в лагерь консерватизма и реакции.

Следовательно, выявление истинности знания путем сведения его в систему, характеризующую реальность как целостность, – не простое логическое выделение согласованных компонентов этого знания, а сложный и всегда конкретный процесс формирования научной теории.

Другим методом содержательно-логической проверки истинности исторического знания является его включение в имеющуюся научно-историческую картину мира, вписывание в систему знаний о более широкой исторической реальности, одним из компонентов которой выступает изучаемая реальность. Показателем истинности полученных знаний здесь выступает его согласованность с существующей более широкой системой знаний. Наличие или отсутствие такой согласованности может быть свидетельством истинности либо ошибочности (чаще ограниченной истинности) проверяемых знаний. Один пример.

В 50–60-х годах в советской историографии развернулось широкое изучение подготовки и отмены крепостного права в России и проведения в жизнь крестьянской реформы 1861 г. на основе привлечения большого объема ранее не использовавшихся данных (материалы губернских комитетов, уставные грамоты, выкупные акты и т.д.), ярко рисовавших консервативные позиции крепостников,

грабительский характер реформы по отношению к крестьянству (отрезки земли, громадные выкупные платежи, сохранение в деревне власти помещиков и пр.) и ее общую ограниченность. И несмотря на то, что всеми признавался объективно буржуазный характер реформы, по общему облику в ней на первом плане оказывались ее полукрепостнические черты. Такая картина реформы, как вскоре обнаружилось, противоречила тому факту, что в пореформенный период имело место исключительно интенсивное развитие капитализма, включая буржуазную эволюцию крестьянского хозяйства. В общем рисуемая картина реформы 1861 г., знаменовавшей наступление в России эры капитализма, не вписывалась в имеющееся бесспорное знание о характере последующего хода социально-экономического развития. Из этого стала очевидной необоснованность при изучении реформы акцентирования внимания лишь на ее полукрепостнических чертах, т.е. была выявлена существенная неадекватность полученных знаний, отражаемой ими реальности. Эта неадекватность была устранена в последующих исследованиях, которые раскрыли буржуазное содержание реформы, сочетавшееся с сохранением многочисленных полукрепостнических пережитков (прежде всего помещичьего землевладения), давивших на крестьянское хозяйство[61].

Говоря о проверке истинности конкретного исторического знания путем выявления его согласованности с существующей более широкой системой знаний, следует особо подчеркнуть один методологический момент, учет которого необходим для корректности такой проверки. Изучаемая реальность и реальность, отражаемая в системе знаний, с которой соотносятся проверяемые знания, должны представлять иерархически взаимосвязанные системы, находящиеся на одной стадии развития. Только в этом случае соотнесение будет исторически обоснованным и по характеру сопряженности проверяемого знания с существующим знанием можно решить вопрос об истинности первого из них. Если же будет соотноситься знание о стадиально различных уровнях реальности, то несогласованность проверяемого знания с существующей научно-исторической картиной не может быть доказательством недостоверности этого знания. Например, истинность вывода, что для дворянской революционности декабристов была характерна боязнь народной революции, не может быть установлена путем соотнесения этого вывода с имеющимся знанием о трех этапах освободительного, революционного движения в России, ибо эти этапы выражают существенно различные стадии движения. При учете же указанного методологического требования согласованность полученного знания с существу-

---

[61] См.: *Литвак Б.Г.* Русская деревня в реформе 1861 г. М., 1972; *Рындзюнский П.Г.* Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М., 1978; *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М., 1978.

ющей системой знаний является важным и эффективным содержательно-логическим методом проверки истинности новых знаний.

Таковы основные пути и методы проверки истинности исторического знания после того, как оно было получено. Но очевидно, что истинность достигается в процессе самого исследования. Здесь кроме факторов, определяющих объективность путей и методов решения исследовательской задачи, могут быть применены и специальные методы, обеспечивающие истинность получаемого знания. Один из таких методов основан на принципе отбора признаков, которые *инвариантно* характеризуют исследуемую реальность[62]. Это – такие характеристики, суть которых остается неизменной, однозначной применительно к различным наблюдателям, подходам к объекту познания и применяемым методам. Допустим, что рассматривается такое событие, как Крымская война (1853–1856 гг.). Оно характеризуется множеством признаков, позволяющих изучать различные аспекты войны. Многие из этих аспектов, а следовательно, и отражающие их признаки могут трактоваться по-разному. Но среди признаков есть и такие, которые являются инвариантными. Например, это – те из них, которые свидетельствуют о том, что в военно-техническом отношении превосходство было на стороне Англии и Франции, а русский солдат в очередной раз продемонстрировал свой героизм. Любые подходы и методы к изучению указанных аспектов войны будут приводить к единому общему итогу.

Очевидно, что выделение инвариантных признаков, однозначно рисующих существенные стороны реальности при всех подходах к ним, позволяет получить истинное знание о ней. Однако выделение таких признаков требует глубокого проникновения в изучаемую реальность и чаще всего становится возможным на сравнительно высоком уровне ее познания.

Другим путем обеспечения истинности знания является такая организация исследования, при которой достигается *высокая достоверность приводимых доказательств*. Здесь истинность знания доказывается в процессе его получения. Конкретным показателем степени достоверности проводимых доказательств является вероятность этой достоверности [63].

Наиболее широко распространенное понимание вероятности связано со статистическим изучением массовых случайных явлений. Здесь вероятность, исчисляемая на основе частот, выступает как количественная мера возможности осуществления того или иного события. Наряду с этим существует и логическая или *индуктивная* интерпретация вероятности[64]. Посредством вероятности здесь оценивается правдоподобность или достоверность индуктивного за-

---

[62] См.: *Кузьмин В.Ф.* Указ соч. С. 199.

[63] См.: *Копнин П.В.* Указ соч. С. 154 и сл.

[64] См.: *Кайберг Г.* Вероятность и индуктивная логика / Пер. с англ. М., 1978.

ключения, т.е. вывода, основанного на восхождении от частного (отдельного) к общему. Такие выводы, как известно, сами по себе не обладают в отличие от дедуктивных свойством всеобщности и являются вероятностными. Вероятность здесь чаще всего выражается сравнительными понятиями (такими, например, как "больше", "меньше", "сильнее", "слабее" и т д.). Но возможно и количественное измерение вероятности.

Рассмотрим такой пример. В.И. Ленин в работе "Развитие капитализма в России" анализирует процесс разложения крестьянства на основе данных, относящихся к отдельным уездам семи губерний[65]. В.И. Ленин делает важный вывод о том, что повсеместно в процессе разложения крестьянства происходило утверждение капитализма в деревне и складывалась ее буржуазная социальная структура, выражавшаяся в формировании сельского пролетариата и сельской буржуазии. Возникает вопрос, какова достоверность этого вывода, если иметь в виду, что он получен индуктивным путем и распространяется на все крестьянское хозяйство? В данном случае вполне может быть исчислена вероятность достоверности этого вывода. Это можно сделать так. Данные по отдельным губерниям можно рассматривать как случайные независимые события, ибо то, по каким уездам тех или иных губерний были проведены земские подворные описания крестьянских хозяйств, обработанных с выделением групп крестьян по их хозяйственной состоятельности, определялось множеством случайных факторов. Вероятность ошибочности вывода, если он делается по данным одной губернии (т.е. по одному наблюдению), равна $^1/_2$. Если взяты две губернии, то вероятность ошибки будет вдвое меньше, т.е. будет равна $^1/_4$. При трех наблюдениях ошибка составит $^1/_8$ и т.д. При семи наблюдениях возможность ошибочного заключения равняется $^1/_{24}$ – меньше одного процента. Следовательно, приведенные данные с вероятностью, превышающей 99%, подтверждают достоверность сделанного вывода. В действительности она еще выше, ибо анализируются данные не по 7 губерниям, а по 13 уездам.

Подобное исчисление вероятности сделанных выводов, во-первых, может проводиться в процессе самого исследования и, во-вторых, применяться при изучении многих исторических явлений, и не только социально-экономических, но и всех других явлений, если они представляют те или иные совокупности исторических объектов. Кстати, это позволит избежать и иллюстративности и фактографизма в исторических исследованиях.

Как видим, существует целая система путей и методов проверки истинности исторического знания. В основе всех их лежит практика в ее либо предметно-действенной либо научно-познавательной форме.

---

[65] *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России Гл. II // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3.

В заключение надо коснуться еще двух вопросов, связанных с проблемами истинности научного знания. Первый вопрос – *о критериях и эталонах* научности, второй – *о ценности и оценке научного знания*.

Вопрос о критериях и эталонах научности[66] возникает в связи с тем, что истинность научного знания *является лишь одним из критериев научности.* Выражая объективность и адекватность научного знания, истинность выступает как *высший*, но не единственный критерий научности. Во-первых, истинными могут быть не только научные знания. Объективно истинным может быть и обыденное знание, возникающее в процессе практического взаимодействия человека с объективной реальностью. Истинность является компонентом произведений искусства (особенно реалистического). Во-вторых, и в данном случае это особенно важно, научное знание складывается далеко не только из знаний истинных. Истинное научное знание – лишь конечный итог сложного познавательного процесса, в котором присутствуют стадии, на которых знание является научным, но еще не истинным. Такой формой научного знания являются гипотезы. Далеко не все гипотезы, имевшие существенное значение в развитии научных знаний, стали затем знанием истинным. Следовательно, в широком смысле истинность знания не может быть критерием его научности. Истинность – тот предел, к которому движется научно-исследовательский процесс, преодолевая стоящие на его пути заблуждения. Но в этом процессе, как известно, и истинное знание относительно. Оно включает в себя, с одной стороны, частицу истины абсолютной, а с другой – и элементы ограниченности и даже заблуждения. Исходя из этого, справедливо утверждается, что научность в широком смысле следует рассматривать "как совокупность методологических регулятивов, в значительной мере обеспечивающих направленность, движение познания к содержательно-истинным результатам"[67]. В этом плане к минимально необходимым критериям научности относят: *проблемность, предметность, обоснованность, интерсубъективную проверяемость и системность знания*[68]. Суть этих критериев состоит в том, что научное познание связано с целенаправленным решением тех или иных объективно возникших проблем. Совокупность этих проблем составляет предмет науки на определенной стадии ее развития. Процесс научного познания имеет объясняющий характер. В ходе

---

[66] См., например: *Сороко Э.М.* Концепция уровней, отношение, структура. Минск, 1978; *Заботин П.С.* Преодоление заблуждения в научном познании. М., 1979; *Старостин Б.А.* Параметры развития науки. М., 1980; Идеалы и нормы научного исследования: Сб. статей. Минск, 1981; *Корюкин В.И.* Проблема уровней научного познания // На пути к теории научного знания. М., 1984; *Кезин А.В.* Указ. соч., и др.

[67] *Кезин А.В.* Указ. соч. С. 31.

[68] Там же. С. 35–36.

объяснения доказываются и обосновываются выдвигаемые исследователем идеи, раскрывающие сущность изучаемой реальности. Науке присуща открытость для проверки другими субъектами выдвинутых в ней аргументов, идей и выводов, т.е. они являются интерсубъективно проверяемыми. Наконец, научные знания отличаются упорядоченностью, логической связанностью и непротиворечивостью выдвигаемых положений и концептуальных построений (обладают свойствами системности).

Указанные критерии научности позволяют отличать научное знание от других видов познавательной деятельности. Но сами по себе эти критерии не создают эталона научности, т.е. такого ее идеала, который бы определял конкретные методологические принципы исследовательской практики. В этой связи и возникает проблема выработки подобного *эталона*. Она давно привлекает внимание и философов и исследователей-практиков. В данном случае нет возможности характеризовать историю решения этой проблемы[69]. Отметим лишь те основные подходы, которые были выдвинуты и существуют до сих пор.

В решении вопроса об *эталоне* научности широко распространены два основных подхода: *методологический редукционизм и методологический плюрализм*.

Суть методологического *редукционизма* состоит в том, что нормативный стандарт научности должен быть выработан на базе "наиболее развитой", "совершенной" области познания, а другие сферы познания должны ориентироваться на этот эталон и подтягиваться к нему. Методологический же *плюрализм*, наоборот, исходит из того, что в науке в целом не может быть единого идеала научности и должно функционировать несколько независимых и равноценных ее стандартов. Методологический плюрализм все более заметно распространяется в современной буржуазной науке. Но в целом (как в прошлом, так и в современную эпоху) в подходе к эталону научности господствует методологический редукционизм.

«Соответственно в зависимости от характера эталонной науки можно выделить три интерпретации научности: а) базирующуюся главным образом на математике, б) ориентирующуюся на экспериментальное естествознание, преимущественно физику, в) опирающуюся на "принципиальную" специфику социально-гуманитарного знания»[70].

Исторически первым из указанных идеалов научности сформировался *математический*. Его корни уходят еще в античность. Затем он был развит в философии нового времени. Так, например, И. Кант утверждал, что "в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в

---

[69] Об этом см.: *Кезин А.В.* Указ. соч. (гл. II), а также другие работы.
[70] Там же. С. 38.

ней математики"[71]. Новый взлет математического идеала научности относится к XX в. Основные черты математического эталона научности сводятся прежде всего к дедуктивному методу познания, основанному на совокупности определенных посылок, выраженных в аксиомах, а также к непреложности логических выводов из этих посылок и логической ясности. Однако по мере развития опытных наук математический идеал научности утрачивал свою бесспорность и обнаруживалась невозможность его применения в конкретных науках. Основным препятствием является, как правильно указывается, то, что математики "сами создают вселенную для своих опытов, все же остальные вынуждены экспериментировать во Вселенной, созданной не ими"[72]. Безграничное число черт и связей, присущих объективной естественной и общественной реальности, и множество обстоятельств, воздействующих на ее функционирование и развитие, делают невозможным лишь аксиоматически-дедуктивный подход к ее познанию. Разумеется, это никоим образом не исключает необходимости применения в конкретных науках математических методов анализа.

Физический идеал научности сформировался в процессе развития опытного естествознания в новое время. Основоположником его считают Ф. Бэкона. Суть физического стандарта научности состоит в том, что основой научного знания выступает эмпирический опыт, его методы имеют индуктивно-дедуктивный характер, а само знание в определенной мере является вероятностным, и его истинность проверяется чувственно-опытными данными. Сторонники физического идеала научности всемерно подчеркивали и подчеркивают его общенаучную значимость. В этой связи математику рассматривают лишь как вспомогательное средство и даже утверждают, что ее можно назвать наукой "лишь из любезности". Ориентация на физический эталон научности широко проявляется как в естественных, так и в общественно-гуманитарных науках. В сфере последних это выражалось и выражается до сих пор в попытках построения "социальной механики", "социальной физики", "социальной инженерии" и т.д. Неопозитивистская доктрина "физикализма" ставила, например, задачу перевести на язык физики знания всех наук, в том числе и общественно-гуманитарных.

Безусловно, физическое знание достигло наивысшего уровня по сравнению с другими конкретными науками. Этим обусловлено то, что и в советской литературе по методологии научного познания прежде всего оно фигурирует в качестве эталона научности.

Гуманитарный идеал научности стал формироваться в конце XIX в., что, с одной стороны, было связано с определенными успе-

---

[71] *Кант И.* Соч. М., 1966. Т. 6. С. 58.

[72] *Чайковский Ю.В.* Многотрудный поиск многоликой истины. Цит. по: *Кезин А.В.* Указ. соч. С. 51.

хами в развитии гуманитарного, прежде всего исторического знания, а с другой – с критической реакцией на механистический сциентизм позитивизма. Формирование этого идеала протекало в русле "критической философии" (В. Дильтей и др.) и неокантианства (прежде всего Г. Риккерт). Главное выражение этого идеала состояло во всемерном подчеркивании, абсолютизации роли субъекта в познавательном процессе как в смысле определения путей и методов исследовательской деятельности, так и прежде всего в формировании, конструировании научного знания и оценке его результатов. Иначе говоря, потребности, интересы, желания и цели субъекта выступали и как основа для познания, и как критерий его истинности. Посредством "вчувствования", интуиции, индивидуализации явлений прошлого и на основе опыта познающего субъекта и признаваемых им ценностей раскрывается и объясняется "смысл", воплощенный в объектах и проявлениях прошлого.

Сторонники гуманитарного идеала научности стремились придать ему общенаучный статус. Р.Дж. Коллингвуд утверждал, например, что методы истории "приложимы ко всем познавательным проблемам", ибо "вся реальность имеет исторический характер"[73]. Г. Риккерт полагал, что подлинно существует только индивидуальное. Поэтому историю "по сравнению с естествознанием, восходящим от частного к общему, от действительного к обязательному, можно охарактеризовать и как подлинную науку о действительности"[74]. Попытки поднять гуманитарный идеал научности до уровня общенаучной значимости, придать этому идеалу статус метатеории научного познания распространены и в современной немарксистской философии (Х.Г. Гадамер, Э. Кассирер, Г. Маркузе и др.).

Таким образом, основной отличительной чертой гуманитарного идеала научности является абсолютизация субъективного компонента в научном познании, доведенная до превращения познающего субъекта в источник знания. Подобные трактовки познавательного процесса и претензии на общенаучность несостоятельны. Вместе с тем в общественно-гуманитарном знании есть свои сильные по сравнению с естествознанием стороны. Главная из них состоит в том, что это знание не просто отражает объективную общественно-историческую реальность, но и заключает в себе мировоззренческую направленность. Оно исследует и обосновывает цели и смысл человеческой деятельности.

В целом же с позиций марксизма представляется необоснованным сведение идеала научности к какому-либо одному ее стандарту или к ряду независимо функционирующих стандартов. В выявлении идеала научности несостоятельны и методологический редукцио-

---

[73] *Коллингвуд Р.Дж.* Идеал истории: Автобиография. М., 1980. С. 199.

[74] *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1903. С. 223.

низм, и методологический плюрализм. Правомерен лишь диалектический подход к решению этой проблемы. Он основан на том, что объективный мир представляет собой, с одной стороны, единство, а с другой – разнообразие. В познании это приводит к выделению различных познавательных стратегий с присущими им принципами и эталонами научности и к их перекрещиванию, совпадению в определенных аспектах, что открывает возможность для взаимопроникновения, интеграции как отдельных наук, так и их комплексов (наук естественно-технических и общественно-гуманитарных). Этому во многом содействуют философия и математика как наиболее общие, хотя и разные по содержанию и назначению науки.

Современное развитие науки характеризуется все более ярко проявляющейся тенденцией к интеграции наук. От этого выигрывают все науки. Проникновение в общественно-гуманитарные науки математических и естественнонаучных методов повышает доказательность, глубину и точность этих наук. В свою очередь, идеи и методы общественно-гуманитарных наук содействуют развитию естественных и технических наук. В современную эпоху, когда наука превратилась в непосредственно производительную, весьма мощную силу, все большее значение приобретает ценностно-оценочный подход к научным знаниям. Решение возникающих сложных проблем требует гуманизации науки, и следовательно, интеграции естественных и гуманитарных наук. Без этого наука не сможет в полной мере служить интересам общественного прогресса. Еще Сократ говорил, что "всякое знание, отделенное от справедливости и другой добродетели, представляется плутовством, а не мудростью"[75]. В современных условиях отрыв науки от задач общественного прогресса вообще таит в себе опасность глобальной катастрофы.

С проблемами общественной значимости научных знаний связан вопрос о ценности и оценке этих знаний. Говоря кратко, суть сводится к следующему[76]. Общественная жизнь как деятельность людей представляет собой взаимодействие с многообразными проявлениями объективной естественной и социальной реальности. Все эти проявления в своей материальной и духовной форме имеют определенную значимость, ценность для людей, т.е. способны удовлетворять определенные их потребности и интересы. *Ценность* проявляется в процессе субъектно-объектных отношений, выражает независимые от субъекта свойства реальности. "Ценность принадлежащих определенному историческому периоду поступка, деятель-

---

[75] Цит. по: *Сачков Ю.В.* Научный метод: Вопросы его структуры // Вопросы философии. 1983. № 2 С. 41.

[76] Подробнее см.: *Василенко В.А.* Ценность и оценка. Киев, 1964; *Тугаринов В.П.* Теория ценностей в марксизме. Л., 1968; *Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф.* Творчество и отражение в научном познании. М., 1984 (гл. II); *Порус В.Н., Пятницын Б.И.* Оценка, ценность и развитие научного знания // Творческая природа научного знания. М., 1984, и др.

ности, вещи состоит как в том, насколько они способствуют общественному прогрессу, так и в том, насколько они способствуют самосовершенствованию современного им субъекта"[77]. В любом обществе на любой стадии его развития существует своя система материальных и духовных ценностей.

Для того, чтобы объективно возникающие в процессе практической деятельности людей ценности могли стать значимыми для этой деятельности, они должны быть *осознаны* людьми. Средством осознания ценностей и выступает их оценка. "Оценка есть средство осознания значимости вещи для деятельности человека, удовлетворения его потребностей"[78]. В отличие от объективной природы ценности оценка – всецело субъективная категория. Она определяется прежде всего субъективно-социальной, партийной позицией исследователя, но зависит и от факторов субъективно-индивидуальных.

Поскольку и ценности и их оценки являются составными компонентами общественной реальности, постольку они наряду со всеми другими проявлениями этой реальности выступают объектами познания для историка. Выявляя и изучая эту реальность, историк дает ей свою оценку, которая раскрывает ценность событий прошлого для современной историку эпохи. *Аксиологический*, оценочно-ценностный подход к прошлому является органической составной частью и исторического и всякого другого научного знания. Суть выносимой оценки, а потому и ценностная значимость объекта познания для современности, определяется социально-партийными и индивидуальными позициями и интересами ученого.

Таков один аспект проблемы ценности и оценки в научном познании. Но есть и другой ее аспект. Дело в том, что вопросы о ценности и оценке возникают и применительно к самому научному знанию, полученному в том или ином исследовании или их совокупности. Возникнув, такое знание становится объективным составным компонентом соответствующей общественной реальности. Это знание обладает объективно присущей ему ценностью, которая раскрывается в оценке знания как самими его современниками, так и последующими поколениями. Эта оценка, будучи социально- и индивидуально-субъективной, исходит в целом из того, насколько полученное знание значимо в плане практически-предметной и познавательной деятельности. Но подобная оценка научного знания может и не исчерпать, а в определенных случаях вообще не раскрыть его объективной ценности. Истинная ценность знания может обнаружить себя далеко не сразу. Известно немало примеров, когда казалось бы утратившее свою практическую значимость знание становилось актуальным. Это требует специальной разработки принципов и методов ценностной оценки знания, исходящих из широко-

---

[77] *Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф.* Указ. соч. С. 71.
[78] Там же. С. 72.

го системно-исторического подхода к нему. Тем самым будет повышена эффективность его использования во всех сферах человеческой деятельности[79]. Такая задача стоит и перед историками.

В целом же учет в исследовательской практике тех черт, которые характеризуют научное знание и выступают как регулятивно-методологические принципы познавательного процесса, – важный фактор, обеспечивающий истинность получаемых научных знаний.

Анализ основных этапов и уровней исторического исследования, тех методологических подходов и принципов, которые необходимо учитывать в этом исследовании, требует обратить внимание на то, что историки не всегда корректны в оперировании с ними. Отметим связанные с этим наиболее существенные моменты.

Прежде всего во многих исследованиях, особенно локальных (в пространственном и временно́м отношении), не дается должной постановки и обоснования исследовательской задачи. Нередко обоснование сводится к указанию на то, что по данной проблеме либо нет исследований вообще, либо они не освещались монографически. Вопросы же о том, насколько актуально изучение рассматриваемых явлений и процессов прошлого, что́ оно дает для более широкого и глубокого понимания общего хода исторического развития, остаются нераскрытыми.

Характеристика ранее выполненных исследований часто носит библиографически-описательный характер. В анализе научных результатов превалирует показ того, что не сделано, а оценка конструктивных итогов и их значения оказывается беглой, а иногда и заниженной. Все это отрицательно сказывается на четкой и обоснованной постановке исследовательской задачи.

При рассмотрении источниково-информационной основы исследований также широко распространен описательный подход, а методы обработки и анализа конкретных данных, особенно методика, излагаются нередко таким образом, что их затруднительно (или вообще невозможно) проверить и повторить. При использовании массовых исторических данных, которые могут быть обработаны коллективными усилиями историков, методика их обработки нередко исходит из стремления изменения той процедуры, которая применялась предшественниками. В этом усматривается новизна проводимого исследования, а в результате итоги таких работ оказываются несопоставимыми и несводимыми.

В самом исследовании, на его эмпирическом и теоретическом, уровнях, наиболее слабыми, если говорить в целом, оказываются следующие аспекты. Прежде всего – ограничение исследования его эмпирической стадией, т.е. выявлением совокупности фактов и раскрытием их видимых причинно-следственных, связей. В этом состо-

---

[79] См.: *Порус В.Н., Пятницын Б.Н.* Указ. соч.

ит основной недостаток многих исторических исследований, что неоднократно отмечалось и самими историками и другими специалистами. Широкое распространение указанного недостатка свидетельствует о том, что, кроме субъективных, он имеет и объективные основы. Они выражаются в том, что исторические факты, как указывалось, несут в себе большую социально-политическую и морально-психологическую нагрузку. Тем самым даже их выявление, систематизация и непосредственный анализ и оценка могут иметь важное познавательное и практическое значение. Разумеется, это относится к фактам, характеризующим существенные явления прошлого. Это, с одной стороны. С другой, в историческом исследовании переход от эмпирического знания к теоретическому и доведение последнего до завершающего уровня – конкретно-теоретического знания – сопряжен с большими трудностями. Они связаны со сложностью абстрактно-теоретического анализа в том его варианте, который приводит к формированию идеального образа изучаемой реальности или сведéнию ее к исходной "косточке". А только на этой основе может быть осуществлено восхождение от абстрактного к конкретному, т.е. получено конкретно-теоретическое знание.

Очевидно, что наличие объективных причин (они, естественно, не снимают и причин субъективных) широкого распространения в исторических исследованиях эмпиризма ни в коей мере не "облагораживает" и не оправдывает этого недостатка. Наоборот, это требует значительно более настоятельных и серьезных усилий по его преодолению, чем потребовалось бы в том случае, если бы причины эмпиризма ограничивались лишь факторами субъективными.

Следует также заметить, что широко осуждаемое "мелкотемье" – неизбежное следствие рассматриваемого недостатка исторических исследований. Ведь суть "мелкотемья" не только в том, что объект познания слишком узок в пространственно-временнóм отношении, а в том, что изучение объекта ограничивается эмпирическим уровнем. На этом уровне узкоспециализированное исследование не может дать существенно значимых результатов. Приводимые в нем факты не могут громко говорить "сами за себя", а их внешний анализ не позволяет сделать существенных выводов о развитии реальности, которую они характеризуют. Но эти же самые факты при широком и глубоком вписывании в реальность могут быть основой и для важных наблюдений и выводов, ибо в общественно-историческом развитии в любом отдельном и особенном заключено и нечто общее. Но выявить это общее можно только на теоретическом уровне исследования. Следовательно, основной путь преодоления "мелкотемья" – не отказ от узкоспециализированных исследований, как обычно полагают, а преодоление эмпиризма в изучении подобных сюжетов.

Другой широко распространенной особенностью исторических исследований, которая относится к их недостаткам, является то, что

на теоретическом уровне они часто ограничиваются гипотетическим объяснением сути рассматриваемых явлений. Безусловно, что гипотеза – естественная и закономерная форма научного знания. Очевидно и то, что истинность гипотезы далеко не всегда может быть проверена при существующем уровне знаний. Поэтому указанный недостаток состоит не просто в широком распространении гипотетического знания, а в том, что нередко не предпринимается попыток проверки гипотез даже в тех случаях, когда это возможно, а гипотетическое знание представляется как истинное.

Есть свои минусы и в доказательстве истинности гипотетических объяснений сущности тех или иных явлений, которое часто сводится к простому расширению фактической основы гипотетических заключений. Здесь не учитывается то отмечавшееся выше положение, что эмпирическое наблюдение само по себе, т.е. независимо от объема выявленных фактов, не может раскрыть внутреннюю суть характеризуемой реальности. Для проверки истинности гипотезы необходимы факты, которые позволяют соотнести изучаемые явления с более широкой исторической реальностью. Забвение указанных моментов оказывается нередко причиной бесплодности и перманентности некоторых дискуссий.

Все указанные и другие менее существенные недостатки и просчеты исторических исследований свидетельствуют о необходимости, во-первых, усиления внимания к методологическим проблемам исторического исследования на всех его этапах и, во-вторых, доведения каждой работы до предельно возможного уровня на данном этапе развития науки. Это – важный путь повышения качества и эффективности исторических исследований и их практической значимости. В 1964 г. академик Ю.П. Францев писал: "Следует особо подчеркнуть необходимость соблюдения в исторических исследованиях диалектического единства исторического и логического (говоря иначе, единство эмпирического и теоретического знания. – *И.К.*). Если бы в ближайшее время мы смогли добиться, чтобы каждый историк в своих трудах соблюдал это диалектическое единство логического и исторического, то наша исследовательская работа в области исторической науки значительно продвинулась бы вперед. Сделан был бы шаг и в разработке проблем исторического материализма, ибо успешная деятельность историков обогатила бы осмысленным конкретным материалом и обобщениями исторический материализм"[80].

За прошедшее время развитие исторической науки заметна продвинулось вперед. Однако указанная задача сохраняет актуальность и сейчас. Она вообще всегда будет стоять для историков на первом плане.

---

[80] *Францев Ю.П.* История и социология. М., 1964. С. 334.

Часть вторая

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Введение

В настоящем разделе работы рассматриваются методологические проблемы применения в исторических исследованиях количественных методов. Необходимость их характеристики обусловлена тем, что на современном этапе развития науки основным путем углубления исследований и создания фундаментальных работ, итоги которых имеют идейно-теоретическое, научно-методологическое и практически-прикладное значение наряду с повышением теоретико-методологического уровня этих работ является совершенствование методов исследования и прежде всего применение математических методов и ЭВМ. Процесс математизации науки все более расширяется. И хотя в исторических исследованиях этот процесс идет значительно более медленными темпами, чем в других областях науки, он уже достиг значительного размаха, а последующий прогресс исторической науки будет просто невозможен без количественных методов и ЭВМ.

Примерно за 25 лет применения количественных методов и ЭВМ в исторических исследованиях накоплена большая литература как отечественная, так и зарубежная. Это – прежде всего конкретно-исторические исследования, выполненные на основе применения количественных методов и ЭВМ. В данном случае нет необходимости (да и возможности) характеризовать эту литературу. В дальнейшем при рассмотрении поставленных в настоящей работе вопросов будем обращаться к этим работам[1].

---

[1] Ясное представление об основных направлениях и итогах применения количественных методов и ЭВМ в исторической науке дают статьи, опубликованные в сборниках, издаваемых Комиссией по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории АН СССР: Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972; Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975; Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977; Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981; Количественные методы в советской и американской историографии: Материалы советско-американских симпозиумов в г. Балтиморе, 1979 г. и г. Таллине, 1981 г. М., 1983; Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985, и др.

Значителен и объем литературы, посвященной теоретико-методологическим и математико-методическим вопросам применения количественных методов и ЭВМ в исторической науке. Остановимся кратко на этом типе работ.

Начнем с работ, которые либо непосредственно, либо по своему характеру являются пособиями по применению количественных методов в исторических исследованиях.

Одной из первых работ, знакомивших историков с возможностями применения ЭВМ в исторической науке, была книга В.А. Устинова, вышедшая в 1964 г.[2] В ней приводятся краткие сведения о вычислительной технике и математике, о программировании, методике и технике обработки данных на ЭВМ. В заключительной главе рассматриваются итоги обработки на ЭВМ сведений некоторых источников. Работа эта привлекала внимание историков к ЭВМ. Но поскольку в начале 60-х годов еще не было ясно, что́ необходимо знать и уметь историку для применения количественных методов и ЭВМ, работа содержала больше сведений, которые необходимо знать программисту, чем историку.

Накопление опыта позволило перейти к созданию таких работ о применении количественных методов в исторических исследованиях, которые могли служить непосредственным руководством для историков.

Вышедшая в 1975 г. книга Б.Н. Миронова и З.В. Степанова[3] имела цель познакомить историков с возможностями и показать эффективность применения в исторических исследованиях ряда классических математико-статистических методов. На вполне доступном, т.е. не требующем специальной математической подготовки, уровне в ней характеризуются проблемы измерения исторических явлений, методика применения в исторических исследованиях выборочного метода, корреляционного, регрессионного и дисперсионного анализа и на конкретных исторических примерах показывается, какого типа задачи может решать историк с их помощью. Затрагиваются в работе и некоторые общие проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях, в частности выделяются и характеризуются этапы решения исследовательской задачи на основе количественных методов. Однако авторы не ставили цель специально рассматривать эти проблемы.

К такому же типу исследований принадлежит и работа математика Т.И. Славко[4]. Автор сосредоточила внимание на методике использования ряда математико-статистических методов (средние ве-

---

[2] *Устинов В.А.* Применение вычислительных машин в исторической науке. М., 1964.

[3] *Миронов Б.Н., Степанов З.В.* Историк и математика: (Математические методы в историческом исследовании). Л., 1975.

[4] *Славко Т.И.* Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981.

личины и показатели вариации, выборочный метод, измерение взаимосвязей методами корреляционного и статистически-информационного анализа) для обработки и анализа данных массовых исторических источников. Автор останавливается и на некоторых методологических вопросах применения математико-статистических методов в исторических исследованиях, но лишь в самом общем плане, прежде всего подчеркивая, что эти методы являются только средством, позволяющим углубить содержательно-исторический анализ.

Работой, в которой дано наиболее полное освещение методологических проблем применения количественных методов в исторических исследованиях, методов математико-статистического анализа, используемых в этих исследованиях, и основных направлений применения количественных методов в исторической науке, является учебное пособие, подготовленное сотрудниками (историками и математиками) кафедры источниковедения исторического факультета Московского университета[5].

В основу пособия положены два курса, которые были включены в учебный план исторического факультета в середине 70-х годов, а до этого велись как специальные курсы для студентов, проявивших интерес к количественным методам. Один из этих курсов, который ведут историки, посвящен раскрытию места количественных методов в исторических исследованиях, характеристике возникающих в связи с этим основных методологических проблем и показу основных направлений и эффективности применения количественных методов в исторической науке.

Второй курс ведут математики. В нем характеризуются основные методы математико-статистического анализа.

Учебное пособие состоит из трех частей. В первой части, посвященной методологическим проблемам применения количественных методов в исторической науке, рассматриваются вопросы о месте количественных методов в исторических исследованиях, об измерении исторических явлений, о количественной и качественной представительности конкретно-исторических данных, об адекватности применяемого математического аппарата и о моделировании исторических явлений и процессов.

Во второй части характеризуются основные методы математико-статистического анализа (показатели вариационных рядов, выборочный метод, анализ взаимосвязей, математико-статистический анализ динамических рядов, методы анализа качественных признаков, статистическая проверка гипотез, многомерный статистический анализ, ЭВМ в исторических исследованиях).

В третьей части при освещении основных направлений применения количественных методов в исторических исследованиях рас-

---

[5] Количественные методы в исторических исследованиях: Учебное пособие. М., 1984.

крываются основные типы задач, решаемых математическими методами при изучении социально-экономического развития, а также социально-политических и историко-культурных явлений.

Рассматриваемая работа в определенной мере резюмирует поиск оптимального (в плане содержания) варианта пособия о применении количественных методов в исторических исследованиях. Такое пособие должно в доступной для историков форме давать широкое и достаточно систематическое представление о теоретико-методологических и математико-методических проблемах, возникающих в связи с применением этих методов, и характеризовать существующий диапазон и эффективность применения этих методов в конкретно-исторических исследованиях. Наиболее сложной при создании пособия оказалась проблема простоты и доступности изложения. И хотя подобные работы не могут восприниматься так же, как традиционные исторические исследования, и требуют тщательного штудирования, многое здесь еще можно усовершенствовать, особенно в разделе по математико-статистическим методам.

Говоря о советских работах по применению количественных, методов в исторических исследованиях, представляющих собой разной полноты пособия, следует отметить, что подобные пособия издаются и за рубежом. Несколько таких работ, например, вышло в США и Англии. При в целом несомненной математико- статистической полезности для историков[6] в них, однако, не уделено должного внимания общим, теоретико-методологическим проблемам применения количественных методов в исторических исследованиях. Между тем именно теоретико-методологические посылки и принципы, на основе которых строится количественный анализ в исторических, как впрочем и во всех других, исследованиях, определяют правильность и эффективность его применения при решении тех или иных конкретно-исторических задач. Поэтому любое исследование, основанное на применении количественных методов, тем более пособие по использованию количественных методов в исторической науке, не может ограничиваться методическими и техническими сторонами этого вопроса и должно включать характеристику основных методологических проблем.

Кроме общих пособий о применении количественных методов в исторической науке, существует целая серия исследовательских работ советских историков и математиков об этих методах. Сюда относятся прежде всего работы, посвященные применению тех или иных конкретных математических методов в исторических исследованиях. Их авторы идут от методов и на конкретно-исторических задачах показывают их эффективность. Кроме того, это работы,

---

[6] Характеристика этих работ дана в статье: *Гарскова И.М.* Количественные методы и ЭВМ для историка: (Обзор англо-американских изданий) // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981.

авторы которых ставят определенные конкретно-исторические задачи и выявляют количественные методы, позволяющие решать их на основе имеющихся источников. Диапазон искомых решений может быть разным – от иллюстративной до имеющей конкретно-историческое значение, но главным является поиск принципов, путей и методов изучения рассматриваемых явлений и процессов.

Примером работы, в которой характеризуются определенные математические методы и показывается их применение в исторических исследованиях, является книга Л.И. Бородкина о многомерном статистическом анализе в исторических исследованиях[7]. Это труд математика, который специально и плодотворно занимается применением математических методов в исторических исследованиях, работая совместно с историками. В первой части работы рассматриваются методологические и методические вопросы применения многомерного анализа в исторических исследованиях. Впервые в советской (да и в мировой) литературе дана характеристика совокупности всех основных методов многомерного анализа, которые могут быть использованы в исторических исследованиях (методы автоматической классификации многомерных объектов и распознавания образов, факторный анализ, множественная регрессия, многомерное шкалирование, многомерная классификация на основе теории нечетких множеств).

Во второй части работы рассматривается опыт применения многомерного анализа при изучении типологии и уровня аграрного и промышленного развития губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв., а в третьей – при изучении нарративных источников (математические методы классификации древних текстов, применение в исторических исследованиях контент-анализа).

Применение многомерных методов в исторической науке является одним из важнейших путей углубления познания явлений общественной жизни, ибо все эти явления в той или иной мере "многомерные", т.е. обладают совокупностью черт и свойств. Этим определяется ценность рассматриваемой работы.

Другой работой подобного типа является книга В.А. Устинова и А.Ф. Фелингера[8]. Авторы поставили задачу рассмотреть возможности использования в историко-социологических исследованиях математического аппарата, позволяющего выявлять меру информации и ее соотношение. Прежде всего речь идет о применении математических методов теории информации для анализа взаимосвязи качественных признаков – задача, чрезвычайно важная для историков, ибо исторические объекты и явления имеют множество качест-

---

[7] См.: *Бородкин Л.И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М, 1986.

[8] *Устинов В.А., Фелингер А.Ф.* Историко-социальные исследования, ЭВМ и математика. М., 1973.

венных характеристик. Предложенные авторами методы могут найти широкое применение в исторических исследованиях. В самой работе они иллюстрируются на примере выборочной обработки исторических и социологических данных.

Однако следует отметить излишнюю идеализацию авторами рассматриваемых методов. Это выразилось в том, что ничего не говорится, например, о потерях информации при переводе количественных показателей в численно-интервальное выражение. Применяемые методы не сравниваются с другими методами измерения тесноты взаимосвязи качественных признаков. Обойден вопрос о том, что предлагаемые (как и другие) методы анализа взаимосвязи качественных признаков не показывают направления взаимосвязи (прямая или обратная), знание которого часто может играть решающую роль при раскрытии сути явлений.

Таков один тип работ о применении количественных методов в исторических исследованиях.

Работы второго типа, т.е. исследования, в которых ученые идут от исторических явлений и конкретно-исторических данных о них, содержащихся в источниках, к методам изучения, позволяющим выявить суть этих явлений, имеют несколько видов. К одному из них принадлежат работы, в которых рассматривается возможность применения различных математических методов при анализе явлений и процессов определенных исторических эпох на основе имеющегося корпуса источников, т.е. это работы широкого плана.

Среди таких работ обращает на себя внимание монография К.В. Хвостовой[9], в которой обобщены ее многолетние исследовательские усилия в области применения количественных методов в исторических исследованиях. В работе обстоятельно раскрываются возможности применения количественных методов в изучении средневековой социально-экономической истории и те сложности и ограничения, которые возникают при этом. Последние, по мнению автора, обусловливают то, что применительно к средневековью может иметь место лишь количественный *подход* в изучении исторических явлений и процессов, а не собственно их количественный анализ, связанный с применением тех или иных математических средств. Столь осмотрительная позиция автора вполне понятна, но представляется чрезмерно осторожной. Конкретно-исторические итоги анализа ряда социально-экокомических явлений средневековья, полученные на основе применения математических методов и приведенные в работе, свидетельствуют о том, что диапазон приложения этих методов может быть достаточно широким. Впрочем и сама К.В. Хвостова в заключении указывает, что "количественный подход в социально-экономической истории средневековья – одна из

---

[9] *Хвостова К.В.* Количественный подход к средневековой социально-экономической истории. М., 1980.

проблем, которая должна определять будущее развитие медиевистики"[10].

В монографии К.В. Хвостовой, как и в других ее работах, большое внимание уделяется рассмотрению ряда теоретико-методологических вопросов применения количественных методов в исторических исследованиях вообще и в изучении средневековья в особенности. Центральная и бесспорная мысль автора состоит в том, что основой для применения этих методов является качественный исторический анализ, доведенный до определенной теоретической концепции, которая затем может быть формализована, т.е. выражена в математической форме. Ограниченные возможности применения количественных методов в средневековой социально-экономической истории обусловлены, по мнению К.В. Хвостовой, трудностями построения теоретических концепций, характеризующих явления феодальной эпохи, с одной стороны, и ограниченным количеством источников, с другой. В этой связи заметим, что доведение изучения любых явлений общественной жизни до конкретно-теоретического уровня всегда является, как было показано, весьма сложной проблемой. Эти сложности будут существовать всегда, и поэтому задача состоит в поиске путей для их преодоления.

Одним из них является применение количественных методов. Они действительно дают наиболее ясный результат в тех случаях, когда знания о явлениях прошлого могут быть выражены в форме теоретической конкретно-исторической концепции. Но очевидно и то, что именно эти методы могут помочь выработке такой концепции. Один из примеров – концепция налогообложения крестьян в поздней византийской империи, сформулированная К.В. Хвостовой на основе количественного анализа конкретно-исторических данных.

Другим видом работ, идущих от исследовательских задач и имеющихся источников к методам количественного анализа, являются исследования, в которых рассматриваются возможности изучения на основе этих методов таких явлений и процессов, основная суть которых не может быть раскрыта традиционными методами. Круг таких работ весьма обширен.

Одна из них – коллективное исследование, посвященное источникам и методам изучения аграрного развития России в первой половине XVII в.[11] Вопросы о состоянии феодальной системы хозяйства, о вотчинном и поместном хозяйстве, о степени эксплуатации крестьян слабо изучены и во многом трактуются исследователями по-разному. Единственным источником, содержащим массовые сведения об этих процессах в XVII в., являются так называемые писцо-

---

[10] Там же. С. 197.

[11] *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России в первой половине XVII столетия. М., 1986.

вые книги, представляющие собой своеобразные средневековые земельные кадастры.

Данные писцовых книг в силу их относительной бедности не позволяют характеризовать указанные явления непосредственно. Поэтому был использован комплекс количественных методов их обработки и анализа с применением ЭВМ. Он включал методы корреляционного, регрессионного и факторного анализа, а также многомерной классификации исследуемых объектов, т.е. поместий и вотчин. В итоге оказывается возможным получить информацию, которая позволяет раскрыть такие стороны аграрных отношений, которые не удавалось выявить при традиционных методах анализа.

В плане использования количественных методов рассматриваемая работа отличается тем, что в ней уделено большое внимание проверке вида связи (линейная и криволинейная) между рассматриваемыми признаками и ее направленности. В работе подробно излагается методика проверки линейной модели взаимосвязей, а также значимости различных коэффициентов. В силу этого решение поставленной задачи отличается высокой корректностью применения количественных методов. Методы проверки этой корректности, предложенные в работе, могут широко использоваться в других исследованиях.

Можно назвать и целый ряд других работ, в которых основной задачей являлась разработка методов количественного анализа для раскрытия сути тех или иных явлений и процессов исторического развития, т.е. эти работы являются прежде всего методологически-методическими, хотя в них в той или иной мере решаются и конкретно-исторические проблемы. Вместе с тем, как указывалось, методы количественного анализа характеризуются и в работах, главной задачей которых являлось конкретно-историческое изучение определенных явлений и процессов прошлого. Во многих из них освещение методологическо-методических вопросов имеет самостоятельное значение. Примером таких исследований могут быть работы, в которых освещается формирование единого всероссийского товарного аграрного рынка в XVIII–XIX вв.[12]

Не касаясь сути явления, обратим внимание на то, что в первой из этих работ уделено большое внимание вопросу о методах количественного анализа данных динамических (временны́х) рядов, и прежде всего проблеме корректного корреляционного анализа этих данных. Вопрос этот имеет очень важное значение.

Во второй работе прежде всего представляют интерес методы количественной сводки и обработки данных о развитии внутренней торговли, извлеченных из различных источников.

---

[12] См.: *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в.: (Опыт количественного анализа). М., 1974; *Миронов Б.Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981.

Наряду с монографическими исследованиями о методах количественного анализа данных о тех или иных конкретных явлениях и процессах исторического развития имеется и большое число статей по данному сюжету[13]. Отметим некоторые из них, посвященные методам количественного анализа нарративных источников.

Одно из направлений количественного анализа сведений нарративных источников связано с решением собственно источниковедческих задач. Наиболее заметным и существенным в советской историографии здесь является применение количественных методов и ЭВМ, во-первых, для построения генеалогии нарративных источников, имеющих серию списков, и, во-вторых, для атрибуции безымянных памятников древней Руси и выявления языково-грамматических особенностей – стиля, присущего тем или иным эпохам и авторам[14]. Для решения этих задач применялись методы теории множеств и теории графов. Количественные методы атрибуции текстов, разработанные авторами, могут быть применены к широкому кругу произведений.

Другое направление количественной обработки анализа данных индивидуальных нарративных источников связано с раскрытием их содержания[15]. Это направление пока находится в стадии становления. Но уже полученные результаты свидетельствуют о возможности и эффективности такого анализа.

Первой проблемой, которую решают исследователи, обращаясь к количественным методам изучения нарративных источников, является *измерение*, выделение тех содержательных элементов текста, которые могут быть подвергнуты счету. Указанные работы дают хорошее представление о путях решения этой сложной и чрезвычайно важной задачи, показывают и приемы сведения результатов счета в систему количественных показателей, формализованно выражающих содержание текста в аспекте поставленной исследовательской задачи.

---

[13] Многие из этих статей опубликованы в указанных сборниках Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях, а также в других изданиях.

[14] См.: *Бородкин Л.И., Милов Л.В.* Некоторые аспекты применения количественных методов и ЭВМ в изучении нарративных источников // Количественные методы в советской и американской историографии. Материалы советско-американских симпозиумов в г. Балтиморе, 1979 г. и г. Таллине. Методы выявления генеалогии многосписочных памятников рассматриваются также в указанной монографии Л.И. Бородкина.

[15] См.: *Деопик Д.В.* Опыт количественного анализа древневосточной летописи "Чуньцю" // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях; *Брагина Л.М.* Методика количественного анализа философских трактатов эпохи Возрождения // Там же; *Луков В.Б., Сергеев В.М.* Опыт моделирования мышления исторических деятелей: Отто фон Бисмарк 1866–1876 гг. // Вопросы кибернетики. Логика рассуждений и ее моделирование. М., 1983, и др.

Применение количественных методов в исторической науке привело к возрастанию в источниковедении роли задач, связанных с разработкой методов исследования. Тем самым можно говорить о расширении его предмета, ибо прежде в источниковедении работы, специально посвященные методам исследования тех или иных явлений и процессов, появлялись крайне редко.

Обращение в исторической науке к количественным методам сразу же потребовало решения целого ряда теоретико-методологических проблем как общего, так и конкретного порядка. Советские историки постоянно уделяли внимание разработке этих вопросов. В той или иной мере они характеризуются в работах, посвященных применению количественных методов в тех или иных областях исторических исследований. Но эти вопросы изучались и специально[16]. Рассматривались, с одной стороны, вопросы о необходимости использования количественных методов в исторической науке и об их месте в исторических исследованиях, о соотношении "традиционных" и "новых" методов, о взаимосвязи сущностно-содержательного, качественного и формально-количественного анализов и о роли при применении количественных методов теоретико-методологических основ исторического познания (понимание внутренней сути и особенностей объекта исторического познания, задач исторической науки и путей и методов их решения), а с другой, – вопросы об обеспечении исследований, основанных на количественных методах, репрезентативными в качественном и количественном отношении конкретно-историческими данными, о возможностях и особенностях измерения исторических явлений и процессов и пределах их формализации, об адекватном отражении используемыми математическими методами внутренней сути этих явлений и процессов и корректности применения соответствующих методов, о содержательной интерпретации результатов математической обработки и анализа конкретно-исторических данных, об истинности полученных итогов и их пределах и путях проверки этой истинности.

---

[16] См.: *Ковальченко И.Д.* О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969; *Кахк Ю.Ю.* Нужна ли новая историческая наука? // Вопросы истории. 1969. № 3; *Кахк Ю.Ю.*, *Ковальченко И.Д.* Методологические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях // История СССР. 1974. № 5; *Хвостова К.В.* Методологические проблемы применения математических методов в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1975. № 11; *Ковальченко И.Д.* О моделировании исторических явлений и процессов // Там же. 1978. № 8; *Хвостова К.В.* Роль количественных методов в историческом познании // Там же. 1983. № 4; *Ковальченко И.Д.* Применение количественных методов и ЭВМ в исторических исследованиях // Там же. 1984. № 9, и др.

Кроме того, теоретико-методологические проблемы применения количественных методов в исторической науке неоднократно освещались в докладах советских историков на различных международных конференциях и встречах.

Как видим, один лишь перечень основных теоретико-методологических проблем, возникающих при применении количественных методов в исторических исследованиях, говорит о многообразии и сложности этих проблем. Разумеется, далеко не все они решены советскими историками и математиками. Неоднозначна и трактовка целого ряда вопросов. Но в указанных и других работах с полной очевидностью показано, что правильность и эффективность применения количественных методов в исторической науке определяется прежде всего характером теории и методологии исторического познания, из которых исходит историк, и уровнем решения на их основе конкретных теоретико-методологических задач.

Мы подошли к вопросу об отношении советских историков к применению количественных методов в буржуазной (точнее немарксистской) исторической науке, ибо принципиальное, качественное различие в применении этих методов (как и вообще в исторической науке) в марксистской и немарксистской историографии идет по линии теоретико-методологической. Естественно, что советские историки уделяют большое внимание раскрытию этих различий, показу того, что именно марксистско-ленинская теория и методология исторического познания обеспечивает наиболее правильное и эффективное применение количественных методов в исторической науке. Соответствующие вопросы рассматриваются как в работах по теоретико-методологическим проблемам, так и в специальных исследованиях[17].

В этих работах показано, что применение в буржуазной исторической науке количественных методов исследования дало определенные положительные результаты[18]. Расширились проблематика

---

[17] См., например: *Мелихов С.В.* Количественные методы в американской политологии. М., 1979; *Промахина И.М.* Количественные методы в работах представителей "новой экономической истории" (США) // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории; *Ковальченко И.Д., Сивачев Н.В.* Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке // История СССР. 1976. № 5; *Селунская Н.Б.* Количественная история в США: Итоги, проблемы, дискуссии // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях; *Бородкин Л.И., Селунская Н.Б.* Методы изучения социальной истории в американской историографии: (По поводу "Проекта социальной истории Филадельфии") // История СССР. 1978. № 2; *Гаджиев К.С., Сивачев Н.В.* Проблемы междисциплинарного подхода и "новой научной" истории в современной американской буржуазной историографии // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1978. Вып. 2; *Соколов А.К.* О применении новых методов в исследованиях историков США // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях; *Бородкин Л.И., Соколов А.К.* Историк и изучение социальных процессов // История СССР. 1983. № 1, и др.

[18] Конкретное представление о направлениях и результатах, плюсах и минусах применения количественных методов в американской историографии, где эти методы получили наиболее широкое распространение, дают статьи американских ученых, опубликованные в сборнике "Количественные методы в советской и американской историографии" (М., 1983).

исторических исследований и круг вовлекаемых в научный оборот источников. Наиболее существенным здесь является обращение к изучению различного рода массовых явлений и процессов. Большое внимание уделяется разработке методики и техники количественных исследований. Созданы в США и в ряде других стран банки машинной исторической информации, включающие большие объемы сведений, извлеченных из различных исторических источников. Данные этих банков могут использоваться для изучения многих явлений и процессов исторического развития, что облегчает и ускоряет исследования[19].

Вместе с тем буржуазная клиометрия, или квантитативная историография (как на Западе называют применение в исторической науке количественных методов) не оправдала многих надежд, которые на нее возлагались. Прежде всего обнаружилась несостоятельность ожиданий возникновения некоей новой исторической науки, "математической истории", которая якобы должна быть в полной мере объективной и дает возможность преодолеть тот субъективизм и идеографизм, которые и привели буржуазную историографию к глубокому кризису.

С другой стороны, ясно обнаруживается существенное несоответствие между значительно расширившейся источниковой базой, усовершенствованной методической и технической вооруженностью исторических исследований и теми конкретными исследовательскими результатами, которые получены на их основе. Как правило, эти результаты не выводят изучение явлений и процессов исторического развития на существенно новый уровень. В целом они остаются в пределах старых концепций, а очень часто вообще имеют эмпирический ограниченный характер.

Советские историки подчеркивают, что главной причиной невысокой эффективности применения количественных методов в буржуазной исторической науке является ограниченность или вообще ошибочность теоретико-методологических посылок, исходя из которых ведутся конкретно-исторические исследования. Обращаясь к новым методам, буржуазные историки в области теории и методологии в целом остаются на базе прежних идей и подходов. Поэтому количественные методы и не поднимают буржуазную историческую науку на новый уровень и не дают выхода из того кризиса, в котором она находится, хотя в некоторых аспектах и продвигают ее вперед.

Это понимают и наиболее глубокомыслящие ученые из среды буржуазных историков, призывающие к выработке такой общей теории, которая позволила бы преодолеть указанную ограничен-

---

[19] О банках машинной исторической информации см.: *Моисеенко Т.Л.* Об использовании банков машиночитаемых данных по истории в новейшей зарубежной историографии // История СССР. 1985. № 5.

ность квантификации и компьютеризации исторических исследований. Разумеется, в их понимании поиск новой теории должен идти по пути неприятия марксизма и в противовес ему. Но хорошо известно, что такие попытки предпринимаются давно, но все они были безрезультатными.

Обращает на себя внимание и то, что некоторая часть буржуазных историков понимает или чувствует преимущества марксизма как единой теории и методологии исторического познания, хотя она и не признает этого. Неоспоримое доказательство тому – рост международного авторитета советской исторической науки, одним из выражений которого является стремление буржуазных историков к контактам и сотрудничеству с советскими историками. Все это ярко проявляется и в области применения количественных методов в исторической науке. Советские историки всегда поддерживают такое сотрудничество и активно в нем участвуют. Оно расширяет возможности для утверждения позиций марксистской историографии. Из арсенала же буржуазной исторической науки советские историки, использующие количественные методы, могут заимствовать конкретные количественные методы исторического исследования, методику и технику их применения, а также опыт создания банков машинной исторической информации и организации исследований на базе новых методов. Все это может быть плодотворно использовано на основе марксистской теории и методологии исторического познания.

В данном разделе работы рассматриваются теоретико-методологические и методические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях. Круг этих проблем весьма обширен, и здесь характеризуются те из них, которые необходимо решать в любом историческом исследовании, основанном на применении этих методов: вопросы о месте количественных методов в исторических исследованиях и о соотношении этих методов с традиционными, о формализации и измерении исторических явлений, о представительности количественных данных и адекватности математических методов, о моделировании исторических явлений и процессов. Мы стремились обобщить опыт решения этих вопросов, накопленный советскими историками, и тем самым раскрыть основные принципы применения количественных методов в исторических исследованиях на основе марксистской теории и методологии исторического познания. В этой связи не ставилось задачи систематического сопоставления подходов к решению рассматриваемых вопросов в советской и буржуазной исторической науке и критики последней. Такие сопоставления даются в тех случаях, когда необходимо особо подчеркнуть важность правильного теоретико-методологического подхода и показать, что лишь марксизм обеспечивает истинный путь познания.

Для того, чтобы излагаемые теоретико-методологические принципы применения количественных методов в исторических исследованиях и пути их реализации не воспринимались абстрактно, а могли быть использованы практически (а это важно для тех, кто еще не имеет достаточного опыта применения этих методов), они иллюстрируются конкретными примерами.

Освещение всех рассматриваемых в настоящем разделе работы вопросов ведется "от историка" и исходя из потребностей исторических исследований. Поэтому все математические аспекты затрагиваются лишь в самом общем содержательно-логическом плане.

Глава 7

МЕСТО КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Рассмотрение вопроса о месте количественных методов в исторических исследованиях надо начать с уточнения понятий *количественные методы* и *математические методы*. Чаще всего как в исторических, так и в других гуманитарных исследованиях эти понятия употребляются как тождественные. Имеется в виду всякое использование количественных показателей и математических методов при анализе исследуемых явлений и процессов общественной жизни. В предыдущих главах настоящей работы между указанными понятиями также не проводилось различий. Но, строго говоря, эти методы не тождественны. Между ними имеются различия. Они состоят в следующем.

С количественными методами в широком смысле мы имеем дело во всех тех случаях, когда изучение соответствующих явлений и процессов основано на анализе характеризующих их системы количественных показателей. Следует подчеркнуть, что используется именно *система* количественных показателей, раскрывающих основные черты явлений, а не просто какие-либо численные данные о них. Понятно, что при этом могут применяться и определенные, как правило, простейшие приемы математической обработки количественных данных (вычисление средних значений, процентов, коэффициентов рассеивания и др.). Однако эти приемы не ставят цель раскрыть суть явлений путем построения их количественных моделей. Но любая система количественных показателей может быть основой для построения формально-количественных моделей изучаемых явлений и процессов. Для этого необходима более сложная их математическая обработка, а главное, непременно требуется предварительное построение сущностно-содержательной модели изучаемых явлений и процессов.

Таким образом, строго говоря, *количественные методы* – это обычный анализ явлений и процессов на основе системы количест-

венных показателей, а *математические методы* – это построение на основе системы численных данных формально-количественных, математических моделей этих явлений и процессов.

Поскольку в обоих случаях исходной основой для анализа является система количественных показателей и для их обработки применяется тот или иной математический аппарат, просто количественные и собственно математические методы имеют сходство, чем и обусловлено употребление этих понятий как тождественных.

Не отвергая это отождествление, ставшее в исторической науке традиционным, следует помнить и о различиях указанных терминов и отражаемых ими понятий и в необходимых случаях дифференцировать их употребление.

1. МАТЕМАТИЗАЦИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Отличительной чертой развития науки в эпоху научно-технической революции являются ее все углубляющиеся математизация и компьютеризация[1]. Сейчас уже нет таких областей науки, в которые в той или иной мере не вторглись математические методы, электронные вычислительные машины и другая, техника. Безусловно, этому во многом содействуют успехи в развитии прикладной математики и электронной, прежде всего вычислительной, техники. Даже первые поколения ЭВМ позволяли выполнять такой объем вычислений, который невозможен в условиях применения обычной, "малой" счетной техники. Новейшие же ЭВМ обладают прямо-таки безграничными памятью и быстродействием. Это наряду с разработкой целого ряда новых направлений математики открыло возможность постановки и решения новых исследовательских задач.

Однако было бы ошибочно приписывать интенсивный процесс математизации науки прежде всего успехам в развитии математики и ЭВМ, как иногда делают[2]. Если бы это было так, то математиза-

---

[1] Проблемам формализации и математизации современного научного познания посвящена большая литература. Из обобщающих работ отметим: *Глушков В.М.* О гносеологических основах математизации наук. М., 1965; *Кураев В.И.* Диалектика содержательного и формального в научном познании. М., 1977; *Лукьянец В.С.* Философские основания математического познания. Киев, 1980; *Моисеев Н.Н.* Человек. Среда. Общество: Проблемы формализованного описания. М., 1982; *Рузавин Г.И.* Математизация научного знания. М., 1984, и др.

[2] Так, например, В.А. Устинов и А.Ф. Фелингер полагают, что применение математических методов и ЭВМ в общественных науках, в частности в исторической, обусловлено прежде всего развитием кибернетики и прикладной математики, а также тем, что математические методы и ЭВМ эффективно используются в ряде естественных наук. Развитие и потребности самих общественных наук выступают лишь одним из основных факторов, "способствующих внедрению новых математических методов и кибернетических средств" (*Устинов В.А., Фелингер А.Ф.* Историко-социальные исследования, ЭВМ и математика. М., 1973. С. 320–321).

ция различных областей человеческой деятельности вообще, и науки в частности, протекала бы более или менее одновременно и равномерно. Но этого не происходит. Процесс внедрения математических методов и ЭВМ в разные науки и в отдельные области каждой науки обусловлен прежде всего их внутренним развитием и происходит по мере того, как они оказываются "готовыми" к математизации и испытывают потребность в ней. Именно поэтому декларативные призывы к превращению обществознания в точную науку путем переноса в него методов естественных наук, присущие позитивизму со времени его возникновения, и остаются бесплодными.

Но очевидно, что и готовность к математизации и потребность в ней могут возникнуть в любой науке на определенном этапе ее развития только при наличии объективных предпосылок для количественного анализа явлений, составляющих объект познания соответствующей науки.

Посмотрим, каковы же объективные предпосылки для количественного анализа явлений реального естественного и общественного мира, т.е. насколько в онтологическом смысле возможна математизация процесса познания этого мира. Такая возможность не только существует, она неограниченна. Основой этого является органическое сочетание количества и качества повсюду в природе и обществе. Этот закон не имеет исключений. В объективном мире нет неких "чистых" качеств или количеств, не зависимых от качеств. Они всегда находятся во взаимодействии.

Качество и количество выражают противоположные стороны реальности и являются поэтому *полярными* понятиями. Но эта противоположность одновременно сочетается с единством. Синтезом противоположности и единства качества и количества выступает *мера*, которая представляет собой более сложное интегральное понятие, отражающее свойства и качества и количества. "Сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения"[3]. Действительно, мера как синтез противоположности и единства качества и количества глубоко раскрывает и реально выражает их диалектическую взаимосвязь. Именно мера показывает количественные границы качества и раскрывает качественную природу количества. Выражая количественные изменения, мера характеризует движение и его интенсивность. Наконец, мера позволяет установить переход количественных накоплений в новое качество[4].

Следовательно, сущность того или иного явления, которая и составляет его качественную определенность, будет раскрыта в пол-

---

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 136.

[4] Как известно, на триаду "качество–количество–мера" впервые обратил внимание Гегель. Однако он рассматривал ее идеалистически, как соотношение и движение понятий, а не свойство объективной реальности, отраженное этими понятиями.

ной мере только тогда, когда будет выявлена количественная мера данного качества. Именно поэтому К. Маркс и считал, как отмечал П. Лафарг, что "наука только тогда достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой"[5]. Это важное положение относится ко всем наукам.

Органическое сочетание в явлениях объективного мира количества и качества обусловливало то, что в развитии науки всегда имела место тенденция к выявлению количественных характеристик изучаемых явлений и процессов, к количественной оценке как отдельных черт, так и общей природы и сути этих явлений, а следовательно, и к применению тех или иных математических методов обработки и анализа количественных данных. Понятно, что размах и осознанность этих тенденций на разных этапах развития науки и в разных ее областях были неодинаковыми. Обществоведение здесь всегда отставало и отстает от естествознания и техники, хотя сопряженность количества и качества также имманентно присуща явлениям общественным, как и естественным. Основная причина тому – сложность явлений общественной жизни. Эта причина обусловливает трудности не только в выявлении меры и измерении указанных явлений, но и в самом выявлении сути того или иного качества.

Таким образом, объективная природа явлений общественной жизни является такой, что не только допускает применение количественных и математических методов при изучении этих явлений, но и может быть наиболее глубоко познана только на их основе. Современное же развитие науки, определяемое как непосредственными потребностями общественной практики, так и углублением самой научно-познавательной деятельности, требуют все более широкого применения количественных и математических методов.

Общей предпосылкой обращения ученых-марксистов к количественным методам в общественно-гуманитарных науках, как и во многих других, является непрерывное углубление исследований, которое на определенной их стадии неизбежно порождает потребность в количественном анализе.

Приведем пример из области исторических исследований, который показывает, как для углубления знаний становится необходимым обращение к математическим методам. Речь идет об изучении классовой борьбы крестьянства в России в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства. Этот период характеризовался, с одной стороны, усилением феодальной эксплуатации крестьянства, а с другой – ростом крестьянского движения. И то и другое конкретно показано в многочисленных трудах советских историков, посвященных как анализу каждого из указанных явлений в отдельности, так и параллельному их освещению. Кардинальный вопрос о том, в какой мере определенная степень эксплуа-

[5] Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1956. С. 66.

тации и ее усиление влияли на размах борьбы крестьянства и ее нарастание, конкретно не исследовался. Не исследовался потому, что определяющее воздействие эксплуатации на борьбу крестьянства представлялось очевидным. Эта очевидность основывалась на том, что борьба крестьянства представляла собой выражение антагонизма, имманентно присущего феодальной системе производственных отношений, а усиление эксплуатации крестьян было важнейшим фактором, обострявшим этот антагонизм. Из этого логически следовал вывод, что главной причиной усиления классовой борьбы крестьян было усиление их феодальной эксплуатации. И в целом такое понимание, безусловно, является правильным, ибо применительно к феодальному способу производства именно эксплуатация крестьянства и ее усиление являются основным фактором, порождающим и классовую борьбу крестьянства и рост ее размаха и остроты.

Но наступил момент, когда это верное, но исторически абстрактное понимание сложного исторического явления потребовало конкретизации применительно к определенной исторической эпохе. Внутренняя логика познания явления привела к необходимости восхождения от абстрактного к конкретному. Была поставлена задача непосредственного выявления зависимости размаха движения крестьян от интенсивности их феодальной эксплуатации. Такую задачу поставили Ю.Ю. Кахк и Х.М. Лиги и попытались ее решить применительно к движению эстонского крестьянства в начале XIX в.[6]

Для решения этой задачи потребовалось применение математических методов – надо было выявить тесноту взаимосвязи показателей, характеризующих степень эксплуатации крестьян и размах их антифеодальной борьбы. Для анализа были взяты данные по имениям южной Эстонии. По каждому из них учитывались 14 показателей о положении крестьян, в том числе о размерах их барщинных повинностей до реформы 1804 г. и после нее, а также фиксировалось наличие или отсутствие волнений крестьян. Посредством корреляционного анализа установили тесноту взаимосвязи между всеми этими показателями. Оказалось, что участие крестьян в волнениях было в целом слабо связано с их положением и эксплуатацией. Коэффициенты корреляции колебались в пределах 0,35–0,56. Иначе говоря, при прочих равных условиях размах крестьянских выступлений определялся положением крестьян и интенсивностью их эксплуатации лишь на 12–31%, т.е. размах борьбы крестьянства зависел в основном не от указанных факторов, а от иных. Авторы объясняют такое положение стихийным характером борьбы крестьянства. Когда интенсивность эксплуатации в целом достигла предельно высокого уровня, т.е. повсеместно существовали объективные предпосылки

---

[6] *Кахк Ю.Ю., Лиги Х.М.* О связи между антифеодальными выступлениями крестьян и их положением // История СССР. 1976. № 2.

для крестьянских волнений, конкретные выступления крестьян вызывались не тяжестью их положения, а всякого рода иными причинами.

Таким образом, при несомненной обусловленности классовой борьбы крестьян остротой классового антагонизма и выражавшей его интенсивности эксплуатации конкретный размах борьбы при ее стихийном характере не был однозначно детерминирован этими факторами, а мог определяться другими причинами, игравшими роль поводов. Ясно, что второй вывод не отвергает первого, а конкретизирует и углубляет его. И это стало возможным, когда соотношение качества и количества было синтезировано в мере, что потребовало обращения к математическим методам.

Можно было бы привести много других примеров, показывающих, как на определенном уровне изучения тех или иных явлений и процессов исторического развития становится необходимым обращение к математическим методам. Из сказанного совершенно очевидно, что обращение к математическим методам прежде всего диктуется состоянием соответствующей науки и потребностями дальнейшего углубления исследований. Современное же состояние наук, в том числе и исторической, превращает эту потребность во все более настоятельную необходимость.

Эпоха научно-технической революции характеризуется прежде всего необыкновенным ускорением темпов развития науки. Науковеды полагают, что за три четверти XX в. человечество накопило значительно больше научных знаний, чем за всю предшествующую историю, а во многих областях науки в течение 12–15 лет объем научных знаний будет удваиваться. Информационный взрыв, имеющий место в науке, ставит ряд важных задач не только в области систематизации, хранения и использования накопленных знаний, но и в сфере проведения новых научных исследований. Выполнение последних во всех науках требует привлечения все большего объема новых фактических данных и более совершенных методов их выявления, обработки и анализа. Все это ускоряет приближение научных исследований к тому их внутреннему рубежу, который диктует потребность в обращении к математическим методам и ЭВМ.

Быстрое накопление новых знаний характерно и для развития советской исторической науки. Хорошо известно, что в послевоенный период объем новых знаний резко возрос и идет быстрое дальнейшее их накопление. Сейчас уже фактически нет сколько-нибудь крупных явлений и процессов в отечественной и зарубежной истории, которые не были бы охвачены хотя бы небольшой серией исследований. И вместе с тем ежегодно в стране появляются тысячи исследований, посвященных изучению исторического прошлого. Разумеется, это никоим образом не означает, что нет событий, явлений и процессов или тех их аспектов, которые еще не охвачены изу-

чением. Наоборот, по мере накопления знаний обнаруживается все большее число сторон исторического развития, которые требуют исследования. Важно, что и в исторической науке стоит проблема оперирования накопленными знаниями и необходимости привлечения все большего объема конкретно-исторических данных при проведении новых исследований. Это, как отмечалось, требует, с одной стороны, расширения источниковой основы исследований путем введения в научный оборот источников, которые до этого либо вовсе не использовались, либо привлекались ограниченно. Здесь внимание исследователей обращается прежде всего к разного рода массовым, в том числе первичным, данным, содержащимся в источниках. С другой стороны, все настоятельнее обнаруживается потребность в повышении информативной отдачи уже введенных в научный оборот источников. Эти задачи нельзя решить без совершенствования методов выявления, критической оценки, обработки и анализа фактических данных, в том числе и применения математических методов и ЭВМ.

Другим важным обстоятельством является то, что общий уровень современной науки и потребности ее дальнейшего развития обуславливают все более отчетливое проявление тенденции к *интеграции* научного познания.

В развитии науки всегда имеет место органическое сочетание дифференциации и интеграции. Но на отдельных этапах этого развития на первый план может выдвигаться одна из этих сторон. В условиях научно-технической революции все более отчетливо обнаруживается тенденция к интеграции. Одно быстрое накопление знаний, достигаемое в результате интенсивной дифференциации и специализации научных исследований, без должного интегрального, обобщенного подхода не может обеспечить всестороннего, цельного и все более глубокого познания объективной реальности, ибо объективная реальность представляет собой органическое единство общего, особенного и единичного[7]. Все это имеет место и в исторической науке.

Сразу же надо отметить, что хотя и дифференциация и интеграция научного познания являются объективными чертами его развития, возможности их реального проявления неодинаковы. В практике научных исследований их специализация протекает как бы стихийно в том смысле, что для ее разворачивания не требуется специ-

---

[7] См.: *Ставская Н.Р.* Философские вопросы развития современной науки: (Социологические и методологические проблемы интеграции науки). М., 1974; *Маркарян Э.С.* Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук. Ереван, 1977; *Мирский Э.М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М., 1980; *Урсул А.Д.* Философия и интегративно-общенаучные процессы. М., 1981; *Чепиков М.Г.* Интеграция науки: (Философский очерк). М., 1981; *Готт В.С., Семенюк Э.П., Урсул А.Д.* Категории современной науки: (Становление и развитие). М., 1984, и др.

альных побуждений и организационных мер. Она, естественно, воспринимается и психологически, ибо результаты ее непосредственны и очевидны.

Реализация же тенденции к интеграции в этом плане более трудна, особенно, если интеграция происходит в условиях господства дифференцированного подхода. Здесь необходимы иная подготовка специалистов, организация и координация исследований, преодоление привычных представлений о характере этих исследований. Поэтому успехи интеграции во многом зависят от субъективного воздействия на ее развитие. Понятно, что это воздействие должно основываться на учете объективных предпосылок и потребностей обобщенного подхода в познании явлений объективного мира. В этой связи необходимо более подробно рассмотреть проявление тенденции к интеграции в советской исторической науке.

В развитии исторической науки в советский период ясно выделяются этапы, когда на первый план выступала либо дифференциация, либо интеграция исследований. В период становления и утверждения марксистской советской исторической науки (с 1917 г. и до середины 30-х годов) на первый план выдвигалась задача критической оценки того наследия, которое было получено от дворянской и буржуазной исторической науки, овладения марксистской теорией и методологией исторического познания и выработки на этой основе новой концепции общего хода исторического развития[8]. Естественно, что создание такой концепции требовало широкого и комплексного рассмотрения хода исторического развития, т.е. интегрального подхода к нему. Это, разумеется, не исключало и дифференцированного изучения отдельных сторон, этапов и событий этого развития, но такое изучение в целом не играло главной роли.

На базе утвердившейся марксистской теории и методологии исторического познания с конца 30-х годов и особенно в послевоенный период началась активная разработка отдельных сторон, этапов, явлений и процессов исторического развития, основанная на привлечении нового конкретно-исторического материала, т.е. все более дифференцированное в проблемном, пространственном и временном аспектах изучение хода отечественной и всемирной истории. Это и привело к накоплению того огромного объема исторических знаний, которым мы обладаем в настоящее время.

Прогрессировавшая тенденция к дифференциации исторических исследований не упраздняла обобщенного, интегрированного подхода к изучению прошлого. Об этом свидетельствует появление целого ряда обобщающих трудов: как фундаментальных индивидуальных монографий, так и коллективных работ по истории отдельных республик и регионов. Вершиной обобщающих исследований явилось создание многотомной всемирной истории, в которой впер-

---

[8] См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. IV.

вые с марксистских позиций был охарактеризован ход мирового исторического развития. Но в общем соотношении дифференциации и интеграции явно преобладал (даже безусловно господствовал) дифференцированный подход.

Примерно с начала – середины 70-х годов стали все более отчетливо обнаруживаться минусы чрезмерно глубокой специализации исторических исследований. Объем таких исследований вырос настолько, что они стали доступными лишь узкому кругу специалистов по тем или иным проблемам. Но это не главный недостаток узкоспециализированных исследований. Основной их минус с точки зрения общих задач исторической науки состоит в трудности их сведе́ния, обобщения полученных в них результатов. Нередко такое сведе́ние оказывается вообще невозможным. Это происходит в силу того, что исследование одних и тех же явлений и процессов, очень часто даже на основе однотипных источников, но применительно к различным регионам или временны́м срезам, ведется отдельными историками или группами их разобщенно. Отсюда – различия в постановке исследовательских задач, методах отбора, обработки и анализа конкретно-исторических данных и обобщении результатов. В итоге возникают парадоксальные ситуации, когда наличие большого числа исследований по тем или иным явлениям и процессам не создает основы для их обобщающей характеристики. Понятно, что такие обобщения не могут всецело базироваться на специальных исследованиях. Они требуют самостоятельной разработки и анализа источников, но должны включать и результаты дифференцированных исследований. Иначе не будет синтеза дифференцированного и обобщающего подходов, а следовательно, и взаимосвязанного анализа общего, особенного и единичного в историческом развитии.

Сложившаяся ситуация обусловила то, что в советской исторической науке стала усиливаться тенденция к интеграции. Основным ее выражением остается создание обобщающих трудов как по истории отдельных стран и регионов, так и особенно по отдельным аспектам исторического развития. Последний момент следует отметить особо, ибо он является новой чертой в процессе интеграции исторических исследований, свидетельствующей об их углублении. Новой формой обобщающих исторических исследований становится и коллективная монография.

Однако в целом в советской исторической науке в настоящее время, несмотря на усиление тенденции к интеграции, господствует дифференцированный, часто узкоспециализированный подход, и необходимо дальнейшее усиление интеграции. Суть проблемы состоит не просто в том, чтобы всячески выдвигать интеграцию на первый план. Необходимо учитывать сложный характер соотношения дифференциации и интеграции и особенности этого соотношения в современную эпоху. Историки, к сожалению, не уделяют должного внимания этому важному вопросу. Так, основные усилия

по преодолению издержек чрезмерной дифференциации исследований идут по линии борьбы с "мелкотемьем", а потребность в интеграции реализуется главным образом путем создания многотомных коллективных обобщающих трудов. Между тем, как показывает развитие других, прежде всего естественных, наук, отличительной чертой выдвижения на первый план интегративных тенденций является *синтез* обобщенного и специализированного подходов к изучению реальности. Сам процесс дифференциации исследований, который продолжает активно развиваться, все в большей мере идет интегральным путем. Новые направления исследований, превращающиеся в самостоятельные области наук или их направления, наиболее интенсивно и успешно развиваются на стыках наук или разных аспектов отдельных наук. Биофизика, биохимия, физическая химия, кибернетика, информатика, бионика, астробиология, космическая медицина – все эти и многие другие научные дисциплины и направления науки выражают собой, с одной стороны, процесс дифференциации научного познания, а с другой, – его интеграцию. Комплексные междисциплинарные исследования, все более широко входящие в практику современной науки, являются синтезом дифференциальной и интегральной сторон в научном познании.

Комплексные, интегральные исследования, основанные на реализации достижений специализированного, дифференцированного изучения реальности, имеют ряд уровней. Высшим является *общенаучный* уровень. Он связан с такими задачами научного познания, решение которых требует усилий всех наук либо многих наук разного профиля. К их числу относятся так называемые глобальные проблемы, т.е. явления действительности, затрагивающие интересы всего человечества. Такие из них, как, например, предотвращение термоядерной войны или экологическая, для решения требуют усилий буквально всех наук.

Растущая потребность в общенаучной интеграции – характерная черта развития современной науки. Этим обусловлено усиление взаимосвязи естественных, технических и обществоведческих наук, отражающее единство всех явлений объективного мира. Именно исходя из этого, К. Маркс указывал: "Сама история является *действительной* частью *истории природы*, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна* наука"[9]. Особенностью этой науки станет последовательный *историзм*. На это также обращали внимание К. Маркс и Ф. Энгельс. "Мы знаем, – писали они, – только одну единственную науку, науку истории"[10].

---

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 124.
[10] Там же. Т. 3. С. 16.

Разумеется, движение ко всеобщей интеграции науки и ее торжество в будущем никоим образом не устранят специализации научного познания, ибо объективному миру наряду с единством присуще и разнообразие. Поэтому только на основе самой глубокой дифференциации станет возможным высший синтез этого познания.

Другим уровнем интеграции являются *междисциплинарные исследования*, осуществляемые усилиями и методами ряда наук. Это могут быть науки как одного типа (естественные, обществоведческие, технические), так и разных типов. Например, биофизика или биохимия являются комплексными, интегральными дисциплинами, синтезирующими усилия наук одного типа, а экономико-географические исследования или инженерная психология основаны на науках разных типов.

Еще один уровень интеграции представляют *внутридисциплинарные* комплексные исследования. Они синтезируют разные аспекты исследований в пределах одной и той же науки.

Указанные уровни (или варианты, как их еще называют) синтеза научного познания являются общепризнанными в литературе по методологическим проблемам науки. Отметить эти уровни необходимо для того, чтобы яснее представить процесс интеграции в исторической науке. Она включена во все уровни интеграционных процессов. Но интеграция в исторической науке имеет свою специфику, состоящую, как было показано при рассмотрении места исторической науки в системе наук, в том, что историческая наука по внутреннему характеру является комплексной и интегральной. Во всех предметных аспектах исторические исследования в большей мере совпадают с предметами других общественных и гуманитарных наук. Поэтому историкам для выполнения исследований на должном уровне необходимо владеть методами соответствующих наук. Перед ними стоит задача углубления и повышения эффективности интеграции путем более квалифицированного использования идей и методов смежных наук.

Углубление междисциплинарного взаимопроникновения необходимо и приносит пользу не только исторической науке, но и другим, включенным в этот процесс наукам. Об этом свидетельствует усиление тенденции к интеграции с исторической наукой, тенденции, которая исходит от других общественно-гуманитарных наук и проявляется не только в давно сложившихся направлениях обществоведческих исследований (таких, например, как история литературы, экономической и политической мысли и др.), но и в сравнительно новых. К числу последних можно отнести конкретные историко-социологические, историко-психологические, этноисторические исследования, выполняемые не историками, а специалистами в соответствующих областях.

Имеет место в исторической науке и внутринаучная интеграция. Ее выражением являются, как указывалось, обобщающие общеис-

торические и проблемные труды, отличающиеся широкими пространственным и временны́м подходами. Но в последнее время обнаружился еще один путь, который ранее выражался слабо. Мы имеем в виду *межпроблемную* интеграцию, а именно совокупный анализ тесно связанных, смежных аспектов исторического развития. Ранее других было интегрировано изучение явлений экономических и социальных. Теперь в советской, да и вообще в марксистской историографии стало правилом совокупное изучение социально-экономического развития. Это – более высокий уровень по сравнению с раздельным анализом данных аспектов, ибо изучение охватывает весь базис. Утвердилось и совокупное исследование общественной мысли и общественного движения. Хотя и не очень интенсивно, но входит в практику сопряженное историческое изучение социально-политических, социально-культурных, социально-психологических явлений. Все это повышает уровень и значение исторических исследований.

Но главной задачей во внутриисторической интеграции является поиск путей и методов для такого выполнения узкоспециализированных исследований, которые позволили бы синтезировать их результаты в работах интегральных. Решению этой задачи во многом может способствовать применение математических методов.

Интеграция научного познания на всех уровнях протекает определенным образом, т. е. имеет свой внутренний механизм. Это, во-первых, перенос идей и посылок научного познания из одной области науки в другую, во-вторых, использование понятийно-категориального аппарата и методов одних областей знания другими. Иначе говоря, углубление исследований достигается за счет взаимообмена и синтеза достижений в познании различных (смежных и отдаленных) областей реальности. Но при интеграции может возникнуть и потребность в новых идеях, подходах и методах, что и породило общенаучные подходы и методы.

Однако, чтобы указанный механизм интеграции мог действовать, синтезируемые идеи, подходы, методы и понятийно-категориальный аппарат должны быть сводимы. Между тем даже в пределах одной науки в силу многообразия познаваемой реальности и разнообразия исследовательских задач и методов их решения такая сводимость затруднена. Для ее преодоления необходима *универсализация языка науки*, во-первых, и выработка *общенаучных и межпроблемных* (или *региональных*, как их чаще называют) *подходов и методов познания и соответствующего им понятийно-категориального аппарата*, во-вторых. Решение этих задач возможно лишь путем *абстрагирования и формализации*. Высшим же выражением абстрагирования и формализации, как известно, является *математизация* научных исследований.

В современной науке уже достигнуты, можно сказать, выдающиеся успехи в складывании новых общенаучных подходов и мето-

дов и соответствующего им понятийно-категориального аппарата. Наиболее важными из них в этом плане являются системный подход и структурный и функциональный анализы, вероятностный подход и математико-статистический анализ, модельный подход и математическое моделирование, многомерный подход и многомерный математический анализ, информационный подход и энтропийный анализ. Особо следует подчеркнуть фундаментальное значение системного подхода, ибо указанные и другие общенаучные подходы и методы в практическом применении чаще всего основываются на нем и выступают как конкретные методы структурного и функционального анализа, в которых реализуются принципы этого подхода.

Внутреннее тяготение системных методов анализа к математизации обусловлено тем, что всякая система (в данном случае имеются в виду общественные системы) представляет собой большую или меньшую совокупность составляющих ее элементов. Как сами эти элементы, так и присущие им признаки и связи могут быть основой измерения. Следовательно, имеется реальная возможность для применения количественных и математических методов и углубления анализа путем введения в него меры. Оно позволяет систематизировать и целостно выразить соотношение в исследуемой системе явления и сущности, содержания и формы, количества и качества.

Таковы внутренние факторы, определяющие все усиливающуюся потребность в математизации науки, в том числе и исторической.

Практической реализации этой потребности во многом содействуют успехи в развитии математики и электронной вычислительной и другой техники. Особенно важную роль здесь играют ЭВМ, ибо их появление не только создало мощное средство для математизации науки и развития самой математики, но и вообще радикально расширило возможности интеллектуальной деятельности как в науке, так и во всех других сферах человеческой практики. В общей оценке роли ЭВМ вполне правомерна следующая точка зрения: "Только два открытия можно поставить в один ряд с ЭВМ – это огонь и паровая машина"[11].

Но развитие математики, создавая условия для применения ее методов в науке, само в большой мере определяется потребностями науки и других сфер общественной практики. Ф. Энгельс указывал, что "философов толкала вперед отнюдь не одна только сила чистого мышления", а "главным образом мощное, все более быстрое и бурное развитие естествознания и промышленности"[12].

Сказанное вполне относится и к развитию математики в современную эпоху. Это развитие наряду с сохранением общенаучного характера математических методов сопровождается все большей

---

[11] *Моисеев Н.Н.* Математика ставит эксперимент. М., 1979. С. 19.
[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 285.

дифференциацией, приспособлением математических подходов и соответствующего аппарата к специфике различных областей научного познания. Все отчетливее обнаруживается и потребность разработки методов, учитывающих особенности такой сферы научного познания, как социальная реальность.

Таковы основные факторы, которые обусловливают все более отчетливые тенденции к математизации современных научных исследований и проявление этих тенденций в исторической науке. Как бы интегральным выражением этих факторов являются отмечаемые многими советскими специалистами по теории и методологии научного познания усиливающиеся *теоретизация* и *диалектизация* научного познания и возникновение на этой основе *нового стиля научного мышления*, отличающегося более широким и глубоким, сложным и строгим взглядом на объективную реальность и подходом к ее познанию. Все это еще пока не нашло в исторической науке столь четкого проявления, как в других науках, и не получило вполне ясного осознания. Но развитие исторической науки идет тем же путем, что и других наук. Поэтому, чем активнее историки будут учитывать новые тенденции в научном познании, тем больших успехов достигнет развитие исторической науки.

2. МЕСТО КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Первые опыты применения математических методов в изучении общественных (в том числе и исторических) явлений относятся у нас в стране и за рубежом к концу прошлого – началу нынешнего века[13]. Они были связаны главным образом с анализом социально-экономических явлений и обработкой статистических данных. Однако в первой половине XX в. это применение не получило заметного распространения, прежде всего в силу общего состояния обществоведческих исследований, а также из-за недостаточного развития прикладной математики и отсутствия мощной вычислительной техники, без которой невозможна обработка значительных объемов информации.

Современный этап применения математических методов в исторической науке начинается с рубежа 50–60-х годов. Примерно в течение десятилетия шла "разведка боем", когда выявлялись те сферы исторического развития, изучение которых может быть "математизировано", и тот математический аппарат, который может быть для этого использован. С 70-х годов началось все расширяющееся применение математических методов в исторической науке, которое охватывает все новые ее области и в котором используется все более широкий круг этих методов.

---

[13] См.: *Любович Н.* Статистический метод в применении к истории. Варшава, 1901.

С самого начала применения математических методов в исторической науке и до сих пор не прекращаются споры о его целесообразности, возможностях и пределах. Особенно острый характер такие споры приобрели в буржуазной историографии, где дискуссия идет по линии противопоставления описательных методов количественным.

Представители различных течений *субъективистской* методологии, отрицающей возможности объективного познания прошлого и поэтому ограничивающей задачи историка лишь субъективным воспроизведением того, "как это было", и оценкой событий прошлого с позиций исследователя, единственно правомерным методом исторических исследований считают описательный и выступают решительными противниками количественных методов. Они обосновывают непригодность количественных методов прежде всего тем, что присущее им абстрагирование от деталей и частных моментов якобы приводит к тому, что вместе с водой выплескивается и ребенок, ибо индивидуальные и неповторимые события будто бы и являются основным выражением общественной жизни, а в освещении их состоит главная задача исторических исследований. Субъективистами всячески подчеркивается отсутствие в исторических источниках количественных данных о многих явлениях и процессах и трудности их измерения.

Иной позиции придерживаются представители тех течений современной буржуазной методологии исторического познания, которые могут быть определены как структуралистские. Признавая в целом возможность объективного познания прошлого и выступая в этой связи против субъективизма в историческом познании, структуралисты, следуя давней традиции позитивизма, тем путем, который приводит к достижению этих целей, считают возможным применение в исторических исследованиях методов точных и естественных наук, и прежде всего математического моделирования. Поэтому они выступают решительными противниками описательных и сторонниками количественных методов, которые в конечном счете абсолютизируются.

В основе подобных подходов лежат принципиальные расхождения в понимании объективного содержания и сущности исторического развития, возможностей и задач исторической науки и основных путей и методов исторических исследований, т.е. различия в теории и методологии исторического познания.

Есть среди буржуазных историков и те, которые ищут пути к совмещению этих подходов и пытаются реально оценить каждый из двух методов. Однако, чтобы такое совмещение стало реальностью и было не механическим, а органическим, необходимы единые теория и методология исторического познания, допускающие такое совмещение. Поскольку такой теорией и методологией буржуазная историография не располагает, попытки совмещения не дают и не

могут дать удовлетворительного результата. Поэтому сторонники "примирения" описательных и количественных методов нередко подвергаются нареканиям со стороны и последовательных приверженцев и противников количественных методов.

Советские историки в своем отношении к описательным и количественным методам в целом исходят из признания правомерности и необходимости применения и тех и других и рационального их сочетания с учетом характера исследуемых объектов, данных исторических источников и исследовательских задач. Но единство общего взгляда не исключает споров и между советскими историками по поводу места и роли количественных методов в исторических исследованиях. Основа споров лежит в неверной трактовке одного из аспектов процесса познания общественных явлений. Речь идет о широко распространенном противопоставлении количественного и качественного анализа, настолько утвердившемся, что его разделяют даже некоторые специалисты в области теории и методологии научного познания[14]. Одна из причин этого коренится в нечеткости терминологии. Термин "качественный" (анализ, метод, подход) употребляется и в смысле раскрытия сущностно-содержательной, качественной природы явлений и в смысле описательной, естественно-языковой формы их характеристики. Несомненно, что термин "качественный" должен применяться лишь в первом смысле.

В итоге те из историков, кто стремится подчеркнуть ведущую роль сущностно-содержательного, качественного анализа и не замечает несостоятельности его противопоставления количественному анализу, хотя и не выступают прямо против применения количественных методов, но относятся к ним весьма осторожно.

Некоторые же из сторонников применения количественных методов в исторических исследованиях (главным образом из неспециалистов в области истории), также стоящие на позиции противопоставления количественного и качественного анализа, отождествляют последний с описательными методами. Подчеркивая несовершенство этих методов, они, с одной стороны, абсолютизируют количественные методы, а с другой – недооценивают определяющее значение содержательного исторического анализа, что не только снижает эффективность применения количественных методов, но и приводит к крупным ошибкам[15].

---

[14] Так, например, А.И Ракитов, касаясь применения математических методов в исторических исследованиях, ставит вопрос о том, какого рода новую историческую информацию, "не доступную прежним *качественным* методам исследования, могут дать *количественные* методы (клиометрия)"//Историческое познание. С. 297 (курсив мой. – *И.К.*).

[15] Напомним историю с попыткой некоторых математиков "самостоятельно" на основе разработанных ими методик пересмотреть некоторые важные вопросы истории античности. Этот пересмотр совершенно необоснован в силу его полной теоретико-методологической несостоятельности, обусловленной игнорированием

Однако противопоставление качественного (в смысле сущностно-содержательного) анализа количественному несостоятельно. Совершенно очевидно, что качественный анализ, имеющий целью раскрытие внутренней сути изучаемых явлений и процессов, является ведущим во всяком, в том числе и историческом, исследовании и при применении *любых* методов. Но качественный, сущностно-содержательный анализ, опирающийся на определенные теорию и методологию исторического познания, может быть осуществлен только при наличии той или иной информации, конкретных сведений об исследуемых явлениях и процессах. Эта информация может быть представлена, во-первых, и подвергаться обработке и анализу, во-вторых, в двух формах – *описательной* (повествовательной), естественно-языковой и *количественной*[16]. Поэтому всякий исторический анализ может быть либо *содержательно-описательным* (повествовательным), либо *содержательно-количественным*. Следовательно, неправомерно противопоставлять качественный и количественный анализ, как это часто делается. Можно сравнивать описательные и количественные методы выражения, обработки и анализа конкретно-исторических данных.

Всякая объективная общественная (в том числе и историческая) реальность представляет собой совокупное сочетание явления и сущности, формы и содержания, количества и качества, что должно быть учтено и раскрыто в процессе научного познания. Главная задача научного познания, как хорошо известно, состоит в выявлении сущностно-содержательной, качественной определенности объекта познания. Эта определенность раскрывается в результате теоретического сущностно-содержательного анализа, который и является качественным анализом. Высший его уровень выражается в построении теоретической сущностно-содержательной модели объекта. Она может быть как абстрактно, так и конкретно-теоретической.

Сущностно-содержательный анализ всегда ведется в естественно-языковой, описательной форме. Тот, например, факт, что для феодального способа производства характерна личная зависимость крестьянина от феодала, а при капитализме рабочий является лично свободным продавцом своей рабочей силы, а также обстоятельства, обуславливающие эти различия, могут быть выражены лишь

качественного, сущностно-содержательного подхода. Об этом см.: *Голубцова Е.С., Кошеленко Г.А.* История древнего мира и “новые методики” // Вопросы истории. 1982. № 8; *Голубцова Е.С., Завенягин Ю.А.* Еще раз о “новых методиках” и хронологии древнего мира // Там же. 1983. № 12; *Клименков Е.Я.* Об истолковании так называемого династического параллелизма // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985.

[16] Данные вещественных и изобразительных (натурально-изобразительных, художественно-изобразительных и графически-изобразительных) источников для их исторического анализа должны быть переведены в описательную или количественную форму.

описательно. Сущностно-содержательный анализ может базироваться как на описательных, естественно-языковых, так и на количественных методах выражения, обработки и анализа конкретных данных, т.е. они являются равновозможными методами. Но внутреннее содержание, сущность и качественная определенность объекта в реальности не лежат на поверхности и не проявляются непосредственно. Непосредственно улавливаемым их выражением выступают явление и форма. Эти последние вполне могут быть представлены описательно. Более того, описательная их характеристика нередко предстает более полной и яркой, чем количественная.

Но процесс познания объекта нельзя считать полным до тех пор, пока не будет выявлено соотношение количества и качества, т.е. установлена *мера*, раскрывающая их единство. Здесь описательные методы оказываются бессильными, и задача решается лишь количественными методами, разумеется, если оказывается возможным их применение.

Проиллюстрируем это на конкретном историческом примере. Хорошо известно, какую важную роль в революции 1905–1907 гг. играло крестьянское движение. Среди разнообразных форм борьбы крестьянства видное место занимало и так называемое приговорное движение, представлявшее собой определенное историческое событие, которое может быть самостоятельным объектом для исторического исследования. Как *явление* это событие выражалось в том, что крестьяне на мирских сходках принимали определенные решения, оформляли их в виде документа и направляли в различные инстанции (прежде всего в Государственную думу). *Сущность* данного явления, как показывает изучение приговоров[17], состояла в том, что крестьяне, говоря в целом, требовали таких изменений системы аграрных и других отношений, которые бы улучшали положение крестьян в экономическом, правовом и политическом отношениях, во-первых, и вели к общей демократизации общественного строя страны, во-вторых.

Приговорное движение как историческое явление имело содержание и форму. *Содержание* приговорного движения выражалось в том, что крестьяне пытались убедить инстанции, в которые они обращались, в необходимости соответствующих преобразований. Эта необходимость обосновывалась тем или иным анализом состояния деревни и общим положением дел в стране, сопровождалась раскрытием системы мер, которые могут привести к улучшению положения, оценкой методов их проведения и т.д. Приговорное движение протекало в определенных *формах*, имело внутренний механизм, включав-

---

[17] Приговорное движение крестьян характеризуется во многих исследованиях по истории революции 1905–1907 гг. Есть и работы, специально посвященные его изучению. См.: *Нильве А.И.* Приговоры и наказы крестьян во II Государственную думу // История СССР. 1975. № 5.

ший процедуру выработки и оформления приговоров, их доведения до адресатов и последующей реакции крестьян на результаты.

Анализ всех этих аспектов приговорного движения велся и ведется описательными методами, которые вполне позволяют познать это историческое событие не только на эмпирическом, но и на теоретическом уровне. Однако доведение этого познания до логического завершения требует и его интегральной оценки как качественной определенности в общем ходе классовой борьбы крестьянства в период революции. Эта оценка должна состоять в раскрытии той стороны сущности этого явления, которая отличает его от других событий подобного типа, т.е. от других проявлений борьбы крестьян.

Понятно, что и эту задачу можно пытаться решить описательными методами, что и делали историки. Но оказалось, что такой путь не дает убедительного ответа. В оценке приговорного движения как одной из форм борьбы крестьянства в революции мнения исследователей разошлись. Одни относят его к высшим формам этой борьбы, связанным с пробуждением в крестьянстве определенного политического сознания. Другие, наоборот, считают приговорное движение пассивной формой борьбы крестьян, поскольку они апеллировали к верхам, что якобы отражает их политическую бессознательность.

Решение вопроса затрудняется еще одним моментом. В период революции в деревне вели работу различные политические партии, между которыми шла острая борьба за крестьянство. Поэтому вполне допустимо предположение, что в приговорах крестьян отразилось воздействие на крестьян представителей этих партий. Предельным выводом из этого явилось мнение о том, что приговоры вообще отражают представления и требования не самих крестьян, а политических партий.

Разрешить этот спор, а следовательно, и раскрыть качественную определенность приговорного движения, можно только, во-первых, путем сравнения положения крестьян и всех форм их борьбы в селениях, где были приняты приговоры и где эта форма крестьянского движения отсутствовала, и, во-вторых, путем непосредственного анализа характера крестьянского самосознания, т.е. их идеологии и социальной психологии, в селениях с приговорным движением. Ни первую, ни вторую задачу решать описательными методами не представляется возможным. Необходимо применение количественных и математических методов.

Попытка решения этих задач на основе применения количественных методов была предпринята О.Г. Буховцом. По данным Самарской губернии (а затем и Воронежской)[18], им было проведено

---

[18] *Буховец О.Г.* К методике изучения "приговорного" движения и его роли в борьбе крестьянства в 1905–1907 годах: (По материалам Самарской губернии) // История СССР. 1979. № 3. См. также: *Буховец О.Г.* Массовые источники по общественному сознанию российского крестьянства: (Опыт применения контент-анализа при изучении приговоров и наказов 1905–1907 гг.) // История СССР. 1986. № 4.

сопоставление количественных данных о положении крестьян и формах их борьбы в селениях с приговорным движением и без него. В итоге было установлено, что селения с приговорным движением в целом по обеспеченности крестьян землей (а это – главный фактор, определявший положение крестьян) находились в лучшем положении, чем селения, в которых борьба крестьян не сопровождалась принятием приговоров. Далее выяснилось, что в селениях, принявших приговоры, борьба крестьян в других ее формах имела более широкий общий размах и велась более активно, чем в селениях с крестьянским движением без приговоров.

В целом анализ на основе системы количественных данных и при простейшей их обработке показал, что принятие приговоров имело место прежде всего там, где классовая борьба крестьян была более активной. Это – важный аргумент в пользу того, что приговорное движение по качественной природе относится к наиболее высоким формам борьбы крестьянства.

Вопрос о том, как при посредстве математических методов можно анализировать общественное сознание крестьянства, будет рассмотрен ниже.

В данном случае важно отметить, что исследование того или иного исторического явления для логического завершения в плане его раскрытия как органического сочетания явления и сущности, содержания и формы, количества и качества требует обращения к количественным и математическим методам.

Как видим, описательные (повествовательные) и количественные методы всегда выступают в том или ином единстве и лишь один из них может играть ведущую роль.

Описательно-повествовательные методы – основная форма исторического анализа. И не потому, что многие явления общественной жизни в настоящее время не поддаются измерению, а большинство источников нарративные, как отмечают сторонники этих методов. Возможности измерения, в том числе и на основе описательных характеристик, исторических объектов, будут расширяться по мере развития науки. Но даже если когда-либо все в историческом развитии окажется возможным измерить, качественный анализ этого развития останется описательным, будет базироваться на сущностно-содержательных понятиях и категориях, выраженных в естественно-языковой форме. Эти категории, несмотря на кажущееся всемогущество математики и ее интенсивный прогресс, не могут быть заменены ее понятиями и языком. Сложность явлений общественной жизни такова, что в системе понятий и категорий они могут быть адекватно отражены лишь в естественно-языковой форме, потому что реально и действенно сознание, как мы уже отметили, проявляется лишь в языке – материальной форме мысли и средстве человеческого общения[19], чего не в состоянии заменить никакие ис-

[19] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 29.

кусственные языки (в том числе и математический), сколь бы совершенными они ни были. Сила этих языков состоит в их логической строгости, однозначности понятий. Но именно поэтому они и не могут отразить всего многообразия общественных явлений. Естественный язык при всей неоднозначности и подвижности его понятий более адекватно отражает эти явления. Поэтому хотя "язык абстрактных количественных понятий математики подобно естественному языку не только выражает мысль, но и способствует самому процессу мышления", он может лишь "в чем-то дополнять и уточнять естественный язык, содействовать более точному и эффективному познанию действительности"[20]. Уже в силу одного этого неправомерно ожидать не только возникновения некоей новой науки, "математической истории", как полагают некоторые сторонники количественных методов из числа буржуазных ученых, но и даже выделения особой дисциплины в пределах исторической науки, что допускают в ряде случаев и советские исследователи.

Наконец, следует учитывать, что, несмотря на необходимость и неизбежность все более широкого распространения количественных методов в исторических исследованиях, никогда не будет потребности в том, чтобы все в историческом развитии было измерено и выражено количественно. Среди многообразных социальных функций исторической науки есть и такие, которые наиболее эффективно могут быть выполнены именно на основе описательных (повествовательных) методов. Одной из них является функция просветительски-воспитательная.

Сильными сторонами описательных методов является их универсальность и доступность, конкретность и яркость. Но диалектика такова, что в их силе заключена и их слабость. Она состоит в следующем. Ввиду сложности формирования описательными методами системы представительных фактов, особенно в тех случаях, когда изучаются массовые исторические явления и процессы, они могут приводить либо к иллюстративности, либо к фактографизму. В первом случае это может породить бездоказательность наблюдений и выводов, а во втором – смешение главного и второстепенного, типичного и случайного.

Далее, позволяя установить те или иные признаки и свойства рассматриваемых объектов, описательный анализ не показывает их меры. Допуская же возможность выявления взаимосвязей тех или иных явлений или черт и свойств определенных объектов, он не измеряет ее тесноты и силы воздействия одних факторов на другие.

По указанным причинам описательные методы анализа в тех случаях, когда необходимо оценить масштабы, удельный вес и уровень развития, а также степень сходства и различия, тесноту взаимосвязи и взаимодействия тех или иных объектов, явлений и процессов

---

[20] *Рузавин Г.И.* Математизация научного знания. М., 1984. С. 151–152.

или их черт и свойств, обрекают исследователей на неточные, весьма приблизительные и даже неопределенные оценки типа “больше – меньше”, “сильно – слабо”, “существенно – несущественно” и т.д., т.е. не дают возможности выявить количественную меру соответствующих качеств.

Указанная ограниченность описательно-повествовательных методов неизбежно порождает и соответствующий тип исторического мышления. Его отличительные черты – бóльшая или меньшая неопределенность заключений, которые ограничивают возможности получения из них выводного знания.

Наконец, универсальность и кажущаяся доступность описательных методов являются одной из причин того, что историки не уделяют должного внимания совершенствованию методов своей науки, овладению методами других наук и ознакомлению с состоянием познавательного арсенала науки в целом.

Таково место описательных методов в исторических исследованиях и их соотношение с количественными методами.

Рассмотрим теперь конкретнее вопрос о том, какое место занимают в исторических исследованиях *количественные* методы.

Прежде всего напомним еще раз, что сущность количественного анализа состоит не просто в использовании в исследовании тех или иных количественных данных, как нередко полагают. Те или иные количественные показатели могут вводиться и в описательный анализ. *Количественный анализ* – это выявление и формирование системы численных характеристик изучаемых объектов, явлений и процессов, которые, будучи подвергнуты определенной математической обработке, создают основу для сущностно-содержательного анализа, приводящего к раскрытию количественной меры соответствующего качества.

Поэтому, когда задают вопрос о том, какую новую историческую информацию дают количественные методы по сравнению с повествовательными, забывают о том, что это прежде всего существенно различные способы выражения информации об объективном мире. Но математическая обработка и анализ исходных количественных данных дают и *новую информацию*, которая этими данными непосредственно не выражается и логически-описательными методами не может быть получена. Основное преимущество количественных методов по сравнению с описательными состоит в том, что количественный анализ позволяет установить абсолютную и относительную меру рассматриваемых черт и свойств объектов и явлений и выявить интенсивность их проявления, т.е. он предоставляет возможность преодолеть основную ограниченность описательного анализа.

Теоретически количественные методы могут быть применены при изучении любых явлений и процессов объективной реальности,

в том числе и исторической, так как всякому качеству присуще определенное количество. Однако, как отмечалось, практически применение этих методов становится необходимым и возможным лишь на известной стадии изучения явлений и процессов исторического развития. Какая же это стадия? Что конкретно свидетельствует о наступлении момента, когда можно переходить к количественному анализу?

В общем виде ответ состоит в том, что переход к количественным и математическим методам может произойти с момента, когда становится возможным измерение признаков изучаемых явлений и процессов и тем самым удается получить систему необходимых количественных показателей. Но дело в том, что и проведение измерения, когда исторические источники являются нарративными, и формирование системы представительных количественных данных, когда источники содержат численные значения признаков, оказываются практически возможными и допустимыми лишь при условии, если знания об изучаемых явлениях и процессах имеют *теоретический* характер. Конкретно это выражается в том, что сущностно-содержательный анализ раскрывает *качественную определенность* этих явлений и процессов.

К. Маркс указывал, что "различные вещи становятся количественно сравнимыми лишь после того, как они сведены к одному и тому же единству. Только как выражения одного и того же единства они являются одноименными, а следовательно, соизмеримыми"[21]. Поэтому "самая большая трудность при математизации знания состоит в том, чтобы выявить качественную однородность тех или иных классов явлений и тем самым показать, что они могут быть количественно сравнимыми"[22]. Качественная же однородность или однотипность явлений может быть раскрыта только на теоретическом уровне познания исследуемых явлений и процессов.

Как видим, "математизация, таким образом, будет эффективной только тогда, когда математизируемая наука (или какие-то ее направления. – *И.К.*) будет достаточно зрелой, обладающей сложившимся концептуальным аппаратом, т.е. в ней должны быть установлены на качественном уровне наиболее важные понятия, гипотезы, обобщения и законы"[23].

В этой связи никак нельзя одобрить порой выражающееся со стороны клиометристов, особенно начинающих, нигилистическое отношение к тому, что́ было сделано в изучении тех или иных исторических явлений и процессов их предшественниками, которые опирались на описательные методы или использовали количественные данные без их специальной математической обработки и анализа.

---

[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 58–59.
[22] *Рузавин Г.И.* Указ. соч. С. 189.
[23] Там же. С. 191.

Если бы предшественники клиометристов не довели исследования до уровня, допускающего переход к математическим методам, применение последних было бы невозможно. В плане же морально-этическом следует помнить, что наука, как известно, тем и хороша, что в ней никому не дано сказать последнее слово.

Из указанного ясно и то, почему многие историки не понимают необходимости применения количественных методов и не испытывают практической потребности в их использовании. Это результат того, что области исторических исследований, входящие в круг интересов этих ученых, еще "не доросли" до математизации. То, что таких областей слишком много, – неизбежный результат широкого распространения эмпиризма в исторических исследованиях. Его прежде всего и надо преодолевать для успешного применения в исторических исследованиях математических методов.

Количественные и математические методы могут применяться в научных исследованиях для решения различных задач, которые можно свести к трем типам. Их еще называют формами математизации[24].

Первый тип задач состоит в численном выражении изучаемой реальности для выявления количественной меры и границ, соответствующих качеств. Примером подобной задачи может служить выявление В.И. Лениным границ между качественно отличными в социальном отношении слоями крестьянства в эпоху капитализма, а именно: между хозяйством сельского пролетария и собственно крестьянина, с одной стороны, и собственно крестьянина и крестьянина-капиталиста, с другой. Сущностно-содержательным критерием для выявления этих границ было взято соотношение собственного труда в своем хозяйстве и купли-продажи рабочей силы. Исходя из этого, В.И. Ленин, как указывалось, определил количественные границы, разделяющие эти качественно отличные типы крестьянских хозяйств. К пролетарским В.И. Ленин относил хозяйства, в которых большинство населения "является наемными рабочими", к крестьянским – хозяйства, в которых "число семейных рабочих больше числа наемных", а к капиталистическим – хозяйства, в которых "число наемных рабочих больше числа семейных"[25].

Как видим, в основе решения важной и сложной социально-экономической проблемы лежит сущностно-содержательный анализ. Уровень его таков, что он делает необходимым обращение к мере, синтезирующей соотношение качества и количества. Сама же эта мера в математическом отношении оказалась простейшей. В других случаях количественное выражение качественной сущности явлений и ее границ может потребовать и более сложных математических методов. Но в данном случае мы имеем дело с ярким примером

---

[24] Там же. С. 192.

[25] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 329.

того, что исследовательский эффект применения количественных и математических методов не зависит непосредственно от сложности этих методов.

Второй тип задач, решаемых математическими методами, состоит в построении формально-количественных, математических моделей исследуемых явлений и процессов. Это – основной путь или форма математизации научного познания. Моделирование представляет более высокий уровень математизации научных исследований, чем только что рассмотренный. О методологических проблемах моделирования исторических явлений и процессов будет идти речь особо. Будут приведены и примеры построения таких моделей. Отметим лишь, что моделирование, как правило, связано с системным подходом к изучению явлений и процессов и имеет целью провести анализ структур и функций систем. Сами эти системы и их модели могут быть различной сложности – от моделей отдельных явлений до моделей процессов, охватывающих обширные области объективной реальности.

Третий тип задач связан с применением математических методов для построения новых и выражения и анализа существующих научных теорий, т.е. с формализацией основных итогов самого научного знания.

Существует большой круг явлений и процессов, изучение которых на данном этапе развития исторической науки может быть эффективным лишь при использовании количественных и математических методов.

Прежде всего применение математических методов необходимо для выявления закономерного, внутренне обусловленного характера исторического развития. Как указывалось, закономерность исторического развития в силу сложного сочетания в нем объективного и субъективного, чаще всего имеет стохастический, вероятностный характер. "Правило, – указывал К. Маркс, – может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос только как слепо действующий закон средних чисел"[26].

Очевидно, что эти законы и тенденции могут быть выявлены и выражены лишь математическими, статистически-вероятностными методами.

Хотя функциональная зависимость в историческом развитии имеет место не столь уж часто, в определенных случаях "понятия порядок, закономерность и т.п. могут быть выражены при известных условиях математически определенным функциональным соотношением"[27]. Это относится прежде всего к изучению динамики исторического развития. Об этом прямо писал К. Маркс: "Я неоднократно пытался – для анализа кризисов – вычислить эти up and

---

[26] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 112.
[27] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 164.

downs (повышения и понижения. – *Ред.*) как неправильные кривые и думал (да и теперь еще думаю, что с достаточно проверенным материалом это возможно) математически вывести из этого главные законы кризисов"[28].

Математические методы необходимы не только для раскрытия закономерностей исторического развития, которые проявляются в массовых процессах, но и для получения итоговых результатов тех отдельных событий, которые складываются из действий определенной совокупности индивидуумов, преследующих свои цели. В этой связи еще раз напомним указание Ф. Энгельса, что в историческом развитии "конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных воль, причем каждая из этих воль становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие"[29]. Такой характер имеют, например, многие политические и другие общественные события (акты классовой и революционной борьбы, избирательные и другие кампании, всякого рода коллективно принятые предложения и решения и т.п.), военные операции и другие явления. Поэтому и их изучение описательными методами, как правило, не обходится без привлечения тех или иных количественных данных. Всестороннее же постижение их сути невозможно без применения количественных и математических методов.

Совокупность явлений общественной жизни представляет собой сложное сочетание разного рода систем. Из этого вытекает потребность в системном подходе и в изучении структур и функций этих систем. Решение задачи требует прежде всего выявления внутрисистемных и межсистемных взаимосвязей. Изучение взаимосвязей вообще является, можно сказать, главной задачей исторических (да и всяких других) исследований, ибо без этого нельзя раскрыть закономерности, движущие силы, общее и особенное в историческом развитии. При системном подходе это изучение не может быть сколько-нибудь глубоким без применения математических методов.

Далее, многообразная совокупность исторических событий, несмотря на всю их индивидуальность, состоит из событий определенных классов и типов. Так же обстоит дело и с историческими процессами. Все это требует при изучении исторического развития типологической классификации событий, систем и процессов. Типологическая классификация неизбежно должна быть многомерной. Осуществить же многомерную классификацию описательными методами весьма затруднительно, а чаще всего вообще невозможно.

---

[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 72.
[29] Там же. Т. 37. С. 395.

Адекватное решение подобных задач требует применения методов многомерных количественного и математического анализов.

Историческое развитие является внутренне обусловленным и детерминированным. В нем фигурирует множество причин и следствий. Однако при всем их многообразии, сложности, а нередко и случайности проявления, роль различных факторов и причин неодинакова. Поэтому важнейшая задача исторических исследований состоит в выявлении основных факторов, определявших сущность тех или иных явлений и процессов и их развитие, и в раскрытии их сравнительной роли и степени воздействия на то или иное состояние исторических объектов и результат их функционирования. Если сами эти факторы могут быть выявлены сущностно-содержательным анализом и на основе описательных методов, то их сравнительную роль и удельный вес позволяют установить лишь математические методы.

Как видим, во всех аспектах исторического развития, когда оно так или иначе предстает как проявление массового, возникает потребность в применении количественных и математических методов. Но эти методы могут потребоваться и при изучении явлений индивидуальных. Под ними следует понимать результаты деятельности отдельной личности. Личность выступает и в явлениях и процессах массовых, но здесь она оказывается лишь одной из множества перекрещивающихся сил, одной из небольших частиц той равнодействующей, которая выражает результат. В индивидуальных же явлениях роль отдельной личности имеет решающее значение. Разумеется, и в этих случаях личность испытывает воздействие других индивидуумов. Но это воздействие сказывается на результате, если вообще сказывается, лишь опосредованно, через представления, устремление, цели и волю личности, творящей событие. Индивидуальные события широко распространены в политической и особенно в духовной сферах человеческой деятельности.

Основными при изучении индивидуальных событий являются описательные методы. Но в целом ряде случаев они оказываются недостаточными. Это – прежде всего те случаи, когда необходимо выявить суть противоречивых взглядов, предложений и требований, а также непроявляющуюся отчетливо их эволюцию, и тем более сравнить в подобных случаях позиции разных деятелей. Математические методы могут быть более эффективными по сравнению с описательными и при оценке принятых решений и проводимой политики, когда существовали реальные (а не привнесенные историком) альтернативные возможности.

Таков основной круг задач, решение которых требует применения количественных и математических методов, если подходить к этим задачам онтологически, т.е. исходя из исторической действительности.

Другие проблемы, требующие для своего решения математических методов, – это собственно исследовательские, т.е. гносеологи-

ческие, проблемы. Круг их также обширен. Отметим наиболее существенные из них.

Прежде всего применение математических методов может быть эффективным при проверке достоверности сведений исторических источников, как массовых, так и индивидуальных, и выраженных как в количественной, так и описательной форме. Эти методы необходимы также для повышения информативной отдачи источников. И проверка достоверности данных источников, и повышение их информативной отдачи являются, как было показано, центральными в источниковедении.

Другая важная проблема касается формирования представительной системы фактов. Проблема эта особенно сложна в тех случаях, когда историк обращается к большим массивам данных, охватывающих всю обширную совокупность (ее в статистике называют генеральной совокупностью) исследуемых объектов. Сплошная обработка этих данных затруднительна и чаще всего нецелесообразна. Для формирования же репрезентативной выборки данных необходимо обращение к выборочному методу, хорошо разработанному в математической статистике. Математические методы могут помочь историку и в определении представительности так называемых естественных выборок, т.е. совокупности данных, объем которых не может быть изменен.

Еще одна проблема возникает в связи с тем, что многие источники содержат данные об очень большом числе признаков, характеризующих исследуемые процессы. Выявлению наиболее существенных из этих признаков для решения поставленной исследовательской задачи могут помочь математические методы. Когда выделить наиболее существенные признаки оказывается затруднительным или когда отбор части признаков ведет к значительным потерям информации, возникает потребность в "сжатии" информации, т. е. в переходе к меньшему числу интегральных признаков, полученных на основе всей их исходной совокупности. Такая задача также может быть решена лишь математическими методами.

Нередко при изучении исторических явлений и процессов на основе совокупности признаков возникает потребность в получении одного интегрального показателя, характеризующего общее состояние или уровень их развития. Здесь тоже необходимы математические методы.

Можно назвать и другие методологические и методические задачи, в решении которых трудно или невозможно обойтись без количественных и математических методов и ЭВМ. Кстати об ЭВМ. Уже прошли те времена, когда компьютеры рассматривались лишь как большие автоматизированные счеты. Впрочем и эту их роль нельзя недооценивать, ибо широкое применение математических методов, как правило, связано с выполнением большого объема вычислений и поэтому невозможно без ЭВМ.

Но, как известно, современные ЭВМ – это мощное средство расширения интеллектуальных возможностей человека, точнее говоря, повышения эффективности и производительности интеллектуального труда. Во-первых, ЭВМ как бы расширяет человеческую память, ибо создание машинных банков научной (в том числе и исторической) информации освобождает ученого от необходимости держать в памяти огромный объем активных и пассивных конкретно-научных данных и затрачивать основное время на их поиск и фиксирование. Во-вторых, ЭВМ точнее и надежнее человека выполняют многие трудоемкие поисково-информационные и другие технические исследовательские процедуры. В-третьих, ЭВМ, работая в режиме человеко-машинного диалога, необыкновенно расширяют возможности научного поиска – основы всякого исследования.

Наконец, математические методы содействуют уточнению понятийного аппарата исторической науки и позволяют в определенной мере унифицировать ее язык, что облегчает включение исторических исследований в общий процесс интеграции научного познания.

Все это будет, как отмечалось, содействовать и решению такой важной задачи, как выполнение дифференцированных, узкоспециализированных исторических исследований таким образом, чтобы они были сводимы и их результаты могли включаться во внутридисциплинарные комплексные исследования.

Таким образом, существует обширный круг исторических задач, которые могут быть эффективно решены лишь на основе применения математических методов и ЭВМ. Существует и достаточно мощный математический аппарат, который уже сейчас позволяет решать эти задачи.

Эффективность и мощность количественных и математических методов не делает их универсальным средством исторических исследований. Во-первых, как было показано, эти методы не могут заменить методов описательных. Во-вторых, существуют пределы их эффективного применения, обусловленные спецификой объекта исторического познания, достигнутым уровнем развития и исторического и математического знаний.

Применение математических методов в историческом и любом другом исследованиях становится возможным после того, как сформирована система количественных данных, характеризующих исследуемую реальность с точки зрения поставленной задачи. Но для получения этой системы данных исторические явления и процессы должны быть измерены, т.е. выражены в тех или иных численных значениях. Измерение же очень многих исторических явлений сопряжено с большими трудностями.

Далее, далеко не все имеющиеся математические методы могут быть применены в исследовании исторических явлений. При всей универсальности математических методов большинство из них рас-

считано на анализ явлений естественных, и поэтому не все они могут адекватно отражать явления общественные. Математические же методы, специально предназначенные для анализа последних, стали разрабатываться лишь в последнее время. Это также ограничивает возможности математизации исторических исследований.

Понятно, что по мере развития науки возможности измерения общественных явлений и математической обработки и анализа его результатов будут расширяться. Но вместе с тем будут возникать и новые исследовательские задачи, для решения которых необходимы новые методы.

Масштабы и глубина математизации общественно-гуманитарных наук ограничиваются и самой спецификой математического знания. Она состоит в его аксиоматическом характере: в основе знания лежит система принятых без доказательств положений, из которых логически выводятся все основные утверждения. Построить по такому принципу обществознание, т.е. свести все совокупности этого знания к некоей системе аксиом, из которых можно выводить все основные заключения, невозможно. Основное препятствие – сложность объекта познания. Именно поэтому математизация общественно-гуманитарных наук пока еще не вышла на уровень формализованно-математического выражения его итогов, т.е. его теорий, гипотез, понятий и категорий.

Таким образом, математические методы в исторических исследованиях (да и не только исторических) имеют свою сферу эффективного применения и пределы этого применения, ограничиваемые как целями исследований и их научным уровнем, так и возможностями и спецификой математического знания.

Из всего сказанного о сущности и месте количественных и математических методов в исторической науке со всей очевидностью вытекает, что применение этих методов не может быть успешным без пристального внимания к теоретическим и особенно методологическим и логическим проблемам исторических исследований. Разработка этих проблем не только и даже не столько представляет интерес в собственно гносеологическом плане, сколько имеет большое практическое значение. Лишь высокий уровень теоретико-методологического подхода и широкая профессионально-историческая подготовка могут обеспечить советским клиометристам возможность углубления исторических исследований и позволят избежать ошибок.

В этой связи уместно привести образное высказывание крупного английского естествоиспытателя Т. Хаксли: “Математика, подобно жернову, перемалывает то, что под него засыплют, и как, засыпав лебеду, вы не получите пшеничной муки, так, исписав целые страницы формулами, вы не получите истины из ложных предположений”[30].

---

[30] Цит. по: *Рузавин Г.И.* Указ. соч. С. 201.

Таким образом, все этапы применения математических методов в исторической науке, начиная с постановки исследовательской задачи и оценки возможности решения ее этими методами и кончая интерпретацией результатов математической обработки и анализа конкретных данных и формулированием выводов, должны основываться на ясных теоретико-методологическом и логическом подходах. Недооценка этих подходов и отсутствие адекватной исторической реальности теории и методологии исторического познания – причина общей ограниченности тех итогов, а нередко и их ошибочности, которые характерны для применения математических методов в буржуазной исторической науке. Но следует иметь в виду, что неоспоримое превосходство марксистской теории и методологии исторического познания над всеми другими само по себе не гарантирует успеха в применении математических методов историками-марксистами. Это применение должно быть правильным и умелым, и не только в общем теоретико-методологическом аспекте, но и в плане решения целого ряда специальных методологических и методических проблем, непосредственно связанных с математическими методами исследования.

Это обусловливает необходимость специальной подготовки историков, применяющих количественные и математические методы. Распространено представление, что эта подготовка сводится главным образом или почти исключительно к той или иной степени овладения математическими знаниями. Безусловно, они необходимы. Здесь от историка прежде всего требуется понимание логической сути математических методов. Без этого нельзя решить вопрос о том, какие из методов следует применить при изучении тех или иных явлений и решении той или иной задачи, а также нельзя содержательно-исторически интерпретировать результаты математической обработки и анализа конкретно-исторических данных.

Что же касается методически-технической стороны применения математических методов, то овладение ею необходимо в той мере, в какой историк самостоятельно выполняет соответствующие подсчеты и другие процедуры, связанные с обработкой данных.

Для современного этапа применения математических методов в исторических исследованиях, как и в других областях науки, характерна совместная работа историков и математиков в одних научных коллективах (группах и лабораториях, секторах и кафедрах и т.д.). Это – реальное выражение развития комплексности в исторических исследованиях. Как показывает имеющийся опыт, такая форма сотрудничества обеспечивает наиболее эффективное применение математических методов в исторической науке и ей принадлежит будущее. Естественным следствием органического слияния усилий историков и математиков являются их совместные научные публикации, которые все более широко распространяются.

Очевидно, что для успешной совместной работы не только историк должен обладать определенной математической подготовкой, но и математик – исторической. И, как выясняется, основная сложность состоит не в том, что историк должен овладеть определенными конкретными математическими, а математик – историческими знаниями как таковыми. Как правило, это оказывается вполне посильным для тех и других. Но кроме этого каждый из них, оставаясь специалистом в своей области, должен овладеть новым стилем научного мышления: историк – математического, а математик – исторического. В этом и состоит главная трудность. Историку легче понять логическую суть, к примеру, корреляционного, регрессионного анализа или других математических методов и даже овладеть техникой вычислений, доступных для "ручного" исполнения, чем мыслить формально-логическими, математическими категориями и переводить на их язык суть исторических явлений и процессов, с одной стороны, и видеть за математическими результатами обработки конкретно-исторических данных историческое содержание этих результатов, с другой. Точно так же и математику проще усвоить конкретные выражения хода исторического развития, чем понять его внутреннюю суть, которая и должна быть адекватно раскрыта математическими методами, для чего их абстрактная форма должна быть наполнена определенным историческим содержанием.

Следовательно, взаимопроникновение, синтез конкретно-содержательного, гуманитарного и формально-логического, математического подходов – вот тот узел, искусство *завязывания* которого при прочих равных условиях обеспечивает успех в применении математических методов в исторических исследованиях. Овладеть этим искусством – важнейшая задача и историков и математиков. Просчеты именно в этом звене нередко снижают эффективность и даже приводят к ошибкам в применении математических методов в исторических исследованиях.

В связи с указанным очевидна несостоятельность бытующего мнения о том, что якобы самостоятельными усилиями математиков можно добиться радикального прорыва на фронте исторических исследований. Попытки реализации таких представлений, предпринимающиеся время от времени, могут принести, как указывалось, лишь вред применению математических методов в исторических, да и всяких других исследованиях.

Таковы некоторые наиболее общие методологические проблемы, которые представлялось необходимым отметить в связи с выявлением места количественных и математических методов в исторических исследованиях.

Глава 8

ФОРМАЛИЗАЦИЯ И ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Применение количественных и математических методов при изучении любых явлений объективной реальности требует их измерения. Измерение представляет собой сложную исследовательскую процедуру. Особенно сложным является измерение социальных, в том числе и исторических явлений и процессов, поскольку присущие им многообразие свойств, связей и тенденций развития определяются не только объективными, но и субъективными факторами.

В настоящей главе не ставится цель детального рассмотрения проблем измерения общественных и исторических явлений. Гносеологические, методологические и методические проблемы измерения общественных явлений характеризуются в специальной литературе[1]. Поэтому следует остановиться прежде всего на тех проблемах измерения общественных явлений, которые возникают в практике исторических исследований и еще не привлекли должного внимания историков.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ И ИЗМЕРЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ

Измерение в широком смысле – это способ установления отношений между объектами (их свойствами, связями, тенденциями развития и т.д.). Суть его состоит в том, что информация об этих отношениях выражается в определенных численных показателях.

Как указывалось, всякое измерение возможно лишь тогда, когда установлена качественная однородность сопоставляемых объек-

---

[1] См., например: *Маликов И.Ф.* Основы метрологии. Ч. I. Учение об измерении. М., 1949; Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации. М., 1968; *Мельников О.А.* О роли измерений в процессе познания. Новосибирск, 1968; *Волович В.Н.* Надежность информации в социологическом исследовании: Проблемы методологии и методики. Киев, 1974; Экономическая информация: Методологические проблемы. М., 1974; *Суслов И.П.* Теория статистических показателей. М., 1975; *Он же.* Основы теории достоверности статистических показателей. Новосибирск, 1979; Методы анализа, сбора и обработки социально-экономической информации. М., 1976; *Осипов Г.В., Андреев Э.П.* Методы измерения в социологии. М., 1977; *Рябушкин Т.О.* Ленинское наследие и статистика. М., 1978; Социальные исследования: Построение и сравнение показателей. М., 1978; Исследование построения показателей социального развития и планирования. М., 1979; *Суслов И.П., Турова М.И.* Методология статистических сравнений. М., 1980; *Нерисова Е.Х.* Гносеологический аспект проблемы социальных показателей. М., 1981; Стандартизация показателей в социологическом исследовании. М., 1981; Анализ нечисловой информации в социологических исследованиях. М., 1985, и др.

тов. Это дает возможность отвлечься от этой однородности и перейти к выявлению количественных отношений между объектами. На вопрос о том, что "предполагает *количественное* различие вещей", К. Маркс отвечал: "Одинаковость их *качества*"[2]. В.И. Ленин также указывал, что однородность объектов "является условием применимости измерений и математических вычислений"[3].

Исходный момент процедуры измерения – установление качественной однотипности, сопоставимости исследуемых объектов – является важнейшим и нередко трудным этапом в измерении общественных явлений. Сложность последних затрудняет, а зачастую вообще делает невозможным определение этой однотипности на существующей стадии их изученности.

Если, например, исследуется крестьянское движение в эпоху феодализма в том или ином регионе, то качественная однотипность данной совокупности явлений для историка-марксиста очевидна. Она состоит в том, что все крестьянские выступления против феодалов есть выражение свойственного феодализму антагонизма производственных отношений и являются актами классовой борьбы. Это дает основание для количественного анализа размаха крестьянского движения посредством учета либо числа выступлений, либо числа охваченных выступлениями селений, либо числа их участников и т.д. и т.п. Но если в процессе исследования возникает потребность выявить количественное соотношение выступлений, вызванных, например, разными поводами, то возникнут затруднения, связанные с выделением качественно отличных типов этих поводов. В силу недостаточной изученности данного аспекта классовой борьбы крестьян и типы этих поводов и их качественная определенность не могут быть определены однозначно, а следовательно, разные результаты даст и измерение.

Таким образом, возможность измерения зависит от уровня сущностно-содержательного познания исследуемых явлений, того, насколько выявлена качественная определенность исследуемых объектов.

Содержание общественных явлений, как хорошо известно, выражается в присущих им многообразных чертах и свойствах, которые называются *признаками*. По своей форме признаки подразделяются на *количественные* и *атрибутивные* (их, как правило, называют качественными). Количественные признаки выражаются в тех или иных численных показателях, а атрибутивные – словесно-описательно. Количественные признаки указывают меру соответствующих свойств, а атрибутивные – лишь наличие этих свойств, а иногда и их относительную интенсивность.

В свою очередь атрибутивные, описательные признаки могут быть простыми и сложными. *Простые атрибутивные признаки*

---

[2] Архив Маркса и Энгельса. М., 1935. Т. IV. С. 119.
[3] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 316.

выражают однозначные или одноаспектные свойства объектов (пол, национальность и т.п.). *Сложные атрибутивные* признаки характеризуют многоаспектные, интегральные свойства объектов и явлений. К тому же сложные атрибутивные признаки, как правило, представляют собой интегральные субъективные оценки черт и свойств объектов, сложившиеся в восприятии их современниками. Поэтому их еще называют *признаками-оценками*. Например, качество той или иной продукции, интенсивность и эффективность классовой борьбы рабочих или крестьян либо деятельности тех или иных общественных сил и т.п. признаки являются сложными атрибутивными признаками-оценками.

Понятно, что возможности и способы измерения количественных и атрибутивных признаков, с одной стороны, и простых и сложных атрибутивных признаков – с другой, разные.

Как и всякое познание, измерение начинается с сущностно-содержательного качественного (не путать с качественными атрибутивными признаками) анализа изучаемых явлений и процессов и определения цели измерения. Каждый социальный объект неисчерпаем по своим свойствам. Поэтому необходимо предварительно установить, какие из этих свойств должны измеряться. Выбор того или иного аспекта измерения диктуется исследовательской задачей. Лишь установив цель измерения, можно решать вопрос о его методах.

Совокупность тех или иных принципов измерения составляет определенную шкалу измерения. *Шкала измерения* – это правила придания рассматриваемому признаку численного значения. Различные шкалы измерения дают неодинаковую в смысле полноты и точности информацию об объекте и приводят к численным показателям, возможность математической обработки и анализа которых неодинакова.

Вся применяемая в современной науке совокупность принципов и способов измерения сводится к четырем шкалам измерения.

Шкала наименований (номинальная). Измерение здесь состоит в классификации объектов по тем или иным признакам. Это – наиболее простая форма приписывания чисел объектам. Числа в данном случае используются для обозначения классов объектов, играют роль условных символов и поэтому могут быть заменены другими числами. Суть измерения по шкале наименований состоит в том, что объекты характеризуются тождеством внутри класса и различием между классами.

Шкала порядка. Принцип измерения по ней сводится к ранжированию объектов по тому или иному признаку. Измерение по шкале порядка показывает расположение объектов по интенсивности проявления в них определенного свойства, т.е. ранжирует их по принципу “больше – меньше”, но без указания, насколько больше или насколько меньше. Число при измерении по шкале порядка

обозначает место объекта в упорядоченном ряду. Это место можно считать рангом объекта. Числа могут быть заменены другими, но так, чтобы не было нарушений последовательности расположения объектов.

Существуют две другие шкалы измерения, которые являются *метрическими* или *количественными*. Процедура измерения здесь состоит в определении численных значений признаков посредством какой-либо меры или единицы измерения.

Одна из количественных, метрических шкал – *шкала интервалов*. Обладая всеми свойствами порядковой шкалы, шкала интервалов отличается от нее тем, что точно определяет величину интервала в принятых единицах измерения. Поэтому интервальная шкала, хотя также позволяет измерять лишь интенсивность свойств, показывает, насколько различной она была. Для этого выбираются, хотя и произвольно, единица измерения и условное начало отсчета. Примерами интервальных шкал могут служить температурные шкалы по Цельсию, Реомюру, Фаренгейту, а также различные шкалы календарного времени (например, старый юлианский и новый григорианский солнечные календари, лунный календарь и др.). Во всех подобных способах измерения точка отсчета условная, а интервалы могут быть разными. Переход от одной интервальной шкалы к другой может осуществляться в результате линейных преобразований.

Пропорциональная шкала, или *шкала отношений*, представляет собой метрическую шкалу, по которой ведутся счет и измерение количественных признаков. Для этой шкалы характерны метрические единицы измерения и начальная нулевая точка отсчета. Поэтому пропорциональная шкала позволяет установить, во сколько раз те или иные свойства одного объекта больше, чем другого, т.е. выявить их точное количественное соотношение (отсюда и название: "шкала отношений"). В качестве единиц измерения могут выступать либо меры пространства, времени, площади, объема, веса и т.д., либо единица соответствующего объекта (такое-то количество или число фабрик, заводов, населения, рабочих и т.д.), а измерение осуществляется посредством счета, т.е. является измерением в собственном смысле.

Различные шкалы измерения связаны определенной зависимостью. Каждая последующая шкала включает в себя все предыдущие.

Измерение по шкале наименований и шкале порядка указывает лишь на различие или на разную интенсивность проявления свойств объектов. Численные показатели номинальной и порядковой шкал не допускают арифметической обработки. В этом заключается ограниченность указанных методов измерения. На основании этого классификацию и ранжирование иногда не считают измерением. Но, поскольку по шкалам наименований и порядка все же можно ус-

тановить определенные отношения между объектами, классификация и ранжирование в таком смысле являются измерением.

В целом шкалы измерений характеризуются нарастанием их метричности, а потому и информативности, что отражается в показателях измерения.

Шкалы измерений обусловливают принципы и способы измерения. Но всякое измерение приводит к получению определенных численных показателей. *Показатель измерения*, т.е. численное значение признака, есть форма выражения количественной информации об объекте. Различие шкал, т.е. методов измерения, приводит к тому, что получаются разные показатели измерения. Существует три их типа.

Ассоциативные показатели устанавливают лишь сходство между объектами, принадлежащими к разным совокупностям. Они получаются при измерении по шкале наименований.

Показатели очередности указывают порядок расположения объектов в совокупности по интенсивности проявления того или иного свойства. Показатели очередности получаются по шкале порядка. Они более информативны, чем ассоциативные показатели.

Показатели количества наиболее информативны, так как выражают в определенной мере или единице измерения масштабы объекта или его черты. Численные значения этих показателей не могут быть заменены (в избранной системе измерения) другими. Допустим лишь перевод одних единиц измерения в другие. Эти показатели получаются в результате измерения по интервальной и пропорциональной шкалам.

Рассмотренные шкалы измерения и получаемые на их основе показатели измерения прежде всего со всей очевидностью указывают на существенные различия в возможностях измерения количественных и атрибутивных признаков. Следствием этого являются и неодинаковая степень информативности показателей измерения и различные возможности их математической обработки. Собственно ассоциативные показатели и показатели очередности – описательные, качественные показатели. Сами эти показатели могут быть объектом для измерения по пропорциональной шкале. Так, можно определить количество и долю объектов с теми или иными качественными признаками в общей их совокупности, т.е. на основе ассоциативных показателей можно установить показатели количества.

В свою очередь, показателям очередности, выражающим различия объектов по интенсивности проявления в них тех или иных атрибутнивных признаков, можно придать численные значения и тем самым превратить их в показатели количества. Делается это посредством процедуры экспертных оценок, о которой будет идти речь ниже.

Важнейшим моментом в процедуре измерения является выбор его единиц. *Единицы измерения*, как и само измерение, – категории

исторические. Они вырабатывались и апробировались в процессе длительного опыта. Многие единицы измерения, искусственные и условные, в результате продолжительного использования стали привычными и кажутся вполне "естественными". Так, возникший еще в древности способ измерения длины ступней взрослого мужчины (мера эта получила название "фута") действует до настоящего времени и представляется при его условности вполне естественным. Такими же условными были применявшиеся много столетий древнерусские меры длины – сажень, локоть, пядь, перст, ноготь.

По мере роста потребности в измерении и его точности расширялась и совершенствовалась система единиц измерения и вырабатывались предъявляемые к ним требования.

Коль скоро всякое измерение ставит цель выявить соотношение объектов, их свойств и черт, выражаемых соответствующими признаками, непременным условием корректности измерения являются *одноструктурность* измеряемых признаков, *одномасштабность объектов* измерения (в статистике их называют единицами учета), *неизменность* и размерная *однородность единиц измерения*. Только при этом условии результаты измерения будут сопоставимы в пространстве и времени. Степень необходимой одноструктурности признаков, равномасштабности объектов и размерной однородности единиц измерения определяется целями измерения и зависит от характера измеряемых признаков.

Наиболее развернутая и стабильная система эталонных единиц измерения сложилась в естественных науках (метр, килограмм, секунда и т.д.). Некоторые из них применяются и при измерении общественных явлений. Но в целом многообразная совокупность проявлений общественной жизни в очень ограниченной степени может быть измерена посредством единиц измерения, принятых в естественных науках. Так, Ф. Энгельс отмечал, что "совершенно невозможно выразить экономические отношения в физических мерах"[4]. В.И. Ленин также подчеркивал, что «нет ничего легче, как наклеить "энергетический" или "биолого-социологический" ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т.п., но нет и ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие»[5].

Для измерения общественных явлений применяются самые различные единицы. Выбор их производят, исходя из природы изучаемых объектов, которая отражается в соответствующих признаках, поставленных задачах, т.е. цели измерения и практической целесообразности.

При измерении общественных явлений, характеризуемых количественными признаками, т.е. при использовании интервальной и

---

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 110.
[5] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 348.

пропорциональной шкал, широко применяются различные *натуральные* и *метрические* единицы измерения. Но поскольку и будучи однотипными, измеряемые объекты могут сильно различаться по свойствам, постольку натуральные единицы измерения могут быть очень приближенными, а то и вовсе объединять в сущности разнородные объекты. Например, нефть, добываемая на разных промыслах, может отличаться по качеству, автомобили или самолеты разных марок неодинаковы по мощности и другим данным и т.д. Поэтому измерение добычи нефти только тоннами, а самолетов или автомобилей – штуками весьма приближенно. Чтобы добиться большей точности, применяют либо двойные единицы измерения (например, число товарных вагонов в штуках и в тоннах грузоподъемности, количество скота в головах и в живом весе и т.д.), либо *условно-натуральные* или *приведенные* единицы измерения. Такой единицей обычно выступает одна из разновидностей того или иного типа продукции. К этой разновидности через определенные коэффициенты, учитывающие различия свойств, приводятся все ее другие виды. Применяются приведенные меры *массы* (молоко с учетом жирности, сахарная свекла с учетом содержания сахара и т.д.), *мощности* (тракторы в переводе на 15-сильные, электромоторы в переводе на 100-киловаттные и т.д.) и др. Широко используется измерение в *приведенных штуках* (консервы в условных банках, скот в переводе на крупный и т.д.).

В общем приведенные единицы применяются главным образом при измерении однотипных и взаимозаменяемых видов продукции.

Натуральные и метрические единицы измерения наряду с измерением натурально-вещественных ресурсов, фигурируемых в показателях общественного развития, широко применяются и при характеристике народонаселения, трудовых ресурсов и других демографических явлений. Здесь используются такие единицы, как человек (житель вообще), взрослый работник, человеко-день или человеко-час работы, болезни, отдыха и т.д. Для таких единиц измерения характерна еще бóльшая разнородность содержания, чем для единиц измерения натурально-вещественных объектов. Если, например, один человек в течение дня потратил два часа отдыха на занятие спортом, а другой – два часа на чтение художественной литературы, то при равной затрате времени на отдых содержание отдыха является различным. И эти различия нельзя привести к одному знаменателю посредством каких-либо коэффициентов. Для получения сравнимых по содержанию численных показателей в подобных случаях измерение должно не просто фиксировать явление (в данном случае отдых), но и его структуру (виды отдыха).

Содержательная разнородность одних и тех же единиц измерения порождается чрезвычайным многообразием черт и свойств объектов и явлений общественной жизни, их многомерным характером. В этой связи возникла проблема разработки таких единиц измере-

ния, которые бы позволяли интегрировать, обобщать натуральные и метрические единицы измерения, характеризующие различные объекты или их свойства и поэтому не поддающиеся прямому сопоставлению. Очевидно, например, что нельзя судить о сравнительном размахе производства тракторной и хлопчатобумажной промышленности по числу штук выпущенных тракторов и метров ткани. Добиться сравнимости здесь можно путем введения *стоимостных* единиц измерения. Стоимостные единицы широко применяются при измерении многих явлений общественной жизни (прежде всего производственно-технических и социально-экономических) и позволяют сопоставлять и обобщать весьма разнообразные из этих явлений.

Применение стоимостных (денежных) единиц измерения также связано с определенными сложностями. Главная из них состоит в том, что установление цены (а именно оно лежит в основе стоимостных оценок) всегда в определенной мере приближенно и даже субъективно, а сама цена – весьма подвижна. Поэтому при использовании стоимостных единиц измерения необходим учет точности данных о ценах и сопоставимости цен в стоимостном отношении. В целом же стоимостные единицы измерения играют важную роль как в самой общественной жизни, так и при ее изучении.

Широко применяемой интегральной единицей измерения разнородных по содержанию количественных признаков являются *индексы*. Их построение представляет собой достаточно сложную процедуру, основанную на применении математических методов обработки количественных данных.

Таким образом, единицы измерения количественных признаков общественных явлений и процессов – весьма многообразны и усложняются с возрастанием неоднородности и масштабов измеряемых объектов.

Несмотря на то, что совокупность количественных признаков, характеризующих объекты, явления и процессы общественной жизни, весьма обширна, еще более широк круг присущих им качественных, атрибутивных признаков. Эти признаки измеряются, как указывалось, прежде всего посредством номинальной и порядковой шкал. Шкалы и получаемые на их основе ассоциативные показатели и показатели очередности не имеют количественных единиц измерения. Измерение здесь качественное. В этой связи возникает важная проблема выработки количественных методов измерения качественных признаков (т.е. их измерения по интервальной и пропорциональной шкалам) с применением определенных единиц измерения. Простейшим методом измерения любых, т.е. простых и сложных, атрибутивных признаков, является определение численности объектов с каким-то свойством в соответствующей совокупности объектов посредством счета. Так, можно сосчитать ко-

личество на том или ином предприятии рабочих, имеющих то или иное образование, владеющих той или иной специальностью и т.д. Таким образом, качественные признаки могут быть выражены в показателях количества. Но информативность таких показателей ограниченная, ибо они не показывают размеров соответствующих свойств. Поэтому они хороши только при измерении простых атрибутивных признаков, когда соответствующее им свойство однозначно и очевидно.

Одна из наиболее актуальных проблем измерения общественных явлений состоит в выработке количественных единиц измерения сложных атрибутивных признаков, признаков-оценок. Эти признаки, как правило, являются комплексными. Они включают целый ряд свойств, и необходима единица измерения, которая будет их синтезировать.

Разработкой общих принципов и методов измерения сложных атрибутивных признаков занимается недавно возникшая прикладная математическая дисциплина – *квалиметрия* (от латинского "квали" – качество, свойство – и греческого "метрео" – измерять). Ее представители разработали прежде всего способы комплексного измерения качества продукции. Но они полагают, что вполне можно дать интегральную количественную оценку любым качественным признакам [6].

Практика измерения сложных атрибутивных признаков привела к выработке такой единицы их количественного измерения, как баллы. *Балл* – это количественное интегральное выражение совокупных атрибутивных свойств объекта. Практически баллы всегда определяются на основе *экспертных оценок*.

Экспертная оценка комплексных атрибутивных признаков – труднейшая процедура в измерении общественных явлений.

Во-первых, весьма сложны и различны сами атрибутивные признаки-оценки. В одних случаях они представляют собой совокупное выражение более простых слагаемых (компонент). В других случаях их природа определяется внутренней субстанцией, соответствующим системным свойством, т.е. признаком, составляющим внутреннюю сущность явления. Так, стоимость, определяющаяся общественно необходимыми затратами труда, является внутренним скрытым, системным свойством товаров. Понятно, что и отыскание элементарных составных частей сложного свойства, в результате измерения которых можно получить интегральную оценку, и выявление внутренней субстанции, системного свойства, которое может быть основой для такой оценки, чаще всего оказываются весьма затруднительными, а то и вовсе невозможными. В последнем случае интегральный показатель может быть построен путем перехода от изме-

---

[6] См.: *Азгальдов Г.Г., Райхман Э.П.* О квалиметрии. М., 1973.

рения непосредственных свойств к измерению их взаимосвязей. А это еще больше осложняет задачу.

Во-вторых, оценка сложных атрибутивных признаков баллами всегда сохраняет элемент субъективности, с одной стороны, и остается в той или иной мере приблизительной – с другой. В итоге балльные экспертные оценки являются наиболее неопределенными и неоднородными единицами измерения. И хотя они и поддаются математической обработке, но не обладают теми свойствами, которыми обладают показатели количества. В этой связи надо напомнить, что все показатели измерения делятся на экстенсивные и интенсивные. *Экстенсивные* показатели обладают тем свойством, что общее значение одного и того же признака у совокупности измеряемых объектов равно сумме значений этого признака у каждого объекта. *Интенсивные* показатели таким свойством не обладают. Экстенсивными являются показатели, полученные по шкале отношений и выраженные в натуральных или метрических единицах измерения. Так, например, если одна семья состоит из двух, вторая – из трех, а третья – из пяти человек, то общая численность населения трех семей равна десяти. А если же знания одного студента оценены на 4, а второго – на 3 (а это типичный пример экспертной балльной оценки), то их совокупные знания не равны 7.

Но несмотря на свою приблизительность и даже условность, измерение сложных атрибутивных признаков посредством экспертных балльных оценок все же позволяет значительно углубить изучение многих явлений общественной жизни по сравнению с их описательным анализом. Кроме того, не следует забывать, что указанные несовершенства измерения сложных качественных признаков определяются достигнутым уровнем науки и практики, которые непрерывно развиваются. Интенсивно разрабатываются и методы измерения посредством экспертных оценок[7].

Все большее значение на современном этапе развития науки приобретает многомерный анализ общественных явлений. Потребность в нем диктуется многообразием содержания этих явлений. Углубляющееся их познание приводит к необходимости учета возрастающего числа характеризующих их признаков, а следовательно, и их измерения. При изучении многих явлений и процессов общественной жизни сейчас нередко учитываются и измеряются десятки, а порой и сотни признаков. Но это порождает трудности при обработке и анализе соответствующих показателей. Преодолеть их можно путем "сжатия" первоначальной системы количественных показателей, в результате чего можно перейти к меньшему числу их интегральных значений типа различного рода индексов. Предельным вариантом такого сжатия является переход к представле-

---

[7] См.: *Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г.* Экспертные оценки. М., 1973; Статистические методы анализа экспертных оценок. М., 1977.

нию исследуемых объектов в виде точки в многомерном пространстве признаков.

Многомерное пространство невозможно представить наглядно. Но если рассматриваемых объектов много, то это будет некое облако точек в многомерном пространстве, определяемом числом показателей, характеризующих эти объекты. В принципе число и объектов и показателей может быть каким угодно. Оно лимитируется лишь возможностями затраты времени для обработки данных на ЭВМ. Указанным образом можно формализовать результаты измерения не только количественных, но и атрибутивных, качественных признаков.

Понятно, что подобное предельно формализованное выражение результатов измерения вызывает у многих обществоведов, в том числе и историков, настороженное и даже негативное отношение. Возникает опасение, не приводит ли такая формализация к отрыву от реальности или к утрате ее существенных черт. Однако если признается допустимость измерения общественных явлений и применения математических методов при их изучении, то такие опасения неосновательны, ибо при указанной формализации учитываются все полученные показатели измерения. Значит важно, чтобы было адекватным и корректным измерение. Коль скоро оно является таким, то интегральная формализация его результатов, необыкновенно расширяющая возможности многомерного изучения социальной действительности, содействует углублению познания этой действительности. В.И. Ленин разделял мнение, что "математика, постепенно удаляясь от пространств, доступных чувственному восприятию и возвышаясь до пространства геометрического, не удаляется, однако, от реального пространства, т.е. от истинных отношений между вещами. Она скорее приближается к ним"[8].

Таковы основные общие проблемы измерения общественных явлений, которые имеют непосредственное отношение и к изучению исторических явлений.

2. ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕРЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Главная особенность измерения исторических явлений состоит в том, что историк не имеет той свободы в выборе признаков, на основе которых будут изучаться явления исторической действительности, статистических единиц учета и единиц измерения, которой располагает, например, социолог или экономист, исследующий современность. Возможности историка в этом отношении ограничены историческими источниками. Далее будем исходить из того, что достоверность данных источников установлена и они содержат вполне

[8] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 482.

надежные сведения по исследуемым явлениям. Но и в этом случае встает ряд проблем, связанных с измерением.

Начнем с количественных данных, зафиксированных в источниках. Они получены в результате измерений, проведенных их создателями, которые преследовали определенные цели и были ограничены измерительными представлениями и возможностями своей эпохи. Все это сказывалось на содержании измерения, обработке и сводке его результатов. Поэтому первое, что приходится делать историку, – это выявление того, в какой мере показатели измерения, зафиксированные в источниках, соответствуют той исследовательской задаче, которую надлежит решать. Прежде всего здесь должна быть выяснена возможность формирования представительной в содержательном отношении системы количественных показателей. Допустим, что такая возможность имеется.

Система количественных показателей, привлекаемых для исследования, может представлять собой либо *вариационные*, либо *динамические* (временны́е) ряды. *Вариационные* ряды состоят из количественных показателей, характеризующих тот или иной признак у разных объектов, входящих в ту или иную их совокупность. *Динамические ряды* складываются из показателей, характеризующих тот или иной признак у одних и тех же объектов в разные моменты времени. Показатели вариационных рядов по своей природе являются дискретными (прерывными). Показатели динамических рядов выражают непрерывную величину, которая превращается в процессе измерения в дискретную путем фиксирования значения признака на определенный временно́й момент.

Количественные показатели, содержащиеся в исторических источниках, представляют собой главным образом вариационные ряды. Поэтому при измерении исторических явлений вызывает большие трудности формирование динамических рядов различных показателей, особенно за сравнительно длительные отрезки времени. Очень велики и пробелы в данных. Историкам поэтому приходится обращаться к разным источникам, в которых показатели об одних и тех же признаках нередко получены неодинаковыми методами. Использовать количественные показатели разнородных источников часто приходится и при формировании системы вариационных рядов. Все это выдвигает проблему сводимости и взаимозаменяемости количественных данных. Она требует своих методов решения, в том числе и математических. Однако эта важная проблема в измерении исторических объектов и явлений еще не стала предметом специального изучения, а имеющийся опыт не обобщен.

Количественные показатели, содержащиеся в источниках, характеризуют соответствующие признаки тех или иных объектов. Очень существен вопрос о масштабах этих объектов, их пространственной (точнее, структурной) и временно́й протяженности. Она

может быть различной и на стадии первоначального измерения, и при последующей сводке результатов измерения.

В новое и новейшее время, т.е. в собственно статистическую эпоху, когда стала разрабатываться теория измерений общественных явлений и сложилась система ее методов, обычно измерению посредством счета стала подвергаться наиболее мелкая единица соответствующей совокупности (или исходный элемент той или иной системы, как говорят теперь). Так, разного вида демографические, профессиональные и т.п. переписи, обследования и учеты в качестве исходной единицы (ее в статистике называют единицей учета) берут отдельного человека. Во всякого рода производственно-экономических и ему подобных измерениях такой единицей является хозяйство, предприятие, учреждение. Но всякие измерения, охватывающие большие совокупности объектов, подвергаются затем сводке.

Если материал сохранился в виде разного масштаба сводок, исследователь должен решать, данные какой из них следует взять. Если же имеются необработанные исходные данные, то может возникнуть потребность их агрегирования, т.е. укрупнения объектов измерения. При изучении, скажем, крестьянского хозяйства в России периода капитализма объектом измерения может быть крестьянский двор, селение, волость, уезд, губерния, регион (т.е. несколько губерний), Европейская часть страны, вся страна. Масштаб измеряемых объектов должен выбираться исходя из исследовательской задачи. Но в принципе он должен быть таким, чтобы можно было выявить наиболее существенные типичные и особенные черты, присущие изучаемым явлениям и процессам. Если, скажем, то же крестьянское хозяйство рассматривается в пределах всей Европейской России, то агрегирование показателей не только в масштабе селений или волостей, но даже и уездов будет слишком мелким и может не позволить выявить основные черты его структуры. Необходимо усреднение в масштабе губерний. Оно раскроет наиболее типичное и вместе с тем отразит особенное. При затруднительности определения масштаба объектов измерения следует применять разные уровни агрегирования количественных данных. При этом надо иметь в виду, как указывалось, что более высокие уровни агрегирования показателей в результате их усреднения, с одной стороны, приводят к определенной потере первоначальной информации, но с другой – позволяют выявить наиболее общие и существенные черты рассматриваемой реальности. При более мелких масштабах объектов измерения его показатели будут выдвигать на первый план особенное.

При агрегировании (усреднении) показателей, характеризующих исходные элементы изучаемой реальности, которые могут иметь существенные отличия, особенно важно учитывать основное методологическое требование всякого измерения. Оно, как указывалось, состоит в том, что измерение правомерно лишь примени-

тельно к качественно однородной совокупности объектов. Значит агрегирование показателей исходных элементов правомерно лишь постольку, поскольку эти элементы объединяются в некие однородные совокупности, являющиеся компонентами системы более высокого уровня. Если рассматривается социально-экономический строй того же крестьянского хозяйства отдельных селений как таковых, то средние по селениям показатели, скажем, сборов хлебов в расчете на двор будут давать искаженную картину, ибо эти дворы не составляли качественно однородной совокупности. В нее входили и дворы сельских пролетариев и дворы крестьян-капиталистов. Если же анализируется социально-экономический строй крестьянского хозяйства некоего микрорайона (например, волости или уезда), представляющего собой целостную систему, элементами которой выступают отдельные селения, выполняющие в этой системе одни и те же функции, то расчет тех же сборов хлебов в среднем на двор по селению будет правомерным. В общем агрегирование показателей должно проводиться с учетом иерархических уровней исследуемой общественной системы. Но и в этом случае однотипность образующих ее компонентов должна специально проверяться.

При использовании результатов измерения, полученных современниками событий, надо подходить к ним строго исторично. Необходимо следить за одноструктурностью измеряемого признака, одномасштабностью объектов измерения и неизменностью единиц измерения. Это имеет важное значение при пространственных и временны́х сравнениях показателей. Так, например, если объектом измерения является крестьянский двор, представляющий исходный составной элемент в системе крестьянского хозяйства, то надо иметь в виду, что его размеры в плане населенности были неодинаковыми в разных местностях. Как показывают, например, данные всероссийской переписи населения 1897 г., среднее по губерниям количество населения на один крестьянский двор было максимальным (8,1 человека) в Могилевской губернии, а минимальным (4,6 человека) в Ярославской. Заметно изменялась и населенность крестьянских дворов во времени.

В общем крестьянское хозяйство (двор) является разномасштабным объектом измерения. Еще в большей мере это относится к таким объектам измерения, как земельные владения или хозяйства, промышленные предприятия, учреждения и многие другие. Как правило, разномасштабными являются и объекты измерения, в основу которых положен пространственно-административный принцип.

Что касается одноструктурности измеряемых признаков, то ее особенно важно учитывать при построении вариационных и динамических рядов показателей сложных по своей структуре признаков исторических явлений и процессов, особенно если они рассматриваются в широких пространственных и временны́х границах.

Наконец, об однозначности единиц измерения. Количественные признаки, зафиксированные в исторических источниках, обычно выражены в тех или иных единицах измерения (натуральных или метрических). Они могут быть использованы исследователями либо переведены в другие единицы. Важно учитывать, что в древности и средневековье и даже в новое время одни и те же по своему наименованию единицы измерения были разномасштабными. Так, например, десятина, являвшаяся основной единицей измерения земельных площадей в нашей стране в досоветский период, вплоть до середины XIX в. имела разный масштаб. Существовала десятина казенная, равная 2400 квадратных саженей (80×30) и десятина хозяйственная, равная 3200 квадратных саженей (80×40). Следовательно, требуется проверка размерности единиц измерения, указанных в источниках, и приведение их к одному масштабу. Таким образом, непременным условием корректности измерения является неизменность в процессе измерения структуры каждого из измеряемых признаков, масштабов измеряемых объектов и однозначности единиц измерения.

Приведем конкретный пример измерения исторического явления, который ясно показывает, какое важное значение при измерении имеет учет указанных факторов. Речь идет об изучении внешней торговли России в XVIII – начале XX в., проведенном Д.И. Опариным[9]. В результате тщательного изучения опубликованных и архивных источников автору удалось собрать систематические сведения об оборотах внешней торговли России за 175 лет. В итоге были построены динамические ряды стоимости ввоза и вывоза, а также отношения вывоза к ввозу, всех товаров в текущих рублях и в переводе на золотые рубли с учетом вексельного курса текущего рубля к золотому. Ряды охватывают все годы с 1742 по 1917 г. (кроме 1801 г.) и в этом плане являются уникальными. Во всяком случае, нам не известны другие динамические данные по отечественной истории, которые бы так полно отражали столь длительный период.

Важнейшим условием корректности построения динамических рядов, основанных на учете стоимостных показателей, является обеспечение неизменности содержательного значения единицы измерения, в данном случае рубля. Иначе говоря, покупательная способность рубля должна быть одинаковой по всем рассматриваемым периодам. Хорошо понимая это и стремясь добиться максимума корректности, автор и произвел пересчет текущих рублей в золотые. Но ведь и покупательная способность золота не была неизменной. Автор пытался выяснить это по движению индекса товарных оптовых золотых цен в Англии и пришел к выводу, что "покупа-

---

[9] См.: *Опарин Д.И.* Схематический анализ развития внешней торговли России за 175 лет (1742–1917 гг.) // Методологические вопросы в статистических исследованиях. М., 1968. С. 96–128.

тельная сила золота по отношению к товарам на мировом рынке в своей вековой тенденции была относительно стабильной". Но подобный путь оценки покупательной способности золотого рубля сам автор считает суррогатом движения его истинной покупательной способности. Он приходит к выводу, что "было бы чрезвычайно желательно элиминировать изменения покупательной силы золотого рубля в России и представить движение российского экспорта и импорта в форме индексов натурального объема внешнеторгового оборота". Предложенный путь решения проблемы верен, но практически не осуществим (во всяком случае, на существующем уровне изученности сведений о внешней торговле) из-за отсутствия необходимых для этого систематических данных о натуральном объеме всех вывозимых и ввозимых товаров. В целом, таким образом, при всем стремлении автора к корректности в построении рядов динамика вывоза и ввоза единицы измерения (золотой рубль) не является по своему содержанию неизменной.

Не удалось соблюсти и другого требования – обеспечить однородность измеряемого признака. Это и невозможно сделать применительно к таким широко обобщенным показателям, каким является стоимость ввоза и вывоза товаров, представляющая собой сумму стоимостей большого числа разных товаров. Соотношение их и во ввозе и в вывозе существенно изменялось во времени, что неизбежно должно было сказаться на обобщенных показателях движения стоимости ввоза и вывоза. Понимая это, автор говорит о необходимости для расшифровки колебаний (а мы бы сказали общей динамики) ввоза и вывоза учитывать движение отдельных товаров. Это требует специальных кропотливых розысканий.

Наконец, последнее, о чем автор не говорит, и это единственное, в чем его можно упрекнуть, – одномасштабность объекта измерения. Таким объектом является вся Российская империя. Но ведь границы ее за рассматриваемое время существенно расширились. В ее состав вошли в конце XVIII–XIX вв. обширные территории Северного Причерноморья, Бессарабии, Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, что сказалось на расширении внешнеторгового оборота. Обеспечение одномасштабности объекта измерения также представляет большие трудности. Здесь необходим либо пересчет на сопоставимую территорию либо переход к относительным показателям размера вывоза и ввоза (расчет его на душу населения или в процентах к валовому общественному продукту). Но для этого опять-таки нет данных, параллельных со сведениями о ввозе и вывозе.

В общем итоге в своем роде уникальные динамические ряды данных оказались малоинформативными в плане характеристики социально-экономического развития страны. Очевидна тесная связь и обусловленность оборотов внешней торговли с состоянием и тенденциями развития экономики страны. Основная ценность данных о

движении оборотов внешней торговли и состоит в том, что они предоставляют дополнительную информацию для анализа этого развития. Низкая же информативность динамических рядов оборотов внешней торговли выражается в том, что они мало что дают для характеристики хода экономической развития. За 175 лет это развитие прошло через ряд существенно отличных этапов (господство крепостнических форм хозяйства в середине XVIII в., их разложение и кризис в конце XVIII – первой половине XIX в., победа капитализма и его бурное развитие в пореформенную эпоху, переход к империализму и быстрое развитие монополистического капитализма в начале XX в.), имело определенные циклы и различные темпы. Д.И. Опарин правильно указывает, что обороты внешней торговли должны были отразить если не три, то, во всяком случае, два этапа в этом развитии. Однако полученные данные, исключая явные спады в периоды неблагоприятной внешнеполитической обстановки (прежде всего периоды войн), рисуют стремительно восходящий по прямой линии рост оборотов внешней торговли. За рассматриваемое время они выросли в золотом исчислении в 400 раз, а в текущих рублях – в 1400 раз. Все это – результат того, что при построении этих рядов не удалось обеспечить неизменность структуры измеряемых признаков, одномасштабность объекта измерения и содержательную однозначность единицы измерения. Приведенный пример – наиболее сложный случай измерения исторических явлений. Поэтому издержки некорректности здесь выглядят столь очевидно. В более простых вариантах эти издержки могут быть не очень существенными или вовсе незаметными. Но всегда необходим учет указанных требований к измерению.

Во всяком измерении важное значение имеет точность количественных показателей. Она во многом зависит от тех ошибок, которые возникают на разных стадиях измерения.

Ошибки измерения вызываются самыми различными причинами. Можно выделить два типа таких причин: *во-первых*, ошибки, возникающие вследствие несостоятельности или ограниченности тех теоретико-методологических посылок, исходя из которых проводится измерение; *во-вторых*, ошибки, которые являются результатом неточности самих измерений (собственно ошибки измерения).

Если теория еще не раскрыла даже самой общей сути явления либо дает ограниченное или ошибочное ее понимание, то нельзя рассчитывать и на правильное измерение соответствующих признаков. Так, например, буржуазная политическая экономия была не в состоянии раскрыть коренную суть капиталистического способа производства ввиду игнорирования такой его черты, как присвоение капиталистом прибавочной стоимости. Эта же теория допускает подмену нормы прибавочной стоимости нормой прибыли, отождествление выгодности и прибыльности производства для капиталиста с общественной эффективностью производства и т.д. Ясно, что

все это приводило и приводит к ошибкам и искажениям при измерении социально-экономических явлений, и прежде всего при выделении тех признаков, которые отражают суть этих явлений.

К неадекватному отражению показателями исторической действительности приводит не только несостоятельность социально-экономических и общественно-политических теорий, но и несовершенство статистических и математических посылок измерения. Понятия, выработанные в общей теории, раскрывающей ту или иную сторону действительности, для проведения измерения необходимо перевести на язык понятий статистических и математических. Такой перевод непрост и может породить ошибки даже при правильной общей теории, особенно в тех случаях, когда измеряются сложные явления и процессы. Такие, к примеру, явления, как производительные силы, производственные отношения, жизненный уровень и многие другие, даже при ясном теоретическом понимании их сути и на современном этапе науки очень трудно выразить не только в одном показателе, но даже и в ряде показателей. Еще более несовершенными были статистико-математические принципы измерения общественных явлений в прошлом.

Указанные трудности адекватного измерения общественно-исторических явлений усугубляются еще и тем, что в процессе измерения этих явлений формируется два вида показателей[10]. Одни из них выступают *как средство отражения* объективных свойств реальности, а другие – *как средство оценки* этих свойств. Такое раздвоение показателей связано с тем, что результаты человеческой деятельности, с одной стороны, имеют объективную общественную ценность, а с другой – подвергаются субъективной оценке современниками. При корректном измерении два вида показателей должны находиться в единстве. Но в силу тех или иных причин между ними могут возникать несоответствия. Объективная общественная ценность результатов определенной деятельности может не соответствовать ее оценке. Поэтому важной задачей при использовании показателей измерения, проведенного современниками, является учет того, с каким из двух указанных видов показателей имеет дело исследователь, во-первых, и в какой мере показатели оценочные адекватно отражают реальность, во-вторых. В противном случае могут быть допущены просчеты.

Один пример. К числу важных сведений по аграрной истории России эпохи капитализма относятся данные о посеве и сборе хлебов, в том числе на надельных крестьянских и частновладельческих землях. Эти данные служат для исследователей основой для выявления соотношения в земледельческом производстве крестьянского и частновладельческого (помещичьего) хозяйства и динамики этого

---

[10] См.: *Зотов А.Ф.* Гносеология и некоторые методологические принципы анализа практики управления экономикой // Вопросы философии. 1986. № 2. С. 83 и сл.

соотношения. По этим данным оказывалось, что в конце XIX – начале XX в. возрастала доля помещичьих посевов. Это противоречило другим показателям о ходе аграрного развития. При более тщательном изучении выяснилось, что картина, рисуемая официальной урожайной статистикой, не соответствует действительности. Дело в том, что к частновладельческим посевам были отнесены не только собственно помещичьи посевы, но и посевы крестьян на купленных и арендуемых ими землях. Отнесение последних к крестьянским посевам, правомерность чего совершенно очевидна, показывает, что имело место возрастание доли не помещичьих, а крестьянских посевов[11]. Причисление официальной статистикой посевов крестьян на купленных и арендуемых ими у частных владельцев землях в разряд посевов помещичьих было вызвано стремлением подчеркнуть и приукрасить роль помещичьего хозяйства. Тем самым данные этой статистики являются оценочными показателями, которые существенно расходятся с показателями, объективно отражающими реальное положение. Можно привести немало других примеров расхождения объективно-ценностных и субъективно-оценочных показателей.

Общие теоретико-методологические посылки сказывались не только на адекватности самого измерения, но и на последующей сводке первичных данных. Так, ценнейшие первичные материалы, собранные русскими земскими статистиками в конце XIX и начале XX вв., были в значительной мере испорчены в процессе сводки. Вслед за народниками, считая развитие капитализма в России упадком и регрессом и игнорируя разложение крестьянства, земские статистики абсолютизировали значение средних показателей и поэтому чаще всего прибегали к пообщинным сводкам данных, отказываясь от выделения различных по хозяйственной состоятельности групп крестьянских дворов.

Неточности самих *измерений* могут порождаться ошибками в *регистрации* количественных значений признаков и в их *исчислениях*. Ошибки регистрации могут быть систематическими и случайными.

Систематические ошибки – следствие проявления определенных причин, которые чаще всего могут быть установлены. Систематические ошибки измерения бывают *преднамеренными* и *непреднамеренными*. Первые, как правило, являются однонаправленными (систематическое занижение прибыли и завышение расходов промышленниками, занижение размеров феодальной ренты помещиками и т.д.). Непреднамеренные систематические ошибки часто связаны с округлениями (например, возраста), трудностью восстановле-

---

[11] См.: *Ковальченко И.Д.* Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.

ния по памяти точных данных (например, расходов при бюджетных обследованиях) и другими причинами.

Случайные ошибки регистрации вызываются самыми различными причинами (небрежность или невнимательность регистраторов, неисправность измерительных приборов, несовершенство методов измерения и т.д.). Случайные ошибки имеют разнонаправленный характер (в одних случаях показатель завышается, а в других занижается). При большом числе наблюдений они нормально распределены и взаимопогашаются.

Ошибки исчисления возникают при обработке количественных данных в результате многократных вычислительных операций с неточными исходными показателями, замены точных расчетов приближенными, многократных округлений и т.д.

В целом общее отклонение результата измерения от истинных размеров признака складывается из совокупности отклонений, вызванных разными причинами, и нередко может быть существенным. Таким образом, всяким данным измерения, зафиксированным в исторических источниках, присуща определенная точность, которую называют *реальной* или *фактической* точностью[12]. С другой стороны, во всяком исследовании, основанном на количественных данных, для решения поставленной задачи требуется соответствующая точность, которую называют *необходимой*. Применительно к историческим исследованиям это обусловливает потребность проверки того, в какой мере фактическая точность количественных показателей соответствует точности, необходимой для решения поставленной задачи. Если фактическая точность выше необходимой, то количественные показатели источника имеют избыток, резерв точности. Если же фактическая точность ниже необходимой, то следует либо, если допустимо, снизить уровень необходимой точности или той достоверности, т.е. надежности, с которой она получается, либо отказаться от решения поставленной задачи на основе привлекаемых количественных данных.

Вопрос об уровне фактической точности данных и ее соответствии необходимой, которая задается исследователем, при наличии исходных показателей может решаться вероятностно-статистическими методами. Если же имеются лишь сводные или усредненные показатели, то проверить соответствие фактической точности той, которая необходима, можно исходя из того эмпирического факта (который основан на многих наблюдениях), что погрешность исходных (первичных) массовых количественных данных составляет 10–20%, а сводных (агрегированных) данных – 3–5%. Бóльшая точность агрегированных данных по сравнению с первичными обусловлена взаимопогашением исходных ошибок. Допустим, например,

---

[12] О точности измерений см.: *Эдельгауз Г.Е.* Точность, надежность и устойчивость экономических показателей. Л., 1971.

что средняя зарплата рабочего на одном промышленном предприятии равна 175 руб., а на другом – 200 руб. Нас интересует вопрос: можно ли считать зарплату рабочих второго предприятия более высокой, чем первого, если погрешность данных принять равной 5%? При такой ошибке истинные размеры зарплаты на первом предприятии будут находиться в интервале (с округлением) 166–184 руб., а на втором – 190–210 руб. Интервалы эти не пересекаются, и поэтому на поставленный вопрос можно ответить утвердительно. Но если бы на первом предприятии зарплата равнялась 180 руб., а на втором – 195 руб., то при указанной погрешности в 5% интервалы пересекаются и нельзя утверждать, что зарплата на втором предприятии выше, чем на первом.

Этот простейший пример показывает, какое важное значение имеет учет точности количественных показателей. К сожалению, проверка этой точности делается историками крайне редко.

Говоря о точности количественных данных, содержащихся в исторических источниках, следует отметить рост ее степени по мере приближения к современности. Используя показатели, обладающие разной степенью точности, и предполагая применить математические методы для их обработки и анализа, историк должен особенно осторожно относиться к данным с сомнительной точностью. Вместе с тем никоим образом не следует проявлять и нигилизма по отношению к неточным данным и делить сведения источников на пригодные и непригодные для обработки и анализа, как это, к сожалению, нередко бывает. Задача состоит в том, чтобы, ясно представляя себе недостатки данных, найти пути для их преодоления.

Следует иметь в виду одну важную особенность, присущую многим количественным показателям, особенно тем, которые характеризуют массовые явления и процессы исторического развития. Дело в том, что погрешности в измерениях прежде всего возникают при определении численных значений абсолютных размеров признаков. Но неточные в этом отношении количественные показатели могут быть основой для получения весьма точных относительных сравнительных показателей. Это объясняется тем, что при одинаковых возможностях и методах измерения степень неточности измерений будет примерно равной, следовательно сравнительные показатели имеют высокую точность.

Существенным моментом в измерении совокупности объектов, характеризуемых тем или иным выбором показателей, является полнота данных. Дело в том, что в источниках могут быть пробелы в данных. Поэтому возникает проблема их восполнения. Существуют различные методы восполнения пробелов в количественных данных. В основе их лежат соответствующие расчеты. Простейшим, и в определенном отношении наиболее обоснованным методом восполнения пробелов в показателях является замещение их средним значением данного признака во всей совокупности рассматриваемых объектов.

Для восполнения пробелов широко применяются и математические методы (уравнения регрессии, аналитического выравнивания динамических рядов и другие).

Но всякое восполнение пробелов расчетными данными снижает точность количественных показателей, ибо любой расчет является приближенным. Поэтому восполнение пробелов в показателях путем расчетов может быть ограниченным. Особенно осторожно надо применять экстраполяцию значений признаков более поздних эпох на более ранние. Правомерность такой экстраполяции должна быть всесторонне обоснована. При необходимости получить систему показателей, не имеющую пробелов, и невозможности или нецелесообразности заполнения пробелов расчетными данными полноты данных можно добиться либо исключением тех объектов измерения, по которым много пробелов по ряду признаков, либо исключением признаков, по которым отсутствуют показатели по многим объектам.

Таковы основные моменты, которые представлялось необходимым отметить в связи с формированием первоначальной системы количественных показателей, почерпнутых из исторических источников.

Полученная на первоначальном этапе измерения система количественных показателей характеризует общие (абсолютные) масштабы свойств изучаемых явлений и процессов. Но для раскрытия их сути необходимо знать не только эти свойства и их масштабы, но и интенсивность их проявления. Она первоначальными данными измерения, чаще всего, не отражается. Если, скажем, крестьянам в отдельных селениях (или более крупных территориальных единиц) принадлежало такое-то количество земли или они имели такие-то размеры посевов либо объем промышленного производства в определенной совокупности фабрик и заводов был таким-то, то нам известно лишь абсолютное значение указанных признаков. Интенсивность же проявления отражаемых этими признаками свойств остается неизвестной. Между тем знать ее для раскрытия сути явлений крайне необходимо. Можно провести следующую аналогию. В физике сила тяжести (T) измеряется формулой $T = mv^2$, т.е. она равна произведению массы тела (m) на квадрат его скорости (v). Можно сказать, что характеризовать тот или иной аспект сути общественных явлений на основе лишь абсолютных значений соответствующих признаков без учета интенсивности проявления отражаемых ими свойств равнозначно оценке силы тяжести тела по одной его массе.

Историки (и вообще обществоведы) не располагают, да, видимо, никогда и не будут располагать, такими строгими и точными методами выявления интенсивности свойств изучаемых ими явлений, как естествоиспытатели. Но и обществоведы доступными им путями выявляют ее. В этом и состоит важнейшая задача измерения исторических явлений на втором его этапе.

Основным путем, позволяющим перейти от показателей, выражающих абсолютные масштабы признаков, к показателям интенсивности их проявления, является пересчет абсолютных показателей в относительные. Нередко такой пересчет проводился современниками при обработке первичных материалов измерений, и его итоги содержатся в источниках, к которым обращаются историки. В этом случае надлежит оценить точность относительных показателей источников и отобрать те из них, которые необходимы для решения поставленной задачи.

В большинстве же случаев относительные показатели рассчитываются на основе абсолютных данных самим исследователем. Важнейшей и сложнейшей проблемой при этом является выбор той содержательной единицы, на которую производится пересчет абсолютных показателей. Например, обеспеченность крестьян всей землей или размеры посевов можно рассчитывать на крестьянский двор, на душу всего населения в нем, на одного работника, на голову рабочего скота, на единицу орудий вспашки, а валовую стоимость промышленной продукции – на предприятие, на одного рабочего либо на единицу стоимости производственных фондов, затрат труда, производственных и других расходов и т.д. В подобных пересчетах будут получены различные относительные натуральные или метрические показатели. Очень часто относительные показатели рассчитываются в долях (или процентах). В этих случаях получают безразмерные показатели. Так, размеры крестьянской аренды земли можно рассчитывать по отношению ко всему землевладению, размерам пашни или посевов. Зарплату рабочих отдельных предприятий можно соотносить с производственными затратами средств, с расходами на социальные и культурные нужды, с премиальным фондом и т.д. При этом долевые показатели могут рассчитываться как по горизонтали, так и по вертикали. Приведенные примеры – расчет относительных показателей по горизонтали. Расчет по вертикали представляет собой определение доли количественного значения признака у данного объекта по отношению к суммарному значению этого признака у совокупности рассматриваемых объектов. К примеру валовая стоимость продукции отдельных предприятий какой-либо отрасли может относиться к общей сумме валовой продукции этой отрасли.

При пересчете абсолютных показателей в относительные в целом можно получить больше показателей метрических, чем долевых. В этом плане метрические относительные показатели можно считать более информативными, чем долевые. Но это различие крайне относительно, ибо информативная ценность всяких показателей зависит от того, насколько глубоко она позволяет решить исследовательскую задачу.

Основной проблемой, связанной с относительными показателями, является раскрытие их содержательного смысла. Каждый из

этих показателей характеризует определенный аспект или свойство изучаемых явлений. В выявлении того, что именно отражает данный показатель, а следовательно, и того, что дает его включение в систему анализируемых количественных данных, и состоит главная и порой трудная задача оперирования с относительными показателями. Часто решить ее можно лишь в результате последующей их обработки и анализа (например, выявления взаимосвязи между ними). Но прежде всего успех и отбора и анализа относительных показателей зависит от глубины общеисторического и конкретно-проблемного теоретико-методологического подхода к исследуемым явлениям.

Таким образом, и на второй стадии измерения, когда на основе абсолютных количественных показателей вычисляются относительные, историк должен решать ряд важных проблем. Итогом измерения количественных признаков является система абсолютных и относительных показателей, которые затем могут подвергаться математической обработке.

Большинство признаков, характеризующих исторические объекты, являются качественными, *атрибутивными*. Они не имеют единиц измерения, т.е. соответствующее свойство не может быть выражено в тех или иных метрических показателях. Простейшим методом измерения качественных признаков может быть, как указывалось, счет, т.е. определение числа объектов с данным свойством в общей совокупности этих объектов. Например, можно сосчитать количество среди рабочих того или иного цеха, предприятия, отрасли промышленности, города и т.д. рабочих мужчин и женщин, семейных и одиноких, имеющих и не имеющих профессию, число рабочих определенной профессии, с тем или иным уровнем образования и т.д. Суммарные численности признаков могут быть переведены в частотное выражение, которое показывает долю объектов с данным признаком во всей их совокупности.

В отличие от измерения количественных признаков численное значение признака здесь относится не к каждому из объектов (объект лишь обладает или не обладает тем или иным свойством), а лишь к их совокупности, во-первых, а сам количественный показатель не является метрическим, т.е. показывает не величину свойства как такового, а лишь общее количество и долю объектов с данным свойством, во-вторых. Но несмотря на это, счет может широко применяться при измерении как простых, так и сложных атрибутивных признаков.

При изучении простых атрибутивных признаков, т.е. таких свойств, которые можно рассматривать как имеющих равную интенсивность у всех обладающих ими объектов, счет фактически является единственно возможным методом измерения. При изучении подобных признаков прежде всего важно установить долю объек-

тов с тем или иным свойством в общей их совокупности. Счет – эффективное средство измерения и сложных качественных признаков, в том числе и признаков-оценок. Например, рабочих того или иного предприятия можно разделить на имеющих профессию и не имеющих ее. Это – сложные качественные признаки, интенсивность которых у рабочих может быть неодинаковой, ибо как степень "профессионализма", так и степень "непрофессионализма" могут быть разными. Но при решении многих исследовательских задач различиями в интенсивности этих свойств можно пренебречь. Когда же необходима более детальная информация, следует в этих сложных качественных признаках попытаться выделить их более простые составные части. Так, среди рабочих, не имеющих профессию, можно отдельно учитывать тех, кто имеет определенный опыт работы на промышленном предприятии, и тех, кто его не имеет, а среди рабочих, имеющих профессию, – тех, кто имеет профессиональное образование, и тех, кто овладел специальностью на рабочем месте, и т.д. Разумеется, возможность "разложения" сложного качественного признака на более простые, которые увеличивают информацию, определяется и состоянием источниковой базы, т.е. наличием соответствующих сведений.

В общем посредством счета могут измеряться любые качественные признаки в каких угодно совокупностях объектов, событий и явлений исторического прошлого, зафиксированные как в отдельных видах источников, так и в различных их совокупностях. При изучении *массовых* явлений и процессов исторического развития без такого измерения невозможно обойтись, ибо только оно может дать не отдельные примеры, а систему количественных показателей о тех или иных свойствах этих явлений и процессов.

Измерение посредством счета может широко применяться также для учета различных однотипных повторяющихся простых и сложных событий и явлений исторического развития (неурожаи, эпидемии, эпизоотии, пожары, войны, те или иные мероприятия в области внутренней и внешней политики и т.д. и т.п.), что позволяет выявить их пространственную и временную интенсивность и тем самым воздействие на ход исторического развития[13].

Измерение качественных признаков путем счета может дать эффективные результаты и при исследовании сложных *индивидуальных* явлений общественной жизни, зафиксированных в нарративных (описательных) исторических источниках. Измерение таких явлений – более трудная процедура, чем счет объектов, обладающих тем или иным свойством, или однотипных событий и явлений. Для того, чтобы при изучении того или иного индивидуально-

---

[13] Подробнее см.: *Деопик Д.В.* Опыт количественного анализа древней восточной летописи "Чуньцю" // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.

го события или явления можно было применить счет, необходимо рассмотреть это событие или явление как определенную систему с присущими ей строением и структурой, т.е. составными элементами и их взаимосвязями, которые и могут быть объектами счета. Трудности измерения и состоят здесь в выявлении исходных элементов рассматриваемого события или явления. Для преодоления этих трудностей необходим предварительный тщательный анализ возможности и способов формализации содержания соответствующего явления.

Допустим, что исследователь имеет дело с научным или публицистическим трактатом, в котором излагаются взгляды его автора по тем или иным вопросам. Эти взгляды представляют собой сложное индивидуальное явление, которое можно рассматривать как определенную систему с соответствующими исходными элементами и их взаимосвязями. В качестве исходных элементов, которые в совокупности и составляют представление автора по рассматриваемым им проблемам, здесь выступают те или иные понятия, характеризующие эти представления. Поэтому может быть выявлена система понятий, раскрывающая содержательную суть представлений автора. Такая система создает основу для последующего измерения посредством счета. Задача счета состоит в том, чтобы выявить, какое число раз каждое из выделенных понятий встречается в исследуемом объекте и в сочетании с какими из других понятий. В итоге будет получена совокупность количественных показателей, характеризующих содержание трактата[14].

При использовании нарративных исторических источников измерение можно применить для анализа не только их содержания, но и авторского стиля, что может послужить основой для атрибуции анонимных произведений. При таком подходе как определенная система рассматривается грамматический строй произведения, а в качестве его исходных элементов, подлежащих счету, будут выступать части речи (существительные, прилагательные, глаголы, наречия, союзы) в тех или иных формах и сочетаниях. Выделив систему этих форм и сочетаний, можно подвергнуть их счету и получить численные характеристики стиля произведения. Последующая их обработка математическими методами позволит установить обобщенные количественные показатели этого стиля[15].

Таким образом, измерение качественных признаков посредством счета тех или иных исторических объектов, событий и явлений самих по себе, либо по наличию у них тех или иных свойств, либо на

---

[14] Подробнее о подобном принципе измерения см.: *Брагина Л.М.* Методика количественного анализа философских трактатов эпохи Возрождения // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.

[15] См.: *Бородкин Л.И., Милов Л.В., Морозова Л.Е.* К вопросу о формальном анализе авторских особенностей стиля в произведениях Древней Руси // Там же.

основе учета исходных элементов их внутренних структур может успешно применяться в исторических исследованиях.

Возможность и необходимость широкого использования измерения и количественного анализа при рассмотрении качественных, атрибутивных признаков общественных явлений в прошлом и настоящем привели к разработке специального метода формализации и измерения таких признаков. Этот метод получил название *контент-анализа*[16]. Он применим при изучении простых и сложных качественных признаков и особенно эффективен при обработке больших по объему и разнообразных по содержанию видов или комплексов нарративных исторических источников (материалы прессы, различные описания и записи, всякого рода анкетные и подобные им сведения и т.п.). Суть контент-анализа состоит в том, что, исходя из исследовательской задачи и учета возможностей используемых описательных источников, выделяют определенную систему качественных признаков, характеризующих свойства объектов и явлений, т.е. вырабатывают определенный формуляр для обработки источников, имеющий вид анкеты. Затем проводится счет объектов или их элементов, обладающих этими признаками и находящихся в определенных сочетаниях. При необходимости (например, при обработке на ЭВМ) эти признаки могут кодироваться, т.е. получать условное численное обозначение. В итоге описательная информация об исследуемых явлениях будет формализована и представлена в системе численных значений. Последние могут сводиться в различного рода таблицы, т.е. иметь наглядный и сжатый вид, удобный для последующей обработки.

Таковы основные пути измерения качественных, атрибутивных признаков, зафиксированных в исторических источниках, в тех случаях, когда не возникает необходимости учета интенсивности проявления тех или иных свойств объектов, отражаемых этими признаками.

Одна из наиболее сложных проблем измерения общественных явлений прошлого и настоящего, как указывалось, связана с оценкой интенсивности свойств, присущих объектам и явлениям и отражаемых сложными качественными признаками. Это является причиной того, что историки при изучении таких признаков избегают количественной оценки этой интенсивности, ограничиваясь ее описательной характеристикой. Так, например, остроту классовой борьбы рабочих и крестьян, как правило, раскрывают через такие ее оценки, как “активная”, “пассивная”, “острая”, “слабая” и т.п. Это, конечно, вносит определенные коррективы и градацию в характеристику интенсивности этой борьбы, но оставляет эту характеристику крайне неопределенной. Поэтому возникает потребность

---

[16] О применении контент-анализа в исторических исследованиях см.: *Бородкин Л.И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. Гл. VIII.

измерения интенсивности свойств, выраженных сложными качественными признаками, посредством *экспертных оценок*.

В исторической науке измерение сложных качественных признаков путем экспертных оценок пока не получило заметного распространения. А между тем при всей его ограниченности оно позволяет значительно углубить анализ исторических явлений и процессов. Очевидно, например, что при изучении того же рабочего движения его характер и значение будут раскрыты более полно и глубоко, если наряду с учетом числа забастовок, их длительности и количества их участников будет измерена общая интенсивность борьбы рабочих. Одним из путей ее экспертной оценки может быть следующий. По своей общей интенсивности выступления рабочих можно разделить на ряд категорий. Например, можно выделить выступления: 1) очень слабые, 2) слабые, 3) слабоумеренные, 4) умеренные, 5) умеренно-сильные, 6) сильные, 7) очень сильные. Такова будет качественная, а именно – порядковая шкала оценок. Для специалистов в области рабочего движения чаще всего не будет затруднительным ранжировать выступления рабочих по этой шкале. Разумеется, само выделение качественно определенных разновидностей атрибутивных признаков становится возможным лишь на определенной стадии познания изучаемой реальности, что создает предпосылки для выработки критериев такого выделения.

Сложнее решить вопрос о количественной, балльной оценке указанных степеней интенсивности борьбы рабочих. Основная трудность состоит здесь в определении количественного интервала между низшим и высшим уровнем интенсивности рассматриваемого свойства. Он всегда будет иметь условный характер. Но и при этом введение балльных оценок имеет большой смысл, ибо открывается путь, хотя и к крайне приближенной, но количественной оценке различий в проявлении сложных свойств.

Это – простейший подход к экспертной оценке интенсивности сложных качественных признаков исторических объектов и явлений. Более трудным, но и более точным будет подход, основанный на экспертной оценке составных компонентов комплексных качественных признаков. Для этого сложные свойства, характеризуемые этими признаками, вначале должны быть расчленены на простые составные части. Затем каждая из них получает балльную оценку, а сумма баллов будет интегральным количественным показателем интенсивности проявления сложного качественного свойства.

Например, в таком сложном свойстве борьбы рабочих, как ее общая интенсивность, можно выделить в качестве основных составных компонентов уровень сознательности рабочих, цели борьбы и характер требований, формы борьбы и степень ее организованности. И хотя каждый из названных компонентов также является сложным качественным признаком, но оценить степень интенсивности этих свойств борьбы рабочих легче, чем интенсивность борь-

бы в целом. Так, в данном случае, очевидно, что такой компонент, как уровень сознательности рабочих, является определяющим по отношению к двум другим. Чем выше будет уровень сознательности, тем шире будут цели борьбы и требования рабочих, а также более боевыми и организованными формы борьбы. Следовательно, оценка в баллах первого компонента должна быть более высокой, чем двух других.

Разумеется, экспертная оценка в баллах интенсивности отдельных свойств и здесь будет условной, но итоговый результат получится более точным и обоснованным. Наибольший же эффект от экспертной оценки сложных атрибутивных признаков может быть получен в тех случаях, когда они будут включены в систему других количественных показателей об изучаемых явлениях и вместе с ними подвергнуты математической обработке и анализу.

Таким образом, измерение сложных качественных признаков исторических объектов и явлений, особенно массовых, посредством экспертных оценок открывает возможность для значительного углубления их анализа. Для успешного и широкого внедрения в исторические исследования метода экспертных оценок и вообще измерения сложных качественных признаков необходимы, с одной стороны, разработка общих методологических, методических и технических проблем такого измерения, а с другой – более широкое и активное практически-эмпирическое овладение историками этим методом измерения. Здесь, в частности, может быть очень полезным опыт измерения и анализа нечисловой информации, накопленный социологами[17].

До сих пор рассматривались возможности раздельного измерения количественных и качественных признаков. Но в действительности исторические объекты, явления и процессы обладают свойствами, характеризующимися одновременно количественными и атрибутивными признаками, которые необходимо учитывать при их изучении. Поэтому возникает проблема их совместного измерения и введения в систему количественных показателей, требуемых для решения поставленной исследовательской задачи. Такое измерение может быть проведено различными методами. На практике историки чаще всего пользуются одним из них: количественные признаки измеряются методами, применяемыми для измерения признаков атрибутивных (качественных).

Измерение атрибутивных признаков, как указывалось, осуществляется историками, как правило, путем установления (посредством счета) абсолютного числа (а затем доли) объектов с данным признаком в той их совокупности, которая подвергается изучению. В доле-

---

[17] См.: Анализ нечисловой информации в социологических исследованиях. М., 1985, и др.

вое выражение переводятся и признаки количественные. Для этого выделяются определенные интервалы значений количественного признака, а затем посредством счета устанавливается число объектов, имеющих величину признака в пределах соответствующего интервала. Допустим, в источнике есть сведения о должностях и возрасте сотрудников какого-либо учреждения. Посредством счета можно установить общее число и долю сотрудников, занимавших определенные должности, в общем числе их. Затем, выделив определенные возрастные группы (скажем до 20 лет, 21 год – 30 лет, 31 год – 40 лет и т.д.), можно установить число и долю сотрудников в возрастных группах в их общем числе или в числе сотрудников, занимающих определенные должности.

Такой принцип измерения дает единую систему количественных показателей о количественных и качественных признаках и позволяет подвергать их обработке и анализу едиными методами. Плюсы такого измерения несомненны. Но оно имеет и минусы. Основной из них – в том, что перевод количественных показателей в интервальное исчисление приводит к значительной утрате содержащейся в показателях информации. От определенного количественного выражения меры признака (в данном примере – точного указания на возраст) происходит переход к его неточной, приближенной (интервальной) оценке. В сущности это означает перевод количественных признаков в менее информативные – качественные.

Другим минусом указанного измерения является то, что, не будучи метрическим, т.е. указывающим количественную меру самого признака (ибо устанавливается лишь численность и доля объектов с данным признаком), оно не допускает обработки показателей измерения метрическими математическими методами. Между тем последние дают возможность оценить достоверность и точность соответствующих показателей математической обработки количественных данных, чего, как правило, не допускают методы, предназначенные для обработки качественных признаков.

Поэтому возникает вопрос о возможности такого измерения качественных признаков (и следовательно, и построения системы количественных показателей, включающей количественные и качественные признаки), которое допускало бы возможность применения метрических математических методов для обработки показателей этого измерения. Чтобы найти ответ на этот вопрос, надо знать, к обработке каких результатов измерения применимы метрические математические методы. Ответ очевиден: они применимы к обработке любых вариационных и динамических рядов количественных показателей. Значит, качественные признаки должны быть измерены таким образом, чтобы в итоге получились ряды показателей, а не просто суммарные количественные характеристики признаков во всей совокупности исследуемых объектов. Путь к получению таких рядов при изучении массовых объектов, характеризуемых каче-

ственными признаками, состоит в *агрегировании*, объединении первичных объектов измерения в более крупные компоненты, в которых эти объекты будут составными элементами. Так, в приведенном выше примере с учреждением агрегирование может быть таким. Учреждение имело соответствующие подразделения. Они и могут быть агрегированными объектами измерения. Если, скажем, отделов было 20, а номенклатура должностей включала 10 их видов, то система вариационных рядов будет включать 20 объектов, характеризуемых 10 признаками, отражающими должностную структуру отделов (будет указано количество сотрудников в определенной должности в каждом отделе), и дополнительно к этому будет зафиксирован их средний возраст по отделу. При необходимости средний возраст может быть указан для каждой должности. Тогда 20 объектов будут характеризоваться не 11, а 20 показателями. Абсолютные показатели числа сотрудников определенной должности в каждом отделе могут быть выражены долевыми или процентными горизонтальными или вертикальными показателями (число сотрудников определенной должности в процентах либо к числу всех сотрудников отдела, либо к числу всех сотрудников с данной должностью в целом учреждении, либо и то и другое). Подобная матрица вариационных рядов, включающая результаты измерения и качественных и количественных признаков, может обрабатываться метрическими математическими методами.

Указанный путь совместного измерения качественных и количественных признаков не только столь же правомерен, что и их долевые исчисления, но и во многом более предпочтителен, ибо он не только позволяет устранить указанные недостатки этого последнего, но и изучить систему на более высоком ее уровне, ибо единицей учета будет выступать не отдельный сотрудник, а отдел учреждения.

Заметим, что рассматриваемый метод измерения смешанных признаков давно известен. Он имеет место везде, где историки пользуются сводными количественными и качественными показателями, зафиксированными в привлеченных источниках. Сведения переписей населения и многих других источников, содержащие количественные и качественные признаки и опубликованные в виде различного рода пространственных сводок, представляют собой вариационные или динамические ряды показателей, которые подвергаются исследователями обработке метрическими математическими методами.

Напомним также, что система вариационных рядов получается и при измерении качественных признаков, характеризующих *индивидуальные* исторические явления. Для этого они, как указывалось, рассматриваются как некая система, в которой определенные понятия или компоненты составляют ее исходные элементы. Подсчет взаимовстречаемости или определенной последовательности этих

элементов и даст ряды количественных показателей, которые могут обрабатываться метрическими математическими методами[18].

Как видим, существуют различные методы совместного измерения и представления в виде единой системы количественных и качественных признаков. Поэтому преобладание в практике исторических исследований лишь одного из них, наиболее типичного для конкретно-социологических исследований, не представляется оправданным, ибо это ограничивает анализ рассматриваемых общественных систем лишь их низшим иерархическим уровнем, что, как было показано, значительно обедняет этот анализ.

Еще одна важная проблема измерения исторических явлений состоит в потребности совмещения в формируемых системах количественных показателей синхронных и диахронных данных, т.е. одновременно характеризующих стабильное состояние системы и присущих ей тенденций развития[19]. В силу того, что указанные аспекты исторических явлений при их измерении выражаются соответственно в вариационных и динамических рядах показателей, которые невозможно совместить в единой системе данных, проблема, на первый взгляд, представляется неразрешимой. Но определенные пути ее решения имеются.

Так, в совокупность показателей вариационных рядов, характеризующих некую историческую систему в определенный временно́й момент, могут быть включены показатели, отражающие динамические изменения в тех или иных компонентах этой системы. Но это могут быть не непосредственные показатели динамических рядов, а результаты их соответствующей математической обработки (например, коэффициенты их аналитического выравнивания).

Представление о характере и темпах возможной динамики изучаемой реальности можно получить и на основе структурных (синхронных) показателей. Объективной основой этого является то, что всякое развитие может быть только реализацией возможностей, заключенных в действительности. Для получения динамических потенций необходима специальная математическая обработка структурных показателей. Одним из методов такой обработки является регрессионный анализ. Коэффициенты натурального уравнения регрессии[20], как известно, показывают, насколько изменяется результативный признак при измерении соответствующего фактора-причины. Тем самым эти коэффициенты дают представление о возможном направлении и размерах изменений одних признаков в зависимости от изменений других и могут быть включены в систему структурных показате-

---

[18] См. указанные работы Л.М. Брагиной, Л.И. Бородкина, Л.В. Милова, Л.Е. Морозовой.

[19] На принципиальную значимость этой проблемы верно обращает внимание А.И. Ракитов (*Ракитов А.И.* Указ. соч. С. 298).

[20] См.: Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. Гл. 6

лей. Вопрос о том, насколько возможные изменения могут быть реальностью, должен решаться особо в каждом конкретном случае. Наконец, допустимые направления изменений тех или иных аспектов изучаемой реальности можно выявить путем сопоставления результата функционирования системы в тот или иной момент с теми общими потенциями развития, которыми обладает эта система.

Таким образом, существуют пути, позволяющие изучать историческое развитие одновременно и *синхронно* и *диахронно*. Их реализация, естественно, требует более сложных методов измерения и обработки и анализа соответствующих признаков. Но подобный комплексный анализ пока еще не вошел в практику исторических исследований, основанных на применении количественных показателей и математических методов.

Важной проблемой измерения исторических объектов является построение различных интегральных показателей – они представляют собой мощное и эффективное средство целостного многомерного анализа в историческом исследовании. Существуют различные методы и накоплен опыт (прежде всего в экономических исследованиях) построения интегральных показателей количественных признаков. Сейчас стали активно разрабатываться (прежде всего в конкретно-социологических исследованиях) методы построения интегральных показателей качественных признаков. Одним из них является *многомерное шкалирование* качественных признаков на основе экспертной оценки их количественных значений [21]. Эти методы могут использоваться и в исторических исследованиях.

Как видим, на стадии измерения исторических явлений историк должен решать целую совокупность важных и сложных проблем. Многие из них, как впрочем и измерение исторических явлений в целом, еще не изучены должным образом. Историкам, философам и математикам следует обратить большее внимание на этот аспект исторических исследований.

Глава 9

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ И ПРОЦЕССОВ

Математическая обработка и анализ количественных показателей, полученных в результате измерения изучаемых исторических явлений в рамках поставленной исследовательской задачи, может проводиться с различной целью и разными методами.

---

[21] См.: *Бородкин Л.И.* Указ. соч. Гл. II; *Терехина Ю.А.* Неметрическое многомерное шкалирование. М., 1977, и др.

В плане раскрытия содержания, сущности и количественной меры качественной определенности изучаемых явлений и процессов исторического развития, т.е. в онтологическом аспекте, применение математических методов имеет, как указывалось, два уровня. Первый состоит в измерении тех или иных признаков и в простейшей обработке полученных показателей. Математические методы такой обработки обычно бывают несложными. Это – вычисление средних и процентных значений и их стандартных ошибок, показателей вариации значений признаков и т.п. Все это имеет важное значение при количественном анализе изучаемых явлений и может позволить решить поставленную исследовательскую задачу.

Второй, значительно более высокий уровень применения математических методов, состоит в такой математической обработке исходной системы количественных показателей, которая раскрывает сущность изучаемой реальности в формализованной математической форме, т.е. в виде ее *моделей*. Для построения модели необходим более сложный математический аппарат и, как правило, использование ЭВМ.

Математизация научного познания, являющаяся отличительной чертой современного развития науки, в конечном счете и выражается в математическом моделировании. Оно все более широко проникает и в изучение явлений общественной жизни, хотя еще и не заняло здесь такого места, как в естественных и технических науках.

Хорошо известно, что математическое моделирование отдельных проявлений общественной жизни имеет давнюю традицию. Наиболее широко оно применяется в области исторической демографии и в некоторых сферах экономической истории. Современная эпоха представляет собой качественно новый этап в моделировании явлений общественной жизни. С одной стороны, потребности науки и общественной практики, а с другой, успехи в развитии прикладной математики, кибернетики и вычислительной техники привели к широкому применению математических методов и моделирования для оценки функционирования и развития тех или иных производственных, экономических и социальных систем и процессов, принятия решений, планирования, социального прогнозирования и т.д.

Построение моделей все более заметно входит и в практику исторических исследований. Между тем теоретико-методологические проблемы моделирования исторического развития еще не получили должной разработки. А она необходима для правильного понимания сути этого метода, принципов и путей построения моделей исторической реальности и их содержательной интерпретации. В рассмотрении этих вопросов и состоит главная задача настоящей главы.

Разработке теоретико-методологических, гносеологических и методически-технических проблем моделирования как общенаучно-

го метода познания посвящена огромная литература[1]. Многочисленна и литература о моделировании общественных явлений, прежде всего изучаемых экономистами[2] и социологами[3]. Общие проблемы моделирования исторических явлений и процессов рассматриваются в отмеченных работах о применении математических методов в исторических исследованиях и еще не получили развернутого освещения в советской историографии. Здесь можно отметить лишь отдельные работы[4]. Существует большой круг проблем, решение которых имеет важное значение для практического моделирования исторических явлений и процессов. Основные из них и имеется в виду рассмотреть в настоящей главе.

1. ЦЕЛИ МОДЕЛИРОВАНИЯ, ЕГО ЭТАПЫ И ТИПЫ МОДЕЛЕЙ

Как известно, моделирование представляет собой общенаучный метод познания объективной реальности, основанный на изучении моделей, отражающих (или воспроизводящих) эту реальность. Фор-

---

[1] Отметим некоторые из наиболее общих работ: *Штофф В.А.* Роль моделей в познании. Л., 1963; *Он же.* Моделирование и философия. М.; Л., 1966; *Глинский Б.А.* Моделирование как метод научного исследования. М., 1965; *Он же.* Моделирование сложных систем. М., 1978; *Уемов А.И.* Логические основы метода моделирования. М., 1971; *Бирюков Б.В., Геллер Е.С.* Кибернетика в гуманитарных науках. М., 1973; *Мамедов Н.М.* Моделирование и синтез знаний. Баку, 1978; *Кодрянц И.Г.* Философские вопросы математического моделирования. Кишинев, 1978; *Яглом И.М.* Математические структуры и математическое моделирование. М., 1980; *Батароев К.Б.* Аналогии и модели в познании. М., 1981; *Неуймин Я.Г.* Модели в науке и технике: История, теория, практика. Л., 1984, и др.

[2] См., например: *Добровольский В.К.* Экономико-математическое моделирование: (Вопросы методологии). Киев, 1975; *Левицкий Е.М.* Адаптация в моделировании экономических систем. М., 1977; *Юдин Д.Б., Юдин А.Д.* Экстремальные модели в экономике. М., 1979; *Постышев Л.П.* Основы экономико-математического моделирования. М., 1979; *Майминас С.В.* Методологические проблемы построения и применения экономических моделей. Вильнюс, 1979; Методы анализа взаимодействия экономических систем. Новосибирск, 1980; *Дадаян В.С.* Глобальные экономические модели. М., 1981, и др.

[3] Математика в социологии: Моделирование и обработка информации. М., 1977; *Филатов Д.А.* Методологические вопросы моделирования объектов прошлого, настоящего и будущего в социальной науке. Саратов, 1977; *Цыба Т.В.* Математико-статистические методы в социологическом исследовании. М., 1981; *Молчанов В.И.* Системный анализ социологической информации. М., 1981, и др.

[4] См., например: *Завьялова М.П.* О моделировании в историческом исследовании: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1970; *Она же.* Метод ретроспекции и моделирование в историческом исследовании // Вопросы методологии истории и историографии. Томск, 1974. Вып. 3; *Товма Т.Д.* Роль моделирования в познании социально-исторических явлений // Методологические вопросы науки. Саратов, 1977. Вып. 5; *Ковальченко И.Д.* О моделировании исторических явлений и процессов // Вопросы истории. 1978. № 8, и др. Критическая оценка моделирования в современной буржуазной историографии дана в статье И.Д. Ковальченко и Н.В. Сивачева "Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке" (История СССР. 1976. № 5).

мы моделирования весьма разнообразны и определяются сферами и целями его применения и типами используемых моделей. По характеру моделей выделяют *предметное* (материальное) и *идеальное* (знаковое) моделирование. В дальнейшем будет идти речь лишь о последнем.

Хотя все основные проблемы моделирования связаны с понятием моделей, принципами и методами их построения и анализа, а моделирование как метод познания имеет свою уже весьма длительную историю, до сих пор нет единого понимания того, что такое модель[5].

Наиболее широким является определение модели как системы, "исследование которой служит средством получения информации о другой системе"[6]. Уточненным применительно к понятию научной модели можно считать такое определение: "Модель есть созданная или выбранная субъектом система, воспроизводящая существенные для данной цели познания стороны... изучаемого объекта и в силу этого находящаяся с ним в таком отношении замещения и сходства... что исследование ее служит опосредованным способом получения знания об этом объекте"[7]. Говоря проще, модель представляет собой абстрагированное выражение основной сущности объекта моделирования. Она является его аналогом, "заместителем" или квазиобъектом. Модель может иметь естественно-языковую или формализованную в той или иной знаковой системе форму. Наиболее формализованными видами моделей являются *модели математические. Математическая модель* представляет собой систему "математических соотношений, описывающих изучаемый процесс или явление"[8], т.е. отражает суть объекта моделирования в соответствующей математической понятийно-знаковой форме (уравнения, неравенства, коэффициенты, графы и т.д.). По способам решения задач математические модели и методы делятся на *аналитические* (формульные) и *численные* (алгоритмические). В исторической науке преобладает применение численных методов и моделей. Их построение, как правило, связано с большим объемом вычислений и поэтому требует применения ЭВМ.

В основе моделирования лежит теория *подобия*, а возможность изучения объекта по модели базируется на принципе аналогии.

Основными видами структурно-логической аналогии являются *изоморфизм* и *гомоморфизм*. *Изоморфизм* представляет собой от-

---

[5] Например, А.И. Уемов выделяет 37 различных понятий модели (см.: *Уемов А.И.* Указ. соч. С. 23 и сл.).

[6] *Уемов А.И.* Указ. соч. С. 48.

[7] *Баторoев К.Б.* Указ. соч. С. 28. Заметим, кстати, что замечание К.Б. Бароroева в адрес А.И. Уемова о том, что модель дает не информацию об объекте моделирования, а знания о нем, неправомерно. Модель-таки дает информацию, которая превращается в знание (в теоретической форме – лишь в результате ее сущностно-содержательного анализа).

[8] Энциклопедия кибернетики. Т. 2. С. 42.

ношения типа *одинаковости*, *равенства* двух систем (применительно к моделированию – объекта моделирования и его модели). Это позволяет переносить знания, полученные при изучении одной системы, на другую. *Гомоморфизм* – отношение не симметричное, а одностороннее, т.е. лишь отношение *сходства*. Здесь возможен лишь перенос знаний с образа на прообраз, с модели – на объект моделирования.

Изучение исторических явлений и процессов на основе их математических моделей возможно лишь на принципах *гомоморфизма*. Подобно тому, как знания, полученные из адекватно составленной географической карты, можно переносить на соответствующую местность, но не все имеющееся на местности отображено на карте, знания об историческом явлении, полученные на основе анализа его модели, можно относить к этому явлению, но не все свойства последнего отражены в его модели.

Смысл построения модели состоит в том, чтобы с ее помощью углубить изучение свойств, функций и развития объекта моделирования. Это становится возможным по двум причинам. Во-первых, анализ теоретически допустимых параметров модели дает информацию о диапазоне возможных состояний рассматриваемых явлений и процессов. Во-вторых, математическая обработка системы количественных показателей, характеризующих конкретное состояние этих явлений и процессов, позволяет получить новую, явно не выраженную в исходных данных (скрытую, структурную) информацию о них. Сущностно-содержательный анализ и той и другой информации значительно углубляет изучение объектов моделирования. Очевидно, что это становится возможным при непременном условии, что модель адекватно выражает суть исследуемых явлений и процессов и применение ее корректно. В целом же успех моделирования обеспечивается соблюдением основных методологических принципов построения моделей: четкостью понимания целей моделирования, его этапов, типов моделей, принципов их построения и анализа. Все это, как хорошо известно, определяется характером той теории и методологии научного познания, на которых базируется исследование.

Моделирование исторических явлений, как и изучение их другими методами, имеет свои этапы. Начинается оно с выбора объекта познания и постановки исследовательской задачи. Об общих проблемах, решаемых на этом этапе исторических исследований, подробно говорилось в первой части работы. Поэтому коснемся здесь лишь той специфики в постановке исследовательской задачи, которая имеет место при моделировании.

Собственно, специфика эта состоит в необходимости четкой логической постановки задачи, поскольку этим определяются тип модели и математические методы ее построения.

Среди историков, применяющих математические методы, распространено мнение, что для построения модели исследовательская

задача должна быть сформулирована в виде определенной гипотезы, которая затем проверяется математическими методами, построением соответствующей модели. В итоге выдвинутая гипотеза либо подтверждается, либо опровергается.

Применение моделирования для проверки тех или иных историко-содержательных гипотез – широко распространенная, но далеко не единственная и даже не главная его функция. Построение моделей для проверки гипотез при всей научной эффективности все же в познавательном плане сравнительно ограниченно, ибо здесь моделирование направлено прежде всего на раскрытие лишь отдельных черт или сторон соответствующих явлений и процессов.

Наиболее важной задачей моделирования и наиболее высоким его познавательным уровнем является построение таких моделей, которые позволяют выявить коренную суть изучаемых явлений и процессов в целом, т.е. рассмотреть их как определенные системы. Такое моделирование основывается на дедуктивном подходе к реальности, на принципе и методах восхождения от абстрактного к конкретному. Напомним, что такой путь исследования требует формирования идеализированного, абстрактно-теоретического объекта познания, который отражает коренную суть и качественную определенность исследуемых явлений и процессов. Затем на базе обращения к конкретной форме явлений и процессов, т.е. в результате перехода от абстрактного к конкретному, раскрывается вся модификация этой сути. Причем конкретизация может быть сколько угодно детальной. В итоге наиболее глубоко раскрывается то общее и особенное, что присуще изучаемым объектам, явлениям и процессам, выявляется их синтез. Выраженный в математической форме, такой путь познания раскрывает и количественную меру соответствующего качества во всех ее вариациях.

Понятно, что моделирование, исходящее из дедуктивного подхода и направленное на восхождение от абстрактного к конкретному, возможно только тогда, когда теоретический уровень познания явлений позволяет сконструировать их абстрактную сущностно-содержательную модель. Такая возможность имеется далеко не всегда. Но изучение многих исторических явлений и процессов вполне достигло такого уровня. Математическое моделирование и является здесь наиболее эффективным средством их дальнейшего анализа.

Однако моделирование в исторических исследованиях применимо и тогда, когда еще нет основы ни для дедуктивного подхода, ни для выдвижения гипотезы. Модель в этих случаях может быть построена на основе эмпирического анализа явлений. Моделирование здесь будет содействовать переходу от эмпирического знания к теоретическому. Этот уровень моделирования – более низкий по сравнению с двумя указанными. Но в исторических исследованиях возможности для него являются наиболее широкими.

Таким образом, задачи и уровень моделирования исторических явлений и процессов могут быть разными. По познавательной ценности (в восходящем порядке) их можно расположить так: эмпирическое моделирование, математическая верификация гипотез, дедуктивное моделирование.

До сих пор речь шла о моделировании исторических явлений и процессов в онтологическом аспекте, т.е. в плане раскрытия объективной сущности этих явлений и процессов. Но моделирование в исторической науке может применяться и для решения других задач, которые имеют гносеологически-методологический характер, т.е. связаны с собственно познавательным процессом. Рассмотрим некоторые из таких задач.

Вслед за постановкой исследовательской задачи и определением возможных путей ее решения посредством моделирования возникает проблема обеспечения этого решения системой представительных количественных показателей. Формирование такой системы – важнейший и очень часто весьма сложный этап в историческом исследовании. Здесь также могут применяться математические методы на уровне моделирования. Его можно широко использовать для проверки достоверности и точности количественных и описательных сведений исторических источников и оценки их представительности, атрибуции исторических текстов, выявления генеалогии исторических памятников, восполнения пробелов в количественных данных, расчета всякого рода интегральных показателей и решения других информационно-источниковедческих и измерительных задач. В общем моделирование выступает здесь в качестве средства, создающего возможности построения моделей, характеризующих сами объекты познания. Понятно, что такое моделирование имеет свою специфику. Советские историки обладают уже определенным опытом применения математических методов и моделирования в указанном аспекте.

Наконец, еще одним видом задач, для решения которых может применяться моделирование в исторических исследованиях, является математическая *формализация самого исторического знания*, его теорий и гипотез, понятий и категорий. Моделирование самого научного знания представляет собой высший уровень математизации науки. Как указывалось, математическая формализация общественно-гуманитарного знания сопряжена с большими трудностями и пока возможна в ограниченных пределах. Этим объясняется, что можно указать только на одну попытку применения советскими историками моделирования для формализации некоторых исторических теорий. Она была предпринята К.В. Хвостовой применительно к некоторым концепциям средневековой социально-экономической истории[9]. Такая попытка заслуживает всяческого внимания и поощрения.

---

[9] См.: *Хвостова К.В.* Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980.

Как видим, моделирование в исторической науке может применяться для решения весьма разнообразного круга задач и имеет в этом плане разные уровни. Однако при всем многообразии этих задач, различиях в уровне моделирования и многообразии того математического аппарата, который может быть при этом использован, все виды моделей, применяемые при изучении общественных явлений, в исследовательско-целевом и математическом плане могут быть сведены к двум типам.

Существует много подходов к классификации моделей и самих этих классификаций[10]. Это обусловлено многообразием моделей и возможных целей классификации. Одним из подходов может быть учет *познавательной цели* моделирования. Она определяет пути и методы моделирования, математический тип модели и характер получаемого при ее посредстве знания. Поэтому применительно к прикладным аспектам моделирования такой подход к типизации моделей и моделирования представляется предпочтительным.

В исследовательской практике обществоведов математические модели могут использоваться для раскрытия тех сторон, закономерностей и особенностей процессов общественного развития, выявление которых требует решаемая исследовательская задача и которые не удается обнаружить более простыми методами. В этом случае математическая модель отражает реальные, фактически имевшие место в действительности черты и свойства явлений и процессов общественной жизни и выступает как их *измеритель*, т.е. как показатель количественной меры тех или иных свойств, состояний и развития объекта моделирования. Такие модели можно назвать *отражательно-измерительными*. Методы построения таких моделей получили в современной науке наименование "анализа данных". Это – широко и успешно развивающееся направление в применении математических методов в научных исследованиях.

Далее, математические модели могут использоваться для *прогнозирования* дальнейшего хода развития либо *выбора оптимального* в тех или иных отношениях варианта функционирования общественных систем. Для этого модель не только должна отражать основные свойства объекта моделирования, но и позволять имитировать возможные состояния объекта, отличные от его реального бытия. В этом плане моделирование является мощным средством социального прогнозирования, планирования, оптимизации функционирования различных производственных, социальных, управленческих и других общественных систем. Имитация позволяет установить оптимальные, с точки зрения стоящих задач, варианты развития

---

[10] См.: *Баторoев К.Б.* Указ. соч. Гл. II.

этих систем[11]. В отличие от отражательно-измерительных моделей рассматриваемые модели можно назвать *имитационно-прогностическими*. Для решения прогностических задач могут использоваться и многие отражательно-измерительные модели. Однако в целом это два разных типа моделей.

Основное требование к измерительным моделям состоит в том, чтобы они позволяли адекватно отражать и измерять реально имевшие место состояния объекта моделирования. Имитационные модели, кроме того, должны учитывать возможные изменения этого объекта и правильно их воспроизводить. Для этого необходим выбор такого математического аппарата, который допускает возможность имитации. Это значительно усложняет построение моделей, требует повышения их "чувствительности" к вероятным тенденциям в развитии и функционировании объектов моделирования.

Так как функционирование и развитие общественных систем определяются множеством факторов с изменяющейся интенсивностью их действия и характером взаимосвязей, то добиться должной адаптации модели к возможным изменениям весьма сложно. Поэтому, несмотря на обилие привлекаемой информации, на разнообразие математических средств, используемых для построения прогностических моделей, и широкие возможности для имитации, обеспечиваемые применением ЭВМ, далеко не всегда высказанные прогнозы оправдываются, особенно если они касаются сложных явлений и процессов общественного развития. Существующий в настоящее время уровень построения сложных прогностических моделей дает удовлетворительные результаты лишь применительно к плавно протекающим процессам[12].

Применительно к исторической науке очевидна правомерность использования всех видов отражательно-измерительных моделей. Отражательно-измерительные модели необходимы на всех уровнях онтологически направленного моделирования, т.е. моделирования, ставящего целью измерение и раскрытие сути исторических явлений и процессов. Посредством отражательно-измерительного моделирования могут решаться многие из источниковедческо-измерительных задач. Эти модели необходимы и при математической формализации исторического знания.

Значительно сложнее обстоит депо с применением в исторических исследованиях имитационно-прогностических моделей. Теоретико-методологические проблемы их применения пока еще

---

[11] См.: *Никитина А.Г.* Предвидение как человеческая способность. М., 1975; *Нейлер Т.* Машинные имитационные эксперименты с моделями экономических систем. М., 1975; *Бестужев-Лада И.В.* Поисковое социальное прогнозирование: Перспективные проблемы общества. Опыт систематизации. М., 1984, и др.

[12] См.: *Левицкий Е.М.* Адаптация в моделировании экономических систем. М., 1977. С. 16.

не разработаны, и существуют различные мнения о возможном использовании имитационно-прогностических моделей в исторической науке. Имеющийся опыт их практического построения позволяет выделить три типа задач, которые пытаются решать на их основе: 1) моделирование альтернативных, т.е. объективно и субъективно возможных, но практически не реализованных исторических ситуаций с тем, чтобы более глубоко охарактеризовать реальный ход развития; 2) построение моделей контрфактических (реально не существовавших) исторических ситуаций, конструируемых историком для использования этих моделей в качестве эталона оценки реальной исторической действительности; 3) имитация исторических явлений и процессов, для обычной характеристики и отражательно-измерительного моделирования которых отсутствуют необходимые конкретно-исторические данные.

Таким образом, сфера отражательно-измерительных моделей – это раскрытие и анализ *реального* и в объекте исторического познания и в самом историческом знании. Сфера же имитационно-прогностических моделей – изображение *возможного*, *допустимого* или *желаемого* в этом объекте. Тем самым значимость и место указанных двух типов моделей в исторической науке существенно различаются. Конкретно это будет показано ниже.

Очевидно, что никакая количественная модель не может быть построена без модели качественной. Поэтому любое научное моделирование состоит из двух этапов: сущностно-содержательного и формально-количественного. С этой точки зрения можно говорить о том, что моделирование включает построение моделей качественных и количественных.

Сущностно-содержательная модель является результатом теоретического анализа конкретно-научных представлений об объекте моделирования и в обобщенном виде выражает основные черты, закономерности и особенности функционирования и развития исследуемых явлений и процессов, а также их теоретически допустимые состояния. Она служит основой для построения модели формально-количественной и содержательной интерпретации результатов математического моделирования. Этим обусловлена определяющая роль качественной, сущностно-содержательной стороны в процессе моделирования.

Марксистский анализ исторического развития достиг той глубины, которая позволила сформулировать сущностно-содержательные модели многих важнейших проявлений этого развития. К таким моделям относятся, например, определения основных признаков и черт общественно-экономических формаций, различных систем общественного производства и стадий их развития, классов, революционных ситуаций и многие другие. К. Маркс впервые построил коли-

чественные модели важных сторон развития капиталистического способа производства[13].

Формально-количественное моделирование состоит в выявлении на основе содержательных представлений необходимых количественных характеристик исследуемых явлений и процессов и в их математической обработке, результаты которой в формализованном виде отражают существенные свойства объекта моделирования. Построение формально-количественной модели связано с решением двух важных задач. Первая состоит в том, чтобы получить репрезентативные (в количественном и качественном отношении), достоверные и точные количественные данные, характеризующие объект моделирования. Вторая задача заключается в выборе математических средств для обработки и анализа количественных данных. Главным на этой стадии является вопрос об адекватности отражения математической моделью свойств объекта моделирования.

Построенная таким образом математическая модель должна давать возможность получить новую, т.е. непосредственно не выраженную в исходных данных, информацию об исследуемых явлениях и процессах. Содержательный анализ этой информации, основанный на сущностно-содержательном подходе, и будет давать новые знания об исследуемых явлениях и процессах. Поэтому с познавательной точки зрения построение математической модели оправдано в том случае, если она дает новую информацию об объектах моделирования, а не просто в иной форме выражает уже известное. Следовательно, на всех этапах математического моделирования, начиная с постановки исследовательской задачи и кончая интерпретацией полученных результатов, определяющее значение имеет сущностно-содержательная сторона моделирования. Этому не противоречит тот факт, что доведение сущностно-содержательного анализа до построения качественной модели возможно не всегда. И при эмпирическом моделировании исследователь должен основываться на содержательном подходе к объекту моделирования, пусть и не доведенном до определенной теории и выраженном лишь в отдельных посылках и предположениях.

Таков круг основных наиболее общих вопросов моделирования исторических явлений и процессов. Поскольку существуют два качественно отличных типа моделей, характеризующих общественное развитие, необходимо конкретней рассмотреть, что могут дать они при изучении исторического развития.

---

[13] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 578–591. Модели простого и расширенного воспроизводства.

2. СТРУКТУРНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ И ПРОЦЕССОВ

Советскими историками, как отмечалось, накоплен определенный опыт измерительно-отражательного моделирования различных исторических явлений и процессов. Оно связано прежде всего с анализом структур различных общественно-исторических систем, рассматриваемых на различных иерархических уровнях. В данном случае нет возможности, да и необходимости, развернуто характеризовать применявшиеся при этом математические методы и полученные результаты. Мы рассмотрим суть, эффективность и перспективность структурно-измерительного моделирования в исторических исследованиях на примере изучения аграрного строя России в конце XIX – начале XX в. Во-первых, здесь оно нашло наиболее широкое применение, что позволяет охарактеризовать его наиболее конкретно. И во-вторых, в изучении этих проблем принимал участие автор настоящей работы, что дает возможность судить о связанных с этим моделированием проблемах не только на основе общего подхода к ним, но и исходя из исследовательской практики.

Советские историки всегда уделяли большое внимание изучению аграрного строя в России в конце XIX – начале XX в., ибо без этого нельзя раскрыть исторические предпосылки двух буржуазно-демократических революций и Октябрьской социалистической революции и понять многие черты в историческом развитии страны. Основным содержанием аграрного развития в пореформенной России была буржуазная эволюция крестьянского и помещичьего хозяйства. Поэтому исследовательские усилия направлялись прежде всего на выявление темпов и уровня развития аграрного капитализма как в стране в целом, так и главным образом в отдельных регионах. Изучение сложного процесса буржуазной аграрной эволюции, которая протекала в условиях широкого сохранения феодально-крепостнических пережитков, осложняется отсутствием в исторических источниках систематических массовых данных, которые непосредственно раскрывают масштабы и глубину буржуазной перестройки крестьянского и помещичьего хозяйства. Это – сведения о развитии товарного производства и купле-продаже рабочей силы. Поэтому анализ аграрного строя на основе традиционных методов не давал возможности конкретно установить соотношение различных социально-экономических укладов и выявить степень развития аграрного капитализма. Высказывались различные мнения, которые основывались не столько на анализе внутреннего строя крестьянского и помещичьего хозяйства, сколько на учете условий и форм буржуазной аграрной эволюции.

Однако проделанный анализ был необходимым этапом в изучении аграрного развития России и создал предпосылки для новых подходов и применения более совершенных методов исследования.

Выяснилась необходимость системного подхода и структурно-функционального анализа аграрного строя с применением таких методов, которые позволяют компенсировать отсутствие в источниках прямых данных о развитии капиталистических отношений путем извлечения из них скрытой, структурной информации, характеризующей сущность этого строя. С начала 70-х годов и стали разворачиваться исследования в этом направлении.

Той теоретико-содержательной посылкой, которая позволяет представить аграрный строй (как в целом, так и применительно к основным его компонентам – крестьянскому и помещичьему хозяйству) в форме идеализированного объекта, допускающего восхождение от абстрактного к конкретному, являются основные итоги анализа К. Марксом и В.И. Лениным капиталистического способа производства и его аграрной сферы. Эти итоги подтверждены многочисленными конкретными историко-экономическими исследованиями, охватывающими различные страны.

В данном случае из этих итогов основополагающее значение имеют следующие. При товарно-капиталистическом производстве, как указывал К. Маркс, в отличие от других форм товарного производства (когда "производители товаров как таковые противостояли друг другу"[14], а товары продавались по их *стоимости*) "товары обмениваются не просто как *товары*, но как *продукты* капиталов"[15], а основой ценообразования выступают *цены производства*, равные "издержкам производства плюс средняя прибыль"[16]. В итоге продажа товаров "доставляет одинаковые по величине прибыли на одинаковые массы соответственных капиталов, авансированных на их производство"[17]. Следовательно, одним из важнейших законов капиталистического производства является закон средней нормы прибыли. Цены производства и закон средней нормы прибыли становятся регуляторами общественного производства лишь на уже сравнительно высокой стадии развития капиталистического производства, "когда оно существует не всего лишь спорадически, а так, что подчиняет себе способ общественного производства"[18]. Тем экономическим рычагом, который приводил к формированию единой средней нормы прибыли, была конкуренция, а той ареной, где проявлялось действие этого закона, выступал единый капиталистический рынок.

Таким образом, в абстрактно-идеализированном виде функционирование капиталистического производства в условиях свободной конкуренции предполагает наличие единого капиталистического

---

[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 213.
[15] Там же. С. 192.
[16] Там же. С. 172.
[17] Там же. С. 191.
[18] Там же. Т. 26. Ч. III. С. 436.

рынка и единой средней нормы прибыли для всех видов товаров и во всех сферах общественного производства. Это относится и к аграрному производству, ибо не может быть "некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе"[19]. Наоборот, в условиях капитализма имеет место, как подчеркивал В.И. Ленин, замечательная "одинаковость законов эволюции" промышленности и земледелия[20].

Такова, абстрактно-теоретическая, идеальная модель производственно-экономической сущности капиталистического способа производства. Она и является основой для конкретного анализа аграрного строя в России в конце XIX – начале XX в. на предмет выявления степени развития в нем капитализма. Эта модель позволяет вести этот анализ методом восхождения от абстрактного к конкретному.

В содержательном отношении может быть несколько направлений изучения сущности аграрного строя. Исходным этапом было избрано исследование процесса формирования и развития единого аграрного простого товарного и капиталистического рынка[21]. Объектом изучения являлась Европейская Россия, как такая часть страны, социально-экономическое развитие которой имело определяющее значение. Конкретными показателями, использованными для анализа, были цены на основную земледельческую продукцию (рожь и овес) при характеристике простого товарного рынка и на землю, тягловый скот и рабочую силу при характеристике капиталистического аграрного рынка. Функционирование рынка рассматривалось на его высшем, т.е. предельно агрегированном, системном уровне, когда элементами системы выступали отдельные губернии. Для определения степени развития рынка выявлялись направленность и темпы изменения цен и их нивелировка, а также теснота сопряженности общего движения и случайных колебаний цен в десятилетние отрезки времени, взятые применительно к определенным историческим рубежам в аграрном развитии. Исходные динамические ряды цен подвергались математической обработке. Основным было выявление тесноты взаимосвязи в движении и колебании цен в каждой из 50 губерний со всеми другими губерниями путем вычисления коэффициентов корреляции[22]. Территориальные масштабы и теснота сопряженности движения и колебания цен отражали единство и интенсивность действия закона стоимости, а следовательно, и глубину подчинения законам рынка крестьянского и помещичьего хозяйства.

---

[19] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 135.

[20] Там же. Т. 1. С. 87.

[21] См.: *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974.

[22] Особенности корреляционного анализа данных динамических рядов подробно рассмотрены во второй главе указанной работы.

Поскольку при капитализме товарное производство приобретает всеобщий характер, т.е. товаром становится не только продукт труда, но и орудия и средства производства и рабочая сила, постольку показателем степени развития единого капиталистического аграрного рынка является наличие единых рынков на сельскохозяйственную продукцию, землю, тягловый скот и рабочую силу. Итоги анализа состояния капиталистического аграрного рынка, говоря предельно сжато, показали следующее.

К 80-м годам XIX в. сложился единый аграрный товарный рынок. В 80-х годах теснота взаимосвязи в случайных колебаниях цен на территории Европейской России была очень высокой. Средний коэффициент корреляции, выведенный из всех коэффициентов, показывающих тесноту колебаний цен в каждой из 49 губерний, составлял по ржи 0,89, а по овсу 0,78. В конце XIX в. происходило интенсивное формирование единых рынков на тягловый скот, являвшийся энергетической базой сельскохозяйственного производства, и рабочую силу. В начале XX в. в целом завершилось складывание единых рынков на эти компоненты сельскохозяйственного производства. Так, теснота корреляционной взаимосвязи общих изменений весенних цен на тягловый скот составляла в среднем по 50 губерниям 0,82, а на рабочую силу по 42 губерниям – 0,77.

Наличие в начале XX в. единых рынков на основную земледельческую продукцию, тягловый скот и рабочую силу свидетельствует о том, что в основном сформировался единый аграрный капиталистический рынок, и следовательно, сложилась и единая средняя норма прибыли в сельскохозяйственном производстве. Однако эта норма прибыли не могла быть единой со средней нормой прибыли в промышленном производстве, ибо не сформировался единый рынок на землю – основное средство сельскохозяйственного производства. Земельный рынок в начале XX в. находился на стадии формирования отдельных региональных рынков.

Отсутствие единого земельного рынка задерживало складывание единой нормы прибыли в сельском хозяйстве и промышленности и тем самым тормозило свободный перелив капиталов из одной сферы в другую. Отсутствие единого земельного рынка, обусловленное сохранением привилегированного полукрепостнического дворянского землевладения и столь же пережиточным сословным характером крестьянского надельного землевладения, не только тормозило складывание единой средней нормы прибыли в сельском хозяйстве и промышленности, но и могло быть наряду с распространением в помещичьем хозяйстве отработочной системы, обуславливающей неэквивалентность экономических отношений между помещиками и крестьянами (оплата рабочей силы при отработках была примерно вдвое ниже, чем при свободном найме), препятствием к складыванию единой нормы прибыли в помещичьем хозяйстве.

Как видим, изучение степени развития единого аграрного капиталистического рынка на основе применения системного подхода и математических методов позволяет выявить ряд важных черт в аграрном развитии. Во-первых, обнаруживается, что это развитие в начале XX в. было подчинено основным законам товарно-капиталистического производства и потому по своей внутренней сути являлось буржуазным. При этом развитие капиталистических отношений достигло определенно высокого уровня. Во-вторых, отчетливо раскрывается и основная специфика этого развития. Она выражалась в тормозящей роли помещичьего землевладения.

Из того факта, что в начале XX в. в основном сформировался единый капиталистический аграрный рынок и сложилась единая (по крайней мере в сфере крестьянского производства) средняя норма прибыли в сельском хозяйстве, следует несомненный вывод, что производственно-экономический строй крестьянского и помещичьего хозяйств имел внутреннюю сбалансированную производственно-экономическую структуру. Она должна была выражаться в тесной сопряженности (взаимосвязи) основных компонентов этого хозяйства, а именно: в пропорциональном соотношении различных видов производственных ресурсов, расходов и доходов. Конкуренция требовала поддержания производства на уровне, соответствующем средним общественно-необходимым условиям и затратам. Только при этом средства, авансированные на производство, могли функционировать как капитал и приносить среднюю норму прибыли.

Однако при всей бесспорности этого вывода он, во-первых, не обладает непосредственно очевидной доказательностью, и, во-вторых, степень соответствия конкретных условий производства у тех или иных товаропроизводителей общественно необходимым требованиям могла быть разной. Значит, необходим дальнейший анализ, направленный на выявление того, насколько в действительности была сбалансированной производственно-экономическая структура крестьянского и помещичьего хозяйств и в какой мере этим хозяйствам удавалось получать среднюю прибыль. В этом направлении и ведутся конкретно-исторические исследования применительно и к крестьянскому и помещичьему хозяйству. Остановимся на изучении внутреннего строя крестьянского хозяйства, основной формы сельскохозяйственного производства в России.

Прежде всего следует отметить, что имеющиеся источники дают возможность для широкого (в пространственном и временном аспектах) анализа производственно-экономической и социально-экономической структур крестьянского хозяйства. Это первичные и сводные данные земской статистики, сельскохозяйственных переписей, материалы земельных банков и другие источники. Что же касается данных, которые позволяют непосредственно выявить соотношение расходов и доходов в разных типах крестьянских хозяйств, то нужно сказать, что данные эти крайне скудны, поскольку бюджет-

ные обследования крестьянских хозяйств, которые и содержат соответствующие сведения, проводились в это время лишь эпизодически. Но имеющиеся бюджетные обследования уникальны по своей информативности.

Анализ крестьянских бюджетов по ряду среднечерноземных губерний позволил непосредственно выявить соотношение расходов и доходов в разных типах крестьянских хозяйств Пензенской, Воронежской, Симбирской, Харьковской и Тульской губерний[23]. В каждой губернии было выделено по четыре группы дворов, отличающихся по их хозяйственной состоятельности. Группировка дворов проводилась по размерам посевов (в Симбирской, Харьковской и Тульской губерниях), размерам валового дохода (Воронежская губерния) и соотношению затрат своего труда в своем хозяйстве и купли-продажи рабочей силы (Пензенская губерния). К I группе относились беднейшие пролетарские и полупролетарские дворы с мизерным собственным хозяйством, ко II – бедные середняцкие дворы, к III – собственно середняцкие дворы и к IV – дворы наиболее состоятельных крестьян. Численное соотношение выделенных групп в данном случае не имеет принципиального значения. Важно то, что они существенно различались по своей хозяйственной состоятельности.

В соотношении расходов и доходов различных групп крестьян выявилась такая картина (табл. 1). Затраты крестьян, в основной отрасли хозяйства, земледелии в расчете на десятину посева были во всех группах каждой губернии фактически одинаковы. При 5–7% погрешности данных интервалы всех групп пересекаются. Следовательно, все категории крестьян поддерживали затраты на земледельческое производство на среднем уровне, соответствующем условиям производства определенного региона.

Аналогичная картина имела место и в соотношении всех производственных расходов и валового дохода. Во всех группах крестьян каждой из губерний он был одинаковым. Исключение составляла беднейшая группа Симбирской губернии.

Чтобы окончательно установить, что функционирование хозяйства различных групп крестьян в равной мере было подчинено законам товарно-капиталистического производства, необходимо соотнести валовой доход не только с производственными, но и всеми расходами, включая расходы на личное потребление. Эти последние служили воспроизводству рабочей силы, главнейшего компонента в производственной деятельности.

Соотношение валового дохода и всех расходов, показывающее общую рентабельность крестьянского хозяйства, указано в табл. 2. Общая рентабельность хозяйства была фактически одинаковой, во-

---

[23] См.: *Ковальченко И.Д.* О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX – начале XX века: (По бюджетным данным среднечерноземных губерний) // История СССР. 1983. № 5.

Таблица 1

Расходы и доходы различных типов крестьянских хозяйств*

Показатели, руб.	Группы хозяйств			
	I	II	III	IV
Пензенская губерния (1913 г., 261 бюджет)				
Затраты на десятину посева	38,4	39,4	40,5	39,1
Валовой доход на рубль всех производственных расходов	1,44	1,43	1,43	1,30
Воронежская губерния (1877–1896 гг., 230 бюджетов)				
Затраты на десятину посева	26,4	23,1	25,4	25,1
Валовой доход на рубль всех производственных расходов	2,68	2,48	2,54	2,69
Симбирская губерния (1913 г., 220 бюджетов)				
Затраты на десятину посева	20,5	16,6	18,9	18,4
Валовой доход на рубль всех производственных расходов	3,54	2,58	2,18	2,10
Старобельский уезд Харьковской губернии (1910 г., 101 бюджет)				
Затраты на десятину посева	33,0	29,5	31,1	32,3
Валовой доход на рубль всех производственных расходов	1,23	1,27	1,24	1,24
Тульская губерния (1911–1914 гг., 655 бюджетов)				
Затраты на десятину землевладения	41,6	38,4	43,0	45,6
Валовой доход на рубль всех производственных расходов	2,20	2,28	2,15	1,91

* См. указанную статью.

Таблица 2

Общая рентабельность крестьянского хозяйства (валовой доход на рубль всех расходов)

Губерния	Группы хозяйств				В среднем
	I	II	III	IV	
Пензенская	1,20	1,13	1,16	1,15	1,15
Воронежская	1,07	1,10	1,13	1,23	1,16
Симбирская	1,09	1,11	1,16	1,18	1,14
Харьковская	1,25	1,22	1,19	1,21	1,21
Тульская	1,11	1,18	1,20	1,22	1,17
В среднем	1,14	1,15	1,17	1,20	1,16

первых, во всех группах хозяйств каждой из губерний и, во-вторых, во всех губерниях. В обширнейшем регионе существовала единая средняя норма прибыли для всех категорий крестьянских хозяйств. Функционирование всех этих хозяйств было всецело подчинено законам конкуренции и средней нормы прибыли, т.е. важнейшим законам капиталистического способа производства. Это значит, что внутренний строй всех категорий крестьянских хозяйств был буржуазным (применительно к основной массе крестьян – мелкобуржуазным).

В заключение необходимо отметить еще один момент. Тот факт, что все категории существенно различных крестьянских хозяйств получали среднюю норму прибыли и имели одинаковую рентабельность, никоим образом не означает равного экономического положения крестьян всех групп. В этом положении были существенные различия. Главное из них состояло в том, что общий уровень доходов крестьян разных групп (а его показателем являются валовые доходы на душу всего населения) существенно различается в силу того, что производственно-техническая вооруженность труда (отражаемая размерами производственных расходов на работника), а потому и его производительность в низших группах были значительно меньшей, чем в высших (табл. 3).

Поэтому беднейшие слои деревни достигали такого же соотношения доходов и расходов, как и крестьяне более состоятельные не в результате одинаковой вооруженности их труда, а путем бóльших трудовых затрат, за счет напряженности своего труда. Равное положение на рынке всех категорий крестьян сочеталось с существенными различиями в общем состоянии их хозяйства и их положении. Следовательно, существенно отличались и перспективы развития отдельных категорий хозяйств. Наряду с законом средней нормы прибыли в деревне неумолимо проявлял себя закон “большей продуктивности, а следовательно, и большей устойчивости крупных крестьянских хозяйств”, который вел “к вытеснению среднего и бедного крестьянства крестьянской буржуазией”[24].

Так, восхождение от абстрактного к конкретному позволяет выявить наиболее существенные черты во внутреннем строе крестьянского хозяйства в России конца XIX – начала XX в. Проведенный анализ не потребовал применения особых математических методов, так как показатели, раскрывающие сущность этого строя, в данном случае выражены явно. Это пример того, как одно из ведущих и сложных системных свойств удается раскрыть простейшими методами количественного анализа.

Обусловленность развития всех категорий крестьянских хозяйств законами товарно-капиталистического производства естественно должна была выражаться и в сходстве их производственно-

---

[24] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 66.

Таблица 3

Общий уровень доходов и производственно-техническая вооруженность труда

Губерния	Группы хозяйств			
	I	II	III	IV
Производственные расходы на работника, руб.				
Пензенская	87,4	143,4	209,0	326,3
Симбирская	23,1	33,4	50,9	59,7
Харьковская	74,5	114,9	175,3	269,6
Тульская	56,8	74,7	106,5	193,6
Воловой доход на душу населения, руб.				
Пензенская	98,6	113,9	157,8	214,2
Воронежская	37,3	54,6	75,5	113,5
Симбирская	41,5	43,6	64,2	80,8
Харьковская	75,1	134,3	190,0	286,0
Тульская	133,7	158,7	200,6	315,8

экономической структуры. В анализе последней и состоял следующий этап изучения внутреннего строя крестьянского хозяйства по бюджетным данным.

Проиллюстрируем суть этого анализа на примере Воронежской губернии.

Было выделено несколько десятков показателей, характеризующих крестьянское хозяйство, и выявлена теснота корреляционной взаимосвязи каждого показателя со всеми остальными.

В табл. 4 приводятся коэффициенты корреляции, показывающие взаимосвязь между взаимно сопряженными признаками в I (беднейшая) и IV (зажиточная) группах крестьянских хозяйств. Таких признаков оказалось семь. Три из них (1–3) характеризуют общий уровень обеспеченности крестьянского хозяйства основными производственными фондами (строениями, инвентарем, рабочим и продуктивным скотом). Следующие три (4–6) отражают основную структуру и уровень расходов (производственные затраты, расходы на питание и общий расход). Наконец, последний (7) показывает конечный совокупный итог производственной деятельности крестьян – размер общего дохода.

Оказывается, что между всеми этими показателями и у беднейших и у зажиточных крестьян имела место прямая существенная, а по ряду показателей и очень тесная взаимосвязь. Средний коэффициент корреляции, выведенный из 21 коэффициента, равнялся у беднейших крестьян 0,57, а у зажиточных 0,69. В общем существовала внутренняя сбалансированность основных компонентов крестьянского хозяйства. У зажиточных крестьян она была более тес-

Таблица 4

Взаимосвязь компонентов крестьянского хозяйства в Воронежской губернии в конце XIX в. (коэффициент корреляции 0, …) *

Признаки	1	2	3	4	5	6	7
Стоимость, руб. на душу							
1. Строений и промышленных заведений	X	33	48	34	51	56	59
2. Рабочего инвентаря	74	X	67	39	41	51	46
3. Всего скота и птицы	41	43	X	40	53	70	68
Расходы, руб. на душу							
4. На хозяйственные нужды	73	63	58	X	37	75	70
5. На питание	82	83	39	67	X	82	83
6. Всего	77	77	60	93	83	X	98
7. Общие доходы, руб. на душу	72	68	57	78	74	88	X

* Под диагональю, обозначенной знаком “X”, – зажиточное (IV группа), над диагональю – беднейшее (I группа) крестьянство.

ной, чем у беднейших, что вполне естественно. Но в данном случае важно, что эта сбалансированность была присуща обоим полярным слоям крестьян. Характерно и то, что ни в I, ни в IV группах населенность крестьянских дворов не была сколько-нибудь заметно связана с указанными производственно-экономическими сторонами крестьянского хозяйства, т.е. трудовые ресурсы как таковые не относились к системообразующим признакам.

Наряду с тем общим, что было присуще внутреннему строю беднейших и зажиточных крестьян, корреляционный анализ показывает и существенные различия в этом строе. Так, у зажиточных крестьян затраты на наемную рабочую силу были прямо связаны с указанными признаками (средний коэффициент связи с семью показателями равен 0,41). У беднейших же крестьян эта взаимосвязь была очень слабой (по тем же самым признакам 0,20).

У зажиточных крестьян доля расходов на аренду в общем расходе не была взаимосвязана с указанными и другими производственными признаками. Это свидетельствует о том, что она не играла существенной роли в их хозяйстве. У беднейших же крестьян она заметно коррелировалась с наличием рабочего инвентаря (0,40), расходами на питание (0,40) и общим расходом (0,48), т.е. здесь аренда играла заметную роль, во-первых, и имела потребительский характер, во-вторых. Со сдачей земли в аренду картина была такой. В беднейшей группе больше земли сдавали в аренду те крестьяне, у которых в общих доходах выше доля доходов от личных промыслов, т.е. землю сдавали крестьяне, которые были не в состоянии ее обра-

батывать и поэтому вынуждены уходить на заработки. У зажиточных же крестьян больше земли сдавали те, у которых были больше затраты на наемных рабочих в расчете на десятину посева. Следовательно, для наиболее состоятельных крестьян наряду с втягиванием в собственно буржуазные отношения характерно и стремление к увеличению дохода путем сдачи части земли в аренду. Иначе говоря, мелкий аграрий буржуазного типа еще не отдифференцировался от кулака-ростовщика.

Еще один момент. У беднейших крестьян доля дохода от неземледельческих занятий была тесно связана с доходом от личных промыслов, т.е. работы по найму (коэффициент корреляции между признаками равен 0,97), а у зажиточных – с доходом от торгово-промышленных предприятий (коэффициент корреляции равен 1,00). При этом у зажиточных крестьян доля доходов от торгово-промышленных заведений очень тесно коррелировала и с долей доходов от земледелия и скотоводства (0,97). Значит, торгово-промышленной деятельностью занимались прежде всего те зажиточные крестьяне, у которых были наиболее развиты и сельскохозяйственные занятия.

Как видим, корреляционный анализ внутреннего строя крестьянского хозяйства дает возможность конкретно установить как то общее, что было присуще этому строю у разных типов хозяйств, так и те особенные черты, которые отличали этот строй.

Как же обстояло дело в средних группах? Здесь также имела место высокая степень сбалансированности основных компонентов производственно-экономического строя крестьянского хозяйства. Средние коэффициенты совокупной взаимосвязи семи указанных признаков составляют по II группе 0,68, а по III – 0,62, т.е. находятся в интервале между коэффициентами по I и IV группам. Значит, и структура хозяйства средних групп крестьянства в основных аспектах была сбалансированной.

Сбалансированность ведущих компонентов производственно-экономического строя хозяйства различных групп крестьян свидетельствует о том, что такая сбалансированность должна прослеживаться и при общем рассмотрении этого строя, т.е. при выявлении взаимосвязи его компонентов по всей совокупности крестьянских хозяйств без разделения ее на группы. Как видно из табл. 5, такая взаимосвязь, действительно, имела место. По семи указанным признакам совокупный средний коэффициент корреляции равен 0,72, т.е. общая теснота взаимосвязи основных компонентов крестьянского хозяйства была наиболее близкой к тесноте их взаимосвязи у зажиточного слоя деревни (0,69), что вполне естественно, ибо тенденции развития именно этого слоя определяли общую сущность производственно-экономической структуры крестьянского хозяйства в целом.

Таково было положение в Воронежской губернии. Аналогичная ситуация прослеживается в Пензенской и Симбирской губер-

Таблица 5

Общая взаимосвязь основных компонентов крестьянского хозяйства Воронежской губернии в конце XIX в. (коэффициент корреляции 0,…)

Признаки	1	2	3	4	5	6	7
			Стоимость				
1. Строений и промышленных заведений	X	72	51	74	71	75	75
2. Рабочего инвентаря	72	X	55	68	69	74	72
3. Всего скота и птицы	51	55	X	55	48	64	65
			Расходы				
4. На хозяйственные нужды	71	68	55	X	75	94	88
5. На питание	71	69	48	75	X	88	84
6. Общий расход	75	74	64	94	88	X	96
7. Общий доход	75	72	65	88	84	96	X

ниях. Не рассматривая соответствующие показатели детально, отметим лишь совокупные показатели тесноты взаимосвязи сопряженных признаков (табл. 6). По Пензенской губернии выделяется 10 таких признаков, а по Симбирской – 11. Содержательно они также характеризуют размеры производства, обеспеченность основными производственными фондами, расходы и доходы.

Таблица 6

Общая сопряженность производственно-экономической структуры крестьянского хозяйства (средние коэффициенты корреляции)

Группы хозяйств	Губернии	
	Пензенская	Симбирская
I	0,67	0,59
II	0,70	0,63
III	0,62	0,68
IV	0,76	0,69
По I–IV группам	0,72	0,71

Как видим, и в этих губерниях основные компоненты производственно-экономической структуры были весьма тесно сбалансированы во всех типах хозяйств. И здесь показатели тесноты взаимосвязи компонентов в общей совокупности крестьянских хозяйств наиболее близки к показателям тесноты их взаимосвязи в высшей группе. Наиболее интересно то, что средняя теснота взаимосвязи компонентов во всей совокупности крестьянских хозяйств была в трех губерниях одинаковой. В свете факта, что во всем рассматриваемом регионе существовала единая средняя норма прибыли, одинаковая степень общей сопряженности производственно-экономической структуры крестьянского хозяйства вполне закономерна.

Естественное совпадение результатов непосредственного анализа того, в какой мере в крестьянском хозяйстве проявлял себя закон средней нормы прибыли, и анализа сбалансированности производственно-экономической структуры этого хозяйства дает основание изучать степень развития в деревне товарно-капиталистических отношений по показателям состояния этой структуры, что весьма важно, так как бюджетные обследования – уникальный источник, а для анализа внутренней структуры крестьянского хозяйства имеются систематические массовые данные.

Далее существенно, что о степени воздействия на функционирование крестьянского хозяйства общих закономерностей товарно-капиталистического производства можно судить не только на основе показателей, характеризующих состояние производственно-экономической структуры различных типов хозяйств, но и по сопряженности структуры всей совокупности этих хозяйств. Наличие такой возможности позволяет использовать для анализа внутреннего строя крестьянского хозяйства данные, которые не содержат группировок крестьянских дворов по их хозяйственной самостоятельности. А такие данные составляют подавляющую часть имеющихся сведений о крестьянском хозяйстве.

Естественно возникает вопрос, в какой мере столь широкие выводы можно делать на основе анализа лишь нескольких бюджетных обследований, которые к тому же являются выборками, охватывающими крайне незначительную долю крестьянских хозяйств. Оценить правомерность указанных заключений можно на основе вероятностного подхода к ним.

Вероятность того, что каждое из обследований рисует не закономерную, а специфическую, единичную картину, равняется 0,5. Вероятность же одновременного появления двух или нескольких случайных событий (в данном случае ошибочных заключений), как доказано в теории вероятностей, равна произведению их вероятностей. При трех наблюдениях вероятность ошибочного заключения равна 0,125 ($0{,}5 \times 0{,}5 \times 0{,}5$), т.е. с вероятностью, близкой к 90% (точно 87,5%), можно утверждать, что совпадающие результаты анализа трех бюджетных обследований отражают реальное положение в среднечерноземной полосе. При большем числе наблюдений эта вероятность будет еще выше. Так, при совпадении результатов анализа пяти обследований (что имеет место при выявлении соотношения доходов и расходов) она составит примерно 0,97, т.е. будет близка к полной достоверности. Разумеется, степень достоверности здесь распространяется на само “событие” (в данном случае им является сбалансированность внутреннего строя крестьянского хозяйства), а не на выражающие его количественные характеристики (величины коэффициентов корреляции).

Таким образом, анализ внутреннего строя крестьянского хозяйства на его низшем системном уровне (ибо крестьянские дворы яв-

ляются нечленимыми элементами системы) позволяет раскрыть степень проявления в единичном закономерностей, проявляющихся в предельном выражении в абстрактно-всеобщем, т.е. капиталистическом, производстве как целостности.

Анализ внутреннего строя крестьянского хозяйства в России эпохи капитализма на основе первичных (подворных) данных – лишь одно из возможных и необходимых направлений в изучении крестьянского хозяйства. Наряду с первичными (подворными) данными, которые позволяют изучить внутренний строй крестьянского хозяйства, выделяя в его среде различные по хозяйственной состоятельности типы хозяйств, в исторических источниках, прежде всего в материалах земских обследований крестьянских хозяйств, содержатся сводные сведения о различных группах хозяйств. Они характеризуют состояние крестьянского хозяйства в этих группах в целом по отдельным селениям, волостям и уездам. В плане широкого территориального анализа наибольшую ценность здесь представляют поуездные групповые данные. Основные трудности их обработки и анализа, помимо различий в наборе показателей, характеризующих крестьянское хозяйство, состоят в том, что группы хозяйств выделены по различным признакам (размерам посевов, обеспеченности рабочим скотом и т.д.) с неодинаковыми групповыми интервалами и различным числом самих групп.

Оригинальный метод преодоления этих трудностей был предложен В.И. Лениным. Он состоит в том, что из низших (беднейших) групп формируется группа в 50% всех крестьянских дворов, а из высших (зажиточных) – группа в 20% всех крестьянских дворов. Затем выявляется удельный вес этих групп в общем объеме населения, земли, средств производства и других компонентах крестьянского хозяйства. Тем самым открывается путь к выявлению роли в деревне различных типов крестьянских хозяйств. Обработав таким образом данные по 21 уезду за 80-е годы XIX в., В.И. Ленин нарисовал убедительную обобщенную картину разложения крестьян[25].

Для выявления сдвигов, которые произошли в разложении крестьян в последующее время, нами обработаны по ленинскому методу сведения земских описей, содержащие нехозяйственные группировки дворов за конец 1890-х – начало 1900-х годов. Выявленные данные охватывают 20 уездов[26]. Не останавливаясь на итогах традиционного анализа этих данных, отметим лишь два момента.

Разложение крестьян Черноземного района к началу XX в. по сравнению с 80-ми годами заметно углубилось. Об этом свидетельствует падение доли беднейшего слоя и увеличение доли зажиточно-

---

[25] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3. Гл. II.

[26] Пять из них находились в Черноземном, десять – в Центрально-Нечерноземном и пять – в Северо-Уральском районах. В выявлении этих материалов автору оказал помощь Л.В. Разумов.

го слоя в посевах, главном компоненте земледельческого производства, которое представляло в этом районе основную отрасль крестьянского хозяйства. Доля беднейшего слоя в посевах снизилась с 21,2 до 17,5%, доля зажиточного слоя возросла с 47,0 до 50,1%. При примерно одинаковом весе каждой группы в общем числе населения в оба периода (беднейшая – 39,5 и 38,1% и зажиточная – 28,5 и 28,2%) это означало, что изменилась не просто доля групп в посевах, но и общий уровень хозяйства, показателем которого являются размеры посевов на душу населения. Так, в первый период на единицу населения у зажиточных дворов приходилось посевов в 3,1 раза больше, чем у бедных, а во второй период уровень земледелия у зажиточных крестьян был уже в 3,9 раза выше, чем у беднейших, и это при том, что доля групп в рабочем скоте фактически не изменилась (18,5 и 19,0% у беднейших и 47,0 и 45,9 у зажиточных).

Второй момент связан с обеспеченностью полярных слоев деревни производственными фондами. Показателем этой обеспеченности является количество рабочего и крупного рогатого скота на десятину землепользования. Оно было у беднейших и зажиточных крестьян всех трех районов фактически одинаковым.

Рабочего скота на десятину землепользования приходилось соответственно у беднейших и зажиточных крестьян в Черноземном районе 0,17 и 0,18 голов, в Центрально-Черноземном – 0,09 и 0,08 и в Северно-Уральском – 0,10 и 0,10 голов. Крупного рогатого скота соответственно имелось 0,17 и 0,09, 0,16 и 0,14, 0,09 и 0,08 голов. Крупного скота зажиточные крестьяне Черноземного района имели даже меньше, чем беднейшие. Это могло объясняться тем, что при специализации хозяйства зажиточных крестьян района на зерновом производстве внимание к животноводству ослаблялось. Кроме того, в расчет не шел мелкий скот, которым зажиточные крестьяне были обеспечены лучше.

Таким образом, широкие по пространственному охвату данные подтверждают уже выявленное важное обстоятельство, что в условиях развития в деревне товарно-денежных отношений все категории крестьян вынуждены были поддерживать обеспеченность производственными фондами на средненеобходимом уровне. Как видно из указанных данных, на рубеже XIX–XX вв. этот уровень достиг высокой степени региональной нивелировки.

Для структурного анализа внутреннего строя хозяйства беднейших и зажиточных крестьян 20 рассматриваемых уездов были выделены 15 показателей и выявлена теснота взаимосвязи между ними. Полученные коэффициенты корреляции приведены в табл. 7.

Количество населения на двор, отражающее обеспеченность крестьянского хозяйства трудовыми ресурсами, у беднейших крестьян имело слабую прямую взаимосвязь с размерами посева на двор (коэффициент 0,42). С другими признаками, характеризующими размеры хозяйства (показатели на двор) и его уровень (показате-

Таблица 7

Внутренний строй хозяйства беднейших и зажиточных крестьян нечерноземных и черноземных районов Европейской России на рубеже XIX–XX вв. (коэффициент корреляции 0, …)*

Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
На двор															
1. Население	X	–	–	–	–	–56	–	–	–63	–	–	–45	–	64	–
2. Землепользование	–	X	78	85	43	95	89	89	48	–	–57	Н/с	–54	–	–
3. Посевы	42	50	X	59	–	61	98	80	–	80	–62	–	–	–	–
4. Рабочий скот	–	59	68	X	–	74	93	96	–	59	–62	–	–	–	–
5. Продуктивный скот	–	58	–	64	X	47	–	–	93	–	–	–	–	–	–
На душу															
6. Землепользование	–41	97	43	55	43	X	78	87	63	–	–51	Н/с	–	–47	–
7. Посевы	–	63	96	68	–	61	X	87	–	74	–64	–	–	–	–
8. Рабочий скот	–	62	59	96	58	64	67	X	–	46	59	–	–43	–	–
9. Продуктивный скот	–	64	–	59	94	58	–	62	X	–	–	41	–	–	–
Дворов, %															
10. С наймом рабочих	–	–	–	–	–	–	–	–	–	X	–58	–	82	42	–
11. С заработками	–	–	–54	–	–	–	–62	–	–	–	X	–	–	–	–
12. С торгово-промышленными заведениями	–	Н/с	–	–	–46	–	–	–	–	93	–	X	Н/с	Н/с	–
Доля земли, %															
13. Купчей	–	–	–	–	–	–	–	–	–	78	–	Н/с	X	48	73
14. Арендованной	45	–52	–	–48	–	–59	–	59	–	–	–	Н/с	58	X	–
15. Сданной	–	–48	–	–	–	–47	–	–	–	–	–54	Н/с	–	–	X

* В поддиагональной части, обозначенной знаком “X”, – беднейшие, в наддиагональной – зажиточные крестьяне. Знак “–” означает отсутствие взаимосвязи между признаками, а сокращение “Н/с” – отсутствие необходимых сведений для вычисления коэффициента корреляции.

ли на душу населения), количество населения не имело прямой взаимосвязи. Не было ее по этим показателям и в зажиточной группе. Следовательно, населенность дворов не влияла в целом на размеры и уровень хозяйства в том смысле, что большая населенность двора не сочеталась в целом с большими размерами хозяйства и более высоким его уровнем.

У беднейших и зажиточных крестьян имела место слабая обратная взаимосвязь между населенностью двора и размерами землепользования на душу (–0,41 и –0,56). Там, где численность семей была больше, размеры душевого землепользования были, естественно, меньше. У зажиточных крестьян была обратной и достаточно тесной (–0,63) взаимосвязь между количеством населения на двор и численностью продуктивного скота на душу[27]. Это значит, что в местностях с наиболее высокой обеспеченностью коровами (прежде всего районы молочного животноводства) были самые небольшие размеры семей.

Размеры и уровень крестьянского сельскохозяйственного производства характеризуются сведениями о землепользовании, посевах, рабочем и продуктивном скоте. Между этими показателями в расчете и на двор и на душу существовала положительная и в целом тесная взаимосвязь.

Сопряженность основных компонентов крестьянского хозяйства не ограничивалась лишь их взаимосвязью в аспектах "двор", "душа населения". Существовала и взаимосвязь между собой показателей в расчете на двор и на душу. В данном случае ярко подтверждается выявленное В.И. Лениным положение: в крестьянском хозяйстве общий уровень развития сельскохозяйственного производства (показатели на душу населения) определяется прежде всего размерами этих хозяйств (показатели на двор).

Средняя теснота взаимосвязи признаков, характеризующих структуру крестьянского сельскохозяйственного производства (это признаки 2–9), равнялась у беднейшего слоя 0,66, а у зажиточного – 0,77. Иначе говоря, сбалансированность основных компонентов сельскохозяйственного производства была у обоих слоев крестьянства весьма тесной. Но в структуре этих типов хозяйств существовали и различия.

У беднейших крестьян применение наемного труда имело положительную и тесную взаимосвязь с долей дворов с торгово-промышленными заведениями (0,93) и с долей купчей земли по отношению к надельной (0,78) и не было связано с признаками, характеризующими размеры и уровень сельскохозяйственного производства. У зажиточных крестьян, наоборот, размах применения наемных рабочих коррелировал: не очень тесно с количеством рабочего скота

---

[27] В графе "Продуктивный скот" учтен лишь крупный рогатый скот, подавляющую часть которого составляли коровы.

на двор (0,59) и на душу населения (0,46), очень тесно с размерами посевов на двор и на душу (соответственно 0,80 и 0,74) и с долей купчей земли (0,82). Следовательно, у зажиточного слоя деревни применение наемного труда обуславливалось прежде всего размерами и уровнем земледельческого производства, основной отрасли хозяйства, и распространением в полной мере свободной формы крестьянского землевладения, долей купчих земель. У беднейшего слоя применение найма в первую очередь было связано с торгово-промышленной, а не сельскохозяйственной деятельностью. Связь найма с долей купчей земли здесь, вероятно, была обусловлена тем, что этой землей владели в основном хозяева торгово-промышленных заведений.

Доля дворов с заработками у беднейших крестьян имела обратную взаимосвязь с размерами посевов на двор и душу населения и долей сданной земли, т.е. у беднейших крестьян работа по найму распространялась шире там, где были меньше размеры посевов и где крестьяне меньше сдавали земли. Первый момент вполне очевиден, а второй свидетельствует о том, что, чем шире беднейшие крестьяне были вовлечены в заработки вне своего хозяйства, тем меньше они сдавали земли. Работа по найму здесь являлась источником поддержания земледельческого производства. Этот момент существен для раскрытия особенностей производственной деятельности беднейших крестьян.

У зажиточных крестьян доля дворов с заработками была обратно взаимосвязана с обеспеченностью крестьян землей, рабочим скотом и размерами посевов. Здесь у крестьян, имевших меньшие размеры земледельческого производства, образовался избыток рабочей силы, которая и поглощалась заработками.

Доля дворов с торгово-промышленными заведениями у беднейших крестьян имела тесную прямую взаимосвязь с распространением найма (0,93), т.е. среди этого слоя крестьян торгово-промышленная деятельность распространялась шире там, где был выше общий уровень развития капитализма в крестьянском хозяйстве, который в большой мере определялся выделением из беднейших в земледельческом отношении крестьян владельцев торгово-промышленных заведений. У зажиточных крестьян торгово-промышленная деятельность более распространялась там, где меньше населенность дворов и где выше уровень животноводства. Иначе говоря, у зажиточного слоя торгово-промышленная деятельность шире развивалась там, где были менее благоприятные условия для земледелия.

Доля купчей земли по отношению к наделу у беднейших крестьян была больше там, где выше доля дворов с наемными рабочими и где выше доля арендованной земли по отношению к наделу. Формирование свободного землевладения стимулировалось более широким размахом применения наемного труда. Так как аренда земли стоила дорого, то часть беднейших крестьян, которая обладала оп-

ределенными средствами, стремилась переходить от аренды земли к ее покупке. Это, как указывалось, были прежде всего те из беднейших в земледельческом отношении крестьян, которые владели торгово-промышленными заведениями.

У зажиточных крестьян доля купчих земель была наиболее значительной там, где эти крестьяне имели меньше размеры землепользования на двор, где более широко распространялось применение наемного труда (0,82), где, что особенно интересно, была выше доля сданной ими земли (0,73). Иначе говоря, свободное буржуазное землевладение на зажиточном полюсе деревни было тесно связано с развитием капиталистических отношений и стимулировалось стремлением расширить землепользование, а сами купчие земли не только использовались в хозяйстве зажиточных крестьян, но и сдавались в аренду другим крестьянам. В последнем случае, как уже отмечалось, зажиточный крестьянин выступал как рантье, получавший земельную ренту.

Аренда земли у беднейших крестьян была шире распространена там, где обеспеченность землей и рабочим скотом и на двор и на душу населения ниже, т.е. аренда земли у беднейших крестьян являлась арендой потребительской, арендой из нужды, поскольку землю арендовали прежде всего наиболее малоземельные и плохо обеспеченные лошадьми крестьяне. Зажиточные крестьяне арендовали землю больше там, где выше населенность дворов (т.е. больше трудовые ресурсы семьи), где меньше землепользование на душу, больше доля дворов с наймом и выше доля купчих земель по отношению к наделу. Здесь очевиден предпринимательский характер аренды. Так как почти повсеместно зажиточные крестьяне арендовали подавляющую часть земли, то по площади арендованных земель, безусловно, преобладала аренда предпринимательская.

Наконец, сдача земли. Беднейшие дворы больше сдавали земли там, где меньше размеры землепользования на двор и душу и меньше доля дворов с заработками, т.е. землю сдавали прежде всего те из наиболее малоземельных беднейших крестьян, которые меньше были втянуты в работу по найму. Это – наиболее бедствующая часть беднейших крестьян.

У зажиточных крестьян доля сданной земли имела прямую взаимосвязь лишь с долей купчих земель (0,79), т.е. сдавались прежде всего покупные земли, что служило, как указывалось, одним из источников доходов для зажиточных крестьян.

Как видим, во внутреннем строе хозяйства беднейших и зажиточных крестьян существовали и весьма существенные различия. Почти все они могут быть выявлены лишь в результате структурного анализа.

Сходство внутренней структуры полярных слоев деревни в основных производственно-экономических компонентах дает основания полагать, что имела место и сопряженность этой структуры в

крестьянском хозяйстве в целом, что подтверждается данными корреляционного анализа. В общей совокупности крестьянских хозяйств были тесно взаимосвязаны размеры посевов и количество рабочего скота на двор и на душу населения, а также доля арендованной земли по отношению к наделу. Средняя взаимная теснота взаимосвязи равнялась 0,80, т.е. опять-таки была наиболее близкой к степени устойчивости структуры зажиточного слоя крестьян. Кроме того, применение наемного труда взаимосвязано с долей купчей земли (0,51) и долей дворов с торгово-промышленными заведениями (0,80), что отражает буржуазный характер торгово-промышленной деятельности и покупки земли. Доля же дворов с заработками больше там, где меньше размеры посевов на душу (–0,51), т.е. там, где уровень земледелия был более низким и из-за неблагоприятных условий для него (нечерноземная полоса), и из-за наличия широкого слоя беднейших крестьян, а также там, где была выше обеспеченность десятины землепользования рабочим (0,40) и продуктивным скотом (0,49). Последнее означает, что при наиболее высокой обеспеченности земледелия средствами производства (а скот является важнейшим их видом), с одной стороны, растет потребность в наемной рабочей силе, а с другой – образуется общий излишек необходимой для земледелия рабочей силы. Отсюда – рост отхода на заработки и в сельское хозяйство и в промышленность.

Следовательно, и структурный анализ внутреннего строя крестьянского хозяйства на основе пространственно-агрегированных и нерасчлененных по категориям крестьянских хозяйств данных позволяет выявить общий уровень и специфику буржуазной аграрной эволюции крестьянского хозяйства. Использование агрегированных данных при системном анализе будет наиболее эффективным в плане его содержательной конкретности, во-первых, при охвате этим анализом разных уровней иерархической системы и, во-вторых, при типической однородности объектов, образующих соответствующую систему (подсистему).

Внутренний строй крестьянского хозяйства в России эпохи капитализма может изучаться и изучается на уровне, когда нечленимыми элементами системы являются крестьянские дворы, общины (селения), волости, уезд, губернии. Уровень агрегирования определяется исследовательской задачей и состоянием источников. При микроанализе это будут селения, при изучении экономико-географических регионов – уезды, а при макроанализе – губернии. Выделение же типических однородных совокупностей исследуемых объектов позволяет более детально и глубоко раскрыть при дедуктивном моделировании как проявление общего в особенном и единичном, так и специфику соответствующих систем, т.е. получить наиболее конкретное теоретическое знание.

Соответствующие типические совокупности пространственных объектов могут выделяться на уровне селений, волостей и уездов

определенных экономико-географических районов. Основой для типизации могут служить различные признаки, характеризующие состояние крестьянского хозяйства. Подчеркивая необходимость учета воздействия на развитие крестьянского хозяйства различных факторов, В.И. Ленин в статье "К вопросу о задачах земской статистики" (1914 г.) писал: "Отметим, по крайней мере, некоторые из группировок, которые могли бы и должны бы были быть произведены для использования богатейшего земско-статистического материала. Желательно разделить уезд и губернию (речь идет о Пензенской губернии. – *И.К.*) на районы по наибольшему распространению торгового земледелия разных видов… затем по промыслам неземледельческим и по отходу; – по условиям помещичьего хозяйства… далее, по степени развитости торговли и капиталистического оборота вообще… по величине селений"[28], а также по многим другим признакам (обеспеченность крестьян землей, рабочим и другим скотом, применение найма и т.д.).

Для наиболее обоснованного и всестороннего выделения однотипных совокупностей дворов, селений, волостей, уездов и губерний необходимо применение методов многомерной типологии[29].

Дедуктивные корреляционные измерительные модели социально-экономических структур крестьянского хозяйства не только отражают состояние этих структур в определенный момент и тем самым показывают меру проявления свойств общего в единичном и особенном, но и содержат *собственно модельную* информацию, позволяющую судить о возможных предшествующих и последующих их состояниях. Именно поэтому они и являются моделями. Значения линейных коэффициентов корреляции колеблются от –1 до 1. Чем ближе коэффициенты к 1, тем устойчивее соответствующая структура. И, наоборот, чем ближе они к 0, тем менее она сбалансирована. Тем самым корреляционный анализ позволяет уловить все стадии в состоянии структуры от первых признаков становления до ее предельного, идеального состояния. Указанные выше усредненные коэффициенты сопряженности производственно-экономической структуры крестьянского хозяйства как в его отдельных типах, так и в целом в своих высших значениях колеблются около 0,70. Это свидетельствует об уже высокой устойчивости этих структур. Однако они были еще далеки от возможного предела. Значит, хотя бур-

---

[28] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 279–280.

[29] Обычные и многомерные методы выделения типических волостей и селений при изучении внутреннего строя крестьянского хозяйства среднечерноземной полосы были применены К.Б. Литваком (*Литвак К.Б.* Опыт количественного анализа пообщинных сводок земских подворных переписей начала XX в. // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981; *Он же.* О пределах информативности пообщинных сводок земских переписей при изучении типов крестьянских хозяйств // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985.

жуазное развитие деревни и достигло высокого уровня и капиталистические отношения играли определяющую роль в ее развитии, но они еще не вытеснили другие уклады.

В тех случаях, когда имеющиеся данные позволяют анализировать структуру изучаемых систем в разные временны́е моменты, можно конкретно проследить изменения в их развитии. Важным преимуществом структурного анализа является то, что он допускает возможность сравнений и в тех случаях, когда структура в разные моменты ее состояния характеризуется в той или иной мере не совпадающими показателями. Это возможно потому, что сравнение может основываться не на сопоставлении значений одних и тех же признаков, как делается при обычных методах, а на основе применения агрегированных показателей состояния структуры. Естественно, что показатели должны отражать взаимосвязи существенных, системообразующих признаков. Следует также отметить, что устойчивость той или иной структуры не означает одинаково тесной взаимосвязи каждого системного признака со всеми другими. Сопряженность структуры определяется наличием определенного "ядра" взаимосвязанных признаков, которое имеет как бы свое менее тесно связанное с ним "окружение".

Конкретным примером эффективности сопоставления корреляционных моделей структур для выявления сдвигов во внутреннем строе крестьянского хозяйства могут быть модели этого строя в среднечерноземной полосе в 80-х годах XIX в. и в 1906–1913 гг., построенные по поуездным данным (табл. 8)[30].

Средняя теснота взаимосвязи в конце XIX в. по пяти признакам составила 0,50, а по шести признакам в начале XX в. – 0,85. Совершенно очевидно, что внутренняя сбалансированность производственно-экономической структуры крестьянского хозяйства за рассматриваемое время существенно усилилась. Это невозможно обнаружить простым сопоставлением показателей состояния крестьянского хозяйства в эти периоды.

Корреляционный анализ внутреннего строя крестьянского хозяйства может быть дополнен регрессионным и факторным анализом. Регрессионный анализ дает возможность выявить степень воздействия тех или иных признаков-факторов на те или иные результативные показатели[31]. Здесь прежде всего интересно посмотреть, какими производственными факторами определялся конечный

---

[30] По концу XIX в. данные охватывают 57 уездов (обработаны Т.Л. Моисеенко), а по началу XX в. – 59 уездов, т.е. являются вполне представительными.

[31] Наряду с выявлением удельного веса того или иного признака в воздействии на результат, как это имеет место в рассматриваемом примере, регрессионный анализ позволяет также установить абсолютную величину изменения результативного признака при изменении признака-фактора на величину, равную единице его измерения.

Таблица 8

Структура внутреннего строя крестьянского хозяйства среднечерноземной полосы (над диагональю – 80-е годы, под диагональю – 1906–1913 гг.)

На душу населения	1	2	3	4	5	6
1. Надел		0,77	0,55	0,61	0,39	–
2. Посев	0,98	X	0,61	0,37	0,39	–
3. Рабочий скот	0,96	0,95	X	0,43	0,50	–
4. Продуктивный скот	0,97	0,92	0,91	X	0,35	–
5. Арендованная (покупная земля)	0,72	0,91	0,83	0,89	X	–
6. Плуги	0,77	0,80	0,81	0,67	0,73	X

результат производственной деятельности крестьян. Показателем его являются размеры валового дохода. Взятые в расчете на душу всего населения они характеризуют общий уровень доходности крестьянского хозяйства. Для примера в табл. 9 указана зависимость этого дохода в Пензенской губернии от десяти признаков, характеризующих производственно-экономический строй крестьянского хозяйства.

Решающая роль принадлежит четырем факторам (размеры землепользования, посев, обеспеченность скотом и доход на рубль производственных расходов). Наиболее важным моментом является значительное воздействие на общий уровень валового дохода доходов, полученных на рубль производственных расходов, т.е. от эффективности производственных затрат. Роль этого фактора возрастает от низшей группы к высшей. В последней высота эффективности производственных затрат в определяющей степени влияла на различия в общем уровне доходов (64,5%). В беднейшей группе основную роль играли размеры землепользования (68,1%). Во II группе размеры дохода в основном зависели от размеров посевов и доходов на рубль производственных затрат. В III группе основную роль играли обеспеченность скотом и то же соотношение доходов и производственных затрат.

Таким образом, регрессионный анализ раскрывает особенности производственного процесса у разных типов крестьянских хозяйств. В общем регрессионный анализ в обоих вариантах является мощным средством структурно-функционального анализа.

Многообразие и многочисленность признаков, характеризующих общественные и другие системы, породили потребность в методах обработки и анализа, которые позволяют проводить их интегрально на основе “сжатия” исходной информации, т.е. перехода от большего числа исходных признаков к меньшему числу факторов, выявленных на их основе.

Таблица 9

Зависимость валового дохода крестьян (в руб. на душу) Пензенской губернии в 1913 г. от различных факторов

Факторы	Группы хозяйств			
	I	II	III	IV
	Вес факторов, %			
1. Населения на двор (обоего пола)	0,1	–	0,2	0,4
2. Землепользование, дес. на душу	68,1	–	0,1	2,3
3. Посев, дес. на душу	0,2	42,7	8,5	2,7
Стоимость, руб. на душу:				
4. Строений	1,0	4,7	2,6	0,1
5. Всего скота	4,1	3,4	46,9	20,3
6. Рабочего инвентаря	1,6	0,5	0,2	1,7
7. Продажа рабочей силы	–	–	–	–
8. Найм рабочей силы	1,2	–	–	2,7
9. Денежная часть дохода, %	0,8	2,1	–	0,5
10. Доход на рубль производственных затрат	15,2	29,4	31,3	64,5
Общий вес десяти факторов	92,3	87,1	90,1	99,9

Фактор – интегральный показатель, который характеризует некую причину, выраженную в исходных данных определенным числом показателей. Факторный анализ[32] дает возможность решать целый ряд задач. Рассмотрим основные из них на примере анализировавшихся выше данных о структуре хозяйства 20% зажиточных и 50% беднейших дворов 19 уездов[33].

Из совокупности признаков, характеризующих беднейший и зажиточный слои крестьянства, было отобрано 13 показателей. Это – данные о посевах, рабочем и продуктивном скоте в расчете на двор и душу населения, количестве населения на двор, доле каждой из групп в общем числе населения, посевов, рабочего и продуктивного скота, количестве рабочего и продуктивного скота на десятину посева, данные, которые являются основными показателями размеров крестьянского хозяйства, его производственно-экономического уровня и удельного веса беднейшего и зажиточного слоев в общем крестьянском производстве.

Затем методом главных компонент по каждой группе хозяйств были выделены по три фактора, интегрально характеризующих разные аспекты крестьянского хозяйства.

---

[32] См.: *Бородкин Л.И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.

[33] Из рассматривавшихся выше 20 уездов исключен Слободской уезд Вятской губернии из-за пробелов в данных.

У зажиточных крестьян первый фактор характеризовался такими признаками (в скобках указана корреляционная теснота связи признака с фактором): 1) посев на душу населения (0,32), 2) посев на двор (0,30), 3) доля группы в продуктивном скоте (0,25) и 4) в посевах (0,21). Содержательно этот фактор отражает *размеры и уровень земледельческого производства зажиточных крестьян и роль их в сельскохозяйственном производстве*.

Второй фактор раскрывают такие признаки: 1) доля группы в рабочем скоте (0,44), 2) рабочего скота на двор (0,38) и 3) на душу (0,34). Это – *производственно-технический* (точнее энергетический) *уровень крестьянского хозяйства*.

Третий фактор: 1) доля группы в продуктивном скоте (0,41) и 2) продуктивного скота на душу (0,30). Это – *удельный вес и уровень скотоводства* зажиточных крестьян.

У беднейших крестьян первый фактор включает: 1) рабочий скот на двор (0,40), 2) на душу (0,39) и 3) на десятину посева (0,24). Это – *производственно-технический уровень хозяйств*.

Второй фактор: 1) посев на двор (0,45), 2) доля группы в населении (0,32) и 3) населения на двор (0,23). Это – *размеры земледельческого производства и собственные трудовые ресурсы*.

Третий фактор: 1) продуктивный скот на душу (0,35) и двор (0,22). Это – *размеры и уровень скотоводства*.

Каждый фактор имеет свой вес, который показывает ту долю вариации (рассеивания) значения всех исходных признаков, которая обусловлена этим фактором. Иначе говоря, он раскрывает зависимость общего состояния систем (уровня ее развития) от функционирования тех или иных ее сторон. Знание этого чрезвычайно важно при изучении системы. Указанные факторы имели такие веса (в %). *У зажиточных крестьян*: I – 46,7, II – 23,6, III – 12,6. *У беднейших крестьян*: I – 43,5, II – 27,8, III – 11,5. Наибольшую роль у обоих слоев имел первый фактор. Он почти наполовину определял различия в состоянии крестьянского хозяйства рассматриваемых уездов. У зажиточных крестьян состояние их хозяйства зависело прежде всего от общих размеров и уровня земледелия и их удельного веса в общем объеме сельскохозяйственного производства крестьян. Затем шли энерговооруженность хозяйства и степень развития скотоводства. Вес первых двух факторов составлял 70,3%. Значит, зажиточные крестьяне добивались благополучия за счет расширения земледельческого производства, повышения его уровня и поддержания на должной высоте энерговооруженности хозяйства.

Состояние хозяйства беднейшего крестьянства прежде всего зависит от его обеспеченности рабочим скотом. Затем шли размеры землевладельческого производства и трудовые ресурсы, а на третьем месте – размеры и уровень скотоводства. Вес первых двух факторов – 71,3%. Налицо существенное различие со слоем зажиточных крестьян. Беднейшие крестьяне боролись за выживание как

мелкие производители. Необходимыми условиями для этого было прежде всего наличие лошади, а затем посевов и трудовых ресурсов.

В общем здесь результаты факторного анализа подтверждают давно известную ситуацию. Но он позволяет четко установить соотношение факторов, определявших состояние крестьянского хозяйства.

Далее, в результате факторного анализа по каждому фактору каждый объект изучаемой их совокупности получает количественный индекс, называемый *факторным весом*. Он показывает уровень развития объекта по данному фактору. Средний уровень этого развития равен нулю, положительные индексы характеризуют уровень развития выше среднего и отрицательные – ниже среднего. В табл. 10 по всем рассматриваемым уездам и факторам указаны эти индексы. Поскольку все выделенные факторы характеризуют производственно-экономический строй крестьянского хозяйства, их индексы можно суммировать. Полученный таким образом совокупный интегральный индекс отражает общий производственно-экономический уровень крестьянского хозяйства зажиточной и беднейшей групп в каждом из уездов. Указанные индексы дают возможность выявить уровень развития хозяйства зажиточных и беднейших крестьян в каждом из аспектов, характеризуемом выделенными факторами. Так, например, размеры и уровень земледельческого производства (первый фактор) у зажиточных крестьян был наиболее высоким в Бердянском (5,38) и Шадринском (4,76) уездах, а наиболее низким – в Гадячском (–3,24) и Тверском (–3,11) уездах. Общий уровень развития сельского хозяйства (сумма трех факторов без учета их весов) у зажиточных крестьян был самым высоким в Бердянском и Шадринском уездах, а самым низким – в Тверском и Мышкинском. Но факторные веса могут быть основой не только для простого ранжирования объектов, но и для их многомерной визуальной и аналитической типизации. О многомерной аналитической типизации речь будет идти ниже. Здесь приведем пример визуальной классификации. Она может, например, строиться в пространстве первых двух факторов (ибо их вес превышает 70%) для выделения группы уездов как по состоятельности зажиточного крестьянства, так и по положению беднейших крестьян. Но наиболее интересно сгруппировать уезды с учетом общего уровня развития (отражаемого суммарным индексом трех факторов) хозяйства зажиточных и беднейших крестьян. Такая группировка позволяет выявить уезды с наибольшей и наименьшей глубиной разложения крестьянства. Очевидно, что к первым относились уезды, где зажиточные крестьяне были наиболее богатыми (т. е. имели наиболее высокий уровень хозяйства), а беднейший слой деревни – наиболее бедным (имел наиболее низкий уровень хозяйства). В приведенном графике (рис. 1) отражена такая типизация уездов. Она отчетливо показывает, что наибольшей глуби-

Таблица 10

Уровень хозяйства зажиточных и беднейших крестьян на рубеже XIX–XX вв.

Уезд	Факторные веса							
	зажиточные				беднейшие			
	I	II	III	I + II + III	I	II	III	I + II + III
1. Бердянский	5,38	1,56	1,14	8,08	–3,45	2,91	–1,60	–2,15
2. Гадячский	–3,21	4,82	2,79	4,37	0,90	–3,78	0,30	–2,58
3. Кромский	0,70	0,81	–1,06	–0,45	–1,50	0,83	0,64	–0,03
4. Дмитровский	0,28	1,90	–1,84	0,34	–1,03	0,50	0,99	0,46
5. Епифанский	1,00	1,54	–2,51	0,03	–2,81	–1,32	3,51	–0,62
6. Калужский	–2,56	–0,53	0,28	–2,81	4,54	0,92	–0,10	5,36
7. Перемышльский	–2,61	1,08	–0,05	–1,58	4,27	1,06	0,98	6,31
8. Лихвинский	–1,40	0,30	–1,29	–2,39	2,93	1,61	–0,39	4,15
9. Тверской	–3,11	–1,09	–0,38	–5,08	2,51	0,78	–0,94	2,35
10. Новоржевский	–0,52	0,15	0,22	–0,15	0,51	0,17	–0,08	0,60
11. Покровский	0,16	–1,46	–0,36	–1,66	0,24	–1,16	–0,32	–1,24
12. Переяславский	1,09	0,09	–0,71	0,47	0,83	–0,26	0,14	1,71
13. Ковровский	0,27	–0,70	–0,20	0,63	–0,70	0,43	0,32	–0,81
14. Мологский	–0,43	–2,14	–0,11	–2,68	–0,18	–1,07	–0,17	–1,42
15. Мышкинский	–2,17	–2,26	0,95	–3,48	1,06	1,13	–0,53	1,66
16. Грязовецкий	–0,63	–2,51	1,92	–1,22	–1,50	–0,70	–0,25	–2,45
17. Ирбитский	2,41	–0,71	0,13	1,83	–2,06	2,21	–0,25	–4,52
18. Верхнетурский	2,80	–1,99	1,32	3,04	–0 78	–4,80	–2,46	–8,04
19. Шадринский	4,76	0,15	0,35	5,26	–3,78	1,44	–0,77	–3,11

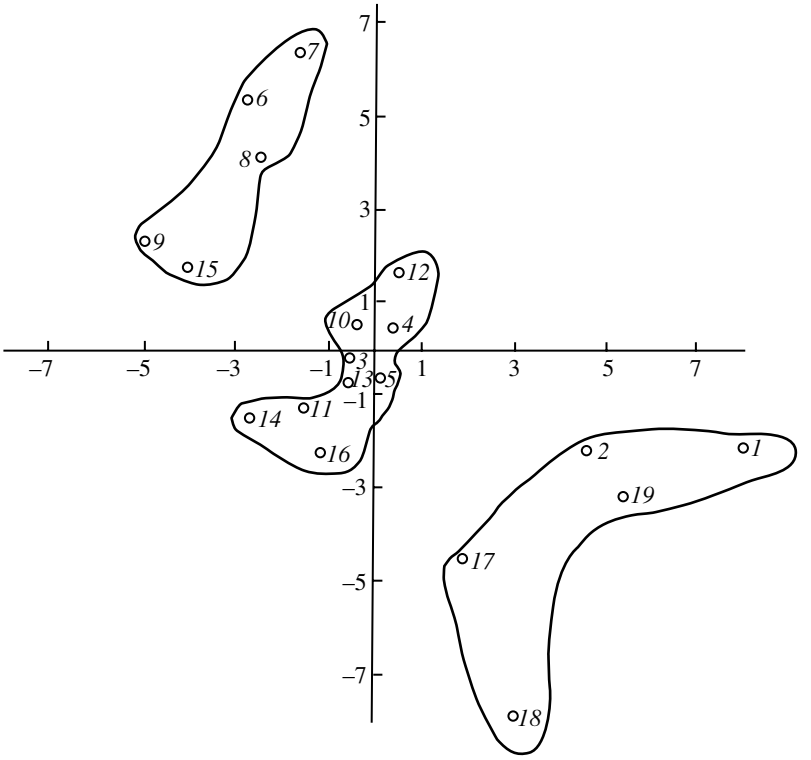


Рис. 1. Типология разложения крестьян на рубеже XIX–XX вв.
По горизонтали – совокупные индексы состояния хозяйства зажиточных крестьян, по вертикали – совокупные индексы состояния хозяйства беднейших крестьян

ны разложение крестьян достигало в пяти уездах: *1* – Бердянский, *2* – Гадячский, *19* – Шадринский, *17* – Ирбитский, *18* – Верхнетурский. Здесь уровень хозяйства зажиточных крестьян был наиболее высоким, а беднейших – наиболее низким. Важно, что наибольшая поляризация деревни в первых трех уездах обуславливалась тем, что зажиточные крестьяне были наиболее богатыми, а в двух последних тем, что беднейший слой был самым бедным. Таким образом, этой группе уездов присуще наиболее глубокое развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

К числу местностей с наименьшим развитием буржуазных отношений в сельском хозяйстве относились следующие пять уездов: *6* – Калужский, *7* – Перемышльский, *8* – Лихвинский, *9* – Тверской, *15* – Мышкинский. Здесь наименьшая поляризация крестьянских хозяйств в первых трех уездах в основном определялась тем, что положение беднейших крестьян было, если можно так выразиться, "наилучшим", а в двух последних – "наихудшим" со-

стоянием зажиточных крестьян. Следует иметь в виду, что указанная картина отражает специфику разложения крестьян лишь со стороны состояния их сельскохозяйственного производства. Учет неземледельческих занятий крестьян, очевидно, внесет определенные коррективы.

Остальные девять уездов представляли собой промежуточный между крайними типами вариант разложения крестьян.

Выявленная типология разложения крестьянства может быть основой для последующего более детального анализа внутреннего строя крестьянского хозяйства на уровне волостей и селений.

Как видим, факторный анализ позволяет значительно углубить изучение внутреннего строя крестьянского хозяйства. И хотя математический аппарат факторного анализа не содержит собственно модельной информации сам по себе, его количественные результаты (факторные веса объектов) могут быть использованы при корреляционном, регрессионном и других методах анализа, которые такую информацию содержат и потому допускают возможность анализа общественных систем путем восхождения от абстрактного к конкретному и построения дедуктивных измерительных моделей.

Наиболее сильная сторона и преимущество дедуктивного отражательно-измерительного моделирования состоят в том, что оно дает количественный показатель соотношения общего, предельно выраженного в идеальной сущностно-содержательной модели, с особенным и единичным, характерным для конкретного пространственно-временно́го состояния изучаемой реальности. Но формирование идеального образа реальности, как было показано, возможно далеко не всегда. Поэтому существуют и другие методы построения отражательно-измерительных моделей[34].

Важную роль отражательно-измерительное моделирование может играть при *верификации* (доказательстве истинности) гипотез о сущности различных явлений и процессов. Гипотеза, как известно, является широко распространенной формой научного знания, раскрывающей сущность изучаемых явлений в абстрактно-теоретической форме. Существует целый ряд методов проверки истинности гипотез. Одним из них выступает и моделирование.

Как сам характер гипотез, так и методы их проверки путем построения моделей изучаемых явлений могут быть разными. Простейшим является вариант, когда выдвигается предположение, что между определенными проявлениями и чертами реальности сущест-

---

[34] При изучении аграрной истории России эпохи капитализма методы дедуктивного моделирования были использованы и для анализа социально-экономического строя помещичьего хозяйства. См.: *Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литвакова Б.М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: (Источники и методы изучения). М., 1981.

вует взаимосвязь. Так, изучая степень развития капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве на основе признаков, характеризующих производственно-экономическую структуру этого хозяйства, можно предположить, что развитие этих отношений было связано с ростом грамотности крестьян, т.е. их общего культурного уровня. Проверить эту гипотезу можно путем выявления взаимосвязи грамотности с показателями, раскрывающими буржуазную природу крестьянского хозяйства. Например, обнаружилось, что в среднечерноземной полосе, по данным земских обследований 1906–1913 гг., рассматривавшихся выше, доля крестьянских дворов с наличием грамотных и учащихся была тесно взаимосвязана (коэффициенты корреляции превышают 0,70) с обеспеченностью крестьян скотом, плугами, с размерами землевладения и посевов, с распространением покупки и аренды земли и промысловых занятий. Особенно интересна прямая и тесная взаимосвязь распространения грамотности не только с долей зажиточных крестьян (многолошадные и многопосевные дворы), но и с долей беднейших крестьян (безлошадные и однолошадные и малопосевные дворы). Значит, распространение грамотности было не просто связано с развитием капиталистических отношений: оно более широко представлено там, где буржуазная поляризация деревни достигла наибольшей глубины. Следовательно, выдвинутая гипотеза верна.

Гипотезы, подобные указанной, широко распространены в исторических исследованиях. Основной путь их верификации при применении математических методов – выявление тесноты взаимосвязи признаков, характеризующих рассматриваемое явление, с признаками, отражающими общую суть рассматриваемой реальности.

При решении более сложных задач может потребоваться построение специальной модели для проверки истинности гипотезы или альтернативных гипотез. Рассмотрим принципы построения таких моделей на примере анализа характера крестьянской аренды в России в конце XIX в. Аренда получила в деревне того времени широкое распространение, и выявление ее характера имеет важное значение для анализа социально-экономического строя крестьянского хозяйства и общего хода аграрного развития. Поэтому изучение аренды давно привлекает внимание историков. Однако главная задача, которую при этом пытались решать исследователи, остается до сих пор нерешенной. Эта задача состоит в выяснении соотношения двух типов крестьянской аренды: аренды потребительской и аренды предпринимательской, т.е. аренды из нужды и аренды, направленной на расширение производства товарной продукции. Причиной этого является отсутствие систематических массовых сведений, позволяющих изучать аренду по социально-экономическим типам крестьянских хозяйств с тем, чтобы можно было выяснить, какие из них концентрируют основную массу арендуемых земель.

Между тем имеются обширные сводные земско-статистические данные об аренде, которые не введены в научный оборот. Они могут быть использованы для изучения характера аренды, но для этого необходимы специальные методы их анализа. Их разработкой и занималась Т.Л. Моисеенко[35]. Основой послужили сведения об аренде по 57 уездам пяти губерний Центрально-Черноземного района.

Обычный анализ этих данных (даже при выделении трех групп уездов), отличавшихся по доле в них безлошадных и однолошадных дворов, не позволил выявить соотношение потребительской и предпринимательской аренды. Было решено обратиться к математическим методам. Поскольку суть аренды обуславливалась в первую очередь размером и типом хозяйства арендаторов, то правомерно изучение аренды исходя из анализа структуры крестьянского хозяйства, т.е. характера зависимостей основных его сторон. Таков основной методологический подход к решению задачи. Он требует моделирования внутреннего строя крестьянского хозяйства и выявления характера аренды через анализ его структуры.

Сущностно-содержательная стадия моделирования состояла в теоретическом обосновании возможности раскрытия характера аренды через анализ структуры крестьянского хозяйства, т.е. в формулировании качественной модели явления. Она сводится к следующему.

"Качественное различие предпринимательской и потребительской аренды обуславливает противоположный характер зависимостей арендных показателей с другими элементами внутренней структуры крестьянского хозяйства. Продовольственная аренда, в которой участвовали неимущие слои деревни, была вызвана острой нуждой в земле, т.е. ее распространение было тем больше, чем меньше размер надела, выше удельный вес низших групп крестьянства, хуже их обеспеченность основными средствами производства. В случае предпринимательской аренды, участниками которой были зажиточные крестьяне, лучше обеспеченные землей и скотом, система взаимосвязи данных показателей будет противоположной. Аренда должна находиться в тесной прямой зависимости с долей зажиточного крестьянства, с показателями хозяйственной состоятельности, землей, рабочим и продуктивным скотом, и обратной – с удельным весом неимущих слоев"[36].

Но два типа аренды не существовали в чистом виде, а переплетались между собой. Поэтому могли быть три основных варианта их соотношения:

1. Преобладание предпринимательской аренды (более чем на половине арендуемых земель).

---

[35] См.: *Моисеенко Т.Л.* Методы изучения крестьянской аренды в России по данным земской статистики конца XIX века // История СССР. 1979. № 4.

[36] Там же. С. 72–73.

2. Преобладание потребительской аренды.

3. Примерно равный вес обоих типов.

В первом случае характер взаимосвязей арендных показателей с другими будет сходен с моделью предпринимательской аренды, а во втором – с моделью потребительской аренды. При третьем варианте противоположные и примерно равные тенденции уравновешиваются и вообще не окажется значимых взаимосвязей.

Такова сущностно-содержательная модель для анализа характера аренды. По своей сути она является дедуктивно-гипотетической, поскольку позволяет проверять выдвинутые гипотезы о господствующем типе арендных отношений в России в эпоху капитализма.

По каждому из 57 рассматриваемых уездов было учтено 11 исходных признаков, характеризующих арендные отношения и другие стороны крестьянского хозяйства. Количественные показатели этих признаков рассчитывались в среднем на крестьянский двор и на душу населения, а также в процентах, что дало 30 относительных показателей. Затем были определены взаимосвязи между всеми показателями, т.е. построена корреляционная модель структуры крестьянского хозяйства. Она дала обширную информацию о внутреннем строе крестьянского хозяйства, не выраженную в исходных данных.

В плане основной исследовательской задачи – выявления характера арендных отношений – выяснилось следующее (табл. 11).

Во-первых, имела место прямая взаимосвязь размеров аренды с обеспеченностью надельной землей. В расчете на арендующий двор она была особенно тесной. Это указывает на преобладание арендных отношений предпринимательского типа. Незначительные размеры надела, отмечает автор, являясь причиной участия в аренде большинства арендаторов, в то же время не обязательно определяют и господство ее потребительского типа. Во-вторых, размеры аренды положительно коррелировали с показателями хозяйственной состоятельности крестьян (обеспеченность рабочим скотом и доля многолошадных дворов) и обратно с долей беднейших слоев деревни. Это свидетельствует о "перебивании" аренды зажиточными предпринимательскими слоями, сосредоточении в их руках большей части арендованной земли.

Следовательно, даже в таком районе широкого сохранения крепостнических пережитков, каким был черноземный центр в конце XIX в., преобладала аренда предпринимательская. Однако степень этого преобладания была еще невелика. Это видно из того, что средняя теснота взаимосвязи размеров аренды с другими показателями состояния крестьянского хозяйства (см. табл. 11) была невысокой, а взаимосвязь доли арендованной земли по отношению ко всей удобной земле с размером надела на двор вообще была отрицательной (–0,34). Корреляционная модель позволила выявить и некоторые другие черты арендных отношений (причины аренды различных угодий, формы арендных сделок и др.).

Таблица 11

Связь размеров аренды с основными компонентами крестьянского хозяйства

Показатели	Коэффициенты корреляции		
	на двор	на душу	на арендующий двор
Всей надельной земли	0,46	0,46	0,81
Удобной надельной земли	0,35	0,38	0,70
Рабочего скота	0,43	0,50	0,21
Доля безлошадных и однолошадных дворов	–0,34	–0,17	–0,18
Доля дворов с 4-мя и более лошадьми	0,51	0,33	0,54
Средняя теснота взаимосвязи	0,42	0,37	0,49

Таким образом, математические методы и моделирование могут широко применяться при проверке истинности гипотез в тех случаях, когда необходимая информация может быть выражена количественно. Однако неправомерно, как иногда полагают, связывать применение этих методов в исторических исследованиях лишь с проверкой гипотез. Уже было показано, что дедуктивное моделирование, являющееся одним из методов восхождения от абстрактного к конкретному, не связано с проверкой гипотез. С другой стороны, есть много исследовательских задач, которые решаются на основе построения индуктивно-эмпирических моделей. Рассмотрим один пример построения такой модели. Он интересен тем, что связан с изучением общественно-идеологических явлений, которые характеризуются не количественными, а атрибутивными (качественными) признаками.

Речь идет об уже упоминавшемся выше изучении классовой борьбы крестьянства в форме приговорного движения в период революции 1905–1907 гг. Вслед за раскрытием того, что принятие приговоров сочеталось с активными формами классовой борьбы крестьянства, был предпринят анализ общественного сознания крестьян[37]. Для этого использовали 200 приговоров крестьян Самарской и Воронежской губерний. Они обрабатывались методом контент-анализа, для чего все встречавшиеся в приговорах суждения, требования, запросы и просьбы, призывы, лозунги, предупреждения, решения о принятии мер и т.д. (а их оказалось 177) были сведены в 79 категорий, и установили, сколько раз каждая из них встречалась в текстах приговоров совместно с другими. После исключения тех категорий, которые встре-

[37] См.: *Буховец О.Г.* Математика в исследовании общественного сознания крестьян: Крестьянские приговоры и наказы 1905–1907 гг. // Число и мысль. М., 1986. Вып. 9.

чаются 1–2 раза, осталось 60 категорий (признаков). Далее была выявлена теснота взаимосвязи между ними, для чего был использован коэффициент сопряженности Чупрова. Значения этого коэффициента колеблются в пределах от 0 до 1. За значимые, т.е. свидетельствующие о наличии взаимосвязей, принимаются коэффициенты, превышавшие 0,15. В итоге обнаружились взаимосвязи между 42 признаками. Эти взаимосвязи характеризуют структуру крестьянского сознания. Она представлена на рис. 2 двумя сложными графами[38]. По своему содержанию представления и требования крестьян колебались в большом диапазоне от надежд на частичное улучшение в пределах существующих общественных отношений до радикальных политических требований и лозунгов. Осознанность представлений крестьян и их взаимоувязанность и обусловленность были неодинаковыми, что отражается разной теснотой сопряженности выявленных признаков. Крестьянское сознание было как бы многослойным по своему содержанию и многоуровневым по его осознанности.

---

[38] На рисунке в вершинах графов указаны номера признаков, раскрывающих содержание крестьянского сознания. Линии между признаками показывают направления взаимосвязей. Линиями с тремя штрихами отмечены взаимосвязи в пределах 0,40–0,80, с двумя штрихами – взаимосвязи в пределах 0,30–0,40, с тремя штрихами – 0,20–0,30, незаштрихованные – 0,15–0,20, пунктирные – 0,10–0,15.

Выделенные признаки означают: *1* – требование национализации земли, *2* – постановление о захвате земли помещиков и казны, *3* – вопрос о земле должно решить Учредительное собрание, *4* – передача земли тем, кто обрабатывает ее собственным трудом, *5* – общинное землевладение и уравнительное землепользование, *6* – дополнительное наделение землей за выкуп, *7* – необходимость оставления надельной земли в распоряжении общины, *8* – отрицательное отношение к крестьянскому земельному банку, *9* – расширение при помощи государства мелкого землевладения и кредита, *10* – снижение арендных цен на землю, *11* – облегчение отработок в помещичьих имениях, *12* – отмена налогов, податей и пошлин, *13* – введение подоходного налога, *14* – разорительность налогов, *15* – увеличение помощи крестьянам при неурожаях и падежах скота, *16* – отмена винной монополии, *17* – допущение выкупа за помещичьи земли, *18* – созыв Учредительного собрания, *19* – готовность крестьян к борьбе за свои интересы, *20* – призыв к объединению всего “трудового народа”, *21* – осуждение кадетов за заигрывание с правительством, *22* – введение демократических свобод, *23* – проведение всеобщих прямых и тайных выборов, *24* – отмена смертной казни и амнистия борцам “за народное дело”, *25* – отмена военного положения, полиции, земских начальников, *26* – выражение недоверия крестьян к Думе, *27* – обязательство поддерживать Думу в борьбе с правительством, *28* – равноправие всех народов России, *29* – введение восьмичасового рабочего дня для сельских и городских рабочих, *30* – реформа суда и местного управления, *31* – всеобщее бесплатное обучение, *32* – улучшение положения рабочих, *33* – существование полновластной Думы и ответственного перед ней правительства, *34* – выражение доверия к Думе и солидарность с ней, *35* – созыв Думы, *36* – призыв к Думе решительно отстаивать интересы народа, *37* – выдвижение лозунгов “Земля и воля”, “Права народа”, *38* – осуждение национальной и религиозной дискриминации, неравенства женщин, *39* – отмена церковных поборов и перевод церкви на государственное довольствие, *40* – осуждение хищничества помещиков, *41* – надежда на достижение целей народа мирным путем, *42* – поддержка лозунга “единой и неделимой России”.

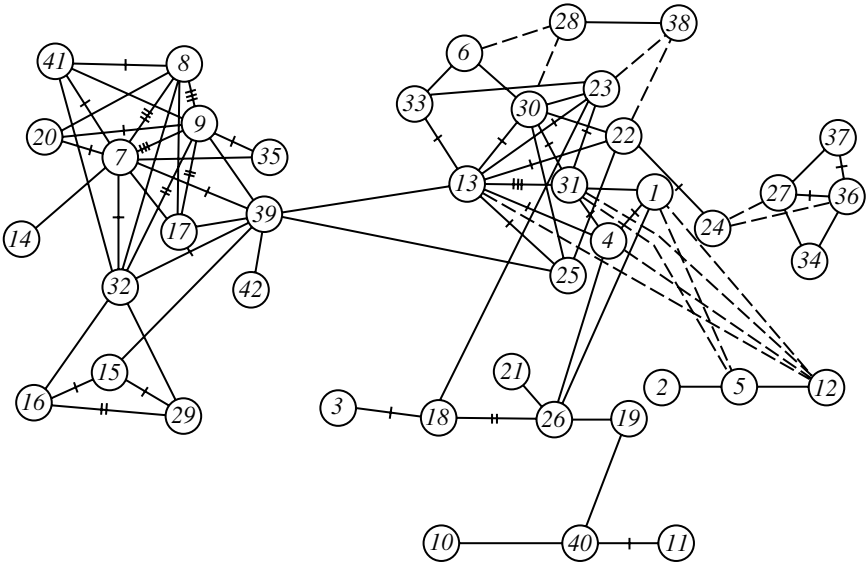


Рис. 2. Структура взаимосвязей категорий политического сознания крестьян Самарской и Воронежской губерний в 1905–1907 гг.

Наиболее тесно взаимосвязанными оказались пять признаков, которые образуют два вида независимых представлений (см. линии с тремя штрихами). Первый из них образуют требования сохранения общинного распоряжения надельной землей (*7*), расширения при помощи государства мелкого землевладения и кредита (*9*) и отрицательное отношение к крестьянскому банку (*8*). Здесь отражены надежды крестьян на возможность решения их земельных и финансовых нужд на основе существующих отношений. Иные представления раскрываются в требовании введения подоходного налога (*13*) и всеобщего бесплатного обучения (*31*). Здесь путем улучшения положения крестьян выступает введение социально-экономического и социально-культурного равенства. Это новый компонент крестьянского самосознания, объективно имеющий политический характер.

Менее осознанно выступал ряд других компонентов крестьянского сознания (признаки с теснотой сопряженности 0,20–0,40, отмеченные одним и двумя штрихами), которые вместе с первыми образуют две смежные системы крестьянских воззрений.

В первой системе с отмеченными требованиями расширения при помощи государства мелкого землевладения и кредита (*9*), сохранения надельной земли в распоряжении общины (*7*) и отрицательным отношением к крестьянскому банку (*8*) взаимосвязаны: допущение выкупа за помещичьи земли (*17*), улучшение положения рабочих (*32*), осуждение кадетов за заигрывание с правительством (*20*), тре-

бование созыва Думы (*35*), отмена церковных поборов и перевод церкви на государственное довольствие (*39*), надежды на достижение целей народа мирным путем (*41*). Кроме того, обнаруживается взаимосвязь между требованиями отмены винной монополии (*16*), введения восьмичасового рабочего дня (*29*) и увеличения помощи крестьянам при неурожаях и падежах скота (*15*). На первый взгляд может показаться курьезной взаимосвязь между требованием ликвидации винной монополии и введения восьмичасового рабочего дня. В действительности же эта взаимосвязь выражает протест против экономической эксплуатации, ограбления народа и его духовного растления, которым и служили продолжительный рабочий день и винная монополия.

В целом рассмотренная система представлений, с которой еще на более низком уровне сопряженности были взаимосвязаны и некоторые другие признаки, отчетливо характеризует традиционное крестьянское сознание с его надеждами на верховную власть и реформы, призванные улучшить положение крестьян.

Вторая система крестьянских представлений включает, кроме требований введения подоходного налога (*13*) и всеобщего бесплатного обучения народа (*31*), следующие признаки: обязательство поддержать Думу в борьбе с правительством (*27*), требование реформы суда и местного самоуправления (*30*), призыв к Думе решительно отстаивать интересы народа (*36*), решения о захвате земли у помещиков и казны (*1*), передача земли тем, кто обрабатывает ее собственным трудом (*4*), всеобщие прямые и тайные выборы (*23*), отмена смертной казни и амнистия борцам "за народное дело" (*24*), отмена военного положения, полиции и земских начальников (*25*), полновластная Дума и ответственное перед ней правительство (*33*), выдвижение лозунгов "Земля и воля", "Права народа" (*37*). В виде отдельных блоков, слабо взаимосвязанных с основной структурой сознания крестьян, здесь обнаруживаются взаимосвязи между недоверием крестьян к Думе (*26*), требованием созыва Учредительного собрания (*18*) и переносом решения вопроса о земле в Учредительное собрание (*3*), а также требования облегчения отработок в помещичьих имениях (*11*) и осуждения хищничества помещиков (*40*).

В целом здесь выступает уже вполне определенная, хотя еще и не во всем последовательная система представлений крестьян, свидетельствующая о их политическом пробуждении, о качественном сдвиге в их самосознании. Этот факт В.И. Ленин оценивал как "поворотный для истории"[39] страны.

Естественно возникает вопрос о соотношении двух существенно различных систем крестьянских представлений. Выявленная картина может означать либо наличие в среде крестьянства двух слоев с существенно различным самосознанием, либо переплетение в соз-

---

[39] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 315.

нании крестьян различных представлений. Автор проведенного исследования дает такой ответ на этот вопрос. По характеру принятых приговоров в среде крестьянства обнаруживаются такие его отряды, которые привержены либо к традиционной, либо к новой системе политических воззрений. Но для большинства крестьян характерно сочетание и тех и других при преобладании одной из них. Для окончательного решения этого вопроса необходим дальнейший анализ приговоров, основанный на их многомерной типизации.

Таким образом, анализ структуры крестьянского сознания на основе математической обработки массовой описательной информации и построения измерительной модели этой структуры дает возможность всесторонне и глубоко с учетом всех имеющихся факторов, а не на основе отдельных иллюстраций изучить сознание крестьянства. Но, поскольку в данном случае моделирование основано на индуктивно-эмпирическом подходе, т.е. модель не базируется на идеализированной абстрактной сущности объекта познания, полученные результаты не могут быть соотнесены с идеальным образом и оценены в плане близости реальности к своему предельному выражению. Однако это никоим образом не снижает большой познавательной ценности индуктивно-эмпирического измерительного моделирования. Уровень развития соответствующей системы и теснота сбалансированности ее структуры здесь могут быть выявлены сравнительно, т.е. путем сопоставления ряда моделей, характеризующих изучаемую реальность в ее различных пространственно-временны́х выражениях. Очевидно, что построение индуктивно-измерительных моделей на основе данных контент-анализа может быть применено при анализе не только массовых, но и индивидуальных проявлений исторической реальности[40].

Рассмотренные примеры построения измерительно-отражательных моделей в исторических исследованиях показывают, что диапазон применения таких моделей весьма обширен, а их эффективность по сравнению с эффективностью традиционных методов весьма высокая. Такие модели могут быть построены при изучении любых проявлений исторической реальности, свойства которых могут быть выражены системой количественных показателей. Измерительное моделирование во всех его вариантах основано на выявлении и анализе взаимосвязей. Тем самым оно открывает фактически неограниченные возможности для расширения информационной базы исследований путем выявления скрытой структурной ин-

---

[40] Об опыте построения таких моделей см.: *Брагина Л.М.* Методика количественного анализа философских трактатов эпохи Возрождения // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977; *Луков В.Б., Сергеев В.М.* Опыт моделирования мышления исторических деятелей. Отто фон Бисмарк. 1866–1876 гг. // Вопросы кибернетики. Логика рассуждений и ее моделирование. М., 1983.

формации. Модели, характеризующие историческую реальность, могут быть либо структурными, либо динамическими. На современном этапе развития и исторической и других наук, методы которых могут использоваться в исторических исследованиях, существуют широкие возможности для построения структурных моделей самых различных проявлений общественно-исторического развития. Они могут создаваться на основе как вариационных, так и динамических рядов конкретно-исторических данных[41]. Такие модели, характеризуя исследуемые явления в различные временны́е моменты, являются важным средством для анализа развития.

Что же касается динамических отражательно-измерительных моделей, то они пока не нашли широкого применения в исторических исследованиях как потому, что в исторических источниках значительно больше данных синхронных, чем диахронных, так и потому, что математические методы анализа таких рядов менее разработаны, чем рядов вариационных. Поэтому при изучении динамики исторического развития важнейшей задачей является реконструкция таких рядов.

Измерительно-отражательные модели, кроме решения собственно познавательных задач, о чем и шла речь в приведенных примерах, эффективно используются и при решении проблем источниковедческих (проверка достоверности и точности количественных данных, установление авторства анонимных произведений, генеалогия многосписочных памятников и др.)[42]. Основная ценность и эффективность отражательно-измерительных моделей в исторических исследованиях состоит в том, что они характеризуют изучаемую реальность *инвариантно, такой, какой она была в действительности*. Разумеется, это достигается при наличии достоверных и представительных количественных данных и адекватности математической модели, ее соответствии содержательно-логической сути решаемой исследовательской задачи.

Как видим, эвристические возможности отражательно-измерительного моделирования исторических явлений и процессов весьма обширны, и оно позволяет значительно углубить их познание.

Измерительное моделирование исторических явлений широко применяется и в современной буржуазной историографии. Это связано с распространением структуралистской методологии ис-

---

[41] Из работ последнего времени, в которых структурная, корреляционная модель построена при анализе данных динамических рядов, см.: *Бовыкин В.И., Бородкин Л.И., Кирьянов Ю.И.* Стачечное движение в России в 1895–1913 годы: Структура в связи с развитием промышленности и изменением экономического положения пролетариата: (Опыт корреляционного анализа) // История СССР. 1986. № 3.

[42] *Бородкин Л.И., Милов Л.В.* Некоторые аспекты применения количественных методов и ЭВМ в изучении нарративных источников // Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1984.

торического познания, которая считает основным его объектом общественные структуры, а его единственно научным конкретным методом – моделирование. В области формализации и измерения исторических явлений, в создании банков машинной исторической информации, методике и технике построения моделей структуралисты добились успехов, которые заслуживают внимания. Однако общая ограниченность структуралистской методологии, ошибочное понимание общественных структур как неких неизменных и лишенных внутренних движущих сил образований, отрицание возможности познания прошлого и его развития как поступательно-прогрессивного процесса и абсолютизация синхронного принципа в историческом познании – все это отразилось и на структуралистском моделировании. В нем недооценивается качественная, сущностно-содержательная сторона и выдвигаются на первый план формально-количественные аспекты. Это ведет к чрезмерной формализации и схематизации, к отрыву модели от объекта моделирования.

С другой стороны, познавательные возможности моделирования при изучении конкретных исторических явлений и процессов далеко не используются структурализмом в полной мере, ибо внимание концентрируется не на раскрытии их общей внутренней сути, а на детальном количественном анализе их отдельных черт и свойств.

Существенные различия между советскими и буржуазными историками в моделировании исторических явлений и преимущества подхода советских историков отмечают и объективно настроенные буржуазные историки. Так, об этом пишет Дон Карл Роуни в предисловии к американскому изданию советских докладов о применении количественных методов в исторических исследованиях, обсуждавшихся на коллоквиуме в Балтиморе в 1979 г.[43] Д.К. Роуни отмечает фундаментальность этих различий и указывает, что они "распространяются на концепции, которые определяют применение статистики", т.е. являются, как сказали бы мы, теоретико-методологическими. Отличительной чертой подхода советских историков к моделированию Д.К. Роуни считает его синтетический характер, выражающийся в том, что модель основывается на учете целой совокупности показателей, которые обобщаются в ней. Он относит такой подход к разновидности многомерного анализа. Выразив сожаление, что агрегирование ведет к утрате детальности (но при этом признается, что эта утрата невелика), Д.К. Роуни заключает: "Я заинтригован этими синтетическими моделями... Они выделяют советские количественные исследования, резко отличая их от работ западных и особенно американских историков-квантификаторов". В общем Д.К. Роуни правильно усмотрел преимущества моделиро-

[43] Soviet Quantitative History / Ed. by D.K. Rowney. London; New Delhi, 1984. P. 22–23.

вания исторических явлений советскими историками в его несравненно большей познавательной эффективности. В этом выражается конкретное превосходство марксистской теории и методологии исторического познания по сравнению с теоретико-методологическими посылками, из которых исходят буржуазные историки.

3. ИМИТАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В отличие от моделей отражательно-измерительных, которые характеризуют реальное состояние объекта познания, модели *имитационно-прогностические*, заменяя собой объект познания, выступая его аналогом, позволяют имитировать, искусственно воспроизводить варианты его функционирования и развития. Тем самым они служат эффективным средством решения многочисленных задач, связанных с прогнозированием, управлением, планированием, конструированием и т.д.

Очевидно, что при изучении прошлого, когда исследователь имеет дело с *уже совершившейся*, т.е. инвариантной (однозначной и неизменной), реальностью, имитационное моделирование имеет свою специфику сравнительно с имитацией последующего развития текущей действительности.

Имитационное моделирование в советской исторической науке фактически не применяется. Имеют место лишь отдельные эксперименты в этом направлении. В буржуазной же историографии построение контрфактических имитационных (или, как их еще называют, симуляционных) моделей распространено сравнительно широко.

Суть подобного моделирования состоит в том, что историк, исходя из той или иной идеи, имитирует *контрфактическую*, т.е. нереальную ситуацию, строит ее модель и, сравнивая полученные конструкции с действительностью, заключает, "так" или "не так" шло историческое развитие. Следовательно, модель выступает здесь как критерий или эталон для оценки исторической реальности, т.е. имеет аксиологический (ценностный) характер.

Например, американский историк-экономист Р. Фогель поставил задачу выяснить, в какой мере экономическое развитие США во второй половине XIX в. могло бы обойтись без железных дорог[44]. Для этого имитировалась контрфактическая ситуация – все перевозки грузов якобы осуществляются водным и гужевым транспортом. Полагая, что основной эффект железных дорог состоит в удешевле-

---

[44] *Fogel R.W.* Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore, 1964. Подробный разбор этой работы см.: *Промахина И.* Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1971.

нии перевозок, Фогель путем сложных расчетов пытается установить, во что обошлись бы перевозки без железных дорог, и тем самым определить, как велико было то "общественное сбережение", которое они давали. Расчеты показали незначительность такого сбережения. На основании этого Фогель пришел к выводу, что железные дороги не оказали сколько-нибудь существенного влияния на экономическое развитие США. Общий же итог его рассуждений сводится к тому, что при анализе исторического развития не следует придавать большого значения всякого рода техническим открытиям и усовершенствованиям, т.е., говоря иначе, развитию производительных сил.

Работа Фогеля показывает, что отличительной чертой контрфактического имитационного моделирования, как оно понимается и реализуется в современной буржуазной историографии, являются *субъективизм*, произвольность и необоснованность всех его аспектов.

Начать с того, что объективная историческая действительность перекраивается по усмотрению историка. Р. Фогель устранил из исторической действительности США железные дороги. Но с таким же успехом можно устранить из нее какую-либо отрасль сельского хозяйства или промышленности, либо элемент природной среды. Далее, произвольно утверждается, что строительство железных дорог исторически якобы оправдано тогда, когда они дают значительное "общественное сбережение", т.е. сокращают стоимость перевозок. Но ведь известно, что их эффективность для общества заключалась не только и скорее даже не столько в этом. Железные дороги сделали перевозки независимыми от природных условий, ускорили эти перевозки (что открыло путь на рынок многим товарам), втянули в орбиту активного социально-экономического развития многие регионы, стимулировали развитие ряда отраслей промышленности и т.д. Все это не учитывается Фогелем. Субъективен и необоснован подход и к расчетам величины "общественного сбережения". Фогель исходит из того, что цены перевозок водным и гужевым транспортом при отсутствии железных дорог остаются такими же, как и при их наличии. При быстром росте объема перевозок такое допущение (даже при условии строительства новой сети водных каналов) маловероятно. Наконец, необоснован и общий вывод о несущественной роли в экономическом развитии технических открытий и усовершенствований. Он идет вразрез со всей историей экономического развития.

Основной изъян контрфактического имитационного моделирования исторического развития в рассмотренном варианте состоит в его субъективизме. Эти модели не характеризуют реальный или объективно допустимый ход исторического развития, а представляют его таким, каким бы его хотел видеть историк. К оценке таких моделей вполне применим тот вывод, к которому пришел Г.В. Пле-

ханов, рассматривая представления об историческом прогрессе Н.К. Михайловского. Г.В. Плеханов указывал, что формула прогресса Михайловского "говорит не о том, как шла история, а о том, как она должна была бы идти, чтобы заслужить одобрение г. Михайловского"[45].

Но несостоятельность контрфактического моделирования, основанного на произвольном перекраивании исторической реальности, вовсе не означает невозможности применения имитационного моделирования в исторических исследованиях. Так, имитационное моделирование может быть эффективным средством изучения альтернативных исторических ситуаций. Здесь имитация того или иного из возможных исходов позволит более глубоко понять реальный ход исторического развития и объективный смысл и значение борьбы общественных сил за тот или иной вариант этого развития.

Имитация альтернативной исторической ситуации и расчет значений интересующих исследователя показателей всегда основываются на определенных, в той или иной мере вероятных и правомерных допущениях. Эти допущения могут быть различными. Поэтому в отличие от измерительно-отражательных моделей, в которых количественные характеристики дают реальную, а потому в принципе однозначную меру тех или иных признаков, в имитационных моделях всех типов эти характеристики являются *гипотетическими* и *множественными*. В силу этого важнейшее значение приобретает обоснованность допущений, положенных в основу имитации. В имитационных альтернативных моделях, характеризующих хотя и контрфактические, но объективно возможные состояния объекта, модель строится на основе данных, характеризующих реальные состояния явлений и процессов.

Для наглядной иллюстрации методов построения исторических имитационно-альтернативных моделей, а также для раскрытия познавательной эффективности таких моделей рассмотрим один конкретный пример. Речь идет об анализе реально существовавшей альтернативы в аграрном развитии России в период капитализма. Как хорошо известно, в этом развитии объективно имели место две тенденции и шла борьба классовых и общественно-политических сил за два пути буржуазной аграрной эволюции – буржуазно-демократический, крестьянский ("американский") и буржуазно-консервативный, помещичий ("прусский").

При анализе рассматриваемой исторической альтернативы может быть применено и моделирование. Имеющиеся данные позволяют построить имитационно-альтернативную модель. Содержательной основой при построении такой модели может служить тот известный факт, что высшим критерием общественного прогресса является развитие производительных сил. Обобщенным показате-

---

[45] *Плеханов Г.В.* Соч. М.; Л. 1925. Т. VII. С. 112–113.

лем уровня развития производительных сил в сельскохозяйственном производстве в условиях господства земледелия, как было в России, могут служить размеры сбора зерновых культур на душу населения. Этот уровень зависел от размеров посевов на душу населения и высоты урожайности. Следовательно, задача заключается в том, чтобы выяснить меру воздействия на общий уровень земледелия (т.е. сборы зерновых культур) размеров посевов и урожайности двух типов хозяйств – крестьянских и помещичьих.

Для построения модели были взяты среднегодовые данные по 48 губерниям Европейской России за 1891–1900 гг. об общих сборах (в пудах) зерновых культур на душу сельского населения (y), посевах (в десятинах) на душу сельского населения на крестьянских надельных землях (x_1) и частновладельческих землях (x_2), урожайность (в пудах с десятины) у крестьян (x_3) и частных владельцев (x_4)[46].

Зависимость общего сбора хлебов на душу сельского населения от размеров крестьянских и частновладельческих посевов и урожайности выражается простейшей формулой: $y = x_1 x_3 + x_2 x_4$ [47].

В рассматриваемое время средние размеры посевов на душу сельского населения составляли: $x_1 = 0{,}50$ дес. (у крестьян) и $x_2 = 0{,}20$ дес. (у частных владельцев), а урожайность равнялась: $x_3 = 41{,}6$ пудов с десятины (у крестьян) и $x_4 = 50{,}7$ пудов с десятины (у частных владельцев). Следовательно, общий средний сбор зерновых культур (пудов на душу сельского населения) составлял: $y = 0{,}50 \cdot 41{,}6 + 0{,}20 \cdot 50{,}7 = 30{,}9$ пуда.

Допустим, что помещичье землевладение и хозяйство упразднены и земледельческое производство ведется лишь в крестьянском хозяйстве, т.е. будем исходить из того, что в борьбе двух путей победил крестьянский тип буржуазной аграрной эволюции. Предположим далее, что, получив помещичьи земли, крестьяне возделывают такую же их часть, как помещики. Тогда размеры крестьянских посевов возрастут до 0,70 дес. на душу (0,50 дес. + 0,20 дес.) и при прежней урожайности (41,6 пудов с дес.) общий сбор хлебов на душу населения составил бы $y = 0{,}70 \cdot 41{,}6 = 29{,}1$ пуда, т.е. был бы фактически почти прежним. Но вполне правомерно предположить,

---

[46] Сведения о посевных площадях и сборах зерновых культур на надельных и частновладельческих землях взяты из "Материалов высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения" (СПб., 1903. Ч I. С. 156–171), а о сельском населении из "Общего свода по империи результатов разработки данных переписи населения, произведенной 2 ноября 1897 года" (СПб., 1905. Ч. I). На основе этих данных были определены урожайность (пудов с дес.), посевы и сборы хлебов на душу сельского населения.

[47] В работе "О моделировании исторических явлений и процессов" (Вопросы истории. 1978. № 8) при проведении расчетов мной было использовано уравнение линейной регрессии. И хотя зависимость сбора хлебов от размеров посевов и урожайности является нелинейной, в данном случае линейное уравнение дает результаты, которые несущественно отличаются от указанных.

что, освободившись от помещичьего гнета (необходимости платить огромные суммы за покупку и аренду помещичьей земли, выкупных платежей за надельные земли и т.д.), крестьяне могли повысить урожайность своих полей, например, до уровня урожайности в помещичьем хозяйстве (50,7 пудов с дес.). Тогда на душу сельского населения могло быть собрано хлебов: $y = 0{,}70 \cdot 50{,}7 = 35{,}5$ пуда.

Урожайность крестьянских полей могла возрасти и в большей степени, а размеры посевов на перешедших к ним землях могли и превзойти размеры помещичьих посевов. Тогда общий уровень земледелия был бы еще выше.

Приведенный пример построения имитационно-альтернативной модели отчетливо показывает, что имитация исторической ситуации и расчет значений интересующих исследователя показателей (в данном случае размеров сбора зерновых культур) всегда основываются на определенных, в той или иной мере вероятных и правомерных допущениях. Этим обусловлена необходимость расчета разных вариантов, т.е. имитация *всегда является многовариантной*. В общем в отличие от измерительно-отражательного моделирования при имитационном моделировании результаты всегда являются *гипотетическими* и *множественными*.

Кроме того, рассмотренная модель хорошо иллюстрирует познавательные возможности имитационно-альтернативных моделей. Они позволяют значительно углубить анализ изучаемых явлений и процессов. Так, все приведенные варианты расчетов убедительно показывают, что даже при учете некоторого роста численности сельского населения упразднение помещичьего землевладения и хозяйства ни в коей мере не привело бы к падению уровня земледелия и к кризису сельскохозяйственного производства, как утверждали защитники помещичьих интересов и сторонники буржуазно-консервативного пути аграрной эволюции[48]. Далее, наглядно раскрывается превосходство крестьянского типа буржуазной аграрной эволюции над помещичьим, что настоятельно доказывал В.И. Ленин и другие большевики. Подтверждение этого факта показателями имитационно-альтернативного моделирования имеет важное значе-

---

[48] Возникает вопрос: что́ было бы при победе помещичьего пути буржуазной аграрной эволюции. Следует заметить, что, хотя и шла борьба за два альтернативных пути этой эволюции, победа помещичьего пути была в России невозможна. Экономической причиной этого являлся крайне незначительный вес помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве (как указывалось, в начале XX в. он составлял менее 10%). При низком производственно-техническом уровне помещичье хозяйство не могло оттеснить на второй план хозяйство крестьянское. В социальном плане этому препятствовала классовая борьба. Дальнейшее усиление нажима помещиков на крестьян закончилось бы еще более мощным революционным взрывом, чем в период революции 1905–1907 гг. Поэтому имитировать уровень земледельческого производства, исходя из победы помещичьего капитализма, неправомерно. Такая имитация будет всецело субъективной конструкцией, не имеющей основы в объективной реальности.

ние для понимания реального хода буржуазной аграрной эволюции и других сторон общественной жизни этой эпохи. В частности, становятся более понятными историческое значение борьбы демократических сил во главе с пролетариатом и его марксистской партией за полную ликвидацию помещичьего землевладения, а также объективные основы союза рабочего класса и крестьянства в буржуазно-демократических и социалистической революциях.

Таким образом, имитационно-альтернативные модели могут быть эффективным средством в исторических исследованиях, но при том непременном условии, что моделируются реально имевшие место альтернативы, а не альтернативы, сконструированные историком.

Имитационное моделирование в исторических исследованиях имеет еще один аспект применения. Оно может использоваться как средство реконструкции исторической действительности в тех случаях, когда пробелы в источниках не могут быть восполнены однозначно и поэтому приходится представлять изучаемую реальность в разных вариантах.

Реконструкция изучаемой исторической действительности, итогом которой является формирование представительной системы конкретно-исторических фактов, необходимых для решения поставленной исследовательской задачи, как известно, – важнейший этап в историческом исследовании. При реконструкции интересующих историка черт, свойств и сторон соответствующих явлений и процессов применяется самый разнообразный арсенал принципов, путей и методов критической оценки и обработки исторических источников и формирования представительной системы фактов.

Объективность и адекватность всякой реконструкции, кроме теоретико-методологических посылок, на которых основывается исследование, прежде всего зависят от необходимых и достоверных исходных данных, т.е. от состояния источниковой базы исследования. В тех идеальных случаях, когда источники позволяют сформировать представительную в качественном и количественном отношении систему количественных показателей, характеризующих исследуемые явления и процессы прошлого без пробелов в данных вариационных или динамических рядов, реконструкция будет наиболее полной. Но нередко эти данные имеют пробелы. Они восполняются расчетными показателями, базой которых являются наличные исходные данные. Естественно, что расчетные данные, заполняющие пробелы, могут быть неоднозначными. Но, как правило, исходя из тех или иных соображений, выбирается определенный вариант и пробелы закрываются однозначно.

Возникает принципиально важный вопрос о том, чтó должно быть объективным критерием правомерности однозначного восполнения пробелов в количественных показателях? Очевидно, что критерием

здесь должен быть учет того, в какой мере разные варианты восполнения пробелов влияют на основные статистические характеристики соответствующих рядов, т.е. на их средние значения и дисперсии. Если это влияние несущественно, то восполнение пробелов может быть однозначным и для этого может быть использован любой его вариант. Если же разные варианты расчетных (или полученных другим путем) данных существенно влияют на статистические характеристики рядов, то восполнение пробелов не может быть однозначным. Здесь необходимо брать разные варианты. Но поскольку в исторической действительности явления и процессы имели в каждый данный момент конкретное и однозначное выражение, при разновариантном восполнении пробелов в конкретных данных принципиально меняется вся суть реконструкции этих явлений и процессов. От *инвариантной* реконструкции, т.е. от *однозначного отражения* исторической действительности, происходит переход к ее *имитационной* реконструкции, т.е. *разновариантному и гипотетическому ее отражению*.

Понятно, что при инвариантной реконструкции исторической действительности и при ее разновариантной имитации могут меняться математические методы и моделирование. У советских историков уже есть определенный опыт применения этих методов для решения задач, возникающих при инвариантной реконструкции исторической действительности. Конкретным итогом моделирования здесь является, как было показано, формирование системы фактов, характеризующих те или иные стороны и черты изучаемой реальности, непосредственно не выраженные в исходных данных.

Вполне возможно применение и имитационного моделирования для реконструкции исторической реальности. Но поскольку это моделирование основано на тех или иных допущениях и заключениях исследователя, постольку особое значение приобретает теоретико-методологическая и конкретно-историческая обоснованность соответствующих посылок и коррективов. Для достижения этого надо учитывать ряд моментов.

Прежде всего надо помнить о целях имитационной реконструкции прошлого и о ее допустимых пределах. Потребность в имитации возникает тогда, когда нет данных для инвариантной реконструкции тех или иных сторон и свойств изучаемых явлений и процессов, т.е. для отражения исторического прошлого таким, каким оно было в действительности. В этих случаях имитация может помочь установить *возможные пределы*, в которых могла быть заключена историческая реальность. Задача математического имитационного моделирования состоит, следовательно, в том, чтобы выявить объективно возможные границы варьирования количественных значений соответствующих признаков. Это может быть достигнуто при наличии определенного минимума достоверных исходных данных, при адекватности модели и обоснованности допущений, выдвигаемых исследователем.

Надежные исходные данные необходимы для того, чтобы можно было разработать адекватную (в сущностно-содержательном и формально-математическом отношении) модель функционирования и развития исследуемой реальности. Основой для построения модели является характер взаимосвязей, присущих изучаемой реальности и определяющих законы ее функционирования и развития. Раскрытие этих взаимосвязей и должно исходить из конкретно-исторических фактов. Такие факты не могут быть заменены никакими представлениями и суждениями исследователя. "Нельзя, – указывал Ф. Энгельс, – конструировать связи и вносить их в факты, а надо извлекать их из фактов и, найдя, доказывать их, насколько это возможно, опытным путем"[49].

Далее, имитационная модель имеет целью прежде всего воспроизведения неизвестных состояний и параметров изучаемой исторической реальности в их временном изменении, в динамике. Для обоснованной имитации хода этой динамики также необходима информация, которая, во-первых, позволила бы имитировать не произвольные, а объективно допустимые варианты развития, и, во-вторых, давала возможность соотносить хотя бы некоторые значения признаков, полученные при имитации, с их фактическими значениями и тем самым верифицировать результаты имитации.

Таким образом, и для построения адекватной модели и для корректного проведения самой имитации необходим определенный минимум достоверных конкретно-исторических данных об изучаемой реальности. Без таких данных модель может оказаться неадекватной, а результаты имитации сомнительными или ошибочными. Поэтому к восполнению недостающих исходных данных можно прибегать с чрезвычайной осторожностью, ибо при использовании всякого рода скорректированных исследователем или экстраполированных извне данных *существует опасность подменить*, хотя и гипотетическую и разновариантную, *имитационную реконструкцию* изучаемой реальности ее *субъективным конструированием* исследователем. Таким образом, имитационное моделирование может быть во многих случаях эффективным средством реконструкции исторической реальности. Но как всякий метод имитационное моделирование имеет свои пределы применения, и его нельзя идеализировать и абсолютизировать, как иногда делается.

В советской историографии еще не накоплен опыт применения имитационного математического моделирования для реконструкции тех или иных явлений и процессов исторической реальности. Здесь мы имеем пока единственную попытку. Речь идет об опыте имитационного моделирования социально-экономического развития древнегреческих полисов в V в. до н.э., проведенном под руко-

---

[49] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 370–371.

водством В.А. Устинова[50]. На этот опыт надо обратить внимание. И не потому, что он оказался неудачным (ошибки могут быть допущены в любом исследовании), а потому, что в нем ярко проявились те просчеты, которые подстерегают исследователя при имитационной реконструкции явлений прошлого[51]. Основной методологический просчет проведенного эксперимента состоит в том, что допускается возможность имитационной реконструкции исторической реальности и в том случае, когда нет необходимой исходной информации, позволяющей построить адекватную модель и с ее помощью имитировать объективно возможные состояния этой реальности и просчитывать варианты неизвестных количественных параметров.

Приступая к исследованию, авторы признают, что задача погодового расчета при помощи модели экономических показателей полисов в период Пелопоннесской войны "не может быть решена на формальном уровне, потому что объем сохранившейся экономической информации об этом периоде древнегреческой истории значительно меньше того, который для этого необходим" ("Опыт имитационного моделирования исторического процесса". С. 21). Очевидно, что если бы информации было достаточно для решения задачи на формальном уровне, то не потребовалось бы и имитации. Она могла бы решаться путем построения отражательно-измерительной модели. Но дело в том, что информации недостаточно и для построения модели, адекватно отражающей сущность рассматриваемых социально-экономических систем и позволяющей имитировать их развитие. Поэтому такая модель строится исходя из того, что "воссоздаваемая моделью экономическая динамика полисов, с одной стороны, и известная нам информация относительно политики, социологии, культуры и т.д., с другой стороны, должны отвечать *нашим взглядам* на взаимосвязь всех этих факторов" (Там же. С. 44–45. Курсив мой. – *И.К.*). Эти взгляды исходят из представления о непротиворечивости структуры рассматриваемых систем. "Неизвестные коэффициенты в модели, – указывают авторы, – подбираются так, чтобы воспроизводимая на ЭВМ модельная экономическая динамика в определенном смысле не противоречила всей другой информации об изучаемом периоде истории" (Там же. С. 21). Но хорошо известно, что общественным системам и их структурам присущи не только определенная гармония, но и внутренние противоречия, которые также должны учитываться при построении модели.

---

[50] *Устинов В.А., Кузищин В.И., Павловский Ю.Н., Гусейнова А.С.* Опыт имитационного моделирования историко-социального процесса // Вопросы истории. 1976. № 11; *Гусейнова А.С., Павловский Ю.Н., Устинов В.А.* Опыт имитационного моделирования исторического процесса. М., 1984.

[51] Подробнее см.: *Ковальченко И.Д.* О моделировании исторических явлений и процессов // Вопросы истории. 1978. № 8. С. 88 и сл.; *Хвостова К.В.* Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980. С. 43 и сл.; *Андреев Э.П., Попов А.К.* Рец. // Вопросы философии. 1986. № 4. С. 163–164.

Модель должна отражать реальность такой, какой она была в действительности, а не исходить только из представлений исследователей при всей их несомненной значимости. Перед нами же – тот самый недопустимый случай, когда взаимосвязи не выводятся из конкретных фактов, а конструируются исследователями и вносятся в факты. Значит, адекватность модели, ее непротиворечивость не доказаны и являются субъективной посылкой исследователей.

Не было у авторов и фактов, которые позволили бы обоснованно имитировать варианты экономической динамики полисов и соотносить выдаваемые моделью показатели хотя бы с некоторыми их фактическими значениями. Поэтому они конструируют на основе общих соображений не только тенденции функционирования изучаемых систем, но и сами факты, характеризующие это функционирование.

"В общих чертах, – пишут авторы, – процесс имитации состоит в следующем. Имея в своем распоряжении начальные значения, относящиеся к определенному году, зная данные о численности слоев населения и их потребления, цены на различные товары, задавая спрос и предложение этих слоев на все виды товаров в следующем году в соответствии с их имущественным положением и местом в процессе производства, можно с помощью ЭВМ вычислять запасы товаров, денег, количество рабов у слоев населения в следующем году. Результаты подсчета поступают операторам – людям, имитирующим органы, которые принимают экономические и политические решения полисов в рассматриваемой системе. Эти решения касаются спроса и предложения на товары на различных рынках в следующие годы, объявления войны, организации войска, совершения некоторых военных акций (походы, осады), заключения союзов и т.д. Эти решения дают возможность рассчитать анализируемые величины (запасы товаров и денег, количество рабов) в следующие годы. Операторы анализируют полученные результаты, корректируют их и принимают новые решения, по которым на ЭВМ рассчитываются следующие годы. Этот процесс принято называть "имитационным экспериментом"[52]. Следовательно, исследователи не только сочли правомерным принимать решения за древнегреческих политических и военных деятелей и тем самым подменять реальные события собственными конструкциями, но и корректировать и исчислять различные количественные показатели, истинные значения которых определялись множеством не поддающихся учету факторов, в том числе и мало зависевших или вовсе не зависевших от субъективных решений и действий современников.

Совершенно очевидно, что таким способом можно сколько угодно детально "реконструировать" любое историческое явление и процесс, даже не имея о них никаких прямых данных. В действитель-

---

[52] *Устинов В.А., Кузищин В.И., Павловский Ю.Н., Гусейнова А.С.* Указ. соч. С. 100.

ности же авторы *вместо* обоснованной имитационной *реконструкции* исторической реальности *дают* ее субъективную *конструкцию*.

Наконец, проведенная имитация оказалась одновариантной, хотя по своей сути она должна быть разновариантной. Видимо, авторы не нашли объективных оснований для разновариантной реконструкции рассматриваемой реальности и поэтому ограничились одним, наиболее привлекательным для них вариантом. Но тем самым они игнорировали важнейшую особенность имитационного моделирования (его многовариантность).

Таким образом, эксперимент, связанный с имитационной реконструкцией реального исторического процесса, оказался в целом неудачным. Но, как говорится, нет худа без добра. Эта неудача наглядно демонстрирует те просчеты, которые могут быть допущены при некорректном применении имитационного моделирования при реконструкции исторической реальности.

В целом же имитационное моделирование может найти широкое применение в исторических исследованиях. Оно может быть весьма эффективным и при изучении альтернативных исторических ситуаций и при разновариантной гипотетической реконструкции исторической реальности. Однако оно требует особенно осторожного, обоснованного и корректного подхода.

4. МНОГОМЕРНАЯ ТИПОЛОГИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Выше уже неоднократно отмечалась настоятельная потребность применения в исторических исследованиях многомерных методов анализа и показывалась их эффективность (множественная регрессия и факторный анализ). Особенной сферой применения этих методов является типизация разного рода исторических объектов. Важная роль, которую играет типизация в научных исследованиях, обусловила разработку специальных методов многомерной типологии. Некоторые из них, особенно эффективные в исторических исследованиях, и будут рассмотрены в настоящем разделе.

Одним из наиболее широко распространенных видов типизации в исторических исследованиях является географическое районирование. Оно применяется при изучении многих явлений и процессов. Основой для типизации служит здесь *географическое* (физическое) пространство. Плюсом такой типизации является выделение сплошного территориального комплекса, единого в тех или иных отношениях (природных, этнических, экономических и т.д.), что имеет существенное значение для раскрытия многих особенностей исторического развития. Но географическому районированию присущи и слабые стороны. Территориальное единство тех или иных объектов само по себе не обеспечивает их содержательной однородности. По-

этому наряду с географическим районированием историки широко используют *социальную* типизацию изучаемых объектов. Основа ее не географическое, а *социальное* пространство, т.е. объекты выделяются не по их географической смежности, а по внутренней однородности. Например, при анализе внутреннего строя крестьянского хозяйства в том или ином районе выделяется группа крестьянских дворов, сходных по своей хозяйственной состоятельности, независимо от их пространственного размещения (в пределах селений или более крупных административно-территориальных единиц). Главной трудностью при этом, как указывалось, является невозможность учета при обычных методах анализа совокупности признаков, определяющих сущностное единство объектов, образующих тот или иной их тип. Здесь и необходима многомерная типология.

Одним из методов многомерной типологии является *кластерный анализ*[53]. Суть его – в том, что в многомерном пространстве, соответствующем числу признаков, на основе которых проводится выделение типов, выявляются "скопления" сходных объектов. Образно это пространство представляет "облако" точек, каждая из которых определяет положение в этом пространстве отдельных объектов, а их близость друг к другу отражает степень их сходства. Учитывая это, и удается путем математической обработки данных выделить кластеры (от англ. Cluster – скопление, "гроздь"), группы объектов со сходными свойствами.

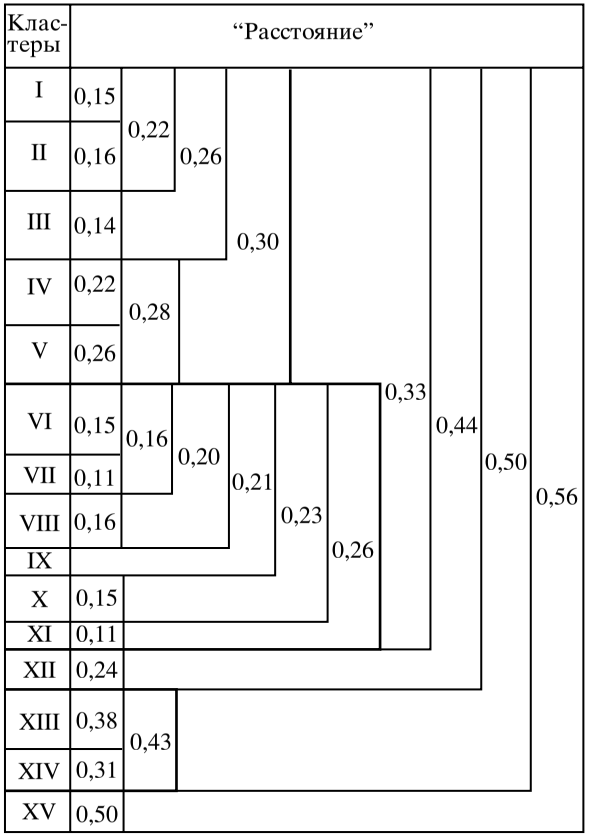
Методами кластерного анализа была проведена аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв.[54] Для этого на основе содержательного подхода были отобраны 19 показателей, характеризующих *земельные отношения* (размеры крестьянских наделов, удельный вес дворянского землевладения, продажа частновладельческих земель, цена на землю, размеры крестьянской аренды и арендная плата), состояние *сельскохозяйственного производства* (посевы, сборы и урожайность хлебов, количество рабочего и продуктивного скота, цены на сельскохозяйственную продукцию), *глубину и особенности буржуазной аграрной эволюции* (применение наемного труда, зарплата сельскохозяйственных рабочих, разложение крестьян). В результате математической обработки данных было выделено 15 взаимосвязанных между собой кластеров (рис. 3). Указанные на графике "расстояния"[55] показывают "бли-

---

[53] См.: *Дюран Б., Оделл П.* Кластерный анализ. М., 1977; *Елисеева Н.И., Рукавишников В.О.* Группировка, корреляция, распознавание образов. М., 1977, и др.

[54] См.: *Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И.* Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX веков: (Опыт многомерного количественного анализа) // История СССР. 1979. № 1; *Они же.* Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX–XX веков: (Опыт многомерного анализа) // Там же. 1981. № 1.

[55] "Расстояние" между кластерами определяется по отношениям к расстоянию между наиболее отдаленными объектами, принятому за 1.



Примечание: в состав кластеров входят следующие губернии:

I Владимирская Костромская	II Новгородская Псковская Тверская Вологодская	III Виленская Гродненская Минская Витебская	IV Калужская Черниговская Волынская Могилевская Смоленская
V Вятская Уфимская Пермская	VI Тульская Тамбовская Курская Орловская Пензенская	VII Воронежская Саратовская	VIII Рязанская Харьковская Полтавская
IX Бессарабская	X Казанская Симбирская Нижегородская	XI Киевская Подольская	XII Московская Петербургская
XIII Херсонская Екатеринославская Таврическая Донская	XIV Самарская Оренбургская	XV Лифляндская Курляндская Ковенская Эстляндская	

Губернии Астраханская, Олонецкая, Архангельская в состав кластеров не входят.

Рис. 3. Структура общей аграрной типологии губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв. (по 19 признакам)

зость" губерний, входящих в тот или иной кластер, и самих кластеров. Тем самым раскрывается внутреннее строение, как бы анатомия рассматриваемой совокупности объектов. Так, например, выясняется, что наиболее сходными по совокупности 19 признаков были губернии VII (Воронежская и Саратовская) и XI (Киевская и Подольская) кластеров. Наименее сходными между собой и в то же время самыми непохожими на все другие были губернии XV кластера (Московская и Петербургская). Губернии же Астраханская, Олонецкая и Архангельская вообще не вошли ни в один кластер в силу присущей каждой из них специфики.

Однако сами по себе кластеры еще не образуют существенно отличных типов губерний, ибо различия между многими из этих кластеров были невелики. Поэтому для выделения типов *мини*-кластеры должны быть объединены в *макро*-кластеры. Сделать это можно на основе тех же "расстояний". В итоге выделяются такие типы губерний. Губернии I–V кластеров образуют *нечерноземный* тип аграрного развития. Губернии VI–XI кластеров составляют *среднечерноземный* тип. *Южностепной* тип включал губернии XIII и XIV кластеров. XV кластер – это *прибалтийский* тип. Наконец, *столичный* тип представлен губерниями XII мини-кластера.

Правомерность указанного объединения мини-кластеров в макро-кластеры, образующие особые типы, требует специального обоснования, ибо учета только одних расстояний недостаточно. Для этого проверялась "монолитность" макро-кластеров путем учета меры рассеивания значений каждого из 19 признаков путем вычисления коэффициентов вариации. В среднем по 19 признакам во всех выделенных пяти типах они не превышали 35%, т.е. мера рассеивания была низкой, что и подтверждает внутреннюю однородность макро-кластеров.

Установить наиболее характерные различия между типами можно путем сопоставления средних значений рассматриваемых признаков в каждом из типов. Признаки, по которым средние значения имеют существенные расхождения, и раскрывают эти различия. Поскольку сопоставление большого числа признаков приводит к утрате очевидной доказательности различий между типами, может оказаться целесообразным "сжатие" исходной информации методами факторного анализа с тем, чтобы содержательную природу типов можно было раскрыть на меньшем числе интегральных показателей. Такое "сжатие" было проведено. Исходные 19 признаков были сведены методом экстремальной группировки признаков к пяти факторам[56], на основе которых во второй из указанных ниже работ (см. сн. 59) и был проведен анализ структуры и уровня аграрного развития губерний в выделенных их типах. Он показывает, что наибо-

[56] Для еще более обобщенного анализа можно было ограничиться и тремя факторами.

лее полярными по аграрному облику были южностепной и прибалтийский типы. Первый характеризовался самым высоким в Европейской России уровнем земледелия, наилучшим положением крестьян и сельскохозяйственных наемных рабочих и наиболее благоприятной (исключая северные губернии) для крестьян системой земельных отношений. Второму типу был присущ самый высокий (кроме столичных губерний) уровень развития животноводства и применения постоянных сельскохозяйственных наемных рабочих. Остальные типы в целом занимали промежуточное положение между двумя полярными.

Таким образом, кластерный анализ является весьма эффективным методом многомерной типологии. Он может быть применен при решении широкого круга историко-типологических задач. Однако он имеет, как и всякий метод, свою ограниченность. Во-первых, он не выделяет типы как таковые. Для этого необходимо объединение мини-кластеров в макро-кластеры, что может вызывать трудности, связанные с установлением границ выделяемых типов. Во-вторых, хотя кластерный анализ и показывает "расстояние" между объектами в мини-кластере и между кластерами, но эти "расстояния" не измеряют непосредственно меру сходства и различий между объектами. Между тем в объективной исторической реальности всякий качественно-определенный тип объектов отличается тем, что в него, во-первых, входят объекты, которые составляют его ядро, т.е. обладают свойствами, наиболее отчетливо выражающими черты этого типа; во-вторых, есть объекты, которые образуют "окружение" этого ядра, т.е. принадлежат к данному типу, но не выражают его свойства столь определенно, как объекты ядра; в-третьих, объекты, образующие данный тип, могут иметь определенные черты сходства с другими типами. Значит, в оптимальном выражении многомерная типология должна показать тесноту (или вес) принадлежности объекта к данному типу и меру его сходства с другими типами.

Существуют математические методы, основанные на так называемой теории нечетких множеств, которые позволяют решать указанную задачу. При их помощи и была выявлена аграрная типизация на основе тех же 19 признаков губерний Европейской России[57]. По аналогии с результатами кластерного анализа было решено выделить четыре типа губерний[58]. Получилась картина, отраженная в табл. 12. Прежде всего обращает на себя внимание фактически полное совпадение двух результатов типологии, что свидетельствует о

---

[57] См.: *Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И.* Вероятностная многомерная классификация в исторических исследованиях: (По данным об аграрной структуре губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв. // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985.

[58] При данном методе число выделяемых типов задается исследователем.

Таблица 12

Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв.

Губерния	Вес	Губерния	Вес
I. Нечерноземный тип			
А. *Ядро типа*			
Тверская	0,77	Вологодская	0,67
Калужская	0,71	Витебская	0,67
Псковская	0,70	Владимирская	0,63
Костромская	0,70	Гродненская	0,63
Ярославская	0,70	Минская	0,60
Новгородская	0,69	Смоленская	0,60
Б. *Другие губернии типа*			
Могилевская	0,56	Московская	0,50
Пермская	0,57	Петербургская	0,50
Виленская	0,53	Черниговская	0,49
Волынская	0,53	Нижегородская	0,41
Вятская	0,53	Уфимская	0,39
В. *Губернии других типов, имеющие сходство с данным типом*			
Харьковская	0,31	Симбирская	0,23
Полтавская	0,25	Олонецкая	0,23
Казанская	0,25	Архангельская	0,21
Подольская	0,23		
II. Среднечерноземный тип			
А. *Ядро типа*			
Орловская	0,81	Курская	0 69
Пензенская	0,80	Тамбовская	0 69
Воронежская	0,74	Симбирская	0,64
Рязанская	0,73	Саратовская	0,63
Тульская	0,72	Бессарабская	0,61
Б. *Другие губернии типа*			
Казанская	0,59	Полтавская	0,49
Киевская	0,58	Харьковская	0,46
Полтавская	0,56	Нижегородская	0,41
В. *Губернии других типов, имеющие сходство с данным типом*			
Уфимская	0,37	Оренбургская	0,21
Черниговская	0,28		
III. Степной тип			
А. *Ядро типа*			
Херсонская	0,73	Таврическая	0,65
Екатеринославская	0,70	Самарская	0,65

Таблица 12 (окончание)

Губерния	Вес	Губерния	Вес
	Б. *Другие губернии типа*		
Оренбургская	0,52	Донская	0,49
	В. *Губернии других типов, имеющие сходство с данным типом*		
Астраханская	0,25		
	IV. Прибалтийский тип		
	А. *Губернии, входящие в тип*		
Эстляндская	0,71	Курляндская	0,65
Лифляндская	0,68	Ковенская	0,58
	Б. *Губернии других типов, имеющие сходство с данным типом*		
Петербургская	0,20	Минская	0,20
		Виленская	0,19
	Губернии, не вошедшие в I–IV типы		
Архангельская	0,46	Астраханская	0,41
Олонецкая	0,45		

высокой адекватности применяемых методов для решения рассматриваемой задачи. В среднечерноземный, степной и прибалтийский типы вошли одни и те же губернии. К 19 губерниям нечерноземного типа, выделившимся при кластерном анализе, вероятностная группировка добавила Петербургскую и Московскую губернии, что при разбиении губерний сразу на четыре класса вполне естественно, ибо при кластерном анализе они составляли лишь один из 15 микрокластеров, который при укрупнении кластеров и был отнесен к особому типу. Но следует заметить: обе губернии вошли в нечерноземный тип с одинаковым весом (0,50), что говорит о большом их сходстве между собой. К этому же типу отнесена и Нижегородская губерния, которая с одинаковым весом (0,41) сходна и со среднечерноземным и нечерноземным типами и поэтому включена нами в оба типа.

Архангельская, Олонецкая и Астраханская губернии, как и при кластерном анализе, не вошли ни в один из типов. Степень их несходства с этими типами была выше (0,41–0,46), чем черты общности (0,08–0,25).

Вероятностная многомерная группировка позволяет выявить монолитность соответствующих типов. К ядру типов были отнесены губернии, входящие в тип с весом 0,60 и выше. Рубеж этот, конечно, условный. В целом наиболее высоким внутренним единством

отличались губернии степного и прибалтийского типов. Все губернии (кроме Донской) входили в типы с весом более 0,50. Характерно и то, что губернии этих типов (кроме Оренбургской) не имели сколько-нибудь существенного сходства (за уровень его принят вес 0,20) с другими типами. В то же время 10 губерний двух других типов имели заметное сходство с другими типами. Иногда это сходство было весьма высоким. Так, например, Уфимская губерния с весом 0,39 отнесена к нечерноземному типу, но она почти с таким же весом (0,37) была сходна и со среднечерноземным типом. Ее, как и Нижегородскую губернию, фактически следует рассматривать как относящуюся к двум типам. Тот же факт, что 14 из 50 губерний, входя в тот или иной тип или не входя ни в один из них (как Архангельская, Олонецкая и Астраханская), имели ощутимое сходство с другими типами, свидетельствует о том, что типы аграрной структуры, как впрочем и многие другие, не представляют собой неких замкнутых систем. Они имеют зоны сходства и пересечения.

Следовательно, многомерная вероятностная классификация – весьма тонкий метод анализа. Как и кластерный анализ, она может широко применяться в исторических исследованиях.

Остановимся еще на одном методе многомерной типологии, интересном тем, что он в комбинации с другими классификациями позволяет выявлять возможности и потенции дальнейшего функционирования и развития исследуемых совокупностей объектов.

Выше на основе бюджетных обследований анализировался социально-экономический строй различных типов крестьянских хозяйств. Выявлены как сходные, так и различные черты в этом строе. Представляет интерес вопрос о том, каковы были перспективы дальнейшего развития разных типов крестьянских хозяйств. При обычных методах анализа на этот вопрос может быть получен, хотя и убедительный, но слишком общий ответ в том роде, что перспективой беднейшего крестьянства являлось дальнейшее разорение, а наиболее состоятельные из числа зажиточных крестьян могли превратиться в фермеров-капиталистов. Но возможен и более конкретный подход. Его основой может быть соотнесение реального социального статуса разных типов крестьянских хозяйств как конечного результата их производственного функционирования с теми общими производственно-экономическими потенциями, которыми располагали эти хозяйства. Подобный анализ на основе данных бюджетных обследований был проведен по Пензенской и Воронежской губерниям[59].

Напомним, что в Пензенской губернии четыре группы крестьянских хозяйств были выделены по социальному критерию. К первой, беднейшей, отнесены дворы, в которых продажа крестьянами

---

[59] См.: *Ковальченко И.Д.* О многомерной группировке крестьянских хозяйств // Социально-экономическое развитие России: Сб. статей к 100-летию со дня рождения Н.М. Дружинина. М., 1986.

рабочей силы превышала затраты собственного труда в своем хозяйстве. Это были крестьяне-пролетарии с наделом и мизерным собственным хозяйством. Вторую группу составляли крестьяне-полупролетарии. Здесь большая часть затрат собственного труда приходилась на свое хозяйство, но весьма значительным было отчуждение своего труда для работы по найму. Третья группа являлась фактически чисто крестьянской. И продажа своей рабочей силы, и найм посторонних работников были ничтожными. К четвертой, зажиточной группе отнесены дворы крестьян с наиболее широким применением наемной рабочей силы. В целом по группе наемный труд составлял около половины к затратам собственного труда.

Чтобы выявить возможности изменения крестьянами социального статуса, был проведен следующий анализ данных о крестьянском хозяйстве. На основе 60 различных показателей (о размерах, отраслевой структуре и товарности хозяйства, обеспеченности средствами производства, статьях расходов и доходов на душу населения) был сформирован единый интегральный фактор, обобщенно характеризующий состояние крестьянского хозяйства всей совокупности дворов, охваченных бюджетным обследованием. Содержательная суть этого фактора раскрывается прежде всего следующими, наиболее тесно связанными с ним показателями (в скобках указаны коэффициенты корреляции, раскрывающие тесноту связи показателя с интегральным фактором):

1. Всего затрат капитала (0,95).
2. Производственных затрат капитала (0,93).
3. Доля сельскохозяйственного капитала в производственных затратах капитала (0,86).
4. Всего землепользования (0,86).
5. Размеры посевов (0,78).
6. Стоимость сельскохозяйственного инвентаря (0,80).
7. Стоимость всего скота (0,82).
8. Доход от земледелия (0,87).
9. Доход от скотоводства (0,73).
10. Всего валовой доход (0,77).
11. Расход на продовольствие (0,79).

Это означает, что из 60 учтенных показателей именно указанные прежде всего определяли состояние крестьянского хозяйства. В целом этот интегральный фактор, как видим, отражает общий производственно-экономический уровень крестьянского хозяйства. Этот уровень для каждого двора получил единую количественную оценку в виде индекса (факторного веса). По факторным весам была проведена группировка крестьянских дворов. Выделено четыре группы с тем, чтобы можно было сопоставить взаимораспределение дворов по группам при социальной и многомерной группировках. Эти группы различаются общим уровнем хозяйственной состоятельности дворов. В первой группе он был самым низким, во вто-

рой – несколько более высоким, в третьей – еще более высоким и в четвертой – самым высоким.

Сопоставление двух группировок показывает (табл. 13), что имело место существенное несовпадение в распределении одних и тех же дворов по социальным и производственно-экономическим группам. Это может быть основой для целого ряда наблюдений и заключений. Посмотрим в данном случае, в какой мере дворы различных социальных групп располагали экономическими возможностями для повышения уровня своего хозяйства, а следовательно, и для изменения в дальнейшем своего социального статуса. Лишь те дворы социальных групп, уровень хозяйства которых был наиболее высоким, могли при благоприятных условиях рассчитывать на перемещение вверх. Показателем этого является производственно-экономическая структура социальных групп.

Подавляющая часть дворов (62,2%) первой социальной группы имела наиболее низкий общий уровень хозяйства, т.е. не располагала возможностями для его улучшения. У 30,0% дворов этот уровень был несколько выше. Но из 24 пролетарских дворов с уровнем хозяйства, соответствующим второй производственно-экономической группе, только в двух дворах он был выше среднего по всей совокупности хозяйств. Это значит, что и эти дворы не имели шансов подняться вверх. И только у семи дворов (7,8% всех пролетарских дворов), уровень хозяйства которых соответствовал III и IV производственно-экономическим группам, т.е. был заметно выше среднего, при благоприятных условиях были какие-то возможности несколько улучшить свое положение. Наиболее реальной такая возможность была лишь у двух дворов (2,2% всех пролетарских дворов), принадлежавших по общему уровню хозяйства к высшей (IV) производственно-экономической группе. Таким образом, пролетарский слой деревни не имел в целом перспектив на улучшение состояния своего хозяйства и изменение своего социального статуса.

Примерно половина хозяйств (48,9%) слоя бедных середняков (II социальная группа) имела уровень хозяйства, соответствующий второй многомерной группе, и у более чем половины из них уровень хозяйства был ниже среднего. 30,4% хозяйств вообще имели самый низкий уровень. Следовательно, перспективой у подавляющей части дворов этой группы могла быть лишь пролетаризация. И только 19 дворов II социальной группы (20,7%) имели уровень хозяйства заметно выше среднего. При этом только в двух дворах он относился к наиболее высокому. Здесь также только у части из этих 19 хозяйств имелась некоторая возможность улучшить свое положение как сельских хозяев.

В "крестьянской" группе (III социальная группа) только треть дворов (16 из 49) имела уровень хозяйства существенно выше среднего. При этом лишь в четырех дворах он был наиболее высоким. Следовательно, даже здесь очень небольшая часть дворов группы при благоприятных условиях могла двинуться вверх.

Таблица 13

Социальный строй и уровень крестьянского хозяйства Пензенской губернии (1913 г.)

Производственно-экономические группы	Социальные группы				Всего
	I	II	III	IV	
	Дворов в группах				
I	58	28	3	3	92
II	24	45	24	11	104
III	5	17	18	10	50
IV	2	2	4	7	15
В с е г о	89	92	49	31	261
	Производственно-экономическая структура социальных групп, %				
I	62,2	30,4	6,1	9,8	35,2
II	30,0	48,9	49,0	35,3	39,9
III	5,6	18,5	36,7	32,2	19,2
IV	2,2	2,2	8,2	22,6	5,7
В с е г о	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Наконец, в высшей социальной группе (IV) лишь немногим более пятой части дворов (22,6%) имели и самый высокий общий уровень хозяйства. Именно эти дворы по общему уровню производственно-экономического развития и обладали возможностью превращения в собственно капиталистические фермерские хозяйства.

Как видим, и комбинированная группировка дворов подтверждает, что господствующим в пензенской деревне в начале XX в. был мелкобуржуазный уклад. Высокий уровень развития товарного производства (товарность хозяйства по социальным группам колебалась в пределах 42–53%) сочетался с господством в подавляющей части хозяйств собственного труда. Кроме того, комбинированная группировка дворов свидетельствует о том, что реальные экономические возможности для крестьян "пробиться в крупные хозяева" были крайне ограниченными. Такой возможностью обладали дворы с наиболее высоким производственно-экономическим уровнем хозяйства (IV производственно-экономическая группа). Эти дворы составляли лишь 5,7% всех хозяйств и примерно 20–25% дворов высшей социальной группы.

По Воронежской губернии одномерная группировка дворов была проведена по размерам валового дохода на двор. Для многомерной группировки крестьянских хозяйств использовали 53 различных показателя. По содержанию они аналогичны данным по Пензенской губернии.

Для многомерной группировки крестьянских хозяйств и интегральной оценки общего уровня их развития по исходным данным был сформирован единый фактор. Его содержательную сущность прежде всего определяют следующие из исходных показателей (в скобках – корреляционная связь признака с фактором):

1. Общий расход (0,93).
2. Хозяйственные расходы (0,87).
3. Стоимость строений и промышленных заведений (0,82).
4. Стоимость сельскохозяйственного инвентаря (0,79).
5. Стоимость всего скота (0,82).
6. Стоимость домашнего имущества (0,79).
7. Всего валовой доход (0,92).
8. Расходы на продовольствие (0,77).

Как видим, набор показателей, определяющих общее состояние крестьянского хозяйства, оказался в общем таким же, как и по Пензенской губернии. Это свидетельствует о том, что производственно-экономический уровень крестьянского хозяйства в целом определялся мощностью тех материальных и денежных ресурсов, которыми оно располагало и которые функционировали в производстве.

По данным совокупных индексов, показывающих общий уровень развития крестьянских хозяйств, выделено четыре группы дворов, имевших существенные различия по этому уровню. Соотношение групп при одномерной (размер валового дохода) и многомерной (производственно-экономической) группировках указано в табл. 14.

Как и в Пензенской губернии, распределение одних и тех же дворов по группам при одномерной и многомерной группировках было различным. Не подвергая эти данные развернутой характеристике, отметим лишь наиболее существенные моменты.

У большинства дворов (137 из 230) общий уровень хозяйства был ниже среднего. У этих хозяйств не было производственно-экономических предпосылок для заметного улучшения своего положения. Сюда входила подавляющая часть дворов I и II групп по размерам валового дохода.

У 93 дворов общий уровень хозяйства был выше среднего. При этом число дворов с наиболее высоким уровнем (IV производственно-экономическая группа) составляло лишь 5,2% всех дворов. Заметим, что в Пензенской губернии таких дворов было 5,7%. Видимо, тот факт, что в двух разных районах доля дворов с наиболее высоким производственно-экономическим уровнем одинакова, не случаен. Собственно только дворы с наиболее высоким общим уровнем хозяйства и обладали объективно-экономическими предпосылками при прочих равных условиях для хозяйственного прогресса. Больше всего таких дворов было в высшей (IV) группе по валовому доходу (8 из 12). Однако и в этой группе они составляли лишь несколько более пятой части дворов (22,9%). В Пензенской губернии в соответствующей социальной группе доля таких дворов

Таблица 14

Доходы и уровень крестьянского хозяйства Воронежской губернии в конце XIX в.

Многомерные (производственно-экономические группы)	Одномерные группы по размерам валового дохода				Всего
	I	II	III	IV	
	Дворов в группах				
I	45	10	2	–	57
II	32	33	24	4	93
III	4	14	27	23	68
IV	–	1	3	8	12
В с е г о	81	58	56	35	230
	Производственно-экономическая структура групп по размерам доходов, %				
I	55,6	17,2	3,6	–	24,8
II	39,5	57,0	42,9	11,4	40,4
III	4,9	24,1	48,1	65,7	29,6
IV	–	1,7	5,4	22,9	5,2
В с е г о	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

равнялась 22,6%. Удивительное и, вероятно, опять-таки не случайное совпадение.

В других группах по размерам валового дохода доля дворов с наиболее высоким производственно-экономическим уровнем весьма незначительна (в первой группе их вообще не было, во второй – 1,7, а в третьей – 5,4%). Несколько большей была доля дворов, уровень хозяйства которых соответствовал III производственно-экономической группе.

Таким образом, комбинированная группировка крестьянских хозяйств и по Пензенской, и по Воронежской губерниям показывает, что объективной возможностью для повышения уровня своего хозяйства располагала крайне незначительная часть крестьянства. Уделом же большинства крестьян было превращение в полупролетариев с наделом и мизерным собственным хозяйством, а затем – и в полных пролетариев. Итак, как показывают приведенные примеры, многомерная типология дает возможность не просто на широкой основе выделять существенно отличные совокупности объектов, образующие определенные общественные системы, но и при комбинированной группировке (а она может в обоих вариантах быть многомерной) раскрывать объективно возможные направления последующей эволюции этих объектов, что крайне важно в плане органического сочетания структурного и функционального, синхронного и диахронного анализа.

Таким образом, даже крайне тематически ограниченная характеристика применения математических методов и моделирования в исторических исследованиях показывает их высокую эффективность, что позволяет значительно углубить изучение многих явлений и процессов общественно-исторического развития. Рассмотренные примеры свидетельствуют также о том, что основным условием успешного использования этих методов является обоснованность и глубина сущностно-содержательного и методологического подходов. Это должно учитываться на всех этапах математического анализа: при постановке исследовательской задачи, формировании представительной (качественно и количественно) конкретно-исторической системы количественных показателей, построении и обосновании адекватности модели (или выборе математического аппарата) и интерпретации результатов математической обработки и анализа данных. Важную роль играет также корректность применения соответствующих математических средств, т.е. соблюдение налагаемых на это применение требований. В этой связи надо коснуться некоторых вопросов.

Целый ряд методов математико-статистического анализа, в том числе корреляция и регрессия, приложим к обработке рядов количественных показателей, имеющих так называемое *нормальное* распределение. Оно присуще массовым случайным явлениям, и суть его состоит в том, что частоты бóльших и меньших значений признака равномерно убывают по сравнению с наиболее часто встречающимися его значениями, т.е. распределение здесь симметричное. Такой характер распределения должен быть свойствен всей генеральной совокупности изучаемых объектов. Проверка нормальности распределения необходима в тех случаях, когда эта совокупность изучается по выборочным данным и предполагается оценить по ним значение признаков во всей совокупности.

Существует целый ряд методов проверки нормальности распределения значений признаков по данным случайной выборки[60].

Когда же рассматривается вся генеральная совокупность, такую проверку обычно не делают. Но, строго говоря, те данные, которые характеризуют некую генеральную совокупность исторических объектов, представляют собой лишь большие выборки, которые фиксируют состояние этой совокупности в момент измерения. До этого момента и после него оно могло быть иным. Поэтому, если намечается рассмотреть показатели определенного момента в более широком плане, может также потребоваться проверка нормальности распределения признаков.

Существует широко распространенное, но никем не доказанное представление, что в общественных массовых явлениях нормальное

---

[60] См.: Математические методы в исторических исследованиях: Учебное пособие. М., 1984. Гл. 9.

распределение встречается редко. Это противоречит тому очевидному факту, который уже неоднократно отмечался, что массовые общественные явления и процессы и присущие им законы и тенденции развития имеют стохастический характер и вероятностно-статистическую форму проявления. А именно для этих явлений, как известно, и характерно прежде всего нормальное распределение. Поэтому математические методы, основанные на нормальном распределении, могут найти в исторических исследованиях более широкое корректное применение, чем принято считать.

Наибольшая трудность, связанная с проверкой нормальности распределения значений рассматриваемых в исторических исследованиях признаков, состоит в том, что распределение одних из них может быть нормальным или близким к нему, а других – нет. В этом случае следует ориентироваться на распределение наиболее существенных из них в плане решаемой задачи. В перспективе же необходим поиск методов интегральной оценки характера распределения совокупности изучаемых показателей.

Важнейшее, можно даже сказать основное, место при изучении исторических явлений и процессов математическими методами занимает анализ взаимосвязей. Он требует прежде всего выявления формы связи между рассматриваемыми признаками. Все возможные виды взаимосвязей, как известно, распадаются на два типа: взаимосвязи *функциональные* и *стохастические* или взаимосвязи вероятностно-статистические. При функциональных связях изменение фактора-причины на одну и ту же величину всегда приводит к одному и тому же изменению результативного признака. При стохастической зависимости одно и то же изменение фактора может приводить к неодинаковым изменениям результата. Поэтому здесь теснота и сила взаимосвязи могут быть измерены лишь применительно к серии изменений, т.е. выражены статистически, во-первых, и показатели связи, полученные по выборке, могут быть распространены на всю генеральную совокупность лишь приближенно с определенным доверительным интервалом, во-вторых.

При анализе стохастических взаимосвязей исходят из той или иной формы функциональной связи, т.е. рассматривают их как приближение к какой-либо из этих форм. Простейшая форма функциональной зависимости прямолинейная. Поэтому наиболее широко распространенные методы анализа вероятностных взаимосвязей – корреляционный и регрессионный анализ – прежде всего исходят из линейной зависимости между признаками. Но поскольку взаимосвязь между изучаемыми признаками может быть и нелинейной, необходима проверка ее линейности. Такая проверка необходима, когда исследователь оперирует не только с выборочными данными, но и с показателями, характеризующими генеральные совокупности объектов.

При корреляционном анализе обойтись без специальной проверки линейности можно лишь тогда, когда коэффициенты корре-

ляции высокие (превышают ±0,70), ибо это свидетельствует о преобладающей роли линейной зависимости. В остальных случаях требуется проверка линейности.

Основной метод выявления линейного характера корреляционной связи состоит в оценке существенности различий линейных коэффициентов корреляции и коэффициентов корреляционных отношений, раскрывающих взаимосвязь при ее криволинейном типе[61]. Когда такое различие оказывается существенным, следует использовать не линейные коэффициенты корреляции, а корреляционные отношения. Минусом последних является то, что они не показывают направления взаимосвязи (прямая или обратная). Это направление можно определить по линейным коэффициентам корреляции. Подобное допущение правомерно в содержательном отношении, ибо при любой форме взаимосвязи ее прямолинейная функция является наиболее обобщенным (пусть весьма приближенным и даже грубым) выражением ее основного направления.

При множественном регрессионном анализе (когда выясняется зависимость результата от ряда признаков) линейная форма корреляционной взаимосвязи между результативным признаком и признаками-факторами может косвенно свидетельствовать о возможности использования линейной регрессионной модели.

Важнейшим условием корректного применения регрессионной модели является независимость между собой факторных признаков. Показателем этой независимости может служить теснота корреляционной взаимосвязи между факторными признаками. К тесно взаимосвязанным признакам относятся такие, у которых коэффициент детерминации (т.е. квадрат коэффициента корреляции, взятый в процентах) превышает 50%, т.е. коэффициенты корреляции оказываются большими – 0,71. Поэтому допустимо введение в регрессионную модель в качестве независимых таких признаков, корреляционная взаимосвязь между которыми не превышает 0,50–0,60. В противном случае возможен *корректный* учет в линейной модели лишь *совокупного* воздействия на результат тесно взаимосвязанных признаков либо следует обратиться к регрессионной модели иной формы.

Из других ограничений, налагаемых на математико-статистические методы, отметим особенности математической обработки динамических, временны́х рядов количественных показателей. Такие показатели сложны по содержанию. Они включают несколько составных компонент: 1) основные значения (уровни) ряда, которые характеризуют коренные свойства показателя и тенденцию их изменения; 2) показатели, отражающие разного рода циклические колебания, присущие изучаемому признаку (циклическое развитие капи-

---

[61] В исторических исследованиях этот метод развернуто рассмотрен в указанной работе Л.В. Милова, М.Б. Булгакова, И.М. Гарсковой (Гл. IV. § 2).

талистического производства, циклы урожайности, сезонные колебания цен на многие товары сельскохозяйственного производства и т.д.); 3) показатели всякого рода случайных колебаний, вызванных не поддающимися учету причинами.

Все это требует разложения фактических показателей динамических рядов на составные компоненты. Наиболее распространенным методом здесь является аналитическое (математическое) выравнивание динамических рядов. Наиболее сложен при этом подбор функции выравнивания. Чаще всего используются уравнения прямой и параболы второго порядка. Применяются и другие функции.

Корректное аналитическое выравнивание динамических рядов требует проверки того, в какой мере соответствующая функция адекватно отражает основные черты в изменении показателей. Существуют различные методы такой проверки[62].

Аналитическое выравнивание дает возможность выявить уровни ряда (его основные значения), тренд (скорость и направление изменений показателей) и случайные колебания показателей (отклонения фактических значений от их уровней). Все эти показатели, как и исходные данные, могут подвергаться математической обработке и анализу. При этом широко обращаются к корреляционному и регрессионному анализу. Применительно к динамическим рядам он имеет важную специфику.

Теоретико-методологической основой корреляционного анализа является вероятностный подход. Для его реализации необходимо, чтобы показатели в коррелируемых рядах не зависели друг от друга. В вариационных рядах такая независимость обусловлена природой вариационных рядов. Здесь ряды включают численные значения признаков у разных, а потому и независимых объектов. Динамические же ряды характеризуют значения признаков *у одних и тех же* объектов. Поэтому в данном случае последующие значения показателей могут зависеть от предыдущих, т.е. на изменение показателей может воздействовать временна́я, эволюторная компонента. При корреляционном анализе это может приводить к завышению тесноты взаимосвязи между показателями в результате возникновения так называемой ложной корреляции. Понятно, что это завышение будет бо́льшим в более длинных рядах.

Измерить степень воздействия на изменения показателей динамического ряда временно́й компоненты можно вычислением коэффициента автокорреляции (корреляция значений фактического ряда с рядом, образованным путем сдвига фактических значений на один вариант). При коэффициентах автокорреляции, превышающих 0,71 (коэффициент детерминации будет более 50%), временна́я компонента оказывается основным фактором в изменении показателей ряда. Следовательно, эти показатели не будут независимыми,

---

[62] См.: Математические методы в исторических исследованиях. Гл. 7.

а, учитывая вероятностную природу корреляционного анализа, корреляция таких рядов будет некорректной.

Указанная трудность корреляции динамических рядов давно известна в статистике, и предлагаются различные методы ее преодоления.

Одни исследователи полагают, что корреляционный анализ фактических (исходных) значений динамических рядов вообще неправомерен. "Никакие понятия, связанные с исчислением вероятностей, здесь не применимы, и коэффициенты корреляции, как и корреляционные отношения, хотя арифметически и могут быть вычислены, но логического смысла они лишены". При корреляционном анализе динамических рядов "необходимо исключать из них закономерные (плавные и повторяющиеся) изменения уровня"[63]. Следовательно, можно коррелировать лишь отклонения фактических значений от уровней аналитически выравненных динамических рядов, ибо эти отклонения определяются множеством локально действующих причин и поэтому с вероятностно-статистической точки зрения являются независимыми. Кроме того, при хорошо подобранной функции выравнивания они взаимопогашаются и имеют нормальное распределение[64].

Так обычно и поступают исследователи, анализирующие взаимосвязь показателей динамических рядов. Однако очевидно, что в содержательном плане представляет интерес и коррелирование фактических значений временны́х рядов, ибо в этих значениях обобщена вся информация о динамике соответствующих показателей. Для учета воздействия на тесноту взаимосвязи временно́й компоненты предлагается на основе коэффициентов автокорреляции вносить поправку к стандартной ошибке коэффициентов корреляции фактических значений динамических рядов. Кроме того, величина этой поправки может показать, когда корреляция фактических значений динамических рядов становится вообще невозможной. Рассмотрим это на примере.

Допустим, что коэффициент корреляции двух 20-летних динамических рядов равен 0,70. Стандартная ошибка этого коэффициента равна 0,12 и истинная величина коэффициента будет находиться в пределах $0{,}70 \pm 0{,}12$[65]. Предположим, что автокорреляция в обоих рядах равна 0,70. Тогда поправка на автокорреляцию к стандартной

---

[63] *Четвериков Н.С.* О ложной корреляции // Применение методов корреляции в экономических исследованиях. М., 1969. С. 210, 215.

[64] *Ястремский Б.С.* Некоторые вопросы математической статистики. М., 1961. С. 125.

[65] Стандартная ошибка коэффициента корреляции вычисляется по формуле $\frac{1-r^2}{\sqrt{n-1}}$, где r – коэффициент корреляции, а n – число членов динамического ряда.

ошибке будет равна 1,71[66], т.е. стандартная ошибка должна быть увеличена в 1,71 раза. С поправкой доверительный интервал коэффициента корреляции будет равен 0,70 ± 0,21. При автокорреляции, равной 0,90, поправка составит 3,09, а ошибка оценки составит 0,37. Истинное значение коэффициента корреляции будет в пределах 0,70 ± 0,37. Следовательно, уже нельзя будет сделать даже самых грубых заключений о тесноте взаимосвязи динамических рядов показателей, ибо верхний предел доверительного интервала превышает 1,0. Между тем величина коэффициентов автокорреляции может быть близка к 1,0, а потому будет расти и необходимая поправка к ошибке коэффициентов корреляции фактических значений динамических рядов. Так, при коэффициентах автокорреляции, равных 0,95, стандартная ошибка коэффициента корреляции должна быть увеличена в 4,42 раза, а при автокорреляции 0,99 – в 9,78 раза.

Представляется, что рассмотренный подход к корреляции фактических значений рядов динамики заслуживает внимания и может использоваться в исторических исследованиях. Но корректным такой подход все же может быть лишь в том случае, когда временна́я компонента не играет определяющей роли в изменении значений этих рядов, т.е. когда детерминация коэффициентов автокорреляции не превышает 50%. Поэтому решать вопрос о возможности применения указанного подхода можно лишь на основе данных автокорреляции. В этой связи можно целиком согласиться со следующим мнением: “Если наличие автокорреляции не проверяется, то значение результатов корреляционного и регрессионного анализа рядов динамики является сомнительным” [67]. Более того, эти результаты могут привести к ошибочным заключениям.

Таким образом, при корреляционном и регрессионном анализе динамических рядов вполне правомерно оперирование случайными отклонениями, возможно использование фактических значений этих рядов в случаях, когда воздействие временно́й компоненты на изменения значений ряда невелико и когда вносится поправка к стандартным ошибкам коэффициентов. Что же касается уровней аналитически выравненных рядов, то их коррелирование (а это иногда пытаются делать) недопустимо, поскольку изменения этих уровней всецело детерминируются трендом, т.е. временно́й компонентой.

Мы столь подробно остановились на математической обработке динамических рядов исторических данных потому, что, с одной стороны, анализ динамики – важнейшая задача исторических иссле-

---

[66] Поправка на автокорреляцию вычисляется по формуле, предложенной М. Езенкиэлом и К. Фиксом: $\sqrt{\frac{1+r_{a_1}\cdot r_{a_2}}{1-r_{a_1}\cdot r_{a_2}}}$, где r_{a_1} и r_{a_2} – коэффициенты автокорреляции динамических рядов.

[67] *Вайну Я.Ф.* Корреляция рядов динамики. М., 1977. С. 36.

дований, а с другой, – он сопряжен с большими трудностями информационно-источниковедческого и математического порядка, что повышает требования к адекватности и корректности такого анализа. К сожалению, эти требования не всегда выполняются[68].

Завершающей стадией применения математических методов в исторических исследованиях являются содержательно-историческая интерпретация результатов математической обработки и анализа количественных данных и обобщение полученных итогов. На этой стадии исследование доводится до логического завершения и выявляется то новое, что удалось получить в результате применения указанных методов, а следовательно, и весь научно-познавательный эффект этого применения.

Сущностно-содержательная интерпретация результатов математической обработки и анализа конкретно-исторических данных – не только ответственная, но и весьма сложная процедура. Ее сложность обуславливается трудностями раскрытия содержательно-исторического смысла математических показателей, перевода формально-логических понятий в конкретно-исторические. Успех здесь всецело определяется глубиной теоретико-методологического и конкретно-исторического подхода к изучаемым явлениям и процессам. Вполне адекватной и доказательной в плане раскрытия качественной сути изучаемых явлений содержательная историческая интерпретация результатов математического анализа может быть прежде всего при дедуктивном моделировании, когда анализ ведется путем восхождения от абстрактного к конкретному. Основная проблема интерпретации здесь состоит в соотнесении реального объекта с его идеализированным образом, определении степени проявления в реальном основных черт идеального. Но дедуктивное моделирование, как было показано, возможно лишь на сравнительно высокой стадии изученности рассматриваемых явлений, когда оказывается возможным предварительное построение идеальной сущностно-содержательной модели этих явлений.

При математической верификации конкретно-исторических гипотез итог математического анализа либо подтверждает, либо отвергает выдвинутую гипотезу. Доказательность выводов здесь зависит от представительности конкретно-исторических данных, адекватности математической модели и корректности ее применения. Разумеется, само выдвижение гипотезы должно быть обоснованным содержательно-исторически.

Наибольшие сложности связаны с интерпретацией результатов индуктивно-эмпирического моделирования, которое пока является наиболее широко распространенной формой применения математических методов в исторических исследованиях. Здесь в сущности

---

[68] Об этом см.: *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в. М., 1974. С. 55 и сл.

возможна либо простая констатация новых фактов, характеризующих ранее неизвестные черты изучаемых явлений, либо гипотетическая интерпретация их сути.

Понятно, что и простое выявление новых фактов, раскрывающих черты и свойства, функционирования и развития исследуемых явлений и процессов, дает очень многое в их познании. Но простая констатация фактов обедняет результаты математического анализа. Поэтому следует идти дальше, надо искать пути к объяснению полученных фактов. При эмпирическом моделировании, т.е. когда нет сущностно-содержательной модели, лежащей в основе формально-количественного анализа, такое объяснение первоначально может иметь лишь гипотетический характер. Основной просчет, который бывает при подобных объяснениях, состоит в том, что гипотеза не подвергается проверке и представляется как истина. Между тем всякая гипотеза требует проверки. Историк, применивший математические методы, может и не проводить этой проверки в данном исследовании, но должен отметить гипотетический характер предложенного объяснения и указать возможные пути верификации выдвинутых гипотез.

Гипотетический характер первоначальных выводов, полученных в результате построения эмпирических моделей, никоим образом не умаляет их научной значимости. Во-первых, гипотеза – одна из форм научного знания. Во-вторых, проверка гипотез, требующая привлечения новых фактов и их анализа, углубляет исследование и неизбежно ведет его по пути от эмпирического к теоретическому знанию.

Таков круг наиболее часто возникающих проблем, связанных с адекватностью и корректностью применения математических методов и моделирования в исторических исследованиях.

ПРИЛОЖЕНИЕ

И.Д. Ковальченко

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

(Заметки о необходимости обновленных подходов)*

Введение

Разработка основных теоретико-методологических проблем, требующих новых подходов, – насущная задача отечественной исторической науки. При этом необходимо учитывать то философско-историческое наследие, которым располагают историки.

Как представляется, одной из черт, присущих огромному наследию по философии истории, является ярко выраженная претензия всех основных ее направлений на некую всеобщность и универсальность в понимании как основной сути общественно-исторического развития, так и ведущих принципов и методов его познания. Это прежде всего было присуще марксистской социологии, как одному из направлений философии истории. Стремление к универсализации своей значимости порождало необъективный подход к другим направлениям философско-исторической мысли и отодвигало на второй план синтез разных идей, либо такой синтез оказывался непоследовательным[1].

Между тем хорошо известно, что синтез теорий, подходов и методов и конкретно-научных концепций является органическим компонентом в развитии любой науки. Применительно же к историческому познанию и исторической науке современной эпохи теоретико-методологический синтез – непременное, безусловно необходимое условие преодоления того кризиса, в котором она оказалась в последние десятилетия. Этот кризис охватывает не только российскую, но и вообще мировую науку. Под кризисом мы имеем в виду в данном случае не застой или упадок в ее развитии (как это чаще трактуется), а такую поляризацию теоретико-методологических взглядов и подходов, а следовательно, и конкретно-исторических концепций, которая во многих аспектах разрывает единство коренной сущности исторического познания.

---

* Публикуется по: Исторические записки: Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. М., 1995. Вып. 1 (119).

[1] В развитии мировой исторической науки в XX в. тенденция к синтезу наиболее ярко проявилась во французской школе “Анналов”. См.: *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа “Анналов”.

Единство же этого познания как познания научного состоит в том, что при всех различиях в теоретико-методологических основах изучения прошлого это изучение в той или иной мере направлено на получение истинных знаний, адекватно отражающих как различные стороны общественно-исторического развития, так и его общий ход. Это обусловлено объективной потребностью общества в получении истинных знаний, ибо без них нельзя успешно решать задачи, выдвигаемые современностью.

Обретение же истинных знаний не только необходимо, но и возможно. Но для этого "исследование истины само должно быть истинным"[2].

Основным обстоятельством, обострившим в XX в., особенно во второй его половине, указанную поляризацию в развитии исторической науки, была все усиливавшаяся идеологизация и политизация исторического познания. В той или иной мере они имели место всегда. Но в СССР естественная полемика представителей марксизма и других направлений социологической и исторической мысли, имевшая место в прошлом, приобрела иной характер. Марксизм стал официальной государственной идеологией и был не только абсолютизирован как единственная научная теория, с одной стороны, но и предельно догматизирован и примитизирован, с другой. Тем самым практически была исключена возможность сколько-нибудь широкой творческой разработки социологической теории марксизма с учетом общего хода развития философии истории. Более того, попытки такого развития квалифицировались как политические ошибки и нередко сопровождались разного рода репрессиями. В силу этого изучение многих областей общественно-исторического развития в той или иной мере утрачивало научность. Особенно пострадало изучение истории партии и советского периода, а также ряда областей новой и новейшей истории.

Но терпела ущерб не только советская, но и мировая историческая наука. Обособление одной ее части неизбежно толкало к крайностям и немарксистские направления, что также замедляло и искажало развитие исторического познания. В условиях длительной холодной войны возник и углублялся кризис мировой историографии. Историческое познание как единая в своей главной сути целостность в очень большой мере распалась. Разумеется, это никоим образом не означало общего упадка, хотя общественная значимость исторической науки, несомненно, снизилась. Но во многих конкретных областях исторических исследований не только в зарубежной, но и советской историографии были достигнуты значительные конкретно-научные успехи.

В настоящее время сложились в целом благоприятные условия для преодоления кризиса исторической науки как в нашей стране, так и в мировой науке в целом. Прекращение холодной войны сни-

---

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. I. С. 7.

мает неизбежность политизации и поляризации в подходах к изучению прошлого, хотя и не устраняет их целиком, ибо в мире сохраняются разные системы общественных отношений и связанные с ними социальные противоречия. В то же время само развитие исторической мысли и исторической науки подошло к такому рубежу, когда их дальнейший прогресс требует преодоления имевшего место противостояния и поиска путей к синтезу различных философско-исторических и концептуальных подходов и построений[3].

Успехи теоретико-методологического синтеза и приложение его результатов к выработке новых общих и частных концепций исторического развития зависят во многом от подхода к общему философско-историческому и конкретному теоретико-методологическому познавательному арсеналу, которым располагают историки. Этот подход должен быть объективным и историчным.

Во-первых, следует напрочь исключить какие бы то ни было претензии на возможность создания неких универсальных и абсолютных теорий и методов исторического познания. Это обусловлено неисчерпаемостью черт и свойств общественно-исторического развития, что делает невозможным выработку каких бы то ни было всеохватывающих теорий.

Во-вторых, следует учитывать, что любая научная теория, т.е. теория, основанная на анализе и обобщении исторической действительности, а не на априорных конструкциях и отрывочных фактах, содержит то или иное рациональное зерно и тем самым вносит определенный вклад в развитие общественно-научной мысли. Например, в марксизме такой непреходящей ценностью было соединение материализма с диалектикой и распространение такого подхода на изучение истории. Это позволит углубить познание целого рода аспектов исторического развития. Вместе с тем и любой метод научного познания для чего-нибудь да хорош.

Учет и использование в исследовательской практике всего того в теории и методологии обществознания, что позволяет расширить и углубить, т.е. более адекватно отразить суть явлений и процессов объективной исторической реальности, и выражает переход от догматического гносеологического монизма (в любых его проявлениях) к познавательному плюрализму. Именно в этом состоит суть научного плюрализма, а не в абсолютизации права ученого трактовать ход того же исторического развития по своему субъективному представлению, как нередко утверждалось и утверждается в настоящее время в связи с поисками новых подходов в познании прошлого.

В-третьих, любая философско-историческая теория позволяет выработать ту или иную концепцию исторического развития, которая всегда исторична, т.е. в большей или меньшей мере ограничена. Иначе говоря, характеристика сущности тех или иных обществен-

---

[3] См.: Проблемы методологии истории // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 3–28.

ных отношений на основе той или иной теории всегда справедлива лишь в определенных исторических границах. Так, марксистская характеристика капитализма справедлива лишь для стихийного капитализма эпохи свободной рыночной экономики, т.е. для XIX – первой трети XX в. Следовательно, несостоятельны и распространение этих характеристик на капитализм второй половины XX века, и упреки в адрес марксизма и даже его отвержение за то, что он не сумел предвидеть того, что капитализм вместо гибели оказался способным существенно трансформироваться. Те или иные теории, идеи и концепции надо оценивать, как известно, не по тому, чего они не дали сравнительно с современностью, а по тому, что они дали нового сравнительно с предшествующей им эпохой.

Наконец, в-четвертых, любой социологической теории и конкретно-исторической концепции изначально присущи и определенные ошибки и просчеты. В марксизме, например, такой ошибкой был тезис об абсолютном обнищании рабочего класса по мере развития капитализма.

Таким образом, задача историков, как и других обществоведов, состоит в том, чтобы на основании тщательного анализа выделить из всей совокупности имеющихся философско-исторических теорий и подходов все то, что позволяет расширить и углубить изучение и мирового, и российского исторического процесса. Нужен синтез идей и методов, а не механическое отбрасывание одних из них (что сейчас наиболее активно проявляется по отношению к марксизму) и замена их другими (чаще всего субъективно-идеалистическими).

Круг теоретико-методологических проблем, так или иначе фигурирующих в любом историческом исследовании (вообще в любом научном исследовании), весьма обширен. При этом разделение их на теоретические и методологические в большой мере является относительным. Говоря упрощенно, различие между ними состоит в следующем. Теория на любых ее уровнях (от конкретно-событийного до философски-исторического) представляет собой совокупность рационалистических идей, исходя из которых характеризуется и объясняется основная сущность изучаемого объекта познания (как в его целостности, так и применительно к отдельным составляющим его компонентам). Методология же – это совокупность основополагающих подходов и принципов (т.е. тех же идей) изучения объекта познания, на основе которых вырабатываются или избираются конкретные методы исследования, включающие в себя кроме этих принципов и подходов еще и определенные правила и процедуры его проведения (методики исследования) и соответствующие материальные и духовные орудия и инструменты (техника исследования). В общем теория и методология научного исследования тесно переплетены. Поэтому в дальнейшем изложении автор статьи ставит своей задачей не их последовательное разграничение, а показ их взаимосвязи, точнее говоря, обусловленность основных принципов

исторических исследований сутью и особенностями объективной исторической реальности. Разумеется, понимание сути объекта исторического познания и основных подходов в его исследовании – важнейшая, но лишь одна из теоретико-методологических проблем исторических исследований, которые требуют обновления и углубления в их постановке, разработке и применении в исследовательской практике. Цель настоящей статьи – привлечь внимание историков к необходимости систематического внимания к вопросам теории и методологии исторических исследований на основе синтеза накопленных в этой сфере как общих идей и подходов, так и конкретных трактовок отдельных проблем[4].

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Как известно, центральной проблемой в любой философско-исторической концепции является понимание сути объекта познания, т.е. основных свойств исторической действительности. Непрекращающиеся споры по связанному с этим пониманием обширному кругу проблем хорошо известны, и их рассмотрению посвящена обширная исследовательская литература[5]. Отметим здесь лишь те из этих проблем, корректировка которых необходима для выработки новых подходов к изучению прошлого.

Очевидно, что история есть не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека. Поэтому во всех своих многообразных проявлениях общественно-историческое развитие является субъективным. Здесь, говоря словами Энгельса, "действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели"[6].

Поэтому при изучении общественно-исторического развития во всех его проявлениях в центре внимания должен быть *человек*. Теоретически это общепризнанно. В практике же исторических исследований человек не только как индивидуальный, но как социальный субъект нередко отодвигается на второй план и даже вообще исчезает.

Деятельность людей связана с отношениями между ними, всегда протекает при определенной системе этих отношений. Деятель-

---

[4] В более широком плане сравнительно с настоящей статьей представления автора о теории, методологии и конкретных методах исторических исследований изложены в его работах "Методы исторического исследования" (М., 1987), "Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах" (Новая и новейшая история. 1995. № 1).

[5] Из работ последнего времени сжатый обзор различных общих подходов дан в книге: *Губман Б.Л.* Смысл истории. Очерки современных западных концепций. М., 1991.

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 306.

ность и отношения представляют собой органически взаимосвязанную коренную субстанцию общественно-исторического развития.

Очевидно, что степень гармоничности деятельности и отношений является существенным критерием для оценки сущности и прогрессивности как того или иного общественного строя в целом, так и многих конкретных процессов и явлений.

Выявление степени скоррелированности деятельности и отношений должно постоянно быть в центре внимания историков.

Однако, несмотря на то что люди сами делают свою историю, они не могут делать ее как им вздумается, и при всей субъективности она вместе с тем является объективным и закономерным процессом. Это признается далеко не всеми теоретиками исторического познания. Соотношение объективного и субъективного в истории, как известно, имеет множество толкований и непрерывно дебатируется. В данном случае представляется целесообразным, с одной стороны, напомнить те факторы, которые обусловливают объективный характер исторического развития, и с другой – обратить внимание на неправомерность противопоставления субъективного и объективного, на их взаимосвязь и взаимопереходы.

Прежде всего, деятельность тех или иных поколений людей протекает при обстоятельствах, которые созданы не ими самими, а даны им и перешли из прошлого. Любое поколение может радикально изменить существующие общественные отношения. Но действовать оно может, только опираясь на историческое наследие, на тот материальный и духовный потенциал, который достался им от предшествующих эпох. Это, естественно, ограничивает возможности для субъективной деятельности людей и ставит перед ними задачу адекватной оценки исторического наследия и его рационального использования в своей деятельности. Историки же должны показать, что представляло собой это наследие и насколько оно эффективно использовалось. К сожалению, историки далеко не всегда ставят перед собой такую задачу.

Далее, органической чертой общественно-исторического развития является объективизация результатов субъективной человеческой деятельности, ибо все, что совершено, независимо от временной дистанции по отношению к вновь предпринимаемому, является объективным по отношению к нему. При этом соотношение объективного и субъективного часто бывает неоднозначным, т.е. действительность в одном отношении может быть субъективной, а в другом – объективной. Например, различные формы социального протеста (крестьянское и рабочее движение и т.п.) являются субъективной деятельностью его участников, но они – объективная реальность для других слоев общества и властных структур.

Наконец, чрезвычайное разнообразие и сложность функционирования общественного организма делает затруднительным, а нередко и невозможным прогнозирование результатов той или иной

деятельности. Более того, порой может быть и так, что полученный результат является таким, к которому никто не стремился и которого никто не хотел. Следовательно, и в этом плане субъективная деятельность приводит к объективным, независимым от действующих субъектов результатам. В этой связи при изучении многих событий прошлого стоит задача выявления исторической обоснованности принимаемых современниками решений и проводимых на их основе действий.

Таким образом, в историческом развитии имеет место органическое сочетание субъективного и объективного. Но и в исторической мысли и в исторических исследованиях это обстоятельство часто игнорируется. Крайние подходы, как известно, характеризуются противопоставлением объективного и субъективного и сведением основной сути и проявлений общественно-исторического развития либо к одному, либо к другому. Это нашло свое отражение и в поляризации исследовательской проблематики.

Сторонники марксистской философии истории, которая акцентирует внимание на объективном в историческом развитии, концентрировали исследования на изучении объективного и закономерного и в силу этого прежде всего массового. В своем предельном выражении это вело к обезличиванию истории. Субъективное же трактовалось главным образом в плане простого отражения объективного и закономерного. Отсюда акцент на освещении социально осознанного, революционного и радикального.

Приверженцы же определяющей роли субъективного сосредоточиваются на показе индивидуального и неповторимого, случайного и стихийного, эволюционного и традиционного. Налицо в обоих случаях ограничение объекта исторического познания, поляризация взглядов на него. Очевидна необходимость преодоления и фатализации хода исторического развития и его хаотической индивидуализации. При этом следует подчеркнуть, что если подобная объективизация исторического развития ведет к отрицанию возможности научного познания прошлого, то абсолютизация объективно-закономерного фактически выносит основные движущие силы общественного развития за пределы человеческой деятельности, делает общество "заложником" этих сил. Это в равной мере относится и к материалистическому и объективно-идеалистическому подходу к истории.

Абсолютизация главенствующей роли в истории экономического базиса сторонниками марксизма и определяющей роли трансцендентного разума, духовного Абсолюта или божественного начала в объективно-идеалистических и религиозных направлениях философии истории отрывают главное в истории, субъективную человеческую деятельность, от внутренних движущих сил общественного развития. Да, в этом развитии есть объективные закономерности, с которыми вынуждены считаться люди. Но эти закономерности по-

рождаются деятельностью и отношениями самих субъектов исторического развития. Поэтому важнейшей задачей историков является конкретный показ не только того, как воздействовали на ход исторического развития те или иные объективные общественные закономерности и факторы, но и того, как деятельность и отношения людей создавали их и как они учитывались в их деятельности. Именно в этом состоит ценность исторического опыта.

Новые поколения не могут осуществлять свою деятельность по образцам аналогичных событий в прошлом, ибо они действуют в иных исторических условиях. Но они могут и должны использовать их опыт восприятия исторической реальности и учета ее при принятии решений и определении целей и методов достижения тех или иных результатов. Это, как очевидно, будет содействовать успешному решению современных задач. К сожалению, историки часто не уделяют должного внимания обобщению исторического опыта, а практики (т.е. политики разных уровней) далеко не всегда его учитывают.

Так, проводимые в настоящее время в нашей стране преобразования в области экономики направлены, как утверждается, на переход от централистски-плановой к свободной рыночной экономике. Предполагается, что рынок через свои механизмы приведет к эффективному функционированию производства, а следовательно, и ко всеобщему повышению жизненного уровня. Основным элементом рыночных механизмов, воздействующих на производство, представляются цены. Исходя из этого, переход к рыночным отношениям начался у нас с либерализации цен. Однако это пока не дало положительного результата в развитии общественного производства. Наоборот, идет его стремительное всеобщее падение. Думается, что одной из причин этого являются ограниченные представления о рынке и процессе его формирования. Это обусловлено игнорированием исторического опыта, связанного со складыванием рынка как в нашей стране, так и в других странах.

Этот опыт, во-первых, показывает, что формирование единого национально-государственного рынка – это сложный и длительный процесс, связанный с многогранной деятельностью производителей и потребителей товаров. Поэтому рынок как регулятор общественного производства не может быть создан форсированными усилиями правящих структур, какими бы решительными эти усилия ни были.

Во-вторых, деятельность по формированию рынка должна быть последовательной и основанной на учете внутренней сути этого процесса и условий, необходимых для успешного его протекания. Да, цена – основное орудие рынка. Но движения и колебания цен могут воздействовать на производство только при наличии определенных условий. Главным и непременным из них являются ограниченность монополизма и наличие конкуренции, свобода и равенство всех форм производства и собственности. При этом основой ценооб-

разования становится закон стоимости (т.е. общественно необходимые затраты на производство товаров определенного вида) и складывается средняя норма прибыли. Соотношение и колебания спроса и предложения определяют при этом лишь временные отклонения цен от их стоимости, но не являются основой ценообразования.

Соотношение спроса и предложения регулирует цены не на рынке, воздействующем на производство, а на рынке, который является лишь ареной простой купли-продажи товаров. Здесь товары фигурируют как таковые, а не как продукты определенных условий производства и присущих ему издержек, лежащих в основе ценообразования. Это – рынок низших стадий первоначального накопления.

Очевидно, что складывание указанных условий и механизма функционирования рынка как регулятора производства связано с длительной практической производственной деятельностью всех категорий товаропроизводителей и целенаправленной политикой государства.

Такова самая общая и предельно упрощенная схема формирования рынка[7]. Но из нее очевидно, что у нас предпринимаются попытки перехода к рыночной экономике без создания необходимых для этого условий. Отсюда имеющиеся неурядицы и громадные потери. Приведенный пример наглядно показывает необходимость для историков конкретного рассмотрения того, как соотносится субъективная человеческая деятельность с объективной исторической реальностью.

* * *

Фундаментальным проявлением того, что люди сами творят историю, является возможность выбора ими целей своей деятельности и путей и методов их достижения. Возможность выбора существует в любой деятельности человека. Но в данном случае имеется в виду не личностный или узкогрупповой выбор, а выбор, оказывающий существенное влияние на общественное развитие в целом[8].

---

[7] Конкретно-исторический процесс формирования национальных и международных аграрных рынков рассматривается в работах: *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок XVIII–начало XX в. М., 1974; *Малов В.Н.* К вопросу о складывании единого хлебного рынка во Франции в XVIII–XIX веках // Французский ежегодник. 1979. М., 1981; *Изместьева Т.Ф.* Россия в системе Европейского рынка. М., 1991, и другие.

[8] Проблемам выбора и альтернативности в историческом развитии посвящена, как известно, обширная литература. Из советских историков на возникающие здесь теоретико-методологические проблемы одним из первых обратил внимание А.Я. Гуревич (см., например, его работу "Об исторической закономерности" // Философские проблемы исторической науки. М., 1969). Из работ последнего времени о проблемах выбора в историческом развитии следует отметить, хотя и не бесспорную, книгу академика П.В. Волобуева "Выбор путей общественного развития: теория, история, современность" (М., 1987.) См. также: *Могильницкий Б.Г.* Историческая альтернативность: Методологический аспект // Новая и новейшая история. 1990. № 3.

Любой выбор, как явление субъективное, может быть и верным и ошибочным. Очевидно, чтобы субъективный выбор оказывал конструктивное воздействие на реальный ход общественного развития, он должен допускаться той объективной исторической действительностью, в которой он осуществляется, а потому и соотносится с ней.

Историческая реальность, в том виде как она совершилась, является инвариантной, т.е. однозначной. Но эта инвариантность часто была результатом реализации одной из поливариантных возможностей, заключенных в предшествующей этой реальности действительности. *Возможность* – это объективное свойство текущей действительности, это – присущие ей черты и тенденции, которые создают предпосылки, образуют основу для последующего развития. Возможность – это потенциальная, грядущая действительность, а реальная действительность – это реализованная, осуществленная возможность.

Текущая реальность может содержать одну либо несколько возможностей для перехода в новое состояние, для превращения в будущую реальность. В первом случае такой переход будет инвариантным, однозначно-закономерным, а во втором – вероятностно-закономерным, т.е. альтернативным. Следовательно, объективно альтернативной является такая историческая ситуация, которая допускает возможность существенно отличных вариантов перехода к будущему.

Наличие в той или иной исторической реальности различных возможностей для последующего развития обусловлено чрезвычайным многообразием естественных и общественных условий этого развития у народов и стран. Это порождает разнообразие и форм, выражающих одно и то же в его основной сущности содержание, и методов достижения одной и той же цели.

Можно привести множество тому примеров. Так, господство ручного труда, выражающее основную черту производительных сил на определенном этапе их развития, выступало в форме первобытно-общинных, рабовладельческих и феодальных производственных отношений. Буржуазный по своей социальной сущности политический строй имел формы, варьировавшиеся в пределах от развитой демократии до фашистской диктатуры.

Однако наличие в исторической реальности различных возможностей для последующего развития создает лишь объективные предпосылки для исторической альтернативы, но не саму альтернативу как общественную реальность. Реальные исторические альтернативы имеют место лишь тогда, когда наряду с наличием различных *объективных возможностей* есть *общественные силы,* которые воспринимают эти возможности и осознанно или стихийно ведут борьбу за претворение в жизнь тех или иных из них. В то же время реальной альтернативы нет и тогда, когда те или иные обще-

ственные силы выдвигают идею об иных путях развития и пытаются реализовать намеченный путь в условиях, когда отсутствуют объективные возможности для этого. В подобных ситуациях борьба за реализацию избранного пути имеет характер не борьбы за претворение в жизнь исторически реальных возможностей, а является попыткой превращения в действительность утопии. Но такие попытки, какими бы привлекательными они ни казались с позиций тех или иных интересов и какая широкая и активная деятельность ни была бы развернута по достижению утопической цели, всегда, как хорошо известно, были безуспешными.

Наиболее масштабными примерами тому в отечественной истории была борьба революционных народников за переход России к социализму, минуя капитализм, и попытки форсированного построения развитого социализма после ликвидации новой экономической политики.

При борьбе разных альтернатив, как очевидно, побеждает та из них, на стороне которой оказывается перевес общественных сил, борющихся за ее реализацию.

Таким образом, органическое единство в общественно-историческом развитии объективного и субъективного находит свое конкретное выражение в сложном переплетении действительного и возможного, неизбежного и вероятного, закономерного и случайного. Все это хорошо известно, и напоминать об этом в данном случае приходится для привлечения внимания историков к необходимости более пристального конкретного изучения того, насколько современники в своей деятельности адекватно воспринимали историческую реальность, в какой мере был исторически обоснованным выбор ими тех или иных целей и методов их достижения, каковы были и общие принципы и практические механизмы принятия решений и их реализации, как все это воздействовало на ход общественного развития.

Познание прошлого имеет две тесно взаимосвязанные задачи. Во-первых, это показ того, "как это было" в его инвариантности. Во-вторых, это объяснение того, "почему было так, а не иначе". Здесь требуется учет наличия объективных поливариантных, альтернативных возможностей и обоснованности субъективного выбора целей, путей и методов деятельности. Тем самым не только будет углубляться познание прошлого, но и обобщаться исторический опыт. Историки должны и могут увеличить свой вклад в решение указанных задач. При этом анализ и альтернативных исторических ситуаций, и принятых решений, и путей, и методов деятельности, и самой этой деятельности для истории имеет своей главной задачей объяснение того, *что было и почему было так, а не иначе*, а не то, чтобы сожалеть о том, что история протекала не так, как нам бы хотелось, или рисовать иллюзорные картины – что было бы, если бы... В этой связи уместно напомнить, что Г.В. Плеханов, критикуя

теорию Н.К. Михайловского об историческом прогрессе, подчеркивал, что Михайловский показывает, не как шла история, а как она должна была бы идти, чтобы заслужить одобрение господина Михайловского[9].

Понятно, что современники с разной адекватностью воспринимали реальность своей эпохи, могли увидеть или не увидеть заключенные в ней те или иные возможности, верно или неверно их оценить, сделать в этой связи правильный или ошибочный выбор и т.д. Задача историка состоит в том, чтобы выявить причины этого и на этой основе более глубоко объяснить то, что произошло, а не просто делить современников на хороших и плохих, осуждать одних и восхвалять других, менять одни оценки прошлого на другие. К сожалению, современная эпоха характеризуется широким распространением в отношении к прошлому (особенно к советской эпохе) субъективизма, антиисторичности и односторонности.

* * *

Следующий круг теоретико-методологических проблем связан с пониманием и трактовкой основных факторов и побудительных мотивов человеческой деятельности, т.е. движущих сил исторического развития.

Очевидно и общепризнанно, что естественным и вечным условием человеческого бытия является труд. Однако сторонники материалистического, прежде всего марксистского, подхода к истории нередко сводят трудовую деятельность к материальному производству. Подобная односторонность несостоятельна, ибо любая деятельность людей, а именно она и составляет содержание истории, требует затраты определенных энергетических, т.е. трудовых усилий, которые выражаются в органически взаимосвязанных материальном и духовном производствах. Это никоим образом не противоречит материалистическому пониманию истории. Суть этого понимания в самом общем плане, как представляется, означает лишь признание, во-первых, объективности исторической реальности, т.е. независимости ее существования от познающего субъекта, и, во-вторых, первичности бытия и вторичности сознания как в том общем смысле, что удовлетворение естественных потребностей жизнедеятельности первично по отношению к сознанию, так и в том особом плане, что деятельность людей как исторических субъектов предшествует ее сознанию. Противоположный вульгарно-материалистическому подход, как известно, состоит в том, что первооснова человеческой деятельности усматривается (в разных вариантах) в духовной сфере, сводится в конечном счете к "мыслительной истории". В своих предельных выражениях такой подход ведет к отрица-

---

[9] *Плеханов Г.В.* Избранные философские труды. Т. I. М., 1956. С. 563.

нию возможности объективного познания прошлого, ибо акты "мыслительной истории" индивидуальны и неповторимы и якобы чаще всего не зафиксированы в источниках. Такова другая крайность. Она также требует устранения.

Путь к преодолению односторонностей указанных противоположных подходов – синтез того рационального, что они содержат. Основой для такого синтеза является органическое сочетание в реальной действительности бытия и сознания, материального и духовного. Да, в этом сочетании материальное первично, ибо без обеспечения естественно-материальных основ жизнедеятельности невозможна никакая духовная деятельность. Но вместе с тем материальное производство и его первооснова, а именно то, что в марксизме получило название производительных сил, не существует как нечто не связанное с духовной деятельностью. Как подчеркивал Энгельс, "все, что приводит людей в движение, должно пройти через их голову, оформиться в виде определенных идей и целей"[10].

В предельном обобщении можно утверждать, что в реальном ходе исторического развития первопричиной, ведущей движущей силой конкретных исторических явлений и процессов (любых временных и пространственных масштабов) могли быть какие угодно проявления общественной жизни (как, впрочем, и естественного мира) от самых глубинно-базисных и до самых высших надстроечных. И это хорошо известно любому историку по опыту конкретных исследований.

В этой связи требует уточнения еще один теоретико-методологический вопрос – о монизме и плюрализме. В их трактовке также идет давняя дискуссия и отчетливо обнаруживаются два крайних подхода. Один из них исходит из признания господства в исторической реальности и в историческом познании монизма (в марксистской философии истории материалистического монизма). Другой акцентирует внимание на доминировании плюрализма. В действительности же в историческом развитии взаимодействуют факторы и "монистические" и "плюралистические" по своей природе.

Тем конкретным фактором человеческой деятельности, который составляет ее всеобщую основу, выступает как коренная движущая сила исторического развития, синтезирующая в себе и объективное и субъективное, и материальное и духовное, являются *потребности* людей. Потребность, материальная или духовная, порождает определенный интерес. Последний же выступает как реальный стимул к деятельности, побуждающий ставить определенные цели и формулировать идеалы, вырабатывать и выбирать принципы, пути и методы решения поставленных задач, достижения соответствующих целей и идеалов[11]. Следовательно, *потребности* как

---

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 308.

[11] См.: *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.

исходное и всеобщее начало всей человеческой деятельности *монистичны*. Но основополагающая ("монистическая") роль потребностей сочетается с многообразием ("плюрализмом") и самих потребностей, и тех факторов, которые обусловливали их формирование, и тех форм, в которых эти потребности выражались.

Так, многие потребности, обретшие характер ментальности, оказывавшие и оказывающие до сих пор существенное влияние на ход исторического развития, возникали под воздействием особенностей природно-географической среды, что не всегда учитывается историками. Так, например, в России[12] обширность территории, ее равнинный и континентальный характер, низкая плотность населения, неблагоприятные на большей части страны почвенные и климатические условия и т.д. порождали выработку у населения таких черт характера, как терпение и умение переносить трудности, неторопливость, взаимопомощь и коллективизм, и других. Отсюда же объективная потребность в сильной государственной власти и, как следствие этого, широкое распространение веры в "верхи", "царистских иллюзий", надежд на "хорошего царя" и "доброго барина".

Таким образом, источники формирования потребностей были и остаются весьма многообразными. Многообразен и сам характер потребностей. Он варьируется в широких пределах от потребностей и интересов отдельных личностей через потребности различных малых и больших общественных групп (социальных, национальных, профессиональных и т.д.) до потребностей, присущих человечеству в целом.

Имманентным свойством человеческих потребностей является их непрерывный рост. "Сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям"[13]. Удовлетворение потребностей определяется теми возможностями, которыми располагает общество. И в этом плане потребности – явление объективное. Но характер и уровень потребностей не есть простое следствие существующих возможностей. Присущее человеку как сознательному существу стремление к улучшению своего положения, к саморазвитию, к познанию неизведанного и овладению им *обусловливает непрерывный рост потребностей, который опережает возможности их удовлетворения*. Это глобальное противоречие и необходимость его разрешения и выступает как всеобщая и универсальная движущая сила общественно-исторического прогресса, ибо удовлетворять растущие потребности можно только путем активизации человеческой деятельности и повышения ее эффективности.

---

[12] См.: *Милов Л.В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5.

[13] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 27.

Всеобщность противоречия между ростом потребностей и возможностью их удовлетворения выражает монистический характер основополагающей движущей силы исторического развития. Само же содержание и масштабность конкретных противоречий чрезвычайно многообразны, плюралистичны. Видное, а можно сказать и важнейшее, место среди них занимают и противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Именно в нем советские историки (и обществоведы вообще) усматривали основополагающую базисную движущую силу исторического развития. Так это нередко и было. Но при всей своей значимости она не обладала той абсолютностью, которую ей приписывали. Противоречия между развитием производительных сил и производственными отношениями – это важное, но лишь частичное проявление общего противоречия между опережающим ростом потребностей сравнительно с возможностями их удовлетворения.

Таким образом, необходим более широкий и комплексный подход к проблеме движущих сил исторического развития.

СООТНОШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО, СОЦИАЛЬНОГО И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Многообразие человеческих потребностей и видов деятельности, направленных на их удовлетворение, естественно, требовало и требует той или иной их систематизации и в зависимости от этого выработки основных методологических принципов и подходов в изучении прошлого. Этому всегда уделяли пристальное внимание и специалисты в области философии истории и сами историки. Отметим в данном случае некоторые из возникающих здесь вопросов.

В самом общем плане все многообразие потребностей и видов человеческой деятельности, как известно, сводится к индивидуальному, социальному и общечеловеческому, а соответствующие основные принципы изучения – к индивидуально-психологическому, социальному и общечеловеческому. При этом в советской (и вообще марксистской) историографии ведущим считался социально-классовый, иначе говоря, партийный подход. Исходя из того, что индивидуальное всегда связано с социальным, считалось непременным и главным свести все индивидуальное к социальному. При этом социально-экономические противоречия представлялись определяющими, а классовая борьба рассматривалась как ведущая движущая сила исторического развития. Как следствие – изучение индивидуального обеднялось и его роль в общественном развитии недооценивалась.

Что же касается общечеловеческого в истории и соответствующего подхода к ней, то этому вообще не уделялось должного внимания, ибо подобный подход в принципе рассматривался как объективистский. Из-за этого пострадало изучение многих явлений и про-

цессов и прежде всего истории государства и его институтов. Все типы досоветской государственности фактически характеризовались как антинародные и стоящие почти исключительно на защите интересов господствующих экономически классов. Тот же факт, что государство в большей или меньшей степени выступает как выразитель и защитник всеобщих, в том числе и народных, интересов, как правило, не раскрывался (исключая борьбу с иноземными вторжениями). Совершенно необоснованно имел место полный отрыв истории советского государства от других его форм.

В последние годы указанные односторонности стали преодолеваться. Однако в этом положительном процессе обозначилось упрощение. Оно состоит в том, что социально-классовый подход просто стремятся заменить общечеловеческим.

Очевидно, что указанное стремление так же несостоятельно, как и абсолютизация социально-классового подхода. Задача же в действительности состоит в том, чтобы, отказавшись от крайностей, перейти к интегральному пониманию соотношения индивидуального, социального и общечеловеческого и в самом общественно-политическом развитии, и в его изучении.

И здесь предстоит решать ряд трудных проблем, ибо речь идет о раскрытии деятельности человека в истории в ее индивидуальной, групповой, массовой и общечеловеческой формах, о взаимоотношениях с властью, ее институтами и лидерами, во взаимосвязи стихийного, сознательного и т.д.

Взять, например, индивидуальное. Суть его нередко упрощается, а значение должным образом не раскрывается. Думается, что характеристика той или иной личности едва ли может исчерпываться традиционным набором биографических характеристик (происхождение и окружение, воспитание и образование, служебная деятельность и т.п.) и раскрытием общественно-социальной позиции, которая и служит основой для оценки воззрений и деятельности той или иной личности. При этом ускользает тот важнейший факт, что сама общественно-социальная позиция, ее выбор и проведение определялись именно личностно-индивидуальными чертами человека. И чтобы понять индивидуальные мотивы той или иной позиции личности, недостаточно традиционных характеристик. Требуется выявление специфики мышления и нравственно-психологического облика человека, обусловливавших восприятие действительности и определявших воззрения и деятельность личности. Без такого анализа невозможно, например, показать, почему сын бывшего крепостного крестьянина известный историк профессор М.П. Погодин был последовательным сторонником и защитником охранительно-самодержавной теории официальной народности, а аристократ А.И. Герцен – демократом. Анализ индивидуального требует индивидуально-антропологического подхода и соответствующих методов, в том числе связанных с изучением искусственного интеллекта. Все это –

комплексная человековедческая задача. Она еще только ставится в российской историографии и для основной массы историков еще остается неосознанной.

Разумеется, всестороннее раскрытие роли индивидуального никоим образом не означает принижение роли социального в формировании личности и воздействии на ее деятельность. Избрав социальные ориентиры и определив свою гражданскую позицию, личность как бы "открывает" себя для восприятия социального, а следовательно, для ее мощного воздействия на развитие соответствующих воззрений и деятельности.

* * *

Весьма сложна и проблема социального в истории. Она далеко не сводится к вопросам социально-экономического характера как чаще всего трактуется. Фактически социальное охватывает все сферы человеческой деятельности. Социальное – это все проявления общественного. Поэтому, сводя индивидуальное к социальному, неправомерно искать в индивидуальном лишь социально-экономическое, как чаще всего делается, да еще к тому же в однозначном его варианте, а при отсутствии такой однозначности трактовать позиции того или иного деятеля как непоследовательные, непринципиальные и т.п.

В этой связи следует обратить внимание на необходимость выделения в сложном процессе идейно-теоретической и практически-политической деятельности ряда взаимосвязанных уровней, или этапов.

Первый из них состоит в выработке совокупности идей, выражающих тот или иной взгляд на те или иные явления и проблемы исторического развития. Этим занимается обычно очень узкий круг идеологов, теоретиков. При любом содержании идей и теорий они не оказывают сами по себе воздействия на конкретный ход исторического развития. Они лишь отражают "мыслительный" уровень общества, что, разумеется, является его важнейшей характеристикой и показателем его интеллектуального потенциала. Но этот потенциал может быть использован в том или ином прикладном аспекте, но может остаться и невостребованным.

Идеи преобразуют практическую значимость лишь тогда, когда они становятся основой общественного движения, т.е. тогда, когда образуется определенный круг людей, которые ставят своей задачей претворить эти идеи в жизнь и для этого в определенных организационных формах (кружки, общества, партии) ведут работу по их распространению и привлечению сторонников. Это – второй уровень, или этап, идейно-общественной жизни. Успех общественного движения зависит от его размаха. Оно может быть широким и узким. Это определяется социальной масштабностью и значимостью предлагаемых для реализации идей, их привлекательностью в

плане удовлетворения определенных общественных потребностей и интересов и, наконец, ясностью поставленных задач и ожидаемых результатов. Идеи, овладевшие широкими массами людей, как известно, превращаются в материальную силу. Но при самом широком развитии общественного движения того или иного рода оно лишь выражает потребность в решении тех или иных задач, предлагает программы и методы соответствующей деятельности. В общественном движении, как и в идейной сфере, ведущую роль играют лидеры.

Наконец, особой сферой является сама практика общественных преобразований, проводимых на основе тех или иных идей и опирающаяся на те или иные социальные и общественные силы. Здесь решающая роль принадлежит правящим верхам, государству и прежде всего его верховному руководству. При этом возможности практической реализации программ преобразований, выдвигаемых теми или иными течениями общественной мысли и общественного движения, во многом зависели от того, насколько их лидерам удавалось убедить правящие сферы в необходимости проведения предлагаемых преобразований.

Учет указанных уровней, или аспектов, избавит историков от настойчивых в ряде случаев попыток решать в сущности надуманные проблемы. Так, например, истрачены горы бумаги на решение вопроса о том, почему в период подготовки реформы 1861 года А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский и другие революционеры-демократы по своим воззрениям допускали возможность отмены крепостного права путем самодержавных реформ. Отсюда бесконечные споры о соотношении у них демократизма и либерализма и т.п. Между тем все становится на свои места, если учесть, что как теоретики они были сторонниками ликвидации всех основ и проявлений крепостничества революционным путем, а как трезвые и объективно мыслящие общественные деятели они ясно видели отсутствие возможностей для решения аграрно-крестьянского вопроса в духе их теории. Значит, реально можно было только подталкивать правящие верхи и самодержавие к проведению реформы на более благоприятных для крестьян условиях. Это они и делали. И никаких противоречий и непоследовательности в их деятельности не было.

В связи с проблемами социального следует коснуться вопроса о роли классовой борьбы. Она действительно была мощной движущей силой исторического развития. Но здесь, во-первых, неправомерно сводить социальные движущие силы исторического развития лишь к классовой борьбе, под которой обычно понимается борьба эксплуатируемых против эксплуататоров. Речь должна идти о социальном протесте и социальной борьбе как движущих силах общественного развития в значительно более широком смысле. Движущей силой была не только борьба эксплуатируемых против эксплуататоров, но и всякая социальная борьба любых слоев общества, напра-

вленная на ускорение общественного прогресса. В этом плане, например, борьба нарождающегося класса буржуазии в эпоху становления капитализма против господства дворянства, феодализма и абсолютизма была не менее значимой движущей силой, чем борьба крестьян против помещиков. Хорошо известно, что последняя дала свои результаты именно потому, что развернулась первая.

Во-вторых, надо до конца преодолеть упрощение, наиболее ярко проявляющееся в освещении российской истории, состоящее в том, что классовая борьба представляется прежде всего как защитная мера. Если посмотреть учебники и учебные пособия по российской истории недавнего времени, то отчетливо прослеживается такая схема – эксплуатация крестьян усиливалась, положение их ухудшалось, а классовая борьба обострялась. И так на протяжении тысячи лет! И можно только удивляться тому, что при всем этом возникла мощная империя, были вовлечены в оборот огромные пространства, а не произошло полное крушение государства и общества.

Но самое главное состоит в том, что если классовая борьба выступает лишь как защитная мера, то она не может быть движущей силой исторического развития. А она была такой силой. И была потому, что как один из компонентов социальных усилий, направленных на удовлетворение растущих человеческих потребностей и интересов, она побуждала (или даже вынуждала) правящие верхи, и прежде всего государство, активизировать свою деятельность по ускорению и гармонизации общественно-исторического развития.

Следовательно, проблемы классовой борьбы и ее роли в историческом развитии должны рассматриваться более широко, чем это нередко делалось. Но это лишь один из аспектов, требующих более глубокого анализа при изучении социального в историческом развитии. В более широком плане это изучение требует специального рассмотрения и явлений, связанных с различными формами социального протеста и борьбой за социальную справедливость, и их воздействия на политику верхов и государства. Речь идет не просто о том, чтобы показать, кто, для кого и с каким успехом добивался справедливости. Эти проблемы достаточно широко освещаются в нашей историографии, прежде всего при изучении общественной мысли и общественного движения. Имеется в виду конкретное раскрытие сложного процесса становления и расширения социальной справедливости в истории как человечества в целом, так и в отдельных странах. Важнейшим аспектом здесь в плане учета исторического опыта является показ того, в какой мере проблемы социальной справедливости в различных ее аспектах осознавались теоретически и реализовались практически в деятельности правящих верхов и государства, и насколько это воздействовало на результаты этой деятельности. Все это позволяет значительно углубить анализ изучаемых явлений и процессов.

Приведем один пример. При подготовке крестьянской реформы 1861 г. сторонники ликвидации крепостничества во главе с Александром II при выработке программы реформы первостепенное внимание уделяли тому социальному напряжению, которое имело место в деревне и которое грозило новой "пугачевщиной". Чтобы избежать этого, в конце 1858 г., когда был взят курс на упразднение крепостнических отношений, а не просто на их смягчение, как было до этого, местным властям предписывалось объяснить крестьянам, "в чем именно будет состоять предложенное им улучшение настоящего состояния помещичьих крестьян, в отношении как личных прав, так и хозяйственного их быта". В целом считалось необходимым вести дело так, чтобы крестьянин ощутил немедленно улучшение своего положения, помещик немедленно успокоился, а сильная власть на местах не поколебалась[14].

Иначе говоря, вся деятельность по подготовке и проведению важных общественных преобразований основывалась на непременном учете характера тех отношений, которые сложились в деревне, а решение поставленных задач сочеталось с устранением противоречий, присущих этим отношениям. В итоге реформы дали существенный конструктивный результат.

Далее, в связи с общественно-социальным следует обратить внимание на необходимость выявления соотношения в нем *стихийного* и *сознательного*. Здесь прежде всего требуют уточнения сами понятия "сознательное" и "стихийное". Представляется, что содержание этих понятий нередко трактуется обуженно, прежде всего как наличие или отсутствие политического сознания и обоснованности соответствующих потребностей и интересов, путей и методов их достижения. Заметим, например, что борьба крестьянства в эпоху феодализма расценивается как стихийная, а рабочее движение эпохи утверждения капитализма как сознательное. Абсолютизация такого подхода была причиной того, что попытки некоторых советских историков поставить и рассмотреть вопрос о соотношении стихийного и сознательного в рабочем движении в период российских революций были подвергнуты решительному осуждению.

Разумеется, стихийное и сознательное находится в определенном соотношении с политическим сознанием. Но в целом эти явления имеют более широкое содержание. Представляется, что оно может быть раскрыто примерно так. *Сознательное* – это рационально осознанные и явно выраженные потребности и интересы, цели и идеи, пути и методы их достижения. *Стихийное* – это социально-психологическое воспринятие действительности и как бы самопроизвольная реакция на нее на основе обыденных и устойчивых (ментальных) представлений о жизненных ценностях и ориентирах, нор-

---

[14] Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Т. I. СПб., 1861. С. 206–207.

мах поведения и т.д. Сознательное и стихийное – это две формы общественного сознания, рационально-идеологическая и ментально-психологическая.

Первая из них более динамична и формируется у различных общественных слоев и групп под воздействием различных идей и теорий, наиболее полно отражающих их потребности и интересы. Вторая – результат длительного воздействия на сознание и поведение различного рода природно-естественных, историко-культурных, этнических, религиозных и других факторов, что порождает как бы "автоматизм" в их проявлении.

В советской историографии (прежде всего по отечественной истории) акцентировалось внимание на изучении прежде всего сознательного, рационально-идеологического. Между тем социально-психологическое, ментальное оказывало огромное воздействие на позиции и деятельность всех слоев общества, и без его учета невозможно понять и правильно объяснить многие явления и процессы.

Так, хорошо известно, что в России второй половины XVIII – первой половины XIX в., когда стал широко обсуждаться вопрос о необходимости отмены крепостного права, основным возражением помещиков против этого был тот аргумент, что предоставление крестьянам свободы, освобождение их от помещичьего управления и надзора приведет к развалу всей хозяйственной и иной жизни деревни, ибо крестьяне ничего не смогут сделать без опеки со стороны помещиков. Такая позиция помещиков оценивается историками как стремление оправдать и отстоять узкосословные интересы. Да, указанная позиция была узкосословной. Но продиктована она была не просто групповыми интересами помещиков, но и имевшим ментальный характер представлением об определенной роли помещиков в жизни деревни. В действительности сотни лет эта роль была именно такой, и невозможно было вдруг отказаться от такого убеждения.

Или другой пример. Фактически превратилось в притчу знаменитое российское "авось", которое рассматривается (даже многими историками) как наиболее яркое выражение отрицательных черт (равнодушие, необязательность, пассивность, безалаберность и т.п.) русского характера и поведения. Между тем в действительности это "авось" отражает в своеобразной форме жизненный оптимизм, терпение и стойкость, надежду на благополучный результат своей деятельности в крайне неблагоприятных для этого условиях. Теми объективными факторами, которые породили все это, были суровые природные условия для ведения сельскохозяйственного производства, главной отрасли народного хозяйства и жизнеобеспечения. Краткость сельскохозяйственного сезона обусловливала то, что сдвиг срока посева на время, когда исключалась гибель посевов и посадок от заморозков, грозила тем, что урожай мог не созреть. А более ранний посев мог погибнуть от заморозков, которые в нечер-

ноземной полосе могли возникать до середины июня. Что же оставалось делать крестьянину? Сеять и надеяться на то, что "авось обойдется!". И так сотни лет, которые убедили его в том, что здесь ему не поможет ни бог, ни царь и никто другой.

Короче говоря, ментальность, социально-психологическое восприятие действительности и обусловленные этими мотивами деятельность и поведение – важнейшие компоненты и движущая сила исторического развития, которые требуют самого пристального внимания историков.

С проблемами сознательного и стихийного связан и большой круг вопросов о массах и их лидерах, о толпе и ее героях. Под "массой" в данном случае имеется в виду рационально действующая совокупность людей, объединенных осознанным единством их интересов и конкретных задач. Формирование таких масс – сложный и длительный процесс, который протекает под руководством идейных и политических лидеров, опирающихся на организованное общественное движение того ил иного рода. Изучение таких процессов всегда привлекало большее или меньшее внимание историков. Значительно хуже обстояло дело с изучением проблем "толпы" и ее "вождей" и "героев", несмотря на то, что это явление широко распространено в общественно-историческом развитии и нередко оказывало существенное влияние на его ход.

Толпа – это ведь не только громящие и грабящие помещичью усадьбу крестьяне или разбушевавшиеся на стадионе болельщики. Толпой может быть и собрание производственного или другого коллектива либо политический или иной митинг, когда его участники действуют стихийно. Подобные мероприятия часто бывают либо формальными, пассивными и скучными, либо, наоборот, очень острыми и даже таящими в себе непредвиденные исходы, включая экстремистские акции. В том и другом случае участники действуют стихийно, но только в первом эта стихийность является пассивной, а во втором – активной. Именно стихийность, для которой характерно интуитивно-эмоциональное поведение, отличает толпу от организованной массы, которой присущи рационалистически аргументированные формы поведения и действия.

Поведение людей в толпе имеет свои психологические особенности. Во-первых, в толпе человек утрачивает чувство личной ответственности за происходящее, что ослабляет или вовсе устраняет разумный самоконтроль за своими действиями. Человек не опасается быть либо слишком пассивным, либо чрезмерно активным. Во-вторых, в толпе индивиду не надо выбирать форму поведения или действия. Он действует "как все". Понятно, что в таких условиях возрастает роль вожаков, "героев". Они решают, что и как надо делать, а толпа послушно следует за ними. Имеет место явление, которое Н.К. Михайловский называл "социальным гипнотизмом".

Новейший период мировой истории характеризуется ростом экстремизма. Для всестороннего анализа этого явления требуется пристальное внимание к проблемам толпы и героев в истории.

Говоря об общественно-социальном в человеческой деятельности и его роли как движущей силы этой деятельности, нельзя не упомянуть и об этническом как важнейшем компоненте общественно-социального. Не будем касаться бурно дебатируемых вопросов о том, что такое этническое и каковы его объективные корни. Обратим лишь внимание на необходимость конкретно-исторического выявления и этих корней, и опыта разрешения этнических конфликтов. При этом важное значение имеет учет того подтверждаемого историей обстоятельства, а потому и методологического принципа, что этнические явления сами по себе не содержат ничего, что объективно могло бы порождать национальные конфликты. Последние всегда были следствием неразрешенности разного рода экономических, социальных, политических, культурных, религиозных или иных проблем. Раскрытие этого имеет важное значение для выработки конкретных методов решения современных национальных конфликтов.

Таким образом, социально-общественное – это непременный компонент исторической действительности. Он присутствует всегда и везде. И в этом смысле его понимание является монистическим. Но этот компонент чрезвычайно сложен по своему строению и структуре. Он охватывает все сферы и виды потребностей и интересов и направленные на их достижение виды материальной и духовной деятельности, на разрешение тех противоречий, которые при этом возникают. В этом плане этот компонент поливариантен, плюралистичен.

Следовательно, неправомерно, как это сейчас нередко делается, полагать, что социально-общественный фактор и соответствующий подход может быть заменен подходом общечеловеческим. Не может, ибо это означает исключение из системы человеческих отношений одного из непременных компонентов этих отношений. Другое дело, что при социальном подходе никоим образом нельзя сводить его суть лишь к социально-классовому и только здесь искать суть индивидуального и те противоречия, борьба за решение которых и была движущей силой исторического развития. В зависимости от конкретных исторических условий ведущую роль могли играть факторы и противоречия общественно-политические, культурно-идеологические, религиозные и другие. В выявлении и раскрытии их и показе сравнительной роли и состоит задача историка.

* * *

Теперь об общечеловеческом. Связанные с этим проблемы также многообразны, сложны и во многих своих аспектах являются крайне спорными[15]. При этом некоторые из возникающих здесь противоречий неразрешимы теоретически. Например, как привести к какому-либо единству тезис о безусловно первенствующей роли, абсолютном значении индивидуального с признанием реального наличия общечеловеческих потребностей, интересов и ценностей. Это – отражение тех противоречий, которые существуют между ними в реальной действительности, и индивидуальное не может всецело гармонировать с общечеловеческим, ни последнее быть сведенным к индивидуальному. Кроме того, ни индивидуальное, ни общечеловеческое не существуют как нечто раз данное и неизменное. И то и другое исторически (т.е. в социальном времени и пространстве) конкретны, во-первых, и воспринимаются и соотносятся не только непосредственно, но и через социальное, во-вторых. Ведь например, представления о самоценности и свободе личности как высших проявлениях общечеловеческого неодинаковы у разных социальных слоев и групп.

Поскольку и индивидуальное, и социальное, и общечеловеческое являются непременными чертами общественно-исторического развития, постольку неизбежные противоречия между ними относятся к глубинным источникам этого развития. От характера их корреляции прежде всего зависит возможность гармоничного удовлетворения растущих потребностей человечества как целого, а не как потребностей отдельных стран, народов или социальных слоев и групп.

Рост гармонии в удовлетворении человеческих потребностей несомненно является важнейшим показателем степени общественного прогресса. Он ведет к формированию объективных общечеловеческих ценностей, которые являются ориентиром этого прогресса. В изучении этого многогранного процесса и состоит задача историков. Здесь прежде всего необходимо конкретно проследить, как складывалось в истории реальное единство человечества в его материальной и духовной деятельности и как рост этого единства сказывался на общем ходе и конкретных аспектах истории отдельных стран и народов.

При этом предстоит не просто выявить те аспекты, по которым складывалось это единство, но и конкретно показать его реальное воздействие на ход исторического развития. Как, например, сказалось осознание самоценности личности на духовном развитии обще-

---

[15] См., например: Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990; *Степин В.С., Гусейнов А.А., Межуев В.М., Толстых В.И.* От классовых приоритетов к общечеловеческим ценностям // Квинтэссенция. Философский альманах. 1991. М., 1992, и др.

ства. Или как признание верховной ценностью индивидуальной свободы и фактическое ее обретение массами людей воздействовало на ход производственно-экономической деятельности. Ведь именно тот реальный факт, что наличие такой свободы содействовало или порой даже обусловливало мощный взлет экономического развития в эпоху становления и развития индустриального общества, до сих пор служит основанием для отмеченной выше абсолютизации роли индивидуального в истории.

Более глубокого освещения и новых подходов в трактовке требуют и многие другие явления и процессы.

Давно и хорошо известна та неравномерность, которая присуща историческому развитию отдельных народов, стран и их внутренних регионов и целых континентов. Результатом является разный уровень этого развития как в целом, так и применительно к его отдельным аспектам. Отсюда идет давно утвердившееся в исторической (и вообще обществоведческой) науке деление отдельных народов и стран на "передовые" и "отсталые", "развитые" и "развивающиеся", на вычленение разных этапов и типов развития (например, "догоняющий" тип) и т.п.

Думается, что в плане общечеловеческого подхода к истории такие трактовки являются во многом очень сомнительными и даже неправомерными. Они чреваты опасностью приписывания результатов общечеловеческого прогресса усилиям (или вкладу) если не отдельных стран или народов, то их группам. Но такого никогда не было в истории. Вся история человечества – это растущее общение, взаимосвязь и взаимовлияние народов и стран. В истории издавна складывалось как бы разделение исторических функций народов и стран, определяемое конкретными условиями их бытия (геополитическое положение и окружение, природные условия, традиции и влияния и т.д.).

Ведь несомненно, что древняя и средневековая Русь ограждала Западную Европу от вторжения с Востока, создавая тем самым дорогой ценой собственных потерь и разорения благоприятные условия для ее прогресса. Естественно, что это (не говоря уже о разных природных условиях) замедляло ход исторического прогресса России. Но как оценивать это явление? Если сопоставлять различные параметры развития России и Запада, то ответ будет тот, что Россия отстала от Запада к Петровской эпохе примерно на 200 лет. Но если учесть, что Россия внесла немалый исторический вклад в создание благоприятных условий для развития Запада, то едва ли правомерно противопоставлять Россию и Запад и относить Россию к разряду отсталых стран, а западные – к передовым. На это обратил внимание еще С.М. Соловьев. Как сторонник единого органического исторического развития (при котором имеет место поступательное движение всех народов к единой цели через одни и те же основные этапы и под воздействием одних и тех же ведущих движущих

сил), он утверждал, что Россия не отстала, а лишь задержалась в своем развитии сравнительно с Западом.

Или другой пример, связанный с новейшей историей. Бурное индустриальное развитие в XIX–XX вв. сопровождалось ростом его неравномерности. В итоге к концу текущего века выделилась небольшая группа стран, в которых сосредоточено менее десяти процентов общей численности населения Земного шара, но производится примерно две трети продукции. Естественно, что в этих странах жизненный уровень населения во много крат выше, чем в остальном мире. Сравнивая эти уровни и представляя наиболее развитые страны как общечеловеческий эталон потребительского общества, чаще всего забывают указать на то, что достигнутый здесь прогресс является результатом в сущности общечеловеческих усилий (или, во всяком случае, усилий многих и многих народов и стран). Ведь те почти три четверти добываемых на Земном шаре и потребляемых этими странами ресурсов произведены с широким, а нередко и определяющим, участием других стран. Иное дело, что эти страны не получали эквивалентной их усилиям компенсации или доли из достигнутых результатов.

Следовательно, общечеловеческий подход к историческому развитию требует четкого разграничения того уровня общеисторического (общецивилизационного) развития, который был присущ той или иной стране или народу на определенном рубеже этого развития, и того вклада, который вносили страны и народы в общечеловеческий прогресс или его конкретные сферы. Такого разграничения часто не делается.

Следствием этого является нередкая недооценка вклада в этот прогресс не только малых по численности народов, но и огромных наций и даже континентов, уровень развития которых по тем или иным компонентам ниже стран, относимых к высокоразвитым. Более того, многое из того, что было несомненным и непреходящим вкладом в общечеловеческое развитие, рассматривается как изжившие себя традиции и пережитки. Едва ли, например, высокоразвитое на Востоке почтение к предкам и уважение к опыту и мудрости старших поколений или бережное отношение к природе и опыт адаптации к экстремальным жизненным условиям народов Севера можно считать утратившим свою общечеловеческую ценность.

Из отмеченного очевидны два вывода. Во-первых, неправомерно историю какой-либо страны или народа выносить за рамки общецивилизационного процесса и, решая задачи их текущего развития, говорить о необходимости их включения в это развитие. Это выглядит особенно нелепо применительно к России, всегда занимавшей видное место в общечеловеческой истории. Во-вторых, нет никаких исторических оснований характер и уровень развития какой-либо группы стран представлять как образец, на который должны ориентироваться другие страны, ибо любой тип общественно-исто-

рического развития в общечеловеческом плане относителен и исторически изменчив. Не являются таким образцом и современные страны высокоразвитого капитализма. К тому же, как теперь стало очевидно, существующий в них уровень развития недостижим в общечеловеческом масштабе, ибо на данной стадии цивилизации для этого не хватит природных ресурсов Земного шара.

Таким образом, общечеловеческий подход позволяет более широко и глубоко рассмотреть многие аспекты общественно-исторического развития. Понятно, что это требует выработки как общих принципов, так и конкретных методов и критериев такого подхода. Представляется, что основным здесь может быть вписывание конкретных исторических событий, явлений и процессов в общую картину мира, соотнесение их с общечеловеческими ценностями.

Так, между историками давно идут споры о сущности просвещенного абсолютизма в России второй половины XVIII – начала XIX в. Одни, сопоставляя его с идеологией просветительства, выражавшего интересы зарождавшейся буржуазии в борьбе с феодальной системой и господством дворянства, рассматривают его как идейное прикрытие сохранения крепостничества и абсолютизма, защиты узкосословных интересов дворянства. Отсюда и соответствующие негативные оценки сущности просвещенного абсолютизма. Другие усматривают в просвещенном абсолютизме определенные конструктивные моменты в эволюции самодержавия, содействовавшие развитию образования и культуры.

Прямое "противостояние" двух указанных подходов не дает решения проблемы. Здесь требуется не их противопоставление, а синтез социального и общечеловеческого взгляда на явление. Очевидно, что в общечеловеческом плане даже простое признание "верхами" необходимости просвещенного (или, как бы сказали сейчас, профессионально компетентного) управления обществом (не говоря уже о его внедрении и тем более о практической поддержке развития образования и культуры) является прогрессивным. Поэтому просвещенный абсолютизм не может рассматриваться лишь со знаком "минус". Однако его нельзя и идеализировать, как это также делается. Будучи в целом конструктивным вкладом в общечеловеческий процесс, этот вклад был социально ограниченным. Он имел ярко выраженную сословно-дворянскую ориентацию.

В целом суть всего отмеченного об индивидуальном, социальном и общечеловеческом в общественно-историческом развитии и соответствующих подходах в изучении этого развития сводится к вообще хорошо известным, но еще слабореализуемым историками двум моментам. Во-первых, индивидуальное, социальное и общечеловеческое в истории должны рассматриваться в их органической и тесной взаимосвязи. Во-вторых, соответствующие подходы к их изучению должны не противопоставляться или заменяться один другим, а взаимодополняться и быть комплексными.

Таковы некоторые замечания о сущности и особенностях общественно-исторического развития и необходимости обновления подходов к его изучению. Практически задачи историков сводятся к хорошо известному, но еще крайне недостаточно реализуемому системному рассмотрению как этого развития в целом, так и отдельных его компонентов. Такое рассмотрение, получившее в начале второй половины XX в. широкое распространение, как известно, требует при исследовании любой системы выявления ее строения, т.е. составляющих ее компонентов всех уровней, анализа ее структуры (взаимосвязей компонентов системы и присущих им черт и свойств), учета функций как системы в целом, так и отдельных ее компонентов, а также тех внешних условий, в которых формируется и развивается система.

Понятно, что реализация указанных принципов в практике исторических исследований требует конкретных теоретико-методологических разработок. В привлечении внимания к настоятельной необходимости такой разработки и состоит основная цель настоящих заметок.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе и книге 3

Предисловие 13

Роль метода в научном познании (*13–16*). Задачи исследования (*16–18*).

Часть первая

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Введение 19

Общий обзор литературы (*19–23*).

Глава 1

Ведущая роль теории и методологии в научном познании 23

1. Теория как форма научного знания 25

Содержательная сущность научной теории и образующие ее компоненты (*25–28*). Классификация научных теорий (*29–32*). Функции научной теории (*32–36*).

2. Методология и методы научного исследования 37

Гносеология – научная теория познания (*37–38*). Место метода в научно-познавательном процессе. Теория и метод (*38–42*). Компоненты и структура научного метода (*42–45*). Научная методология и ее уровни (*45–49*). Типология научных методов (*49–52*).

Глава 2

Место истории в системе наук, особенности объекта и методов исторического познания 52

1. Место истории в системе общественно-гуманитарных наук 53

Объект и предмет научного познания (*53–55*). Предмет познания исторической науки и его трактовка различными направлениями исторической мысли (*55–60*). Соотношение исторического материализма и исторической науки. Дискуссия о “социологических” и “исторических” законах (*60–67*). Социальные функции исторической науки. Проблемы актуальности и эффективности исторических исследований (*67–73*).

2. Субъективное и объективное, возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии 73

Человеческая деятельность – основа общественной жизни (*73–75*). Субъективное и объективное в общественно-историческом развитии (*75–79*). Возможное и действительное (*79–85*). Объективные и субъек-

тивные предпосылки возникновения альтернативных исторических ситуаций (*85–92*). Альтернативность и закономерность (*92–94*). Основные принципы, итоги и задачи изучения исторических альтернатив (*95–104*).

3. Специфика прошлого как объекта познания и ее проявление в историческом исследовании 104

Научное познание – форма социального отражения (*104–107*). Прошлое, настоящее и будущее (*107–110*). Социальное время и пространство (*110–112*). Чувственное восприятие в историческом познании (*112–114*). Ретроспективность исторического познания (*114–118*).

Глава 3

Исторический источник и исторический факт 118

1. Исторический источник в свете учения об информации 119

Основные направления источниковедческих исследований (*119–121*). Социальная информация и ее основные черты (*121–127*). Исторический источник как носитель социальной информации (*127–134*). Учение об информации и классификация источников (*134–138*). Проблемы повышения информативной отдачи источников (*138–140*).

2. Исторический факт. Основные проблемы методологии 140

Исторический факт в буржуазной социологии и историографии (*140–143*). Категории исторических фактов: факты исторической действительности, факты исторического источника, научно-исторические факты (*143–147*). Формирование представительной системы научно-исторических фактов (*147–151*).

Глава 4

Методы исторического исследования 151

1. Общенаучные методы и их место в историческом исследовании 154

Роль общенаучных методов в познании (*151–154*). Соотношение в историческом исследовании исторического и логического методов (*154–159*). Восхождение от конкретного к абстрактному (*159–168*) и от абстрактного к конкретному (*168–173*). Системный подход и системный анализ (*173–182*).

2. Основные методы исторического исследования 182

Историко-генетический метод (*184–186*). Историко-сравнительный метод (*186–190*). Историко-типологический метод (*190–197*). Историко-системный метод (*197–205*). Методы диахронного анализа общественно-исторической реальности (*205–208*).

3. Роль понятий и категорий в историческом исследовании 208

Понятие как форма выражения научных знаний (*208–212*). Категории и их роль в науке (*212–214*). Условия корректного оперирования понятийно-категориальным аппаратом (*214–218*). Роль дискуссий в научном познании (*218–220*).

Глава 5

Структура и уровни исторического исследования 220

1. Постановка исследовательской задачи 221

Научная проблема и ее актуальность (*221–222*). Историографически-методологическое обоснование исследовательской задачи (*223–226*).

Источнико-информационные основы ее решения (*226–229*). Разработка методов исследования (*229–232*).

2. Реконструкция исторической реальности и эмпирический уровень ее познания 232

Взаимосвязь чувственного, эмпирического и теоретического в познавательном процессе (*232–236*). Суть эмпирического знания и пути его получения (*236–238*). Специфика реконструкции объекта исторического познания (*238–244*).

3. Объяснение и теоретический уровень в историческом познании 244

Объяснение как основная задача на теоретическом уровне познания (*244–246*). Виды исторических объяснений (*246–249*). Основные этапы и методы получения теоретического знания (*249–251*). Уровни исторических теорий (*252–253*).

Глава 6

Объективное и субъективное в историческом познании 254

1. Субъективно-социальное: партийность и объективность 256

Объективность как принцип научного познания (*256–257*). Субъективно-социальное: объективность и партийность (*258–262*). Несостоятельность субъективизма и объективизма (*262–265*).

2. Субъективно-индивидуальное в историческом исследовании 265

Роль в научном познании интуиции, воображения и других субъективно-индивидуальных факторов (*265–269*). Степень проявления субъективного на разных этапах научного исследования (*269–271*). Проблемы эстетического восприятия исторической реальности (*271–272*).

3. Проблемы истинности исторического знания 273

Суть проблемы (*273–274*). Метафизические подходы к истинности научного знания (*274–277*). Практика – критерий истинности научного знания (*277–279*). Основные пути проверки истинности исторического знания (*279–286*). Критерии и эталоны научности (*287–291*). Объективная ценность и субъективная оценка научных знаний (*291–293*). Вместо заключения. Общая оценка методологического уровня современных исторических исследований (*293–295*).

Часть вторая

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Введение. Характеристика литературы 296

Пособия по применению количественных методов в исторических исследованиях (*296–301*). Типы исторических исследований, основанных на применении математических методов (*301–304*). Освещение теоретико-методологических проблем применения математических методов в исторической науке (*305–309*).

Глава 7

Место количественных методов в исторических исследованиях 309

1. Математизация научных исследований и ее проявления в исторической науке 310

Математизация и компьютеризация – отличительные черты современной науки (*310–314*). Развитие науки и соотношение тенденций к дифференциации и интеграции исследований (*314–320*). Распространение системного подхода и системного анализа (*321–322*).

2. Место количественных методов в исторических исследованиях 322

Дискуссии о возможности и эффективности применения количественных методов в исторических исследованиях и о соотношении формально-количественного и содержательно-качественного анализа (*322–330*). Условия математизации исторических исследований (*330–332*). Типы исследовательских задач, требующих применения математических методов (*332–337*), и условия успешного их применения (*337–340*).

Глава 8

Формализация и измерение исторических явлений 341

1. Общие проблемы формализации и измерения общественных явлений . 341

Измерение количественных признаков. Единицы измерения (*345–348*). Специфика измерения качественных признаков. Экспертные оценки (*348–351*).

2. Особенности измерения исторических явлений 351

Измерение количественных признаков: проблемы формирования репрезентативных вариационных и динамических рядов показателей (*351–357*). Ошибки и погрешности измерения, восполнение пробелов (*357–362*). Относительные показатели (*362–364*). Измерение качественных признаков. Контент-анализ (*364–369*). Проблемы комплексного измерения количественных и качественных признаков и объединения статических и динамических показателей (*369–373*).

Глава 9

Моделирование исторических явлений и процессов 373

1. Цели моделирования, его этапы и типы моделей 375

Суть моделирования и его цели (*375–380*). Сущностно-содержательное и формально-количественное моделирование, отражательно-измерительные и имитационно-прогностические модели (*380–383*).

2. Структурно-измерительное моделирование исторических явлений и процессов 384

Принципы и методы построения дедуктивных, отражательно измерительных структурных моделей на примере изучения аграрного строя России эпохи капитализма. Сущностно-содержательная модель аграрного строя (*384–386*). Структурные модели капиталистического аграрного рынка (*386–388*), внутреннего строя крестьянского хозяйства по первичным бюджетным данным (*388–397*) и сводным данным земской статистики (*397–405*). Факторный и регрессионный анализ как методы интеграции показателей и оценки роли различных факторов (*405–412*). Отражательно-измерительное моделирование как метод верификации гипотез (*412–416*). Индуктивно-эмпирическое отражательное моделирование. Анализ сознания крестьян в 1905–1907 гг. по данным приговоров крестьянских сходов (*416–420*). Общая оценка возможностей отражательно-измерительного моделирования (*420–423*).

3. Имитационное моделирование в исторических исследованиях 423

Специфика имитационного моделирования исторических явлений и процессов (*423*). Несостоятельность субъективистского контрфактического имитационного моделирования (*423–425*). Возможность и эффективность имитационного моделирования альтернативных исторических ситуаций (*425–428*). Имитационное моделирование как метод гипотетической реконструкции исторической реальности (*428–433*).

4. Многомерная типология в исторических исследованиях 433

Необходимость многомерной типологии в исторических исследованиях (*433–434*). Кластерный анализ как метод многомерной типологии (*434–437*). Многомерная "вероятностная" типология в исторических исследованиях (*437–440*). Комбинационная многомерная типология (*440–445*). Вместо заключения. Условия корректного и эффективного применения математических методов в исторических исследованиях (*445–453*).

Приложение

И.Д. Ковальченко

Сущность и особенности общественно-исторического развития (Заметки о необходимости обновленных подходов) 454